

Библиотека узбекской советской прозы

ВАЛИ ГАФУРОВ

РОМАН,
НАПИСАННЫЙ ИГЛОЙ

Вали Гафуров

Роман, написанный иглой

Это новое издание двух книг Вали Гафурова, человека трудной и удивительной судьбы, потерявшего в результате ранения на фронте зрение, но оставшегося в строю. Это диалогия о Рустаме Шакирове, прототипом которого является сам автор.

Содержание

#1.....	0005
Жизнь-подвиг.....	0006
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	0010
И РАСТАЯЛА, КАК СНЕГУРОЧКА!.....	0010
А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.....	0016
ШЕЛЕСТЯЩИЕ ТРЕУГОЛЬНИЧКИ ЖИЗНИ.....	0025
МАКСУМ-ВСЁ-НЕ-ТАК ПЛЕТЁТ ПАУТИНУ.....	0035
ПЕРВЫЙ БОЙ, СТРАШНЫЙ БОЙ.....	0046
УМРУ, НО НЕ СКАЖУ НИ СЛОВА!.....	0056
БАГРЯНО-ЗОЛОТЫЕ ЛИСТЬЯ ЧИНАРЫ.....	0066
РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ!.....	0081
ДО ЧЕГО ЖЕ ВСЁ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ПРОСТО!.....	0092
ЗАДАНИЕ.....	0108
И СВЕТ ПОМЕРК В ЕГО ГЛАЗАХ!.....	0120
В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ.....	0128
ВО ВЛАСТИ ТЬМЫ.....	0133
РУСТАМДЖАН, ЖИЗНЬ МОЯ!.....	0144
ВИЖУ, ВИЖУ ТЕБЯ, МУХАББАТ!.....	0150
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	0157
БЕСКРЫЛАЯ ПТИЦА.....	0157
ГДЕ ТЫ, КАТЯ?.....	0166
ЕЩЁ ОДИН УДАР В СЕРДЦЕ.....	0171
ЗАПАДНЯ.....	0179
НЕ СДАВАЙТЕСЬ, ТОВАРИЩИ!.....	0183
КЛЕВЕТА.....	0188
ЗОЯ В КИШЛАКЕ.....	0197
ПРЕОДОЛЕННЫЕ ТРУДНОСТИ.....	0203
РАЗОБЛАЧЕНИЕ.....	0211
ВИДЯЩИЕ ПАЛЬЦЫ.....	0219
НЕДОБРАЯ ВЕСТЬ.....	0228
ВСТРЕЧА.....	0233
СМЕРТЬ КАТИ.....	0236
ПЁТР МАКСИМОВИЧ В КИШЛАКЕ.....	0247
НА КЛАДБИЩЕ.....	0264
СВЕТИНО СЧАСТЬЕ.....	0270
ЗАГАДКА.....	0284
В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ.....	0292
ПРОЗРЕНИЕ.....	0299
СВАДЬБА.....	0305
МЕЧТЫ.....	0310
СПАСИБО ВАМ, ДРУЗЬЯ МОИ!.....	0316
ЭПИЛОГ.....	0325
Цветные вкладки-иллюстрации.....	0326

ВАЛИ ГАФУРОВ
РОМАН, НАПИСАННЫЙ ИГЛОЙ
(Дилогия)

«СМЕРТЬ ВОЙНЕ!» — ВОТ ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧЕМ Я ЖИВУ, СОЛДАТ, ПРОШЕДШИЙ ГОРНИЛО СТАЛИНГРАДА, ДОЖИВШИЙ ДО ДНЯ ПОБЕДЫ, НО НЕ УВИДЕВШИЙ ЭТОГО ДНЯ.

Авторизованный перевод в узбекского первой части — «Роман, написанный иглой» — Олега Сидельникова, второй части — «Верная» — Леонида Щербина.

ЖИЗНЬ-ПОДВИГ

Это не предисловие — с анализом произведения, поиском его места в литературном процессе. Просто мне, переводчику «Романа, написанного иглой», хочется представить его автора — Вали Гафурова, человека трудной и удивительной судьбы.

В годы минувшей кровопролитной войны советский народ проявил массовый героизм. Более четырёх десятилетий прошло с той поры, а мы узнаём имена всё новых и новых героев. Подвиги иных не отмечены высокими наградами. Мудро писал в ту тяжёлую годину поэт:

*Страшный бой идёт кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

Имя героев — легион. В песни и поэмы, города и корабли воплотились легендарные Зоя и Александр Космодемьянские, Лиза Чайкина, Николай Гастелло и его товарищи молодогвардейцы, богатыри-панфиловцы, стоявшие на смерть у разъезда Дубосеково, Александр Матросов...

Подвиги бывают разные. Мгновенное напряжение душевных сил — и человек становится легендой. Несколько часов беспримерного боя — и его герои навечно записаны в Книгу истории. Разведчик, охотник за «языками», совершает свой многотрудный подвиг долгие недели, месяцы.

Подвиг Вали Гафурова длится более четырёх десятилетий!

Он родился на окраине Ташкента. Обыкновенный мальчик. Хлопотал с отцом на огороде, играл и проказил со сверстниками. Окончил семилетку, затем — учительские курсы. 1940 год. Ещё совсем недавно он сам учился, а ныне Вали — учитель в сельской школе, укитувчи, муаллим — по-узбекски. Ему всего восемнадцать лет, вся жизнь впереди. Юноша с увлечением занимается с малышами, мечтает о высшем педагогическом образовании.

Грянул грозовой 1941-й. Миллионы патриотов уходят на фронт. И среди них — Вали Гафуров. Бывший учитель становится курсантом пехотного училища, настойчиво овладевает наукой побеждать.

Лето 1942 года. Тяжелейшее положение на южном фронте.

Фашистские полчища рвутся на Северный Кавказ, к Дону, и Сталинграду. Так в не получив лейтенантских кубиков в петлицы, Вали отправляется на фронт. Молодой воин рвётся в бой, его «Дегтярёв» метко разит врага. Вали Гафуров — участник героической обороны Сталинграда. Он славно сражался.

Но не только в этом его подвиг.

... Ещё до рассвета грянул тяжёлый бой. Наши солдаты, одну за другой, отбивают бесчисленные атаки гитлеровцев. Пулемёт Вали Гафурова косит, косит врагов. И вот настала минута, когда загремело, покатилося могучей волной «Ура!», наши батальоны перешли в контратаку. Вали фланкирующим огнём поддерживал бросок своих автоматчиков. Неистовая рукопашная схватка во вражеских окопах... Гитлеровцы дрогнули, побежали! Надо проследовать их, сечь свинцовыми струями.

Вали одним махом выскочил из захваченного окопа, и вдруг совсем рядом вспыхнул нестерпимо яркий огненный всполох — и наступила чернильная тьма.

Долго боролись врачи за жизнь молодого воина, исхлѣстанного осколками. Наконец Вали очнулся. О! Это возвращение к жизни оказалось страшнее смерти. Когда Вали узнал, что зловещая тьма, в которую он погрузился, никогда уже не рассеется, он пришѣл в отчаяние. Был момент... Нет, лучше не надо об этом. Но Вали честно признаѣтся: да, тот страшный момент был, — когда нестерпимой болью налилось сердце и захотелось уйти из жизни.

Он лежал на госпитальной койке, замурованный во тьму. И перед мысленным его взором возникали туманные образы прошлого: лица родных... кишлак, в котором он учил детей читать и писать... крохотная деревушка на косогоре, беззвучный всполох огня, навсегда погасивший в глазах Вали солнечный светлый мир.

Произошло непоправимое. Пока что он может «видеть» прошлое. Со временем и это, внутреннее, видение мира поблекнет, может быть, и вовсе исчезнет. Так стоит ли вообще жить, не лучше ли?..

Нет! Надо, необходимо жить.

Что с того, что придѣтся учиться жить заново, учиться читать на ощупь, видеть на ощупь солнце!

Вали Гафуров идѣт на новый подвиг. Он учится видеть пальцами. читать пальцами. Книги, книги... В них Вали ищет моральную поддержку. Он беседует по душам с Пушкиным и Навои, с Маяковским и Хамзой, узнаѣт об удивительном подвиге Алексея Маресьева. Огромную роль в жизни Вали сыграла его встреча с героем битвы за Москву К. В. Зотовым, слепым... журналистом. Да, да, я не оговорился — слепым журналистом!

Значит, если мобилизовать волю, очень захотеть, трудиться настойчиво, неистово!..

Настольной книгой Вали стала «Как закалялась сталь» Николая Островского, героя гражданской войны, пламенного революционера, большевика, чья судьба столь схожа с судьбой Вали Гафурова.

Вали читал книгу Николая Островского ещѣ до войны, восхищался подвигом Павки Корчагина. Теперь же он читал еѣ по-иному — пальцами, сердцем. И Павка научил Вали подвигу.

Шли месяцы, годы. Вали Гафуров нашѣл своё место в жизни. Он живѣт под Ташкентом, руководит производственным комбинатом Узбекского общества слепых. И ещѣ он — писатель. С детских лет Вали увлекался литературой, пробовал писать стихи, юношей сотрудничал в молодѣжных газетах «Ленин учкуни» и «Ёш ленинчи». То были первые пробы пера. С потерей зрения, казалось, потеряна и мечта стать писателем. Возможно ли повторить беспримерный подвиг Николая Островского!

Вали, однако, почувствовал, что по в силах не писать. Он должен, обязан поведать молодому поколению о простой и прекрасной, трагической и завидной судьбе своих сверстников, свершивших вместе с отцами и старшими братьями в годы Великой Отечественной войны коллективный подвиг.

Вооружившись стальной иглой — «пером» слепого писателя, Вали садится за книгу. Годы адского, изнурительного труда. Исколоты горы картона. И наконец — последний укол, поставлена точка.

Вдумайтесь в величие содеянного им! Человек, незрячий от рождения, живѣт в привычном для него мире понятий и представлений, с малых лет он владеет слепой грамотой, с помощью палочки-поводыря искусно ориентируется в

пространстве. Он не знает иного мира. Но и такой человек, если он отважится написать роман, — достоин восхищения. Как же тогда оценить подвиг Вали Гафурова! Двадцать лет он жил в мире солнца, цвета, красок. Взрыв — и жизнь исчезла, окуталась непроглядной тьмой. Перейти из комнаты в комнату без посторонней помощи — событие, найти самому вилку на столе, не опрокинув стакана, тарелки — событие, овладеть азбукой для незрячих — событие колоссальное!

А Вали Гафуров написал роман!

Но это было лишь началом беспримерного труда. Бесчисленные листы исколотого иглою картона надо превратить в рукопись. И вновь — месяцы кропотливого труда. Ощупывая пальцами всё ещё непривычные дырочки букв, Вали диктует роман для переписки от руки своим близким, друзьям. Даже дети, едва выучившиеся читать и писать, усердно помогают слепому писателю, выводят строка за строкой свои каракули. Сохранившаяся рукопись романа — это не только гимн всепобеждающему труду. Это — гимн Великой человеческой дружбе.

Во время «перевода» романа на шрифт зрячих Вали продолжает совершенствовать рукопись: добивается того, чтобы архитектоника произведения обрела стройность, подчас заново перерабатывает целые главы, шлифует язык романа.

Наконец и эта работа завершена. Теперь надо показать роман опытным литераторам, посоветоваться с ними. Не без душевного трепета переступает Вали Гафуров порог Союза писателей Узбекистана. Что если всё написанное им с таким трудом окажется никому не нужным ворохом бумаги!

Литературный консультант писательского Союза Вахаб Рузиметов, увидев перед собой груды разнокалиберных листочков, испещрённых убористыми буквами, неразборчивой скорописью, каракулями, мысленно схватился за голову. Как всё это прочесть, проанализировать, оценить? Однако стоило ему пробежать глазами страничку, другую, как он уже не мог оторваться от рукописи. Странички повествовали о трагической и прекрасной жизни.

Романом Вали Гафурова заинтересовался известный узбекский прозаик Шухрат. Сам в прошлом фронтовик, прошедший суровую школу войны, он помог автору литературно обработать рукопись, подготовить её к печати. И вот роман «Верная» публикуется в журнале «Шарк Юлдузи», а затем выходит на узбекском языке отдельной книгой. Он сразу же нашёл своего благодарного и многочисленного читателя, увидевшего в герое романа — Рустаме Шакирове — и авторе романа людей, продолжающих бессмертный подвиг Павла Корчагина — Николая Островского.

Казалось бы, все трудности позади, роман увидел свет, теперь можно и отдохнуть. Но не таков Вали Гафуров. Как только возникла проблема перевода его романа на русский язык — он снова весь в работе. Надо переписать некоторые батальные сцены, читатели советуют сделать книгу более динамичной. Лучшее — враг хорошего, поэтому надо работать, работать. Это долг писателя — улучшать свою рукопись. Да и само название романа — «Верная» не вполне охватывает содержание. Роман повествует не только о любви, прошедшей испытания войной. В романе показаны простые люди, стоящие насмерть в борьбе против фашизма, превратившие подвиг в норму поведения.

Так рассуждает Вали Гафуров, продолжая работать над рукописью уже вме-

сте с переводчиком. Он предлагает всё новые и новые варианты глав, делает более лаконичными диалоги, более тщательно выписывает образы героев.

Вот и эта огромная работа завершена. В русском переводе рукопись называется «Роман, написанный иглой». Писатель посчитал, что бывший подзаголовок — подлинное имя его книги. Это название с подтекстом придаёт художественному произведению обаяние достоверности жизненного факта. Жизнь Корчагина не совпадает в мельчайших подробностях с жизнью Николая Островского. Точно так же не следует искать полнейшей аналогии между Рустамом Шакировым — героем «Романа, написанного иглой» и его автором. Художник её фотографирует жизнь, но типизирует её, вместо плоскостного изображения жизненного факта «от сих и до сих» рисует подлинную, объёмную картину, выводя её за рамки так называемого «жизненного случая».

Однако, в отличие от многих художественных произведений, рождённых писательским «вымыслом», роман Вали Гафурова в основе своей мемуарен, герой его и автор имеют между собой много тождеств. И новое название книги — «Роман, написанный иглой», думается, очень точно передаёт эту специфику произведения Вали Гафурова.

Что сказать в заключение, представляя читателю «младшего брата» Николая Островского, Человека с большой буквы, вся жизнь которого — подвиг?

Он написал продолжение романа (вторую часть) — «Верная», переведённую на русский язык Леонидом Щербиным. И эта работа писателя-воина получила признание читателей.

За литературные труды Вали Гафуров награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Ныне издательство предлагает читателям роман-дилогию Вали Гафурова,

Олег Сидельников

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И РАСТАЯЛА, КАК СНЕГУРОЧКА!

Колонна новобранцев пылила по большаку. Шли неловко, то и дело сбиваясь с ноги. Хмурый капитан, перехваченный скрипучей португеей, — начальствующий над командой — ни во что не вмешивался. Он был опытным воином. Что толку надрываться, когда перед тобой не вымуштрованные бойцы, а сборище абсолютно штатских парией.

Всеми своё время. Вот пройдут парни курс молодого бойца — тогда другое дело. Всё будет по уставу. А сейчас пускай себе шагают, как могут. Хоть ползком. Главное, чтобы до вокзала дошагали в целости и сохранности.

Потому и помалкивал капитал. Изредка он кривился, словно у пего болели зубы. Но зубы тут ни при чём. Ветеран Халхин-Гола и финской войны поглядывал на разношёрстную компанию не вполне трезвых новобранцев и страдал. Ну и видик! Кто в куцем пиджачишке и с котомкой за спиной, кто с фанерным чемоданчиком на плече. Даже в полосатых узбекских халатах кое-кто собрался на войну. Хоть и притомились ребята — километров десять по жаре отгрохали! — а всё меж собой тары да тара. В строю, называется. Жареный пехоту вас в одно место не клевал...

Капитан не сердился на «желторотых» (так он в душе называл новобранцев, хотя были среди них и сорокалетние дяди), напротив, он даже сочувствовал им. Он был не только профессиональным военным. Он был ещё и философом. И довольно оригинальным: свои концепции он успешно подводил под ясные, как день, положения уставов.

Вот и сейчас, поразмыслив о превратностях судьбы («Эх, парнишки! Что-то вас ожидает? У кого грудь в крестах, у кого — голова в кустах!»), капитан сделал полезный вывод — главное, чтобы «желторотые» с малой лопатой подружились. Тогда — порядок.

В который раз поморщившись, капитан вдруг заметил паренька лет двадцати, в белом кителе, в сереньких, в полоску, брюках. Новобранец изнемогал под тяжестью заплечного мешка. Намётанный глаз командира сразу же определил, что паренёк этот из интеллигентов, физически ему далеко до знаменитого штангиста Куценко, а в вещмешке у него всякие ненужные лакомства — ненужные, потому что бойцу не пристало быть лакомкой. Это — во-первых. Во-вторых, лакомства мигом слопают другие бойцы, отправившиеся в поход без разносолов в «сидоре». Так что напрасно парнишка старается. А вообще-то парнишка ничего себе. Волосы, стриженные под машинку, чёрные, блестящие, с сизым отливом, лицо как у курортника — бронзовый загар; глаза тёмно-карие, умные глаза. Только вот уши торчат. Да они у всех новобранцев торчат: стриженный человек — ушастый... Приятный призывничок. Таких парнишек обычно в командирские училища направляют.

«Эх, друг! Суждено ли тебе дошагать до Победы? — мысленно вздохнул капитан и мысленно же посоветовал: — Станешь толковым бойцом, тогда, может, и дошагаешь».

По странному совпадению, об этом же думал и кареглазый парень. Очень, очень ему хотелось стать опытным и храбрым воякой, бравым, выносливым

красноармейцем. Он только страшился, что не выйдет у него ничего. Проклятая котомка! Бросить её, что ли? Нельзя. Ребята засмеют. И потом... Мама старалась, жарила, пекла, а ты — бросить!

Паренёк любил думать, размышлять, И сейчас, вспомнив о матеря, загрустил. Он даже оглянулся. Зачем — сам не знал. Просто мама совсем недалеко, если бегом, то через час... Нет, очень далеко. Сколько недель, месяцев понадобится шагать, прежде чем увидишь её? Да и увидишь ли!

Он сбился с ноги, подскочил козлом, стараясь приноровиться к шагу идущего впереди, но в это время задолбил вразнобой ногами весь передний ряд. Парень досадливо дёрнул рукой. И тут вдруг, в самой что ни есть, казалось бы, неподходящей обстановке, в душе его запело одно-единственное слово — «Мухаббат... Мухаббат. Мухаббат!»

Парню сделалось до того горько, что слёзы навернулись на глаза. Он смахнул их вместе с потом. «Мухаббат, Мухаббат!» Доведётся ли увидеть её? Удивительное имя — Мухаббат. Мухаббат — это любовь!

— Ры-ё-тта-а! — раздался вдруг пронзительный голос, восторженный возглас владыки, упивающегося своим могуществом. — Левой!.. Левой. Ать-два. Не тянуть ногу! Взять ногу! Ать-два... Хать-два-а...

Парень встрепенулся, «взял ногу», да и вся колонна вскинулась, подчиняясь неистовой, требовательной команде, мерно забухали ботинки, сапоги, каблуки: «Тух-тух-тух...»

— Хать-два! Хать-два... — торжествовал пронзительный голос.

Новобранцы словно проснулись. Они с удивлением заметили, что давно уже остались позади хлопковые поля, обсаженные ёжистым тутовником, и шагают они не по большаку, а по асфальтовому шоссе, вползающему в пригород Ташкента.

И тут все почувствовали себя солдатами, этакими вояками, прошедшими огни и воды. Колонна выровнялась, вошла в Ташкент. Всё тот же неистовый голос скомандовал:

— Пе-э-эсню!

«Ну, уж! — подумал капитан. — Чего захотел. И того довольно, что идти стали по-человечески». Подумал и... изумился. Родилась песня. Робкий тенорок затянул:

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд...
Грянул хор молодых голосов:
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии опло-о-от!..*

Провожаемые восторженными, жалостливыми, затуманенными слезами надежды взглядами прохожих, новобранцы шагали лихо, с присвистом. «Ай да сержант! — удовлетворённо подумал начальник команды. — Вовремя уловил ситуацию. Психолог».

А «психолог» — белобрысый парень с малиновым» треугольничками в петлицах, в франтоватой гимнастёрке (едва ли на ладонь длиннее пояса!) — самозабвенно печатал шаг впереди колонны. Раньше он шёл замыкающим, внимательно следя за тем, чтоб не отстал никто. В сущности он был таким же «желторотым», как и новобранцы. Пороху не нюхал. Но это — прирождённый воин. Ничто не смущало его. Даже вчерашнее вечернее сообщение Совин-

формбюро об оставлении нашими войсками Севастополя. Всем видом своим сержант выражал готовность действовать: колоть штыком, крутить прикладом, копать окопы, пилить дрова, драить сапоги...

Капитан сошёл на тротуар, как бы показывая этим, что целиком и полностью доверяет команду новобранцев сержанту. Колонна прошагала мимо текстильного комбината, свернула на длинную извилистую улицу и с грозной песней «Вставай, страна огромная!» появилась, наконец, на привокзальной площади. Тут её встретил небритый майор. Встретил как родную — засуетился, замахал руками, захлёбываясь, сказал что-то капитану, тот — сержанту. Белобрысый возопил:

— Ро-о-ё-ота!.. Правое плечо вперёд, шагом... аршшш! — и повёл её на воинскую платформу.

Неподалёку от водокачки бравый сержант скомандовал: «Стой! Ать-два. Напра-а-во!» — кинулся к капитану. Тот махнул рукой: мол, командуй без меня, а отправился оформлять документы. Сержант напыжился, побагровел, словно его схватили за горло.

— Смиррр-па-а-а! — гаркнул сержант и вздрогнул, будто испугался собственного голоса. Вздрогнули и новобранцы, подтянулись, задерживая в груди дыхание, — белобрысый их прямо-таки загипнотизировал. — Вольно! — скомандовал вдруг сержант воркующим, сытым голосом.

«Ну и глотка, — с удивлением подумал парень в полосатых брюках. — Труба, а не глотка. Настоящий карнай!»

Сержант вдруг заговорил человеческим голосом:

— Товарищи мобилизованные! Воинский эшелон пока не подан. Так что время у вас есть. Можете па прощанье потолковать кому с кем надо. Если у кого жёны-невесты... — сержант почему-то застеснялся, покраснел и мгновенно, потеряв воинский лоск, превратился в обыкновенного мальчишку. — Короче говоря... Далеко не расходиться, — он снова напыжился, набряк и, логике вопреки, но согласно Строевому уставу, скомандовал:

— Ррразайди-ись!

На воинской платформе стоял неумолчный гомон. Мобилизованные — безусые юнцы и солидные отцы семейств, — сбившись в группки, обнимали родных и товарищей, украдкой пили «Московскую», пели неестественно громкими голосами, плясали. Провожавшие их женщины деревянно улыбались и лили тихие слёзы.

Парень в кителе, выйдя из строя, не знал, куда податься. Его близкие остались в кишлаке, ташкентские приятели не знают о том, что он здесь. Парень подошёл к сержанту. Просто так, посмотреть. Сержант глянул на него светлыми задиристыми глазами. Вне службы он, видать, был золотой человек.

— Ты чего это так вырядился?

— А? — не понял парень.

— А!.. Ворона-кума. Говорю, вырядился зачем так? Сверху китель-сталинка, а внизу — буржуйские штаны в полосочку.

Грянул оглушительный хохот. Новобранцы рады посмеяться, а тут такой замечательный повод. Сержант, однако, сообразил: хоть и здорово он поддел «интеллигента», а всё же не совсем. Сочетание больно сомнительное. Слов сочетание. Как бы от начальства не нагорело. Он вновь обрёл важный, недоступный вид.

— Ладно. Посмеялись и довольно. Занимайтесь своими делами.

Парень в «сталинке» побрёл прочь, уши его пылал». Опершись о фонарный столб, он глядел на площадь. Она плавала в розоватом тумане. Но вот туман стал рассеиваться, и парень окаменел: со скрежетом подлетел грузовой «газик», из его запылённой кабины выпрыгнула девушка в зелёном платье, остановилась в растерянности, не зная, куда идти...

Он отвалился от фонарного столба, протянул руки вперёд, беззвучно зашевелил губами, на негнущихся ногах побежал. Она увидела, охнула и тоже побежала. И вдруг они остановились, не зная, что сказать друг другу. Девушка, плача и смеясь, произнесла:

— Вот и я, Рустамджан.

— Мухаббат... Мухаббат! Как же это, откуда?

— Села на попутную машину и...

— Мухаббат! — всё повторял и повторял Рустам. Он как-то совсем отчётливо сознавал, что, произнося имя девушки, говорит и о своей любви. Мухаббат — это любовь.

Он смотрел и не мог наглядеться. Глаза — чёрные миндалины, мягкие черты лица, тронутого солнцем; брови вразлёт, густые ресницы поседели от дорожной пыли.

— Как же так? Мы попрощались...

Парень заметил, что Мухаббат в туфлях на высоких каблуках. Ой-бо! Да ведь она не случайно здесь. Эти туфли, должно быть, специально взяла на полевой стан и с хлопкового поля — напрямик сюда. Хотела сделать сюрприз. О Мухаббат!

Тут только он обнаружил, что в руках девушки — букет полевых цветов. Родная!

— Рустам-ака, не сердитесь на меня.

— Сердитесь! Да я готов на руках тебя носить, Мухаббат. Вслух же он сказал, теребя в руках невесть откуда взявшийся носовой платок:

— Сердиться? Вы... — Рустам побледнел от переполнявших его чувств и тихо добавил: — Соловейчик мой прилетел.

Она расцвела в улыбке, потупилась.

И лишь сейчас они приблизились друг к другу, взяли за руки. Букет полевых цветов разделял их. От него исходил щемящий запах простора, приволья.

Новобранцы, провожающие поглядывали на эту пару с нежностью и сочувствием. Даже бравый сержант, которого не очень-то смутило падение Севастополя, совсем гражданским жестом сдвинул на глаза пилотку и вздохнул

— Соловейчик, — тихо повторил Рустам.

Сержант удивился. С ним на курсах младшего командирского состава учился один шустрый малый по фамилии Соловейчик. Тоже мне, выдумал нежное имечко для любимой! Они, правда, влюблённые — народ чумовой. Ещё и не такое придумают, рыбками-птичками величают друг дружку.

Не знал сержант, что Соловейчиком ласково называют Мухаббат в колхозе и стар и млад. За звонкий её голос, за ласковый характер. Именно — Соловейчиком. Не соловушкой. не соловьём, а Соловейчиком. Причём по-русски. Так уж прижилось. Не совсем грамотно, может быть, с точки зрения знатоков русского языка, зато от души.

И ещё подивился сержант тому, что парень с девушкой говорят друг другу

«вы». Это удивляло и самих влюблённых, особенно — Мухаббат. То, что она говорит ему «вы», — понятно. С древнейших времён повелось, чтобы узбекская женщина говорила мужчине «вы» — знакомому ли, постороннему, брату, мужу — всё едино. Но почему Рустамджан обращается к ней на «вы»? Два года встречаются! Весь колхоз с нетерпением ожидал, — когда же, наконец, свадьба. Один лишь старый Максум — дядя Мухаббат — не сочувствовал этой чудесной паре. Даже препятствовал; в прошлом году умудрился расстроить свадьбу: мол, ещё молода Мухаббат.

Отчего же они до сих пор на «вы» — от избытка нежности, что ли?

Рустам перехватил поудобней букет.

— Спасибо, Соловейчик. Только не надо плакать, — он взял Мухаббат осторожно за локоть и отвёл к скамейке. — Ну, ну же... улыбнитесь. Я хочу запомнить вас весёлой, улыбающейся.

Мухаббат вымучила улыбку и смахнула с лица слезинки.

— Вот так, умница. Хорошо.

Девушка вдруг закрыла лицо руками. Плечи её затряслись от беззвучных рыданий. Рустам растерялся, стал утешать Соловейчика, и как-то само собою вышло, что голова Мухаббат очутилась на его плече. Соловейчик лепетала не разобрать чего. Горевала. Парень, сам чуть не плача, бормотал:

— Ну же... Не надо. Вот я вернусь, и мы поженимся,

— Зачем мы раньше не поженились?!

Об этом Рустам мог говорить часами. Ещё бы! Ему не знать — почему? Дядя не позволил, Максум-бобо! Парень надеялся, что хоть перед отъездом в армию получит согласие грозного дяди. Куда там! Затряс Максум своей козлиной бородой, скособочился от гнева: «Зря по пятам моей племянницы не ходи, сапоги стопчешь. В загс ему захотелось!.. Фиолетовую печать в паспорт. Да ещё накануне армейщины! Новая мода — вдов штамповать в загсе. А ну, проваливай, учитель. Навострился там, в городе. Иди лучше своих сопляков учи. Дважды два — четыре!»

И чего старик на него, Рустама, взъелся? Ну — учитель. Окончил учительские курсы, заочно учатся в пединституте. Что тут плохого? Просто облюбовал старик другого жениха для племянницы. И добро бы стоящего, а то так — прощельгу.

Парень осторожно, словно невиданный хрусталь какой, погладил девушку по плечу.

— Не надо... Всё будет хорошо.

Она подняла на него глаза.

— Да, хорошо, — и тут же словно прочитала его мысли: — А на дядю не надо обижаться. Он человек старый. Не то что замуж — до сих пор ворчит, что я без паранджи хожу. — Она не выдержала, рассмеялась. И Рустам рассмеялся. Выдумает же старик Максум!

— Не сердитесь на него, Рустам-ака. Всё-таки он мой дядя. А во мне можете быть уверены. Буду ждать до победного дня. И ещё дольше. Хоть всю жизнь.

— Я вернусь, обязательно, непременно вернусь, Мухаббат, родная моя, честное слово! — заторопился Рустам и мучительно покраснел, понимая, что говорит по-мальчишески, глуповато даже. Ну, где у него гарантия обязательно и непременно вернуться с войны? На войне убивают. Сотни, тысячи таких, как

он, ежедневно уходят из жизни.

Рустам помолчал, заговорил по-другому, — напрямик, жестоко.

— Обязательно вернусь — это я слишком. Да, могу и не вернуться. Но не хочу в это верить. Ждите меня, Мухаббат. Горе нынче вошло почти в каждый дом. Врага надо бить! Пока он бьют нас. А надо — его, его! Это мой долг — воевать.

— Я понимаю... Тяжело расставаться. Но вы не обращайтесь на это внимания. Я буду ждать вас.

— Спасибо. Верю. Маму мою не забывайте.

— Ой!.. Как можно? Тётушка Хаджия... Теперь у меня две матери: моя и тётушка Хаджия.

— Спасибо, Соловейчик!

Солнце палило немилосердно. Рустам решил поискать местечко попрохладнее. Они подошли к навесу возле водопроводной колонки. Желающих освежиться было хоть отбавляй В очереди за водой Рустам заметил Ибрагима, здорового парня, студента физкультурного института. Они познакомились в военкомате. Возле Ибрагима, курившего папиросу, с достоинством горевал старик с белоснежной бородой — отец, должно быть.

Взявшись за руки (они так и не напились, надоело торчать в очереди). Рустам и Мухаббат молча прогуливались по платформе. Букет донимал парня. Он опускал его к земле, и букет выглядел веником, поднимал кверху — получалось, вроде бы жених с невестой идут. Рустам сунул букет под мышку — ещё хуже: шагает человек из русской бани. Вот ещё беда!

Мухаббат поняла, смеясь, взяла букет. В её руках букет выглядел просто здорово. Молодец. Мухаббат, умница.

Они прохаживались и молчали. Столько хотелось сказать! А они молчат. Может, это и хорошо? Разве могут они выразить свои чувства словами?

К пяти часам подали, наконец, эшелон — длинную вереницу товарных вагонов. Как из-под земли появился бравый сержант, быстренько навёл порядок, доложил хмурому капитану. Перед посадкой в вагоны провожающие ещё теснее обступили новобранцев. Кое-кто заплакал навзрыд, истошно заголосила женщина, другая, третья...

Рустам смотрел на Мухаббат, и в душу его вдруг заполз знобящий ручеёк страха. Нет, он не боялся за себя. Как можно погибнуть в двадцать лет, когда до старости целое бессмертие! Он дрогнул душой, испугавшись предательской мысли: «Дождётся ли меня Мухаббат, дождётся ли?»

Она прочитала в его глазах немой вопрос.

— Верьте мне, — произнесла Мухаббат беззвучно, одними губами.

Рустам устыдился своих сомнений, покраснел, побледнел.

И тогда Мухаббат ошеломила его. Она взяла его за руки:

— Верь... Верь мне, Рустамджан.

Её антрацитовые глаза улыбались. И вдруг они стала стекленеть как у умирающей. Завыли женщины. Кто-то толкнул Рустама в бок, кто-то орал: «Возвращайтесь с победой!», в вопли и крики врезалось жуткое веселье духового оркестра — он грянул «Катюшу». Откуда ни возьмись появился сержант — беззвучно кричащий что-то, бешено жестикулирующий. Он схватил Рустама за руку, потащил, и лишь тогда парень сообразил, что эшелон уже медленно плывёт вдоль платформы.

Рустам засуетился, кинулся к Мухаббат, неловко чмокнул в щёку, рванулся к вагону. Его схватило множество рук, он очутился в душном полутёмном ящике, тут же пополз к двери, но не смог пробиться. Тогда он вскочил на нары и высунулся по пояс в окошко. Сердце его бешено колотилось.

Паровоз прибавил ходу. Толпа под звуки «Катюши» бежала по платформе, размахивая кепками, платочками, косынками... Вот упала женщина... У долговязого парня, бежавшего за эшеленом, свалился ботинок о ноги; долговязый остановился на мгновение, смешно всплеснул руками и кинулся дальше, за своим вагоном... Разодранные криком рты... Дети машут ручонками, как на демонстрации... Боже, сколько детишек!.. Мухаббат не бежала. Она стояла на платформе одинокая, бессильно опустив руки, и таяла, таяла, таяла — как волшебная Снегурочка из русской сказки.

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мухаббат толком не помнила, как вновь очутилась в кишлаке. Кажется, Мехала на чём-то, потом шла, шла... Как во сне. Очнулась возле порога своего дома.

Вошла во дворик. Мать, увидев её, поднялась с супы.

— Ну, дочка, уехал?

Она кивнула и почему-то стала рассказывать о женщине с плачущей девочкой на руках. Эшелон давно скрылся из виду, а девочка всё кричала: «Папочка, не уезжай! Куда ты, папочка?»

Выслушав горестный рассказ Мухаббат, мать вздохнула, концом головного платка утёрла глаза.

— А ты бы утешила их, дочка, сказала бы, что отец обязательно вернётся жив и здоров, с победой.

— Я сказала.

— Скинь туфли-то модные, небось натёрла ноги, а? Надень кавуши... Бедняжка Хаджия-апа! Как же это она теперь без сына, без Рустама? Мужа бог прибрал, а нынче вот сын уехал.

Мухаббат промолчала. Мать тоже хороша. Послушалась дядю Максума, не разрешила выйти замуж за Рустама, а сейчас, видите ли, ей жаль его матушку. Ничего, тётушка Хаджия проживёт и без её жалости. Теперь она для меня всё равно что мать.

Опустившись на курпачу, Мухаббат задумалась. Ну зачем я так о родной маме! Ну, вышла бы я замуж — всё равно Рустамджан уехал бы. Ох, Рустам, Рустам!

— Давай, доченька, ужинать. С утра ведь во рту маковой росинки не было. Я машкичири приготовила. Вкусная! Поешь, а после к тётушке Хаджие сбегаешь. Заждалась небось тебя, бедняжка.

Машкичири! До еды ли сейчас? Ох, Рустам! Всё дальше, дальше от меня...

Через силу проглотив несколько ложек, Мухаббат стала собираться к тётушке Хаджие. Только через порог — навстречу дядя Максум.

— Здравствуй, племянница. Куда это ты, на ночь глядя?

Пришлось вернуться. Нельзя родственника обижать. Тем более дядю Максума. Он — старший брат покойного отца и поэтому считает долгом не только о своей семье печься, но и о семье Ашурали — младшего брата своего, покойного. Гаков освящённый веками обычай.

Максум-бобо от угощения отказался. Только чаю спросил. Присел на курпачу, достал крохотную тыквочку с насваем, сунул щепоть под язык, причмокнул.

Мухаббат украдкой поглядывала на него. Что-то скажет дядя? С ним ухо остро держать надо. Недаром Рустам говорил: «Может, дядя Максум и хороший человек, но когда я вижу его, сердце поёт». Девушка ещё разок скосила на Максума глаза. Ну и видик! Весь жёлтый... Коломенковый яктак желтоватый; крючковатый нос с желтизной, козлиная борода с проседью, но седина — жёлтая. Даже глаза — цепкие, властные — и те жёлтые.

Между тем, старик словно забыл о невестке и её дочери. Потешив себя насом, молча и торжественно принялся за чай. Не спеша выпил одну пиалу, вторую, третью. Вытащил большой зелёный платок, отёр лоб, шею. Мухаббат подивилась зелёному платку. Ей казалось, что у дяди и платок обязательно должен быть жёлтый,

— Хош, — нарушил, наконец, молчание Максум. — Жарко сегодня было, как в аду. Я верно говорю?

Тётушка Санобар с дочерью согласно закивали головами.

— Хош... Но жаркое солнце полезно для хлопка. Я прав или, может быть, ошибаюсь?

Мухаббат вновь кивнула. Матушка же её ещё прибавила:

— Истинные ваши слова, домулла-ака.

— Хош... Ну, как поживаете, как здоровье?

— Хорошо. А как ваше здоровье, домулла-ака?

Вежливый вопрос о его собственном здоровье Максум пропустил мимо ушей. Повернувшись к Мухаббат, произнёс с нотками тревоги в голосе:

— Слышал я, что ты, дочка, сегодня раньше времени с работы ушла. Уж не заболела ли, упаси господи?

Девушка поняла, куда клонит хитрый старик, зарделась. Ей захотелось осадить дядю, сказать ему резкость. Но вмешалась мать.

— Мухаббат ездил в город. Она ведь звеньевая, начальство. Вот и приходится ей хлопотать... Мухаббат, доченька, принеси с веранды лаган с виноградом.

Мать от греха подальше решила отослать Мухаббат. Девушка ушла, но с веранды всё слышно, что говорят во дворе. Интересно, что теперь преподнесёт дядюшка?

Максум ещё налил себе чаю, помолчал... в вдруг промолвил зло:

— В город... В город! Боюсь, как бы не стала Мухаббат бродяжкой. Не доведёт до добра этот город. Ты, невестка, не понимаешь. Недаром же древняя мудрость гласит: «У женщины волос долог, а ум короток». Как можно девушке одной ездить в город?! Сейчас у всех глаза кровью налиты. Вот недавно, слышал я, один прощельга порезал женщину. Хорошо это, а? Как по-твоему?

Тётушка Санобар стоически перенесла эту тираду. Она вообще привыкла терпеть Максумовы наскоки.

— Мир велик, домулла-ака, всякое в нём бывает. А о дочке моей не беспокойтесь. Умница она. Что — город? Разве, кто в город ездит — тот бродяжка? Вы ведь тоже в город наведываетесь.

Максум поперхнулся чаем. В другой бы раз он устроил скандал, но сейчас почему-то сдержался. Отставив пиалу, сказал:

— Мухаббат мне всё равно что дочь. Потому и беспокоюсь. Родственники — что пальцы на руке: какой ни порежь — всем больно. В город она, видите ли, ездила! Хм, как его... Учитель. Кажется, на фронт укатил? Слышал я краем уха.

Мухаббат до боли прикусила губу. Ей хотелось сбежать с веранды, закричать прямо в жёлтые глаза Максума: «Да, уехал, уехал Рустам. На фронт! Я сама его проводила и обещала ждать его. Всю жизнь!»

Мать вновь опередила Мухаббат.

— Ваша правда, домулла-ака, может быть, и отправился учитель воевать. Хороший, значит, человек, коли на фронт уехал. Плохих людей воевать не берут.

— Много ты понимаешь. Воевать любых берут. Лишь бы воевал! Впрочем, об учителе я ничего плохого сказать не хочу. Мне даже жаль его.

С лаганом, наполненным гроздьями винограда, подошла к супе Мухаббат. Делая вид, будто не знает, о ком речь идёт, спросила:

— А мне можно послушать?

Дядя улыбнулся, показав жёлтые лошадиные зубы.

— Отчего же нельзя? Послушай. Мирабид сказал мне, будто учитель этот... Как его! Рустам, кажется?.. На фронт уехал. Замечательный парень!

Мухаббат готова была расцеловать дядю. Всё-таки он симпатичный старик. Слышал бы его слова Рустам!

— Да, — подхватила девушка, — Рустам...

Максум спустил её с небес на землю.

— Рустам, Рустам! — произнёс старик ворчливо. — При чём тут Рустам? Я о Мирабиде говорю. Замечательный парень. Такого парня поискать надо. Вежливый, обходительный, уважает стариков. И ко всему — заведует магазином. Дом новый отстроил, состоятельный человек. Даром, что молодой.

В бессильном гневе Мухаббат кусала губы. А дядя, как ни в чём не бывало, продолжал, обмахиваясь зелёным своим платком:

— Смотрю я на тебя, дочка, и душа моя кровью обливается. Всё-то ты в хлопотах, в беготне. Ещё бы — звеньевая. А время нынче ого-го до чего тяжёлое. Война! Не так что сделаешь — под суд. Девичье ли дело руководить звеном?! Опасно, тяжело и неприлично. Вот! Целыми днями то с бригадиром, то с райсом, то с самим секретарём райкома. Девушке с мужчинами общаться неприлично. Люди и так уж поговаривать стали.

Мухаббат вся кипела от гнева. Мать, однако, сдержала её, тайком дёрнув за рукав. Максум продолжал:

— Мухаббат, я заменяю тебе отца. Если бы покойный Ашурали мог подняться из могилы... О аллах!.. Моими устами глаголят уста покойного Ашурали. Я не говорю, что нельзя совсем... Просто тебе ещё рано быть звеньевой. Что, мужской род совсем, что ли, вымер в кишлаке? Знаю, скажешь, молодёжь на войне. Согласен. Но ведь есть мудрые старики!.. Бросай звено. Разумный человек высоко не забирается. С высоты падать больно. А ты карабкаешься.

Тётушка Санобар хотела возразить, но сникла под грозным взглядом Максума. Мухаббат, бледная от гнева, тихо сказала:

— Я и советуюсь со стариками. Если молодые девушки сейчас, когда гремит страшная война, не станут помогать Родине, то... то грош им цена. Вы же, дядя Максум, читаете газеты, слушаете радио. Девушки совершают подвиги и в тылу, и на фронте.

— Радио, радио! — перебил её старик. — Послушать радио — мы бьём фашистов. Неизвестно тогда, кто города врагу оставляет. Ты лучше меня слушайся. Взята, твоё звено, подружек твоих. У кого мужа на фронт взяли, у кого — жениха. Потому у подружек твоих нынче мозги наперекосяк. О чём только не думают — только не о работе. Попортят посевы, а кто в ответе? Ты!

Старик долго молчал, нервно жуя кончик бородки, — утихомиривал свой гнев. Наконец поднялся с супы и направился к выходу. На пороге обернулся.

— Я старый человек. Мне всё равно — одной ногой я уже в могиле. Мне даже немытую рубашку тяжело носить... Я добра желаю Мухаббат, а она перечит. Нехорошо. Стариков уважать надо. Вот Мирабид — совсем другой человек. С него пример брать надо.

Последнюю фразу он как-то особенно голосом подчеркнул. И поняла Мухаббат, что не случайно сегодня забрёл к ним дядя Максум. И зачем именно пришёл — поняла.

И ей стало страшно, тоскливо. Ох, Рустам, где ты!

Она вспомнила, что собиралась навестить мать Рустама. Выждала, когда заглохли шаги дяди, и выскользнула на улицу. Подбежала к знакомой калитке с резной дверцей.

Тётушка Хаджия (до чего же она похожа па Рустама, а вернее. Рустам похож на неё!) отворила тотчас же. Словно стояла возле калитки, ждала. Увидев Мухаббат, заплакала.

— Уехал, да?.. Уехал?

— Уехал.

— Ну, конечно, как же иначе? Я понимаю. Только сердце попятить не желает. Целый день ждала — вдруг вернётся, вдруг поезда нет! Обед ему сготовила... Проклятый Гитлер! Хоть бы и у тебя детей отняли.

— Нет у Гитлера детей, тётушка Хаджия. Лекцию в клубе позавчера читали. Бездетный он, изверг.

— Конечно, нет. У такого кровопийцы — и вдруг дети! Это я просто так сказала. Гореть ему в аду, проклятому! погоди, доченька, я сейчас ужинать накрою, всем троим. Хорошая примета — подать всем: и присутствующим, и... — она запнулась, вновь всхлипнула.

«Бедная тётушка Хаджия!» — подумала Мухаббат, глядя на ещё красивое, но измождённое лицо, на лихорадочно блестящие глаза её.

Опять пришлось девушке насильно съесть несколько ложек. Из уважения к матери дорогого человека. Поен, они долго молчали. Мать боялась спрашивать, Мухаббат не знала, с чего начать. Наконец тётушка Хаджия не выдержала:

— Ну как, всё благополучно?

— Всё благополучно, — Мухаббат горько усмехнулась. О каком благополучии можно говорить, если Рустам уехал на фронт, туда, где убивают. — Велел обнять вас.

Мухаббат обняла женщину, и та так и прильнула к ней, словно к сыну.

— Что ещё говорил Рустамджан?

— Сказал: обязательно вернусь, непременно!

— Слава богу. Слава богу!.. Спасибо, доченька. И за то, что пришла проводить, спасибо.

— Мама позволила мне переночевать у вас. Можно?

— Хорошие вы мои! Соловейчик мой золотой. Спасибо! Ты мне теперь и дочь, и сын. Как зеницу ока беречь буду... Вот попьём чаю и ляжем спать. Слышишь, самовар гудит? Добрая примета. Вернётся Рустамджан, обязательно. Уж если он чего обещал...

О святое материнское хвастовство!

После чая Мухаббат помогла тётушке Хаджие вымыть посуду, убрала с супы столик на низеньких ножках. Стали стелить на ночь. Мать Рустама то и дело благодарила Мухаббат, а за что?.. — Безмерна материнская благодарность. Мухаббат видела её сыночка — и за это великое спасибо.

Они долго ещё разговаривали. Вспомнили старшую дочь тётушки Хаджии, живущую с мужем и детьми в Коканде. Тётушка повеселела.

— Джамия тоже у меня хорошая. Пишет, моя, приезжай погостить, мама. Очень я её люблю. А внуков — и того больше. Эх... Раньше всё за Джамиллю сердце болело. Теперь вдвое сердцу горюшко.

— Не горюйте. Джамия живёт хорошо. А Рустам приедет. Обязательно приедет.

— Ты правду говоришь, доченька? Спасибо, спасибо тебе!

Так проговорили до глубокой ночи. Наконец тётушка Хаджия забылась в тревожном сне. Мухаббат лежала не шелохнувшись, — боялась разбудить пожилую женщину, добрую, родную. Страшная мысль не выходила у неё из головы: «Что-то будет с Рустамом. Ведь война — это кровь, смерть! Судьба, судьба моя! Не лишай меня счастья».

Ночь окутала кишлак. Мухаббат глядела на небо, вышитое крупными бисеринками звёзд. Девушка приметала одну яркую-яркую звёздочку. «Эта будет нашей звездой, — подумала Мухаббат. — Когда вернётся Рустам-джан, я покажу ему нашу звёздочку».

Звёздочка вдруг стремительно покатила по небосклону, прочертила яркую полосу и растворилась.

— Ай! — вскрикнула Мухаббат. — Она знала о примете: упала звёздочка, значит, человек умер. — Рустам... Не надо!

Проснулась тётушка Хаджия.

— Что с тобой, доченька?

— Ничего. Жука испугалась.

— Милая моя. Усни, усни, Соловейчик.

Но уснуть они уже не могли. Скоро занялся рассвет — сперва нежно-розовый, а потом багровый, как гигантский пожар.

Он полыхал на востоке, за тёмным строем тополей. У Мухаббат защемило сердце: жуткий, великий пожар войны полыхает на западе, тысячи жизней пожирает он!

Девушка вскочила с курпачи, заторопилась.

— Куда ты, доченька, — удивилась тётушка Хаджия. — А как же чай?

— Боюсь опоздать, тётушка, чаю в поле поплю. Работы много, а людей мало. Спешить надо.

— Да продлится твоя жизнь, доченька. Истинные твои слова. Мало нынче людей. За двоих, за троих работать приходится. Война проклятая. Нынче все воюют; кто на фронте, а кто в тылу. Я вот тоже воевать собираюсь. Примешь в своё звено, а?

— Зачем вам? Сами управимся.

— А мне Рустамджан наказывал: «Мама, вы бы к Соловейчику в звено пошли. Дома одной скучно, время медленно тащится, как арба. А в звене Соловейчика весело, дружно. Поработайте, а? Всё помощь фронту. Знаете пословицу: «Каждый волосок — верёвке помощь».

— Вот как? — улыбнулась Мухаббат.

— Так и сказал, я слово в слово запомнила. И ещё добавил: «Не только ты, мама, хорошо бы и другим пожилым женщинам помочь девчатам». Ты скажи, Соловейчик, своей матушке. Может, и она разохотится.

— Хоп, обязательно скажу. До свидания, тётушка Хаджия!

Мухаббат вышла на улицу, миновала дом, другой, слышит — зовут:

— Подождите, Соловушка!

Она сразу же узнала голос Мирабида, да и только он один называл её «Соловухой», остальные — «Соловейчиком». Обернулась — он самый. Тощий, сутулый, висячий нос, хромой ногой землю чертит, смешно так, вроде расписывается. Внешне страшнее шайтана, а на язык остёр. И краснобай к тому же. Обожает звучные слова и щеголяет ими к месту и не к месту. Поймав взгляд Мухаббат, расцвёл в сладкой улыбке:

— Здравствуйте, прекрасная пери! Куда путь держите?

— Известно — куда, в поле.

— Похвально. Труд облагораживает человека. Очень сожалею, красавица, но я вчера не смог проводить Рустамджана. Собрался было, и вдруг — катастрофа!

— У вас несчастье, что случилось? — Мухаббат остановилась от неожиданности.

— Нет, слава всевышнему, несчастье пока обходит меня стороной. Просто вызвали в сельпо за новым товаром. Кстати, есть галоши, как раз на вашу крохотную ножку. Дефицитнейший товар. Но для вас... Заходите к концу дня — обеспечу ваши постоянно растущие потребности... ха-ха!..

Мухаббат стало смешно. Молодой парень, а как старик — подарками заманивает. А говорит-то до чего забавно!

— Нет уж, я зайду, когда у вас бархатное пальто в магазине появится. Тогда, пожалуйста, — съехидничала девушка.

Мирабид принял её слова за чистую монету. Вспотел аж от избытка чувств, щёки его покрылись красными пятнами.

— Пальто бархатное? — оглядел Мухаббат профессиональным взглядом. — Так-с... Сорок восьмой размер... Будет. Обязательно достану. Мирабид всё на свете достать может!

— И любовь? — коварно спросила Мухаббат.

Мирабид засопел. Пробурчал обиженно:

— Всё шутите. Злой у вас язычок, Соловушка. А отчего? Очень много работаете. От работы не то что люди — кони свирепеют. Шли бы себе домой, шили, вышивали, а о колхозе пусть начальники думают, у них головы-во! — Мирабид показал руками головы начальников. Поймав взгляд девушки, струхнул. «Ещё ляпнет где-нибудь, заведут на меня дело!» — Насчёт голов я, милая пери, пошутил. А что касается колхоза, то о нём, конечно же, нам всем думать надо. Наше дело — фронту помогать.

«Ба! — подумала Мухаббат, — да ты, оказывается, отчаянный трус. «Фронту помогать!..» Чья бы корова мычала». Вслух же произнесла:

— Прощайте, властитель галош. Мне надо спешить— вдохновилась вашими пламенными речами.

Мирабид долго смотрел ей вслед. Вздыхал, чмокал толстыми губами.

На полевом стане Мухаббат уже ждали. Маленькая, кругленькая, как колобок, Кумри со всех ног бросилась к Мухаббат.

— Уехал, да? Уехал?

— Уехал, милая. А как твои дела?

У всех теперь дела одинаковы. Вчера ещё два парня из нашей бригады повестки получили. Жениха нашей Каромат знаешь?.. Уезжает. И мо... Мой Сабирджан тоже, — Кумри пригорюнилась. — Завтра уезжает Соловейчик, родненькая, я сегодня изо всех сил поработаю, а завтра ты меня отпусти, ладно? В город поеду, провожать.

— Езжай, милая. У всех у нас одна дорога — до города.

— Ой, спасибо!.. Соловейчик, золотко, только ты никому не говори, что я в город поеду. Мой отец совсем забыл, что такое-любовь. Знай одно долбит: «Все эти новомодные шуры-муры баловство и разврат. От этой самой любви все бесстыдства и происходят», — Кумри не выдержала, хихикнула: — Вот смешной! А меня-то он как на свет произвёл — с помощью молитв?

Девушки прыснули. Вот так Кумри!

Кумри совсем разошлась.

— А что, что, я неверию оказала? Старики забывают о том, что когда-то сами были молодыми. И от жизни отстают. Факт! И ещё упрямые они ужасно. Но я всё равно на своём настою. Выйду замуж за Сабирджана. Вот посмотрите. А то что же это получается? Является отец и говорит: «Я тебе, доченька, жениха подыскал». Он, видите ли, мне подыскал жениха! Как вам это нравится? Царский режим, что ли? И добро бы — стоящего жениха! А то что ни кандидатура — типичное утильсырьё!

Девчата так и покатались со смеху. Ай да Кумри!

Мухаббат положила конец веселью.

— Ладно, девушки. Пора вспомнить мудрую пословицу: «Делу время, а потехе — час». За работу, красавицы. Чем лучше мы будем трудиться, тем скорее вернутся наши суженые.

Взяв в руки кетмени, девушки зашли в заросли хлопчатника.

Богатый нынче удался хлопок! Вот только работников мало, ох, до чего же их мало!

Полчаса спустя подошли на помощь мать Мухаббат и тётушка Хаджия. Ещё чуть погодя появились две старушки. Девушки встретили их радостными возгласами. А непоседа Кумри даже расцеловала тётушку Хаджию и торжественно обещала ей «скорое возвращение домой с победой Рустама-палвана».

Пожилая женщина была растрогана до слёз.

— Спасибо, милая, на добром слове. А благодарить за то, что работать мы пришли, не надо. К чему нам, пожилым, в четырёх стенах сидеть? А у вас в звене весело.

— Ещё как весело! Особенно, когда наш Соловейчик песни поёт. Серебряный голос так и звенит... Соловейчик, родненькая, спой нам, пожалуйста!

Мухаббат не заставила себя долго ждать. Ей самой хотелось петь. Только вот весёлые песни на ум не шли.

— Можно, я спою грустную?

— Пой, милая. Весёлые песни после победы послушаем. Пой.
И Мухаббат запела — тихо, проникновенно:

*Голубка плачет горько, горя не тая:
«Ох, улетел мой милый в дальние края.
Но всё равно его люблю, люблю, люблю...
А если разлюбил, — пускай погибну я!»*

Девушки, их матери упивались прекрасным голосом Мухаббат, проникновенными словами незамысловатой песни. Пожилые женщины вспоминали молодость, девушки — женихов своих.

Мухаббат кончила песню. Все молчали. Молчание нарушила женщина в парандже без чачвана — Хал-буви:

— Поистине волшебница! Голосом ты, девушка, — родная сестра Халимы... И нечего краснеть. Поёшь, как сама Халима Насырова.

Девушки, растроганные песней, плакали украдкой и вытирали глаза копчиками платков.

Кумри сказала Хал-буви:

— Шли бы вы домой. Завтра ваш сын, Касымджан, уезжает в дальние края. Собрать его надо в путь-дорогу.

Старушка вздохнула.

— Эх, доченька, со вчерашнего дня всё уже приготовлено.

Снова принялись за работу. Солнце, вскарабкавшееся на самую верхушку выцветшего от жары неба, палило немилосердно. Это только со стороны, поэтам, весело смотреть на колхозниц и сочинять о них всякие пустяки, вроде: «Жемчужный пот струится по её ланитам...»

Издали донёсся звон рельса — звали на завтрак. Девушки мигом закинули на плечи кетмени и направились к полевому стану. За ними потянулись пожилые женщины.

На полевом стане собралась вся бригада. Усталые люди находили ещё в себе силы шутить.

Мухаббат посмотрела на огромный куб с кипятком, исходивший паром, и загрустила. Куб напомнил ей паровоз, тот самый, что увёз её суженого далеко-далеко. Сабирджан, парень Кумри, держался торжественно. Он сделал таинственный знак Мухаббат и принялся что-то писать в блокноте. Вырвав листок, сложил его вчетверо и вместе с пиалой чая тайком передал Мухаббат записку для Кумри.

Звеньевая прикрыла ладонью рот, чтобы скрыть улыбку. Смешной этот Сабирджан. Весь колхоз знает о его любви к Кумри. Один лишь её отец находится в счастливом неведении. И только поэтому парень изображает из себя заговорщика! Забавно. Небось написал что-нибудь вроде: «Кумри, свет очей моих! Приходи сегодня после работы в тополевою рощу».

К концу завтрака явился бригадир Джамалитдин-ака, крупный мужчина лет сорока в лёгком парусиновом кителе в войлочной шапке, обшитой по краю красной каймой. Усы бригадира, отвисшие книзу, придавали ему грустный вид. Джамалитдин-ака поднял руку, призывая к тишине, заговорил:

— Товарищи дорогие! Все мы знаем, что над нашей Родиной нависли чёрные тучи. Проклятые фашисты хотят поработить советских людей. Шайтан им в глотку, подлым! Вся страна поднялась на священную войну. От героев

фронта не должны отставать и мы — труженики тыла. Завтра ещё два богатыря, наши замечательные парни. Сабирджан и Касымджан отправляются бить гитлеровцев, провались они в преисподнюю! Пожелаем же нашим храбрым воинам успехов в бою и скорого возвращения с победой. Ура, товарищи!

Грянуло тонкоголосое «ура!» — в бригаде, за редким исключением, были женщины. Бригадир сделал паузу и продолжал:

— Скажу вам по секрету, я тоже просился на фронт. Мою просьбу обещали уважить, как только мы соберём урожай хлопка. Поэтому прошу всех своим трудом помочь мне побыстрее надеть солдатскую шинель.

Члены бригады зашумели:

— Ой, бригадир! И вы тоже?!

— А кто без вас бригадой командовать станет?

Джамалитдин-ака улыбнулся, широко, задористо.

— Э-э, красавицы, свято место пусто не бывает. В правлении колхоза, да и в райкоме партии проблема нового бригадира решена. Мухаббат будет вашим бригадиром, сладкоголосый соловейчик.

Началось всеобщее ликование. Джамалитдину-ака даже малость обидно стало. Чуть-чуть. Он всё же понимал: бригада его и уважает, и ценит. И вовсе никто не радуется его уходу. Просто все довольны, что после Джамалитдина-ака бригаду возглавит Мухаббат.

Один лишь Максум сидел темней ночи. Услышав имя нового бригадира, он подавился куском лепёшки. Кое-как отдышавшись, крикнул Джамалитдину:

— Эй! Бог лишил вас, начальников, разума, что ли? У девчонки на губах молоко не обсохло, а её бригадиром! Ваши глаза никого другого не видят, кроме Мухаббата?

Зная характер Максума, Джамалитдин постарался обойтись с ним по-хорошему.

— А в чём дело, Максум-бобо? Быть бригадиром — большая честь. Мухаббат умная девушка. А если трудно ей придётся, опытные люди помогут.

Максум словно с цепи сорвался. Брызжа слюной, заорал:

— Не дам согласия! Я — дядя Мухаббат. У вас злые мысли...

— Злые мысли? — поразился Джамалитдин. — Э-э!.. Уж не метили ли вы сами, уважаемый, на должность бригадира, а?

Джамалитдин в самую точку попал. Послышалась язвительные шутки по адресу Максума, смех. Рассвирепевший старик, изрыгая проклятия, заковылял прочь. Вслед ему неслось:

— Куда же вы, уважаемый?

— А как же работа во имя победы?

— Держите дезертира!..

Максум остановился, обернувшись, плюнул и вновь кинулся восвояси. Он весь дрожал от ярости. Ну, погодите вы у меня! И ты... тихоня, я поставлю тебя на место. Слыханное ли дело — девчонку начальницей назначить над мужчинами. Вы ещё узнаете старого Максума!

ШЕЛЕСТЯЩИЕ ТРЕУГОЛЬНИЧКИ ЖИЗНИ

Миновало лето. Сумрачная и слезливая осень на дворе. Будто оплакивает она дождями-слезами безусых гонцов, цветущих мужчин, что покинули родные дома, родных, уехали с песнями, под ликующие громы оркестров. Уехали — и как в воду канули!

Не проходило недели, чтобы в кишлаке то там то сям не раздирал предутреннюю тишину страшный вопль. И тогда люди с замиранием сердца говорили сами себе: «Опять почтальон Азим принёс чёрное письмо».

Старого Азима, отдавшего фронту троих сыновей, люди уважали и страшились пуще чумы. А он себя и вовсе ненавидел. И до того ему горестно было носить в своей затрапезной сумке людям беду, что не выдержал, бедняга, тронулся умом — вообразил себя ангелом смерти Азраилом. Не буйствовал — сидел себе дома и грозно сверкал очами. Соседи жалели старика, одинокого, как перст, кормили. И даже плакали за него, когда, одно за другим, пришли Азиму три чёрных письма. А он сидел и кидал огненные взгляды на плачущих: мол, берегитесь, я и до вас доберусь!

Новый почтальон, Ильяс-палван, сказочный богатырь без левой руки (руку оторвало миной под Смоленском), ходил вечно пьяненький — для поддержания духа и потому исправно исполнял свою нелёгкую должность. Людям Ильяс особенно по сердцу пришёлся потому что видел он собственными глазами извергов-фашистов и в рукопашном бою размозжил троим головы прикладом винтовки. О фашистах он отзывался так:

— Воют ловко. Но бить их всё же можно. Непрочные, как и все смертные люди, даром что на головах железные колпаки носят.

Односельчанам такие слова слушать было приятно. Значит, можно всё же бить немцев. Надо только научиться. Значит, наши отцы, сыновья, внуки вернуться домой, если... Если не придут вместо них чёрные письма.

Остальные инвалиды с немцами в рукопашной не встречались, воевали с ними на расстоянии. Однако слова Ильяса-палвана горячо одобряли. Верно говорит, бить их вполне можно, только бы научиться.

Но пока что фашисты пёрли и пёрли. Не так лихо, как прошлым летом, однако изрядно. Радио приносило веста о тяжёлых боях под Моздоком и Сталинградом. Вон ведь куда забрались, проклятые!

Ильяс-палван обладал чудесным даром утешать людей, вселять в них надежду» а те, исполненные святой простоты, вместо благодарности порой упрекали безрукого: «Хорошо тебе утешать, ты уже отвоевался, горе твоё позади». И никому как-то и в голову не приходило, что Ильяс-палван тайно страдал. Легко ли ему, лучшему трактористу, исполнять теперь стариковскую должность, да и каково ему, могучему, полному сил, существовать без руки! Чтоб штаны застегнуть — и го помощник надобен. А люди ещё, любя, подтрунивали над ним: «Интересный ты парень, Ильяс. Приехал с фронта — на плов глядеть не можешь. Слыханное ли дело — плов, плов не есть узбеку!».

Ильяс отшучивался. И лишь одной Мухаббат как-то в душевном разговоре богатырь-инвалид признался, что плов он видеть не может после <тех троих>.

— Осатанел я от гнева, Соловейчик, — сказал почтальон тихо, — очень сильно бил их прикладом, А головы-то у них в шапках железных. Вот эти шапки мне чем-то котлы для плова напоминают. Смешно, да только не могу от

этой мысли отделаться. Смотрите, об этом ни гу-гу. Народ у нас весёлый, хоть и грустно нынче в кишлаке. А то, что я теперь к плову не пристрастен, — не велика беда. Голодно стало в кишлаке, не до пловов.

Подружилась Мухаббат с Ильясом. В колхозе даже шуточку пустили: «Телохрани- теля завела». Дядя Максум бесился. А Ильяс говорил: «Верно. Телохрани- тель я. Пусть учтут это непрошенные женихи. Рустам — побратим мой фронто- вой. У меня хоть и одна рука, но рука!»

Милый Ильяс, преданная душа!

Сидит Мухаббат поздно вечером в своей комнатке, задумчиво перебирает письма Рустама — шелестящие треугольнички в клеточку, в косую линейку Треугольнички жизни. Вытащил такой треугольничек Ильяс из сумки — зна- чит, жив Рустам, и самой жить хочется. Волшебные треугольнички. Чаще, ча- ще прилетайте, милые! Только не будьте жестокими оборотнями. Не приле- тайте так, как к агрономше Галине-апа. Она уж и похоронную получила на мужа, выплакалась наизнанку, а через неделю, одно за другим, — письма-ве- сти от покойника: «Дорогая Галочка! Прежде всего сообщая, что я жив и здо- ров, чего и тебе желаю...»

Волшебные треугольнички, будьте ко мне всегда добрыми!

Душно стало Мухаббат, хотела маму позвать, да раздумала. Пусть отоспит- ся, намаялась за день в поле. Урожай-то ещё не весь собран, вот и гнут спину девушку старики, подростки. Даже малые детишки и те выходят помогать со- бирать хлопок, знают: хлопок это и порох, чтоб из винтовки врага разить, и ватник бойцу, и масло, и десятки других нужных фронту вещей!

Мухаббат распахнула оконце. На небо словно накинули огромную солдат- скую шинель — мокрую, сочащуюся влагой.

Девушка засветила керосиновую лампу, поудобнее расположилась на кур- паче, положила перед собой шелестящие треугольнички.

Рустамджан, жизнь моя, давай поговорим, отведём душу.

Родная моя Мухаббат, счастье моё!

Вот я и на войне. Только не воюю. Странно как-то всё. Я думал, пришлют мне повестку, дадут винтовку в руки — и айда воевать. А вышло по-иному. На- шу команду довели до Красноводска. Дальше поплыли пароходом, Сперва ниче- го, даже приятно было на бескрайнюю воду смотреть. А как началась буря, света не взидел! Не моряк я совсем, это точно. Хоть бы бойцом порядочным стать. А этого, пожалуй, я обязательно добьюсь. Почему уверен, спросишь? Отвечу. Видел я на пароходе заслуженных командиров с орденами. Они ещё по- хлеще моего от морской болезни мучились. Потом, уже в Баку, когда буря ми- новала, эти командиры говорили мне: «Для моря — особый организм требует- ся, а на суше всякий человек может воевать научиться. Главное, чтобы у него ненависти к врагу было через край».

Ну, а этого у меня хоть отбавляй. Впрочем, глупо я выразился, Нехорошо так говорить: «Ненависти хоть отбавляй». К фашистам, которые убивают и мучают стариков, детей, жгут наши города и сёла, пытаются пленных, не мо- жет быть ненависти с избытком. Сколько ни ненавидь — всё мало.

В пути подружился я с Ибрагимом. Может, помнишь? Его провожал отец, старик с благородным лицом и белоснежной бородой. А сам Ибрагим высокий, с широченными плечами, и вечно у него папироска в зубах (теперь — цигарка,

которую солдаты называют «козьей ножкой»), очень много курит, хоть он и физкультурник. Между прочим, хочу покаяться тебе, милый Соловейчик; я тоже научился курить! Виноват не я, а табачное довольствие. Куришь, не куришь — получай свою махру. Сперва я её ребятам отдавал, а потом загрузил и попробовал разок курнуть. Вроде полегче на душе стало.

Не ругай меня за это, радость моя! Днём я думаю о тебе, по ночам вижу тебя во сне. Живу тобой. Ты заметила? Я говорю тебе «ты». Это с той минуты, когда на вокзале услышал от тебя: «Верь, верь мне, Рустамджан!» Спасибо тебе, Соловейчик.

Пишу это письмо со станции Прохладная. Это на Северном Кавказе. Через несколько минут распрощаюсь с Ибрагимом. Его отправляют в Краснодар. Вообще всех земляков порастерял в пути. Одного туда послали, другого — сюда... Пришёл и мой черёд. С группой ребят — в основном русских и украинцев — еду я (вот ведь как мне повезло!) в пехотное училище. Буду командиром — «Ванькой-взводным». Но ты не смейся. «Ванька-взводный» — это ребята в шутку говорят. На взводных нынче вся Россия держится, очень уважаемая должность.

Да! Помнишь хмурого капитана и белобрысого сержанта? Когда мы гуляли по платформе, я тебе их показывал. Они из военкомата. Доставили нас к эшелону, а сами обратно. Но не думай о них плохо. Мне Ибрагим рассказывал, что сержант, нас провожая, плакал (подумать только!) и даже хотел на ходу в вагон запрыгнуть. Только капитан его удержал и по шее съездил.

Этот Ибрагим очень быстро сходится с людьми и поэтому всегда в курсе всех дел. Он и о капитане многое успел разузнать. Оказывается, семья капитана перед самой войной уехала на Украину в отпуск, к родственникам, и там погибла. Бедный рвётся на фронт, мстит, а его пока не отпускают, потому что должен же кто-то и в военкомат те работать.

Вот и все пока новости. За меня не беспокойся. Хоть и подкатился к самому Северному Кавказу фронт, но до него ещё изрядно. Очень скучаю по тебе, родная, и по мамочке. Да, именно по мамочке. В такое тяжёлое время мать — это Родина, а родная мама — мамочка. Скучаю я и по ребятишкам, которые на уроках попортили мне много крови. Передай им от меня привет, кланяйся тётушке Санобар. И мою мамочку не забывай. Я ей тоже написал коротенькое письмо. Всем-всем мой солдатский (точнее — курсантский) «салам».

Нежно тебя обнимаю.

Навеки твой

Рустам.

Мухаббат погладила пальцами шершавые странички, прижала к груди, словно самого Рустама приголубила. Слезы навернулись у неё на глазах. Девушка долго сидела не шелохнувшись, всё думала, мечтала. Наконец развернула другой треугольничек.

Расскажи ещё о себе, Рустамджан. И да минуют тебя вражеский огонь и пули! Расскажи, расскажи о себе, непобедимый воин...

Радость жизни моей, Мухаббат!

Доехал я до места назначения благополучно. Всё у меня хорошо. Занима-

юсть боевой и политической подготовкой.

А теперь опишу всё по порядку. Посадили нас, будущих курсантов, в пассажирский вагон, вместе с гражданскими (женщины, дети, инвалиды). Притулился я на нижней полке, возле окна, загрустил. Никого знакомых нет, одиноко. Но недаром же говорят: «Коли суждено — иголку в стоге сена найдёшь». Гляжу — идёт по проходу парень, вылитый узбек. Я — ему: «Яхшимысыс, дустым!» Он от неожиданности вещмешок выронил из рук. Как кинется ко мне, чуть кости не переломал, обнимая. Теперь у меня новый друг, Фазыл Юнусов, из Паркента, бывший тракторист. Такой разбитной парень — только держись. Тут же свёл знакомство с пожилой женщиной. Он — ей: «Мамаша», она — ему: «Сынок». Прямо-таки породнились. Ну, а я — знаешь мою стеснительность — называю её тётей Фросей или Ефросиньей Петровной.

Мы с ней и по сей день дружим. Но об этом как-нибудь после. Скажу только, что Фазылджан — теперь жених Кати, дочери тёти Фроси. Ну, а тогда, в поезде, Фазыл мигом свою будущую тещу очаровал. Она в Прохладную на базар ездила, табачок-самосад продавать. Тяжело ей живётся. Муж с сыном на фронте. Вот она и выкручивается — растит махру и приторговывает. Да только не очень искусна в этом хитром деле. Фазыл увидел табак, говорит: «Мамаша, давайте я его тут же в вагоне распродам». Она засмузилась, отвечает: «Что ты, сынок! Да как можно? Ты его солдатикам просто так раздай». «Будет сделано», — смеётся Фазыл, и только его и видели. Минут через десять возвращается. «Держите, мамаша, пачечку благодарностей в виде государственных казначейских билетов, подделка которых карается по закону, и ещё кусок мыла».

Тётя Фрося и так его благодарит и этак, а Фазыл вовсю заливается, узнал, где она живёт, договорился с нашим лейтенантом, чтобы Ефросинье Петровне вещички поднести. Лейтенант сперва было и слышать об этом не желал. Но Фазыл — парень языкастый, говорит: «У неё муж и сын на фронте кровь проливают. Как можно не помочь такой уважаемой женщине? Представьте себе на минутку, товарищ лейтенант, свою родную мамашу, изнемогающую под тяжестью двух мешков».

Лейтенант, как услышал о мамаше, даже похорошел. «Ладно, — говорит. — Но только чтобы порядок был. Как приедем, становись в конце строя с тетифросиньими мешками».

Мы так и сделали. Ох и благодарила нас тётя Фрося! В гости приглашала. Мы пообещали обязательно навестить её — и марш-марш бегом, строй догонять.

Пришли в училище. Первым делом, как положено, погнали нас в баню. В жизни я такого ужаса и наслаждения от мытья не испытывал. Баня с русской парной — полка такие, вроде лестницы. Затащили ребята меня с Фазылом на самый верх и ну венником хлестать. Мы задыхаемся в пару, вопим, а братва хочет: «Русская баня, — смеются, — первое дело для солдата».

Кое-как вырвались, скатились вниз. А как ополоснулись тёплой водичкой, отдышались — ну вроде заново на свет родились.

Ты извини меня, Соловейчик, что я пишу о всяких житейских делах. Просто мне хочется всё-всё о себе рассказать, ничего не скрывая. Договорились? Вот и хорошо. Рахмат.

Ну, что дальше? Выдали нам курсантскую форму. Посмотрели ребята

друг на друга и ахнули: толпа близнецов, впору на спинах номера писать, чтобы не запутаться. Потом, конечно, пригляделись. Мы же с Фазылом с самого начала приметные были. Всего двое нас — узбеков. Это, с одной стороны, хорошо (все нас знают, на виду), а с другой — не очень, чуть чего: «Шакирова послать... Юнусову поручить».

Попали мы с Фазылом в четвёртую роту, первого батальона, и с ходу взяли нас в такой оборот, что только держись! Строевая подготовка, политическая, изучение уставов, материальной части, огневая подготовка, тактика, марш-броски и прочее и прочее.

Честно признаюсь тебе, милый Соловейчик: поначалу я совсем духом пал. Фазылу хоть бы что, а я вконец изматывался. Ты же знаешь, физическим трудом я совсем не занимался. Окончил школу, учительские курсы, возился с ребятами — первоклашками, второклашками. Вот и вся моя трудовая биография. Разве что иной раз помахая в своём садике кетменём, подправлю грядки. А тут вдруг приказывают вырыть окоп полного профиля! Велят пробежаться с винтовкой в руках и с полной выкладкой пять километров!

Веришь ли, дорогая, сперва страшно стало. Не осилю, опозорюсь! Ребята надо мной посмеиваются. Единственное успокоение — вижу, что и у них язык на плече. Однажды попал в глупейшее положение. Вывели нас за город, заняли мы оборону от воображаемого противника. Фазыл и я — расчёт ручного пулемёта. Устроили мы окопчик. Сыро в нём, грязно. Я и постелил под себя свою старую куртку, которую ещё из дому привёз. Лежу. «Противника» нет и нет. Зато появился наш взводный лейтенант Смирнов. Увидел — онемел от изумления. «Это шипит такое? — показывает на постеленную куртку. — Курсант Шакиров, вы воюете или на пляже нежитесь?»

Начал я было объяснять, мол, зачем без нужды обмундирование пачкать, то да сё, а взводный нежно так говорит: «Сегодня вы, курсант Шакиров, куртку под себя постелили, завтра и вовсе с периной воевать отправитесь, Три наряда вне очереди». «Есть три наряда вне очереди», — отвечаю и чувствую, что лицо у меня всё пылает от стыда. Хотел лейтенант сказать мне ещё несколько тёплых слов, но, к счастью, «противник» пошёл в атаку.

Наш батальон хорошо действовал, и у меня, как потом говорил лейтенант Смирнов, всё ладно выходило. Внимательно следил за ориентирами нашего «Дегтярёва». (Справа отдельное дерево, слева — круглый камень), замечу малейшее шевеление в полосе нашего огня — Фазылу об этом, а он — та-та-та-та... та-та-та. Зрение у меня хорошее, знаешь ведь. Потом наш батальон контратаковал, и мы с Фазылом даже пленного захватили. Вернее, Фазыл его сграбастал, а я лишь винтовку того парня приволок. Но похвалили нас обоих.

После учений шум, смех. Я же ни рукой, ни ногой пошевелить не могу — так устал! В клубе кинофильм собираются крутить. Ребята зовут. Куда там! Есть и то не хочется. И вновь меня сомнения грызть стали. Вспомнил, как не смог перепрыгнуть через метровое препятствие. Все курсанты раз — и готово, а я носом зарылся в землю, шишку на лбу набил.

Сижу грустный. Вдруг является старшина. «Шакиров, к комбату. Живо, одна нота здесь, другая — там».

Прибегаю в штаб батальона, докладываю, всё честь честью, как по уставу. Майор Белоусов оглядел меня с ног до головы, хмыкнул. Это означает, что он доволен. Ну, и я, конечно, доволен. И вдруг комбат говорит: «Всё грустите,

Шакиров?» Я оторопел, не знаю, что отвечать. Он тогда улыбнулся и продолжает: «По дому грустите?» Тут я отвечаю: «Никак нет, товарищ майор, не грущу». Он смеётся: «Своего командира обмануть хотите? Не выйдет». Ну и я улыбнулся: «Извините, товарищ майор, грущу, но как все, в пределах нормы». — «Отчего же товарищей сторонитесь, даже в кино не ходите? Курсант вы толковый, я вами доволен. Может, устаёте? Так это не беда. Натренируетесь, привыкнете. А если что иной раз и не получится с непривычки — не беда. Москва и та не сразу строилась. Понятно?» «Понятно», — отвечаю. «Вот и хорошо. А сейчас есть у меня поручение. Срочно надо доставить пакет в полк. — Он назвал полк. — Задание ясно?. Так-так... Пойдёте вместе с вашим земляком курсантом Юнусовым».

Отправились мы. На, улицах темень, хоть глаз выколи. Вдруг слышим женский крик: «Помогите!» Бросились мы с Фазылом на помощь. Две тени метнулись прочь, Фазыл со всех ног — за ними, я за Фазылом. Толком и не помню, как мы задержали бандитов. Но задержали. Правда; у меня синяк под глазом появился, а Фазылу руку ножом слегка попортили.

Дальше всё как в плохонькой книжке получилось. Две женщины, которых бандиты пытались ограбить, благодарят нас. Что за чудеса! Пожилая женщина... Да ведь это тётя Фрося, мы с ней в поезде ехали. Узнала она нас, расцеловала, показывает на молоденькую девушку: «Знакомьтесь, сыночки. Это дочка моя, Катя».

Тут, наконец, подоспел комендантский патруль. Доставили нас всех в комендатуру. Составили протокол. Пошли мы тётю Фросю и Катю провожать. Вижу, мой Фазыл сам не свой, мямлит что-то, отвечает невпопад. «Что с ним? — думаю. — Может, много крови потерял?» А потом сообразил. Не бандит ему рану нанёс, а Катя! Прямо в сердце. Вот как.

И когда он только рассмотреть её умудрился? Ведь темень кромешная. Проводили мы их до дому. Тётя Фрося говорит: «Сыночки, чего на морозе стоять? Холодно и темно. Заходите. Федя, тебе руку как следует надо перевязать». Федя! Это она так Фазыла окрестила, на русский манер. Ну, зашли мы, чаю выпили. Катя и в самом деле хорошенькая, белокурая такая, маленькая. Учится она на курсах медсестёр и поэтому намотала на «Федин» кулак километра полтора бинтов. С боксёрскую перчатку кулак стал.

Тут я должен тебе признаться, что из-за этого новоявленного Феди мы засиделись и тем самым нарушили свой воинский долг. Пакет-то не отнесли. Вспомнили — перепугались, и давай бог ноги!

Всё, однако, обошлось. Даже героями прослыли. За бандюг — благодарность в приказе. Фазыл несколько дней не ходил на занятия, руку пораненную лечил. И через день к воротам училища Катя приходила, с разными гостинцами. Фазыл отнекиваться, а Катя — ему: «Это не я. Это мама. Пирогі вкусные, с патокой. Вам надо поправляться». Уговорила. Должен тебе сказать, что пироги с патокой очень вкусные.

Смотрел я на Фазыла с Катей, издали слушал, как они между собой воркуют, и завидовал. Им хорошо, через решётчатую ограду разговаривают. А ты, Соловейчик родной, далеко-далеко. Только в письмах утешение. Да только писать часто нет возможности.

А послушала бы, Мухаббатик, о чём только они не толковали! Всякие пустяки. Она — ему: «У вас в Узбекистане, я слышала, очень много садов, верно?»

«Верно, отвечает, очень много. Не хватает лишь такой прекрасной розы, как вы, Катенька». — «Ой, я больше никогда не приду к вам!» — «Катюшенька, не сердитесь, на Востоке принято сравнивать прекрасную девушку с розой». — «Ах, значит, я, по-вашему, прекрасная? Ловелас вы, вот кто». — «А «ловелас» — это хорошо или плохо?» и т. п.

И до того мой друг голову потерял — и смех и грех. Однажды приносят письма. Я, конечно, тут как тут, еле дышу... Слава богу, есть!.. Читаю, начитаться не могу. Спасибо тебе, родная. Вдруг — голос Фазыла: «Почитай, Рустамджан, что из дому пишут». Я, разумеется, всего читать не стал, выбрал. О том, что ты стала бригадиром, о том, как моя мамочка живёт, о подвиге твоей подруги Азизы. Действительно, героиня. Жених погиб на фронте, но она, стиснув зубы, вся ушла в работу, стала лучшей из лучших сборщиц хлопка. Удивительная воля!

Слушал Фазыл, слушал и говорит: «Умница у тебя Катюша, молодец». Я сперва не сообразил, в чём дело, спрашиваю: «Кто?» Он повторяет «Умница твоя Катюша», и как покраснеет! Понимаешь, от от великой своей любви решил, что все девушки мира — Катюши. И, пожалуй, Фазыл прав. Только не Катюши — все девушки мира, а Мухаббат. Ведь верно, да?..

Мухаббат улыбнулась. Милый Рустамджан! За это я тебя и люблю — за простодушие, за такую светлую человеческую наивность. Мужайся, родной, помни: даже за самой чёрной тучей — солнце!

Новый шелестящий треугольничек лёг перед Мухаббат.

Хорошая моя Мухаббаточка!

Я, кажется, становлюсь изрядным воякой. Стрельбу сдал на «пятёрку», по тактике тоже — «пять». Каково, а? И под дождями мокнуть начинаю привыкать (если только к ним когда-нибудь можно привыкнуть!). Портянки научился навёртывать. А раньше мука была. Скрутятся они в комок, натирают ноги!

Всё это теперь позади, будто страшный сон после пробуждения. О эти портянки! Сколько раз вспоминал я строки из Маяковского: «А у меня гвоздь в сапоге кошмарней всех кошмаров Гёте!» Прочитывал по памяти, возможно, не точно, но главное — смысл.

Сейчас мне живётся хорошо. Чувствую, получится из меня воин. Единственное, что беспокоит, — как я под настоящим огнём держаться стану! Но ведь тысячи людей держатся, а чем я хуже других?

Расскажу теперь о моих новых знакомых. В прошлую субботу, получив увольнительные, отправились мы с Фазылом к тётке Фросе, а точнее — я к тётке Фросе, а Фазыл к Кате. Пришли. Ефросинья Петровна — к нам: «А, сыночки пожаловали! Заходите». Катя же сама не своя. То засмеётся, то покраснеет, бросилась на стол накрывать. Появились пирожки с патокой (в здешних местах патоки много, несмотря на войну), кукурузные лепёшки, самогонки большая бутылка.

Тут в калитку постучали — ещё гости. широкоплечий дядька лет сорока, его жена и дочь. Познакомились, дядьку Петром Максимовичем Рагозиным звать, жену его Евдокией Васильевной, дочку — Светланой! Забавно, Светлана — значит светлая, а она на цыганку смахивает.

За угощением разговорились. Пётр Максимович вздыхает:

«На фронт рвусь, а меня пока не отпускают. Я ведь партийный работник. Но всё равно своего добьюсь. Одна беда: не знаю, куда свой женотдел девать. — Оставлять здесь?»

А вдруг немцы — не дай бог, конечно! — и сюда припожалуют. Жена и дочь сердечницы. На войну с собой не возмёшь, и бросить жалко... Ха-ха!»

Я подумал-подумал и предлагаю: «Отправьте их в мой кишлак. Мы, узбеки, народ гостеприимный. Мама у меня в кишлаке, невеста. Хорошо будут жить».

Пётр Максимович заулыбался до ушей. «Спасибо, дружище! Об этом стоит подумать. А пока что, на всякий пожарный случай, я адресок запишу».

Фазыл, тот ничего не слышал, ничего не видел, кроме Кати своей. Пётр Максимович — простая душа! — говорит ему: «Может, и ты, парень, расщедришься, дашь адресок своих родичей?» Фазыл смутился. Говорит: «У меня... У меня нет их, ни единого. Простите».

Тут и Пётр Максимович смутился. Но ненадолго. Он хоть и простодушный, но наблюдательный. «Это ты меня извини, брат, что не в жилу тебе сказал. Сочувствую. Но так думаю (тут Пётр Максимович хитро подмигнул), что недолго тебе без родичей жить осталось».

Все расхохотались. А Катя до того покраснела, что, кажется, тронь пальцем щеку — кровь хлынет. Да и тётя Фрося не знает, куда себя девать. Забежала, засуетилась вокруг стола, как клушка вокруг цыплят: «Кушайте, дорогие гостюшки. Чем богаты, тем и рады... — схватила рюмку: — За Победу, пусть сгинет окаянный Гитлер! Смерть немецким оккупантам!»

Как же такой тост не уважить? Выпили. Самогоночка, хоть и в малой дозе, штука серьёзная. Сразу же в голове шумок, за столом шумок. Слышу: Катя со своим Федей на «ты» перешли. Тётя Фрося насчёт родственников его спрашивает, что с ними. Оказывается, отец Фазыла погиб от байской пули, мать, сбросив паранджу, продолжала дело своего мужа — была колхозной активисткой. Три года назад она умерла. Вот и в какой прекрасной семье мой друг Фазыл!

Хорошо мы провели время. Еле-еле к отбою успели. Жаль только, Соловейчик, тебя не было со мной рядом. Не хватает мне тебя! Пиши мне, пожалуйста. Всё-всё пиши, не скрывая. Привет тётушке Санобар, мамочке моей кланяйся. Она пишет, что всё у неё хорошо. Правда ли это? И ещё побаливает моё сердце — Максум-бобо беспокоит. Знаю я его старорежимные замашки. Как бы он тебя замуж не выдал. Ты смотри, держись!

Обнимаю нежно и желаю скорой встречи.

Твой навеки Рустам

В открытое окно врываются порывы мозглового ветра, пропахшего прелыми листьями. Мухаббат, сторбившись, сидела на курпаче, задумчиво перебирала заветные треугольнички. Плечи её ознобисто вздрагивали. Она встала, захлопнула оконные створки. Однако озноб не проходил, и вдруг Мухаббат поняла, что плачет.

Девушка покосилась на дверь — не проснулась ли мама, не заметила ли! — сложила письма, спрятала в стенной нише, за строем разнокалиберных расписных чайников, присела у накрытого клеёнкой стола. Вырвав из учениче-

ской тетрадки двойной листок, наклонилась над ним задумчиво, словно старалась прочитать среди косых линеек заветную тайнопись. Вздохнула, обмакнула перо в «непроливашку» и аккуратно вывела милым, неустойчивым детским почерком:

Рустамджан, жизнь моя!

Надолго задумалась. Ей так много хотелось сказать! Сказать необычно, истово, чтобы каждое слово кричало о любви, пело. Но на копчике пера, как ей казалось, висели самые простые слова, стёртые, изношенные от долгого употребления поколениями и поколениями влюблённых.

Мухаббат отложила перо. Вновь задумалась. Такое родное, близкое слово — Рустамджан — стало расплзаться фиолетовой лужицей. Она горько усмехнулась, утёрла глаза и, взяв другой листочек, решительно стала писать:

Рустамджан, жизнь моя!

Только что (в который раз!) перечитала твои удивительные письма. Удивительные потому, что писал их ты. Я горжусь тобой, горжусь твоей победной войной против самого себя. Напрасно ты пишешь: «Надеюсь стать хорошим воином». Ты уже замечательный воин!

Славный мой! Я просто не представляю, что с тобой может что-нибудь случиться, и это придаёт мне сил. Понимаешь, ты бессмертный, ибо я жду, жду тебя!

Мухаббат покусала кончик ручки и, сама не зная, почему, вывела без видимой связи с только что написанным:

Я очень рада тому, что у тебя появились новые друзья, и уж совсем счастлива, что Фазыл, этот твой новоявленный Федя, нашёл своё счастье. Но, скажи мне честно, не тянет ли тебя (из одного лишь любопытства, разумеется.) заглянуть в глаза той самой девушки Светланы, которая похожа на цыганку? Смотри у меня, я ревнива! К тому же в прошлом году я шутки ради показала ладонь заезжей цыганке, и та мне сказала: «Ой, красавица (цыганки всех называют красавицами), берегись. Чёрные-пречёрные глаза причинят тебе душевную боль».

Конечно, гаданиям я не верю. Но вот видишь, какое совпадение? Поэтому будь начеку. А Петру Максимовичу обязательно передай: обе наши мамы и я будем счастливы приютить его семью. Здесь твоей цыганке будет очень хорошо, ну а мне — спокойнее, Ну, ну, не сердись. Пошутила я!

Живём мы хорошо. Вот только тебя не хватает. В наш кишлак прибыло несколько семей, эвакуированных с Украины. Так что народу в бригадах прибавилось. Заканчиваем сбор урожая хлопка «до последней коробочки». Это занятие, признаюсь тебе, довольно мучительное. Ходим по голым полям и выискиваем обронённые дольки хлопка, коробочки, в которых случайно застряло немножко хлопкового волокна. Но мы не ропщем. Ведь мы работаем на фронт, на победу!

За меня не беспокойся. Дядя Максум занят своими делами, и ему не до ме-

ня...

Мухаббат вновь отложила перо, опёрлась подбородком о ладони. Фиолетовая лужица появилась вместо слов «за меня не...», и оставшееся в одиночестве «беспокойся» выглядело тревожно, звенело набатом, зовущим на помощь.

Мухаббат скомкала написанное. Ну зачем она обманывает? Не так уж хорошо ей сейчас живётся. И именно потому, что дядя Максум не даёт ей покоя. Он словно помешался. Только об одном и талдычит, не желая слушать никаких возражений!

Так зачем же она пишет неправду?

Мухаббат взяла новый лист бумаги, переписала начало и упрямо вывела:

За меня не беспокойся. Всё у меня идёт ладно. Дядя Максум притих, занят своими делами.

В таком варианте неправда выглядела причёсанной под истину.

Мухаббат не могла, не имела права писать правду, ранить его душу любимого человека. Так, по крайней мере, считала Мухаббат.

Кто поймёт женскую душу! Сколько раз святая женская ложь оборачивалась трагедией, разбитыми надеждами, неизбывным горем. Так было тысячу лет тому назад, и так будет ещё через тысячу лет. Всегда. Ибо всегда, во все времена, даже самая юная девушка видит в любимом и защитника своего, и сына, которого надо уберечь, защитить от зла, «дурного глаза», житейских забот и несчастий.

... Мухаббат продолжала писать:

Пусть тебя не тревожит этот старик. Он вздорный брюзга, всего лишь. Всё ему не так, всё не нравится. Недаром его в кишлаке прозвали «Максум-всё-не-так». А как моего дядюшку недавно отбрил Ильяс! Помнишь тракториста, такую громадину? Он вернулся с фронта без руки и сейчас работает почтальоном. Так вот, как мне рассказывали, в чайхане зашёл разговор о делах на фронте. Люди радовались, что немцам теперь нет-нет — и дают по зубам. Максум-бобо слушал, внутри у него дух противоречия, видать, всю разбушевался. Не выдержал старик и как ляпнет: «Чего радуетесь? Всё равно наши аскеры воевать не умеют. Говорите, немцы совсем медленно наступать стали? Да это всё потому, что наши не успевают отступить!»

Все в чайхане оцепенели. Какое кощунство! Люди жизни свои кладут, кровь проливают, а он такое говорит!

Тут поднялся Ильяс-палван, подошёл к дяде Максуму. Ну, решили люди, — конец пришёл Максуму-всё-не-так! И в самом деле, Ильяс его уничтожил, в порошок стёр. Но не подумай, что Ильяс его га горло взял или ещё что. Просто сказал: «Смотрю я на вас, Максум-всё-не-так, и радуюсь счастью, великому счастью одной-единственной женщины». «Какой такой женщины? — не понял дядя Максум. — Ты что несёшь?» «Как что? — отвечает Ильяс.

— Просто я хочу сказать, что завидую той счастливейшей из женщин, которая за вас замуж не вышла!»

В кишлаке и по сей день хохочут. Можешь представить, что тогда творилось в чайхане! Дядя Максум теперь ходит злой, как шайтан...

Строка за строкой ложатся на тетрадочный лист. Мухаббат разговаривает с любимым, делится радостями и умалчивает о печалях. А печалей у неё немало. Особенно одна — алая, нелепая, тревожащая душу.

МАКСУМ-ВСЁ-НЕ-ТАК ПЛЕТЁТ ПАУТИНУ

Удивительный человек Максум-бобо. Порою не то что других — себя ненавидит. Однако себя — в редчайших случаях. А вот окружающим от него достаётся. И то не так, в эго не этак, и работать люди разучились, и начальство колхозное пустяковое — убеждено, будто голова дана мужчине лишь для того, чтобы тубетейку на ней носить.

Когда-то, давным-давно, был Максум человек как человек. Даже в активистах ходил. В коллективизацию пострадал от байских прихвостней. Поехал рыбачить на Сырдарью, и там, в камышах, нашла его пуля. К счастью, Максум легко отделался: пуля пробила ляжку, не задев кости.

О том, как Максум геройски пострадал за колхозный строй, в районной газете писали, и даже в республиканской «Кызыл Узбекистон». Бандитов поймали, и тогда выяснилось конфузящее Максума обстоятельство. Враги коллективизации признались, что у них и в мыслях не было лишать Максума жизни. По ошибке ему досталось. Хотело байское отродье расправиться с тогдашним председателем колхоза Зайнулло-раисом, на которого Максум внешностью походил до удивления. В те времена Максум не был жёлтым и бороду носил маленькую, аккуратную. Мужчина был хоть куда. Для пущего сходства с раисом завёл такой же, как и у Зайнуллы, защитного цвета китель с отложным воротничком, коричневые сапоги.

Всё это и сбilo с толку врагов. Когда же они узнали, что их жертвой оказался Максум, то страшно огорчились. Главарь даже упрашивал следователя передать Максуму его, главаря, искренние извинения и пожелания долгих лет жизни. Следователь, разумеется, и не подумал выполнять просьбу бандита. Более того, он всячески старался скрыть всю эту трагикомическую историю. Однако она непостижимым образом выползла из тюремной камеры, и пошла гулять по округе молва об истинных обстоятельствах Максумова ранения, расцвеченная ярко-ядовитыми красками домысла. И хотя, казалось бы, какая разница, отчего Максум пулю в ногу получил? Факт ведь: ранен, пострадал за правое дело. Но людям почему-то было весело. Аския-базы в чайханах изоцрялись в остроумии, каждый встречный считал своим долгом расспросить Максума о состоянии его раны, прикрывая ладонью улыбку; даже детишки, позабыв об уважении к старшим, осмеливались посмеиваться над Максумом. Издали, правда. «Дядя Максум! — крикнут. — Подари пулю», — и бегом, кто куда.

И со временем так уж вышло, что Максума перестали принимать всерьёз. Сколько раз бывало, обсуждая кандидатуры на должность бригадира, кто-нибудь из колхозников крикнет: «А что, если Максума, а?» Ник го на это не возражает, нет. Просто прокатится лёгкий смешок, и больше уж не упоминают его имени.

В такие минуты Максум сатанел от тихой ярости. Знал бы кто, до чего же он жаждет стать бригадиром! На председательское место он не метил, нет. Знал свои возможности, да и хлопотна должность раиса. Райком жмёт: «Давай, давай!», обком опять же нажимает: «Давай план. Любой ценой — план да-

вай!»

Конечно, и раис из него вышел бы не хуже других. Может, даже и лучше. Беспартийность проклятая мешает. Но почему не доверить ему, Максуму, бригаду? Уж он показал бы, как надо работать!

Бригадирами становились кто хотел и кто не хотел. А Максума обходили. Считали, что способен он махать кетменём. Всего лишь.

Шли годы. Максум стал угрюмым, желчным. А тут ещё недуг его скрутил. Пожелтел весь да так и остался. Острижки опять веселили народ в чайхане. «Наш Максум, по всему видать, решил переехать в Японию-страну... Ха— ха— ха!»

Совсем одичал Максум. Забыл уж, когда активистом был. Стал брюзжать: то не так, то не этак. Обзавёлся обидной кличкой «Всё-не-так» — озлился на весь белый свет. Работать стал с прохладцей. Стали его больше занимать религиозные догматы, старинные обычаи — и как раз именно те, против которых новая жизнь войной ополчилась.

Несуразно сложилась у Максума жизнь. И чем больше он дичал, тем нетерпимее становился в домашнем кругу. Племянницу свою Мухаббат старик и любил и ненавидел. Завидовал уж больно ей. У всех на виду, все без неё просто жить не могут. Мухаббат то поручить, Мухаббат — это. Кого на звено поставить? Мухаббат, конечно!..

Когда же племянница, после отъезда Джамалитдина-ака на фронт, стала бригадиром, Максум-всё-не-так вдруг как-то особенно отчётливо осознал, что племяннице его уже девятнадцать лет, засиделась в девках. Замуж ей надобно, вот что. Поморочил ей голову учителяшка — и поминай как звали! И не пара он ей. Дехканин из него липовый. Всё в книжках читает. Пустяковый человек. Вот выдаст он, Максум, замуж племянницу — и всё станет на место. Дети пойдут, домашние хлопоты — семейная жизнь. Не до бригадирства ей будет. Да и в самом деле, какой из женщины бригадир! Смех да и только.

Несколько дней Максум лелеял и холил мысль — выдать замуж Мухаббат. Подходящего жениха облюбовал, хромого магазинщика Мирабида. Конечно, лучше бы выдать племянницу за человека в годах, серьёзного, знающего жизнь. Но это уж, пожалуй, чересчур. Даже палку надо гнуть умеючи, не то переломится. А Мирабид — в самый раз: не молодой и не старый. Тридцать лет, с положением человек, денежка его любит. А главное, надёжный. Хоть сто войн громом греми — в армию он не гош. Хром. А так, в остальном, вполне подходящий жених. Ко всему прочему, старших уважает, древние обычаи, почителен.

Окончательно всё обдумав и взвесив, Максум после ужина отправился в чайхану. Зашёл, Оглядел исподлобья завсегдатаев. Буркнул чайханщику: «Кок-чаю», уселся подальше от людей.

Расчёт старика был прост. Мирабид все вечера пропадал в чайхане. Мирабид третий год смотрит во все глаза на Мухаббат. Увидев своими влюблёнными глазами родного дядю той, что грезится во сне и наяву, не преминет воспользоваться удобным случаем начать разговор о сватовстве. Мирабид и раньше был не прочь потолковать на эту волнующую его тему. Учителя остерегался. А как сгинул учитель, сколько раз уже намекал, мол, не худо бы, уважаемый Максум-ака, вечерок посидеть за пловом, осушить пиалушечку-другую чего-нибудь покрепче, чем самый крепкий чай, ха-ха!

Максум делал вид, будто не понимает намёков. Цену набивал. Сегодня же, окончательно укрепившись в своих мыслях, решился: пора!

Мирабид, конечно же, сидел в чайхане. Увидев старика, каким-то непостижимым чувством уловил внутреннее состояние Максума. Сердце Мирабида ёкнуло: «Кажется, пора начинать серьёзный разговор!» С удивительным проворством проковылял к топчану, на котором восседал Максум, подобострастно прижав руки к сердцу, приветствовал его. Подсел, заказал ещё чаю.

Завязался хитрый разговор.

— Как здоровье, уважаемый Максум-бобо? Как семья, здоровы ли все?

— Тяжёлые нынче времена. О каком здоровье можно говорить? Сейчас кто здоров — на фронте.

Мирабид стоически вынес ядовитый укол. Понимающе кивнул.

— Мудрость говорит вашими устами, уважаемый аксакал. Дела как ваши, хороши ли?

— Какие у стариков дела? Впору лежать на боку, да время военное. Старики — первые вояки в тылу, хе-хе. Вы лучше о своих делишках... хм... Я хотел сказать — делах... О своих делах расскажите.

И на этот раз Мирабида не проняло. Улыбнулся даже.

— Никаких особых дел у меня нету, — Мирабид «особых» произнёс врастяжку: мол, не очень-то, старик, язык распускай. — Молюсь сельпо как богу всемогущему. Даст сельпо товар — дела хороши, не даст — худо идут дела.

— Не кощунствуйте, браток.

— Над кем? — не понял Мирабид. — Над сельпо?

— Над всевышним, — строго произнёс Максум.

— Да как можно! — ахнул Мирабид. — Да я!.. — Не найдя подходящих слов, впустую задвигал челюстью, словно сжевал что-то липкое, цепляющееся к зубам.

Наступило долгое молчание. Попивали чай, учтиво отрывгивали в ладонь. Кто кого пересидит! Одолел Максум. Противник и союзник его, Мирабид, заговорил тихо, чтобы не привлекать внимание окружающих:

— Напрасно вы, уважаемый, в кощунстве меня обвинили. Кого-кого, а уж... — завмаг воздел указательный палец вверх. — Чту, почитаю. И вообще... Я понятно имею, древние порядки почитаю. Потому мне судьба не мачеха. Слава всевышнему, всё у меня есть: кусок лепёшки, одеться-обуться есть во что. Недавно дом построил. Одна беда — хозяйки дома пет.

У старика, как у рыболова, заметившего дрогнувший поплавок, похолодело под сердцем. Готово! Ключёт. Однако вздорный характер не позволил Максуму сразу перейти к делу. Старик стал кокетничать.

— Как это нет хозяйки, браток, а матушка?

— Я не о матушке, уважаемый аксакал.

— О ком же?

Мирабид решил взять быка за рога.

— Жениться давно хочу. Вот.

— Умные слова приятно слышать, — продолжал ходить вокруг да около Максум. — Оно и верно. Молодость подобна падучей звезде: пролетела — и нет её. Так отчего бы вам не жениться? Нынче на девичьем базаре спрос невелик, а красоток сорок сороков.

Хитрые, вечно чего-то ищущие глаза Мирабида превратились в крохотные

щёлочки,

— Ошибаетесь, мудрый аксакал. Девушек — да, избыток. Красавиц мало-вато. Впрочем, мне много и не надо. Двух арбузов под мышкой не удержишь... Есть одна пери, страдает по ней моё сердце. Да, видно, не судьба.

Максум-всё-не-так довольно искренно удивился.

— Почему?

— Да так... Кстати, зашли бы вы завтра в магазин. Скажу вам по секрету, будет партия сатина прекраснейшей выделки.

— Сатин, говорите? Хм... Надо будет поглядеть. Хотя заранее могу сказать, что насчёт выделки вы хватили лишнего. Так на чём мы?.. Ах, да! Значит, говорите, ноет сердечко? По ком, если не секрет?

— Есть одна девушка. Вам-то уж она хорошо известна, уважаемый. Парень один только всё дело портил. Морочил ей голову. А сейчас и вовсе уехал.

— Так очень хорошо, что уехал, — сказал Максум невинным тоном.

— Вы так думаете? Удобно ли? Как-никак, учитель этот на фронте...

— Ах, так вот кто, оказывается, ваш соперник! Тогда можете считать, что нашли во мне поддержку. Признаться, я тоже не люблю этого учителяшку. Гол как сокол, на губах молоко не обсохло, а мнит себя по меньшей мере ибн-Синой[1].

— Благодарю на добром слове, аксакал. Бескорыстие ваше всем хорошо известно. И вее же хочу напомнить древнюю мудрость: «Ни одно доброе дело не остаётся без воздаяния».

Максум важно кивнул. Подумал и заключил:

— Только не будем спешить. Дело тонкое. Знаете ведь, какие законы в военные времена. Заряженное ружьё, а не законы. Пусть Мухаббат чуточку отвыкнет от учителя...

Максум умолк, раздосадованный своей промашкой. Так тонко вёл игру, и вдруг сорвалось с губ имя племянницы! Несolidно вышло.

Мирабид, ликуя в душе (ага, сам первый назвал имя!), согласно закивал. Далее говорили о разных пустяках. Допилю чай и разошлись по домам.

С того вечера Мирабид буквально часу не мог прожить без Максума. «Как здоровье, уважаемый аксакал?.. Не нуждается ли в чем-нибудь?..» Кланяется Максуму так, что тубетейка с головы едва не падает, дефицитные товары подкидывает. Раза два-три даже коньячком невиданным угостил. Старик сперва отказывался, ссылаясь на коран. Но и Мирабид не промах. Пояснил: пьянствовать грех, а для здоровья тела и души можно и пригубить.

Максум-всё-не-так был человеком внутренней честности. То есть он старался всячески оправдать тот или иной свой поступок перед собственной совестью. В данном случае он убеждал себя в том, что Мирабид человек крепкий. На ногах стоит прочно, даром что хромой. Старые добрые обычаи почитает: раз в году обязательно собирает в доме своём стариков для чтения корана, святых молитв за упокой усопших предков; в уразу соблюдает ифтар и опять — таки приглашает верующих старцев. А кто такой учитель? Голодренец. И ещё святотатец. Повадился с лекциями выступать: «Есть ли бог?», «Религия — дурман»... Каков, а? Вот ему всевышний и показал, есть он или так — пустая выдумка.

Подумал Максум, подумал и обнаружил ещё и одно полезное свойство у будущего своего родственника. Последние полтора-два года он, Максум, изредка

на базаре торговлишкой промышлял. А если зятем, пусть хоть двоюродным, будет завмаг... Хе-хе-хе. И с этой стороны, если поглядеть, Мирабид — жених хоть куда.

Однажды, дождливым октябрьским вечером, старик решил навеститься к тётушке Санобар. Ещё не перешагнув порога, начал с добродушной улыбкой:

— Здравствуй, невестка. Давненько не виделись. Дочка-то наша где? — он «наша» произнёс с нажимом, так, чтобы понятно было: Мухаббат для него всё равно как дочь родная.

Тихая, безответная тётушка Санобар смутилась под сверлящим взглядом старшего брата её покойного мужа, ответила, побледнев:

— К подруге пошла ночевать.

Старин прекрасно понял, что невестка говорит неправду, Мухаббат пошла к матери учителя. Однако, вопреки обыкновению, он не раскричался. Напротив, раздвинув рот до ушей, одобрительно кивал.

— Пускай погуляет, её дело молодое. Вот выйдет замуж, тогда всё по-иному станет. Недаром говорят: «Брак отирает настезь сердце и запирает дверь ич-кари».

Тётушка Санобар попыталась возразить.

— Так это в старину говорили.

Максум быстро сломил её слабое сопротивление.

— Умные люди и сейчас так говорят. И ты мне, невестка, не перечь. Хоть бы спасибо сказала. Легко ли мне? О тебе с Мухаббат забочусь, ночей не сплю!

Старик уселся на край супы, продолжал:

— Беспокоюсь я за Мухаббат. Девушка на выданье — спелое яблоко. Любой прохожий норовит его сорвать. Время нынче тяжёлое. И мужчины, и женщины стыд потеряли. А Мухаббат у всех на виду. Теперь вот в бригадирах ходит... Не к добру. Ох, не к добру.

— Он, да что же это вы! — всполошилась тётушка Санобар. — Как можно так думать...

— Можно! — отрезал Максум. — Наш раис, конечно, человек пожилой. Но ведь известно тебе: седина в бороду — бес в ребро. Да, собственно, я не говорю, что раис на нашу дочь виды имеет. Не он, так кто другой... Нет дыма без огня. Ты, невестка, рада-радешеивка тому, что твоя дочь — начальница, — на сей раз старик оттенил словечко «твоя», чтобы дать отрицательную оценку бригадирству Мухаббат. — А не приходило ли тебе в голову, почему раис и другие большие люди своих дочерей бригадирами не ставят?.. То-то. Среди людей бродит чёрт, остерегаться его надо. Сколько можно следить за Мухаббат во все глаза, ночей не досыпать? Да и что толку следить! Хозяин своё добро тысячу дней сторожит, а вору, чтобы его добро украсть, одной ночи достаточно.

С удивительным красноречием продолжал Максум живописать опасности, якобы подстерегающие Мухаббат на каждом шагу. В заключение же сказал, торжественно вздев руки к небесам:

— Ну а если, упаси господь, что случится? Покойный Ашурали — мой младший брат и твой законный муж — не простят нам! Пойми, невестка.

Тётушка Санобар совсем голову потеряла. Тихо, покорно вымолвила:

— Домулла-ака, значит, вы советуете, чтобы Мукаббат отказалась от бригадирства?

Максум решил ковать железо, пока оно горячо:

— Ей я в звеньевых делать нечего. Замуж ей надо, вот что!

— Так ведь жених её на фронте!.. — вырвалось у тётушки Санобар.

Этого только и ждал Максум. Побагровел, как индюк, гневно затряс козлиной своей бородёнкой.

— А! — прошипел он, обличающе выставив корявый указательный палец, похожий на ветку саксаула. — Жених!.. Этот босяк-жених. Та-ак. Да понимаешь ли, что несёт твой язык? Учителишка — голодранец, ветрогон, пустомеля... О! О любимый брат мой, Ашуралиджан! Взираешь ли ты с небес?.. — Максум сделал эффектную паузу и уставился на невестку жёлтыми, как у кота, глазами. — Если всевышний хочет наказать кого, он прежде всего отнимает у него разум. Тебя он уже наказал, бесстыжая!.. Нельзя слушать твои безумные речи без содрогания. Жени-и-их!.. Знай же, женщина, что тот, кто уехал на фронт, тот уехал. Понимаешь? У-е-ха-аа-л! Этого учителя там или убьют, или искалечат. А Мухаббат, ожидаю — чи его, превратится в старую деву. Ясно? И если даже учителишка уцелеет, то, возвратившись, и глядеть не захочет в сторону старой девы! Ему молоденькую подавай. Он такой, я его давно раскусил...

Максум в совершенстве владел искусством интриги. Никто его этому не учил — сам, своей смекалкой уразумел, что нельзя всё время нападать. Противник привыкнет к грозным интонациям, сильным выражениям. Надо заронить в его душе сомнения, потрясти — и тут же переменить тон. Это ещё больше сбивает с толку человека. Пугает даже.

Старик помолчал многозначительно, заговорил вдруг ласково, вкрадчиво, заглядывая невестке в глаза.

— Любовь, невестушка дорогая, штука недолговечная. Сегодня любит, завтра — разлюбит. Главное, чтобы муж был самостоятельным человеком. Вот, к примеру, Мирабид... Весьма положительный человек. Фронт ему не грозит, новый дом отгрохал, живёт припеваючи. Выйдет за него замуж Мухаббат — как сыр в масле будет купаться!

Хитрый старик столь категорически выразился насчёт замужества племянницы не случайно. Главное, приучить к этой мысли невестку. Самому понравилось, как сказал, — словно вопрос о женитьбе Мирабида на Мухаббат давным-давно решён и обсуждению не подлежит.

У тётушки Санобар в голове помутилось. А ведь нрав домулла-ака. Второй год гремит война, конца-краю ей нет. Девичий век жизни мотылька подобен: посиял яркими красками прозрачных крылышек, удивил мир — сгинул. Будет Мухаббат ждать Рустама, А вдруг как его, не дай господи, убьют! Сколько уже в кишлак похоронных писем прислано!.. А как изувечат!..

Откуда-то издали донёсся голос Максума:

— Мирабид — жених завидный, счастье так и плывёт к нему в руки. Недаром в кишлаке говорят, что на Мирабида упал благостный взгляд самого Ильяса-пророка. Во всём ему везёт. Даже хромота, и та на пользу. Так что не теряйся, не будь растяпой, лови удобный момент, пока Мирабид не раздумал. После войны ой как трудно будет замуж девушку отдать! Мужчин побьют видимо-невидимо, вот и получится дюжина невест на одного жениха. Не упускай Мирабида. А то, что он не такой красавчик, как этот учителишка... Не беда. В красоту лепёшку не обмакнёшь.

Максум умолк, сунул под язык щепотку насвая. Минуту-другую сидел наслаждался. И вдруг изрёк торжественно и грозно:

— Клянись... Клянись, невестка, небесным счастьем твоего покойного мужа и моего брата Ашурали, что вместе со мной будешь печься о счастье Мухаббат! Ну!..

Бедная женщина умоляюще сложила на груди руки, но Максум был непреклонен, жёлтые глаза его, казалось, впивались в самую душу.

— Клянусь, — прошептала тётушка Санобар, сама не своя от страха. Она страшилась Максума, но ещё больше её терзал страх за Мухаббат. А вдруг не вернётся с фронта Рустам или возвратится калекой!..

Максум облегчённо вздохнул и тут же, спохватившись, быстро проговорил:

— Э-э, невестка!.. Не хитри. Повторяй за мной: клянусь выдать замуж свою дочь Мухаббат за Мирабида. Слышишь? За Мирабида. Хош. О-омин!

Быстро распрощавшись, Максум зашагал прочь.

Всю ночь не спала тётушка Санобар. Маялась. Утром же, помогая дочери на поле, не выдержала, покаялась.

Мухаббат ничего не сказала. Будто ничего такого особенного не произошло, ловко продолжала вытягивать из хлопковых коробочек серебристо-белые комочки. Мать ожидала слёз, упрёков — чего угодно, только не этого жуткого молчания. Не выдержав, тётушка Санобар стала оправдываться.

— Что мне оставалось делать? Он призывал в свидетели тень, твоего покойного отца. Он заставил поклясться!.. И почему Рустам обязательно вернётся? Погубишь свою жизнь, доченька.

Тётушка Санобар горько заплакала. Мухаббат выпрямилась, шагнула через грядку к матери, обняла за плечи и заплакала тоже.

* * *

В окошко заглянул чахлый, иссечённый мелким дождём рассвет. Мухаббат дописала письмо, сложила вчетверо. Вновь развернула. Взгляд её остановился на последних строчках: «А обо мне, родной, не беспокойся. Всё у меня хорошо. Сердце живёт тобой! Жду! Жду! Твоя Мухаббат».

Вот уже в котором письме она лжёт Рустаму. Совсем-то ей не хорошо! Мать словно околдована дядей Максумом, плачет, умоляет забыть о Рустаме. Ну, любили друг друга... Ну и что? Мало ли влюблённых расхотелись я находили потом счастье?! Ещё малость — и женихи отвернутся. Да и где взять-то их, женихов? Женихами далёкие земли устланы, как огромным лоскутным одеялом, лежат, бедняжки, не шелохнутся!

Сложила письмо Мухаббат, задумалась. И тут словно её кто-то позвал: встрепенулась, как была, в лёгкой кофточке, кинулась из дому, пробежала двором, распахнула калитку... Ни души на улице, только семят, сердито нахлывшись, озябшие горлинки.

Мухаббат поёжилась, прохваченная утренней прохладой, и вдруг сердце её гулко забило, кровь хлынула в лицо горячей волной — из-за поворота улочки показалась могучая фигура Ильяса-почтаря. Он шёл, придерживая культёй свою сумку. Завидев девушку, широко, по-детски, заулыбался и, выхватив из сумки бумажный треугольничек, принялся размахивать им над головой. Добряк боялся, что Мухаббат перепугается — ведь кто его ведаёт, откуда письмо, кем писано? — и поспешил всем своим видом оповестить: мол, порядочек, от Рустама письмо.

Мухаббат выхватила у него из руки треугольничек, даже спасибо не сказала, развернула, позабыла обо всём на свете. Сперва буквы прыгали перед гла-

зами, мельтешили, чуть погода стали складываться в слова, явился смысл слов...

Любимая, хорошая моя!

Три месяца прошло с небольшим, как расстались мы, а кажется — будто годы! Очень, очень не хватает мне тебя, Соловейчик. Да что поделаешь — война! Фронт всё ближе, ближе подкатывает. Бои гремят где-то под Сталинградом и неподалёку от нас — под Моздоком. Видать, скоро и моя очередь придёт принять боевое крещение.

И ты знаешь, я убеждён, что буду воевать достойно. Фазыл и другие ребята говорят, что во мне просыпается вояка. Что ж, очень хорошо. А пока мы продолжаем усердно заниматься боевой подготовкой. Погода стоит мозгляя, утрами прохватывает морозец. Вчера на рассвете лейтенант Смирнов вёл наш взвод на полевые занятия. Мы все до того продрогли, что попросили командира скомандовать: «Бегом — марш!»

Собственно, я, пожалуй, перегнул, говоря о морозце. О каких морозах можно толковать в октябре? Просто холодно, и ещё дуют пронизывающие до костей ветры. Мёрзнем, короче говоря. Только наш лейтенант Смирнов, белокурый сибиряк с голубенькими, как у фарфоровой кошечки, глазами (кошечка на моём письменном столе, взгляни) и в ус не дует, (Усов у него, между прочим, нет. У русских друзей «в ус не дует» — значит всё ему нипочём). По утрам может по пояс холодной водой, фыркает, разотрётся вафельным полотенцем и словно из парной вышел! Румянец во всю щёку. Его примеру следует Фазыл. Но у моего друга не так лихо получается. Всё-таки он мёрзнет не хуже нашего.

Вывел нас лейтенант в поле, заняли мы позицию, вдруг появился капитан Дмитриев, наш ротный командир, сказал что-то Смирнову. Лейтенант откозырял капитану, да пак завопит: «В колонну по четыре станю-о-ви — ись!» — и повёл назад, в училище. Пришли мы домой (вот видишь, стал я казарму домом называть!), а тут шум, гам. Один говорит «На фронт нас, мальчиков, отправляют!», другой шепчет: «Училище в другой город переводят», третий хихикает: «Чего всполошились? Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут!»

Немного погода комбат майор Белоусов собрал в штабе всех командиров, а ещё немного погода сообщили нам, что учёба наша кончилась, у кого какое звание было, с ним и остаётся. Вот тебе и «меньше взвода не дадут!». Ещё как дали. Тут же повели нас в баню, после баш ротный старшина выдал повое обмундирование. На роту каким-го образом пришлось два полушубка, вместо шинелей. Смотрю, старшина ухмыляется и протягивает полушубок: «А это тебе, Шакиров, от капитана Дмитриева подарок в честь приближающегося праздника Октября». «Не надо мне шубы, — отвечаю. — Мне как всем». «Прекратите пререкания! — цыкнул старшина, а глаза его смеются. — Приказ командира — закон для подчинённого. Вы и товарищ ваш, Юнусов, — люди южные, к солнышку привыкли. Ротный и приказал: выдать! Вот я и выдаю. Попятно?»

Что оставалось делать? Взял. Фазыл чуть не плакал от стыда и тоже взял. Опытные вояки улыбаются: «Да что вы, чудаки, расстраиваетесь. Зима на носу. Радоваться должны полушубкам. Спасибо потом скажете ротному».

Примерил я полушубок — вроде ничего: удобно, тепло, только вот с непри-

вычки меховой воротник шею щекочет. Тут подкатился ко мне Карпаков, разбитной такой парень. О нём даже лейтенант Смирнов говорит, мол, Карпаков у палец в рот не клади — вмиг откусит. Это поговорка русская, дескать, человек со смекалкой, быстрый на решения. Карпаков мне предлагает: «Махнёшь полушубок на шинель?» Я согласился было, но старшина как гаркнет на Карпакова!.. Двинулся я со своим полушубком в казарму, захожу и вижу такую грустную картину: сидит Фазыл на койке, на коленях у него полушубок, голову уткнул в ладони. Я — к нему: «Не горюй, — утешаю.

— Полушубок потеплее шинели. Хороший человек наш капитан!» Фазыл отвечает, чуть не плача: «Чёрт с ним, с полушубком. Чёрствая у тебя душа, Рустам, коли о Кате забыл».

Тут только я сообразил, в чём дело, почему дружок мой грустит. Стыдно стало. Говорю Фазылу: «Ты хоть бы в город отпросился попроситься».

Фазыл посмотрел на меня, как на дурачка: дескать, за кого ты меня принимаешь, неужели думаешь, что эта гениальная мысль не приходила мне в голову? Но вслух Фазыл сказал другое: «Увольнения в город запрещены». — «Тогда записку Кате напиши». Фазыл вытащил из нагрудного кармана гимнастёрки приготовленную им записочку. «Спасибо за мудрый совет, — отвечает. — Но как её отправить?» — «Пошли к ограде, мальчишку какого-нибудь попросим сбегать».

Долго мы торчали возле ограды. Как назло — ни одного мальчугана! А пожилых людей совестно тревожить. Совсем отчаялся Фазыл. Но тут на его счастье показалась старушка. Увидела нас, остановилась: «Кого ожидаете, касатики, али дело спешное? Вид у вас нетерпеливый». Дружок мой от радости совсем язык потерял. Даже заикаться стал, право, не вру! Пришлось мне суть дела объяснить.

Старушка переполошилась, захохла. Схватила записочку, побежала, если конечно, можно назвать её старческую трусицу бегом. Но и на этом великое спасибо.

Фазыл от нетерпения губы кусает в кровь, честное слово! Минут через двадцать появилась наша старушка. Дышит, как загнанная лошадь, пар от неё валит: «Эх, касатики!.. П-пришла-а, а там н-никого-о дома нема!» Застонал Фазыл от горя, спрашивает: «Бабуся, записку-то хоть оставили?» «Никак нет! — по-военному отвечает старая. Увидела перекошенное горем лицо моего друга да как запричитает: — что же это такое я, дурёха, наделала?! Как же это! Да я вмиг слетаю...»

Мы так расстроились, что и сами не сообразили вернуть старушке записку. Точнее — это я не сообразил. А Фазыл сообразил, однако, постеснялся старую женщину второй раз гонять.

Представляешь, какая чепуха получилась? Фазыл бродил по казарме темнее тучи. От обеда отказался, хоть это у нас и не положено. ЧП называется, чрезвычайное происшествие. Но Фазыл отказался от обеда тайно: отдал ребятам свою порцию, а сам сделал вид, будто пообедал. Даже в зубах демонстративно ковырял, хитрец! Записку свою он всё-таки всучил пробежавшему мимо мальчугану. Тот отнёс её — опять никого дома нет. Что случилось?! Фазыл совсем голову потерял.

К вечеру — звук трубы: «Тата та-а татита-а!.. Тревога!» Наш батальон мигом построился, и немного погодя мы уже шагали к вокзалу. На воинской

платформе уже ждал эшелон, такой же, как и тот, в котором я уехал из Ташкента. Только в вагонах уже стояли печурки. Вагон— взвод, вагон — взвод. Ребята стали устраиваться на нарах. Один лишь Фазыл маячил в дверях, всё Катю ждал, бедняга.

Хотел я утешить друга. Вдруг Фазыл как завопит: «Тётя Фрося!..» и бежать. Я вскочил, за ним припустился. Вижу — идёт строй солдат, а рядышком с ним семенит тётя Фрося. Подскочил Фазыл к тётушке, схватил за плечи: «Где Катя? Что случилось?!»

Тётя Фрося и плачет и смеётся: «Вон твоя Катя шагает!» Посмотрели мы с Фазылом на солдатский строй и ахнули. Да ведь это всё девушки! А вон и Катя. Здорово идут... Фазыл ничего понять не может, рот разинул от удивления. Тем временем женский взвод, после команды «Разойдись!», рассыпался во все стороны. Катя, улыбающаяся, счастливая, бросилась к Фазылу: «А вот и я! Хороший тебе подарок?»

Оказывается, Катя окончила курсы медсестёр и ушла добровольцем в армию. Какая хитрая! Всё в тайне хранила. Правда, она позже призналась в том, что страшно трусила: а вдруг её отправят не с нами! Но, к счастью, всё обошлось благополучно. Она — с нами. И тут уж я позавидовал Фазылу. Счастливее. И в самом деле, нужно же случиться такому совпадению — он и она вместе! А я в одиночестве, нет тебя рядом. Обидно. И всё же я и рад чуточку, что тебя нет со мной. Как бы я за тебя переживал! Ты ведь непоседа, всюду вперёд рвёшься... Ну, ну, не сердись, я пошутил. Ты у меня славная. А твой труд в тылу — это огонь по врагу.

Ну так вот. Стоим мы на платформе. Тётя Фрося вроде бы смеётся, а сама грустная. Глаза красные, видать, всю ночь, бедняжка, проплакала. Но виду, что переживает, старается не подавать. Даже успокаивает «молодых»: мол, за меня не беспокойтесь, как-нибудь проживу. Удивительно твёрдый характер! Муж с сыном на фронте, теперь дочь уезжает!

Мухаббат, дорогая! Помнишь, я писал тебе о Петре Максимовиче, его жене и дочери Светлане? Так вот, Пётр Максимович всё-таки добился своего, уходит воевать. Светлана тоже хотела отправиться на фронт вместе с Катей, но медкомиссия её забраковала. Она с матерью эвакуируется в Узбекистан. Адрес твой они знают. Очень может быть, что приедут в наш колхоз. Тогда прими их хорошенько, со всем гостеприимством. А жить им есть где — моя комната пустует. Работу нашим новым друзьям подыщи по силам, ведь и мать, и дочь сердечницы.

О Петре Максимовиче я как-нибудь в другой раз напишу подробнее. Это замечательный человек!

Что ещё? А ничего. Дали отправление. Тётя Фрося заплакала, обняла Катю, Фазыла. Кате сказала: «Береги Федю», а Фазылу — «Береги Катю!» И меня обняла, попросила: «Присматривай, сынок, за Катей и Федей».

И вот эшелон тронулся. Пишу я это письмо под стук колёс — они выстукивают: «Бить врага... Бить врага!..»

Где-то на северо-западе сверкают зарницы. А может быть, это пожары? Фронт подступил близко. Настроение у всех боевое. Скорей бы схватиться с ненавистным врагом!

Писать теперь придётся изредка. Но ты, дорогая, не огорчайся. Что поделаешь — война!

*Нежно обнимаю и целую.
Твой Рустам*

Мухаббат дочитала письмо, повертела в руках — а вдруг где-нибудь ещё приписочка есть! — и тут только вспомнила об Ильясе. Покраснела: вот ведь невежа какая, не поблагодарила человека. Ильяс всё понял, улыбнулся, выставил вперёд единственную руку, мол, не стоит благодарности, не я письмо прислал — Рустамджан твой ненаглядный. От почтальона несло самогонным духом. Мухаббат поморщилась и вместо того, чтобы поблагодарить Ильяса, стала выговаривать:

— И не стыдно вам, а? — помахала перед собой ладошкой, скорчила гримасу, словно задыхается,

Ильяс помрачнел. Тихо произнёс:

— Стыдно.

Мухаббат растерялась. Она ждала, что Ильяс станет выкручиваться, доказывать, будто винный запах со вчерашнего дня.

— Так зачем же вы пьёте, Ильяс-ака? Нехорошо это.

Громадина-почтальон не ответил, поправил на плече

сумку и, сторбившись, зашагал прочь. Ему хотелось многое сказать Мухаббат. Зачем пьёт! Поминки по собственной руке справляет, по искалеченной жизни... Потому что бродит с проклятой сумкой по кишлаку вестником несчастья!

Мухаббат смущённо потопталась на месте, спрятала письмо на груди, вернулась в дом. Мать уже поднялась и хлопотала возле самовара. Увидев дочь, спросила:

— Я слышала голос Ильяса-почтальона. Письмо, что ли, принёс?

— Принёс.

— От Рустама? — и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Ох, доченька, радость-то какая!..

И осеклась, Ядовитые речи Максума сделали своё дело. Тётушка Санобар не то что бы разочаровалась в учителе, нет! Но она охладела к нему. Не принесёт он счастья Мухаббат, разобьёт её сердце. Девушке замуж пора. Пересидится в невестах, а вернётся Рустам (да и вернётся ли?) и глядеть на неё не захочет. Мужчины — такой народ! Им красоту подавай, розы на щёчках.

Помолчав, спросила:

— Что пишет?

— На фронт уехал.

— Вот видишь!..

— Это вас удивляет, аяджан?

— Просто я хотела сказать, что на фронте...

— Знаю, знаю! — перебила её Мухаббат. — На фронте убивают, отрывают руки, ноги... Это вы хотели сказать? А здесь, рядышком, роскошный жених ковыляет, да? Всё знаю. Только не надейтесь. Лучше убейте!.. — Мухаббат не могла говорить, отвернулась от матери, скрывая хлынувшие слёзы.

Тётушка Санобар подошла к дочери, обняла за плечи, всхлипнула.

— Я ведь добра желаю. Одинокие мы с тобой. А ну как с Рустамом случится что!

Мухаббат тряхнула плечами — оставьте меня в покое! Мать утёрла глаза

копчиком головного платка, вновь занялась самоваром. Больше они не сказали друг другу ни слова. Мухаббат через силу выпила пиалу чаю с кусочком лепёшки. В голове тревожно звенела одна-единственная мысль: «Где ты, Рустамджан?.. Где ты!..»

ПЕРВЫЙ БОЙ, СТРАШНЫЙ БОЙ

Эшелон прибыл в Грозный. Город походил на осаждённую крепость — всюду окопы, цепочки «ежей», сваренных из рельсов, на перекрёстках улиц притаились дзоты, в некоторых траншеях маслянисто поблёскивала радужная нефть. Рустам удивился: нефть-то зачем? Фазыл объяснил.

— Фашистов жарить. Нефть не во всех траншеях. Видишь? Поясами сделано. Если прорвутся немцы — тут им и крышка.

— Хитро.

— А ты как думал?

В городе ещё не улеглось лихорадочное возбуждение после недавней бомбёжки, о которой рассказывали самые фантастические истории. Будто, после того, как «юнкеры» разбомбили нефтеперегонный завод и взорвались громадные баки с горючим, — в Хасавюрте (километров девяносто от Грозного) шёл чёрный дождь! От жуткой жары плавилась, как свечи, металлические трамвайные столбы. Какую-то старуху взрывом огромной бомбы забросило на крышу трёхэтажного дома. Старуха совершенно целенькая, только умом тронулась — хлебные карточки потеряла.

Города толком так и не дали посмотреть, погнали эшелон дальше, по кизлярской ветке. И тогда только солдаты поняли: на Северном Кавказе им не воевать, жмёт эшелон на северо-восток, к Волге матушке, выстукивают колёса мерно, настойчиво: «Сталинград... Сталинград!..»

Похолодало изрядно. Загудели в теплушках чугунные печурки. Окрест степь в жухлых травах, изредка промелькнут хилые лесочки — и сгинут, селения в десятках дворов, будка железнодорожного обходчика...

Однажды рано утром в сумрачном «обе» показался странный самолёт с двумя фюзеляжами — фашистский разведчик. Бойцы почему-то обрадовались незваному гостю: «Рама» прилетела». «Старшина» явился порядка наводить!..»

Никто «рамы» не испугался. Махали ей руками, показывали кукиши. Лишь лейтенант Смирнов хмурился: «Сукинсынская машина. Вот посмотрите, наведёт на нас целую свору «юнкерсо» в».

Командир взвода ошибся. «Рама» никого не позвала на помощь. Описав над эшелонном плавную дугу, она вдруг круто, почти отвесно, спикировала и уронила несколько тёмных капель. С крыши концевого вагона суматошно зачастил спаренный зенитный пулемёт. Ахнули взрывы, паровоз пронзительно завопил, словно раненое чудовище, загрели буфера. Бойцы на ходу стали прыгать на насыпь, защёлкали винтовочные выстрелы.

Рустам не успел испугаться, а «рама» уже взмыла ввысь и, не торопясь, скользнула в серое облако. Эшелон двинулся дальше.

К вечеру впервые слышали бойцы громовые раскаты. Эшелон остановился на вдрызг разбомблённой станции. Началась выгрузка. Затем, построившись в походную колонну, батальон зашагал по раскисшей от дождей дороге навстречу грохочущим гигантским барабанам. «Красноармейский телефон»

сообщил вскоре, что, кажется, предстоит бой, батальон вливается в полк, награждённый орденом Красного Знамени. Бойцы Шутили: «Ещё и пороху не понюхал и, а уже краснознамёнцами стали».

Дойдя до околицы небольшой деревушки, изрядно покалеченной бомбёжками и артобстрелами, батальон стал занимать оборону. Роте капитана Дмитриева достался участок на восточной окраине, изрезанной овражками. Ротный приказал вырыть индивидуальные окопчики.

Твёрдая, несмотря на дожди, земля плохо поддавалась лопате. Рустам быстро натёр на ладонях волдыри, взмой. Рядом молча ковырял землю лопаткой Фазыл. Закончив работу, произнёс со вздохом:

— Дураки мы с тобой, Рустам. Мы — пулемётный расчёт, нам общий окоп надо.

— О чём же ты раньше думал?

— Век живи, век — учись. Хорошо хоть, что рядышком рыть стали. Давай соединим окопчики.

Нельзя сказать, что Рустам пришёл в восторг от этого предложения. Однако — что поделаешь! — снова взялся за лопату.

Появился капитан Дмитриев, осмотрел их окоп, похвалил.

— Молодцы. И впредь так действуйте. Пехотинцу земля — мать родная. Она и прикроет от пуль, и...

— И закопают в неё! — послышался надтреснутый тенорок. Рустам узнал голос Назарова. Этот тощий и сутулый человек с жёлтыми волосами и увёртливым взглядом прослыл в училище первым лентяем. Иначе как Сачком его никто никак не называл. Почему именно «Сачком»? Рассказывают, что служил якобы в армии ужасающий лентяй и разгильдяй по фамилии Сак. С тех пор в повелось называть его «младших братьев» Сачками. И вообще, если кто от работы отлынивает, о таком говорят просто и выразительно: сачкует.

Так вот этот сачок Назаров, мало того, что сам поленился окоп себе вырыть, ещё товарищам на нервы действует, дескать, ройте, ройте себе могилки, чудачки!

Подскочил к сачку ротный — маленький, с широченными плечами, кривоногий, злой.

— Боец Назаров, почему сачкуете?

— А чего даром копать? Всё одно зимовать здесь не будем. Либо вперёд на запад потопаем, либо, что вернее, — на восток драпанем.

Капитан чуть по морде Сачку не съездил — до того разъярился.

— Приказываю копать. А насчёт драпануть... По законам военного времени... Понятно?

— Чего уж тут не понять, — пробурчал Назаров и нехотя взялся за лопату.

Впрочем, окопчика себе он так в не вырыл. А ночью задул пронзительный ветер. Рустам хоть и в полушубке, дрожал как осиновый лист. Хотел было Сачок к пулемётчикам притулиться, да Фазыл прогнал его. И смех, и грех, Как в басне «Стрекоза и муравей» вышло.

На рассвете продрогший Рустам проснулся. И тут на его глазах разыгралась забавная сценка. Назаров, синий от холода, свернувшись калачиком на голой земле, выстукивал зубами дробь. Подошёл лейтенант Смирнов. Чистенький, выбритый (и как только он умудрился!), вроде на прогулку собрался.

— Что с вами, боец Назаров, заболели?

— Зззза-а-болел... Зззно-о-би-ит.

— Очень печально. О вашей болезни мы с командиром роты ещё вчера вечером толковали. Сейчас будем вас лечить. Видите вон то отдельное дерево, метрах в двухстах отсюда?

— Вви-и-жжжу.

— Боец Назаров, к отдельному дереву бегом... марш!

Сачок неуклюже поднялся и затрусил в сторону дерева. Вслед ему нёсся громовой хохот.

Взводный подозвал Карпакова.

— Займитесь Сачком. Пять раз до дерева и назад.

— Есть! — обрадовался Карпаков. Дождавшись, когда Назаров, изогнувшись в три погибели, приковылял назад, сказал ему весело: — Ну, земляк, приказано тебя ещё пять разочков прогнать туда-сюда. А уж я, так и быть, вместе с тобой. Говорят, полезно для пищеварения.

Вся рота, позабыв о холоде, с интересом наблюдала за «лечебной процедурой». Кое-кто и без команды стал делать пробежки, Фазыл затеял с Рустамом борьбу, припечатал лопатками к земле. Вроде бы согрелись малость. Тем временем прибежал взмыленный Назаров, рухнул на жухлую траву, по-рыбьи разевая рот. Запыхавшийся Карпаков веселил народ:

— С характером наш Сачок! Я — ему: «Шевели ногами, не ползи, как вша по сугробу!» А он, Сачок то есть, ноль внимания и полкило презрения. Начхать ему на мои справедливые слова. Ну я тогда с другой стороны решил и нему подкатиться. Говорю: «Что ж ты, землячок, нашу заводскую марку портишь? Мы же с тобой на одном заводе вкалывали. Я — слесарем, а ты — заводским парикмахером. Ты же известная личность. Галстук «бабочку» под рылом носил для соблазну дамского пола. Шевеля ногами, гад, вспомни свою рабочую гордость!»

Бойцы катались по земле от смеха. Карпаков продолжал с серьёзным видом бывалого рассказчика:

— Ничем Сачка пропать не могу. Что делать? Подумал-подумал, да как заорю: «Спасайся, Сачок, фриц за тобой гонится!» Ну тут, понятное дело, наш Сачок как припустится!.. Жаль, секундомера со мной не было. Наверняка поставил наш любимец мировой рекорд в беге на среднюю дистанцию. Еле догнал!»

Весёлые байки Карпакова прервал связной. Рота, миновав овражки, подошла к неширокой, но глубокой речушке. Возле полуразрушенного сарая копошились сапёры. Они мастерили из подручных средств плот. Взялись за топоры и пехотинцы. Рустам, неловко обтёсывая бревно из разобранный сарая, рассуждал вслух:

— А я — то думал: война — это бои. сражения. А на войне, оказывается, главное — копай да брёвна таскай.

— Бои тоже будут, — заверил бывший поблизости лейтенант Смирнов. — Видите за речкой увалы? Там и противник. Ну как, не трусите, братья-аяксы?

Аяксами лейтенант прозвал Рустама с Фазылом за то, что они были неразлучны. Парни втайне даже гордились прозвищем. Ещё бы не гордиться! Аяксы — герои троянской войны. Как раз перед самой отправкой на фронт прочитал Рустам «Илиаду» Гомера. Фазыл Гомера не читал и даже, если говорить начистоту, ничего не слышал об атом великом древнем греке. Но Рустаму дове-

рял полностью. Так что «аяксы» и ему пришлось по душе. Сейчас, услышав шуточный вопрос ротного, Фазыл браво ответил:

— Это фрицы пускай нас боятся, товарищ лейтенант.

— Достойные слова приятно слышать.

— Вы говорите, за теми холмиками немцы? — не унимался Фазыл. — Почему же тогда они сидят как полевые мышки? Не видать их и не слышать.

— Услышите, — лейтенант почесал золотистый висок и вдруг удивился: — Где же вы ночью были, друзья? Фрицы и ракеты пускали и постреливали. А сейчас у них завтрак. Аккуратный народ, до тошноты аккуратный. Вот допьют утренний кофе и начнут.

Как бы в подтверждение его слов где-то справа застрочил пулемёт... Ещё, ещё...

Слышите? — лейтенант кивнул в сторону увалов. — Гак где же вы ночью — то были?

— Спали, товарищ лейтенант, — смутился Фазыл.

— Проспали, значит, боевое крещение? — лейтенант рассмеялся. — Не горюйте... Ого! Немец-то осерчал, минами стал кидаться. Чует, подлец, что мы к атаке готовимся.

Метрах в ста позади позиции роты с резким грохотом выросли огненно-чёрные всполохи, бойцы бросились на землю. Рустам уткнулся носом в грязь, рассердился па самого себя, хотел было подняться, но новая серия взрывов втиснула его в раскисшую землю. Хорошо хоть поблизости оказались маленькие окопы, вырытые наспех неизвестно кем. В них и пришлось отлёживаться до сумерек.

... В беззвёздное небо, заляпанное сероватыми кляксами туч, с шёлковым шелестом врезались одна за другой три ракеты. Вот они беззвучно рассыпались сотнями пронзительно-красных звёздочек — и вновь темень заволокла всё окрест.

Рустам явственно ощутил, как сердце его съёживается, леденеет. Парню сделалось жутко: уж не помирает ли он!.. Нет, не помирает. Но сердце всё съёживалось, съёживалось. Откуда-то издалека — голос Фазыла:

— Три красных ракеты, дустым. Сигнал к атаке. Не робей. Главное — держись возле меня. Договорились?

— Хоп, — еле выдавил из себя Рустам.

— Дал бы ты мне «Дегтяря», тебе в самый раз вторым номером...

— Не дам! — оборвал друга Рустам. Он до того разозлился, что даже страх прошёл.

Страх вроде бы прошёл. Только вот зевота стала мучить. И до удивления зрение обострилось. Появился взводный — лейтенант Смирнов. До чего же у него голубые глаза! А речка при свете красных ракет какая-то фиолетовая, сказочная.

... Как же я вижу фиолетовую речку, если ракеты давно погасли. Странно. Почему медлит лейтенант? Надо же в атаку, на плот... Совсем молодой у нас взводный. Мальчик... А чуб золотой и в темноте блестит.

— Пошёл к плотам! — послышалась команда взводного.

Рустам подивился такой странной команде — словно лейтенант посылает к плотам одного лишь его, рядового Шакирова. И почему к плотам? Не могу же я плыть сразу же на нескольких плотках...

На откосистом берегу, покрытом клочьями первого снега, зашевелилось, засопело, и парень понял, что к плотам ринулся весь батальон. Рустам вскочил, побежал вперёд, скользя сапогами по раскисшей глине. Перед самым урезом воды схватил «Дегтярёва» на руки, как младенца, взбежал на зыбкие, плохо связанные друг с другой брёвна, рухнул ничком, обжигая лицо ледяной водой. Повернул голову — рядом Фазыл. Тоже — ничком. В правой руке винтовка, в левой — самодельная брезентовая сумка для пулемётных дисков и патронов. Фазыл повернул лицо к Рустаму, улыбнулся и подмигнул.

Ну и Фазыл! Бесстрашный парень. В первом бою, а улыбается.

Откуда было знать Рустаму, что его друг улыбается именно потому, что отчаянно борется со страхом. И всё равно страх не проходил.

Рустаму малость полегчало. Он осторожно приподнял голову и увидел: не все бойцы лежат лицом вниз, кое-кто сидит на брёвнах, по-восточному поджав ноги, а несколько человек, навалившись на огромные вёсла, и вовсе стоят. А-а... Будь что будет! — подумал Рустам и тоже сел.глянул на Фазыла — тот тоже сидит. Рустам улыбнулся другу, но улыбка получилась вымученная, жалкая.

Батальон начал переправу без артподготовки, втихомолку. Но немцы были начеку. Почуввав неладное, они натыкали в небо множество осветительных ракет — и стало светло, как днём. Изорванная ракетами ночь! Сошлись вперехлёст сверкающие, разящие струи, в свисте и грохоте выросли вокруг плота водяные султаны, просвеченные огнём... Один такой султан взметнулся совсем рядом, накрыл Рустама, что-то с визгом пролетело над самой головой.

Озноб прошиб парня. А внутри он окаменел. Рустам понял, что перепугался. И ещё понял, что перепугался как-то очень странно — он вновь стал видеть всё чрезвычайно отчётливо, ясно, удивляясь увиденному. Словно он, Рустам, сидит в кино и смотрит кинофильм про войну... Карпаков и Туманов тяжело ворочают веслом, вокруг и путаница огненных трасс, но парням хоть бы что — гребут, гребут... Только лица у них странные, чужие лица, будто вырубленные из мела. А вместо глаз тёмные провалы... Какие у Туманова длиннющие руки!.. А голова на широченных плечах маленькая, почти детская голова.

Тут Рустаму пришлось вспомнить и о своей голове. Очень низко с тяжким шипением пронеслось что-то... Ещё... Ещё! Вдали блеснули яркие вспышки. Наша артиллерия ударила! — сообразил Рустам и тут же ткнулся носом в бревно — над самым ухом, как ему показалось, пронёсся рой смертоносных светляков.

Речушка всего ничего, а как долго переплывали...» — подумал Рустам.

Вот... наконец и берег. Бойцы соскочили с плота, не шлепались в прибрежный песок. Лейтенант Смирнов, как бешеный, перекрывая грохот взрывов и пулемётную трескотню, заорал: «...мно...ий!» — и тяжело побежал в темноту. Рустам вскочил, задыхаясь от восторга и ужаса, кинулся вслед за взводным, на бегу оглянулся, ища Фазыла... Вот он, рядом. Они добежали до небольшой рощицы, там снова залегли.

Рустам лежал, уткнувшись лицом в рыхлый снег, и думал теперь почему-то не о том, что его могут убить сейчас, искалечить, а о Фазыле. Вот эго парень! Настоящий йигит. Всё ему нипочём. Первый раз в бою — и так здорово держится. Даже мне полегчало... Рустам приподнял голову.

Немцы шпарили трассирующими. По этим бешеным пунктирам легко уга-

дывался передний край врага. Ага!. Справа, возле отдельного дерева, — судорожные вспышки. Пулемёт! Рустам тщательно прицелился и саданул по вспышкам очередью на полдиска. Немецкий пулемёт умолк. У Рустама перехватило дыхание. Срезал! Подавил!!

Фазыл радостно хлопнул Рустама по плечу, и тут как раз проклятый пулемёт вновь брызнул огненной струёй. «А вот я тебя сейчас!..» — подумал раздосадованный Рустам, прижимаясь скулой к холодной ложе «Дегтяря» — и тут же раздалось протяжное «Ра-а... Ра...».

Батальон рванулся в атаку. Рустам засуетился, выпустил суматошную очередь в сторону живучего пулемёта, увидел перед самым носом новый диск, протянутый Фазылом, перезарядил «Дегтяря» и, спотыкаясь, оскальзываясь, побежал вперёд, подстёгиваемый неистовым воплем: «Ра... Ра!..» Упал, вскочил. Что творилось вокруг — он не видел. Теперь он вообще ничего не видел... И вдруг перед ним, словно из-под земли, появился обезумевший человек: рот, разодранный беззвучным криком, вместо глаз — белые шары. Рустам даже не успел испугаться. Просто тупо подумал: «Вот он — фашист».

И ещё другая, почти безразличная, мысль: «Вот он в меня стреляет!» На кончике автомата фашиста плясало пламя. И вдруг оно погасло, а фашист медленно повалился мордой вперёд. Рустам не сразу сообразил, что это он срезал фашиста — скосил густой очередью. Он споткнулся о тело сражённого им безумца, упал, вскрикнул от ужаса и тут же вскочил, словно подброшенный пружиной, побежал дальше. Сердце его исступлённо колотилось в груди, отдавая в голову тяжёлым гулом, он задыхался и всё бежал, бежал, ведя огонь с руки... Вновь нажал на гашетку — «Дегтярёв» молчал.

Фазыл! Где Фазыл?! Рустам похолодел. Где Фазыл? Куда девался? Рустам оглянулся и чуть не закричал от радости: Фазыл протягивал ему снаряжённый диск!

За увалами притулилась крохотная деревушка. Батальон кинулся на неё в штыковую, но голубоглазый лейтенант потащил взвод в обход деревушки. Рустаму сперва показалось, что взводный струсил. Потом сообразил и восхитился. Молодец, лейтенант, хочет отрезать фашистам путь к отступлению. Он установил на сошки «Дегтяря», взял на прицел разбитую, всю в рытвинах, дорогу... Появились тёмные силуэты, брызгающие пучками трасс.

— Ого-онь! — завопил лейтенант.

Рустам нажал на гашетку и держал её до тех пор, пока в диске не кончились патроны.

... И всё же гитлеровцы пробирались из окружения и ушли во тьму. Где-то там, за оврагом, как объяснил взводный, у фашистов был опорный пункт.

Пришёл приказ закрепляться на занятом рубеже. Бойцы, измученные, с ног до головы забрызганные грязью, талым снегом, радовались, как дети. Первая победа! Их теперь не очень-то пугали автоматно-пулемётная трескотня и начавшийся миномётный обстрел. Лейтенант покрикивал на бойцов, без нужды высывавших головы из захваченных немецких окопов.

— Эй, вы, чудо-богатыри! Головы берегите. Пригодятся ещё... А за бой спасибо. Для первого раза довольно прилично воевали. Жаль, сосед справа залёт, а то были бы мы сейчас в окрестностях Берлина. Точно!

Фазыл, скаля белоснежные, изумительные зубы, охваченный азартом, тормошил Рустама, говорил, захлёбываясь от восторга:

— Всыпали фашистам, а?.. Вот здорово высыпали! Трoих-то я наверняка уложил. Честное слово. Один фашист во всё горло заорал перед смертью: «Муттер!» Маму, значит, перед смертью вспомнил. Поздно вспомнил, шелудивый пёс. Звали мы его к нам, а?

Рустам устало улыбнулся.

— Слушай, Фазылджан, а ты вспомни, может быть, фашист и другое орал... «Вир бауэн моторен, вир бауэн тракторен, вир бауэн машинен, вир бауэн турбинен!» Не орал этого стишка?

— Нет, не орал, — Фазыл подозрительно покосился на друга. — Зачем ему перед смертью орать такие стишки?

— А затем, что кроме «муттер» и этих стишков ты, Фазылджан, ничего больше по-немецки не знаешь... Эх и выдумщик ты! Фантазёр. Шум-гром бушевал, а ты — «муттер»!

Фазыл не обиделся, тоже заулыбался.

— Э-э, дустым, у меня, знаешь, какой слух?!. Ой-бо!.. Что это? Никак, светать начинает?

Рустам глянул и поразился: далеко-далеко занималась варя — странная, не тихая светло алеющая полоска, а багровый всполох, шевелящийся, как живой.

— Заря! — не унимался Фазыл. — Заря...

— Заткнись со своей зарей, — пробасил Валентин Туманов. — Пожары это.

Миномётный обстрел прекратился. Солдаты обживались в окопах, санитары перетаскивали раненых. Друзья сидели пригорюнившись. Фазылу было нестерпимо стыдно. Обрадовался «зарю», дурень! Рустам переживал за друга.

И вдруг они увидели Катю. В шинели нараспашку она несла в паре с пожилым вислоухим красноармейцем носилки.

— Катяджан, дорогая, салам! — крикнул ей радостно Фазыл. — Поздравляем с боевым крещением! Как дела?

— Ой, здравствуйте, ребята!.. Четверых вытащила. Вот!

Вислоухий и Катя поставили носилки на дно окопа. Фазыл с Рустамом бросились было ей на помощь, но она руками замахала.

— Не надо, я сама. Вот только передохнем... — девушка вдруг умолкла, бросилась на колени, приникла к лежащему на носилках.

В тёмном небе вспыхнула ракета, стало нестерпимо бело вокруг, и при этом химическом, угнетающем душу свете друзья увидели поднятое к ним лицо Кати, искажённое мукой.

Рустама пробрала дрожь — человек, который ещё несколько минут, несколько секунд назад дышал, думал, надеялся, — умер, осталась лишь видимость человека.

Невозмутимый усач мелко перекрестил свой живот и не спеша снял ушанку. Рустам сдёрнул свою порывисто, торопясь, а Катя, тяжело поднявшись на ноги, бросилась к Фазылу, уткнулась лицом в его плечо.

— Он... Он был ведь жив! — рыдала девушка. — Мы его несли, и он даже пошутил: вот, мол, какой он — женщины его на руках носят... Он и не стонал. Как же это?

Рустам, потрясённый не меньше Кати, дал ей отхлебнуть из фляги. Фазыл молча гласил её по плечу.

Немцы вновь ударили из миномётов. Близкий взрыв бросил всех на дно окопа. Кто-то крикнул испуганно: «Санитара!» Катя вскочила и словно раство-

рилась во мгле. Появился лейтенант Смирнов.

— Опять в атаку, братцы. Не подкачайте.

И вновь грохот взрывов, автоматная трескотня, дикая свистопляска огненных трасс. Фазыл вырвался, чуть вперёд, Рустам — за ним... Вскочив в неприятельский окоп, в сумятице рукопашной схватки, они потеряли друг друга из виду. Рустам расстрелял весь диск, хватился товарища, но того и след простыл. Хорошо хоть немцы не выдержали натиска, отступили, а то плохо пришлось бы Рустаму. Пулемёт без дисков — не пулемёт. Так, дубинка. А много ли с дубинкой навоюешь!

«Плохо мы сражаемся, неумело, — подумал Рустам. — Увлекается Фазыл, храбрый парень, по слишком увлекается... Однако где же он?»

Фазыл исчез. И произошло с ним вот что.

Спрыгнув в немецкий окоп, он уложил ударом приклада одного фашиста, проткнул штыком другого, и тут же на Фазыла обрушился ещё один — здоровенный детина. Гитлеровец повалил Фазыла, обдавая смрадом водочного перегара и застарелого пота, навалился на парня, всей тушей, норовил вцепиться в горло. Фазыл вывернулся, вскочил и с размаха, по-бараньи, ударил врага головой. Фашист повалился как подкошенный. Фазыл сорвал с себя каску, ударил ею... ещё, ещё... Поднялся, покачиваясь. Горло, измятое пальцами-клешнями, болело, мучила тошнота.

«Куда девались наши? — подумал боец. — Ага... Воя они, штурмуют следующую линию окопов». Фазыл побежал по ходу сообщения, выскочил па поверхность. Только сейчас он заметил, что в руках у него не винтовка, а чёрный немецкий автомат. Фазыл струхнул. Конечно, автомат — штука хорошая, но за утерю винтовки!.. О и повернул назад, и в этот миг перед ним безмолвно вздыбилась земля, пронизанная огнём.

Фазыл взлетел на воздух, широко раскинув руки, и, описав дугу, рухнул на землю. Для него теперь не существовало ни врагов, ни друзей. И сам он исчез с лица земли — рассыпался, растворился. Остался от Фазыла — молодого, сильного, жизнерадостного — лишь тихий звон, Но и звон угас, превратившись в ничто.

На востоке сквозь тяжёлые грозовые тучи пробивался рассвет. Рустам всё искал друга, В окопе, возле группа фашиста с разможженным лицом, увидел брезентовую сумку с пулемётными дисками и каску. Вспомнив о том, что Фазыл раздобыл себе каску, которой страшно гордился, подумал: «Уж не Фазыл ли гитлеровцев приголубил? Наверное, он. Однако где же сам Фазыл?»

Мощный огневой налёт противника прервал его размышления. А затем немцы при поддержке семи танков пошли в контратаку. Несколько наших противотанковых орудий — «сорокапятки», бронебойщики открыли по стальным громадинам огонь. Танки огрызались. Вот, умолкло одно орудие, взлетело вверх колёсами другое...

Рустам бил короткими очередями по пехоте, и сердце его ныло, как больной зуб: один танк, приземистый, с короткой пушкой, рыча, наползал прямо на него, Рустама! Оставалось каких-нибудь полсотни метров. Из танковой пушки выскочило короткое пламя, и в то же мгновение за изломом хода сообщения вырос столб земли, послышались стоны. Рустам всем телом приник к дну окопа. Парень не то что бы смертельно испугался. Он думал о себе как сторонний наблюдатель, видел себя со стороны: сейчас на НЕГО накатится танк и

раздавит в лепёшку... Нет, нас учили, что в окопе безопасно... А вдруг танк станет вертеться на месте?.. Тогда конец!..

Танк не появлялся. Рустам приподнялся, выглянул из окопа — танк, как и прежде, находился от него метрах в пятидесяти. Но это уже был другой танк. Он замер и походил на огромный стальной гроб.

Горячая волна восторга залила душу Рустама. Ага! Съел! Съел, шакалий сын! Кто его так? Ах, молодец!

А молодец, совсем юный парнишка с конопатым носиком, бронбойщик, ловил в прорезь прицела второй танк. Он и этому целил в бок. Выстрелил, на этот раз кажется, промахнулся, плюнул с досады, желая во что бы то ни стало добить чудовище, вновь передёрнул затвор симоновской махины, этаким «карманной пушки», как острили солдаты. Но чудовище уже подыхало. Из пробоины в стальном боку курился дымок, показались язычки пламени. Откинулась крышка башенного люка. Двое в чёрных куртках ящерицами выскользнули из танка и тут же ткнулись в землю, застыли. Это срезал их Рустам, срезал длинной восторженной очередью. Но об этом боец с конопатым носом никогда уже не узнает. Он успел лишь радостно воскликнуть: «Эх-ма! Ловко их...» — другой танк наползал на бронбойщика. Парнишка с лихорадочной поспешностью повернул своё ружьё (напарник его был убит ещё в ночном бою), выстрелил в упор. Лобовая броня выдержала — и лязгающие гусеницы вдавили парнишку в землю.

Часам к десяти нескончаемый бой наконец затих. Немцы оттеснили батальон назад, к деревушке. Извальянный в грязи, с лицом, покрытым пороховой гарью, Рустам всё искал, искал друга. Карпаков сообщил ему горестную весть: Фазыл тяжело ранен и отправлен в медсанбат.

Чуть не плача от горя, Рустам стал разыскивать Катю. Но и её нигде не было. Катя исчезла. Ни среди мёртвых её нет, ни среди живых.... Катя! Катяджан, где ты?.. Эх, тётя Фрося! Получишь ты теперь письмо с зловещими словами: «Пропала без вести». Так вот она какая — война. От батальона осталось роты полторы, не больше. От взвода — семнадцать человек!

Длиннорукий Туманов протянул Рустаму котелок с пшённой кашей. Он машинально взял котелок, пожевал немного, не ощущая вкуса, отставил в сторону. Рустаму казалось, что всё это дурной сон. Сейчас он проснётся и увидит улыбающегося Фазыла, Катю...

— Ассалам алейкум, кадырли дустым! — услышал Рустам радостный возглас. Он вострепнулся, вскочил — перед ним стоял улыбающийся младший лейтенант, рыжеватый, с задорными бледно-голубыми глазами.

Рустам не сразу узнал его. Лейтенант напомнил...

— Вместе из Ташкента ехали. На мне тогда серый в полоску пиджак был и белые брюки. Вспоминаешь?

Теперь он вспомнил. Но не по пиджаку и брюкам. Рыжие узбеки — редкость. Ещё тогда, на вокзале, заметил рыжего парня Рустам.

Земляки обнялись, похлопали друг друга по плечам. Ибрагим Исаев, поплёскивая ровными, как кукурузные зёрна, зубами, рассказывал:

— Понимаешь, земляк, попал я в трёхмесячное сверхскоростное училище. Не успел оглянуться — кубарь в петлицах, раз-два — и вот на фронте. Ночью прибыли.

— Наш сосед справа сегодня ночью всю музыку испортил. Плохо наступал.

Из-за него у нас тяжёлые потери...

Исаев не дал Рустаму договорить.

— Ну, это мне неизвестно. Я ведь и не воевал ещё, только прибыл. А я почему-то чувствовал, что обязательно земляка встречу. Как говорится, приложил ухо к собственному сердцу... Знал бы ты, земляк, как я рад нашей встрече! До мобилизации я в районной газете работал «Пахта учун кураш». Да. За высокий урожай, хлопка боролся, ха-ха! Всех в районе знаю. И тебя, и удивительную девушку Мухаббат!.. Ну-ну, не хмурься. Я женатый человек. Вот, смотри, — Исаев вытащил бумажник и показал фотографию. — Это жена моя, Рахима, с ненаглядным моим сыном Бохадьром... У-у, здоровяк какой, видишь? Целых три года ему, взрослый йигит. Рахима пишет, что Бохадьр, ожидая меня, целыми днями сидит на... пороге...

Рустам слушал его, вежливо поддакивал, но на душе его кошки скребли: «Бедный Фазылджан! Что случилось с Катей, где она?» Лицо Рустама исказилось, на глазах преступили слёзы. Младший лейтенант Исаев всполошился.

— Что с гобой, земляк? Из дому плохие вести?

Слёзы душили Рустама, не давали ему говорить. Ответил младшему лейтенанту Сергей Туманов:

— В сегодняшнем бою тяжело ранен его друг, Фёдор Юнусов... А по вашему — Фа... Фе... Фазыл, кажется, И девушка, невеста Фёдора, Катя-санинструктор, без вести пропала. Вот какие, стало быть, дела.

Исаев притих. Присел рядом с Рустамом. Сидели молча, переживали горе. Потом младший лейтенант встал, потоптался, не зная, что сказать.

— Ну, ладно, я пошёл. Встретимся ещё. Будь твёрд духом. Война!..

Исаев хотел ещё что-то сказать, но лишь махнул рукой и зашагал по ходу сообщения.

УМРУ, НО НЕ СКАЖУ НИ СЛОВА!

Долговязый немец с автоматом на шее то и дело подталкивал Катю стволом в спину и шипел:

— Шпелль... Шнеллер!

Катя шла, механически передвигая ногами. Её конвоирует фашист! Чепуха какая! Не может этого быть. Это какое-то наваждение.

Гитлеровец всё шипел:

— Шнеллер... Шпелль!

Но однажды для разнообразия добавил, чудовищно коверкая русские слова:

— Рюска девишка — зольдат. Красиви девишка караше!.. — и загоготал.

Она механически передвигала ногами. Перед её внутренним взором возникали картины минувшего боя. Вот упал боец, засучил, как младенец, ногами. Она, Катя, бросилась к нему, срывающимися пальцами перевязала пробитую пулей шею, взвалила на спину, ползком дотащила до укрытия... Немцы пошли в контратаку... Рёв танковых моторов. Всплеснул руками, будто обрадовался, ещё один боец. Она, Катя, подползла к бойцу, ужаснулась — он был мёртв, лицо навеки исказила гримаса боли.

Кати подняла голову и обомлела: на неё набегали двое в шинелях цвета болотной тины. Девушка схватила автомат убитого бойца, но прежде застрочили из своих автоматов те, Катин ППП вырвался из рук, словно живое существо. «Пулей вышибло!» — мелькнула мысль. Девушка успела всё же броситься на землю, схватить автомат с расцеплённым ложем, нажать на спусковой крючок — автомат молчал. И тут же тяжёлый сапог с металлическими заклёпками на подошве опустился на её голову. Кати потеряла сознание.

Когда же она очнулась, то чуть не зарыдала от ужаса. Перед ней сидел на корточках толстенький немец в очках и улыбался, как родной. На плече немца висела санитарная сумка. Коротышка всё улыбался и наконец закричал громко, словно говорил глухонемой:

— Русише медхен... Криг капут! Пилен. Гут, зер гут! — и протянул Кате кружку с водой.

Катя, сама не зная зачем, взяла кружку, подержала в дрожащих руках. Толстяк, бормоча что-то по-своему, взял кружку, насильно заставил Катю сделать несколько глотков, помог ей смыть с лица кровь. Тут появился другой немец, — должно быть, офицер — в сопровождении долговязого солдата. Офицер наорал на толстяка, даже ткнул, не очень сильно, правда, в его выпирающий живот. Толстяк согнулся, разогнулся, как заводной, замер по стойке «смирно». Долговязый скрутил Кате руки тонким брезентовым ремешком и повёл по ходу сообщения. Встречные солдаты пялили на неё глаза. Затем конвоир вывел Катю на ухабистую дорогу.

— Шнелль. Шнелль!..

Ужас охватил девушку. Отправляясь на фронт, она знала, что может погибнуть, может быть искалечена. Знала — и была готова ко всему. Но — плен! Мысль о плене не приходила ей в голову. И всё же она — в плену. В плену!

Миновав пригорок, они стали спускаться по извилистой тропке. Впереди открылось село с белой церковкой на площади. Конвоир лопотнул Кате: «Ходить нет!», оправил на себе шинель, вытащил карманное зеркальце, глядя в

него, вытер носовым платком грязь и копоть со своей морды, тем же платком попытался почистить сапоги, но безуспешно — до того они были грязны, — чертыхнулся и велел Кате шагать дальше.

— Шнелль!..

У крыльца кирпичного дома под железном крышей, па стене которого сохранилась афишка: «Сегодня в клубе колхоза «Светлый путь» состоится демонстрация кинофильма «Свинарка и пастух», застыл часовой с автоматом на груди. Конвоир сказал ему что-то, хохотнул, пихнул Катю в спину, мол, живей ходи!

Конвоир втолкнул Катю в просторную комнату, и она очутилась лицом к лицу с огненно-рыжим офицером с орденской ленточкой в петлице щегольского мундира. Офицер улыбнулся Кате. Она ужаснулась. Труп, живой труп! Кожа на лице офицера мучнисто-белая, неживая, глаза пустые, пальцы рук длинные, тонкие, высохшие, как у мумии.

Офицер, выпятив грудь, прошёлся по комнате, глянул на Катю глазами-пустышками, засвистел от удовольствия. Затем он подошёл к двери, выкрикнул команду, и, спустя минуту-другую, в комнату ввели шестерых пленных бойцов — оборванных, грязных, израненных. Среди них Катя увидела Назарова. Он запомнился Кате — жёлтые тусклые волосы, тощий, сутулый, а глаза как две мышки: выглянут — исчезнут, выглянут — исчезнут. Назаров тоже узнал Катю. Он мог бы много ей рассказать. Ведь Назаров, притаившись во время боя в ямке, видел, как сражался Фазыл Юнусов против троих фашистов. Назаров всё видел. Но не пришёл на помощь. Он мечтал о плене. Сейчас Назаров выглядел довольно бодро, даже похорошел малость. Для него война кончилась, и он ликовал в душе. Ликовал, несмотря на то, что и его нашла пуля. Думаешь, сквозное ранение руки! Кость цела, через неделю всё заживёт.

Рыжий офицер, похожий на мертвеца, начал допрос с Кати. По-русски он говорил чисто, почти без акцента. Но он был немцем, это точно. Русские так не говорят — безукоризненно чисто, почти без интонации.

Катя отвечала коротко... Екатерина. Двадцать лет. Беспартийная. Незамужем.

Офицер осклабился.

— А!.. Так вы — фрейлен, очень приятно. Мы, немцы, понимаем толк в девушках. О эти бессердечный большевики! Такую красотку, крохотную, изящную, загнали в окопы! Вас мобилизовали насильно, не так ли?

— Нет, — ответила Катя.

Тощий офицер прикусил губу, по лицу его пошли розовые пятна. Он сказал тихо, свирепо:

— Если тебя не заставили, то почему же ты околачивалась в окопах. Отвечай, тебе говорят!

— Я исполняла свой гражданский долг.

Пустые глаза фашиста стали чёрными — так расширились их зрачки, — тонкие губы исчезли, осталась лишь узкая полоса.

— Так ты, может быть, из добровольцев?

— Из добровольцев.

Офицер вынул носовой платок, провёл им по лбу.

— Любопытно. Советская златокудрая валькирия... Большевистская амазонка, — обернувшись к пленному бойцам, спросил: — Кто из вас знает эту вои-

тельницу? Ха-ха...

Пленные молчали. Но вдруг выступил вперёд Назаров, угодливо улыбаясь, произнёс:

— Я знаю, господин, офицер. Она доброволец... Доброволка... — Назаров запутался, умолк.

Офицер ухмыльнулся, поощрительно закивал.

— Ну же, продолжай.

Но Назарову больше нечего было сообщить. А говорить надо было. Говорить, чтобы выслужиться. Назаров торопливо добавил:

— Я и её жениха знаю. Он на моих глазах троих ваших солдат порешил. А потом уж и его... Миной... Наповал.

Свет померк в Катиных глазах. Фазыл... Федя... убит!

Не может быть.

Немец заметил, как покачнулась, сникла девушка, сказал успокоительно:

— Напрасно расстраиваетесь. Это даже хорошо, что ваш... хм... жених убит. Попади он к нам в руки живым, мы бы его повесили.

Пленные зароптали. Один из них, с забинтованной головой, шагнул вперёд, сказал глухо:

— Издеваться над девушкой, почти ребёнком...

Офицер с интересом посмотрел на смельчака.

— Хм... Рыцарь печального образа! Любопытно. Знаете, прекрасный рыцарь, у меня идея. Мы не смогли повесить жениха этой валькирии, но зато чудесно сможем повесить вас.

Гнев, ненависть, нечеловеческая ярость захлестнули Катю, она шагнула к офицеру, закричала, давась словами:

— Палачи! Изверги... Всех, всех вас уничтожим. Ненавижу!

Офицер хлестко ударил Катю по лицу. Она упала. Пленный с перебинтованной головой зарычал.

— Ты что-то хотел сказать? — спросил офицер. В его руке появился пистолет с тонким стволом. Пистолетом он поманил пленного на середину комнаты. Раненый, твёрдо ступая, вышел вперёд.

— Стреляй, сволочь. Стреляй, проклятый труп! От тебя... От тебя уже разит трупом.

Раздался выстрел, но упал не пленный, а солдат, который конвоировал Катю. Пленный засмеялся.

— Мазила! Побольше бы таких, как ты, стрелков... — он не договорил и свалился убитый наповал вторым выстрелом.

Офицер навёл пистолет на Катю, пистолет прыгал в его руке. Катя медленно поднялась — она решила принять смерть стоя, глядя в глаза врага. Этот взгляд — смелый, бесстрашный, — и спас её. Офицер вложил пистолет в кобуру, вызвал солдат, которые унесли убитых, и принялся звонить по телефону. Затем появился солдат, он вывел Катю во двор и запер в сарае.

Смеркалось. Сквозь щели в крыше виднелось посиневшее небо. «Бежать!» — явилась мысль. Девушка поднялась и тут же опустилась наземь. Разве убежишь! Кругом часовые. Отчаяние охватило её. Погиб Федя!.. Сама она в плену. Жизнь кончилась. Незачем больше жить.

Отворилась дверь. Солдат, который её привёл в сарай, махнул рукой: «Выходи». Она повиновалась. Вскоре Катя очутилась в той же комнате, но допра-

шивал её теперь не ходячий труп, а толстый офицер, очень похожий на породистую свинью. Этот держал себя запросто. Усадил Катю рядом с собой на диван, предложил сигарету. Катя отказалась. Офицер проворковал: «Гут, гут». Его не интересовали «военные тайны», как он выразился. Расспрашивал толстяк о настроении бойцов, о положении дел в глубоком тылу.

Катя молчала. Долго. Свинообразный офицер утратил добродушный вид. Побагровел. По его команде явился солдат, сорвал с Кати шинель, вывел на улицу. Ледяной ветер пролизывал Катю до костей, у неё зуб на зуб не попадал. Солдат, длинный, неуклюжий, посмеивался. Катя долго придумывала в уме немецкую фразу, но сказала по-русски:

— Сволочи вы все! Хуже бешеных собак.

Конвоир, ничего не поняв, расхохотался. Ему просто было весело глядеть на замерзающую русскую девушку.

Они остановились возле сарая с камышовой крышей. Возле него маячил часовой. Немцы перебросились несколькими фразами, распахнули дверь. Свирепый удар в спину, и Катя очутилась на полу, ударилась головой, застонала.

— Кого ещё принесло? — послышался хриплый простуженный голос.

Оказалось, что в сарае — несколько раненых бойцов из её батальона, тоже попавших в плен. Парни всполошились, укрыли Катю шинелью, обложили соломой. Но её всю знобило. На рассвете, словно в тумане, она увидела Назарова. Тот сидел, укутавшись одеялом. Где он умудрился его раздобыть? Катя произнесла тихо:

— Тебе фашисты одеяло дали за то, что выслуживался?

Назаров на четвереньках подполз к ней, по-собачьи заглядывая в глаза, ответил:

— Жить захочешь, всё, что хочешь, делать станешь.

— А зачем тебе такому... жить?

— Интересно жить. Вот тебя они убьют, это точно, а меня, может, и милуют. Им рабочие руки тоже нужны.

— У них, говорят, парикмахеров хоть отбавляй, — Катя чувствовала, что вот-вот потеряет сознание, но даже повеселела чуточку, заметив суматошинку в глазах Назарова. — У них всё чисто и аккуратно делается: узнали, что парикмахер, — к стенке.

— Врёшь ты всё! — зашипел Назаров. — Ты зла на весь мир. Убили твоего хахалю — вот ты и бесишься.

— А может, он и жив...

— Покойничек! Сам видел. Шагах в тридцати от меня всё произошло. Трех немцев положил, а потом и сам... Ничего не скажешь, воевал хорошо.

— И ты, гад, не помог Фёдору!

— Погоди лаяться. Миной его кокнуло.

— А раньше, когда Фёдор один против троих стоял?

— Дурак я, что ли? Ну, помер бы я тогда! Что толку?

Катя молчала и вдруг улыбнулась. Назаров попятился.

— Сволочь ты, Назаров. Однофамильцев твоих мне жаль... — и потеряла сознание.

Её не мучили кошмары, она не кричала в беспомощности, не стонала. Просто мир исчез. На следующий день её погрузили в кузов машины, затем, как куль,

перенесли в товарный вагон, до отказа набитый пленными. Эшелон тронулся тихо, без гудков, по-воровски.

Катя открыла глаза. Над ней склонилось чьё-то лицо,

Она вздрогнула, вновь закрыла глаза, скорее — зажмурилась и выкрикнула:

— Умру, но не скажу ни слова.

В голосе её зазвенели тихие колокольчики.

— Доктора, скорее доктора!..

Девушка не слышала этого голоса, такого знакомого — басовитого, раскати-стого. Она в который раз впала в беспамятство.

Катя ещё не знала, какую удивительную встречу уготовила ей судьба.

... Взобравшись как можно выше в тёмное вечернее небо, самолёт крался через линию фронта. Гул моторов всё же выдавал его. Сверкающие звёздочки зенитных снарядов взяли самолёт в кольцо. Казалось, ещё несколько ярких вспышек, и самолёт, охваченный пламенем, гигантским факелом рухнет...

Самолёт продолжал лететь. Вот он сделал ловкий противозенитный манёвр, взревел моторами, вновь вышел на заданный курс. Линия фронта осталась позади. Зенитки всё ещё бесились — по инерции. Вскоре они утомнились.

Майор Рагозин облегчённо вздохнул. Вытер пот со лба. Задумался. До чего же переменчива человеческая жизнь. Ещё совсем недавно он трудился, как вол, в райкоме партии, и для всех он был товарищем Рагозиным или просто — Петром Максимовичем, носил затрапезный пиджачок, москвошвеевские брючки «в ёлочку» и выглядел абсолютно штатским человеком. А нынче он — майор, командир Ясновского партизанского отряда!

Мало кто знал, что Пётр Максимович в гражданскую войну служил в Первой конной, отличился в боях.

Когда-то он мечтал о военной стезе. Но вышло по-иному. Его демобилизовали из кадров и «бросили» на партийную работу. Пётр Максимович всем сердцем полюбил эту хлопотную, подчас изнурительную жизнь партийного вожака. О, эта удивительная «работа на износ»! Встречи с людьми и составления отчётов величиной с простыню, тщательное, кропотливое изучение души человеческой и заседания до третьих петухов! «Прислуга за всё», — любил шутя говорить Пётр Максимович. И в самом деле, кем только не должен быть настоящий партийный вожак! Психологом и бухгалтером, лектором, юристом, специалистом по охране труда, экономистом и ещё бог знает кем!

По ко всему этому — Рагозин чувствовал всем сердцем — партработник обязан быть и военным. Ещё в начале тридцатых годов, когда Пётр Максимович работал на Украине, он вновь добровольно занялся изучением военного дела. Но теперь речь шла не о том, чтобы в совершенстве владеть шашкой, лихо скакать па коне. Тогда между западной границей и строившейся линией обороны, отстоявшей от кордонов километров на сто сто пятьдесят, была создана партизанская зона, на случай, если агрессор всё же прорвётся на нашу территорию. В числе тысяч других проверенных донельзя людей Рагозин научился прыгать с парашютом, пользоваться радиопередатчиком и собирать его из деталей, купленных в радиомагазинах, в совершенстве изучил подрывное дело и особенности партизанской тактики.

Пётр Максимовну был счастлив, что ему оказали такое доверие. Он хорошо понимал: для того, чтобы строить социализм, надо уметь надёжно защищать его от врагов. Фашистский зверь готовился к прыжку. Война назревала. Гитлеровский рейх вооружался до зубов.

Когда грянула война, Рагозин в первый же день явился в военкомат. Ему вежливо сказали: «Все хотят на фронт. Вы партийный работник и должны показывать пример дисциплинированности». Он согласился с этим доводом. Пример показывал. Но тайно для окружающих писал десятки заявлений: «Отправьте на фронт!» На фронт его не пустили и вклеили выговор по партийной линии.

Пётр Максимович притих на некоторое время. Но вот немецкие орды провалились на Северный Кавказ, над Нальчиком нависла угроза, Рагозин страдал, не зная, как поступить. Будь что будет! Он сел писать очередное заявление. Именно в этот момент явился нарочный.

.. «Пожилой полковник с двумя орденами Красного Знамени на гимнастёрке встретил Рагозина с весёлой усмешкой.

— Опять вам не повезло, товарищ Рагозин. Видать, судьба такая — в тылу работать.

У Петра Максимовича ёкнуло сердце. Полковник, заметив его смятение, сжалился.

— До сих пор вы работали здесь, — полковник подошёл к висевшей на стене карте, расцвеченной флажками, обозначающими линию фронта, и провёл указкой восточнее флажков. — А теперь милости просим сюда пожаловать, — он скользнул концом указки западнее флажков. — Ну как, согласны?

И вновь ёкнуло у Рагозина сердце, на этот раз от восторга.

— Так точно, согласен! — ответил он по-военному.

— Вот и прекрасно, майор Рагозин. Послезавтра вылетаете в Москву. Там получите инструкции. Желаю успеха.

Самолёт летит, летит в тёмном небе.

Как давно и недавно всё это было: расставание с женой, дочерью, с товарищами, долгий, едва не кончившийся катастрофой полёт в Москву (наскочил немецкий ночной истребитель), инструктаж в Москве.

... Самолёт плавно развернулся, заскользил вниз, и майор увидел в иллюминатор сигнальные огни — пять костров, выложенных конвертом.

Ещё вираж, самолёт пошёл на посадку. В душе Рагозина защемило: «А вдруг ловушка!..» Он отгонял эту мысль, однако она нет-нет да и выскакивала из тайничка сознания: «А вдруг!..»

Самолёт промчался над верхушками леса. Ещё несколько секунд, и он запрыгал по неровной посадочной площадке. Распахнулась дверца, майор увидел группу людей. Они что-то кричали, размахивали руками. Из толпы шагнул высокий военный лет двадцати пяти.

— Товарищ майор, Ясновский партизанский отряд...

Славное, улыбочное лицо молодого человека стоило десятка паролей: свой, родной человек, сразу видать. Рагозин снял руки с ПППШ и, по старой партийной привычке, сразу же перейдя на «ты», оказал:

— Ладно, комиссар, докладывать после будешь. И причём — подробно. А сейчас... Здравствуй, комиссар!

— Здравия желаю, товарищ командир партизанского отряда.

— Ишь ты какой уставник! Что ж, это неплохо. Однако не будем терять времени. Самолёт не только нового командира доставил. Есть и оружие, и боеприпасы, и обмундирование. Даже свежие газеты имеются. Всего попомногу. Тяжелораненные подготовлены к эвакуации на «Большую землю»?

— Так точно.

— Видать, из строевиков?

— Бывший строевик, товарищ майор. В сороковом году окончил пехотное училище, служил на Украине.

— Знаю, знаю... Всё про тебя знаю. Солдатов Виктор Фомич. Верно? В боях под Киевом попал в окружение, был ранен. Так? Создал небольшой отряд народных мстителей, который позже влился в партизанский отряд подполковника Яснова... — Рагозин помолчал, добавил тихо: — Жаль Яснова. Я его ещё до войны знал. Умница был.

Солдатов ничего не ответил. Но и при слабом свете угасающих костров Пётр Максимович заметил, как увлажнились глаза молодого военного.

Партизаны ловко, сноровисто разгружали самолёт, на лесу на самодельных носилках выносили раненых. В полчаса всё было закончено. Самолёт разбежался и исчез в ночи. Рагозин обернулся к Солдатову.

— Показывай хозяйство, комиссар.

Партизанская база понравилась Петру Максимовичу.

Расположилась она в лесу. Добротные землянки хорошо замаскированы. Люди подтянуты, дисциплинированы. Настоящая воинская часть. Только вот обмундирование разношёрстное и партизанских бород изрядно.

— М-да, — резюмировал Рагозин. — Видать, неплохо потрудились вы с покойным Неновым. Трудновато мне придётся. Вообще-то, по совести говоря, тебе, комиссар, надо отрядом командовать, как строевику, а мне — комиссарить. Но приказ есть приказ.

Солдатов улыбнулся, испытующе посмотрел на Рагозина.

— Напрасно вы так о себе говорите, товарищ майор. Верно, вы партийный работник, но ведь и военный в прошлом.

Пётр Максимович рассмеялся.

— Всё обо мне разведал, комиссар! Молодец. «Большая земля» радировала? Хорошо. Так ты, наверное, знаешь тогда и об упразднении института военных комиссаров?.. И это тебе известно. Хе!.. Ты как бог Саваоф — всезнающ и всеведущ. И всё равно я буду звать тебя комиссаром, а не замполитом. Комиссар!.. Слово-то какое! Поэзия.

— Спасибо! — вдруг растрогался Солдатов. — Комиссар... действительно... В слове этом... Оно как песня революция, — замолчал и сконфузился.

— Ого, брат, так ты ещё ко всему прочему и лирик! Чего покраснел? Высоких чувств грех стыдиться.

В землянку вошла малюсенькая девушка в захлюстанном грязью пальтишке, подняла руку, чтобы откозырять, да так и рухнула на топчан. Солдатов кинулся к ней.

— Аня! Вернулась, — он напоил крохотную Анечку из котелка и, пока она аила, представил новому командиру отряда: — Наша разведчица. Дошла, в игольное ушко пролезет, если надо... Устала, бедняжка.

Осушив почти весь котелок, Аня коротко, по-детски, вздохнула, собравшись с силами, поднялась.

— В пять утра должен пройти эшелон с военнопленными... — Аня умоляюще уставила на Солдатов огромные голубые глаза, перевела взгляд на Рагозина и добавила: — Каждая минута дорога, товарищ новый командир Ясновского отряда.

— Ай да Аня! — Рагозин развёл руками. — У тебя, дочка, не глаза, а рентгеновская установка — насквозь видят. Сведения насчёт эшелона точные?

— Точные.

— Тогда поспеть надо, комиссар.

— Подрывники и группа прикрытия через десять минут отправятся на задание. До железнодорожного полотна, если не мешкать, чуть больше полутора часов ходу, — он взглянул на большие свои часы, похожие на дамскую пудреницу. — Сейчас два часа семнадцать минут... М-да! Впритык получается!

Через несколько минут подрывники и группа прикрытия выстроилась на небольшой полянке. Солдатов коротко представил нового командира. Рагозин поставил задачу: эшелон надо остановить, перебить охрану и освободить пленных. По обыкновению не удержался от шутки. Сказал в заключение:

— Срочно требуется подсадная утка. Кто умеет хорошо крякать по-немецки — два шага вперёд.

Из строя выступил щуплый человек в очках.

— Боец Ребровский до войны преподавал немецкий в институте иностранных языков.

— Добре. Но сегодня вы никакой не Ребровский; а ефрейтор Курт Мауль, понятно? Мигом облачайтесь в соответствующую фашистскую шкуру.

... Отряд форсированным маршем двигался к железнодорожному полотну. Люди спешили, не шли — почти бежали. И всё же мчались сломя голову. Впереди, и справа, и слева, действовали дозоры: возможность угодить в засаду практически была исключена. Добрые традиции оставил покойный Яснов. Слегка запыхавшийся Рагозин искоса поглядывал на комиссара. Тот шагал с каменным выражением лица — сердился па командира. Произошла между ними первая стычка. Пётр Максимович был кругом неправ, но всё же настоял на своём. Дело в том, что новый командир отряда пожелал возглавить операцию по освобождению военнопленных. Комиссар возражал, резонно говоря, что не дело командира кидаться в атаку на эшелоны. Никто не сомневается в храбрости нового командира. И если майор всё же настаивает на своём, то он, Солдатов, вынужден будет радировать об этом в штаб партизанского движения.

Пётр Максимович ответил, что комиссар неправ, есть человек, сомневающийся в храбрости командира, — он сам, майор Рагозин. Вернее, он хочет проверить, не разучился ли он быть храбрым. А уж больше он, честное слово, на такие авантюры пускаться не будет. И в штаб он просит обо всей этой истории не сообщать. Зачем лишний раз беспокоить очень запятых людей?

На том и порешили. Комиссар, однако, сердился на майора Рагозина, и это радовало Петра Максимовича. Хороший, значит, комиссар, заботливый, и военное дело толково знает.

В непроглядной тьме, взмыленные, по пояс в грязи, партизаны добрались, наконец, до опушки — метрах и полуторах от неё проходила железнодорожная насыпь. На ней то и дело вспыхивал острый лучик карманного фонаря. Четверо партизан, переодетых в немецкую форму, во главе с новоявлен-

ным Куртом Маулем скользнули во тьму. Через несколько минут острый лучик вдруг взлетел вверх, погас, вновь зажёгся и замелькал в сторону опушки.

— Порядок, — облегчённо вздохнул Солдатов.

По его сигналу часть диверсионной группы скрытно подползла к насыпи со стороны опушки, другая заняла такую же позицию по другую сторону насыпи и чуть левее. «Действуют по всем правилам искусства, — удовлетворённо подумал Рагозин. — Да!.. А где же мост, о котором мне говорил сердитый мой комиссар?»

— Мост, мост где, комиссар? — произнёс он вслух.

Солдатом молча показал в темноту. Там действительно вроде бы виднелось нечто, похожее на ферму моста.

— Как с охраной?

— Тоже порядок. Пересмена часовых у них теперь только в шесть утра, а сейчас четыре часа пятьдесят пять...

Комиссар не договорил, прислушался — издали донеслось слабое постукивание колёс. Участок, где залегли партизаны, шёл на подъём. Паровоз тяжело дышал... Вот вспыхнули его огромные глазищи...

Всё произошло быстро и ловко, как в приключенческом кинофильме.

На насыпь выскочил «Курт Мауль» с переодетыми в немецкую форму партизанами, замахал красным фонариком, для привлечения внимания машиниста выпустил в небо короткую очередь. Машинист включил экстренное торможение — паровоз окутался паром, загромыхали буфера. «Курт Мауль» размахивал флажком, орал по-немецки во всю глотку:

— Стой! Впереди лопнул рельс... Авария!..

Из паровозной будки вылез машинист в сопровождении двух автоматчиков, с пистолетом в руках подбежал офицер — начальник охраны.

— Что случилось!?! — накинулся он на «Мауля». Губы офицера подёргивались, он нервничал.

— Железнодорожная охрана, — доложил «Мауль», щёлкнув каблуками, — впереди лопнул рельс.

— Лопнул рельс! — заворчал офицер, — всё это партизанские штучки. Не можете навести порядка...

— Грязная свинья ты! — ответил «Курт Мауль», ухмыляясь.

Офицер с изумлением воззрился на сумасшедшего ефрейтора — и это было последнее, что видел он на этом свете: «Курт Мауль» длинной очередью срезал офицера, сопровождавших солдат и немца-машиниста.

Боя не получилось. Оставшуюся охрану мгновенно истребили партизаны. Лишь двоим гитлеровцам удалось бежать. Из вагонов навстречу своим освободителям высыпали пленные.

— Ладно, ладно, целоваться потом будем, — смеясь, говорили им партизаны. — Помогите лучше побыстрее эшелон разгрузить. Он, оказывается, комбинированный. И продовольствие в нём, и боеприпасы...

С эшелоном управились в несколько минут. Рагозин дал сигнал отходить в лес. Какой-то партизан заскочил в паровозную булку, перевёл реверс — эшелон двинулся к мосту... Быстрее... Быстрее...

... Назаров с облегчением вздохнул и даже перекрестился от избытка чувств. Наконец-то? Избавился. Он так мечтал выжить в этой проклятой войне! Сколько трудов стоило попасть в плен. Даже мёртвого из себя пришлось

изображать. И вдруг — на тебе! — партизаны.

Забившись в угол теплушки, Назаров, дрожа от страха и нетерпения, ждал, когда же, наконец, партизаны уберутся восвояси.

Это даже к лучшему, что партизаны его освободили. Сейчас они уйдут, а он, Назаров, проберётся в какую-нибудь богом забытую деревушку, пристроится на жительство к старушке... Нет, пожалуй, лучше прибиться к молодой...

Эшелон шёл быстрее, быстрее. Что такое? — не понял Назаров. Эшелон выскочил на мост, загрохотали стальные фермы...

И тут только страшная догадка пронзила всё существо дезертира. Он хотел вскочить, но ноги не повиновались.

— А-а-а-а-а!!! — взвыл по-звериному Назаров. Страшный вой его потонул в грохоте взрыва.

Диверсионная группа вернулась на партизанскую базу к рассвету. Рагозин сидел в землянке, прикрывая ладонью пулевую пробоину в поле шинели, и слушал доклад Солдатова. Военнопленных освобождено сто тридцать пять человек, захвачено оружия...

Комиссар укоризненно посмотрел на Рагозина, прервав доклад, ехидно улыбнулся, показал глазами на злосчастную полу шинели.

— Прячете дырочку? А если бы в ногу! Или чуть повыше... Опять нового командира пришлось бы просить?

— Не сердись, комиссар. Больше, честное слово, не буду. А насчёт твоего «если бы», знаешь как французы говорят? Они говорят: «С помощью слова «если» даже Париж можно втиснуть в бутылку... если он туда поместится». Вот. А у тебя ещё и «бы» вдобавок. Не сердись.

— Есть не сердиться! — рассмеялся Солдатов. Ему явно нравился новый командир. — Между прочим, среди пленных есть девушка. В беспомощности лежит, бредит. Видно, мучили её изверги. Висок разбит... То ли сапогом её, то ли прикладом. И простудилась, должно быть. Вся в жару. Бродит, маму зовёт, девушку какую-то, не помню уж как по имени, и ещё... — Солдатов сделал паузу. — И ещё зовёт какого-то Петра Максимовича.

Рагозин погрозил комиссару пальцем.

— Ты мне, брат, донжуанство не пришивай. А взглянуть, конечно, интересно. Где она, фея, призывающая Петра Максимовича?

— В госпитальной землянке.

— Пошли.

... Майор Рагозин, ошеломлённый удивительной встречей, долго стоял возле Катиной койки. Партизанский врач, пожилой человек в чеховском пенсне, сделал девушке укол, и она притихла.

— Ничего страшного, — поставил диагноз многоопытный эскулап. — Сильно избита и ещё, пожалуй, пневмония.

— Ничего страшного, — рассердился майор и тут же, поняв всю несуразность своих слов, сменив гнев на милость: — Ох, эти врачи! То им прыщик кажется тяжким заболеванием, то наоборот: человек еле дышит, а они — ничего страшного... А девица-то какова? Героиня! Даже в бреду стоит на своём: «Умру, но не скажу ни слова!» Молодец девица. Ай да Катя!

БАГРЯНО-ЗОЛОТЫЕ ЛИСТЬЯ ЧИНАРЫ

Мирабид, припадая на хроющую ногу, ковылял по обочине. До кишлака оставалось километра полтора, однако он решил присесть на придорожный валун отдохнуть, а заодно подождать попутную машину или арбу. И какой шайтан понёс его в гости к приятелю в соседний кишлак?! Обещал машину устроить, а как дошло до дела — нет никакой машины. Перед людьми неудобно!

До чего невесело брести одному по непролазной грязи, на пронизывающем ветру! Да и больная нога разболелась. Проклятье! Однажды допустишь ошибку, а потом всю жизнь за неё расплачиваться приходится. Восемь лет назад побился об заклад по пьянке, что победит в кураше самого Мавляна-батыра, и вот приходится ковылять до гробовой доски. Впрочем, нет худа без добра.

Мавлян-батыр в первый же день войны загредел на фронт, а через месяц от него лишь одна похоронная осталась. Лучше хромать и слыть трусом, чем всю жизнь, ха-ха, быть покойником!

Размышления Мирабида прервал шум автомобильного мотора — по размытой дождями дороге, виляя на выбоинах, ползла «эмочка». Мирабид вскочил, замахал руками. «Эмка» остановилась.

— Подвезите, пожалуйста.

Очутившись в машине, магазинщик огляделся. Ого! Приятная компания. Две женщины — одна лет сорока с небольшим, на цыганку похожа. Вторая. Ой-бо! Ну и красotka. Молоденькая, наверное, дочка старшей. Здорово на неё похожа. А шофёр незнакомый, видать, ташкентский. Да шайтан побери этого шофёра. Нужен он больно. Везёт — и ладно.

Старшая женщина первая нарушила молчание.

— Извините, пожалуйста, вы случайно не из кишлака Кайчилик?

— Именно, именно, многоуважаемая ханум! Я в этом кишлаке родился и вырос. — Магазинщик долго подыскивал «учёное» слово и наконец добавил торжественно: — Абориген я!.. А вон он и кишлак Кайчилик. Скоро въедем, — Мирабид принялся расхваливать красоты родного кишлака.

Младшая перебила Мирабида.

— Тогда вы, конечно, сможете показать нам дом тёти Хаджи Шакировой?

— Ещё бы, прекрасная пери!

— Её сын Рустам на фронте...

Мирабид бесцеремонно уставился на девушку. Ах, какая красotka! Глаза огнём горят, личико нежное... Те-те-те! Уж не завёл ли себе хитрец Рустам в дальних краях... Мирабид почувствовал в груди ревнивое чувство. Счастливчик! Везёт ему на красоток. С замиранием сердца спросил:

— Извините за нескромность, вы в гости к тётушке Хаджие или...

— Как вам сказать, — ответила девушка. — Рустам нас пригласил. А вот примет ли нас его мама?.. Из Нальчика мы эвакуировались.

— Примет, конечно, примет! — уверил Мирабид. — Воля сына для неё закон.

Светлана с любопытством приникла к окну. Дождливая погода не портила прекрасного пейзажа. Сплошная экзотика. Простор полей, диковинные деревья с торчащими во все стороны тонкими ветвями...

— Тутовник, — услужливо пояснил Мирабид. — Эти деревья всякий раз об-

резают, листьями откармливают тутовых червей, чтобы шёлк давали... А вот там, вдали, видите громадные деревья? Это чинары, царицы местной флоры, — хромец ухмыльнулся, довольный ввёрнутым им словечком «флора».

«Эмка» проехала ещё немного — впереди выстроились как на смотре рослые тополя. За ними открывался кишлак — глинобитные дувалы, приземистые домики с плоски—мл крышами. Светлана опустила стекло. Вместе с ветром в машину влетел багряно-золотой лист чинары — разлапистый, массивный. Девушка осторожно положила диковинный лист на ладошку, залюбовалась.

— Мамочка, взгляни, какой чудесный!

— Да, доченька. Слово из червонного золота вылит. Удивительная природа. Печальная и радостная. Как хорошо, что Рустам пригласил пас. Славный молодой человек,

«Славный! — со злобой подумал Мирабид. — Вот негодяй! Он не только дочку, но и мать успел заморочить». Вслух же произнёс:

— Мы, узбеки, народ гостеприимный. Если тётушка Хаджия затруднится приютить вас, то милости прошу в мой дом. У меня просторно. Будете жить — как на даче.

— Спасибо, спасибо, добрый вы человек, — поблагодарила старшая. — Думаю, всё обойдётся, но за приглашение большое спасибо.

Мирабид склонил голову, прижал руку к сердцу. «Ловко я! — похвалил он сам себя, — Надо войти в доверие к мамаше с дочкой. Пригодятся... Ну и Рустам — тихоня! Нигде не теряется».

Хромой магазинщик, завистник и плут, уверил сам себя, что в отношениях между Рустамом и приезжей цыганистой девушкой что-то не чисто. Ему хотелось в это верить. Очень хотелось. Вот он и поверил. А раз так — надо открыть глаза Мухаббат на всю эту неприглядную историю. Да и как же иначе? Мужчина приглашает в свой дом девушку!.. Какая наглость! Совсем совесть потерял учительшка.

Сказав шофёру, чтобы он свернул во второй переулок справа, Мирабид расплылся в улыбке:

— Вот вы и приехали, дорогие гости. Счастливая тётушка Хаджия! У нас недаром говорят: «Гость в дом — счастье в дом».

«Эмка» остановилась. Мирабид первым выбрался из машины, с удивительным проворством подбежал к калитке и закричал — так, чтобы соседи слышали:

— Тётушка Хаджия! Открывайте, к вам родственники приехали. Тётушка Хаджия! Встречайте новых родственников. Рустамджан прислал!

Он кричал по-узбекски. Евдокия Васильевна и Светлана нечего не поняли. Зато поняли соседи. Из калиток выглянули любопытные. Тётушка Хаджият, услышав надрывный крик Мирабида, переполошилась, второпях перепутав галоши, — правый на левую ногу надела, левый-на правую, выбежала за калитку. Она ничего не понимала — какие такие родственники?

Мирабид не без ехидства пояснил:

— Принимайте родственничков, тётушка Хаджия! Ваш дорогой сын Рустам прислал с фронта сноху вместе с матушкой.

В соседних калитках зашушукались. Тётушка Хаджия сразу вспомнила: о матери с дочкой писал ей Рустамджан и просил приютить, если приедут. Тё-

тушка Хаджия засуегила, ехидное замечание Мирабида пролетело мимо её ушей. Господи, дорогие гости! Они видели Рустамджана, разговаривали с ним, они могут рассказать о её ненаглядном сыночке! И красивые-то какие! Что мать, что дочь! С Рустамджаиом за одним столом сидели, а когда прощались, наверное, руку ему пожимали.

— Ох, радость-то какая! — запричитала тётушка Хаджия. — Гости дорогие... Быть мне рабой ваших прекрасных глаз, видевших моего ненаглядного сыночка! Пусть прах с ваших ног будет сурьмой для моих бровей Милости... Милости прошу в наш дом... Лишь бы Рустам, сын мой любимый, был жив и здоров.

Тётушка Хаджия нежно, будто сына родного, обняла Евдокию Васильевну, Светлану, поохала, поахала, спохватилась — повела в дом, приговаривая:

— Радость!.. Радость-то какая. От сыночка... От Рустамджана.

Тем временем Мирабид с шофёром занесли немудрёные пожитки приезжих. Магазижник ликовал в душе: пойдут по кишлаку слухи! Что, гордячка Мухаббат, здорово тебя ненаглядный твой Рустам надул?

Окончательно распоясавшись, Мирабид вновь пустил шпильку.

— Ай да Рустам! Сообразительный малый. Без свадебного пира обошёлся. Так и быть, за мной чёрный баран. Сделаем думба-джигир — на том и делу конец.

На сей раз тётушка Хаджия рассердилась.

— Не всякая шутка хороша, Мирабид. Вы же не за прилавком сейчас, чтобы всякий заваливающий товарец подсовывать.

Мирабид присмирел.

— Извините, тётушка Хаджия, не подумал. А что касается заваливающего товара, то сейчас, извините, нет его — всё хватают! — Мирабид оглушительно расхохотался.

Гости вошли в комнату, в центре которой красовался сандал. Они с любопытством рассматривали невиданное ими доселе убранство. Тётушка Хаджия рассыпалась в любезностях, а Мирабид взял на себя роль гида.

— Итак, многоуважаемые гости, обратите прекрасные глаза свои на типичную узбекскую комнату. В центре её так называемый сандал. Видите низенький столик, покрытый одеялом? Под ним, в земле, углубление, в котором находится жаровня с горящими углями. Очень удобное приспособление — сандал. Садись, опускаешь ноги вниз, к жаровне, — тепло. А углубления в стенах называются тахманами. В них, как видите, хранятся целые горы одеял. Узбеки питают пристрастие к одеялам. А это маленькие ватные одеяльца для сидения — вместо стульев, — называются курпачи...

Назойливый магазинщик стал надоедать и гостям и хозяйке. Тётушка Хаджия сердито покосилась па незваного помощника и опять захлопотала возле гостей.

— Милости прошу, садитесь к сандалу, марджа, — пригласила она Евдокию Васильевну. — И тут же — к Светлане: — И ты, доченька, садись, пожалуйста, красавица!

Тётушка Хаджия плохо говорила по-русски, не всегда нужное слово находила, но понять её было можно. Гости опасливо покосились на сандал, уселись кое-как, но вскоре приспособились. Им даже понравилось. Любопытно, главное. Диковинная какая печурка! За немудрёным угощением завязалась бесе-

да. Мирабид тоже уселся: Даже коротенькую молитву прочёл. Тётушка Хаджия и о здоровье гостей справлялась, и о том, как доехали— путь-то далёкий, трудный. А у самой в голове одна мысль: «Ну, скорее же о Рустаме! Как там — Рустам?»

Дошёл, наконец, черёд и до рассказа о Рустаме. Бедная мать ловила каждое слово. Ведь это всё о её сыне говорят! Но ничего такого особенного приезжие не поведали. Ну здоров Рустам, выглядит хорошо. На фронт уехал весёлый, всё шутил, грозился самого Гитлера поймать. Тётушка Хаджия и восторгалась и огорчалась в душе. Как всё просто! Никаких особенных слов о её сыне! Евдокия Васильевна вынула из сумочки бумажный треугольничек.

— А это собственноручное письмо вам, Хаджия-ханум.

«Хаджия-ханум» — это её ещё Рустам научил. Мирабид вытаращил глаза. Йе! Узбекский язык знает, а я тут всякое при ней говорил. Вскоре, однако, он успокоился, сообразил, что «ханум», — пожалуй, единственное узбекское слово, которое Евдокия Васильевна знает. Интриган приободрился. Увидев, что тётушка Хаджия в растерянности вертит письмо в руках (она вовсе не знала грамоты), предложил прочитать весточку от Рустама. Развернул треугольничек, важно начал:

«Милая матушка. Я жив и здоров, чего и вам, родная, желаю. Писать некогда — служба. Большая у меня к вам просьба. Мой добрый знакомый Пётр Максимович Рагозин уехал на фронт. Жена его Евдокия Васильевна и дочь Светлана вынуждены эвакуироваться. Едут они в Среднюю Азию, и я уговорил их остановиться на жительство в нашем доме. Будьте, пожалуйста, внимательны к ним, как к родным. Комната моя — их комната. На этом кончаю. Обнимаю вас, милая матушка. Ваш сын Рустам».

Тётушка Хаджия сидела сама не своя от радости. Со строчек коротенького письма исходят слова её сына!

Как-то незаметно в комнате объявились соседки, они с любопытством разглядывали приезжих, тихо переговаривались между собой. «Красивые», «Дочка прямо огонь!», «Глаза-то какие...»

Наконец тётушка Хаджия опомнилась, торопясь, стала объяснять Рагозиным:

— Вы уж извините меня, что сижу как пень. Сын... Сын со мной разговаривал!.. Ну, конечно, я очень рада вашему приезду. Комната Рустамджана — ваша комната. В ней вам удобно будет. И стол есть, и стулья, кровать... Ах, я растяпа! Идёмте, покажу комнату...

Рагозины благодарили, извинялись за причинённые неудобства. Тётушка Хаджия тоже извинялась — за скромный приём. Обычный обмен любезностями. И тут одна из соседок, Халима-апа, всё же любопытствовала:

— Мирабиджан, спросите молоденькую... Она, часом, не вышла ли замуж за Рустама? С чего ради, просто так, двух женщин в дом пригласил?

Хитрый Мирабид спросил Светлану, давно ли она знакома с Рустамом. Девушка ответила:

— Нет, совсем недавно познакомились. Просто быстро подружились.

Мирабид, не моргнув глазом, «перевёл»:

— Она говорит, что ещё не поженились.

Соседки закачали головами. Ну и молодёжь нынче пошла. Никогда не знаете, что у молодых на уме. То так, то эдак.

Тут интригану явилась хитрая мысль. Любезно улыбаясь, он обратился к Светлане:

— Светаджан, как только Рустам вернётся с войны, сразу же свадьбу устроим. Согласны?

Светлана, уверенная в том, что речь идёт о свадьбе Рустама и Мухаббат, о которой столько рассказывал «курсант Шакиров», закивала головой.

— О! Я буду очень рада. Я всем сердцем люблю и уважаю Рустама.

Хитрец Мирабид перевёл на этот раз весьма точно. Соседки зашептались, быстренько стали расходиться, чтобы разнести по кишлаку ошеломляющую новость. Даже тётушка Хаджия насторожилась. Чем шайтан не шутит! Глазастая, красивая... И тут же отмела эту мысль. Совсем ум за разум зашёл! Света, конечно, красивая, симпатичная. Но ведь Рустам любит Мухаббат, очень любит!

Тут как раз Светлана спросила:

— Кстати, где эта девушка?.. Мухаббат. Рустам просил передать ей большой привет и чтобы ждала его, обязательно.

У тётушки Хаджия отлегло от сердца. Зато Мурабид скривился, словно стакан винного уксуса выпил. Хорошо, хоть соседки разошлись, а то весь хитро задуманный план полетел бы вверх тормашками. Посидев ещё малость, магазинчик стал прощаться. Теперь он заторопился.

Напоследок всё же пустил ещё одну ядовитую стрелу.

— Мухаббат нынче начальница. Бригадир! Целыми днями и ночами пропадает. А где — кто её ведает? Охотников провести с ней время больше чем достаточно... Хайр! Я пошёл.

И побежал что было мочи к своему союзнику — старику Максуму. Надо ковать железо, пока оно горячо. В самый раз Максуму заняться делом. Завтра-послезавтра о новоявленной «невесте», Светлане, будет знать весь кишлак. Мухаббат, конечно, расстроится. Но она не пойдёт объясняться, мол, зачем жениха отбиваешь. Характер у Мухаббат — кремень. Тут как раз старику Максуму и пора явиться в качестве ходатая по его, Мирабида, делам!

Обливаясь потом, Мирабид добежал до дома Максума, забарабанил в калитку.

Максум-бобо сидел за сандалом и читал коран. Увидев запыхавшегося Мирабида, отложил в сторону книгу.

— Добро пожаловать, Мирабид-бек. Что с вами? Не поймёшь, не то за вами шайтан гнался, не то — клад нашли.

Мирабид, торопясь, снял у порога калоши, произнёс скороговоркой: «Бисмиляху рахманур-рахим» и, протянув старику обе руки, ответил:

— Вы правы, уважаемый. И шайтан за мной гнался, и, возможно, бесценный клад нашёл. Всё зависит теперь от вас. А уж я в долгу не останусь, можете быть уверены!..

Заикаясь от волнения, хитрец изложил суть дела. Причём так изложил, что не оставалось никаких сомнений! Светлана — невеста Рустама.

Максум-всё-не-так захохотал, затеребил свою козлиную бородку.

— Ну и учительшка! Каков, а! Что я говорил... Хош. Ну, ничего, старинная мудрость гласит: «Если бог пожелает одарить человека, то он заставит человека споткнуться, чтобы найти золото». Повезло вам, Мирабид-бек. Теперь, это уж точно — Мухаббат ваша.

— Благословение вашим устам, аксакал!

Старик сделал внушительную паузу, подмигнул Мирабиду и, чтобы магазинщик не очень-то думал, будто обвёл его вокруг пальца, задал ядовитый вопрос:

— А вы можете поклясться в том, что эта девица действительно невеста учительшики?

Мирабид захлопал редкими ресницами, заюлил глазками.

— Кхе... Как вам сказать? Мне кажется, что между ними что-то есть. Это точно.

— Между мной я вами тоже что-то есть, — желчно улыбнулся Максум-бобо.

— А зачем тогда учительшика девушку вместе с матерью в свой дом привёз? Нет дыма без огня!

Максум погладил бородку, проницательно уставился на Мирабиду, вновь улыбнулся.

— Понятно. Однако хватит юлить. Мы ведь с вами общее дело стараемся уладить. Честно признаюсь: сколько я ни уговаривал, ни стращал Мухаббат — все мои усилия были безуспешны. Не то время нынче. Раньше приказал — и порядок. Нынче же молодые девушки распустились, никакого уважения к старшим. Но ничего, обломаем! — Старик от удовольствия зачмокал губами. — Однако, чур, уговор, милый будущий родственничек: усилия мои вы должны оценить по достоинству.

Магазинщик даже подскочил на курпаче.

— О!.. Конечно, конечно. Мы с вами душа в душу заживём.

— Я не невеста! — Максум расхохотался.

— Извините, не так выразился. Я оценю. Только дело быстро надобно про-вернуть. Завтра же утром...

— Можно и завтра.

Мирабид покраснелся, он весь дрожал, словно его лихорадка трясла, на все лады благодарил Максума, от полноты чувств и в качестве задатка подарил старику великолепный бумажник с золотым тиснением, оставив «по рассеянности» в одном из карманчиков три сторублёвки.

Он так был взволнован, что даже от чая отказался. Распрощался и заковылял домой.

Всю ночь Мирабид не сомкнул глаз — предавался сладким мечтам.

Максум поднялся на рассвете. Помолился с чувством, и спросил у всевышнего удачи в задуманном деле. Перед уходом, как обычно, крикнул жене:

— Эй, старая! Калитку закрой на крючок, не оставляй калитку открытой. Времена нынче не те — калитку настезь держать.

Выглянул на улицу, поёжился от холода. Большой отливающий бронзой лист сорвался с древней чинары, скользнул в воздухе и опустился Максуму на чалму. Старик смахнул удивительный лист в лужу: а, чтоб тебя!.. Оправил на себе стёганый халат, зашагал, стараясь не ступить в грязь.

Завидев Максума, тётушка Хаджия остолбенела. С какой стати пожаловал старый брюзга? Сто лет не заглядывал, а тут — на тебе! Ох, не к добру это, не к добру. Внешне же не проявила своего волнения. Как требует обычай, приветствовала гостя, справилась о здоровье.

Максум тоже, соблюдая этикет, с достоинством сказал несколько любезностей. Но жёлтые глаза его так и рыскали... Ага! Вот она — девица, о которой

только и разговоров в кишлаке! Хозяйничает во дворе. Подметает. Ничего себе девица. Хе!.. Сбросить бы мне десятка два лет... Расправив усы и бороду, обратился к Светлане сладким голоском:

— Здравствуй, кизимка!.. Знаешь, что такое «кизимка»? По-русски — дочка. Здравствуй, дочка. Ну и красавица ты! Глаз не оторвёшь.

Смущённая Светлана ответила на приветствие. Станный старик. Желчный, словно акрихина объелся. Глаза неприятные, как два буравчика. И что-то у него на душе. Нехорошее на душе.

Тётушка Хаджия с низким поклоном проводила старика в комнату. Евдокия Васильевна, сидевшая за сандалом, увидела старика, хотела было приподняться, но Максум жестом остановил её: мол, сиди, сиди.

Сам сел, сунул под одеяло замёрзшие руки. Долго молчал — всё размышлял: значит, не соврал Мирабид. Ай да учительшка!

Первой не вынесла тягостного молчания Евдокия. Васильевна.

— Хорошо у вас в кишлаке. Чистый воздух...

Максум в упор глянул на Рагозину, ослабился. Мешая русские и узбекские слова, спросил:

— Что, марджа, сандал яхши... хорошо?

— Любопытно. Ногам и рукам тепло, а спина мёрзнет.

— Ничего, спина привыкнет. Сандал — дар мудрых предков. А печки — это нам не подходит.

— Да... конечно... — растерялась Евдокия Васильевна. — У каждого народа свои обычаи.

Максум взял под обстрел тётушку Хаджию.

— Поздравляю, старая, с прибавлением семейства. Я рад. Рустаму посчастливилось поймать ласточку, может, и сам прилетит за ней следом.

— А?.. Что? — не поняла тётушка Хаджия.

— Рустам, что ли, гостей прислал?

— Рустамджан.

— Хош... До приезда сына жить здесь будут?

— До окончания войны. Евдокия-ханум больна, бедняжка. Город их фашисты бомбили, вот у неё сердце и не выдержало. И дочка её не совсем здорова.

— А на вид цветущие. Что же они тут делать собираются?

— Евдокия-ханум доктор, а дочка её, Светлана, — медсестра.

— Как гости... нравятся?

— Очень. Евдокия-ханум славная, умная. И Света-джан ей под стать. А уж трудолюбивая до чего! Весь дом буквально вылизали.

— То-то, я смотрю, дом твой на дом невесты похож. Это счастье твоё, что невестка в дом своими ногами прешла. Святой коран это поощряет. Эта... как её... Света-джан — она в десять раз лучше многих нынешних девушек. Молодец Рустам. Знал, кого выбрать. Научите её жить по нашим древним законам — всевышний за это воздаст сторицей.

Тётушка Хаджия вздрогнула, сообразив, наконец, куда гнёт злоязычный Максум.

— Ой, да что это вы говорите? У Рустамджана уже есть избранница. Вам-то, уважаемый мулла-ака, хорошо известно.

— Мне? Известно? Ничуть. Кто она?

— Ваша племянница, Мухаббат.

— Вздор какой! Насколько мне известно, Мухаббат расположена к Мирабиду. Видели на ней повое пальто? Это Мирабида подарок. И в кино они ходит вместе. И вообще...

Евдокия Васильевна ни слова не поняла из этого разговора. Заметив, однако, что мать Рустама побледнела, сочла долгом вмешаться:

— Что с вами, Хаджия-ханум? Может, лекарство выпьете?

— Ничего, милая. Сейчас пройдёт, — повернувшись к старику, произнесла дрожащим голосом. — Как же это... Ведь Мирабид... Его ночью встретишь — испугаешься. Не может быть!

— А что — Мирабид? — хладнокровно отвечал старик. — Самостоятельный человек. Он, конечно, не красавчик, однако... Знаешь, как ежика к своему ежонку обращается?.. «Мягонький ты мой!» Так что, Мирабид жених — хоть куда. Стерпится — слюбится.

Бедная женщина совсем духом пала. В самом деле, кто их там разберёт? Молодёжь нынче своенравная. Сегодня одно на уме, завтра другое. Может, надоело Мухаббат ждать Рустама? Жизнь-то идёт

Вошла Светлана, внесла дышащий паром самовар. Максум оживился.

— Ах, хороша девушка! Райская красотка. Не грусти, старая, твой Рустам не промах. А что до моей племянницы, то скажу тебе по чести. Хм... Стала она, хваленая Мухаббат, не такой, какой бы тебе хотелось её видеть. Дни и ночи где-то скитается. Перед людьми неудобно. Бригадирша! Всё ей теперь позволено. Спасибо, хоть Мирабид всё ей прощает.

Старик многозначительно пожевал губами и вдруг спохватился.

— Однако, заболтался я! А дел непочатый край, — кряхтя, поднялся, стал прощаться.

— Куда же вы, а чай?

— Не могу. Спешу. Впрочем, по старинному обычаю... Кусочек лепёшки... Рахмат... Хайр! Будьте здоровы.

Жуя на ходу лепёшку, Максум мурлыкал от избытка чувств. Он был очень доволен собой. Ловко всё провернул, заронил сомнение в душе старой. Хаджия, конечно, не выдержит, скажет пару горяченьких слов Мухаббат, на зло ей похвалит Светлану. Мухаббат, и без того наслышанная о гостях Хаджии, тоже, со своей стороны, не удержится от ядовитых стрел... Глядишь, дельце-то и сладится. Сколько можно ждать учительишку! Он где-то за тридевять земель, останется ли жив — неизвестно. Да и вернётся ли? Даже если и не убьют его. Большие города вроде паутины. Запутывается человек в тенётах города. Забывает о родном кишлаке. А учительишка небось не в одном городе побывал. Да и сколько ещё городов впереди!.. Ах, как хорошо всё идёт! Сладим дельце, обязательно. А как свадьбу сыграем, стану я над молодыми вроде опекуна. С Мирабидом хорошие дела можно вершить!

Старик до того размечтался, что и не заметил, как дошёл до дома Мухаббат. Увидев знакомую резную калитку, приосанился, едва перешагнув порог, закричал весело:

— Ой, невестка! Где ты?.. Ага, вот ты, оказывается, где. Возле тандыра хлопчешь. Богу угодное дело. — хлеб печь. И знак добрый. Коли печёшь лепёшки, стало быть, без муки не сидишь. По нынешним временам завидное занятие, хе-хе!.. Новости знаешь? К Хаджие гости приехали. Люди толкуют, будто Рустам-то, тихоня хитрющий, не случайно этакую красотку в своём доме посе-

лил.

Тётушка Санобар всё уже знала и в душе тяжело переживала. А вдруг и впрямь невеста приехала! Ой-бо! Бедная Мухаббат! Она тоже переживает. Никому не говорит, даже матери родной, а страдает.

Оставив тандыр, тётушка Санобар приветствовала старшего брата покойного её мужа, завела в дом, усадила на мягкую курпачу.

— Чаю, мулла-ака, не желаете ли?

Максум расположился по-хозяйски, огляделся по сторонам, произнёс тоном рассерженного владыки:

— Опять этой несносной девчонки дома нет?! Позор! Только не уверяй меня, невестка, что Мухаббат уже на работу ушла. Ой-бо!.. Стыдно людям в глаза глядеть. Совсем девчонка от рук отбилась.

— Что ты, что вы, мулла-ака! — всполошилась тётушка Санобар. — Дома Мухаббат.

Старик грозно повёл очами, недоверчива покачал головой. Тут как раз Мухаббат вышла из своей комнатки. Максум преобразился — расцвёл в улыбке, ласково поманил к себе племянницу.

— Здравствуй, голубушка! Что-то бледненькая ты сегодня, не захворала ли, упаси господь? Садись, садись рядышком. Поговорить с тобой надобно. Люблю к тебе, как родную дочь. А если хочешь знать, — больше, чем дочь. Да! Тебе хорошо — и я счастлив. Тебе худо — и моя душа страдает.

Старый интриган усадил девушку, поохал, глядя на её измученное бессонной ночью лицо, тёмные круги над глазами. Он до того вошёл в роль, что даже тихонько всхлипнул. Да он, в сущности, и в самом деле любил племянницу. Не мог старик выносить в ней только новомодную самостоятельность, завидовал трудовой славе.

Мухаббат подивилась. Поди ж ты, переживает старик. Значит, и ему всё известно. Девушка растерялась, она никогда не видела дядю Максума всхлипывающим. Старик понял внутреннее состояние племянницы, тихо возликовал и начал — с чувством, проникновенно:

— Тяжёлые нынче времена, доченька. Кровавая война гремит-рычит, и нет ей ни конца ни краю. Гитлер, изверг проклятый, до великой реки Волги добрался. Под городом Сталинградом побоище великое... Я правильно говорю, доченька?

— Да, дядя, — Мухаббат никак не могла уразуметь, чего это ради дядя Максум затеял целую лекцию о положении на фронте.

Хитрый старик завёл разговор о фронтовых неудачах умышленно. Выдержав для интриги паузу, он продолжал:

— Отчего, по-твоему, доченька, в военных делах неувязка? Грозилась врага на его земле изничтожить, а сейчас так наступаем, что небось уж и горы Уральские видать. Не знаешь, почему так? То-то же всё у нас было — и оружие, и другая всякая всячина. Одна беда: не считаются нынче с мудростью старости. Молодёжь так и вообще стариков за людей не считает. Отсюда и промашка. Отставили стариков от полков и дивизий, сделали командирами безусых юнцов... Оно и пожалуйста!

— Что вы, дядя!

— Ты меня, доченька, не перебивай, нехорошо это и лишний раз подтверждает истинность моих слов: не уважаете вы, молодые, стариков. Может, я и

не точно сказал, но это и не суть важно. Я пришёл о другой войне потолковать. Сколько раз я тебя убеждал: откажись от бригадирства, откажись!.. Язык устал. А ты — ноль внимания. То в поле, то в правлении до тёмной ночи торчишь. Иной раз и дома не почувешь, А люди всё примечают. Посмеиваются.

Мухаббат покраснела, укоризненно посмотрела на дядю.

— Зачем вы так? Разве позор — добросовестно работать?

— Вот опять перебила! Эх... Труд — благое дело. Только люди по другому поводу языки точат, мол, чем это Мухаббат занимается по ночам в правлении? Не перебивай. Послушай лучше. Иной раз, дочка, человек ступит в грязь и не заметит. А люди смеются. Злые люди не только смеются, они и письма кое-куда пишут. Вот есть у тебя жених. Да? Поначалу я сердился. Не нравился мне твой учитель. Уговаривал тебя — не послушалась. В нашем роду ты первая, решившая выйти замуж, не считаясь с волей старших. Хош... Ну, думаю, такие уж теперь времена. Может, я и не прав. А что на деле вышло?

Максум умолк и знаком показал тётушке Санобар: чаю мне. Подавленная великой мудростью семейного главы, женщина заметалась по комнате. Ой! Где же пиала? Самовар где?.. Наконец нашла всё, почтительно поднесла старику чаю. Тот не спеша отхлебнул глоток-другой, вновь заговорил:

— Молчишь, Мухаббатджан? А язычок у тебя вроде неплохо подвешен.

— Вы не велели перебивать, дядя.

— Да, велел не перебивать, когда я говорю. А сейчас я молчал. Так вот... Учитель доказал — ещё как доказал! — низость своей души. Ты тут ждёшь его, найдостойнейшего жениха отвергла, а учитель... Небось черкнул ему завистник пару строк о твоих ночных трудах...

— Дядя!..

— Не перебивай! Я же не подозреваю тебя в плохом. Учитель подозревает. А впрочем, он такой, что и без писем горазд опозорить девушку. Завёл шашни, прислал в отчий дом целое семейство. Скажи, не кривя душой, — пишет он тебе сейчас?

Мухаббат отрицательно покачала головой.

Рустам последнее время не писал. Прислал одно лишь письмо в три-четыре строчки, мол, жив-здоров, а писать некогда.

— Вот-вот! — обрадовался старик. — Теперь всё понятно. Я только что из того... — Максум поморщился, — дома. Всех видел. Ну и семейка! Не горюй, доченька!

И не ходи туда объясняться. Будь гордой. А если мать учителя явится, тоже не выясняй отношений. И так всё видно, как на ладони.

Вмешалась тётушка Санобар. Максум нахмурился было, но, услышав её слова, довольно закивал.

— Бедная моя доченька! Стыд-то какой! Говорила я тебе, нечего ждать, время идёт, красота блекнет. Кому ты будешь нужна?.. Ждать, ждать. Вот и дождалась! — тётушка Санобар вдруг умолкла, стала ловить ртом воздух, медленно опустилась на пол.

Дядя с племянницей принялись хлопотать вокруг неё. Напоили водой. Мухаббат накапала лекарства. Кое-как успокоили. После чего Максум велел племяннице отправиться в свою комнату, а сам, оставшись наедине с невесткой, затеял такой разговор:

— Об учителе и доме его больше ни слова. Теперь надо думать, как выпу-

таться из этого щекотливого положения. Мне кажется, Мирабид человек добрый, без предрассудков. Он очень любит Мухаббат и, пожалуй, готов прикрыть наш позор узами святого брака.

— Позор?

— Опять перебиваешь?! Да, позор. И не спорь. Ты и племянница очень любите спорить. Выговаривали мне за то, что я учителяшку по старинному обычаю «куцым» звал? Ещё как выговаривали. Мол, нехорошо человека оскорблять. Это до революции всякого человека, одевшего европейский костюм с коротким пиджачком, дразнили «куцым»... Выговаривали. А? Было такое? А прав всё же я оказался. У учителя не только пиджачок куцый — у него и совесть куцая.

— Ваша правда, мулла-ака.

— Правда! А когда я неправ был, а? — Максум, проникшись сознанием собственной мудрости, прослезился от умиления. — Проклятие на голову негодяя учителяшки! Пусть призрак моего бедного брата Ашурали схватит подлого обманщика за шиворот и утащит в преисподнюю...

Максум закашлялся, в замешательстве стал разглаживать свою козлиную бороду. Он сообразил, что с преисподней переборщил. Вышло, что покойный брат не блаженствует в райских куцах, а находится в преисподней. К счастью, расстроенная тётушка Санобар не уловила неприличного подтекста. Она с мольбой смотрела на старика.

— Что же теперь нам делать, мулла-ака?

— Выдать Мухаббат замуж за достойного Мирабида. Я сказал.

Максум поднялся, молитвенно провёл по лицу ладонями. Тихонько подкрался к дверям, ведущим в комнату Мухаббат. Заглянул. Девушка горько плакала. Старив тихонько позвал её:

— Мухабба-ат! Не плачь, доченька. Дядя Максум не даст тебя в обиду. Устрою я твоё счастье, поверь мне. Только слушайся своего дядю, ладно?

На цыпочках попятился, наклонился к тётушке Санобар, зашептал на ухо:

— Ты, невестка, следи за дочкой и днём и ночью. Глаз с неё не спускай. Как бы не сделала с собой чего...

И без того убитая горем женщина задрожала:

— Ой! Что же это!.. О аллах, спаси нас и помилуй!

— На бога надейся, невестка, а сама не плошай.

Максум осторожно похлопал невестку по плечу, мужайся, дескать, и вышел на улицу.

Ярко светило холодное осеннее солнце. Ветер носил палые листья — сухие, сморщенные. И лишь бронзовые листья чинары не увядали, удивляя и радуя людей своей бессмертной красотой.

Старик поплотнее запахнул стёганный халат, потёр ладони, довольный разговором с племянницей и невесткой. Сотворив наскоро молитву, зашагал в магазин, к Мирабиду.

Не узнавал Мирабид Ташкента. До войны красивый такой был город, приятный, люди вежливые. А теперь об-бо!.. Народу, народу! И военных тьма, и эвакуированных тьма. Даже две тьмы. И раненых. Очереди всюду. Раньше шашлыки на каждом углу жарили, огромные котлы с пловом исходили ароматным паром. Нынче же всё по карточкам. Хорошо хоть добрые знакомые

есть, а то с голоду бы помереть можно, карауля Мухаббат.

Ну, ничего, последние денёчки бригадирствует красавица. Вот женюсь — поставлю на место. Хе!.. А старик Максум хитро придумал — устроить «нечаянную» встречу с Мухаббат в Ташкенте. Голова у него варит. Мол, здравствуйте, какими судьбами в столице? Ах, на совещании? А я по обыденным своим делам — товар добывать. И так далее.

Мирабид хоть и кривил губы: «Не тот нынче Ташкент», однако в душе был доволен. Носил он командирскую шинель, с петлицами без знаков различия, яловые сапоги — все люди, видя его хромоту, принимали Мирабида за инвалида войны: уступали дорогу, место в трамвае; какой-то морячок, прибывший в Ташкент на побывку, поднес Мирабиду стакан водки. Магазинщик мог при желании выставить бочку водки. Но подношение «брата — фронтовика» приятно щекотало самолюбие. Оказывается, можно и не воевать, а прослыть «братишкой».

В голове приятно позванивало, шальные мысли вселяли в душу храбрость, решительность. Сейчас он раз и навсегда объяснится со строптивицей. Ишь, какая! Бросил её Рустам, и нечего ей теперь нос задирать. Пусть лучше спасибо мне скажет!

Подвыпивший хромец сейчас искренне считал, что, предлагая Мухаббат руку и сердце, делает благодеяние.

Он потоптался ещё немного на углу, посмотрел на часы. Шестой час, пора бы и заканчивать говорильню. Только он подумал об этом, как из большого серого здания со стрельчатыми окнами в восточном стиле повалил народ. Участники совещания садились на выдавшие виды грузовички, некоторые, за неимением автомобилей, с шутками и смехом усаживались на пролётки. Были и такие, что отправились пешком. «Голосовать небось будут на дорогах, — подумал Мирабид, и мысль эта его почему-то рассмешила. — Однако... Где же Мухаббат? Ага! Вот она».

Мухаббат, понурившись, шла к трамвайной остановке. Плохо ей было, тяжело на душе. Мысль об измене Рустама огнём жгла голову. А тут ещё знакомые на совещании — в один голос: «Что с вами, Мухаббат? Никак заболели? Обязательно покажитесь врачу, на вас лица нет!»

Нет, врачи бессильны. Никто не может помочь ей. О Рустам! Неужели ты... Не может быть, пег! А что, если объяснить с тётушкой Хаджией, с этой девушкой... Светланой?.. Нет! Пускай мать Рустама сама придёт, если слухи лживые. А Светлана... Если между ними что-то есть, она всё равно будет скрывать.

Подошёл трамвай. Мухаббат машинально вошла в вагон, машинально протянула кондукторше гривенник.

И тут простая, удивительно ясная мысль озарила Мухаббат: «Рустам писал ей, Мухаббат, о Петре Максимовиче Рагозине и просил гостеприимно встретить его семью. Боже, как всё это легко объясняется!» Девушка просияла. Стоявший рядом с ней пожилой красноармеец, решив, что Мухаббат улыбается ему, тоже улыбнулся. Мухаббат смутилась — смутился и пожилой красноармеец.

Мухаббат готова была расцеловать этого усатого дядьку: до чего замечательный дядька, смущается, краснеет! Чистая душа.

Ах, до чего же я глупа! Светлана приходила ко мне домой, а я, чудачка, ве-

лела матери сказать, что уехала в командировку. Чудно! Какие в колхозе могут быть командировки! Ах, как хорошо, как радостно жить!..

— Мухаббат, Мухаббатхон! — услышала она въедливый голос. Расталкивая пассажиров локтями, к ней протискивался ухмыляющийся Мирабид. — Какими судьбами, прекрасная из прекрасных красавиц?

У девушки сразу испортилось настроение, погано стало на душе от нелепых мирабидовых комплиментов. Хромец продолжал расстилаться ковром. При этом он каким-то непостижимым образом умудрялся самой неясной своей фразе придать глупый смысл. И не от того, что сам он был глуп. Мирабида дураком не назовёшь. Недалёкий — это верно. Однако не дурак, во всяком случае делишки свои обделывает умно, как говорится, комар носа не подточит. По сей час, после выпитой водки, Мирабиду море было но колено. К тому же он считал, что «теперь-то Мухаббат у меня в кармане» и, отпуская комплименты, старался вместе с тем поставить на место будущую жену.

— Ах, Мухаббатхон, свет очей моих! — распинался Мирабид. — Как хорошо, что я вас встретил, Это — фортуна! Очень я люблю вас и матушку пашу. Скажите, что сделать для вас — всё будет! Я всё могу. Главная моя цель в жизни — вступить в законный брак и осчастливить мою избранницу, — Мирабид многозначительно посмотрел на Мухаббат. — Да, да, не улыбайтесь.

— Смешной вы, Мирабид-ака. Главная цель — осчастливить законным браком!

— Ха!.. Понимаю, Вы насчёт сияющих вершин, светлого будущего... Красивые слова. Но я — «за». Однако у человека и свои личные цели есть. Взять, к примеру, вашу матушку. Овдовела она рано, но вторично замуж не вышла. А почему? Всю свою жизнь любимой доченьке посвятила. У вас, Мухаббатхон, упаси бог, какие неприятности — тётушка Сапобар во сто раз больше переживает! — Мирабид сделал многозначительную паузу. — И у меня такая же нежная душа. Коли женюсь, на руках буду носить свою избранницу. Зачем ей работать? От работы, хе-хе... конидохнут. Пусть хозяйничает дома, благо лом у меня-дай боже, каждому такой!.. Сколько вы по магазинам бегали пальто искали? Месяца два, если не больше. А я — раз, два и готово. Великолепное пальто, Мухаббатхон! Очень идёт вам...

От мирабидовой болтовни у девушки разболелась голова. Странное дело: она понимала, что ей морочат голову, что намёки на неприятности имеют целью окончательно рассорить её с Рустамом. И всё же горестные сомнения вновь ядовитыми змейками заползали в душу. А вдруг молва насчёт Светланы...

Трамвай подкатил к конечной остановке. Надо было искать попутную машину, Мирабид принялся уговаривать:

— К чему трястись в машине на голодный желудок? Давайте пообедаем. Тут рядом есть столовая, заведующий — мой приятель.

— Поздно уже, Мирабид-ака, попутных машин не будет.

— Попутных машин? — Мирабид сделал страшные глаза. — Зачем попутные?! Давайте пообедаем, затем я позвоню другому моему приятелю — и в нашем распоряжении будет комфортабельный «ЗИС-109». Надо уметь жить красиво, милая Мухаббат.

Как ни отнекивалась девушка, Мирабид настоял на своём. В маленькой столовой, битком набитой посетителями, было чадно, стоял неумолчный го-

мон. Мирабид мигнул официантке, и она провела его и Мухаббат в отдельную комнатку. В общем зале люди ели жиденький постный борщ, а здесь на столе появился ароматный лагман с пережаренными в масле аппетитными кусками мяса, в болгарским перцем, истекающая жиром самса, водка в графинчике, лепёшки из пшеничной муки.

У Мухаббат пропал аппетит, хотя она не ела с раннего утра.

В стране множество голодных стариков, детей, по карточкам дают скудные нормы масла, сахара, мясо подчас заменяют бог знает чем. А эти... Обжираются! Честные люди проливают кровь на фронте. А эти...

Девушка отодвинула от себя касу с лагманом. Ей хотелось наговорить магазинщику грубостей, но язык почему-то не поворачивался. Она стыдилась. Стыдно было за Мирабида и его дружков.

При виде еды хромец преобразился. Мухаббат вспомнила рассказы покойного деда о том, что в старину, прежде чем нанять работника, его кормили. Коли ест быстро, значит, и работать будет быстро, медленно ест — лентяй. Если судить по этой примете, Мирабид как работник стоит пятерых. Но за едой раскрывался и его характер — алчный, крохоборский. Налив себе полный стакан водки, Мирабид с жадностью накинулся на лагман, в два счёта управился с ним, обжигаясь, проглотил горячие самсы и только после этого опомнился.

— Йе! Мухаббатхон, почему не едите?

— Не хочется. Заходила в обкомовскую столовую,

Мирабид алчно глянул на оставшийся лагман. Казалось, скажи ему Мухаббат: «Ешьте мою порцию, чего добру пропадать», — и он вновь начнёт жевать, чавкать, облизывать пальцы. Мухаббат промолчала, и магазинщик ограничился тем, что доел её самсу. Лагман не тронул. Затем Мирабид закурил. Водка ударила ему в голову. Он по-прежнему был назойлив, говорлив, но язык стал слегка заплетаться. Мухаббат, проклиная себя за то, что согласилась остаться с Мирабидом, не выдержала:

— Чего это вы, Мирабид-ака, словно соловой заливаетесь?

Хромец не понял намёка, напротив, широко улыбнулся, показал реденькие зубы:

— Рядом со мной соловушка. Мне тоже хочется быть похожим па соловья.

«На черта ты похож!» — в сердцах подумала Мухаббат. Вслух же произнесла:

— Мама совсем меня потеряла, пора домой.

— Хоп, хоп, — засуетился Мирабид. — Машина ждёт. Мирабид даром слов на ветер бросать не прив-ик... ик, — он стал икать.

И в самом деле, «ЗИС-109» ждал их. Угрюмый шофёр в расстёгнутой телогрейке с двумя золотистыми нашивками на гимнастёрке — знаками тяжёлых ранений — всю дорогу не проронил ни слова. Зато Мирабид распинался изо всех сил.

— Мухаббатхон, соловушка, не надо грустить. Я всё... ик... понимаю. И вообще я готов растерзать непостоянных парней! А этот учитель... ик-ие... Образованные все такие!

— О чём это вы? — тихо спросила Мухаббат, стгорая от стыда.

— Да о том, о чём даже вороны каркают.

— Вам-то к чему каркать?

— А к тому, красавица, — развязно улыбнулся Мирабид, — что теперь нам

надо раз и навсегда забыть об учителе и по достоинству... ик... оценить благородство

души одного хорошего человека. — Тут он не выдержал и заговорил с пьяной откровенностью: — Выходите за меня замуж, Мухаббатхон. Не пожалееете. Пусть у того неверного учителя душа сгорит от зависти!

Кровь бросилась в лицо Мухаббат.

— Как не стыдно! Рустам на фронте... Вот прошла минута, и неизвестно — жив ли он. Вы... Вы!..

— Тем более, зачем вам его ждать? — водка делала своё дело, Мирабид совсем обнаглел. — Что тут много толковать! Выходите за меня замуж. Я этих... их... Новых родственников учителя первый увидел. Ну и бабы! Такие кого хочешь окрутят.

— Вы пьяны! — брезгливо поморщилась Мухаббат.

— Ну и что? Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Пусть учитель воюет себе на здоровье. А вы... ик! Да я вас в шелка буду одевать. Во всём районе... Да что там — район! Я для вас всё... Выходите.

— Послушайте! — Мухаббат трясло от негодования. — Я никогда не восторгалась вами, по теперь... Знайте же! Никогда, никогда даже думать не смейте, я... — она не договорила.

Мирабид набычился, глаза его налились кровью. Ярость, злоба душили его. Ах, зазнайка! Безмужняя вдова. Над тобой весь кишлак смеётся, а ты ещё нос воротишь! Десятки других за счастье бы считали...

— В п-последний раз спрашиваю!

— Нет, — отрезала Мухаббат.

Магазинщик икнул, в горле у него заурчало, и он вдруг крикнул шофёру:

— Эй! Останови машину.

«ЗИС» резко затормозил.

Распахнув настежь дверцу, Мирабид наклонился к Мухаббат и, обдавая водочным перегаром, приказал:

— Выходи из машины!

Мухаббат. отшатнулась. Какой позор! Да в своём ли он уме?

— Вылезай. Пусть тебя учительшка возит, если только он дышит ещё... Помокни под дождём, зазнайка... Убирайся, тебе говорят!.. Ай...

Мирабид вскрикнул от того, что его с силой поволокли за рукав из автомобиля. Вытаскивал Мирабида из машины шофёр, не проронивший за всю дорогу ни слова. Он и сейчас молчал, только дышал тяжело. Мирабид упирался, выкрикивал угрозы. Шофёр отпустил его рукав, подошёл к своему сиденью, вытащил из-под него заводную ручку.

— Выметайся, навоз прокажённого, — промолвил он тихо.

Магазинщика перекосило от ужаса. Вдрагивая всем телом, он выполз из машины, споткнулся, шлёпнулся в глубокую лужу. Шофёр сел за руль, «ЗИС» двинулся дальше.

Мухаббат, как замороженная, смотрела на человека. Теперь ей дышалось легко, но хотелось ещё воздуха. Она приоткрыла окно — в кабину ворвался ветер и вместе с ним, крутясь, влетел золотисто-багряный лист чинары. Девушка поймала его, прижала к пылающей щеке. И тут только шофёр нарушил молчание.

— Это к счастью, ханум.

Он назвал её «ханум», как взрослую женщину.

— Да посетит и вас счастье, ака.

Шофёр промолчал.

Машина остановилась возле дома Мухаббат. Девушка поблагодарила шофёра, стала извиняться:

— Теперь из-за меня будут у вас неприятности, ака. Я так сожалею.

Шофёр вышел следом за Мухаббат, и гут только она заметила, что он на протезе. Угрюмый человек смотрел на Мухаббат долго, пристально. Ей даже пришла в голову дикая мысль о том, что, может быть, ему надо предложить денег за проезд.

Шофёр заговорил, почти зашептал:

— Как вы этого негодяя!.. Спасибо... Спасибо... От всех фронтовиков спасибо.

Сдёрнув с головы ушанку, он низко поклонился и, словно устыдившись своих чувств, не прощаясь, шагнул к машине. Взревел мотор, и тяжёлый «ЗИС» рванулся в обратный путь.

Мухаббат стояла, прижав к щеке лист чинары. По багряно-золотому листу скользили светлые дождевые капельки.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ!

Война — страшное бедствие. Льётся кровь, в дыме и пламени гибнут сёла и города, умирают люди — тысячи тысяч людей! Огненный всполох, и никогда уже не явится миру великий поэт, стихи его умерли, не родившись: яростная скороговорка автомата — ушёл из жизни юноша, так и не посадивший своего дерева; леденящий душу свист бомбы, земля заходила ходуном, застонала — это реквием по тем, кто навеки уснул в братской могиле дзота, не увидев той заветной зари, когда наконец умолк пушечный рёв и засияло мирное чистое небо.

Страшное бедствие — война. Но и в эту злую годину жизнь продолжается. Люди радуются и страдают, любят и ненавидят, мечтают...

Жил на войне и Рустам Шакиров. Ещё совсем недавно, в военном училище, он страшился того, что не выйдет из него настоящего солдата. Был неуклюж, мешковат, многие его штатские привычки удивляли и смешили курсантов. Вспомнив хотя бы случай, когда Рустам, прежде чем лечь за пулемёт, стелил под себя старую куртку, чтобы не испачкаться!

С той поры прошло всего несколько месяцев. В огне боёв, подобно булатному мечу, закалился характер Рустама, окрепла воля, тяготы походной жизни сделали его стойким, сильным, выносливым, и вышло в конце концов — вдруг и не вдруг, — что сельский учитель превратился в настоящего воина: храброго, инициативного, смекалистого.

Рустам сам удивлялся происшедшей в нём перемене. Задумывался: как же так? Сергей Туманов, после ранения Фазыла ставший вторым номером в пулемётном расчёте, объяснил Рустаму:

— Злости в тебе много, Шакиров. Золотой злости. Насмотрелся на зверства фашистов, осерчал. А когда у человека душа горит от большой обиды, он горы своротить может. И ещё ты, браток, притерпелся к окопной жизни. Человек — он такой, ко всему привыкает. Раньше ты, как я замечал, иной раз с закрытыми глазами из «Дегтяря» палил, а теперь на выбор режешь фрицев, с умом.

Молодец. Я, брат, старый солдат, ещё в финскую горе мыкал. Верно тебе говорю: молодец!

Бои шли жуткие. Немцы пёрли, как одержимые, каждая пядь земли — иссечённая осколками, политая кровью — с великим трудом доставалась врагу, крохотная высотка по десять раз переходила из рук в руки. И всё же, в копечном счёте, верх брали фашисты. Сила была пока что на их стороне, хоть и чувствовалось уже, что гитлеровцы начинают выдыхаться. «Солдатский телефон» передавал о том, что позади, северо-восточнее, в самом Сталинграде стоят насмерть какие-то удивительные чудо-герои: держатся на узенькой прибрежной полоске — до того узенькой, что сами лежат на земле, а сапоги в Волге! — немцы бомбят их, минами и снарядами засыпают, танками давят, из автоматов и пулемётов решетят, а чудо-герои как замороженные: держатся, и всё тут!

Может быть, и сгущал несколько краски «солдатский телефон» насчёт «сапогов в Волге», однако во всём остальном — передавал чистую правду. Небывалые гремели бои. На участке, где оборонялся батальон майора Белоусова, тоже такое творилось — во сие не дай бог увидеть! Рустам счёт потерял атакам, контратакам. В одном из боёв ужалила его нуля — вырвала возле локтя клок мяса. Туманов сделал товарищу перевязку, и вновь затрясся мстительно и яростно безотказный «Дегтярь», разя врагов.

За то, что, будучи раненым, не покинул поле боя, получил Рустам благодарность от комбата. А ещё несколько дней спустя об узбеке-пулемётчике узнал весь полк.

Случилось это так. После долгих оборонительных боёв наши войска северо-западнее и южнее Сталинграда перешли наконец в решительное наступление. Полк, в котором служил Шакиров, тоже рванулся вперёд.

Шквальный огонь противника втиснул полк в землю. Вновь ударила наша артиллерия. Огневых точек у фашистов поубавилось. Но всё равно головы не поднять. Особенно досаждала одна зловредная миномётная батарея. Ещё раз ударили наши артиллеристы — и опять ожила батарея. Лежит батальон майора Белоусова, ни вперёд, ни назад.

И явилась тогда Рустаму шальная мысль. На правом фланге, откуда била проклятая батарея, сплошной линии фронта не было — разделяло батальон майора Белоусова с правым соседом минное поле, прорезанное оврагом, тянущимся в сторону пригорка, за которым притаилась батарея. Рустам и предложил Туманову: «Давай проберёмся овражком и дадим прикурить фрицам, а?» Сергей, услышав такое, вздрогнул: это же верная смерть! Рустам не унимался: «Ты сам меня учил, Сергей-ака, не бояться смерти, растолковывал: человек живой — смерти нет, смерть явилась — человека нет!.. Кого бояться? Попробуем, а? С минами обращаться теперь умеем. Всё равно батальон лежит, напрасно несёт потери. Батальон лежит — полк вперёд не идёт! Попробуем, Сергей-ака, а вдруг повезёт?»

К тому времени уже снег выпал. Оба пулемётчика в белых маскхалатах поползли к оврагу. Вечерело. С одной стороны, это, конечно, хорошо, противнику трудно их заметить, а с другой — не очень: мины в снегу, напороться на них в два счёта можно, темновато ведь! Однако недаром говорится — счастье со смелыми заодно. Пробрались через минное поле.

Крепко поработали наши артиллеристы. Перепахали немецкие позиции.

Однако надо отдать должное, немцы воевать умеют. Держатся. И всю шпартит их уцелевшая миномётная батарея. Рустам и Сергей сразу поняли, почему она уцелела. Миномёты батальонные, но очень тяжёлые. Перетащить их на другую позицию дело нескольких минут. Оборудовали миномётчики несколько запасных позиций и таскают туда-сюда своя «самовары», уходят из-под губительного огня.

Рустам с Сергеем решили поближе подползти к минометам. От страха в глазах мельтешило, но ползли. И не столько немцев опасались, сколько своей артиллерии. Вдруг как ударит, смешает с землёй! Взводный, правда, доложил по начальству, да мало ли неувязок бывает на войне.

Ползут. По дороге наткнулись па двух ошалевших фрицев, прикончили. Ползут дальше. До батареи буквально шагов сорок оставалось. И тогда полетели в фашистов гранаты. Рустам и Сергей бросали гранаты рискованно — придерживав в руке, чтобы рвануло, так наверняка. Одна граната даже в воздухе ахнула. И вдруг дрогнула земля, чёрный столб земли!.. Должно быть, в боезапас угодили гранатой.

Тут Сергей Туманов в восторг пришёл. Пустил из трофейной ракетницы красную сигнальную ракету и кричит Рустаму: «Занимай, друг, оборону, умирать, так с музыкой!» И в самом деле — полезли на них фашисты. Однако не долго пришлось пулемётчикам отбиваться. Батальон ринулся в атаку, смял остатки немецкой обороны, вызволил парией.

Сам комбат, майор Белоусов, им руки пожал, назвал героями и пообещал представить к награде. Когда же, пулемётчики ушли, сказал командиру роты капитану Дмитриеву:

— Вот ведь как бывает, капитан. Ну, Туманов, — это старый вояка. А Шакиров? В училище тихоня был, интеллигент, ребята над ним подшучивали. А тут на тебе — герой! Должно быть, и в самом деле мужество подобно морской волне. В тихую погоду нет её, а в бурю — огромные валы катятся.

Капитан Дмитриев, довольный, улыбающийся (ведь это его пулемётчики отличились!), добавил:

— Ловко они через минное поле проползли, товарищ комбат. Как настоящие разведчики.

Сказал и пожалел, что сказал. Комбат уцепился за эту мысль.

— Действительно, как бывалые разведчики действовали. Самое место Шакирову и Туманову в полковой разведке.

Конечно, майору не хотелось расставаться с хорошими солдатами. Однако на войне события мелькают, как стекляшки в калейдоскопе. Полк с боями продвигался вперёд. Теперь уж немцы сидели в окружении, пухли с голоду, морозились в своих эрзацваленках, гибли под ураганным огнём пашей артиллерии, бомбовыми ударами, под танковыми гусеницами. Но огрызались фашисты всё ещё свирепо. «Виллис» командира полка угодил в перекрестие прицела «мессершмитта». В командование полком вступил майор Белоусов.

Как и всякий новый начальник, Белоусов (теперь уже подполковник) прежде всего позаботился о том, чтобы укрепить штаб и строевые подразделения проверенными в боях командирами, опытными бойцами. Тогда-то он и вспомнил о Шакирове с Тумановым. Командовал взводом пешей полковой разведки теперь Ибрагим Исаев, получивший очередное звание — лейтенанта.

Однажды к вечеру, когда наступило затишье, в заснеженном окопе Рустама появился Исаев. Отношения между ними сложились забавные. Разговаривая между собой по-узбекски, говорили друг другу «ты» — земляки ведь. На русский переходили — «выкали», для субординации и чтобы всё по уставу. Вот и сейчас, поскольку в окопе находился ещё и Туманов, заговорил лейтенант по-русски.

— Ну, братцы-пулемётчики, как ваш «Дегтярь», не капризничает па трескучем морозе?

— Машина безотказная, товарищ лейтенант, — ответил Рустам и ласково, как дитя малое, погладил пулемёт по стволу.

— Мы уж сами начинаем на морозище отказывать, а пулемёт работает как часы, — добавил Туманов.

Лейтенант рассмеялся, взял «Дегтярёва» из рук Рустама.

— Действительно, машина замечательная. Прощайтесь с ней, братцы-пулемётчики.

От неожиданности Шакиров с Тумановым глаза вытаращили, слова сказать не могут. Исаев пояснил:

— Есть приказ зачислить вас в полковую разведку. Ко мне, стало быть.

— Приказ?

— Ну, не совсем приказ, — поправился Исаев. — В наш разведвзвод только по желанию зачисляют. Однако подполковник Белоусов так сказал: «Иди, лейтенант, и забирай Шакирова с Тумановым. Парни боевые. Они, наверно, спят и видят разведчиками стать».

Туманов от радости сказать ничего не может, задыхается. А вот Рустаму страшновато стало. Не то что бы опасности его пугали. Вновь одолели сомнения! «А вдруг не справлюсь? Разведчиком родиться надо».

Выслушав доводы земляка, лейтенант улыбнулся.

— Родиться, говорите? А разве вы не родились на белый свет? На разведчика учиться надо, верно. Вы я будете учиться. Ученик вы способный. А война — это такой университет!.. Если понадобится, шаровары через голову надевать научит. Так, значит, договорились?

— Ясное дело, договорились, товарищ лейтенант, — ответил за двоих Туманов. — Разведчик — глаза и уши полка, почётная должность. Только вот ещё бы одного парня взять надо. Карпакова. Возьмите, не пожалеете.

— Карпакова? Знаю такого. Что ж, идёт. Зовите Карпакова.

Вернувшись с очередного поиска, Рустам завалился спать. На душе было худо. Поиск не удался. «Языка» не удалось взять, а двоих своих парней потеряли. Плохо, очень плохо! «И от Мухаббат почему-то писем нет. Что случилось? Не заболела ли? Или... Неужели! Нет, не может быть. И я тоже хорош! Писем не пишу. Правда, до писем ли нынче! Бои за боями, а как в разведвзвод попал — ещё больше работы... Однако как же взять «языка»? Говорят, не только в штабе полка — в армейском штабе «языка» ждут с великим нетерпением.

Рустам долго ворочался с боку на бок, наконец заснул. И привиделась ему забавная история, приключившаяся в далёком детстве. Жил Рустам тогда с родителями па окраине Ташкента. Соседский мальчишка, года на три старше Рустама, верховодил во всей махалле. Властвовал с помощью кулаков. И никто с ним справиться не мог. Доставалось и Рустаму. Однажды после очередной трёпки сидел Рустам с разбитым носом, всхлипывал и мечтал о мести. Как от-

платить новоявленному махаллинскому «эмиру»?

И придумал. Позвал ещё двоих побитых тираном, и они приступили к работе. На большом листе обёрточной бумаги нарисовали карикатуру на «эмира» и повесили на ветке урючины в рустамовском дворе.

«Эмир» клюнул на приманку немедленно. Ветка с висящей на ней карикатурой находилась от дувала шагах в двух-трёх. Тиран забрался на дувал, спрыгнул на землю... И тут-то его ожидал неприятный сюрприз. Как раз перед урючиной находилась яма глубиной метра полтора-два с отвесными стенами — видать, давным-давно начали рыть здесь колодец, да так и не дорыли, бросили. Рустам с приятелями прикрыл яму сверху ветками, сухими листьями, и «эмир» прямиком очутился в ловушке.

Досталось ему крепко. До того крепко, что с той поры «эмир» стал как шёлковый, тирания была свергнута, и в сообществе махаллинских мальчишек восторжествовала демократия.

... Проснулся Рустам, потёр виски. Забавный сон! И тут же вскочил как ужаленный, бросился будить лейтенанта Исаева.

— Вставайте, проснитесь, лейтенант!.. — и по-узбекски: — Слушай, дорогой Ибрагимджан, нельзя много спать, растолстеть можно. Вставай!

С трудом разбудил. Лейтенант, зевая, слушал сбивчивый рассказ Рустама. Наконец не выдержал, покрутил возле виска:

— Врачу покажись, земляк. Я две ночи не спал, а ты разбудил и рассказываешь о каком-то махаллинском «эмире». Зачем мне это?

— А затем!.. — Рустам сел рядом с Исаевым на охапку соломы, зашептал ему в ухо. По мере того, как Шакиров шептал, лицо лейтенанта меняло выражение: сперва оно было сонливое, затем удивлённое и наконец восторженное. Исаев вскочил, пригнув голову, прошёлся по землянке, воскликнул:

— Ай да Рустам! Не голова, а Совнарком! — и вдруг испуганно добавил: — А клюнут ли?

— Ещё как клюнут! Если мой «эмир» клюнул, то эти и подавно.

На следующее утро Рустам, Туманов и Карпаков приступили к делу. Достали несколько мешков, распорол, сшили общим полотнищем. Получился большой квадрат. Набили квадрат на деревянные рейки, и на нём нарисовал Рустам сажей жуткую харю, удивительно похожую на морду Гитлера. Солдаты со смеху покатывались:

— Ну и образина!

— Эй, разведчики, вы что же, академию художественных наук в своём взводе открыли?

— «Языков» надо брать, а вы прохлаждаетесь и «языков» малюете!

Разведчики помалкивали, отшучивались. Ночью с великими предосторожностями установили «портрет» метрах в пятидесяти за линией окопов

Как только развиднелось, фашисты открыли бешеный огонь по «портрету». Длился он, однако, не больше минуты — наступила гробовая тишина. Наши солдаты веселились.

— Сообразили, дьяволы, что по особе самого Гитлераги шпарят. Какой-никакой, а всё же портрет ихнего вонючего фюрера.

Весь день только и разговоров было о забавной проделке разведчиков. Когда же стемнело, лейтенант Исаев, Туманов, Карпаков и Шакиров тихо выползли из окопа и притаились в большой бомбовой воронке неподалёку от

«портрета».

Лежали и волновались: а вдруг не придут фрицы?!

Но они пришли. Поздно ночью разведчики увидели тиходвигающиеся по снегу беловатые холмики — гитлеровцы ползли в белых маскировочных костюмах, осторожно ползли. Было их шестеро, но на стороне наших разведчиков — внезапность.

Всё закончилось во мгновение ока. Разведчики буквально в упор расстреляли четверых непрошенных гостей, а двоих, оглушим прикладами автоматов, уволокли в окон. После этого только немцы спохватились, открыли яростный огонь из всех видов орудий, разметали в клочья «портрет» обожаемого фюрера, даже в атаку пытались рвануться, однако их воинственный пыл быстро охладила наша артиллерия.

Разведчики Исаева ходили именинниками. Шутка ли, их остроумной «охотой» восхищались чуть ли не во всей армии. Да и «языков» захватили толковых — лейтенанта и фельдфебеля!

Шакиров радовался вместе с друзьями. Но на душе у него кошки скребли. Расстроило его письмо, прибывшее от Фазыла. Из далёкой Пензы сообщал он о том, что лежит в госпитале, потрепало его основательно: обе ноги теперь ни к чёрту не годятся, хотя, если потихоньку и с костылями, то двигаться можно. «Короче говоря, Рустамджан, отвоевался я. До слёз обидно. Не повезло. А за долгое молчание извини. Не только писать — говорить не мог. Завидую тебе и Кате зверски. Здорово бьёте фашистов! Кате я тоже письмо написал. Черкните мне обязательно! И ещё, Рустамджан, очень тебя прошу! Как это поаккуратней выразиться... Я ведь теперь инвалид. Бывалые инвалиды уверяют, что дадут мне вторую группу, никак не меньше...»

Рустам сложил письмо Фазыла, спрятал в нагрудный карман, рядом с нераспечатанным его письмом к Кате. Задумался. Эх, Фазыл! Не знаешь ты ничего. Пропала Катя, без вести. Как тебе всё это написать?

В землянке разведчиков тишина. Кто читает — никак начитаться не может! — только что прибывшие из дому письма; кому писем нет — грустит втихомолку. К Рустаму, пошатываясь, подошёл Карпаков. Рустам подумал сперва, что приятель его выпил. Карпаков, однако, был трезв. А глаза мутные, ненормальные. Молча протянул Рустаму листок.

Размашистые, нервно выписанные строки:

Валентин!

Знаю, будешь проклинать меня, ругать последними словами. Это твоё право. И всё же скажу тебе прямо: я вышла замуж. Мне уже двадцать четыре года. Молодость позади. А войне конца не видать. Да и (прости за откровенность) вернёшься ты с войны — и глядеть на меня не захочешь. Кому тогда я буду нужна? Два года мы встречались, два года тянется эта проклятая война. Итого четыре! Сколько можно! Ещё раз прости, хотя я знаю, что не простишь.

Люба.

Рустам прочитал раз. Не понял. Другой раз прочитал. Уставился в ненормальные глаза товарища, всем существом ощущая бьющееся в судорогах собственное сердце. Рустаму показалось, что это письмо от Мухаббат. Люба... Лю-

бовь... Мухаббат! Карпаков криво улыбнулся. Наклонился к Рустаму, шепнул на ухо, по секрету:

— Убить её, а?

Рустам тупо поглядел в одну точку.

— Убью. Подлая... Вот подлая!.. — Карпаков всхлипнул, тяжело опустился рядом с Рустамом, обхватил за плечи, сжал до боли.

— Я здесь... А она...

Тут только у Рустама развязался язык. Торопясь, от волнения глотая концы слов, стал утешать друга, а у самого сердце билось, билось в судорогах.

— Не расстраивайся. Не стоит она твоей любви. Ты ещё встретишь настоящую девушку...

Карпаков сидел, спрятав лицо в ладонях, раскачивался из стороны в сторону. Как ни тихо говорили между собой Рустам и Карпаков, разведчики тут же узнали о постигшем Карпакова несчастье. Открылась целая дискуссия.

— Не горюй, Валёк! На свете баб тыща тыщ.

— Она ещё будет локти кусать...

— Плюнь ты на неё. Коли баба со слабинкой, добра не жди. Рано или поздно...

— Что?.. Что ты сказал?! — вскинулся Карпаков. На него было страшно смотреть. Тот, что говорил насчёт «слабой бабы», добродушный увалень с детскими голубыми глазками, испуганно попятился.

— Ты что?.. Что ты! Да я... Ты же сам...

— Заткнись, гад! — Карпаков по-медвежьи поднялся, шагнул вперёд. Все отшатнулись от него. Карпаков сел и снова спрятал лицо в ладонях.

И вновь — тишина, гнетущая, мрачная. Откровенная подлость безвестной Любы, о которой, как это ни странно, Карпаков никогда не рассказывал, сразила всех. Разведчики вспоминали жён, любимых, и омерзительный червь сомнения точил их души: «А вдруг!...»

Дня через три разведчики получили новое задание. Как сообщил перебежчик, гитлеровцы подготовили специальную диверсионную группу по захвату в нашем ближнем тылу «языка» покрупнее. Они хорошо разведали расположения полковых и дивизионного штабов, пути движения из глубины обороны в батальоны. Знали гитлеровцы и о том, что наши штабные офицеры часто выезжают на передовую, чтобы скоординировать выработанные в штабах планы с положением дел на местах. Этим обстоятельством фашисты и решили попользоваться, разрабатывая свою смелую, дерзкую операцию.

Дерзости надо было противопоставить дерзость. Лейтенант Исаев вернулся из штаба дивизии в приподнятом настроении.

— Ну, разведчики, гордитесь! Нам выпала большая честь. Ребята из других полковых и дивизионной разведок горючими слезами плачут от зависти, Нам повезло. Дело в том, что перебежчик сообщил, где именно «охотники» пожалуют к нам в гости. Оказалось — в расположении нашего полка.

— Можно ли верить перебежчику? — угрюмо спросил Рустам. Он всё ещё находится под впечатлением письма, полученного Карпаковым.

— Можно. Он прямо сказал: «Узнал я о готовящемся поиске случайно. От писаря. Но это точно. Можете расстрелять меня, если я ввожу в заблуждение». И вообще... довольно симпатичный фриц. Да-да, не улыбайтесь. Хитрый, дья-

вол. Повар он. Кухню его разбило прямым попаданием тяжёлого снаряда, напарника в ключья, а наш фриц в это время куда-то отлучался. Вот он и решил воспользоваться удобным случаем, перебежал к нам — пусть его начальство думает, что повара разнесло в дым. Он нам и место, где фрицы сделали проход в колючей проволоке, указал.

— А вдруг перебежчик всё врёт? — не унимался Рустам.

— А вдруг... А вдруг! — конечно, риск есть и немалый, — лейтенант рассердился. Рассердился потому, что Рустам задавал дельные вопросы. Однако план операции уже был утверждён. Чего уж тут дискутировать? — Не думаю, чтобы у фрицев нашёлся новоявленный Сусанин. Если перебежчик обманул — его кокнут.

— Вот хорошо придумали! — долговязый Туманов состроил па лице глубокомысленную мину. Разведчики расхохотались. Не удержался от смеха и лейтенант. Но тут же сделался серьёзным.

— Шутить будем после проведения операции. Идут только добровольцы. Требуется полдюжины сорвиголов.

План операции отличался тремя достоинствами: он был отработан до мелочей, тщательно согласован с артиллеристами и... нахален. Казалось бы, проще всего брать диверсантов в своём тылу. Однако в тыл шли матёрые волки, их так, нахрапом, не возьмёшь. В крайнем случае возьмёшь трупы. А зачем брать трупы? Надо живых.

... Рустам с товарищами лежал в пятидесяти шагах от немецких окопов, возле колючей проволоке, в которой аккуратные фрицы заблаговременно проделали проход.

Коли есть проход, стало быть, надо ждать «гостей». И всё же... А вдруг перебежчик наврал? Не может быть...

Сколько трудов стоило доползти сюда! Хотя расстояние между нашими и немецкими окопами небольшое, метров двести — сердце бьётся так, словно километров тридцать пробежал.

В пятидесяти шагах от разведчиков притаился чужой мир. Фашисты спрятались от мороза в блиндажи «лисьи норы». В окопах торчали лишь наблюдатели. Они изредка постреливали из автоматов, освещали передний край ракетами, и тогда разведчики, полузасыпанные снегом, сжимались, моля судьбу, чтобы их миловала она. Белые маскировочные рубахи с капюшонами, белые маскировочные брюки поверх ватных штанов, обмотанные бинтами автоматы вселяли надежду: «Пронесёт!». Но едва вспыхивала осветительная ракета, леденящая душу мысль кричала: «А вдруг!..»

Страшный, злобный мир в пятидесяти шагах от Рустама. Вот звякнуло что-то. Котелок, что ли?.. Короткий разговор, похожий на лай двух охрипших псов... Скорей бы уж появились! Если они не появятся через полчаса, а одереveneю...

И уж совсем неуместная в этой ситуации мысль: «Мухаббат!.. Что случилось? Отчего не пишешь?..»

Они появились неожиданно, хотя разведчики истомились, их ожидая. Четыре белых комочка перевалили через заснеженный бруствер, поползли навстречу своей гибели. Сперва Исаев, возглавивший операцию, растерялся. Не может быть, что их только четверо! Наверное, это дозорные. Вот так влипли!..

Белые комочки приближались. Больше никого. Ну и волчищи!

Рустам, зарывшись в снег, слышал тихое сопение... Они всё ближе, ближе... Десять шагов... Пять!

— Хенде хох! — послышался шипящий шёпот Исаева. Это сигнал: «Брать!» Рустам вскочил, бросимся на дёрнувшийся белый ком... Рванулись вперёд Туманов, Карпаков, другие разведчики. Взметнулась ввысь красная ракета — сигнал нашей артиллерии...

Рустам мало что запомнил из происходящего. Он обрушился на белый ком, но тут же очутился под рычащим, вонючим зверем. Зверь стиснул Рустаму горло, и свет померк в глазах... Опять он увидел ночь — тёмно— зелёную, вздрагивающую. Зверь навалился теперь на Карпакова, и рядом тоже кто-то кого-то душил. Над самой головой — вой, скрежет и совсем, совсем рядом бушует огонь разрывов. Рустам приподнялся, всем телом рухнул на зверя. «Его надо, непременно надо взять живьём!..» И опять зверюга подмял его под себя, блеснуло лезвие... Рустам, теряя силы, успел всё же перехватить лапищу, сжимавшую кинжал. Лапища жала с неистовой силой... и вдруг обмякла... Лицо Карпакова, залитое кровью...

Потом они бежали, не хоронясь: немецкие окопы заволокло дымом и огненными всполохами. Лишь отдельные мины рвались на их пути, но разведчики теперь уже ничего не боялись. Самое страшное осталось позади.

Рустам и Карпаков, волоча за шиворот зверя, свалились в окоп... Исаев... Туманов... Ещё кто-то... Ударил немецкая артиллерия.

Звон в голове. Землянка. Пить, пить, пить... До чего хорошо пить! И ещё зверски хочется спать. Но сон нейдёт. Говорить больно. Тот... зверь измял горло. Голос Исаева: «Карпаков — тяжёлый, вряд ли выживет». Чьи-то голоса... И тьма.

Пришёл в себя Рустам — ничего понять не может: привиделся, что ли, весь этот ужас? Карпаков с перебинтованной головой. Нет, не привиделось! Хотел спросить ребят: в чём дело? И тут голос Исаева:

— Встать! Смирно...

— Вольно! — голос подполковника Белоусова.

Разведчики вскочили — командир полка замахал руками, мол, сидите, сидите, не до устава нынче. Приземистый, плечистый, он широко улыбался. Простецкое лицо его сияло.

— А ну-ка! Подойдите поближе, герой! Эге!.. Разрисовали вас вчерашние гости. Но не горюйте. Радуйтесь, что ещё легко отделались.

— Карпаков, говорят, не выживет, товарищ подполковник, — вздохнул лейтенант Исаев.

— Враки. Выживет. А зверюг подкараулили вы отменных. Специальную подготовку проходили. Да и силой, ростом фашистский бог их не обидел. Все сверхчеловечки, как на подбор, вроде вашего Туманова. Жаль, конечно, что только одного целого взяли.

Туманов смутился, не зная, как реагировать на эти слова командира полка: гордиться или всё же стоит обидеться, ведь с фашистами его подполковник сравнил! Смутился и Исаев — четверых вроде бы брали, а подполковник почему-то об одном говорит. Белоусов пояснил:

— Четвёртый сверхчеловек оказался к сожалению, покойником Перестарались, братцы-разведчики.

Разведчики сконфуженно молчали. Рустам переглянулся с Карнаковым. Пожалуй, это и они перестарались. Командир полка посмеивался.

— Да вы не горюйте, орлы. И за одного великое вам спасибо. Все трое как на подбор, а командир диверсионной группы — обер-лейтенант. Ну вы его, правда, ухлопали. Вот ведь до чего Гитлер дошёл, лучшие свои кадры нараспыл пускает. Видать, очень хотелось ему советского генерала вблизи посмотреть, а вышло всё наоборот: охотники в дичь превратились. И целая куча гитлеровских генералов сидит нынче в сталинградском котле, и, по всему видать, скоро мы с ними, как говорится, лично познакомимся.

Полковник присел на табуретку, сделал знак своему ординарцу, такому же приземистому, с простецкой физиономией, — до удивления похожему на своего хозяина, только моложе раза в два. Ординарец метнулся вон из землянки и тотчас же вновь объявился, нагруженный пакетами и, сверх того, держа в руках две немецкие фляги, обшитые сукном, с чёрными пластмассовыми стаканчиками, прикрывающими горлышки.

Не успели разведчики глазом моргнуть — их самодельный стол, сработанный из дверной створки, положенной на козлы, оказался уставленным всякой снедью: корчажка кислой капусты, буханка серого хлеба, добрый шмат сала, жареная баранья ляжка, две банки «Второго фронта» (американская тушёнка).

— Располагайтесь, герои, — Белоусов радушно повёл короткими руками. — Как видите, полное изобилие военного времени. Заслужили!

Разведчиков дважды приглашать — только время понапрасну терять. Живо расположились вокруг стола. Во фляжках оказался чистый спирт. Разлили по кружкам. Подполковник сказал тост — короче не придумаешь:

— За Победу!

Выпили, закрывали — уж больно забористое питьё, жидкий огонь. Навалились на еду. Некоторое время ели молча, только за ушами трещало. Командир полка спросил лейтенанта Исаева и Рустама с хитрой усмешечкой:

— Что же это, вы, товарищи мусульмане, свиное сало трескаете? Грех ведь, кораном запрещено.

Исаев и Рустам с набитыми едой ртами промычали что-то нечленораздельное. За них ответил Туманов:

— Они, товарищ подполковник, даже гитлеровских свиней превращают в смирных барашков, так что обыкновенных свинок вполне даже уважают.

Чтобы очень остроумно сказал Туманов — вряд ли, однако все расхохотались.

Распахнулась дверь землянки, вплыл клуб морозного пара, и из него, как сказочный дух из бутылки, возник замполит командира полка старший батальонный комиссар Шевченко. Был он высок ростом, сутуловат, висячие запорожские усы, нос картошкой. А очки профессорские, с позолоченной оправой. Он до войны и был профессором, докой по части политической экономии. Бойцы в нём души не чаяли. Простой, душевный человек. Трусам и паникёрам, правда, крепко от него доставалось.

— Ага, вот вы где, голубчики! — воскликнул замполит хриловатым баритоном и с притворным ужасом схватился за голову. — Горькую гложете! Да ещё во главе с командиром. Нехорошо, хлопцы, зело нехорошо... замполита забывать!

Все бросились усаживать Шевченко. Налили но второй. Шевченко разгла-

дил запорожские свои усы.

— Добрые времена наступают, хлопчики. Хорошо начался сорок третий год. Бьют немцев под Воронежем, лупят па Северном Кавказе, в районе Ладоги прорвана блокада Ленинграда, на нашем участке Сальск освобождён. А уж что делается в самом Сталинграде! Уму не постижимая красота. Гарно усадили фрицев в два котла. Скоро им там совсем капут будет.

— И в этих великих победах есть крупица вашего ратного труда, — добавил Белоусов. — Спасибо за доблестную службу, орлы!

Разведчики вскочили, в землянке загремело:

— Служим Советскому Союзу!

— И к орденам вас, всех участников последней операции, представили.

— Служим Советскому Союзу!

— Вы уж извините нас за то, что по прежним представлениям наград не получили, — Белоусов прищурился, подмигнул разведчикам, развёл руками. — Тяжёлые времена переживали. В отступлении с наградами туго.

Шевченко хмыкнул, пояснил популярно:

— Учёные штабисты рассуждают: «Кто отстывает? Известное дело — солдаты! А раз так, о каких наградах может быть речь? Другое дело — генералы. Берут генералы города и сёла. Герои!»

Шутка замполита вызвала громовой хохот. Белоусов сделал знак, призывая к тишине.

— Повеселились, и баста. А насчёт орденов — это уж я твёрдо обещаю.

Распрощавшись с разведчиками, командир полка и замполит вышли из землянки. И тут, словно в награду за ночной тяжёлый бой, пожаловал другой дорогой гость — Ермилыч, пожилой солдат-почтальон с чёрной повязкой вместо левого глаза. Разведчики с шумом и гамом окружили Ермилыча, а он не спеша, с чувством, с толком провозглашал:

— Туманов!

— Здесь Туманов.

— Карпенко!

— Раненый Карпенко.

— Эх!.. — вздохнул Ермилыч. — Исаев.

Рустам с замиранием сердца ждал... Будет письмо? Не будет... Чудесный старик — Ермилыч, Медкомиссия давным-давно отчислила его из кадров, по ранению и по возрасту. А он взял и нахально остался. «Только через мой труп выгоните! — говорит. — Да и какая корысть гнать меня? Должен же кто-нибудь письма разносить?»

— Шакиров!

— Я!.. Я Шакиров!

Рустам, как голодный — хлеб, схватил письмо вздрагивающими руками. Она! Её почерк.

Разорвал конверт...

Письмо скользнуло на пол, а сам Рустам, потемнев лицом, на чужих ногах побрёл к постели и упал ничком.

Разведчики притихли. Лейтенант Исаев поднял листок, стал читать.

Рустам-ака!

Зачем, зачем вы так зло посмеялись надо мной? Разве я виновата в том, что люблю вас? Считала вас честным, откровенным человеком, не способным на обман. И вот расплата! В вашем доме живёт ваша невеста. В кишлаке люди меня жалеют, а кое-кто и посмеивается.

Мне нет дела до людской молвы. Но как вы, как вы могли обмануть?

Вы так бессердечно со мной поступили! Стыдно людям в глаза смотреть, горько слушать слова утешения, жить не хочется.

Но вы не пугайтесь, слабодушный человек. Я буду

жить, Любовь — великое счастье. Даже если она и без взаимности.

Желаю вам, Рустам-ака, живым и здоровым вернуться домой.

Всего вам доброго.

Мухаббат

ДО ЧЕГО ЖЕ ВСЁ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ПРОСТО!

Странный народ — влюблённые. От великих чувств забывают они о еде и сне, впадают в рассеянность, невинная реплика может вызвать у них уйму подозрений: уж не появился ли соперник или соперница? Сколько тому классических примеров! Ну хотя бы Отелло. Полководец, умница. А из-за какого-то ничтожного платка обезумел от ревности.

И нередко так бывает: запутаются влюблённые, как говорится, в трёх соснах, терзаются муками ревности, ночей не спят — и всё-то зря, без причины. Недаром в народе говорят: «Входит соперница в дверь — входит сумятица в щель! Соперницы нет — всё равно сумятица: а вдруг появится соперница?!»

Мухаббат считала Светлану соперницей. Сделали своё дело ядовитые речи Мирабида и старика Максума. Казалось бы, чего проще: пойти Мухаббат к Светлане, объяснить, и всё бы мгновенно прояснилось. Но не тут-то было. Все словно умышленно запуталось. «Что толку ходить, объясняться? — думала Мухаббат. — Она всё равно не откроется. Вот если бы тётушка Хаджия пришла!.. А она не идёт. Можно, правда, самой к ней наведаться. Только не пойду я, не буду навязываться И так ясно. Рустам перестал писать. Всё понятно».

Тётушка Хаджия была в растерянности. Её тоже смутили коварные речи хромого продавца Мирабида и старика Максума. Пойми нынешнюю молодёжь. С виду любят друг друга, а прошло немного времени, глядишь — они уже и врозь ходят! Может, и вправду Рустамджан гостей без всякого умысла прислал, а может... Светаджан девушка красивая, глаза прямо огнём горят. Такой околдовать пария — пустяк, всё равно что персик проглотить.

Что касается Светланы, то и она не оставалась в неведении. Хоть и не знала ещё узбекского языка, однако и до неё дошли слухи: мол, с какой стати Рустам поселил в своём доме приезжую красотку? Здесь дело тёмное.

И ещё заметила девушка, что Мухаббат её всячески избегает. Дважды Света заходила к Мухаббат домой, и дважды говорила ей тётушка Санобар, неприязненно глядя в глаза: «Нету моей дочери дома. Она ведь не бездельница у меня. Работает, дай бог каждому».

Светлана не бездельничала. Работала вместе с матерью в медпункте. Однако намёк насчёт бездельничания почему-то задел девушку, и она решила: коли не хочет меня видеть гордячка Мухаббат — пусть сама на себя пеняет.

А Рустам не писал вот по какой причине. Получив «прощальное» письмо от любимой, он сперва чуть умом не тронулся. Немного погодя, поостыв, засел

было за письмо, чтобы развеять все сомнения Мухаббат, да на его беду подвернулся один солдат, «знаток женской души», как он сам о себе говорил. Солдат тот популярно рассказал Рустаму о «страшном женском коварстве», а в заключение сказал:

— Судя по всему, девушка твоя другого жениха подыскала. А признаться в этом духу не хватает. Вот она и сваливает с больной головы на здоровую. Так что, брат, ты лучше о ней забудь.

Послал Рустам «знатока женской души» ко всем чертям, даже чуть по шее не съездил. Но циничные слова «знатока» отравили душу парню ядом сомнения. Сколько примеров женского коварства описано в художественной литературе. Да что там литература! Взять хотя бы наш гвардейский полк. От одного лейтенанта жена ушла. Так и написала ему: «Ухожу к другому». Сержанту из химзавода письмо от девушки пришло: «Разлюбила. Прощай». Или, например, Валентны Карпаков. До сих пор страдает бедняга. Взяла и написала ему «Любушка-голубушка»: «Не могу больше ждать. Молодость проходит. Вышла замуж. Извини и прости».

Всего несколько случаев на весь полк. Но для Рустама и их было более чем достаточно. Наверное, старый Максум настоял всё же на своём. Да ещё меня во всём обвинить надоумил. Максум-бобо хитрец. Подожду несколько дней, ведь не может же Мухаббат вот так просто перестать писать. Ну, а если не будет от неё больше писем, значит...

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы не Каромат, девушка решительная, с характером. Долго с болью в сердце наблюдала она за тем, как страдает её подруга Мухаббат, вянет, словно роза, лишённая тепла и света, и решила вмешаться.

Февраль стоял на дворе, во солнце уже пригревало, ноздреватый снег отсырел, утратил белизну. Зачирикали воробьи — не так, как весной, горласто, весело, а робко, недоуменно, словно не могли взять в толк: весна ли уже пришла или всё ещё зима.

Занятая своими мыслями, Каромат шагала по лужам. В душе у неё всё кипело. Она, Каромат, имеет право вмешаться. Ведь она не только подруга Мухаббат, но и троюродная сестра Рустама. «Ну, держитесь, незваные гости! — не без злорадства думала девушка, приближаясь к дому Рустама. — Сейчас я выложу всё, что о вас думаю. Вы ещё пожалеете о своём недостойном поступке».

Каромат толкнула калитку, взойшла на веранду и, сняв кавуши, шагнула в комнату, где тётушка Хаджия гладила бельё. Пожилая женщина, увидев племянницу, почему-то смутилась, уронила утюг, и это ещё больше распалило Каромат. Даже не поприветствовав хозяйку дома, она спросила решительно:

— Тётя, где ваши гости?

— Дома, дома, — засуетилась тётушка Хаджия. — Садись, пожалуйста, я сейчас чаю вскипячу. Да что с тобой, доченька, глаза у тебя темнее ночи?.. Если дело какое к моим гостям, то они сейчас выйдут. Они расположились в комнате Рустамджаиа.

— Неплохо устроились! — с нажимом произнесла Каромат, — Что ж, я не гордая, подожду. Хош... Так как же проживают ваши дорогие гости?

— Хорошо вроде бы. Евдокия-апа — наверное, знаешь — доктор, а дочка её тоже вроде доктора. В кишлаке все ими довольны.

Тут уж Каромат не выдержала, сорвалась.

— Как бы не так! Все довольны! Эти доктора не столько лечат, сколько наносят раны. Эх, тётушка Хаджия! Неужели ничего не замечаете?.. Или... Чем приглянулась вам эта... новая ваша невестка? Тьфу! Посмотреть не на что.

— Да ты что такое говоришь, дочка? — тётушка Хаджия отшатнулась. — Зачем меня обижаешь и безвинную девушку!

— Безвинную! — фыркнула Каромат. — Так я и поверила. Заморочила Рустаму голову, весь кишлак об этом говорит.

Тётушка Хаджия мучительно покраснела. Если бы она была абсолютно уверена в том, что между Рустамом и Светланой решительно ничего, кроме дружбы, ничего нет! Но кто знает?! Мирабид намекал, Максум уверял, кишлачные сплетницы только и трезвонят о «новой невесте Рустама»... И всё же женщина рассердилась.

— Стыдно тебе, Каромат, сплетням верить!

— Сплетням? Почему же тогда эта ваша, как её., Света... не объяснит всё Мухаббат? Боится? Знает кошка, чьё мясо съела!

— Светаджан два раза ходила к Мухаббат, а та её видеть не пожелала.

— Видеть не пожелала! Очень интересно смотреть на... — Каромат не нашла подходящего слова, достойно, по её мнению, характеризующего приезжую девицу, и вдруг, еле сдерживаясь, чтобы не крикнуть, огорошила тётушку Хаджию: — Ну а вы... Вы-то почему не заходите к Мухаббат?.. Молчите! Нечего вам ответить. Эх...

И в самом деле, что могла сказать в своё оправдание женщина? Конечно же, надо было повидать Мухаббат. Ах, как нехорошо получилось! Тётушка Хаджия многое вспомнила. Рассказы старого Максума о том, что, мол, Мирабид но сегодня-завтра о свадьбе объявит. В город вместе с Мухаббат ездил. Люди их там видели вдвоём, купил Мухаббат новое пальто... Мало ли ещё чего говорил старик. Вот и обиделась мать за сына. Тут тётушка Хаджия не удержалась, высказала всё Каромат: и о новом пальто Мухаббат, и о том, что в Ташкенте была Мухаббат вместе с Мирабидом в столовой.

Каромат опешила. Ой-бо! А я — то об этом ничего по знала. Неужели!.. Вслух же сказала:

— Ну и что с того? Может, это всё Мухаббат делала для того, чтобы отомстить неверному Рустаму.

Назревала ссора. Каромат была готова до последнего защищать подругу. Но тут на голоса вышла из своей комнаты Светлана. Завидев «злую разлучницу», Каромат сверкнула глазами. Сейчас она ей задаст! Глянула ещё раз и вздрогнула — словно самую себя в зеркале увидела. Тётушка Хаджия охнула:

— Ой-ей!.. Словно сёстры-близнецы. Глаза, цвет лица, нос с горбинкой. Только одеты по-разному. Сёстры-цыганки...

Светлана засмеялась.

— Что-то сестричка очень сердито на меня смотрит.

— А то, что я свою подругу в обиду не дам. Поговорим начистоту. Зачем вы сюда, к нам, приехали, а? Рустама отбить?!

Светлана покраснела.

— Ага! Не выдержала, выдала себя!.. — воскликнула Каромат.

Светлана сама не знала, отчего покраснела. Просто разозлилась. Вся эта история, сплетни изрядно ей надоели. Ничего не ответив, она метнулась к себе в комнату.

— Эй!.. Куда? — крикнула Каромат. Но Светлана уже возвращалась, на ходу надевая старенькое пальто с бобриковым воротником.

— Пошли! — решительно сказала она.

— Куда? — не поняла Каромат.

— К Мухаббат пошли. Ну... Ну же!..

По улице шли молча. Каромат недоумевала. Неужели эта «сестрица» решила открыто заявить!.. Не может быть... А действительно, как мы друг на друга похожи. Удивительно.

Они застали Мухаббат за какими-то вычислениями. Увидев подругу и приезжую девушку, Мухаббат изменилась в лице. Отложила карандаш. Тихо вымолвила:

— Какими судьбами?.. А я всё делами занималась, распределяла работу звеньям.

Каромат не знала, что сказать. Скинула с головы платок, промямлила:

— Вот, Мухаббаточка, знакомься... Света... Приезжая.

Мухаббат нерешительно протянула руку.

Светлана вдруг улыбнулась — широко, весело-весело. Казалось, в комнате даже посветлело.

— Э, нет! — решительно произнесла Светлана. — Нужна мне твоя рука! Вот так... Так надо нам с тобой, подружка, здороваться! — Светлана бросилась к Мухаббат и, крепко обняв, расцеловала в обе щеки. — Здравствуй Мухаббат, миленькая... Ну и глупые же мы какие!.. Столько времени сердились друг на друга!

Растерявшаяся, счастливая Мухаббат только и могла произнести:

— Ой!.. Ой... Как хорошо!

Каромат взвизгнула от восторга, кинулась обнимать и Мухаббат, и Светлану. Немного погодя все трое уже валялись на полу, на одеялах, заливались счастливыми слезами и разговаривали, путаясь в мыслях.

— А я — то, глупая, думала!..

— Нужен мне твой Рустам! Неуклюжий он, тихоня.

— Это Рустам неуклюжий? Да он самый лучший в мире!

— А кто прожигал жизнь в столовой с несравненным Мирабидом? Сознаться, негодница! — хохотала Каромат, теребя за плечи подругу. — Кто тебе пальто преподнёс?

— Я... Я! — до слёз смеялась Мухаббат. — Действительно, Мирабид мне достал пальто. Но я купила его на свои кровные денежки. И в столовке я пирила с Мирабидом. И в кино он меня приглашал. Изменница я, судите меня, подружки, со всей строгостью!.. Господи, до чего же всё, оказывается, просто! Взяли — и выяснили.

Мухаббат вдруг спохватилась.

— Девочки, подружки мои ненаглядные! Как же я обидела моего Рустамджана! Не поверила ему. Как я могла! Написала идиотское письмо. Он, бедняжка, воюет, фашистов бьёт, а я... Сейчас же напишу ему. Во всём покаюсь, скажу: дурочка я, Рустамджан, не женись на дурочке!

— Попробуй, напиши так, а Света другое черкнёт: «А я умница, Рустамчик, женись на мне!»

Подружки рассмеялись. И тут в довершение всего послышался раскати-стый бас Ильяса-почтальона:

— Эгей!.. Мухаббат. О прекраснейшая из всех колхозных бригадиров. Где вы? Надевайте новые ичиги и танцуйте. Вам письмо!..

Голос у Ильяса был весёлый. Распахнулась дверь, в громадный Ильяс ввалился в комнату, размахивая самодельным конвертом из обёрточной бумаги.

Мухаббат почувствовала, как у неё останавливается сердце. Вскочила, протянула вперёд руки.

— Всё в порядке, — успокоил Ильяс. — От Рустама. Его почерк. Долго не писал, но на этот раз постарался па совесть.

Схватив конверт, девушка прижала его к груди, замерла с закрытыми глазами, словно прильнула к любимому.

— Вслух, вслух читай! — потребовала Каромат. — Мы твои подруги, между подругами... От подруг секретов не бывает. А Ильяс-ака выйдет. Читай, Мухаббат. Спасибо вам, Ильяс-ака, за письмо...

Ой-бо! Да где Ильяс-ака? Такой громадный, и так незаметно исчез!..

Однорукий богатырь шагал по раскисшей после оттепели дороге. Мухаббат! Соловейчик! Никогда ты не узнаешь о моих чувствах к тебе. Никогда! Я и так очень счастлив. Счастлив тому, что пришло наконец письмо от Рустама. Счастлив оттого, что ты существуешь на белом свете.

Мухаббат долго не решалась вскрыть конверт. Что в нём? Отчего такое большое письмо? Вдруг — всё кончено? Нет, невозможно!.. А! Будь что будет!..

Родная моя Мухаббат, Соловейчик!

Прости меня, глупого, несуразного человека. Я хотел сделать всё как можно лучше, а вышло — хуже некуда. И ещё прости, что заставил тебя переживать. Твоё последнее письмо повергло меня словно удар копытом. Казалось, ещё немного, и умом тронусь. Я решил, что твой дядя Максум всё же уговорил тебя выйти замуж за Мирабида, и ты просто не в силах была сообщить мне об этом. Решила обвинить в нашем разрыве меня. И как только мог я усомниться в тебе? Нет мне за это прощения. Поверь, я пригласил Светлану и её мать к себе в гости без каких-либо задних мыслей. Они чудесные люди, ты в этом убедишься. Разве плохо помогать людям, попавшим в беду? А что касается всяких сплетен, то не стоит на них обращать внимания.

Ох, до чего несуразно всё получилось. Но, слава провидению, теперь, кажется, нас с тобой ничто не разлучит. И знаешь, кого надо за это благодарить? Ильяса-ака. Он написал мне, рассказал и о сплетнях, которые распустил Мирабид, и попытках Максума-бобо выдать тебя замуж. Спасибо тебе, родная, за верность, за то, что пронесла нашу любовь через тяжёлые испытания. Даже в своём «прощальном» письме ты оставалась верна мне. На всю жизнь запали мне в душу твои слова: «Любовь — великое счастье. Даже если она и без взаимности». А я очень люблю тебя, Соловейчик!

Передавай большой привет нашим мамам, подругам, Свете и Евдокии Васильевне. Подружись с ними. Они действительно очень хорошие люди. Кстати, заметила ли ты, до чего Света похожа на твою подружку Каромат? Наверняка обратила внимание. А коли так, то и сплетням проклятым конец. Ведь я с Каромат давно знаком и никогда на неё не заглядывался. Вот. Ну разве не хитрый я у тебя? Глупый и хитрый.

С нетерпением жду от тебя весточки. А сейчас расскажу о своём жи-

ть-быть. Долго не писал. Зато сейчас дорвался до бумаги.

После тяжёлых сталинградских боёв рванулись наши войска вперёд, на Запад. Гитлеровцы сражаются отчаянно, но теперь мы их преодолеваем, Полк наш с боями дошёл до украинской земли. Вот как махнул! От Волги до Украины! Много впереди сражений, но я верю: победа будет за нами.

Мухаббат, родная! Ты даже не представляешь, какие это звери — фашисты. Хуже зверей. Сотни сожжённых деревень и сёл, десятки тысяч замученных мирных жителей! Слов не хватает, чтобы выразить всю мою ненависть к фашистским выродкам. Чтобы описать все их злодеяния, не хватит и тысячи книг. Но об одной страшной истории я расскажу.

Несколько дней назад наш полк вывели во второй эшелон. Вроде бы мирная жизнь наступила. Батальоны и роты пополняются новобранцами, солдаты приводят себя в порядок, отмываются, усердно начищают оружие. Готовятся к новым боям.

Расположились мы в довольно большом селе, почти полностью сожжённом немецкой зондер-командой. Жители села — украинцы и русские — ютятся в землянках, которые мы им помогли вырыть. Однако несколько домиков всё же уцелело, в том числе и хата местного старика кузнеца.

А надо сказать, что накануне, во время одного из налётов «юнкеров» (мирная жизнь у нас относительная) изрядно покорёжило нашу походную кухню. Вот и отправился старшина Мельников (есть у нас такой хозяйственный дядька) к кузнецу. Вместе с Мельниковым Сергей Туманов пошёл, а с Сергеем и я увязался. Интересно познакомиться с кузнечным делом, я ведь теперь к физическому труду привычен.

Пришли, встретил нас старик. Густая с проседью борода, глаза маленькие, умно выглядывают из-под кустистых бровей. По старинному русскому обычаю, приветствуя нас, снял старик шапку, завёл в дом, велел своей старухе картошки отварить — угощение. Мы стали было отказываться, да старик ни в какую. Чем богаты, говорит, тем и рады, а отказываться от угощения великий грех.

Ну сели мы, разговорились. Не торопимся к делу переходить.

Старик первый начал. Спросил:

— А нет ли у вас, солдатики, часом, доктора по скотной части?

— Найдётся и такой доктор, дедушка, — отвечает Мельников. С его лёгкой руки и я, и Сергей стали кузнеца дедушкой звать. Но мы — понятно, а Мельников сам дед. Не такой, конечно, как кузнец, без бороды, однако дед, и внуки у него есть. — Найдётся ветеринар, — повторяет Мельников. — А в чём дело?

— Коровушку мою поранило во время бомбёжки, совсем плоха коровёнка.

— Сладим дело, дедушка, — закивал головой Мельников, — Пришлём ветеринара. Только и вы нам помогите. По кузнечному делу. Покалечило во время бомбёжки кухню. Осколками котёл пробило, помяло. Надо привести в порядок.

— Это можно, — отвечает дед.

Тут дело закипело. Пригнали мы кухню, Мельников за ветеринаром отправился. Немного погодя вернулся с младшим лейтенантом в пенсне, «профессором по скотской части», как все его в шутку величали. Но наш ветеринар не обижался. Хороший такой дядя.

Зашли мы всей гурьбой в полуразрушенный коровник. Видим — лежит рыжая в белыми пятнами коровушка. «Милкой её зовут. Стонет, бедняжка. А глаза... Не могу передать, до чего умные глаза! Прямо молят: «Помогите мне, люди, очень мне больно!»

«Профессор по скотской части» осмотрел Милку, вздохнул, снял пенсне и сокрушённо покачал головой.

— Плохо дело, дедушка.

Старик потупился. В коровник вошла старушка, жена кузнеца. Она сразу всё поняла, запричитала:

— Ой, горюшко-то како-ое! Кормилица наша...

Мельников всё же сообразил, как помочь старикам.

Предложил забрать Милку, а вместо неё дать другую корову, из тех, что присылают в полк на мясо. Кузнец со старухой обиделись даже. Это ж, выходит, их Милку надо будет на мясо пустить. В своём ли ты уме, старшина? Наша Милка — член семейства. Не надо никакого обмена. Если доктор не может, сами выходим животину. Ну, а коли не сможем вылечить... Старик провёл по глазам заскоруждой ладонью.

— Ладно, — сказал он решительно. — Пошли к усадьбе МТС. Там кузница.

Тут мы со стариком окончательно познакомились. Степаном его зовут. Угрюмый, неказистый внешне, а душа золотая. Особенно он с Сергеем Тумановым сошёлся. Сергей-то, оказывается, до войны кузнецом работал. Оттого и рукастый, здоровый, как буйвол. Взялись они за дело, а меня поставили у горна, за огнём следить. Сергей с дедом Степаном тяжёлыми молотами орудуют, я огонь раздуваю. Работаем. Сперва молчком, а потом разговорились. Сергей возьми и ляпни старику:

— Что, дед, и при немцах кувалдой махал?

Старик хмыкнул, покосился на Туманова. Хотел было промолчать, да не выдержал.

— Ветрогон ты, — отвечает. — Даром что вымахал с коломенскую версту, а ума не нашёл. Оно и понятно, голова-то у тебя, ровно как от босоногого пацана, махонькая. Ты за кого меня принимаешь? Немчуря поганая очень даже хотела иметь для себя кузнеца. А где его взять? Вывесили фрицы бумажку, так, мол, и так, срочно требуется кузнец. За неявку — расстрел. У них, между прочим, за всё — расстрел.

Дедушка Степан приумолк, вытащил из горна раскалённый докрасна железный брус, положил на наковальню. Сергей и он принялись в два молота ковать, только искры снопами во все стороны летят.

Здорово ковали, легко, с душой. Сделали из бруса плоский лист, закурили. Сергей просит:

— Дальше, дальше что было, дедушка Степан.

— Известное дело — что. Жил у нас в селе мужик один. Одногодок мой. Николаем Захарычем его звали. Сторожем на МТС работал. Вызвали его немцы и говорят: «Ты здесь всех знаешь. Подавай нам кузнеца. Не найдёшь, кокнем и в землю закопаем. Понятно?» Думали запугать человека. Только не на того напали. Захарыч им в ответ: «Охотно, грит, помог бы вам, господа фашисты, только никаких кузнецов у меня на примете нема. Могу, грит, взамен только исполнить песню «Мы кузнецы, и дух наш молод, куём мы счастья ключи». Одначе она вам не очень интересна, потому как это чисто революционная пес-

ня».

Озверели фашисты, схватили Захарыча, а заодно ещё двадцать три человека из нашего села.

Тут уж я, Мухаббат, не удержался, спросил:

— За что их, дедушка?

— А ни за что, — отвечает. — Боятся фашисты нашего брата, вот со страха и зверствуют... Так, значит, взяли людей, и среди них была моя племянница. Клавой её звали. Пригожая такая была, певунья. Брат мой Фёдор, Клавин батька, умер, когда Клаве всего три годочка миновало. Невестка овдовевшая — молодая, вышла второй раз замуж. Дети пошли. Вот я и взял Клаву на воспитание. Сам-то я со старухой своей — бездетные. Растили Клавушку заместо дочки. Школу превзошли, затем в город её отправили на учительницу обучаться. И в городе все науки превзошла. Вернулась домой, стала учительствовать. Вот какие дела...

Голос у старика дрогнул. Кузнец скрутил огромную «козью ножку», насыпал в неё махорки, закурил. Он молчал, и мы с Сергеем молчали, чувствовали, что не время сейчас вопросы задавать.

Дедушка Степан помолчал-помолчал и вдруг произнёс каким-то чужим голосом.

— Расстреляли, ироды. И Клавушку, и Захарыча, и всех остальных заложников. Нашли за околицей дохлого немецкого лейтенанта, ну и, значит, в отместку заложников порешили. Собрали возле оврага народ, привели заложников. Клавушка вся избитая, живого места на ней нету. А стоит гордо, как лебедь, даром что на ней все платьишко изорванное — красавица!

Старый кузнец вроде бы закашлялся. Громко, с надрывом. Но это был не кашель. Старик плакал. Страшно, жутко. И мы с Сергеем ничем не могли его утешить. Что сказать? «Не горюй, дед, мы отомстим извергам за Клавушку!» Да разве можно? Не словами надо утешать, а делами. Мстить надо, истреблять фашистскую погань.

Всё же Сергей не мог молчать.

— Дедушка, — говорит. — Таким людям, как Клавушка и Николай Захарович, после войны памятник поставят. Из чистого золота.

Старик покосился на Сергея, грустно улыбнулся.

— Несмышлёныш ты, Серёга. После войны золоту другое применение найдётся. Памятники — это суета сует. Нужно, чтобы в сердце память о погибших героях оставалась. Вот как... Одначе заговорились мы. Пожевать бы чего не худо.

Ну, мы тут с Сергеем засуетились. Я чай стал кипятить, Сергей банку консервов открыл. Поели. Молчком. И вновь за работу взялись. К вечеру кухня была как новенькая. Сергей восхищался.

— Золотые руки у тебя, дедушка Степан.

А дедушка Степан в ответ:

— И ты, сынок, видать, не косорукий. Кончишь войну — милости прошу к нашему шалашу. Кое-какие кузнечные секреты я ещё не забыл. Приезжай, за сына родного будешь у меня.

— Спасибо, дедушка, — растрогался Сергей. — Жив останусь, обязательно в гости приеду. А насовсем приехать, к сожалению, не могу. Жена ждёт.

— Понятно. Ну хоть погостить приезжай.

Вот какой замечательный человек — этот дедушка Степан. Сколько горя повидал, а не сломился. Надо нам, Мухаббат, учиться у таких людей уменью в руках себя держать.

Так, значит, на чём я остановился? Да! Кончили мы работу, перекусили. Вышли на улицу. Смеркалось, ветер свищет. Грустно на душе. И вдруг слышим — девичьи голоса песню выводят. Дедушка Степан поплотнее запахнул овчинный полушубок, говорит:

— Оживает наше село. Хорошо это. Спасибо вам, служивые, за то, что освободили из фашистской каторги, Слышите — девки поют? Жизнь поёт. Хорошо.

Мы вышли на небольшую площадь, Возле кирпичных руин — всё, что осталось от колхозного клуба, — толпились девушки. Дедушка Степан, завидев их, просиял.

— Глядите, сыпки, радуются молодки.

— Да, — кивнул головой Сергей и вдруг остановился. — Мать честная! Рукам, взгляни-ка вон на ту, пухленькую. Вылитая жена моя. Честное слово.

— Это потому тебе так кажется, — пояснил дедушка Степан, — что соскучился по жене родной. Славный ты хлопец, Серёга. Не вертихвост. О жене помнишь.

Девушки, увидев нас, захихикали, задевать стали.

— К нам идите, солдатики.

— Дедушка, и ты подходи, не робей.

Старик заторопился.

— А ну, шире шаг, служивые. Не заглядываться. Девки в нашем селе боевые. Вмиг охмурят.

Мы прибавили шагу. Чуть погодя дедушка Степан произнёс:

— Плохого о наших девках не думай. Шутят они и всего делов. Намаялись на гитлеровской каторге, а теперь радуются. Шутят.

Возле домика кузнеца остановились, стали было прощаться, да дедушка Степан заупрямился.

— Куда спешите? Заходите в избу, чайку согреем, покурим. Заварки, правда, нету. Сушёная морковь заместо заварки. Заходите.

Зашли мы с Сергеем. Уселись за большим дубовым столом. Старик со старухой занялись самоваром, а мы с Сергеем сидим, и душа у нас кровью обливается. Висит на бревенчатой стене портрет — той самой Клавы, племянницы старика! Статная, чернобровая, глаза светлые, живые!

Накрыла старуха на стол. Картошка, соль, паря кукурузных лепёшек. Сергей вытащил из своего «сидора» банку тушёнки. Дедушка Степан вышел и через несколько минут вернулся с бутылкой самогону, заткнутой сердцевиной кукурузного початка... Улыбнулся.

— Вот ведь какое дело, — говорит. — Начисто ограбил нас фриц, а самогоночка имеется. А отчего так — и сам не пойму.

Выпили мы по маленькой, чайком погрелись. Сергей говорит на прощанье:

— Спасибо за угощение, отец, благодарим за хлопоты, мамаша. Всего вам доброго. И главное, старайтесь в руках себя держать.

— Ты за нас не сумлевайся, сынок, — отвечает дедушка Степан. — Хоть и горе горькое в наш дом пришло, но мы люди русские, крепкие. Клавушка наша за Родину смерть приняла. Это понимать надо. Мы по Клавушке, иначе,

только промеж собой слёзы льём, а на людях мы гордо смотрим.

Мухаббат, Соловейчик милый! Представляешь — какие замечательные люди кузнец со своей старухой! Я рассказал тебе о них для того, чтобы ты полюбила дедушку Степана и жену его, полюбила Клаву, которую ты никогда не видела и теперь уж не увидишь.

Глупец Гитлер! Разве наш народ можно поставить на колени?!

Никогда!

Отольются фашистам вдовы и детские слёзы. Это уж точно.

Родная! С нетерпением жду от тебя весточки. Нелепая размолвка, виновники которой негодяй Мирабид и твой уважаемый (хотелось бы другим словом его охарактеризовать, однако, — что поделаешь! — будущих родственников почитать надо!) дядя Максум, я глубоко уверен, убеждён, размолвка в конечном счёте пойдёт на пользу: мы научимся ещё больше верить друг другу, дорожить нашей любовью.

Вот и всё, Соловейчик. Извини за несколько нескладное послание. Слишком уж я волнуюсь, о многом хочется рассказать, слова теснятся на кончике карандаша, толкаются, а в итоге получается на бумаге мешанина. Обнимаю тебя, родная, желаю всего самого-самого! Кстати, я теперь не просто рядовой, а сержант. Вот как! До скорой встречи.

Твой Рустам

P. s.

Обязательно крепко пожми Ильясу-ака его единственную руку и передай ему, что у него есть брат Рустам. Ах, до чего замечательный человечик — Ильяс-почтарь. Знаешь, я читал его письмо и подсказывал от восторга. А писал он мне вот что: «Рустам! Я с тобой говорю, как солдат с солдатом. Если бы меня полюбила такая девушка, как Мухаббат, я своей единственной рукой Луну с неба уволок бы. Вот. По кишлаку поползла сплетня насчёт тебя и приезжей девушки. А тут ещё перестал писать. Давай лучше пиши, а то я тебе башку оторву!»

Каков, а?! Золотой парень!

Мухаббат дочитала последнюю страничку. Взглянула на подруг сияющими глазами. Но она не видела ни Каромат, ни Светланы. Перед её мысленным взором возник образ Рустама. Вот он, дорогой, любимый человек. Кареглазый, улыбающийся, чуточку неуклюжий.

Где ты сейчас, Рустамджан? Что делаешь, о чём думаешь?

Откликнись, родной!

Рустам места себе не находил, маялся. Теперь, конечно, всё понятно. Мухаббат написала отчаянное письмо сторяча. Он послал ей ответ, развеял сомнения, объяснил всё. И тем не менее парень переживал. Вдруг Мухаббат не поверит ему! А вдруг — пока письмо идёт — Мухаббат вышла замуж!

Бесчисленные «А вдруг!..» приводили Рустама в отчаяние. Сон потерял, аппетит. Разведчики сперва посмеивались, но немного погодя, убедившись в том, что товарищ их не на шутку переживает, утомонились. Сочувствовать даже стали. Как ни странно, один только лейтенант Ибрагим Исаев, командир разведвзвода, помалкивал. Вот тебе и земляк! Хоть бы слово утешения вымолвил.

Рустам чувствовал себя человеком, провалившимся в глубокую тёмную яму, ходил, как лунатик. И всё же равнодушие взводного командира его больно задевало. Даже Валентин Карпаков, ставший угрюмым, неразговорчивым после злополучного письма не дождавшейся его Любы, — даже Кармаков старался морально поддержать Рустама. Сказал: «Ты по моей Любке... бывшей моей... о всех не суди. Ты, брат, того... Верь Мухаббат». А командир взвода, земляк, помалкивал. Конечно, обидно!

Полк вновь ушёл на передовую. Западнее Изюма немцы зарылись в землю, хоть клещами их вытаскивай. Залегли в окопы и наши части. Сразу прибавилось у разведчиков хлопот. Поиски, охота за «языками», наблюдение за противником, изучение его обороны, системы огневых средств. Командир разведвзвода словно задался целью доконать Рустама. И в секрет его, и в поиск — минуты свободной не давал. Сперва Рустам сердился на земляка, а потом перестал. Меньше свободного времени? Это даже хорошо. Злых мыслей меньше, некогда горе горевать. И мало кто догадывался о том, что Ибрагим Исаев специально находил работу земляку. Не такой уж чёрствый человек лейтенант. Только слов утешения не любил. Делом помочь — это да, а языком молот — это не по его части. Всё же и Исаев не удержался.

Однажды возвратился Рустам из секрета, где он набрасывал кроки вражеской позиции. Кроки как кроки, обычный глазомерный чертёжник. Только вместо подписи внизу, как положено, красуется известное всему взводу имя: «Мухаббат».

Ибрагим Исаев распекать парня не стал. Никому не рассказал даже о странной подписи на кроки. Отвёл Рустама в сторонку, ткнул пальцем в чертёжник.

— А я и не подозревал, йигит, что твоя девушка умеет кроки составлять.

Рустам покраснел до корней волос. До того ему стыдно стало, что хоть сквозь землю провалились. Еле выдавил из себя:

— Извините...

— Ладно уж. Причина уважительная. Я, земляк, всё вижу, не слепой. Плохи твои дела, да?

— Плохи, дустым, — вздохнул Рустам, он в расстройстве совсем забыл о субординации и вместо «товарищ лейтенант» сказал «дустым» — друг.

— Рассказывай.

Рустам выложил всё без утайки. Лейтенант знал в общих чертах эту незамысловатую историю, но выслушал внимательно, не перебивая.

— Та-ак, — протянул Исаев, когда земляк его кончил рассказ и умолк. — Письмо... Можно взглянуть на письмо Мухаббат?

— Вот оно...

— Её почерк?

— Её, это точно.

— А со Светой у тебя ничего такого... Хм... И это точно?

— Что ты, дустым!..

— Ладно, ладно, пошутил. А теперь послушай меня. Поверь, всё уладится. Если девушка по-настоящему любит, она так просто, да ещё за прощелыгу, за муж не выскочит. Будет тебя, ненаглядного, ждать. Точно.

— Мне очень горько, Ибрагимджан, что я принёс столько страданий Мухаббат.

— Не казись. Твоя вина, конечно, есть, но не такая уж большая. Надо было

о своих гостях поподробнее написать, развеять возможные подозрения. И всё равно от сплетен вряд ли уберётся бы. Выше голову, разведчик. Давай-ка выпьем за здоровье твоей суженой.

Исаев снял с пояса флягу, взболтнул, сделал солидный глоток, протянул флягу земляку.

— Пей, йигит. Жидкий огонь. Очень помогает от сердечных ран.

От неразведенного спирта Рустам захмелел. Только прилёг подремать, Ермилыч явился, почтальон. От Мухаббат ничего не было. Парень совсем расстроился. А тут ещё пришло письмо от тёти Фроси, матери Кати. Бедная женщина голову потеряла. Дочка не пишет, Фазыл-Федя пишет ей почему-то из Пензы, уверяет, будто в командировке. Какая может быть командировка у солдата? И почему он о Кате ничего толком не расскажет? Ох, чует моё сердце! Не к добру всё это.

Тётя Фрося умоляла: «Рустам, сыночек! Хоть ты не криви душой. Лучше плохая правда, чем хорошая ложь. Снилось мне, будто Катеньку ранило. Не дай бог, конечно, но если случилось такое, напиши, где она, успокой мою душу!»

Взял Рустам карандаш в руки, а писать не может. Что писать? Ваша дочь Катя пропала без вести! Нет, не могу.

Прошло несколько дней. Однажды к вечеру Рустам лежал под днищем стовревшего немецкого танка и вёл наблюдение за передним краем противника. Интересная штука — наблюдение. Со стороны вроде бы пустяковое занятие. Лежи себе и поглядывай. А на самом деле не простое дело — наблюдать. Вот справа, возле бугра, кустик появился — наверняка фрицы сообразили ещё одну огневую точку. А это что, в глубине обороны? Вроде как огромные змеи проползли! Следы танковых гусениц. Вон вдали двое солдат линию связи тянут...

Рустам так увлёкся, что не заметил, как по ровику к нему подполз командир разведвзвода. Тронул за плечи. От неожиданности Рустам вздрогнул.

— Суюнчи с тебя, Рустамджан! — зашептал улыбающийся Исаев.

— Суюнчи? — удивился парень. — А в чём дело? Почему с меня подарок причитается?

Лейтенант не унимался.

— Суюнчи давай. Эх! Надо бы с тебя халат шитый золотом потребовать. Да нету у тебя такого халата. Маскхалат — это да, имеется. Так их у меня две штуки.

Рустам, в предчувствии доброй вести, заволновался, стал дёргать земляка за рукав.

— Говори, говори, дустым! Что за новость?

— Пляши, йигит! — лейтенант протянул Рустаму письмо. Узнав разгони-стый чёткий почерк Мухаббат, парень резко приподнялся на руках, больно стукнулся затылком о днище танка, охнул, засмеялся.

— Ой, спасибо, Ибрагимджаи! Брат... Спасибо.

Он торопливо разорвал конверт, попытался прочитать письмо, по было уже темновато, да ещё под танком. Ничего разобрать невозможно. Рустам чуть не заплакал от досады. Ибрагим Исаев понял состояние парня.

— Боец Шакиров, приказываю оставить наблюдательный пункт и вернуться в расположение части.

— Неудобно, Ибрагимджан, что товарищи скажут? Мне ещё целый час тут сидеть.

— Разговорчики! Выполняйте приказ.

Рустам плохо помнил, как добрался до своей землянки. Кинулся на постель, развернул тетрадные листы...

Родной, милый мой Рустам!

Не знаю даже, как жить мне теперь! Слов не нахожу, чтобы хоть чуточку оправдаться перед тобою. Прости, прости, что усомнилась в тебе, вела себя как глупая девчонка. Есть ли более тяжкое преступление, чем то, когда ранишь сердце любимого человека и он страдает без вины!

Рустамджан, мой храбрый, сильный Рустамджан! Я стою перед тобой, понури голову, как провинившаяся девчонка, и молю о прощении. Будь великодушным, вспомни о том, что повинную голову меч не сечёт. Во всей этой глупой истории не столько я виновата, сколько моя любовь к тебе. Даже когда у нас с тобой всё было хорошо (если не считать постоянных происков моего дяди), даже в те времена я жила в вечном страхе потерять тебя. Потом грянула война, ты уехал на фронт.

Новые переживания, бессонные ночи: где ты, что с тобой!

Ты знаешь, я не могу кривить душой. Война — это страшное безглазое чудовище. Именно безглазое. Оно не видит, кого пожирает. Жутко становится при одной только мысли... Нет, не могу даже думать об этом. Но ты, я знаю, уверена, не рассердишься на меня за мою откровенность. Я была бы недостойной тебя... Прости меня, мысли путаются. Хочу написать ясно, просто, а ничего не выходит. Но знай: что бы с тобой ни было, как бы ни сложилась твоя судьба, она — моя. Ты прав. Может быть, даже и к лучшему, что произошла эта глупая история. Она помогла мне ещё глубже пережить невыносимую муку разлуки с тобой.

Рустам, хороший мой человек! Как чудесно, что живут на свете друзья — заботливые, искренние, бескорыстные. Когда я узнала из твоего письма о благородном поступке Ильяса-ака, сразу же бросилась разыскивать его. Мне очень, очень хотелось назвать его своим братом. Но я не нашла Ильяса-палвана. Он скрывался от меня. Понимаешь? Скрывался, ибо не хотел выглядеть благодетелем. На другой день я всё же его разыскала. Ильяс-ака, по обыкновению, был малость навеселе, но на этот раз мне и в голову не пришло корить его за это. Едва я стала благодарить, он прервал меня и сказал: «Всё это пустяки, Соловейчик. Я, я должен благодарить тебя за то, что могу теперь называть тебя сестрицей. Подумаешь, великий подвиг — черкнуть несколько строк Рустаму твоему! А вот ты и Рустам меня буквально с того света вытащили. Я вернулся безруким, инвалидом. Кругом горе, страдания. Жить захотелось. Поэтому и пить стал. Ваша с Рустамом чистая, преданная любовь вернула меня к жизни. Посмотришь, сестричка, я и пить брошу. Слово даю».

Не знаю, как дальше будет, но пока Ильяс-ака держится молодцом.

Опять сбилась с мысли, не досказала о разговоре с Ильясом-ака! Пообещав бросить пить, он вдруг хорошо так, как ребёнок, улыбнулся и пробасил: «Соловейчик, сестричка моя. Я очень и очень рад тому, что не только я один забочусь о тебе. Оказывается, вы с Рустамом под счастливой звездой родились.

Вот... получай».

Он протянул мне письмо. Чужой почерк, с фронта!.. Мне чуть дурно не сделалось. Ильяс-ака засмеялся:

«Не бойся, Соловейчик. Хорошее письмо. Видишь, оно уж вскрыто. Можешь надавать мне пощёчин, но я это письмо уже прочитал. Я очень любопытный».

Ещё одно чудо, Рустамджан! Я получила письмо от твоего командира взвода. Теперь я всё-всё о тебе знаю, хороший ты мой. Поклонись от моего имени Ибрагим-ака. Очень низко поклонись. Так, чтобы шапка с головы свалилась! Ведь это он и Ильяс-ака вернули мне счастье. Спасибо, спасибо судьбе, что она свела нас с добрыми людьми!

Твоя, навеки твоя

Мухаббат.

Рустам читал, перечитывал дорогое письмо и никак не мог успокоиться. Неужели все переживания, бессонные ночи позади! До чего же всё, оказывается, просто! Глупые, глупые мы. стыдно подумать, до чего глупые. Парень лежал в прокопчённой дымом сырой землянке, на жёсткой соломенной постели, а ему казалось, что он, нежно взяв за руку Мухаббат, бродит по прекрасному саду, окутанному нежно-розовой пеной цветущего урюка... Вот они подошли к арыку, наклонились над весело журчащими струями.

Бах!.. Бабах!..

Грянул взрыв, другой. Третий совсем близко ахнул. Стены землянки дрогнули, опрокинулась гильза от сорокапятимиллиметровки, в край которой был зажат фитилёк, освещавший землянку. С низкого потолка посыпалась глина. Разведчики заворчали.

— Проклятый фриц! Поспать не даст!

— Беспокоится, падло.

— Жарит в белый свет, как в копеечку.

Рустам вскочил, поставил на место гильзу-светильник, поправил свой автомат, висевший на деревянном колышке, вбитом в стену. Пахнуло холодом, и в землянку, тяжело грохоча сапогами, спустился лейтенант Исаев — весь в квёлом снегу и земле, улыбающийся неизвестно чему. В руках он держал исковерканный полевой бинокль.

— Ах, шайтаны, какую хорошую вещь испортили! Возле самой землянки накрыло. Даже свиста мины не слышал. Просто бах — нету бинокля.

Злосчастный бинокль пошёл по рукам. Разведчики разглядывали разбитые окуляры, свороченный на бок винт настройки на фокус, ругали на чём свет стоит «поганцев-фрицев», но никто и словом не обмолвился о смертельной опасности, которой только что подвергся их командир. Бинокль, когда в него угодила осколок мины, висел у командира на груди! Разведчики привыкли, как они острили, гулять под руку с «костлявой», и вообще у них считалось дурным тоном охать и ахать по поводу пережитых опасностей. Пронесло — и ладно.

Рустам подошёл к лейтенанту, помог снять телогрейку, стряхнул с неё землю и снег, слил из котелка на руки. Исаев утёр раскрасневшееся лицо вафельным полотенцем, шутливо сказал Рустаму, не сводившему с него восторженных глаз:

— Что уставился, земляк?

Парень открыл рот, беззвучно зашевелил губами. Поставил котелок на зем-

ляной столик, помолчал и вдруг, прерывисто вздохнув, произнёс по-узбекски:

— Получил письмо от Мухаббат. Она очень просила, брат, Ибрагимджан, низко-низко поклониться тебе, так, чтобы шапка с моей головы свалилась.

Исаев расхохотался, сорвал с Рустама ушанку.

— Рахмат, земляк. Вот видишь, свалилась шапка. Хош. И пожалуйста, не надо красивых слов. Помнишь, как у Шекспира?.. «Слова, слова, слова!» Ты ведь учитель, должен знать Шекспира, а?

Рустам схватил Исаева за руку, молча сжал изо всех сил, потряс. Лейтенант шутливо скривил губы.

— Осторожно, земляк, пальцы сломаешь. Ай да Шакиров! На пользу тебе солдатский харч. Крепким парнем стал, прямо палван... Да оставь в покое мою руку, тебе говорят!

Ибрагим накинул на плечи шинель, вышел из землянки. Следом за ним шагнул Рустам. Они прогуливались молча. К ночи вновь ударил мороз, осветительные ракеты, взлетающие над передним краем, сияли неживым синюшным огнём. Рустаму почему-то казалось, что он попал в сказочную страну, где все люди, вещи, предметы ласково улыбаются, а рыжий человек в заношенной форме лейтенанта — никакой не лейтенант, а волшебник, добрый волшебник. Рустаму хочется сказать волшебнику многое. Но слова не слетают с губ — они радостно звенят в сердце.

Молчание нарушил Исаев.

— Значит, дома всё в порядке, а, земляк?

— Спасибо... Спасибо!..

— Опять за своё! — рассердился Исаев, — Хоть ты и учитель, а фантазия у тебя не богатая. Заладил одно и то же.

Вновь зашагали молча. Под сапогами похрустывал снег. Просвистела шальная мина, грохнул взрыв.

— А... проклятая! — ругнулся Исаев.

Рустам взял под руку Ибрагима, тихо спросил:

— Ибрагим-ака... Извини... Скучаешь по жене, по сынишке, да?

Исаев ответил не сразу. Долго о чём-то думал.

— Великое это счастье — иметь возможность скучать. Понимаешь, Рустамджан, что я хочу сказать?.. Карпаков, бедняга, это хорошо понимает. Ни родных у него, ни... Счастливчики мы с тобой, земляк. Однако хватит лирики. Мне в штаб полка надо заглянуть. Прощай, счастливчик.

Ибрагим Исаев зашагал в темноту. Рустам прислонился спиной к заиндевевшей берёзе, вскинул лицо к небу, на котором зажигались первые звёзды. Как хорош мир! До чего замечательно жить.

Из землянки разведчиков показались два силуэта. Рустам сразу же узнал высокую фигуру Туманова и кряжистого Карпакова. Они подошли к Шакирову. Туманов сказал грубовато:

— Любуешься красотами природы? Айда в землянку. Там не так красиво, зато спокойнее.

— Шагай за нами, — добавил Валентин Карпаков.

Забота боевых друзей растрогала Рустама. Он обнял их за плечи.

— Ребята, красота какая вокруг!

— Тебе сегодня всё — красота. Знаем и поздравляем. Хоть по-своему, по-узбекски говорил ты с лейтенантом, а мы всё равно поняли. Образованные, —

Карпаков помолчал и добавил: — Завидую я тебе. По-хорошему завидую.

Они вернулись в землянку. Рустам лёг, закрыл глаза. Ему казалось, что он парит в воздухе. До чего же хорошо! Мир прекрасен. И зачем только существует на свете война? Вчера одному солдату снарядам оторвало обе ноги. Солдат шёл в санбат, его мучила зубная боль. Шёл из окопов в тыл. Какая нелепость! Будь проклята, война!.. Впрочем, что это я? Совсем ум за разум зашёл. Ведь мы защищаем свою страну. Как можно просто так говорить — проклятая война?! Проклятый Гитлер! Это он выпустил злого, кровожадного джинна войны из бутылки. А наша война — справедливая, благородная война. Правильно в песне поётся. «Пусть ярость благородная вскипает, как волна. Идёт война народная, священная война!»

Кто-то тронул Рустама за рукав. Парень открыл глаза и увидел Валентина Карпакова.

— А ты даже похорошел, Шакиров, — произнёс Валентин и улыбнулся. — Добрые вести красят человека. Факт.

Рустам благодарно пожал руку друга. Помолчали. Подошёл Туманов. Завязался разговор, тихий, вполголоса.

— Когда человек счастлив, — раздумчиво произнёс Туманов, — он горы своротить может. Силы у него, как у сумасшедшего.

Карпаков и Шакиров рассмеялись.

— Чего гогочете? — Туманов сделал вид, что рассердился, но не удержался от улыбки. — Я что хотел сказать? Хорошо, когда человек счастлив. И очертя голову, без пользы для дела, в пекло нечего лезть. Понятно? Знаю я Шакирова. Сейчас ему, как пьяному, море по колено. Начнёт куролесить, храбрость свою без нужды показывать. А для разведчика это самое гиблое дело. Правильно меня поймите.

— Поняли, поняли, — отозвался Карпаков. — Если верить твоим словам, счастливый человек — сумасшедший псих и ещё вроде пьяного.

— А ну тебя!.. — махнул длиннющей рукой Туманов. — Всё шуточки! Я серьёзно говорю, — он положил ладонь на колено Рустама. — Сейчас нет человека счастливее тебя, Шакиров. Береги своё счастье.

— Может, демобилизуем его, а? — деловито осведомился Карпаков.

Туманов ответил в тон:

— Нам с тобой тоже не грех демобилизоваться. Пустячок, брат, мешает — война.

Карпаков не унимался.

Или другое предложение. Отправим нашего счастливчика в военный санаторий. Пусть он там отдыхает, укрепляет организм манной кашей. А как только союзники второй фронт откроют...

Валентин не договорил. Рустам схватил его за ногу, свалил, подмял под себя и, хохоча от избытка чувств, в шутку, но довольно больно, принялся тусить приятеля, приговаривая:

— На союзничков надеешься? Пустоголовый мечтатель. Я покажу тебе, как лучших друзей манной кашей кормить. Второго фронта захотелось. Жди! Политически отсталый ты человек, Карпаков. А отсталых, как известно, бьют!

— Караул! — с притворным ужасом орал Карпаков. — Морально убивают.

Из дальнего угла землянки послышался засланный голос:

— Тише, жеребцы! Спать людям охота.

Туманов легко разнял разыгравшихся приятелей — схватил одного за шиворот, другого встряхнул. Сила в этом человеке жила страшная.

— Разыгрались! Хватит. Спать нора.

Рустам долго не мог заснуть. Перед его глазами, словно отражение в воде, трепетало прекрасное видение: Мухаббат!

ЗАДАНИЕ

Рано утром из штаба полка прибыл связной. Подполковник Белоусов срочно требовал к себе командира разведвзвода. лейтенант Исаев с сожалением отодвинул от себя котелок с недоеденной кашей, натянул телогрейку и вышел вместе со связным из землянки.

Карпаков, уплетая свой завтрак, сокрушённо вздохнул.

— Вот так всегда: срочно, немедленно... Поесть не дают человеку. А если рассудить, куда, собственно, спешить? Война, что ли, кончается! Срочно! Спешно!

— Видать, работёнку новую нам подыскали.

И верно, через полчаса — опять связной: Туманова я Шакирова — в штаб полка. Карпаков про завтрак забыл.

— А я? Как же это без меня?

— Да ты всё ворчал, что начальство позавтракать не даёт, — ответил кто-то из разведчиков. — Вот и сделали тебе поблажку.

Два друга опрометью выскочили из землянки. Погода стояла славная. Порошил лёгкий снежок, сверкал в утренних лучах солнца. Морозец был лёгкий, приятный. Небо чистое, прозрачное, умытое. Дорога в штаб лежала через заснеженную рощу. Тишина, благодать. Лишь высоко в небе зудела, как бормашина, немецкая «рама», по своему обыкновению, высматривая что-то, вынюхивая.

Вот и изба, в которой расположился штаб. Разведчики хотели было доложить по всей форме, но командир полка Белоусов только рукой махнул, ладно, мол, знаю вас, не до церемоний. Комиссар Шевченко, поглаживая свои запорожские усы, молча подмигнул. Зачем подмигнул-неизвестно, может, так просто, из озорства, скорее всего, задание предстоит трудное, оттого комиссар и подмигивает, дескать, не робейте, ребятки, на вас вся надежда.

Подполковник Белоусов начал без околичностей.

— Есть задание. Необычное. Так уж сложились обстоятельства. Весьма важное и ответственное задание. Мы тут с комиссаром и лейтенантом Исаевым пораскинули мозгами и остановились на вас. Как, не возражаете?

Рустам не удержался от улыбки.

— Почему улыбаешься, Шакиров? — спросил командир полка.

— Да так, товарищ подполковник. Я уже привык к армейским порядкам. В армию не приходят, а прибывают, не уезжают, а убывают. Бойцам, выполнившим задание, командир не скажет: «Идите, погуляйте». Он обязательно прикажет: «Идите, отдохайте». В армии всюду порядок. И уж, конечно, приказы в армии не обсуждают. А вы нас спрашиваете: «Согласны ли мы?»

Белоусов рассмеялся, повернулся к Шевченко.

— Слышал, комиссар, как Шакиров с меня стружку снял? Силён парень.

— А что? Шакиров формально прав. Армейский порядок превыше всего. Об одном забыл сержант Шакиров: когда человека на такое дело посылаешь, что

ого-го... иной раз и по душам поговорить не вредно. А предстоит вам, орлы, дело трудное и очень опасное... Ну так как, согласны?

— Так точно, согласны! — выпалили Туманов и Шакиров.

Белоусов повернулся к Исаеву, скромно притулившемуся в уголочке.

— Ай да разведчики у тебя, лейтенант, на ходу подмётки рвут... А теперь внимательно слушайте задание. Сегодня ночью пойдёте во вражеский тыл. Подыщите ещё одного толкового парня. Кроме того, с вами пойдёт представитель армейской разведки. Знает немецкий. Вот здесь, в этом квадрате, — командир полка провёл пальцем по лежащей на столе карте, — расположен партизанский отряд Рагозина. В районе действия отряда Рагозина находится крупный немецкий штаб... Так вот задание командира: надо из этого штаба взять «языка» посOLIDнее и доставить к нам. Желательно в целости и сохранности. Подробности операции подработаем. Посылаем вас в тыл потому, что посадочной площадки для самолёта у Рагозина в настоящий момент не имеется. Однако сообщать по радио об этой операции партизанам вышестоящее командование посчитало нецелесообразным. Ваша задача — информировать обо всём майора Рагозина. О переходе вами линии фронта штаб партизанского отряда будет оповещён. Решено большую группу не посылать слишком трудно на нашем участке такой группе перейти линию фронта не замеченной противником. Если по истечении условленного срока от вас не поступит вестей... — Белоусов замаялся и тут же добавил твёрдо: — Тогда в тыл врага пойдёт следующая группа. «Языка» — взять во что бы то ни стало! Задание ясно?

— Ясно, — пробасил Туманов.

Рустам, давно уже горевший желанием что-то сказать, взволнованно спросил:

— Его не Петром Максимовичем звать? Если Петром Максимовичем... Тогда я его хорошо знаю.

Командир полка, комиссар и лейтенант Исаев недоуменно посмотрели на Шакирова. Белоусов, занятый мыслями о немецком «языке», спросил с ошеломлённым видом:

— Кого знаешь... «языка»?!

— Да нет, Петра Максимовича Рагозина. Его жена и дочь эвакуированы, живут в моём кишлаке.

Все рассмеялись.

— То-то! Смотри у меня... — Белоусов шутливо погрозил Рустаму пальцем.

— Хм... Рагозина, между прочим, зовут Петром Максимовичем. А это, Шакиров, письмо к твоему приятелю. В случае опасности письмо уничтожить. Ясно?

— Ясно, товарищ подполковник.

— Старшим группы назначается сержант Шакиров. Пойдёте, как я уже говорил, вчетвером. Вас — двое, Седых — из разведки армии. Кого четвёртым?

Туманов пробасил:

— Хорошо бы взять Карпакова. Парень что надо.

— Не возражаешь, Шакиров? — подполковник взглянул на Рустама. — Значит, решено — Карпакова. Проявите всё своё умение, орлы. Мелкие группы противника обходите за версту. Никаких боёв. Выполняйте главную задачу: скрытно добраться до партизанского отряда, провести операцию по захвату крупного «языка» и возвратиться в расположение части.

Рустам, внутренне ликуя, козырнул командиру. Мыслями парень находился уже в партизанском отряде. Если это и в самом деле тот Рагозин!.. Ха!.. Недаром говорят: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдётся».

Размышления его прервал комиссар.

— Ещё одно дело, Шакиров. Позавчера я получил твоё заявление о приёме в партию. Порадовал ты меня. Молодец! После твоего возвращения рассмотрим заявление на бюро.

— С-спасибо! — только и смог произнести Рустам. Ему хотелось сказать многое, рассказать о том, как давно он мечтал стать коммунистом. Идти в бой, ощущая на сердце заветную книжечку! Какое это счастье. Однако Рустам не нашёл слов, чтобы выразить свои чувства.

— Спасибо, — ещё раз произнёс он тихо и почему-то покраснел.

Весь день ушёл на подготовку к операции по переходу линии фронта. Прокладывали на карте маршрут движения, подгоняли амуницию и оружие — чтобы ни звяканья, ни скрипа, малейший звук может обернуться катастрофой. Много хлопот доставила одежда. В белых маскостюмах идти уже нельзя, в зелёных — ещё нельзя. Пришлось повозиться, раскрашивая их «под раннюю весну».

Принимая от Рустама документы, лейтенант Исаев сказал:

— Насчёт Мухаббат не беспокойся. Письмо ты ей написал, и я завтра же его отправлю. Если по каким-либо причинам задержишься в партизанском отряде... Я сам напишу Мухаббат, успокою, мол, выполняет спецзадание.

— Нет уж, дорогой земляк, — улыбнулся Рустам, — не пиши лучше. Не думаю, чтобы Мухаббат была счастлива получить такое письмо, даже от тебя.

— Ну, как хочешь. В конце концов Мухаббат может и подождать,

Исаев проводил группу до переднего края, пожал разведчикам руки.

— Ну, друзья, ни пуха вам, ни пера.

Было уже темно. По «ничейной» земле гулял лёгкий ветерок. Высоко в небе перемигивались звёзды. Тишина. Лишь изредка взлетит осветительная ракета, и тогда разведчики вжимаются в землю, пережидают. А затем, ощупывая землю пальцами (не напользти бы на мину!), осторожно ползут вперёд. Пропоет тьму огненная трасса — разведчики вновь принимаются к земле, покрытой ноздреватым шершавым снегом. Гулко, тяжело бьётся сердце — громадное, неистовое. Одно — на четверых. Кажется, немцы слышат его тяжкие удары, приготовились, вот-вот откроют шквальный огонь.

... Тишина. Лишь где-то вдали раскатисто ухают гигантские барабаны — доносится орудийный гул.

Вот и проволочное ограждение...

Судьба была милостива к храбрецам. Они бесшумно миновали первую линию вражеской обороны, вторую, третью. Из вражеских траншей торчали головы наблюдателей. Фрицы изредка постреливали из автоматов, «отпугивая» свой страх перед притаившимся в окопах «русским Иваном», топали тяжёлыми сапожищами, чтобы размяться, взбодрить себя. Один наблюдатель даже наигрывал что-то на губной гармонике. И это оказалось очень кстати. Разведчики прошмыгнули перед самым носом музицирующего гитлеровца.

До чего же хотелось навалиться на этого «музыканта», вцепиться в горло! Но нельзя. Приказ ясен — всячески избегать шума, в бой ни в коем случае ни

ввязываться.

Скрытно пройдя немецкую оборону, разведчики углубились в лес. Перевели дух, осмотрелись.

Тишина. Покой. Значит, всё в порядке. Седых, молодой парень с широчеными плечами, тихонько произнёс:

— Однако повезло нам, ребята. Лихо прошли.

Хрустнула ветка. Разведчики замерли... Нет, это не враг. Вновь тишина. Должно быть, зверь какой прошёл. Двинулись дальше, по краю леска, вдоль дороги, вьющейся меж деревьев. Рустам взял азимут. Хоть и знал он маршрут, вызубрил наизусть, однако с компасом всё же надо сверяться, безотказная штука.

На востоке пробивался рассвет. Тоненькая малиновая полоска разрасталась, ширилась, светлела. Разведчики находились уже далеко во вражеском тылу. Рустам решил не рисковать, отсидеться до вечера в лесу, а заодно понаблюдать за движением по дороге. Пригодится. Собственно говоря, это было даже не его решение. Так рекомендовал поступить незнакомый майор — из штаба армии, проводивший окончательный инструктаж. Тот факт, что майор из штаба армии — говорил о многом. Значит, операция планировалась на высоком уровне. Рустаму и его товарищам просто повезло, что выбор высокого начальства пал на участок обороны, занимаемый их полком. Должно быть, посчитали участок этот наиболее удобным для перехода линии фронта мелкой группой. И правильно решили, не ошиблись.

Рустам но был суеверным, однако, подумав так, поплевал через плечо. Чтоб не сглазить! Перейти линию фронта перешли, но ведь ещё и до отряда надо благополучно добраться.

Разведчики сидели в глубокой яме, заполненной мокрым снегом и прошлогодними прелыми листьями. Метрах в ста от них, на просёлке, шумела, фыркала моторами чужая жизнь. Проскочил кургузый вездеход... Проползла колонна тяжёлых грузовиков с крытыми брезентом кузовами, Взвод автоматчиков... Эх! Дать бы им сейчас жару!.. Нельзя, приказ... Показался фургон, запряжённый двумя здоровенными конягами — короткохвостыми, с могучими крупами. На облучке фургона — двое немцев. Они о чём-то громко переговаривались, хохотали во всё горло, должно быть, с утра успели хватить шнапсу.

Туманов тронул Рустама за плечо, протянул длинную свою руку в сторону пьяненьких фрицев и согнул палец, словно нажал на спусковой крючок. Рустам погрозил другу кулаком: сидя и не рыпайся. Вдруг фургон остановился, один из ездových соскочил на землю и быстро побежал напрямик в сторону ямы с притаившимися в ней разведчиками. Рустам весь напрягся. Неужели заметил их фриц? Не может быть! Яма прикрыта со стороны дороги кустарником. Да и не рискнул бы повозочный в одиночку кинуться на них.

Выдержка и ещё раз выдержка!

Между тем, фриц приближался. До ямы оставалось каких-нибудь шагов двенадцать. Разведчики вскинули автоматы. Туманов приготовился к прыжку, чтобы кончить незваного гостя бесшумно.

Неужели фриц всё-таки заметил их и с пьяных глаз проникся безумной храбростью?!

Уф! Кажется, пронесло.

Не доходя до своей смерти шагов десяти, фриц остановился и, насвистывая

песенку, повернулся к разведчикам спиной и принял картинную позу. Его дружок вытащил фотоаппарат и стал щёлкать кадр за кадром. Разведчики обалдели. Подумать только! Расположился, поганец, под самым носом и ещё песенки свистит! Валентин Карпаков умоляюще глядел на Рустама: позволь сцапать фрица! Сергей Туманов побледнел от обиды и возмущения. Седых навлёл автомат на фрицев зад, вот-вот нажмёт на спусковой крючок...

Рустам сам чуть не плакал от бессильной злобы. Он взывал к своему чувству юмора, но тщетно! Хотелось самому полоснуть пьянчугу из автомата, перерезать пополам очередью на полдиска. Узнают в разведзвезде об этой истории — засмеют!

И всё же Шакиров сдержался. Сделал страшные глаза, усмирил товарищей. Да и фриц, словно почувал, что судьба его висит на волосочке, недолго испытывал терпение разведчиков, поплёлся, наконец, к фургону.

Когда фургон скрылся за поворотом, Туманов но выдержал, ругнулся. Карпаков вздохнул, пробурчал:

— Этак не долго и разрыв сердца получить. Ну и и фриц окаянный! Ребята, дома об этом ни гу-гу. Засмеёт братва, хоть из полка... Да что там полк!.. Из дивизии тогда беги!

— Ладно, ладно, — успокаивал Рустам товарищей. — Всякое бывает. Молодцы, что сумели сдержаться.

— Оно, конечно, — вздохнул Седых, — молодцы, верно. Однако я чуть не поседел от душевных переживаний. До чего же, ребята, хотелось влепить фрицу пулю в самую «десятку»!

Разведчики, задыхаясь от смеха, жевали рукава, закрывали рты ушанками — чтоб шума не было. Кое-как успокоил их Рустам, хоть и сам едва сдерживался от душившего его хохота.

Весь день разведчики отсиживались в яме. Вели наблюдение за движением на дороге. Курили по очереди в рукав. Вспоминали нахального фрица. Вечером двинулись дальше. Некоторое время пробирались оврагом, затем вышли к полю с неубранной кукурузой.

На небе зажглись звёзды, узенький серп месяца, опустив рожки вниз, излучал серебряный блеск. В вязкой земле, в снегу утопали сапоги. Идти было трудно. Чтобы подбодрить товарищей, Рустам пошутил:

— Если кто устал — прошу в машину.

— Душевно благодарны, — отозвался Карпаков. — Только машина нам без надобности. На своих двоих вернее.

— Не желаете машину, могу подвести на собственной спине. — Рустам делал вид, будто ему легко идти, не устал он нисколько, а сам еле ноги передвигал.

— Не маленькие, — тихо сказал Туманов, — Вот если бы ты мне того проклятого фрица предоставил!.. Уж я бы на нём прокатился.

Миновав поле, сделали короткий привал. Закусили консервами. Рустам пояснил:

— Недалеко осталось. Во-он там, на взгорке, опять лес, а за ним — сторожка, в которой нас ждут. Выше головы, ребятки! Самое трудное позади.

В лесу набрели на тайник — нечто вроде пещеры. Осторожно обследовали её, благо надо было сделать ещё привал, набраться сил перед последним переходом,

В тайнике, вход в который маскировали заросли ежевики, по всему видать, не так давно кто-то обитал. Следы от костра, мусор, забытый котелок, пробитый осколком, лежаки из отрухлявившихся ветвей, обрывки тряпья. Возможно, здесь скрывались красноармейцы, потерявшие свои части во время прошлогоднего немецкого наступления. В тайнике было сыро, пахло плесенью.

Куда девались его обитатели? Может быть, раненые отлёживались здесь и, набравшись сил, перешли линию фронта? Или нет уже вас, безвестные товарищи, в живых!.. Может, покоитесь где-то поблизости, спите вечным сном...

Группа двинулась дальше. Дойдя до опушки леса, Рустам приказал остановиться. Надо было перейти просёлок, по которому, несмотря на позднее время, сновали грузовики, ползли тяжёлые фуры и подводы.

Рустам разделил группу на две пары. Сам с Карпаковым двинулся скрытно вдоль дороги, Туманова же с Седых оставил на опушке. Договорились, в случае чего, прикрывать друг друга огнём.

К счастью, всё обошлось как нельзя лучше. Примерно через полчаса движение на дороге замерло. Аккуратный народ — фрицы. Рустам с Карпаковым перebrались через просёлок, причём с хитростью — шагая спиной вперёд: на тот случай, если немцы обнаружат следы и задумают пуститься в погоню.

Залегли в низине. В чём дело, почему мешкает Туманов с Седых?.. А, вот почему!

Из-за поворота показалась телега с полицаями. При лунном свете полицаи смахивали на дьяволов, зачем-то вооружённых винтовками. Они горланили, пытались завести песню, матерились. Ну и компания! Налакались самогонки, пьяные в три дуги.

Грохнул винтовочный выстрел. Неужели предатели обнаружили Сергея?! Нет, просто пьяницы «веселятся».

Наконец телега скрылась во тьме. Немного погодя послышалось тяжёлое дыхание Туманова.

— Вот сволочи! Чуть не угробили...

За Валентином показался Седых. Даже этого спокойного парня покинула невозмутимость. Оказывается, случайный выстрел пьяного полицаа чуть не оказался роковым — пуля угодила Валентину прямо в грудь, но, к счастью, в нагрудном кармане гимнастёрки лежал портсигар, и она рикошетировала. Бывает же такое!

— Валентин до того озлился, — рассказывал Седых, — что схватился за гранату, хотел полицаев в клочья разнести. Насилу удержал.

— И хорошо сделал, что удержал, — похвалил сибиряка Рустам, — Полицаев, может быть, и расколошматил, да набежали бы немцы. Пришлось бы нам драпать или бой принимать. А задание за нас кто выполнять будет? Пушкин? За невыполнение боевого задания — суд военного трибунала! Учтите это, добровольцы.

Карпаков, хмурый, злой, вертел в руках портсигар.

— Гады! Какую вещь испортили.

— Ладно, не ной, — усмехнулся Рустам. — Радоваться тебе надо. В рубашке родился.

Двинулись дальше. Долго шли лесом. Наконец впереди, залитая лунным светом, показалась деревня. За околицей её, на отшибе, возле самого леса, белела сторожка.

Разведчики подползли ближе. Вроде она. На плетне — как и условлено — четыре корчаги и глечик.

Оставив на всякий случай Карпакова и Седых для прикрытия, Рустам, переложив ТТ в карман телогрейки, зашагал к сторожке. Чуть позади него шагал Туманов, сжимая в громадном кулаке гранату-лимонку.

Рустам почувствовал холодок под сердцем. Крепче сжал в кармане ТТ. В детстве он видел в цирке номер — укротитель засовывал голову в пасть льву с мохнатой гривой. И сейчас Рустам чувствовал себя тем самым укротителем, голова которого прихвачена чудовищными клыками. Однако укротитель хорошо знал своего льва, верил в его дружбу, а сейчас...

Собравшись с духом, Рустам поднялся на крыльцо, постучал и от неожиданности отпрянул, сжал до боли в пальцах пистолет: дверь тут же отворилась, показался старик в накинутом на плечи кожанке. Опершись на косяк, спросил:

— Чого тебе, хлопчик?

— Не найдётся ли спичек, папаша? Курить охота, — произнёс Рустам пароль и внутренне усмехнулся. Глупо спрашивать среди ночи спички.

Старик просиял:

— Есть, есть спички. А вот керосину нема.

Тут просиял и Рустам. Отзыв точный, хотя и забавный. Старик с удивительной для его возраста силой пожал Рустаму руку.

— Мени кличут дид Тарас.

— Рустам Шакиров.

— О, це гарное имечко! Семьдесят рокив кукую на билом свите, а такой мудрёности ни слыхал. Как... как тебе кличут?

— Шакиров Рустам.

— Остальные где хлопцы? Одного бачу... Дюже велика дытына, — старик с удовольствием оглядел Туманова. — А ещё два где? Сховались?

Рустам свистнул. Из кустарника выбрались Карпаков с Седых.

— Пийдемо, — не пригласил — приказал дед Тарас. — Пишлы до комиссару.

Дед Тарас вывел разведчиков на деревенскую площадь, выложенную булыжником. Возле большой хаты прохаживался часовой в папахе. На груди его висел немецкий автомат. Дед шепнул ему что-то, часовой пропустил разведчиков.

Зайдя в сени, дед сказал:

— Обождите, хлопцы, хвылынку-другую.

Ждать, однако, пришлось минут десять. Наконец дед вернулся и поманил корявым пальцем.

— Зараз прося, хлопчики.

В комнате, освещённой, большой керосиновой лампой, к великому удивлению разведчиков, их встретил не бородатый партизан, увешанный трофейным оружием (именно таким представляли они партизанского вояку), а одетый строго по форме молодой капитан. На плечах его красовались погоны с четырьмя звёздочками.

В полку Белоусова ещё не успели нацепить погоны — совсем недавно их ввели — а тут, во вражеском тылу, разгуливает с иголки одетый советский офицер! Видать — вояка до мозга костей.

Рустам откозырял, доложил о прибытии группы.

Капитан произнёс спокойно:

— Потрудитесь повторить пароль.

Пришлось вновь канючить спички у воображаемого «папаши». Лишь после этого капитан протянул руку.

— С прибытием. Письмо при вас?

— При мне, но приказано вручить лично командиру партизанского отряда.

— Я — заместитель командира Ясновского партизанского отряда по политической части капитан Солдатов.

— Мне приказано вручить письмо лично майору Рагозину.

Капитан пригладил ладонью светлые волосы, улыбнулся.

— Чей приказ?

— Майора, который проводил инструктаж,

— Фамилия.

— Фамилию майора не знаю.

Капитан окончательно оттаял.

— Прошу садиться. Сейчас мы вас покормим и двинемся на главную базу.

Через час с небольшим разведчики были на главной базе, расположенной в лесу. Порядок здесь был как в образцовой воинской части. Добротные сработанные землянки, надёжная маскировка, охрана.

Возле командирской землянки Рустам всё же не утерпел, спросил:

— Как же это вы, товарищ капитан, так рисковали?

— Чем рисковал? — не понял Солдатов.

— В деревню в одиночку ходили. Могли попасть немцам в лапы. Дед Тарас не великий защитник.

Солдатов рассмеялся.

Эх вы, разведчики! В ту деревню немцы забыли, когда наведывались. Да и как вы не заметили в ней партизан, кроме деда Тараса?

Рустам сконфузился. Вот незадача! Обвели вокруг пальца партизаны. Маскировочна у них первый класс.

Солдатов открыл дверь землянки, и разведчики очутились в просторной, жарко натопленной комнате. Стены её были обшиты пахнущими смолой досками. Чистота, порядок. Рустам увидел сидящего за дощатым, на козлах, столом пожилого майора, подтянулся, чтобы рапортовать о прибытии. Майор махнул рукой, поднялся, улыбаясь до ушей, шагнул к Рустаму...

Щепетильный в вопросах воинской субординации Солдатов с озадаченным видом смотрел на своего командира, тискающего в объятиях прибывшего из-за линии фронта разведчика. Рустам чуть не прослезился от радости. Пётр Максимович! Он самый. Весёлые, с прищуром, неопределённого цвета глаза, выпуклый лоб, толстые губы, раскатистый басок...

— Пётр Максимович!.. Пётр Максимович..., — Рустам ничего больше не мог произнести.

Рагозин выпустил, наконец, его, оглядел с ног до головы, одобрительно про-рокотал:

— Ничего, парнишка. Кому война — мачеха, а тебе, видать, — мать родная. Настоящим солдатом стал. Выправка, взгляд... Орёл!.. Вот уж действительно чудеса. Эх тебя занесло куда, парень! В партизанскую глухомань, да ещё к знакомому командиру. Везунчик ты, Шакиров.

Когда, наконец, малость улеглись радости по доводу удивительной встре-

чи, Рустам представил майору Рагозину своих товарищей и вручил письмо.

Майор углубился в чтение. Рустам не удержался от подковырки:

— Хорошо вы тут устроились, народные мстители. Жаль только, что за «языком» нам тащиться через линию фронта.

Рагозин скосил глаза на Солдатова.

— Каков гость, комиссар? Заноза! Сказал — что тебе Максим Горький. С подтекстом сказал, мол, сидите вы, партизаны, в лесу и ни шиша не видите, что под вашим носом додаётся.

Солдатов улыбнулся. Пётр Максимович снисходительно потрепал Рустама по плечу.

— Эх!.. Молодо-зелено. Насчёт «языка» покрупнее мы уже и сами кое-что придумали. Кандидатуру даже обсудили. Есть у нас один полковничек на примете — фон Штурм. Прибыл по инспекционным делам... Как, нравится «язык», а?.. Так что, Шакиров, пожаловал ты с приятелями к нам на всё готовенькое. Начальник штаба план захвата, высокого незваного гостя уже разработал. Будем брать его послезавтра на рассвете. Подробности предстоящей операции сегодня же и обсудим.

Рустам смотрел на Петра Максимовича и удивлялся. Какая выдержка! Дело прежде всего. Ни словечка о Евдокии Васильевне, о Свете. А сам небось помирает от желания услышать о них хоть словечко. Чтобы как-то перейти на неофициальный разговор, Рустам сказал:

— Товарищ майор... Пётр Максимович, я совсем по-другому представлял себе партизанский отряд. Думал — этакий табор. А у вас тут как в хорошей воинской части. Единственное отличие — не у всех партизан военная форма и много трофейного оружия. А порядок, дисциплина — высший класс.

Рагозин довольно ухмыльнулся, бросил быстрый взгляд на Солдатова. Комиссар тоже улыбнулся. Сдержанно, правда, и тут же вышел из землянки.

— Не любит комплиментов, — пояснил Рагозин, — стесняется. Что касается дисциплины... Да как же иначе, — рыжеватые брови Рагозина удивлённо взлетели вверх. — Нам воевать надо, а не в бирюльки играть. Ты думаешь, легко нам было создать во вражеском тылу партизанский район, куда немцы даже нос бояться сунуть?! Что нам помогло добиться такого успеха? Отвечу. Беззаветная храбрость партизан, стойкость местного населения и уж, конечно, железная дисциплина и воинский порядок. Что касается оружия и военной формы, то мы пока что находимся на снабжении главным образом у фашистского фюрера. Правда, присылают нам и с «большой земли» и оружие, и боеприпасы, и многое другое. Однако мы стараемся не слишком обременять Наркомат обороны. Как говорится, изыскиваем местные ресурсы, — Рагозин улыбнулся.

— М-да, — Рустам восхищённо щёлкнул пальцами. — Вот это партизанский отряд! А комиссар ваш словно на парад собрался. Гладко выбрит, одет с иголочки...

— С комиссаром мне, прямо скажу, повезло, — произнёс Рагозин с довольным видом. — Ты не смотри, что он молодой и вроде бы пижонистый. У него не голова, а целая Академия наук со всеми её филиалами. Люди его боготворят. И никакой он не педант, как может на первый взгляд показаться. Просто армейский порядок уважает. Вот, к примеру, такой факт. Вчера передали по радио шифровку о том, что Солдатову присвоено очередное воинское зва-

ние — капитана. А сегодня у Солдатова четыре звёздочки на погонах. Он и меня в этом смысле здорово воспитал. Молодчина! Интересная у него присказка — детские стишки, а с глубоким смыслом...

— Что за присказка?

— А вот она: «Не было гвоздя — подкова упала, не было подковы — лошадь захромала, лошадь захромала — командир убит, армия разбита — армия бежит, враг вступает в город, пленных не щадя, — потону что в кузнице не было гвоздя!» Ну как, здорово, а?

— Здорово! — воскликнул Рустам. Да и остальные разводчики, до сих пор чинно сидевшие на лавке, одобрительно закивали головами.

— Лучше не скажешь.

— Стишок что надо!

— В самый раз бьёт стишок, аккурат в «десятку».

Рагозин, довольный, сощурился, потёр ладони как человек, предвкушающий что-то интересное.

— Ну что ж, друзья, дела, кажется, всё обговорили в общем и целом. А теперь не грех чуточку заняться и личной жизнью.

Рагозин хитро прищурился, но Рустам понимал, что Пётр Максимович донельзя взволнован встречей, жаждет услышать хоть словечко о жене и дочери. Какая выдержка у человека.

Возвратился Солдатов. Доложил:

— Товарищ майор, только что пришла Аня. Подтверждает прежние сообщения. Фон Штурм будет проезжал вблизи нашей зоны, Хромченко, правда, готовит несколько вариантов операции. Но это для гарантии. Немцы народ аккуратный.

— Аккуратный, — согласился Рагозин. — Иной раз до идиотизма аккуратный. Но я за это на них не в претензии... Я на тебя в претензии, комиссар. Только-только по душам хотел поговорить с ребяташками, — Рагозов показал руками на разведчиков, — а ты опять об этом растреклятом фон Штурме, чтоб его черти взяли!

Разведчики, хранившие деликатное молчание, захихикали.

— Чего смеётесь?

Туманов пробасил:

— Смешно, товарищ майор. Фон Штурма мы должны изловить, а вы его чертям отдаёте.

— А я вас и имел в виду, — нашёлся Рагозин. — Так сказать, чертей в хорошем смысле слова.

В землянку вошёл молоденький партизан, совсем мальчик.

— Товарищ майор, — закуска готова. Разрешите накрыть стол?

— Прошу любить и жаловать моего ординарца Николая Березкина, — представил паренька Рагозин. — Мой личный телохранитель и по совместительству лихой подрывник. Когда спит-ест, никому не ведомо. Всё время воюет. И, между прочим, — Рагозин обласкал глазами щупленькую фигурку своего ординарца, — и, между прочим... Он дважды спасал мне жизнь,

Березкин налился густым румянцем, смутился невероятно.

— Т-товарищ майор...

— Ладно тебе, Коля! Добрых дел не резон стесняться... А сейчас... Давай команду насчёт подзаправиться.

Подняли по чарке — за Победу, другую — за успех предстоящей операции, третью — за всё хорошее. Туманов, Карпаков и Седых не прочь были пропустить ещё по маленькой, но Пётр Максимович показал головой.

— Прошу извинить, дорогие гости, не обессудьте. У нас в отряде железное правило: первая чарка для утоления жажды, вторая — для веселья, Третья — для сердечной беседы. А четвёртой чарки не признаём. На востоке есть пословица: «Последняя соломинка ломает спину верблюда». Так и четвёртая чарка. Не в чести она у партизан.

Разведчики подивились таким словам. Им казалось, что в партизанских лесах живут «повеселее». Возражать, однако, не стали. Вздохнув, налегли на закуску. Рагозин всё поглядывал на Рустама: мол, что тянешь, рассказывай, как там мои проживают. Рустаму очень хотелось, со своей стороны, расспросить Петра Максимовича о его житье-бытье. Но воспитанный в строгих правилах восточных обычаев, он ждал, когда же Пётр Максимович, как старший, начнёт первым разговор о своей семье, о знакомых.

Рагозин всё это понимал, однако медлил с расспросами. Он знал, что Евдокия Васильевна и Света живут в доме Рустама. Изредка приходили весточки от них. Очень редко, но получал он письма. Но вот с тех пор, как захватили фашисты партизанский аэродром, пришли в негодность из-за непогоды запасные посадочные площадки, регулярная связь с «большой землёй» нарушилась. За последние три педели лишь однажды прилетел самолёт и сбросил контейнеры, да и то попался на уловку гитлеровцев, сбросил их па вражеские костры, выложенные «конвертом».

Пётр Максимович страшился начинать разговор. Он не был суеверным, но какая-то непонятная сила удерживала его: «Не надо... А вдруг!..» Всё же Рагозин пересилил её, спросил, сдерживая волнение:

— Ну... как там мои... Ничего?

Рустам обрадованно закивал,

— Хорошо! Всё хорошо... Пётр Максимович. Я не так давно письмо получил из дому. Жена ваша и дочка работают, в кишлаке их очень уважают...

Собственно говоря, Рустаму нечего было рассказывать. Ну живут, ну работают. Однако он старался вовсю, выдумывал всякие истории из жизни Рагозиных. Очень ему хотелось утешить Петра Максимовича. А тот слушал, слушал, и глаза его увлажнились слезами радости. Словно человек собственноручно обнял близких, потолковал с ними.

— Спасибо... Спасибо тебе, Рустам, — промолвил Пётр Максимович. — В трудную минуту друзья познаются. Ты — настоящий друг. Верный. И весь твой народ-такой. Верный! Сколько бездомных, осиротевших людей приютил Узбекистан в тяжкую годину! Великое спасибо.

— Ну что вы, Пётр-ака! Зачем спасибо? Советские люди — большая, очень большая семья. Друг другу помогать должны члены этой семьи. Разве в семье друг другу спасибо говорят?

— Говорят, сынок.

— Верно, говорят. Но всё равно, не надо благодарить... Да! — Рустам решил перевести разговор на другую тему. — Помните моего земляка, Фазыла Юнусова?

— Ещё бы не помнить! Славный парень. Он ещё за Катенькой ухаживал... Хорошо, что напомнил. Ну так что он? Отличился небось? Боевой парень. А

насчёт Кати...

— Не повезло Фазылу. В первом же бою тяжело ранило. А Катя... — Рустам прикрыл ладонью лицо, проглотил подкативший к горлу ком. — Кати нет... В том же первом бою... Ни среди убитых, ни среди раненых не нашли... Без вести пропала.

Рустам поднял на Рагозина глаза и опешил. Пётр Максимович улыбнулся. Умом он тронулся, что ли?! Что с ним?

— А как тяжело ранен Фёдор-Фазыл? — поинтересовался Рагозин.

— Покалечило изрядно, пищет, из армии его подчистую...

— Руки-ноги целы?

— Вроде бы целы, только попорчены.

— Ай спасибо тебе, сынок! — вскричал вдруг Пётр Максимович и кинулся обнимать Рутама. — Хоть и плохая весть, а в сущности добрая весть.

Рустам ничего не понимал. Несёт человек околесицу. А комиссар... И он улыбается. Ничего не пойму!

Солдатов шепнул что-то на ухо Коле-ординарцу. Тот выбежал из землянки. Через несколько минут он вернулся, ведя за руку... Нет, не может быть! Наверное, это просто сон?.. Нет, не сон...

Перед ним стояла Катя!

Маленькая, голубоглазая, она растерянно моргала. Сперва она не узнала Рустама, чуть погодя — схватилась за горло, попятилась и вдруг с радостным возгласом, шагнув вперёд, припала к его груди.

— Рустам... Рустамчик! — лепетала Катя. И тут же встрепенувшись: — А где Федя?.. Где, что с ним?! — В голубых глазах её метались страх, надежда, отчаяние, восторг.

Шакиров рассматривал милое личико Кати. Сердце его сжималось от жалости. Юная, совсем ещё девочка, а на лбу, возле губ, появились морщинки. Сколько же ей пришлось выстрадать! И за себя, и за Фазыла...

— Что... Что с ним?

— Жив! Жив твой Фазыл-Фёдор!! — в восторге заорал Рустам, и, схватив Катю в охапку, закружил, завертел.

Катенька повизгивала от счастья и всё лепетала:

— Правда?.. Ты не обманываешь? О, я, наверно, умру от счастья!

Долго сидели друзья за скромным столом, вспоминали Нальчик, недавнюю жизнь, которая теперь казалась далёкой-далёкой, словно во сне всё было.

Катенька не сводила глаз с Рустама. Она боялась, что он вдруг исчезнет. Трогала руками (настоящий ли!), тормошила. Пётр Максимович смотрел на Катеньку добрыми отцовскими глазами. Вдохнул, сказал раздумчиво:

— Чует моё сердце, потеряем мы нашего санинструктора.

Девушка смутилась. Рагозин словно прочитал её мысли. Она была захвачена мечтой — хоть одним глазком увидеть Фазыла. Какое счастье, что он жив. Пусть искалеченный, пусть хромым, без руки, без ноги!.. Главное — живой. Родной, любимый человек.

— Что скажешь, комиссар? — обратился Рагозин к Солдатову, — Как насчёт санинструктора, мечтающего податься на «большую землю»?

Солдатов дипломатично промолчал. Да и что говорить?

В отряде два врача, несколько санинструкторов. Однако... Отпускать просто так Катю? В воинских частях не принято.

Пётр Максимович улыбнулся.

— Не хмурься, комиссар. Ты по-своему нрав. Понимаю. Но ведь любовь тоже дело не шуточное. Да и какая, собственно, разница, где будет Катенька воевать? По эту сторону линии фронта, по ту... Главное, чтобы помогала Победу ковать.

Вошёл начальник штаба Хромченко, приземистый человек лет тридцати с яркими синими глазами. В руках кипа бумаг, карта.

— Разрешите доложить, товарищ майор, варианты предстоящей операций по захвату гитлеровского полковника.

— Докладывайте.

Со стола мигом исчезло партизанское угощение, Хромченко разложил карту. Откашлялся.

— Вариант первый...

И СВЕТ ПОМЕРК В ЕГО ГЛАЗАХ!

Рустам с товарищами, измученные бессонными ночами, скитаниями по лесам, спали мертвецким сном. Их попытались разбудить к завтраку, но разведчики только всхрапывали и сладко чмокали губами. Узнав об этом, майор Рагозин махнул рукой и сказал:

— Ладно, пусть отоспятся. Измотались парни. Что касается завтрака, то они слопают его вместе с обедом.

Пётр Максимович ошибся. Разведчики завтрак и обед съели за ужином. Партизаны посмеивались.

— Ай да разведчики! Говорят, их искусала страшная муха цеце, заразила сонной болезнью.

— Ничего подобного. Просто разведчики проверяют правильность поговорки: «Солдат спит, а служба идёт».

— Да нет, братва. Говорят, люди растут во сне. Вот они и стараются. Один уже вымахал с коломенскую версту.

«Коломенская верста», Сергей Туманов, сердито пробасил:

— Хватит, а? Экая невидаль — поспали люди! Откуда вам, лесным жителям, знать — зачем мы спим? Может, мы во сне дело делаем. Один очень выдающийся учений, сказывают, только во сне разные великие открытий и делал. Ляжет па боковую, всхрапнёт — и сразу делает открытие на благо всего человечества... Так и мы.

Партизаны восхищённо разводили руками.

— Вот даёт парень! Не разведчик, а прямо-таки древний философ Диоген.

Несколько смущённый партизанскими шуточками, Рустам отправился побродить по лесу. Ещё лежал талый снег, но уже чувствовалось дыхание весны. Пахло прелыми листьями, оживающей землёй. В вечернем небе носились пошвыстывающие пичуги.

Рустам присел на пенёк, задумался. Образ Мухаббат возник перед его мысленным взором... Железнодорожная платформа... Мухаббат в зелёном платице... Милое, родное лицо с сияющими антрацитовыми глазами.

Кто-то тронул Рустама за плечо. Он очнулся — перед ним стоял Коля Березкин, ординарец Петра Максимовича.

— Товарищ сержант, вас к командиру.

Пётр Максимович встретил Рустама шуточкой.

— А, спящий красавец!.. Заходи. Как настроение перед свиданием с «языком»? Бодрое?

— Засмеяли нас ваши партизаны, товарищ майор. Живого места не оставили. Сами не рады, что отоспаться решились.

— Это да, парод у нас языкастый. Ну а вообще, как поправилось в нашем отряде?

— Очень понравилось, товарищ майор. Боевой отряд.

Рагозин просиял.

— Рад слышать такое. — Пётр Максимович вдруг пожал плечами и выразил лукавое недоумение. — И в самом деле, отряд хорош. Да только кое-кто рвётся из отряда, не желает служить.

— Кто же это? — удивился Рустам.

— Приятельница твоя, Катя. Заладила одно и то же: «Пойду вместе с сержантом Шакировым через линию фронта. Хочу вернуться в свой полк». Я сразу сообразил, что она того... с вами пойдёт.

— Понятно, — улыбнулся Рустам. — Недаром у нас на Востоке говорят: «Кто случайно пристал по дороге, тот временный попутчик»... Не сердитесь на неё, Пётр Максимович. Катенька к Фазылу рвётся.

— Знаю и по сержусь. Можешь забирать перебежчицу.

— Спасибо, товарищ майор.

— Экий ты официальный. Мы же с тобой, Рустам, старые знакомые. Разговор у нас неофициальный. Можешь просто Петром Максимовичем звать, не расвирепею. Кстати, у меня к тебе поручение. Я сейчас письмецо черкну своей Евдокиюшке и Светке. Прихвати письмецо с собой. Когда ещё у нас посадочная площадка появится! А ты завтра-послезавтра дома уже будешь...

— Пишите письмо, Пётр Максимович.

— Вот спасибо, одолжил, брат.

Рагозин засел за письмо. Рустам подумал-подумал и тоже решил написать письмецо. Время есть, а как вернёмся в полк, заветный треугольничек полетит к Мухаббат...

Карандаш плохо слушался Рустама. Молодой человек то и дело погружался в воспоминания, парил на крыльях мечты. Рустам и Мухаббат, взявшись за руки, идут вдоль горной реки. Милая Мухаббат! Она звонко смеётся и, выбежав вперёд, кричит: «Догоните!..» Рустам бежит за ней, но догнать не может. Девушка, залиvisto смеясь, увёртывается. Вот она шагнула в реку! Рустам испуганно кричит: «Осторожно, можно утонуть!» Мухаббат вдруг грустно отвечает: «Обо мне не беспокойтесь, Рустам-ака. Себя берегите!»

А вот Мухаббат на вокзале... Грустная. Она впервые говорит Рустаму «ты». «Верь, верь мне, Рустамджан!»

Рустам встряхнулся. Ну и замечтался! Ой-бо! Мухаббат, кажется, сейчас ещё что-то сказала мне?.. Да, конечно, кажется, она тихо произнесла: «Взгляни, взгляни, как прекрасен мир. Рустамджан!..» Почему она так сказала?

Родная моя! Верю тебе. Ты ждёшь меня! Война разлучила нас. Но война кончится. Мы отпразднуем Победу, и я вернусь. О, какая это будет чудесная жизнь! Без грохота орудий и трескотни пулемётов, без оконной грязи я гибели друзей. Мирная жизнь! Синее небо над головой, золотой диск щедрого солнца, весёлый птичий гомон...

Пётр Максимович закончил письмо, протянул его Рустаму.

— Вот, получай. Когда доберёшься до своих, припиши от себя пару строк. Объясни, почему я, собственно, ничего и не написал, кроме жив, здоров, обнимаю и целую. Даже имени своего не написал. Сам понимаешь, осторожность прежде всего. Я ведь как-никак командир партизанского отряда и письмо отправляю не по почте, а о оказией.

— Понятно. Всё сделаю, Пётр Максимова.

— Спасибо. А теперь давай-ка повторим в деталях предстоящую операцию.

Рустам улыбнулся. Дотошный человек Пётр Максимович. Ну да ладно. Повторение — мать учения. Откашлявшись, Рустам начал:

— Представителям армейской разведки побриться и постричься. Представителям армейской разведки надлежит переодеться в форму полевой жандармерии с бляхами на груди. Возле села Сосновка... Точнее, в трёх километрах от этого села располагается партизанская группа захвата. Армейским разведчикам в операции по захвату «языка» не участвовать. Приметы фон Штурма: рост, примерно, метр восемьдесят, блондин, лицо костлявое, глаза водянисто-голубые, на левой щеке багровый рубец — след ранения, возраст — около пятидесяти лет. При нём находится чёрный портфель из крокодиловой кожи с документами. После захвата полковника представители армейской разведки садятся в «оппель-капитан» полковника и следуют по шоссе в сторону фронта. В квадрате «В», — Рустам развернул карту и показал на ней названный квадрат, — мы уходим в прифронтовой лес. Оттуда переходим линию фронта... Всё.

— Ну что ж, всё вроде учтено. А как насчёт того, если вдруг понадобится предъявить документы?

— Начальник штаба партизанского отряда заготовил соответствующий аусвайс... пропуск. Кроме того, необходимые документы должны иметься у самого полковника. Ну, а главное... Наша группа будет ведь переодета в форму полевой жандармерии. А Седых владеет немецким языком.

— Значит, всё в порядке, — резюмировал майор Рагозин.

В землянку зашёл дед Тарас, козырнул по-военному. Стал докладывать обстановку.

— Фрица того, значит, хватать надобно у самого мосточка. Такой мосток, бревенчатый. Туточки и рощица, и ложок... вроде оврагу, и никаких нимцив нэма. Сховаются хлопцы в кустах. Парочку брёвен на мосте мы повынаем — и в дамках.

Рагозин внимательно слушал старика.

— Толковый у нас дед Тарас, — Пётр Максимович глубоко вздохнул, словно скинул с плеч тяжёлую ношу. — А теперь за дело. В путь-дорогу собираться. До Сосновки часа четыре ходу. Далековато, конечно, зато там фрицы непуганые. Это хорошо.

Раньше всех отправилась на задание группа наблюдателей. Её задача — разведать обстановку в районе Сосновки. Часа в два ночи партизанскую базу покинули группа захвата и Рустам со своими разведчиками. В жандармских шинелях у них был глупый вид. Парни чертыхались. Сергей Туманов еле дышал, как он выразился, «в чужой поганой шкуре». На его могучей фигуре жандармская шинель трещала по швам. В последний момент обнаружилось досадное обстоятельство: как быть с Катей? Не надевать же и на неё жандармскую шкуру! Решили — пусть остаётся в своём колушке. Вроде бы задержанную везут.

Настало время прощаться. Пётр Максимович крепко пожал разведчикам руки, обнял Катю, предложил:

— По русскому обычаю... Присядем на дорожку.

Посидели, помолчали.

— Ну, ни пуха вам, ни пера.

Партизанская группа и разведчики, выставив головной и боковые дозоры, двинулись во тьму. Пётр Максимович остался на партизанской базе. Руководство предстоящей операции он поручил капитану Солдатову. Капитан шагнул рядом с Шакировым и то и дело «подрабатывал обстановку».

— Сержант Шакиров, ещё раз предупреждаю: полковника берём мы. Никаких боевых азартов, слышите?

— Так точно, товарищ капитан, слышу. Принимаем от вас готовенького полковника.

— Если фон Штурма не удастся взять тихо, появится погоня, — вариант с поездкой по шоссе отпадает. Пленного тогда надо доставить в лес.

— Будет сделано, товарищ капитан.

Так, «подрабатывая обстановку», добрались наконец до места назначения. Люди устали, но действовали умело, без суеты. В кустарнике, возле самого мосточка, залегла группа захвата. В прилегающей к кустарнику рощице капитан расположил свой резерв, на случай, если завяжется бой. В неглубоком логу обосновались разведчик и Катя. К ним присоединился капитан Солдатов. Внешне он был спокоен. Только уж слишком часто поглядывал на часы со светящимся циферблатом.

Время тянулось медленно, нудно. На востоке появилась бледно-синяя полоска рассвета. Предутренний туман клубился, тихо плыл клочковатыми облачками... Вот и туман стал рассеиваться, таять, превращаться в росу. Посветлело небо...

— Шесть часов пятьдесят минут, — произнёс Солдатов, — Скоро должен пожаловать высокий гость.

— Да, довольно высокий, — усмехнулся Рустам. — Рост у него метр восемьдесят... Кстати, товарищ капитан, отчего это на шоссе никакого движения нет?

— Гражданскому населению гитлеровцы по этому шоссе ездить запретили, а сами, в соответствии с приказом, начинают движение только после восьми утра. Хотя в не беспокоят их здесь партизаны, а всё равно ездят только при свете дня... Ого! Семь ноль-ноль. Где же он?..

— Опаздывать изволит господин оберст.

— Безобразие, — не то в шутку, не то всерьёз возмутился капитан. — Вот вам и хваленая немецкая аккуратность!.. — Он не договорил. На околице Сосновки, белеющей на взгорке, появилась крохотная точка и заскользила по шоссе Солдатов выскочил из оврага, подал команду. Несколько партизан подбежали к мостику, быстро вынули из проезжей части два бревна, спрятались.

Чёрная точка превратилась теперь в крохотный автомобильчик. Вот он исчез за поворотом, вновь появился — теперь уже большой, урчащий мотором. «Опель-капитан» выкатился па прямой участок шоссе, ведущей к мостику... Резко взвизгнули тормоза...

«Опель-капитан» остановился. Из него выскочили шофёр и долговязый молодой лейтенант. Огляделись по сторонам. Тишина. Успокоились, стали,

ворча что-то себе под нос, волочить вынутые брёвна к мостику. Пожилой немец, тот самый долгожданный блондин с водянисто-голубыми глазами и шрамом на щеке, сидел в машине как истукан. Наконец и он не выдержал, вышел из «оппеля», стал прогуливаться, по-журавлиному высоко поднимая длинные ноги.

Фон Штурм не сразу даже понял, что, собственно, произошло. Оглянулся, но вместо шофёра и адъютанта увидел группу вооружённых людей с автоматами наизготовку. Полковник отшатнулся, потянулся рукой к кобуре. Его сграба-стали, стиснули так, что он взвыл и тут же умолк — ему сунули в рот кляп. Оберст дико вращал глазами, силясь понять, что с ним произошло. Неужели его выследили партизаны? Неужели!..

Оберст замычал от восторга, увидев четверых фельджандармов, застонал — жандармы переговаривались между собою по-русски.

Подошёл широкоплечий здоровяк в форме фельджандарма, сказал оберсту по-немецки:

— Вы попались, оберст. Слушайте меня внимательно. Минутку... — он вы-тащил изо рта полковника кляп. — Кричать, звать на помощь не советую. Хотите сохранить жизнь — поступайте так, как вам будут приказывать.

У оберста стала подёргиваться щека, лицо позеленело от ужаса.

— Спокойствие, господин оберст. Вам всё понятно?

Оберст замотал головой, как лошадь, отгоняющая мух. Подошёл человек в ватнике. В руках он держал портфель оберста. Широкоплечий просмотрел бег-ло содержимое портфеля, удовлетворённо хмыкнул.

Фон Штурму казалось, что всё происходящее с ним — жуткий сон. Ещё немного, и кошмар исчезнет. Скорей... Скорей бы!

Кошмар не исчез. Оберста потащили, втолкнули в «оппель». По обе сторо-ны сели «жандармы» и молоденькая девушка. Третий «жандарм» сел за руль, четвёртый — по-видимому, главный — рядом с шофёром. Широкоплечий улыбнулся полковнику и объяснил:

— Если в дороге случится проверка документов, убедительно просим дер-жать себя спокойно.

Сидевший рядом с оберстом громадный «жандарм» повертел перед его но-сом пистолетом и, прильнув к фон Штурму, как к родному, сунул ему ствол пистолета в бок. Из-под расстёгнутой шинели «жандарма» виднелась каму-флированная куртка разведчика. Подошёл русоволосый человек в полной форме капитана Советской Армии, бросил коротко:

— Счастливого пути, сержант!

«Оппель» рванулся вперёд.

Рустаму хотелось петь от радости. Операция по захвату оберста прошла безукоризненно. Всё как по нотам! Сержант обернулся, подмигнул Кате.

— Ну, Катяджан, как самочувствие?..

— Нормально. Жаль только, что трудности не позади, а впереди.

— Совсем немного трудностей, Катяджан. Завезём этого гуся в прифронто-вой лесок. А там уж и наши близко.

— Не кажи гоп...

— Это верно.

«Оппель», урча мотором, мчался по шоссе...

До заветного леса оставалось совсем немного. Движение на шоссе было

незначительное. Всё вроде бы предвещало успех. Карпаков оказался неплохим водителем, «оппель-капитан» вёл себя в его руках как шёлковый... Скорей бы лес! Скорей бы... Рустаму казалось, что вот так, на «оппеле», можно свободно проскочить через линии окопов, к своим!..

Дорога пошла на взгорье. «Опель» отяжелел, зафыркал, медленно полез на подъём... Вдруг из-за поворота показались встречные машины: три грузовика с солдатами, санитарная машина... вторая... Тяжёлый грузовик — в кузове его валялась исковерканная пушка... Штабной вездеходик.

Вездеходик, в котором сидели четыре офицера и шофёр, поравнялся с «оппелем». Один из офицеров крикнул что-то. Оберст рванулся к окну, закричал... Туманов и Седых стиснули оберста, заткнули ему рот. Тщетно! Было уже поздно. Офицеры, сидевшие в вездеходе, почувяли неладное.

— Гони! — крикнул Рустам Карпакову.

«Опель» помчался как бешеный. Однако вездеход успел развернуться и устремился в погоню. Загремели выстрелы. Туманов повалил оберста на пол, притиснул, чтобы не задела его пули. Седых выбил заднее стекло, выставил ствол автомата и саданул длинной очередью по преследователям. Рустам искромсал кинжалом кожемитовый верх кузова, высунулся и тоже стал отстреливаться.

Проклятый вездеходик не отставал. Грохот выстрелов, свист пуль, рёв мотора. Седых вдруг выронил автомат, свалился на сиденье, обливаясь кровью. И в этот же момент покатился юзом вездеходик.

— Ага! — воскликнул Рустам. — Досталось тебе, гадина!

Однако радость его была непродолжительной. Он вспомнил, что на таких вездеходиках стоят рации. Немцы, разумеется, уже вызвали подмогу. По шоссе ехать теперь — верная гибель. Что делать?!

— Гони прямо по полю напрямиком к лесу! — закричал Рустам.

Карпаков бросил «оппель» с ходу через кювет. Машина, тяжело вертя колёсами, завихляла по схваченной лёгким морозцем целине.

Рустам оглянулся. Светлое небо скатывалось за тёмную полосу горизонта. Погоня не показывалась. До леса рукой подать. Неужели ушли?..

Прямо из днища «оппеля» вырос огненно-дымный сполох...

И это последнее, что увидел Рустам. Он охнул, и свет померк в его глазах.

... Катя очнулась, застонала. Перед глазами мельтешили разноцветные огоньки. В голове гудело. Где я?.. О-о-о!

Она приподнялась в развороченном взрывом кузове, и её замутило: кругом кровавое месиво. На переднем сидении, привалившись к безжизненному телу Карпакова, истекал кровью Рустам. На заднем сидении — изувеченные трупы Туманова, Седых, оберста... О боже! Неужели я осталась одна на этом свете?!

Девушка в ужасе попыталась закрыть лицо ладонями, но левая рука не повиновалась. Ранена!

Катя застонала и вскрикнула от страха: в машине ещё кто-то застонал. Она судорожно завертела головой. Кто... Кто?!

Стонал Рустам. Напрягая последние силы, девушка вытащила сержанта из машины. И тут же — леденящая душу мысль: «Сейчас их схватят! Уйти невозможно!»

Девушка перевернула Рустама на спину, отёрла рукавом кровь с лица — и отпрянула. Один глаз у сержанта вытек, другой был весь в розовой пене.

— Рустам! — позвала Катя. — Руста-ам...

Сержант тяжело дышал. Дышал хрипло, с надрывом.

Дикий страх судорожно рвался из Катиного рта вместе с отчаянным воплем:

— Руста-а-а-м!.. А-а-а-а...

Ей казалось, что она совсем одна на планете. Только она и окровавленный умирающий Рустам. Вдруг она вспомнила о том, что сейчас придут фашисты. Придут и, радостно гогоча, схватят её и Рустама.

— Очнись!.. Милый, дорогой Рустам, очнись... Слышишь?

Рустам вдруг ответил:

— С-с...лышу-у... Эт-то... ты, К-катя?.. Я ничего не вижу... Почему я не вижу, Катя?

Это было так страшно, что Катя прикусила пальцы, чтобы не закричать. Казалось, Рустам говорил с того света.

Рустам стал ощупывать пальцами лицо, искалеченную ногу.

— Ничего не вижу, Катенька. Что случилось?

— Все погибли...

— Н-не может битв... Такой взрыв... Где оберст?

— Он тоже...

— А где портфель с бумагами?.. — Рустам разволновался. — Разыщи... Обязательно разыщи!..

Содрогаясь от ужаса, Катя подползла к развороченному брюху «оппеля», принялась искать портфель.

Она нашла его. Обожжённый взрывом, покоробленный, иссечённый осколками, он по-прежнему хранил в своих недрах великую тайну, за которую отдали свои жизни Серёжа Туманов, Валя Карпаков и Седых, имени которого почему-то так никто и не узнал. Просто — Седых.

Катя протянула портфель Рустаму. Сержант ощупывал себя пальцами, словно пианист, медленно пробегающий на клавиатуре трудный пассаж. Рустам не кричал, не плакал. Только трогал себя пальцами, и это было Страшно, невыносимо страшно.

Девушка положила ему на грудь портфель. Рустам потрогал и его, погладил, тихо произнёс:

— Надо уходить, Катенька... Только я не могу идти... Нога...

Катя подползла вплотную к Рустаму, перевалила его к себе на спину, напрягая все силы, поползла к лесу. Сержант, как мог, помогал ей. Потом он сказал:

— Оставь меня, Катенька. Бери бумаги из портфеля и ползи одна. У меня есть пистолет... Очень хороший пистолет.

Она сунула бумаги из портфеля за ворот кофточки, туго перепоясалась шарфом и вновь потащила Рустама. Он просил оставить его, но девушка только стискивала зубы... Вперёд... Вперёд!

Когда до леса оставалось совсем немного, Катя под своим носом вдруг увидела круглую грязную мину. Противотанковую!

Они ползли по минному полю.

Катя зажмурилась, сердце её сжалось в крохотный комочек. Хотелось съжиться, раствориться, исчезнуть — так ей было страшно.

А Рустам ничего не подозревал. Он всё молил оставить его, не мучиться, во

что бы то ни стало спасти документы. Катя осторожно продолжала ползти, влоча на себе истекающего кровью сержанта. Она расширившимися от ужаса глазами ощупывала каждый сантиметр земли, начинённый смертью.

На этот раз смерть миловала их. Катя втащила Рустама в овраг, там она поставила парня на ноги. Но он идти не мог — левая нога болталась как плеть, подламывалась. Углубившись подальше в лес, Катя нашла ямку, из стенки которой бил крохотный родничок. Она напоила раненого, обмыла с него кровь, перевязала, как могла.

Рустаму чуточку полегчало. Он ещё не понимал, какая беда обрушилась на него. Он просто не мог осознать её. А может быть, страшился признаться даже самому себе в том, что всё понял.

— Катенька, что у меня с глазами?

— Их опалило взрывом. Это ненадолго, Рустам.

— Почему ты плачешь, Катя?

— Мне больно... болит раненая рука.

— Потерпи, Катяджан. Не надо плакать. Мне очень горестно слышать.

— Не буду... Не буду больше.

Они помолчали. Рустам о чём-то думал. Наконец он произнёс:

— Слушай меня внимательно, Катяджан. Мы с тобой выполняем особо важное боевое задание. Наши друзья погибли. Мы должны, мы обязаны выполнить задание. Ясно?

— Ясно.

— Я приказываю тебе, Катя, оставить меня здесь, в лесу... Мы ведь в лесу, не правда ли?

— В лесу.

Документы, взятые нами, надо во что бы то ни стало доставить нашему командованию.

— По как же ты, Рустам?!

— Молчать! — крикнул Рустам и застонал. — Слушать боевой приказ. Сейчас же, немедленно уходи. Я остаюсь здесь. Прощай, Катя.

Рустам нащупал её руку, погладил.

— Прощай, Катенька. Будь осторожна. Если тебе удастся перейти линию фронта, ты сделаешь большое дело... — Он помолчал и добавил: — И может быть, только этим ты сможешь спасти и меня. Прощай.

Катя горько заплакала.

— Не надо плакать, Катяджан, — Рустам даже нашёл в себе силы пошутить, сказал? — Катя, будь женщиной!

— Рустам... Давай спрячем документы... Перейдём линию фронта. А потом придут наши бойцы... Возьмут их.

— У русских есть хорошая пословица: «Хороша ложка к обеду». Документы необходимо срочно доставить нашему командованию. Как знать, мокнет быть, через два— три дня они превратятся в груды ненужных бумажек, Иди, Катенька.

— Я тебя не оставлю! — упрямо твердила Катя. — Не оставлю...

Рустам дрожащими руками вытащил пистолет.

— За невыполнение боевого приказа!.. — Он как-то жутко захрипел, тихо охнул и, упав навзничь, потерял сознание.

Катя утёрла слёзы, нацедила из родничка воды во фляжку, приложила её к

разбитым, окровавленным губам сержанта. Рустам судорожно глотнул раз, другой, пришёл в себя.

— Иди... Иди, Катя. Приказываю!..

В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ...

Аня-разведчица, крохотная девчушка лет семнадцати, изображала из себя юродивую. В рваной шубейке, простоволосая, она бродила по деревне, расположенной неподалёку от минного поля, на котором подорвался «оппель», и, напрягая память, мобилизуя все свои более чем скромные знания немецкого языка, прислушивалась к разговорам немецких солдат.

Гитлеровцы только и толковали об утреннем происшествии. Шутка ли! Партизаны похитили какого-то важного оберста. Правда, утащить им его не удалось. «Оппель», спасаясь от погони, выскочил на минное поле и взлетел на воздух вместе с пассажирами.

Девушка зашла в чайную, пристроилась в уголке. Собственно говоря, чайная — это до войны, а нынче чайная называлась помпезно и глупо:

РЕСТОРАН Г-НА СИВЫ И К°

«Г-н Сива» — красномордый толстяк со свинячими глазками — орудовал за стойкой, дочка его, перезрелая девица с отвисшей грудью, обслуживала столики, а также (только для господ офицеров!) занималась амурами по умеренной таксе. Здесь вечно торчала гитлеровская солдатня, и поэтому Аня решила заглянуть в заведение господина Сивы.

Увидев юродивую, г-н Сива сделал страшную рожу и замахал коротенькими ручками, словно отгонял от себе нечистую силу.

— Геть!.. Геть отседа.

Солдатня заготала. Здоровенный фельдфебель, покачиваясь, подошёл к стойке и на чудовищном русско-украинско-немецком языке стал втолковывать господину Сиве:

— Мы имеем бачить айне... как это... пляска. Ферштанден?

Сива засуетился, угодливо изгибаясь, несмотря на огромный, как у беременной бабы, живот, затараторил:

— Айн момент... Айн момент, — и тут же Ане: — А ну, придурок, спляши. Господа немцы желают лицезреть. Пляши, тебе говорят. Чаю с хлебом дам. Пляши!

Аня скорчила глупую гримасу, запела «Цыганочку» и прошлась по кругу, затрясла плечами, захлопала в ладоши.

Танец удался на славу. Солдатня ржала от удовольствия, орала, топала ногами. Господин Сива оказался человеком слова. Вислогрудая дочь его принесла стакан чаю с сахарином и ломоть хлеба. Аня забилась в уголок, притихла. Неподалёку от неё сидел тот самый фельдфебель, который «имел бачить пляска», и его приятель — рядовой солдат в мундире с иголки, должно быть, какой-нибудь штабной писарь. Они лихо лакали самогонку, пьянели и толковали об утреннем происшествии.

— Говорят, — тяжело отдуваясь, прохрипел фельдфебель, — говорят, будто один из злоумышленников всё же уцелел и скрылся в лесу.

— Чепуха, — перебил его писарь.

— Говорят, они выкрали какие-то документы?

Писарь приложил палец к губам, сделал трагическую мину.

— Тссс... Об этом молчок, в противном случае камрады из гестапо шкуру с нас спустят.

Как ни была взволнована Аня трагической гибелью разведчиков, она не могла сдержать радостного возгласа. Хорошо хоть, что немцы восприняли его, как очередную блажь юродивой. Неужели и в самом деле кто-то из разведчиков остался жив! Не всё потеряно, документы ещё могут очутиться по ту сторону фронта!

Быстренько допив чай, Аня бочком-бочком выбралась из заведения господина Сивы, приплясывая, прошла по улице, добралась до околичного дома. Постучала в окно.

— Пода-айте убогой хлебца три кусочка!

На стук вышла старуха, крикнула зло:

— Три кусочка! Не жирно ли будет?.. Заходи, кусочек, так и быть, дам, Христа ради.

Сердитая старуха до войны была директором школы-семилетки, а сейчас содержала явочную квартиру. Ани, приплясывая, зашла в дом.

— Бедная девочка! — заохала «злая старуха». В сущности, она не была ни злой, ни, тем более, старухой. Женщина средних лет. Только платок повязывала по-старушечьи. — Устала небось кривляться.

— Устала, Лидия Васильевна, ещё как устала! А что делать? Война ведь. Одно меня беспокоит... Вот кончится война. Что я тогда в анкетах писать стану? Участвовала в Великой Отечественной войне, служила юродивой, а?

— Глупенькая. Будешь писать: «Разведчица»... Однако хватит болтать. Что нового разведала?

Аня рассказала. Уходя попросила:

— Лидия Васильевна, передайте через связного «бате», чтобы за меня не беспокоились, если на денёк-другой задержусь. Я в лес уйду. Разведчиков пощю. Они наверняка раненые, нуждаются в помощи.

— Как же ты одна пойдёшь?

— Я не одна. В лесной сторожке дедушка Григорий живёт. Лесник. Он свои владения вдоль ж поперёк изучил. К нему пойду, а уж потом вдвоём отправимся на поиски.

Лидия Васильевна вздохнула.

— Бедненькая ты моя, Аннушка. Думала ли я до войны, что моя лучшая ученица будет изображать из себя юродивую?

— А вы — злую-презлую старую ведьму!

Женщина рассмеялась, погрозила Ане пальцем.

— Ну и молодёжь нынче пошла! Никакого уважения к старшим. Смотри у меня, вот возьму и поставлю тебе «двойку» за поведение.

Аня распрощалась с Лидией Васильевной, вышла, приплясывая, на улицу. Вечерело. Густело, наливалось тёмной синевою небо. Немногочисленные жители деревни, заперев ставни, отсиживались по закуткам. Даже во двор никто не выходил. Приближался комендантский час — попробуй высунуть нос из дому! У гитлеровцев разговор короткий — автоматная очередь в спину. Одна только Аня отваживалась нарушать приказ о комендантском часе. То ли привыкли гитлеровцы к юродивой, то ли и за человека её не считали. Иной раз отвесят подзатыльник, сапогом двинут, а чтобы стрелять — этого ещё не бывало. Лишь однажды её чуть не застрелил часовой. С перепугу саданул очередь.

Добравшись до околицы, Аня приблизилась к КПП и, бормоча всякую чушь, стала показывать немцам лукошко, прихваченное у Лидии Васильевны, мол, в лес за грибами идёт. Солдаты от души хохотали.

— Русише коммунистен! — взвизгнул один из них, от хохота его мучили колики. — Лорелея!..

— Кримгильда! — заорал другой.

Очень их развеселила чумазая девчонка, собравшаяся в марте за грибами.

Аня, подскакивая козлом, выбежала на шоссе. Как только КПП исчез за поворотом, она припустилась со всех ног. Бежала долго. Дышать становилось всё тяжелее в тяжелее, ноги налились свинцовой тяжестью, казалось, вот-вот разорвётся сердце. Но Аня продолжала бежать.

Скорее, скорее! Дорога каждая минута...

Вот уж и вовсе дышать нечем. Но Аннушка упрямо бежит. Она вспомнила, как на уроке истории Лидия Васильевна рассказывала о древнегреческом воине, который пробежал без малого сорок километров, чтобы сообщить о победе, одержанной под местечком Марафон. Он прибежал в Афины, возвестил о победе и пал бездыханный. Чем она, Аня, хуже древнего грека? Да и бежать ей самое большее километров двенадцать-пятнадцать...

Наконец кончилось страшное поле, лес вплотную приблизился к шоссе. Аня, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, на чужих ногах забралась в чащобу, нашла тропку и, повизгивая от усталости и нетерпения, помчалась к заветной сторожке.

Собственно, ей лишь казалось, что она мчится. Аня совсем выдохлась и еле передвигала ноги.

Лес всё густел, мрачнел. Он хлестал девушку ветвями по лицу, хватал разлапистыми корневищами за ноги. Ане сделалось жутко. Хотелось кричать во всё горло, молить о помощи. Стиснув зубы, Аня продолжала бежать. Ей казалось, что она бежит целую вечность, что ока потеряла ориентировку, взяла не ту тропку и теперь кружит по лесу, заблудилась.

Девушка совсем было пала духом. Что делать?! Вдруг она увидела два светящихся в темноте глаза... Послышался жуткий рёв.....

Аня вскрикнула, попятилась, споткнулась о корень, упала навзничь...

Чудовище со светящимися глазами, ворча, приблизилось к ней. Аня в ужасе зажмурилась, затаила дыхание... Что-то горячее и шершавое тронуло её за щеку. Она сделала над собой нечеловеческое усилие, открыла глаза... Радостный крик вырвался из её груди. Рядом сидел Полкан, громадная кавказская овчарка дедушки Григория,

Полкан лизнул Аню в лицо ещё раз, ещё, ослабился. Девушка обхватила пса за мохнатую шею, расплакалась от радости. Громадный псище осторожно прихватил зубами её руку, потянул, мол, пошли, чего лежишь! Аня вскочила, побежала за Полканом. Через несколько минут она была в сторожке дедушки Григория.

Интересный человек дед Григорий. Двухметрового роста, бородача до пояса — веером, рябой, он и в шестьдесят с гаком лет обладал медвежьей силой. В других лесах порубщики и браконьеры частенько шалили, а во владениях деда Григория царили тишь и благодать. Даже немцы не рисковали испытывать его терпение. Невероятно, но факт.

Как-то дед Григорий вышел из своего леса за солью. В деревне двое пьяных

автоматчиков попытались было застрелить Полкана. Дед, ни слова не говоря, сгрёб пьяниц за шкурки, ахнул друг о дружку лбами — те повалились в беспамятстве. Привели деда к немецкому гауптману. Схватился гауптман за пистолет, грозить стал:

— Русише бер... Медьвиедь!.. Пиф-паф... Капут!

Дед молча взирал на гауптмана. Укоризненно покачал громадной своей головой. Увидев прибитую к порогу подковку, нагнулся, легко оторвал её, разогнул, скрутил кренделем и, вежливо поджав губы, протянул гауптману. Офицер ахнул:

— Вундерменц!.. Колоссаль.

Велел гауптман деду Григорию ещё что-нибудь такое сделать, чтобы силу показать. Могучий старик невозмутимо принялся за дело. Перво-наперво подхватил гауптмана на руки, легко подбросил до потолка, да так, что немец о потолок ахнулся. Затем дед, походя, между прочим, отломил ножку у письменного стола. Войдя во вкус, вырвал у часового винтовку, и, как щепочку, сломал приклад о колено. Гауптман, повизгивая от ужаса и восторга, кричал: «Коньиец!.. Данке шён». А дед невозмутимо продолжал свои подвиги. Сорвал с того же часового пояс, намотал на руки, рыкнул — пояс разорвался. Наконец, притомился. Успокоился. Гауптман суетился около него.

— Данке шен, геэн... Ходить лес. Ходить... голубчик!

Гауптман зверюга был, душегуб, а вот на деда Григория рука у него не поднялась. Подавил, восхитил, сразил его дед своей немислимой физической силой.

С той поры и прозвали деда «Голубчиком». Немцы к нему — ни ногой. Партизанам это очень удобно.

Жил дед Григорий бобылём. Партизанам помогал неплохо, однако держался самостоятельно. Никаких приказов не признавал. По доброй воле партизанил. Иной раз забредут к нему парни, упрекать начнут:

— Несознательный ты, дед Григорий. Сидишь бирюком в своей сторожке, не проявляешь должной партизанской активности.

Дед слушает молча, сопит. Не возражает. А на прощанье — глядь — вытащит из тайника пару немецких автоматов.

— Возьмите гостинчик на дорожку, хлопчики. Намедни двое чудаков блукали на опушке. По пьяному делу расхрабrevши. Ну, я их, значит, аккурат пристроил в лесочке... Бывайте, хлопчики.

Утрюмый, неразговорчивый великан любил Аннушку, как родную внучку. Всегда у него для Ани был приготовлен вкусный кусочек, тёплая постель, ласковое слово. Однако на сей раз дед, завидев Аннушку, не расплылся в улыбке, не сграбастал её в охাপку. Приложил лопатообразную ладонь к её губам.

— Молчи, стрекоза.

Аня кое-как освободила лицо от громадной ладони, торопливо зашептала:

— Да что с вами, дедушка? Срочное дело есть... Разведчики на минном поле подорвались. Говорят, один из них в лесу скрывается. Помочь ему надо.

Дед зашипел змеем:

— Тшшшшш... Не колготись. Так я и ждал твоей команды! Здеся разведчик. Крепко пораненный, до невозможного состояния.

Аня не знала: радоваться ей или горевать. Разведчик в безнадежном состоянии!

— А больше никого не было?

— К фронту подался. Тоже пораненный, но не шибко. Аккурат в руку, должно быть.

— Видели вы его, дедушка?

— Не его, а её. А видеть — не видал. По следам читал,

— Катя!.. Это Катя! — воскликнула Аннушка.

Дед отозвался невозмутимо.

— Имени-отчества не установил. Оно по следам не всегда возможно.

Аннушка припала к дедову боку, тихонько всхлипнула.

— Будя... Будя, стрекоза. Разбудишь человека. Бредит он, не в себе, кровей из него вышло видимо-невидимо.

Девушка на цыпочках подошла к широкой лавке. На ней, весь в полотняных повязках, метался в полубреду Рустам Шакиров. Он жил в мире иллюзий, искалеченные глаза его видели теперь только непроглядную тьму. Он не мог даже понять, какого цвета тьма. Видел, остро видел лишь его воспалённый мозг, жило внутреннее зрение.

Вот он, Рустам, и Катя пробираются по лесу. «Я больше не могу идти, Катенька... Нога!» — «И сейчас вырежу палку... Я сейчас... Тебе будет удобно идти». — «Нет, Катя! Иди дальше одна. Документы... Обязательно перейди линию фронта». — «Одного тебя не оставлю». — «Выполняй приказ!.. Расстреляю...» Рустам выхватывает пистолет. Что такое? Катя исчезла... Да это же вовсе не Катя, а Мухаббат! «Родная моя Мухаббат, выполняй приказ!» — «Рустамджан, я не могу оставить тебя. Вспомни о нашей любви...» — «Я помню, Мухаббат, я всё хорошо помню... Но я... Если ты не выполнишь моего приказа, я... я расстреляю тебя!»

Аня приложила ладонь к щеке раненого. Щека пылала.

— Травками его оживлять буду, — тихонько прошептал дед Григорий. — Оно, конечно, крепко человек пораненый. Видеть белый свет ему нечем. Левую ногу обратно в колене размочалило, и ещё всяких других повреждений — возок и маленькая тележка. Поранен до невозможного состояния. Однако я травками его, травками...

— Может, его на партизанскую базу переправить? Ни к чему это, дочка. Зачем человека тревожить? Глаза ему всё одно новые не вставят. А жить... Он и у меня жить будет. Эх... жаль парнишечку.

Рустам всё метался на лавке, бредил:

— Катя! Приказываю... Мухаббат! Пробирайся одна... Документы во что бы то ни стало, Мухаббат, родная, как же ты очутилась в партизанском отряде?.. Мухаббат!

Дед Григорий налил в гранёный стакан какого-то снадобья, напоил раненого. Рустам затих, только тяжело, с присвистом, дышал.

Громадный старик долго, не мигая, смотрел на него, прикидывал что-то в уме. Наконец пробасил тихо:

— Геройский парнишка. Выдюжит.

ВО ВЛАСТИ ТЬМЫ

Командир полка Белоусов, комиссар Шевченко и командир разведвзвода лейтенант Исаев нервничали. Из Ясновского партизанского отряда пришла шифровка о катастрофе, постигшей группу Шакирова. Представитель армейского штаба, аккуратный, несколько флегматичный майор, задумчиво покосив кончик карандаша, «успокоил»:

— Не всё потеряно. Из донесения явствует, что кто-то из разведчиков уцелел и направился к линии фронта. Так что мы ещё вполне можем получить интересующие нас сведения. Чёрт с ним, с оберстом.

Исаев неприязненно покосился на майора, Белоусов неопределённо хмыкнул. Шевченко принялся разглаживать свои запорожские усы. «Ну и сухарь! — подумал Исаев о майоре. — Наплевать ему на людей. Документы ему подавай».

Лейтенант Исаев был неправ. Майор тяжело переживал трагическую гибель разведчиков. Просто он, кадровый военный, повидавший на своём веку великое множество смертей, научился держать себя в руках. И его интерес к документам, захваченным у фон Штурма, как раз и объяснялся тем, что майор с их помощью рассчитывал помочь штабу армии спланировать предстоящую наступательную операцию с наименьшими потерями.

— Дела-а-а... — протянул Белоусов. — Душно что-то. Может, выйдем проветрится?

Вечерние звёзды тихо мерцали. Вот одна звезда покатила вниз, другая...

Комиссар ткнул пальцем в сторону звёзд, пробурчал:

— Глупая примета.

— Что за примета? — не понял Белоусов.

— Да вот говорят, будто каждая скатившаяся с небес звёздочка — это душа, отлетевшая в мир иной.

— Почему же глупая?

— Да потому, что по нынешним временам небо должно было бы остаться без звёзд.

— Скучно жить без примет, — заметил майор.

— Это верно, — ответил Белоусов. И, без видимой связи со сказанным, спросил Исаева: — Лейтенант, всё подготовлено к встрече?

— Так точно, товарищ подполковник. В случае необходимости артиллеристы такой сабантуй устроят! Фрицы не смогут головы поднять. Лишь бы вернулись, а уж мы постараемся.

— Ладно, Исаев. Без лирики. Шагай в окопы и распоряжайся.

Лейтенант повиновался.

На переднем крае нависла гнетущая взрывчатая тишина. Ни выстрела, ни единой ракеты. словно люди, притаившись по обе стороны переднего края, вымерли, превратились в прах.

Но это была обманчивая тишина. В любой момент она могла обратиться в грохот, сверкающие всполохи огня, в рычащую коловерт смерти и разрушения.

Время, казалось, остановилось. Выкатилась из тёмной бездны тихая луна, измождённый лик её излучал мистическое сияние. Ибрагим вскинул голову, погрозил луне кулаком. Смутился. Глупость какая! Зачем это он? И тут же по-

нял: просто он, как разведчик, терпеть не мог этого ночного светила. Луна для влюблённых хороша, а для разведчиков луна демаскирующий объект. Сколько из-за неё славных парией погибло!

Тишина... Тишина.

И он вздрогнул всем телом, услышав неестественно громкий голос связного:

— Товарищ лейтенант, срочно в штаб полка.

Ибрагим бежал, сердце его гулко ухало в груди. Кто... Зачем? Что случилось?..

Белоусов встретил его кривой улыбкой.

— Зеваешь, разведчик. Вот... Пришла...

На топчане сидела маленькая девушка со смертельно усталым лицом. Возле неё хлопотал врач — перевязывал руку, поил снадобьями. Девушка сидела как каменная.

— Не узнаёшь, лейтенант? — спросил Ибрагима командир полка.

Исаев недоуменно уставился на девушку.

— Впрочем, откуда тебе её знать? Это Катя наша, пропавшая без вести. Мы уж и похоронили её, и выпили за упокой души. А она — вот она. Видик у неё, правда, не того... Извалянная, грязная, пораненная. Но это пустяки. Красавица она у нас. Вместо с Шакировым участвовала в операции...

— Что с Рустамом? — лейтенант побледнел от волнения. — Что с остальными ребятами?

Девушка уставила на Ибрагима огромные голубые глаза, тяжело вздохнула. Лейтенант всё понял, медленно опустился на скамью, стащил с головы ушанку.

— Крепись, Исаев, — услышал он голос комиссара. — Ничего не поделаешь... Война!

— А Шакиров живой, — услышал он голос Белоусова. — Тяжело ранен, но живой. В лесу остался. Знаешь ведь, мы в наступление переходим. Так что...

Ибрагим молчал. Взгляд его остановился на майоре из армейского штаба. Тот вздрагивающими пальцами перебирал принесённые Катей документы. Полистав, аккуратно сложил в полевую сумку. Заторопился:

— Разрешите отбыть?

— Отбывайте, — вяло ответил Белоусов. — Возьмите мой виллис. Вам ведь по-быстрому надо.

— Спасибо, товарищ подполковник.

Майор ушёл. Ибрагим перевёл взгляд на девушку. Ну, конечно, это та самая девушка. Я только что прибыл на фронт... Рустам рассказывал, что за ней ухаживал Фазыл Юнусов.

Врач кончил перевязывать Кате руку. Девушка поднялась, шагнула — и вдруг тихо опустилась на пол. Исаев и врач бросились к ней, уложили на топчан. Врач послушал её пульс, сказал:

— Бедная девочка! Всё время нервы в кулаке держала, а сейчас реакция. Много крови потеряла.

— Девчонка что надо, — задумчиво промолвил Белоусов. — К ордену её представляем. К большому ордену. Это нужно же!.. Раненная, истекающая кровью, сумела перейти линию фронта. Да так, что никто и не заметил. Все удивляются, а она пожимает плечами: «Ничего особенного, Рустам мне все

ориентиры дал, рассказал, где и как пробираться». Рассказал! Что он мог рассказать — слепой...

— Слепой?! — вырвалось у Исаева. — Вы сказали — слепой?!

Белоусов не ответил. Явились два солдата с носилками, положили на них Катю.

— В санбат, — распорядился врач. На пороге остановился, сказал на прощанье: — Ничего страшного. Рука, правда, повреждена довольно серьёзно и крови, бедняжка, много потеряла... Но ничего страшного.

Никто ему не ответил.

Ибрагим Исаев, бледный как стона, уставился и одну точку. В голове огненными молниями сверкали, жалили слова: «Ослеп!.. Ослеп... Ничего страшного... Ослеп!..»

На рассвете Катя пришла в себя. Медсестра, сидевшая у её изголовья — веснушчатая толстушка, — радостно воскликнула:

— Ожила!.. Милая ты моя, ожила.

Катя слабо улыбнулась, попросила воды,

— Сейчас... Сейчас, — засуетилась сестра. — Ай, молодчина. Умничка.

Школа, в которой расположился санбат, сотрясалась от грома орудий.

Толстуха, сияя маленькими глазками-бусинками, сообщила:

— Наша артиллерия дубасит. Наступление начинается. Я всё знаю. И насчёт наступления, и о сержанте Шакурове. Лейтенант Исаев приходил. Радиogramма была — Шакиров находится у какого-то там лесника. Всё в порядке, голубушка. Пойдут наши солдатики вперёд, на запад, вызволят Шакирова.

Катя молчала. Всё в порядке!.. Нет, сестрица, ничего-то ты не знаешь.

К полудню в медсанбат стали поступать раненые. От них Катя узнала: гитлеровцы дерутся с яростью отчаяния, однако оборона их трещит по всем швам.

Вечером медсанбат походил на развороченный муравейник. Врачи, медсёстры, санитары едва успевали делать первичные обработки раненых. Люди лежали в коридорах, возле школы, ходячие раненые помогали санитарам. И среди стонов, солёных шуток, делового шума витали слова — грозные, восторженные:

— Наступаем, братцы!

— Держись теперь, фриц, ушибём.

— Почешем его под брылью...

— Под вздох его, суку!

Катя жила ожиданием. Что с Рустамом? Где он?

Она была так взволнована, что даже письма Фазылу не смогла путного толстухе медсестре продиктовать. Да и вообще... Вполне сама могла бы написать письмо. Рука-то правая цела. Нелепое получилось письмо: «Жива, здорова, лежу в медсанбате...»

Весёлая сестрица с милым русским именем Фрося укоризненно покачала головой и уж от своего имени дописала: «А ещё я сообщаю о том, что Катя ваша очень взволнована начавшимся нашим наступлением и потому объяснять свои чувства не имеет нужных сил. Рука у неё попорчена левая, так что не беспокойтесь. Всё заживёт».

Тоже не совсем изящно приписала. Но всё-таки кое-что.

Ничего нового не узнала Катя о Рустаме и к вечеру. Ночь почти не спала.

День промаялась. Неужели... Неужели мы больше с ним не увидимся?

Не увидимся! Глупая, что ты несёшь! Ведь Рустам слеп!

Поздно ночью она забылась в тревожном сне. Мучили кошмары. Фон Штурм в дворницком облачении размахивает метлой и вопит: «Ага! Замету-у-у!» «Оппель», сверкая глазами фар, рычит страшным зверем и вдруг разлетается на тысячи кусков... Танк с мрачными крестами наползает на Катю, вжимает гусеницами в землю. Катя не может кричать. Она стиснута чудовищной силой, содрогаясь, чувствует, как из неё выдавливается жизнь...

— А-а-а-а... — тихо закричала она, обессиленная, и проснулась.

Из окна струился рассвет. Милое личико улыбающейся Фроси.

— Нашёлся! Нашёлся Шакиров.

— А?.. Что?..

— Час назад его привезли — и сразу же в операционную.

— Как глаза?

Фрося замаялась немного, прошептала опечаленная:

— Я не знаю... Не знаю я ничего, — Фрося всхлипнула и выбежала вон из палаты.

У Кати захолонуло сердце. Боже! Неужели...

Вернулась Фрося. Утирая рукавом глаза, стала успокаивать Катю.

— Ну не надо плакать, миленькая. Живой он — и то хорошо. Чудом, говорят, выжил. Дед-лесник, говорят, его спас. Живой Шакиров. Сам комдив приказал: «Вылечить мне сержанта Шакирова!» И замполит полка Шевченко приходил. «Где тут, спрашивает, находится на излечении коммунист сержант Шакиров»... В партию Шакирова приняли... И условия для лечения все созданы. Маленькую комнатку подыскали — отдельная палата.

Катя слушала «успокоительные речи», а па душе у неё было тоскливо, мурно. Бедный Рустам! Ох, Рустам...

Сам комдив! Разве в силах «сам комдив» вернуть Рустаму зрение! Тут и сам нарком обороны бессилен.

Помаявшись в постели, Катя стала собираться.

— Куда ты? — Фрося насильно уложила девушку на койку.

— Пусти. К Рустаму. Пусти, слышишь?!

— Нельзя к нему. Не пускают, — Фрося опять уложила Катю, вздохнула и вдруг, решительно махнув рукой, добавила: — А!.. Семь бед — один ответ. Идём, я тебя проведу к нему. Только ненадолго.

Рустам лежал на койке, не шелохнувшись. Голова почти целиком забинтована, девая нога в гипсе, повязка на груди, перебинтована шея. Он иссечён осколками, опалён огнём. И сейчас у него было такое чувство, будто он, Рустам Шакиров, исчез, испарился. Осталось лишь некое «я», мысль о том, что ещё совсем недавно существовал кто-то по имени Рустам, а теперь его просто нет. А может, и не было его никогда. И вообще ничего не было. Ни голубого неба, ни зелени деревьев, ни солнца...

Реально существуют только звуки и тьма — вечная тьма, лишённая формы, цвета, пространства. Время, окрашенное тьмой...

Впрочем, это странное «я» обладало способностью видеть прошлое, оставшееся по ту сторону жизни — жизни улетевшей вместе с огненным всплеском.

... Мухаббат идёт вдоль тихо поющего арыка. Ярко светит солнце, но почему-то всё в тумане, вдалеке и видно так, словно держишь перед глазами перевернутый неотфокусированный бинокль.

Бинокль... Перед глазами! А глаз-то и нету. Это здесь, в медсанбате, стараются: «Мужайтесь... Ещё не всё потеряно... Медицина нынче чудеса творит». А там, у лесника, было по-другому. Дед Григорий дал отведать самогонки и честно сказал: «Отгляделся, парень. Нечем теперь глядеть. Уважаю я тебя, парень, потому и резанул правду-матку напрямки. Теперя решай сам. Если что — помогу».

И странное дело. Выслушав приговор лесника, Рустам всё ещё на что-то надеялся. А здесь, в санбате, несмотря на слова утешения (а может быть, благодаря им), понял: всё кончено.

«Где я нахожусь? В землянке, в хате, в большом доме? Вечер сейчас, утро, ночь? Какого цвета стены?.. Ха! Да ведь я умер. Это просто окружающим кажется, будто я жив. Ем, пью, разговариваю — следовательно, я жив... Как это у древнего философа?.. Когито эрго сум — мыслю, следовательно, существую... Зачем — существую? Кому это нужно?! Я всё равно что мертвец, только тот ещё не шевелится и не разговаривает. Кто знает, может быть, мертвец тоже «когито эрго сум?»

Жить — это значит только мыслить. Жить — это учиться, работать, любить и быть любимым...

Рустам почувствовал, как спазмы сжимают ему горло. Рыдание рвалось из груди, но он жестоким усилием воли подавил дикий крик, раздирающий его душу. «Не надо... Не надо. Огромный мир погиб, стал меньше ушка швейной иголки. Но всё равно не надо... Уходить нужно с достоинством. Чудак Гамлет! Мучился сомнениями: «Быть или не быть? Вот в чём вопрос...» Так, кажется? А у меня нет сомнений. Меня уже не существует. Что же остаётся? Рустам Шакиров исчез, мир исчез. Осталось смехотворное «я». Это «я» будет только мешать тем, кто ещё жив, раздражать их, злить, приводить в тихое бешенство. Поддай то, дай это, подними... закрой, открой, прочти... расскажи, что видишь, почему все смеются?..

К чему эта комедия? Комедия?! Нет, не комедия. Жуткое существование некоего «я». Страдание во имя того, чтобы другие страдали, облегчая твою муку».

Вновь перед его внутренним взором возник туманный образ Мухаббат. Рустам тихо застонал. «Заставить её страдать, состарить в два-три года! Имею ли я право?.. Глупец, рассуждаешь так, будто никаких препятствий нет. Она только и ждёт, чтобы ты соизволил согласиться стать её мужем!.. Ну, а если она согласится? Мухаббат чистая, благородная душа. Она может пойти на жертву... А зачем... Возле меня она тоже станет калекой. Я не могу, не имею права!»

Рустам притих, только сердце его неистово стучало. От него осталось только сердце!

«Мухаббат, Мухаббат!» — мысленно позвал он и вздрогнул, услышав ласковый женский голос:

— Ну как мы себя чувствуем, больной?

Фу, какая нелепица! Разве могла сказать такое Мухаббат? Это просто палатная сестра.

— А что мне? — зло ответил Рустам. — Я ведь везунчик, война для меня

мать родная. Так, по крайней мере, мне всё время говорили.

— Не надо нервничать, больной.

— Больной! Больной!! — взорвался Рустам, — Что вы заладили одно и то же? Или, может быть, думаете, что я не знаю?

— Извините, — тихо сказала женщина, и это извинение обезоружило Рустама.

— Как вас звать, сестра?

— Тоня.

— Молодая... старая?

— Как вам сказать?.. Тридцать два года... Не надо, не задавайте вопросов. Вам нельзя переутомляться. Я сама всё о себе расскажу, если только интересно.

— Мне теперь всё едино.

— Перестаньте! — крикнула Тоня и осеклась. — Извините... Ну так вот. Блондинка я, худая... Четверо детей осталось.

— Осталось?..

— Осталось, — до жути тихо произнесла Тоня.

Рустам, ошеломлённый, молчал.

— У вас губа кровоточит, — сказала Тоня. — Не надо, милый. У вас и своих бед...

— Ладно, Тонечка. Не обращайтесь внимания. Расскажите лучше, где я, что за дом и вообще...

— Это бывшая школа.

— На каком я этаже?

— На втором.

— День сейчас, ночь?

— Около двенадцати дня.

— Где расположено окно?

— Как раз напротив вашей койки.

Рустам умолк. Ему вдруг явилась спасительная мысль: подняться ночью, доковылять до окна...

— Вас тут девушка дожидается. Тоже раненая. В коридоре ждёт.

— Какая ещё девушка, что ей от меня надо?

— Катей её зовут. Партизанка.

— Катя! Катенька!.. — задохнулся Рустам. — Тонечка, дорогая, скорее зовите её ко мне, скорее.

Послышались шаги. Рустам протянул вперёд руки, судорожно сунул их вправо, влево, услышал всхлипывание.

— Катя, не надо, — строго сказал Рустам. — Я ещё живой, Катя.

— Из-извини-и... — она вновь всхлипнула.

— Веселее, Катенька. Задание мы с тобой всё-таки выполнили!

В коридоре послышался шум. Тонин голос: «Нельзя к нему. Запрещено, слышите?» — Мужской голос: «Почему нельзя?» — Тонин шёпот: «Тяжёлый он очень» — «Но у него уже кто-то есть...» — «То партизанка, он вместе с ней из вражеского тыла выходил!» — «А я воевал с ним вместе!.. Пропусти, сестричка».

Тут только Рустам узнал голос Ибрагима Исаева, дёрнулся, словно током прошибло, закричал по-узбекски:

— Ибраги-и-и-м!.. Друг дорогой, Ибрагим-ака...

Рустаму казалось, что он кричит изо всех сил. Но он не имел сил кричать — еле слышно позвал земляка. И всё же Ибрагим услышал его, рванулся, подбежал к раненому, застыл, не зная, что сказать.

Выручил Рустам.

— Спасибо, что пришёл навестить. Видишь, какая штука вышла.

— Рустамджан... Рустамджан...

— Не надо, дустым. Как там у Шекспира?.. «Слова, слова, слова». А мой покойный отец, хоть и не был Шекспиром и не читал его вовсе, так говорил: «Из слов лепёшку не испечёшь».

— Рустамджан!

— Ты извини меня, Ибрагим-ака, что так вышло. Валя Карпаков погиб, Серёжа Туманов, Седых...

Он умолк. Катя села на краешек койки, ласково погладила перебинтованную руку раненого. Ибрагим опустил на табурет.

— Это кто меня — по руке?

— Я, — отозвалась Катя.

— А-а-а... Ты ещё здесь, Катя? Спасибо. Ибрагим-ака, посмотри, какая Катя красавица. Взгляни, брат.

Сердце кровью обливалось у Ибрагима. Что он — нарочно, или не успел просто осознать своего положения? «Видишь, какая штука вышла», «Посмотри на неё».

— Да-да, — сказал Ибрагим торопливо. — Катенька просто загляденье.

Сказал — оцепенел. Загляденье! Господи, как же это я?!

Рустам вздохнул.

— Знаешь, Ибрагимджан, не будь чистоплюем. Не терзай себя понапрасну. Теперь разговаривать со мной — целое искусство. Помнишь русскую поговорку насчёт того, что, мол, горбатого могила исправит? Так вот, как-то в гостях зашёл разговор о нашем кишлачном магазинчике Мирабиде. Все говорили: вор он, жулик, милиция его сколько раз с поличным ловила, а Мирабид не унимается, жульничает. Тогда я взял и ляпнул насчёт горбатого и могилы. Смотрю — все гости оцепенели. Поглядел я на

них, потом — на хозяина и тоже оцепенел, в соляной столб превратился. Вся штука в том, что хозяин дома был горбатым... Долго я переживал, заболел даже от расстройства. А сейчас понял: ни в чём я тогда не был виноват. Разве это моя вина — его горб? Забыл я просто о его физическом недостатке. Это вполне естественно — для здорового человека... Вот и ты не переживай. Не меня — несчастную Мухаббат жалеть надо.

Шакиров умолк. Он лежал и с тихим бешенством ждал слов утешения. О эти лживые слова! Говорит, есть святая ложь, ложь во имя благородных целей. Чепуха! Ложь — всегда ложь. Ну же... Чего молчите? Ибрагим... Катя!

— Я даже знаю, что у вас вертится на языке. Ты, Ибрагим-ака, приготовил вот что: «Мужайся, йигит, мы ещё с тобой до Берлина дойдём!» (Ибрагим вздрогнул — Рустам будто прочитал его мысли)... А ты, Катяджан, наверняка приготовила душеспасительную тираду насчёт бессмертия великой любви, что-нибудь вроде: «Рустам, бесстрашный воин! Ты искалечен, но любовь твоя по-прежнему прекрасна».

Раненый умолк. Он ждал возражений, увещаний, призывов взять себя в

руки. Но он слышал лишь тяжёлое дыхание Ибрагима. А Кати вроде и вовсе не было в палате. Может, она потихоньку вышла?

Он помолчал ещё немного, открыл было рот, узнать насчёт Кати, как вдруг услышал её всхлипывание, а затем — её голос:

— Дурак!.. Глупец, — голос Кати дрожал от обиды я злости. — Как смеешь ты глумиться над своей любовью?! Над Мухаббат! Нет тебе прощения!..

Шум удаляющихся шагов — и вновь тишина. Рустам лежал растерянный, оскорблённый, пристыженный. Сперва он подумал, что Ибрагим тоже ушёл, и испугался... Нет. Ибрагим здесь, его дыхание здесь! Рустам смущённо кашлянул.

— Ибрагимджан, прости.

— Я — что? Ты у неё прощения попроси.

— У Кати?

— У Мухаббат.

— Прости меня, Мухаббат, прости, если можешь.

Он умолк, поражённый. Перед ним возникла Мухаббат. Он ясно видел прекраснее её лицо, её печальные глаза. И он услышал её голос: «Я не сержусь на тебя, Рустамджан. Не сержусь...»

Видение исчезло. Задыхаясь от стыда и счастья, Рустам пролепетал:

— Ибра-агим... Лучшие слова у-утешения, которые я когда-либо слышал, — это то, что сказала только что Катя.

— Верно.

— Поблагодари её за эти слова.

— Хоп, сделаю.

— Спасибо. А сейчас иди, я немного устал.

Он остался один, и вновь ему казалось, что мир исчез и он сам растворился, растаял. Приходили врачи, Тоня. Они говорили ему что-то, чем-то поили, делали уколы. Однако Рустам никак на это не реагировал. Он жил и не жил, слышал и не слышал, всё происходило не с ним, а с кем-то таинственным — бесплотным, воплощённым лишь в мятущуюся мысль — бредовую, фантастическую, нелепую и беспощадную.

Топи пожелала ему покойной ночи, и он понял: наступает ночь. Ночь наступает где-то там, неизвестно где. Но всё равно хорошо, что она наступает. На ночь все люди умирают. Семь-восемь часов смерти, а затем снова жизнь. Просыпаясь, люди радуются солнцу, свету, цвету. А у него теперь всегда — ночь. Так пусть же эта ночь, «покойная ночь», как сказала Тоня, положит конец нелепости существования «я».

И вновь Рустам увидел Мухаббат. Она взволнованно говорила ему что-то. Он не слышал, но всё понимал. Она утешала его. Она жертвовала собой. Не надо, не надо жертвы!.. Ничего не надо.

Медсанбат вымер. Тишина. Надо уйти в неё, раствориться...

Где окно?.. Тоня сказала — напротив койки. Что значит — напротив? Бесмысленное слово. Просто нужно сползти с койки и искать, искать...

Рустам осторожно опустил руку. Ага — пол! Впрочем, это раньше называлось полом. Теперь это пол, стена, потолок... Кусая губы, чтобы не закричать от нестерпимой боли, он перевернулся на живот и скользнул (вниз, вверх — теперь эти понятия потеряли смысл), ударился искалеченной ногой, чуть не взвыл, но нашёл в себе силы задушить звериный рёв, рвавшийся из горла, — и

потерял сознание.

Очнувшись, он с горечью понял; жуть существования «я» продолжается. Тогда он, напрягая остатки сил, пополз, холодный пот струился по спине, но он всё полз.

Ползла нестерпимая боль, облитая холодным потом... Он коснулся руками чего-то твёрдого (пола, потолка, стены?), пополз, то и дело касаясь этого, и наконец нащупал выступ. Изнемогая от усталости и боли, потянулся, нащупал нечто... Ага! Оконное стекло! Провёл по нему чугунными пальцами, нашёл, за что ухватиться... Боль выла, рычала, рвалась наружу... И вот он уже стоит. Теперь надо выбить то, что называется окном, и кинуться навстречу успокоению...

Сейчас... Вот так... Он качнулся, боль вспыхнула в мозгу пронзительным пламенем, и он захлебнулся в ней, расплавился.

Тоня услышала звон разбитого стекла. Потёрла заспанные глаза, прислушалась. Тишина. Лишь из палаты в конце коридора доносилось протяжное, печальное причитание:

— Рука моя-а-а... Рука-ааа...

Там лежал боец со свежеемпутированной кистью, бывший скрипач. Тихий интеллигентный еврей. Настолько интеллигентный, что он даже постеснялся сказать хирургу, делавшему ему ампутацию, что он — скрипач. Он сказал об этом только после операции, и хирург лежит теперь в своём закутке мертвецки пьяный.

Тоня в нерешительности огляделась. И вдруг страшная догадка потрясла её: слепой сержант спрашивал, на каком этаже его палата! Неужели!.. Она бросилась со всех ног к Шакирову, распахнула дверь, ахнула: он лежал возле разбитого окна без сознания.

Поднялся переполох, явился дежурный врач. Рустама уложили на койку, сделали укол. Раненый застонал, забормотал.

— Порядок, — облегчённо вздохнул врач.

Он с грубоватой нежностью пожурил Рустама. Но не за то, что тот хотел выпрыгнуть из окна. Об этом и словечка не было. Просто пожурил за беспокойное поведение.

Рустам молчал. Ему было стыдно, горько и обидно, что не хватило у него сил выполнить задуманное. Тоня ни на шаг не отходила от раненого. Но держала себя так, будто её нет в палате. Смотрела на забинтованного-перебинтованного парня, и душа у неё кровью обливалась.

А может, он, бедняжка, и прав!.. Но тут же отогнала эту мысль. Она вспомнила о своём Василии, всхлипнула про себя. Хоть бы такой... слепой, но вернулся бы! Ох, Вася, Вася...

Рано утром прибыли в медсанбат командир полка Белоусов и замполит Шевченко. Долго стояли они возле койки, не зная, как начать разговор. А Рустам не знал, кто вошёл в палату. Промолвил угрюмо:

— Кого ещё принесло? Оставьте меня в покое. Убирайтесь, слышите?.. Убирайтесь!

Белоусов ответил смущённо:

— Что же это, Шакиров, ты своего командира полка и комиссара чуть ли не взашей гонишь? Не по уставному это. И вообще нехорошо.

— М-да... — протянул Шевченко.

Рустам растерялся. Как же это так вышло?

— Извините. Не признал. А то ходят тут разные успокоители. На душе тошно.

— Знаем, что тошно, — вздохнул Белоусов. — Всё, брат, знаем. Не успокаивать тебя пришли. Мы — солдаты — друг другу правду должны говорить. Плохи твои дела, Рустам, очень плохи. Но надо себя в руках держать. Начинать заново жизнь надо. А ты — в окно! Не стыдно?

— Не очень, — Рустам помолчал и добавил: — Чего мне стыдиться? Я ведь и так — мёртвый.

— Это от человека зависит. Иной — с ястребиным зрением, а похуже мёртвого. Мы ведь зачем пришли, Шакиров... Перво-наперво привет тебе передать от однополчан и особенно от разведчиков. И чтобы ты поскорее поправился.

— Спасибо. Только вот насчёт скорого выздоровления...

— Эх! — с горечью воскликнул Белоусов. — Эх... Кто же это тебе сразу всё и выложил? Зверь, а не человек, безжалостный зверь.

— Напрасно вы так говорите, товарищ командир. Человек тот замечательный. Старик один, лесник. Он мне жизнь спас. Он и сказал: «Существовать будешь, парень, а видеть — ни в коем разе. Нечем тебе глядеть. И не надейся». Хороший он человек — старик. Что толку врать? Неделей позже, неделей раньше — всё одно узнал бы.

Шевченко присел на край койки. Хотел что-то сказать, но в горле запершило. Он долго поглаживал запорожские свои усы, снял зачем-то очки, снова надел. Рустам напряжённо ждал. Он не знал, кто сел па койку: то ли командир, то ли замполит. Протянул руку, потрогал. Шершавое. Чьи-то пальцы осторожно пожали ему руку, и Рустам, сам не зная, почему, угадал — сидит замполит. Почему угадал?.. Ну да, Шевченко. Рустам услышал знакомый голос, в котором уловил горе:

— Мужайся, сыпок. Ты ведь солдат., Коммунист.

— Комсомолец, — исправил его Рустам.

— Коммунист, — внятно произнёс Шевченко. — Ты настоящий коммунист, Рустам. — Замполит дышал тяжело, прерывисто. Справившись с охватившим его волнением, Шевченко откашлялся, произнёс торжественно: — Вот, дорогой товарищ Шакиров, боевой друг... Торжественно вручаю!..

Рустам ощутил в руке что-то маленькое, гладкое. Он не сразу понял, что это. Шевченко, страдая, пояснил:

— Парткомиссия решила принять тебя заочно.

Произнеся заочно, замполит чуть не застонал. Сорвалось же такое злое слово! Как же это я так? Но Рустам хоть и уловил печальное значение этого, в сущности, простого и безобидного слова, разволновался по другой причине. Он прижал маленькую книжечку к забинтованной груди, к гулко бьющемуся сердцу.

— Комиссар... Товарищ комиссар, — тихо, еле слышно вымолвил он. — Спасибо... Спасибо. Мне... Мне очень хочется плакать! От счастья... Да-да — от счастья. И ещё от горя. Ведь я не помню, не знаю, как выглядит этот... мандат в жизнь... И расписаться на нём не могу!

— Ты правильно сказал, сынок, — мандат в жизнь. Трудная она будет у тебя. Но вспомни Николая Островского, твоего товарища по страданиям, единомышленника твоего, большевика... Он и сейчас сражается, громит фашизм,

учит людей любить Родину и ненавидеть её врагов!

— Очень хочется плакать.

— Поплачь, сынок.

— Комиссар... У меня нет глаз и нет слёз! — Рустам умолк, плечи его затряслись.

Он рыдал без слёз — душой. Командир и замполит не успокаивали его. Пусть. Это как раз тот случай, когда и солдат не в силах сдержать рыданий.

Весь день лежал Рустам, потрясаемый бурей чувств. Он — коммунист! Он мечтал об этом счастье ещё подростком, шёл в бой, считая себя коммунистом... Он — калека, проглоченный зловещей тьмой!.. Он разбил жизнь любимой девушки... Хватит ли сил, выдержит ли?

Внешне он был спокоен. Очень спокоен. Врачи заподозрили даже что-то неладное, чуть ли не шокое состояние. Они весь день колдовали над ним, кололи, давали глотать порошки, щупали пульс. Он безропотно подчинился: терпел уколы, глотал лекарства, давал щупать пульс. И думал, напряжённо, пронзительно: «Выдержу ли, буду ли достойным?!»

К вечеру пришла Катя. Присела на табурет. Рустам молчал. Она взяла его за руку, и Рустам узнал Катю.

— Пришла поздравить, да?

Катя растерялась. Собравшись с духом, сказала решительно:

— Да.

— Спасибо. Спасибо, что зашла. Просьба есть. Я хочу продиктовать тебе письмо.

— Кому?

— Мухаббат.

Катя не знала, что ответить.

— Ладно. Только диктуй хорошее письмо.

Рустам задохнулся от ярости:

— Х-х-орошее?... Эх, ты!

— Опять за своё?

— Катенька, дорогая... Не сердись. Я много, очень много и томительно думал, я хочу ей добра... И ещё я вспомнил... Это было перед самой войной. Мы поехали с Мухаббат в Ташкент. Там, на улице, встретили слепого парня с палочкой в руке. Он попросил нас перевести его через дорогу. — Рустам приподнял голову с подушки и тут же, обессиленный, откинулся назад. — Мы помогли слепому парню. А потом... Потом Мухаббат сказала: «Бедняжка! Он даже не может полюбить. Ведь чтобы полюбить, он должен увидеть! И если даже жениться? Он никогда не увидит своего ребёнка. Какой ужас — быть слепым!»

— Рустам! — крикнула Катя. — Не смей!

— Смею, Катя, смею. Мухаббат словно предвидела мою участь.

— Ты просто злой человек, Рустам.

В палату заглянул врач. Изобразил на лице профессиональную «докторскую» улыбку — благожелательную, но сдержанную. Зачем изобразил — сам удивился. Шакиров всё равно не мог её видеть.

— Ну-с, — произнёс врач бодреньким гоном. — Пожалуй, мы чувствуем себя лучше. Дискутируем даже. Это хорошо. А я принёс хорошую новость... Сержант Шакиров, это я вам говорю. Завтра утром вас эвакуируют в тыловой

госпиталь.

— Рахмат, табиб. По-узбекски это — спасибо, доктор.

Доктор пробормотал что-то непонятное, должно быть, по-латыни. И тоже неизвестно — зачем по-латыни. Вышёл. Рустам сказал Кате тоном, не терпящим возражений:

— Не будем спорить, Катенька, или, как заметил доктор, дискутировать. Я твёрдо решил. Я сейчас продиктую письмо Мухаббат.

Катя долго молчала, горестно глядя на изувеченное существо — недвижимое, всё в бинтах — и наконец, вытащив из кармана халата карандаш и блокнот, покорно ответила:

— Ладно. Диктуй.

РУСТАМДЖАН, ЖИЗНЬ МОЯ!

Редко когда в Узбекистане бывает долгая весна. Зимы — да, случаются. И довольно суровые. В прошлогодье, например, в сорок втором, снегу выпало по колено, мороз — не продыхнешь. Настоящая Сибирь. А вот весна норовит боком проскользнуть. В России, говорят, целых три месяца талый снег лежит, ручейки от него окрест разбегаются — тысячи ручейков; природа просыпается медленно, с тихим восторгом.

А у нас словно святой каландар чудеса творит. Вчера ещё, казалось бы, на дворе снежок лежал, а нынче — всю палит солнце, сирень махрится, зеленеют поля, и повсюду — алые ковры маков. Теплынь, благодать! А ведь только середина апреля.

Тётушка Санобар расстелила дастархан на веранде, принесла самовар, пиалы, пару лепёшек. Села, любуясь погожим утром. Небо-то какое голубое — как бирюза в девичьем колечке! И маки нынче хороши, огнём горят. А один, поди ж ты, устроился на глиняной крыше сарая. А вон ещё парочка — на дувале. Славная пора. Жизнь ключом бьёт... Ключом! А там, далеко-далеко, куда водичка проваливается на ночь, не жизнь — смерть бушует. Одно успокоение — бьют теперь проклятого Гитлера и ого разбойников, умываются изверги собственной кровью... Ой-бо-о! Кабы враг только своей кровью умывался!..

Санобар-хола вздохнула. Что-то Мухаббат замешкалась. Позвать, что ли?

Из комнатки Мухаббат донеслась грустная песня:

*Истомилась в ожидании любимого,
Боль разлуки — горькие слёзы.
Плачет сердце: «Нет его, нет его!»
И меня нет самой — только слёзы...*

Тётушка Санобар почувствовала стеснение в груди. Бедная девочка, как ей тяжело. И Рустам что-то опять не пишет. Не случилось бы чего дурного...

Вышла из своей комнатки Мухаббат. Бледная, под глазами тёмные круги. Хочет улыбнуться, а губы вздрагивают.

— Что с тобой, доченька, сон плохой привиделся?

— Да нет, мама, хуже. Непокойно на душе.

— Выпей чаю, утешься. А то что писем нет... Война ведь. Почта перегружена. Да и писать Рустаму некогда. Воюет.

— Воюет.

Санобар-хола всыпала в заварной чайник щепотку зеленоватого чая, набрала из самовара кипятку.

— Пей, доченька.

— Спасибо.

Мухаббат отпила глоток, другой, нехотя проглотила кусочек лепёшки. Вдруг в глазах её вспыхнули тревожные огонёчки.

— Аяджан, вы, наверное, что-то знаете и скрываете от меня!..

— Что ты, доченька! — всплеснула руками Санобар-жола. — Откуда мне знать? Пусть избавит тебя судьба от горя и тревоги и да будет твоя жизнь всегда светлой и чистой, как родниковые струи.

— Ох, мамочка! — Мухаббат пододвинулась к матери, обмяла её за плечи. — Аяджан... Письмами только и живу. А писем нет... Дышать нечем.

— Будут тебе письма, солнышко моё. У аскеров забот поболее, чем у дехкан в страдную нору. Некогда ему писать.

— Но ведь писал раньше! Пусть коротенькие письма, а присылал.

— Не переживай понапрасну, доченька, — мать помолчала, мучительно думая: чем бы успокоить Мухаббат? Материнское сердце — до чего же оно порой бывает жестоко! Мучительно, безвинно жестоко. Санобар-хола решила на крайнюю меру:

— Жив-здоров Рустамджан. Если бы случилось что с ним... пришло бы плохое письмо. Обязательно!

— Что ты говоришь, мама! Опомнись, мамочка...

Санобар-хола расплакалась. Обидно. Хотела успокоить дочку, а всё наоборот вышло.

— Не плачь, мамочка, не надо. Ты ведь не нарочно.

— Это я с досады на самую себя плачу. Не расстраивайся, милая. Отдохни. Без выходных столько времени трудилась! Хоть сегодня отдохни.

— Хорошо, аяджан.

Мухаббат возвратилась в свою комнатку. Постояла в задумчивости. Вздохнула. Сняла со старинного, обитого медными полосками, сундука курпачу, откинула крышку. Из большой картонной коробки, завёрнутой в хан-атлас, вынула фотографию Рустама.

Он смотрел на неё с лёгкой улыбкой. Тёмно-карие глаза светятся радостью, густые брови чуть вздёрнуты. Милое мальчишеское лицо — задорное, сметливое.

Рустам... Рустам! Где ты, что с тобой?

Он продолжал улыбаться ей. Улыбка застыла навечно. И ещё он говорил с ней. Что именно говорил, Мухаббат не могла понять. Слов не было. Он утешал её без слов.

А чуть погодя явились и слова. Она вспомнила их. Рустам присылал их в треугольных конвертиках. «Мухаббат, Соловейчик мой! Всё будет хорошо, не волнуйся за меня. Наша любовь сильнее самых страшных испытаний...»

Самых страшных испытаний. О чём это ты, Рустам-джан?

Рустам загадочно улыбался.

У Мухаббат ёкнуло сердце. Томительное чувство охватило её, пресекло дыхание. Девушка прижала фотографию к груди.

Отзовись, Рустамджан!

Мухаббат положила на место портрет, вышла на веранду.

Что это — там, возле сарая?.. Могила!.. Ой, как можно! Ведь это обыкновенная яма, я сама её выкопала вместе с мамой. Брали из неё глину и лепили кирпичи для починки тандыра.

Сердце щемит, ноет. Рустам писал после злосчастной размолвки: «Теперь я буду давать о себе знать постоянно. Хотя две строчки, а напишу: «Жив, здоров, обнимаю, желаю всего самого-самого. Твой Рустам». Никакие бои я сражения не помешают мне».

Так почему же он молчит? Почему?!

Скрипнула калитка. Мухаббат вздрогнула. Ведь она так ждала и так боялась, что ожидание может обернуться бедой!

Вошла Света Рагозина. Всем на удивление, она очень быстро освоила разговорную узбекскую речь. Втайне она гордилась этим, а иногда не упускала случая поставить в неловкое положение какого-нибудь парня, полагающего, что приезжая — ни бум-бум по-узбекски. Скажет при ней парень приятелю солёное словцо, а Света ему в ответ по-узбекски:

— Нехорошо, йигит, надо бы выбирать выражения.

Парень готов сквозь землю провалиться. А Света хохочет. Она вообще любила посмеяться. Казалось бы, и повода для смеха нет. Отец на фронте, точнее — за линией фронта, партизанит. Письма от него редко приходят. Сама болеет, с сердцем у неё что-то, мать тоже не может похвастаться здоровьем. И всё равно Свете только повод дай.

Жизненных сил в ней много.

Она и к Мухаббат пришла весёлая, улыбающаяся. Однако, завидев подругу, осеклась:

— Что с тобой, Мухаббаточка, на тебе лица нет!

— Да так... Предчувствия томят. Рустам не пишет и вообще...

— Ох, эти мне предчувствия! В мирное время — и то письма иногда теряют. А сейчас война. Думаешь, Рустам уехал на фронт для того только, чтобы письма тебе писать? Ему, понимаешь, ещё и воевать приходится. Без паники, подружка. Главное — без паники!

— Тебе хорошо говорить. Ты недавно получила письмо от Петра Максимовича.

— Ну да, получила. И, между прочим, в нём были такие строки... Я однажды читала их тебе, но сейчас напомним. «Каких только удивительных встреч не бывает на белом свете! Представьте себе, мои дорогие, к нам препожаловал в гости ваш «грозный» квартирный хозяин — милейший Рустам. Фамилию его не называю — вы её знаете. Пишу-то я в особых условиях. С ним я и пересылаю это послание».

— Помню... Я всё помню. Но мне-то письма нет, нет ни словечка.

Странное это обстоятельство сбивало с толку и Свету. В самом деле. Папа переслал письмо с Рустамом. Почему же тогда Рустам молчит?.. И всё равно Света что-то говорила, успокаивала подругу.

— Но надо, Светочка, я понимаю... Душа болит.

— Идём прогуляемся. Сегодня выходной день. Расщедрился председатель колхоза, хоть никаких особых поводов для этого нет. Сводка Совинформбюро короткая: «В течение семнадцатого апреля на фронтах существенных изменений не произошло».

— А зачем повод? Просто наш раис дал людям отдохнуть. На фронте и то,

говорят, солдат во второй эшелон отводят, чтобы дух перевели.

— Верно. Тем более. Выходной — пошли гулять, — Света чуть ли не насильно надела на Мухаббат пальто и повела к калитке. На прощанье сказала тётушке Санобар:

— Не забывайте нас, Санобар-хола. Мама и тётя Хаджия соскучились по вас.

— Зайду, доченька. Обязательно загляну.

Подруги вышли на улицу. Прошли немного — дорогу им перебежал чёрный кот. Здоровый, толстый.

— Чёрный кот! — весело вскрикнула Снега. — Дурная примета... Только это чепуха. Если бы её дурные приметы сбывались, на земле не осталось бы ни единой живой души. Бегали бы только чёрные коты.

— Но ведь существуют и добрые приметы.

— Пустое. В старину тёмные люди их выдумали, а мы верим. Смешно!

— Может быть, ты и права, Светаджан. И всё равно... Хочешь, расскажу тебе одну вещь? Только это секрет.

— Ой, люблю секреты! — Света на ходу крепко обняла подругу, они споткнулись и чуть не упали. — Рассказывай поскорее.

— Сейчас... Знаешь, Света, когда уехал Рустам и я осталась одна, я... выбрала звёздочку... Небесную звёздочку. И сказала сама себе: «Эта звёздочка Рустама. Она светится — он жив»...

Света расхохоталась.

— Вот молодец! Значит, Рустам будет жить вечно.

— погоди, — Мухаббат взяла подругу за руку. — Но до смеха мне. Я тоже так думала... Надеюсь. А звёздочка вдруг покатилась, покатилась и исчезла!..

— Показалось тебе со страху. На месте звёздочка. Куда ей деваться?

— Страшно мне... Не видать звёздочки. Слепла я, что ли?

— Я на тебя рассержусь, подружка. Заладила одно и то же. Звёздочка исчезла, писем нет. Может, и есть тебе письмо. Только Ильяс-почтальон, говорят, вторые сутки пьёт без просыпу. Никогда такого с ним не было. Ну, выпьет малость, а тут как с цепи сорвался...

Она не договорила — навстречу им тяжело шагал Ильяс-палван. Небритый, в глазах тоска, смятение, боль. Богатырь шагал и ничего не видел. Он чуть не налетел на подруг. Света тут же съязвила:

— Ассалам алейкум, Ильяс-ака! Что же это вы знакомых не замечаете... Спешите на лекцию о вреде алкоголя?

Ильяс вздрогнул, остановился как вкопанный. Потом невидящие глаза его уставились на Свету, и девушка съёжилась от страха. Жуткий взгляд! И самое страшное то, что Ильяс, оказывается, не пьян...

Богатырь стоял, стоял, не проронив ни звука.

— Что с вами? — не выдержала Мухаббат. — Ильяс-ака, заболели? Плохо вам...

— П-п-пошшш-ли д-домой... — Он не сказал — тихо прорычал.

Девушки перепугались.

— Мухаббат... С-соловейчик, умоляю... Вернитесь домой. Я трезвый и ничего плохого... — он вдруг всхлипнул, и это совсем перепугало подруг.

— Что с вами, Ильяс-ака? — голос у Мухаббат дрогнул.

— Идёмте... идёмте.

И такая тоска, такое горе стонали в его голосе, что девушки отшатнулись.

— Пойдёмте...

Они пошли. Молча. Тяжело дыша. Ильяса качало из стороны в сторону. Ему было очень худо. Они зашли в дом. Ильяс-палван в совершеннейшем затмении, прямо в сапогах, прошагал в комнату Мухаббат. Тяжело опустился на сундук. Девушки, ошеломлённые, выжидательно молчали.

Он заговорил. Шёпотом. Сбивчиво. Задыхаясь:

— Света, уйди... Нет, не уходи, Соловейчик... Я распечатал его... не мог иначе, Соловейчик!.. Оно... Два дня...

Мухаббат в предчувствии чего-то страшного, непоправимого похолодела. Озноб пробежал по спине, подкатил к горлу. Она прижала ладони к щекам — ледяным, деревянным. Дрогнули губы, плечи. Она чувствовала себя человеком, который стоит на краю пропасти, охваченный ужасом смерти, и вдруг, сжав в кулак волю, шагнул навстречу вечной тьме.

— Дайте... Дайте письмо.

Ильяс-палван сторбился, заёрзал, жалобно скрипнул старинный сундук под непомерной тяжестью его могучего тела.

— Дайте!

Богатырь сунул прыгающие пальцы за пазуху, вытащил серый самодельный конверт.

— Прости меня, Соловейчик! Я не мог не прочитать... Два дня прятал... А потом подумал... Всё равно...

— Он умер? — Мухаббат спросила тихо, внешне спокойно. Света смотрела на конверт во все глаза, содрогаясь от скользкого, противного страха, разливавшегося по всему телу.

— Жив, — тихо ответил Ильяс.

— Так что же вы!.. — Мухаббат привскочила от радости, схватила конверт.

Ильяс-палван закрыл лицо громадными ладонями. А Света хлопнула Ильяса по плечу.

— У-у-у, медведь, до смерти напугал. Разве так шутят?

Она перевела взгляд на подругу и замерла: по лицу Мухаббат разливалась белая-белая краска.

Ничего более ужасного Света никогда в жизни не видала. Меловая статуя! И губы меловые, и глаза.

— Мухабба-а-а-т!..

Мухаббат качнулась, повалилась плашмя. На шум вбежала тётушка Санобар, охнула, кинулась к дочери. Света стояла в оцепенении. Ильяс-палван по-прежнему сидел сгорбившись на сундуке, и сундук жалобно поскрипывал под непомерной тяжестью.

Сколько прошло времени? Минута. Час. Год. Тысяча лет.

Зачем она вернулась оттуда? Как было хорошо, когда ничего не было. Она обвела глазами комнату. Заплаканные глаза матери, Светы, Евдокии Васильевны...

— Уйдите все... Не сердитесь. Я должна побыть немного одна.

И вот она одна. Письмо лежит рядом, на постели. Мухаббат протянула руку, взяла письмо. Каждая буква его навсегда отпечаталась в её сердце. Навеки. И всё равно Мухаббат развернула листок. Её тянуло к нему, как пьяницу к рюмке — к роковой рюмке, которая, может быть, оборвёт его жизнь.

Незнакомый нервный почерк, листок из блокнота с зубчатым краем по месту отрыва.

«Дорогая Мухаббат!

Рустам жив — и это главное. Я пишу под его диктовку. Он диктует, но пишу я не то, что ему хочется. Я только притворяюсь, будто выполняю его волю. В действительности я пишу то, что Рустам попросит меня или кого-нибудь другого через неделю, через месяц. Обязательно, непременно, неизбежно. Ибо он любит тебя, Мухаббат.

А сейчас он отрекается от своей любви. Отрекается — потому что любит тебя.

Будь мужественна, подруга. Рустам — слепой навсегда. Это война, Мухаббат. Он весь изранен, но это пройдет. Только глаза — навсегда! Он очень, очень любит тебя! И если ты действительно его любишь, ты не оставишь его. Он ослеп и беспомощен. Но он — твой. Понимаешь, — твой!

Подруга моя! Не удивляйся тому, что называю тебя подругой. Света, должно быть, рассказывала тебе о Кате из Нальчика. Катя — это я. Но подруга ты мне ещё и потому, что наши с тобой судьбы схожи. Через несколько дней меня эвакуируют в Пензу (я тоже ранена). Там в госпитале лежит мой Фазыл — изувеченный, беспомощный и слабый, как ребёнок.

Фазылу ампутировали ногу. Другая нога тоже искалечена. И всё равно Фазыл мой. Слышишь? Мой!

Понимаю, моё несчастье ничто в сравнении с твоим...»

Мухаббат осторожно положила письмо на грудь, некоторое время прислушивалась: листок из блокнота жжёт, давит многопудовой тяжестью; вздохнула коротко — и вновь её не стало.

... Она то приходила в себя, то теряла сознание. Бредила легко, не ощущая горя... Рустам в белом кителе с отложным воротничком идёт ей навстречу, улыбаясь. Глаза его сияют от счастья. Какие у него глаза! Как тёмный янтарь, с искорками, они заглядывают в самую душу, ласкают, смеются, ликуют... Кто это сказал: «Глаза — зеркало души».

Лица матери, Светы, много-много лиц... Почему они озабочены? Плачут... Странно. Кто эта древняя старушка, седая, как лунь? Из угасших глаз её льются слёзы... Боже! Ведь это Хаджия-хола — мама Рустама! Но ведь ей нет и пятидесяти. Тётушка Хаджия, что с вами?..

Тьма. Звенящая тишина... Вновь скорбные лица. В чём дело? Уж не хоронят ли кого-то? Рустам, кого хоронят?!

О-о-о... Уж не меня ли? Зачем!.. Рустамджан, нам с тобой жить да жить. Произошла ошибка.

И опять тьма, иссушающая мозг тишина, чёрная бездна...

Рустамджан, где ты? Отзови-и-ись!

Она открыла глаза, увидела склонившуюся мать, Свету, тётушку Хаджию — простоволосую и седую.

— Что с вами, тётушка?..

Женщина заплакала — тихо, без слёз. Мухаббат стало страшно. Хаджия-хола плачет без слёз... Иссякли слёзы! Их нет... Сколько же прошло времени?

— Какое сегодня число? — она еле шевелила губами. Но её всё же поняли.

— Двадцатое... Двадцатое апреля, — ответила Света и ласково погладила подругу по холодному, покрытому испариной лбу.

Двадцатое!.. А тогда, в тот страшный день... Какое число было тогда?.. Да-да, Света что-то тогда говорила. Ах, да! «В течение семнадцатого апреля на фронтах существенных изменений не произошло». Три дня, Больше трёх дней. Сейчас — ночь. Больше трёх дней! Как я могла, как посмела?! Он лежит во мраке и ждёт, ждёт... А я!..

Мухаббат сделала попытку подняться. Присела — и тут же закружилась голова. Она упала на дедушку, хотела крикнуть изо всех сил, но услышала слабый просительный голос:

— Листочек мне... Срочно письмо. Письмо.

... Карандаш не слушался Мухаббат, выскользнул из пальцев.

— Может, ты мне продиктуешь, подружка? — услышал она голос Светы.

— Нет... Сама. Сама!

И она вывела большими прыгающими буквами:

Рустамджан, жизнь моя!..

ВИЖУ, ВИЖУ ТЕБЯ, МУХАББАТ!

Колонна новобранцев пылила по большаку. Шли неловко, то и дело сбиваясь с ноги. Хмурый капитан, перехваченный скрипучей португеей, — начальствующий над командой, — ли во что не вмешивался. Он был опытным воином. Что толку надрываться, когда перед тобой не вывимуштрованные бойцы, а сборище абсолютно штатские парией, да ещё из кишлака.

Всеми своё время. Вот пройдут парни курс молодого бойца — тогда другое дело. Всё будет по уставу. А сейчас пускай себе шагают, как могут. Хоть ползком. Главное, чтобы до вокзала дошагали в целостности и сохранности.

— Ра-ё-ттта-а! — раздался вдруг пронзительный голос, восторженный возглас владыки, упивающегося своим могуществом. — Левой!.. Левой. Ать-два. Не тянуть ногу! Взять ногу. Ать-два... Хать-два-а...

Колонна вскинулась, подчиняясь неистовой, требовательной команде. Мерно забухали ботинки, сапоги, кавуши: «Тух-тух-тух...»

Капитан вздохнул. Третий год гремит война, а он всё здесь, в глубоком тылу. Водит команды новобранцев. На Халхин-Голе воевал, штурмовал линию Маннергейма, а тут — на тебе! — застрял. Десятки рапортов написал с просьбой отправить на фронт — бесполезно. Ибо должен кто-то и этим прозаическим делом заниматься во имя Победы.

Он вспомнил белобрысого сержанта с малиновыми треугольничками в петлицах и улыбнулся. Правый вояка. Удрал лихо. Запрыгнул всё же на ходу в эшелон — и поминай как звали. Завели на сержанта уголовное дело, объявили дезертиром. А через несколько месяцев он сам о себе дал знать. Так, мол, и так, воюю под Сталинградом. Сперва висел вместе со всеми солдатами и генералами из 62-й армии на кромке берега. А потом дела пошли куда как хорошо. С фронтовым приветом!

Умники подняли из архива уголовное дело, переслали в 62-ю армию. «При сём препровождается уголовное дело по обвинению в дезертирстве...» и т. д. и т. п.

А месяц спустя прибыл ответ за подписью чуть ли не самого командира.

«При сём возвращается уголовное дело... Обвиняемый в дезертирстве сержант Новиков И. П. является Героем Советского Союза, судить его за отвагу и героизм — странно и противоестественно».

Прямо так именно и написано было, в нарушение всех канцелярских законов: «странно и противоестественно!»

Капитан вновь улыбнулся. Может, и мне последовать примеру сержанта?.. Шут с ними, с рапортами, пусть судят как дезертира. Подумал — вздохнул. Нет, это не для меня. Приказ есть приказ. И кадровому военному нарушать приказ не положено. Никому не положено его нарушать. Надо по закону. Тем более, что военком обещал всё же удовлетворить просьбу.

Солнце налило немилосердно. Капитан снял фуражку, провёл платком по волосам, утёр лицо. Ну и жарынь! Середина июля. В России, конечно, попрохладней в эту пору. Хотя, впрочем, в России сейчас самое пекло. В прямом и переносном смысле. Под Орлом суций ад творится. Тучи самолётов, небывалые танковые побоища. Кажется, крышка фашистам. Ударили стальным кулачищем, а им в ответ — удар втрое сокрушительней!.. Не опоздать бы. Отомстить за гибель жены, дочери...

В нагрудном кармане гимнастёрки капитан носил любительскую фотографию — жена Мария, светлая блондинка с широко раскрытыми удивлёнными глазами, держит на руках Маришку — курносую, смешную — удивительно похожую на мать. Он провёл ладонью по карману. Сердце сжалось, заныло... Эх, скорей бы на фронт! Скорей бы.

Откуда ни возьмись чёртиком выскочил чернявый сержант, стремительно, словно на пружинках, пробежался вдоль колонны... Пропел ликующим голосом:

— Пе-е-сню-у-у!..

Новобранцы грянули:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бей,
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идёт война народная,
Священная война!..*

«Лихо командует, — подумал капитан о чернявом сержанте. — Вроде того... Новикова. Только тот белобрысый был, а этот на цыгана похож. У Новикова — малиновые треугольники в петлицах, а этот — в погонах и на погонах три золотистые лычки. Однако суть не в знаках отличия. В боевом духе суть. И этот, чернявый, тоже рвётся па фронт, дезертировать на фронт норовит... Хороший у нас народ. Невозможно такой народ победить. Это точно».

Колонне новобранцев преградила путь воинская часть. Она шла поперёк большака. Тут же, возле обочины, замерли две «эмочки» и грузовичок-полторка. Из машины выслали празднично одетые люди. Двое в белых кителях, припорошенных дорожной пылью, несколько парней, по всему видать демобилизованные — в гимнастёрках и сапогах; девушки в цветистых узбекских платьях, старушки... Громадный парень в гимнастёрке... Левый рукав под локтем заколот булавкой. Старики в халатах. У многих в руках бубны, сурнай...

длиннющий карнай — вроде громадной трубы. Нашли время, когда веселиться!

Новобранцы, приставив ногу, с любопытством глядели на странную компанию. Капитан подошёл к однорукому богатырю, спросил не без раздражения:

— Откуда вы такие весёлые? Вроде бы до Берлина пока что далековато.

Однорукий усмехнулся:

— По поводу взятия Берлина — рановато ликовать, конечно. Но ведь и другие причины бывают. Героя войны встречали. Отвоевался парень. Эй, Рустамджан!

Парень в гимнастёрке, стоявший к капитану спиной, повернулся, шагнул, споткнулся. Молоденькая узбечка, державшая его под руку, тихо вскрикнула:

— Осторожней, Рустамджан!

Капитан вздрогнул. Герой войны смотрел на него огромными чёрными глазами, круглыми и непроницаемыми. В первую секунду капитан даже не понял, что это очки. Молодой человек в чёрных очках виновато улыбнулся, как бы извиняясь за то, что, возможно, не признал знакомого. На груди его одиноко поблёскивала медаль «За оборону Сталинграда».

Герой войны?.. Да, есть и такие герои. Награды за доблесть они носят на теле — багровые стручки боевых отметин... пустые рукава. А этот вот совсем юный парень отгорожен от солнца, от лица любимой чёрными очками. Капитан порывисто шагнул к Рустаму, крепко пожал ему руку.

— Кто это? — смущённо спросил парень.

— Вы меня не знаете. Просто захотелось сказать вам спасибо.

— Что вы? За что же? Ничего такого особенного я не совершил.

Подошёл плечистый узбек в гимнастёрке без погон, с палочкой в руке. Левая нога поскрипывает. Протез, должно быть. Капитан и ему пожал руку. Фазыл улыбнулся ему как старому знакомому, по-свойски, с весёлым прищуром.

— Ладно, капитан, нечего нас благодарить. Мы своё отвоевали. Вот и всё. Сам-то воевал?

Капитан смутился.

— Воевал, да не на этой войне.

— Теперь твоя очередь, брат.

— Прошусь... Не отпускают.

— А ты не просись, тогда отпустят. Бывает такое.

— Спасибо на добром слове.

— И тебе, капитан, спасибо. Рахмат — по-узбекски.

— Знаю... Отчего остановились на полпути?

— У одной «эмки» мотор забарахлил. Сейчас починят, — Фазыл взял под руку подошедшую к нему маленькую голубоглазую девушку, тоже, видать, демобилизованную, и обратился уж к пей: — Эх, Катяджан! Не верится. Как в сказке. С Рустамом в госпитале встретились. Шутка ли! Госпиталей тысяча тысяч, а он именно в мой госпиталь угодил. Вместе домой ехали. Встретили нас, как чрезвычайных и полномочных послов, Оркестр! Сам секретарь райкома партии, председатель колхоза. Три машины. Неужели отвоевались?

Рустам поискал рукой Фазыла. Мухаббат торопливо, но осторожно взяла его руку, положила па плечо друга.

— А-а... Вот ты где! — Рустам крепко сжал его плечо. — Отвоевались, говоришь?

— Не верится, Рустамджан.

— Очень хорошо, что не верится. Мы ещё, брат, с тобой повоюем. Война не окончена.

— Это верно. Хотя и выдали нам увольнительный до скончания века, повоюем ещё, да так, что чертям будет тошно. Просто здорово, Рустамджан, что осенило тебя пригласить нас с Катей к себе в колхоз на жительство.

Головная «эмка» завелась, наконец. Фыркнули моторы другой «эмочки», грузовика. Все кинулись к машинам. Двое в белых кителях, секретарь райкома и раис неумело карабкались в кузов полуторки. Колхозники со смехом и шуточками подсаживали их. Усадили. Машины тронулись, загремел горластый карнай, в его рёв вплелась разноголосица сурнаев.

Воинская часть, пересекавшая большак, прошла. Чернявый сержант подскочил к капитану, козырнул стремительно, хитрым вывертом ладони.

— Разрешите продолжать движение...

— Разрешаю.

Р-р-ё-оо-тоа-а-а!..

Тух-тух-тух... Тяжело забухали сапоги, кавуши, ботинки.

Капитан задумчиво шагал вдоль обочины. Образ слепого парня; почти юноши, как живой, стоял перед его глазами. Герой войны — без наград. Конечно, сталинградская медаль повесомей иного ордена. И всё равно. Герой ведь. Хотя... Всякое случается на войне. Представили солдата к награде. Пока суть да дело — солдат в госпиталь попал, в другой, в третий. Исчез... Славный парень. Интеллигентный. Таких обычно в офицерские училища отправляют. Лицо вроде знакомое. Вот если бы без очков он был... Да нет, пустое это. Мне теперь все лица знакомыми кажутся. Многих я на фронт проводил, очень многих. Эх... Как бы самому теперь на фронт вырваться!

Капитан поправил португею, одёрнул гимнастёрку, взмокшую на спине, прибавил шаг.

«Эмка» мчалась по большаку. В приоткрытые боковые стёкла врывался тёплый ветер. Рядом с шофёром сидел Ильяс-палван — трезвый как стёклышко, молчаливый. Радость и грусть переплелись в его душе, рождая непонятное щемящее чувство. Он косил глаза на смотровое зеркальце, в котором отражалось лицо Мухаббат — счастливое, восторженное. «Великое счастье — любовь! — Ильяс украдкой вздохнул. — Вот она счастлива — и мне хорошо».

Рустам сидел прямо, торжественно. Справа он ощущал тёплое, нежное плечо Мухаббат, слева — сухонькое материнское плечико. Все трое тоже молчали. Лишь Хаджия-хола изредка шептала, словно не верила своим глазам:

— Сынок... Сыночек...

Самые страшные дни остались позади. Вот её сын. Вернулся. Живой. Слепой. Но это её сын! Родной сыночек.

Мухаббат была счастлива. О Рустам! Родной человек. Она вспомнила встречу на вокзале. Рустама вели под руки Фазыл и Катя. Рустам рвался вперёд, спотыкался.

И он воскликнул: «Мухаббат! Мухаббат... Я вижу тебя! Вижу. Вижу!!..»

И она приникла к его груди. А он всё повторял: «Вижу, Вижу!!..»

— Где мы? — вдруг спросил Рустам.

Мухаббат ещё плотнее прижалась к нему.

— Сейчас будет поворот.

— Возле старого тутовника?

— Помнишь, оказывается.

— Память — это моё зрение.

— Рустамджан!..

— Ладно, не буду больше. Моё зрение — ты, не правда ли?

— Да, Рустамджан. Теперь мы будем видеть вдвоём.

— Хорошо мне с гобой, Соловейчик. До того хорошо, что даже шутить хочется. Можно?

— Смотря как.

— Да ног... Сижу и думаю. До чего же человек капризное существо! Бывало, в разведзвезде только и разговоров: «Ох, ночь была бы потемнее! Для разведчика тьма — мать родная». А сейчас... темновато малость,

— Опять за своё!..

— Я ведь пошутил, Мухаббат. Извини.

Машина свернула на просёлок. Вот и кишлак. Рустам ощущал его приближение всем своим существом.

Все, кто только был в кишлаке, высыпали на улицу. Дехкане — старики, инвалиды, девушки, дети — окружили машины. Даже Максум-всё-не-так и вот, покинув удобное местечко в чайхане, вышел встречать Рустама и его боевых друзей. Лишь один Мирабид, запершись в своей лавке, сидел в одиночестве и пил горькую. Злоба и зависть грызли его душу. Проклятая любовь! Дом — полная чаша... Деньги есть. Всё есть!.. Любви нету. Ни за какие деньги не купишь её, проклятую!

Односельчане пожимали Рустаму, Фазылу, Кате руки, наперебой приветствовали.

— Ассалам алейкум, славные аскеры!

— Повоюем ещё, а? Работы много. Надо Победу ковать!

Рустам пожимал бесчисленные руки. Кого-то узнавал, кого — нет. Говорят, голос у человека не меняется. А всё равно иных односельчан никак не узнать... Хм... Кто это? Чей голос? Надтреснутый тенорок... А-а! Так ведь это чайханщик Абдурасул!

— Здравствуйте, Абдурасул-ака.

Чайханщик, польщённый (поди ж ты, узнал!), долго тряс руку Рустаму.

— С прибытием, уважаемый герой! Радость-то какая!.. У меня уж и баран приготовлен. Жирный. Как для свадебного тоя. Сам раис расщедрился. Хоть и трудное время, а подыскал подходящего барашка. Эх, хорош для свадебного плова!

— Вот и прекрасно, — рассмеялся Рустам. — Раис, стало быть, в самую точку попал. Готовьте плов, несравненный усто. Свадьба как раз сегодня. Мы, солдаты, медлить не любим.

Абдурасул вытаращил глаза, по инерции всё ещё тряс руку Рустама, но вдруг спохватился и с радостным возгласом шмыгнул в толпу. Люди весело зашумели.

— Поверил!.. Вот умора.

— Побежал на свидание с чёрным барашком.

— В лепёшку разобьётся, но плов будет — пальчики оближешь.

— Абдурасу-ул!.. Когда за шкварками приходите?

Рустам всё пожимал, пожимал руки... А это чья ладонь? Жёсткая, как фане-

ра. Ой-бо! Максум-всё-не-так... Неужели?

Да, это был Максум-бобо. Послышался его хриплый голос:

— С приездом, учитель. Отойдём-ка в сторонку. Я нарочно выжидал, последним тебя приветствовал. Лучше всего в дом войти. Мухаббат, помоги своему жениху... Вот так. А я — с этой стороны.

Они вошли во двор. Сели на супу. Помолчали. Наконец Максум-бобо произнёс тихо:

— Рустамджан... Прости меня, старого глупца, если можешь. Не ты — я слеп. Столько лет блуждал во тьме. Воистину, если аллах хочет наказать человека, он отнимает у него разум. А без разума человек слеп.

— Быстро вы перековались, домулла!

Старик обиделся.

— Я серьёзно говорю, учитель. Твои отношения с моей племянницей, чего скрывать, как кость в горле... Но это в прошлом. Каюсь, когда узнал о твоём несчастье... Надежда ожила. Ну, думаю, всё-таки будет по-моему. Ай да Максум! Я жалел тебя, но...

— Нечего меня жалеть, — оборвал его Рустам. — Я счастлив — рядом со мной Мухаббат, боевые друзья, товарищи. Я буду учиться, работать, бороться за Победу... А вы?..

— Не надо так, муаллим. Я... Мне стыдно. Плохо прожил я жизнь, кособоко. Но ведь покаяние, даже на смертном одре — благое дело. Прости меня... Если можешь. Вина любовь раздавила меня, как муравья, уничтожила... прежнего Максума, прозванного Всё-не-так. Этого брюзги и интригана больше не существует на свете.

Рустам протянул старику руку. Тот поспешно схватил её, мелко затряс в своих ладонях.

— Рахмат... Катта рахмат, муаллим... Так, значит, я пошёл. Надо хозяйством заняться. Свадьба ведь. Ну и молодёжь нынче пошла! Торопыги.

Мухаббат и Рустам рассмеялись. Старик ушёл, бормоча что-то себе под нос. И Максум-бобо поверил, будто сегодня свадьба. И уже заворчал... Сразу же после покаяния. Верно говорят, что привычка — вторая натура.

Голос Светланы:

— Здравствуй, Рустам!

— Здравствуй, Светочка! Мы уже и здоровались, я даже целовались, верно?

— Всё равно — здравствуй.

— Как Пётр Максимович, всё партизанит?

— Нет, теперь он полком командует.

— Здорово!.. Ну а ты как поживаешь? Может, и твою свадьбу сегодня сыграем, а?

Светлана сконфузилась, пробормотала:

— Ладно, я пошла по хозяйству.

— Все сегодня хлопочут, — развёл руками Рустам. — Говорят, Абдурасул начищает свой «эмирский самовар», десятиведерный!

— Пусть хлопочут. В конце концов... А что, если нам и в самом деле сегодня свадьбу сыграть?.. Ага, испугался!.. — Мухаббат рассмеялась. — Ладно, пошутила... Ох, Рустамджан! Хорошо мне с тобой. Петь хочется.

— Спой, Соловейчик.

— Потом... После.

— Спасибо. Может, Фазыла с Катей позвать?. Посидим вместе.

— Им и без нас не очень плохо. Во-он сидят, как два голубка.

Вечерело. Малиновый диск солнца повис над тёмно-синим краем неба. Там, далеко, бушевала война и лилась кровь. А в кишлаке царили мир и покой. Но это была обманчивая тишина. Железные щупальца войны стиснули всю планету, безжалостно высасывают жизнь. Надо рубить, крушить чудовищного паука. А для этого необходимо бороться, сражаться, жить — где бы ты ни был!

Рустам ясно, отчётливо представлял себе закат, малиновый диск солнца... грохот орудий, рёв танков, визг авиабомб, свирепая скороговорка пулемётов, автоматов... И люди, бегущие вперёд... Падающие... Валентин Карпаков... Серёжа Туманов... Родные мои!.. Товарищи незабвенные. Нет! Я ещё повоюю, буду биться, как могу, за торжество Победы. Не тот зрячий, кто видит, а тот — кто умеет видеть. Видеть глазами, разумом, сердцем!

Он тихо вздохнул.

— Рустам...

Он почувствовал, что Мухаббат надевает ему что-то на голову, и сразу догадался — что. Тюбетейку! Она вышила её собственноручно... Своему суженому.

— Спасибо. Спасибо, Соловейчик! Спасибо за всё, — он осторожно провёл пальцем по её лицу. — О, как ты прекрасна, Мухаббат!.. Я вижу тебя, Мухаббат. Когда ты рядом — я вижу всё. Клянусь.

Они сидели, взяв друг друга за руки, и молчали.

Они любовались своим счастьем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЕСКРЫЛАЯ ПТИЦА

Стояла удивительная пора зрелой осени. Травы в тёмно-зелёные кусты хлопчатника в редких тусклой бронзы мазках присыхающих листьев, в густой белой пене раскрывающихся коробочек сверкали и переливались под лучами восходящего солнца миллионами капелек-жемчужин. Лучи были нежаркими, ласково мягкими, — и роса долго не испарялась. От этого воздух настаивался чуть влажным терпким ароматом. Деревья ещё не скинули своих летних нарядов, но каждый листочек на тутовнике, орешине или тополе нервно вздрагивал под ветром, боязливо съёживался и бледнел, будто знал, что недолго осталось ему держаться за спасительную материнскую ветку. Иной не выдерживал такого тягостного ожидания и, раньше срока сорвавшись, плавными кругами снижался к земле. А над деревьями, над полями, над крышами кишлака плыли, переливаясь серебром, извилистые нити осенней паутины. Редкие облака, словно первые кучка хлопка на обширном хирмане, белели, мягкие я пушистые, на неоглядной синеве неба.

Веяло умиротворяющим покоем. Но в покое этом, которым дышала природа, крылось и внутреннее напряжение. Оно исходило от людей.

Осень вручила земледельцам ключи от своих сокровищ. Дехкане пожинали плоды труда своего. Все, кроме самых престарелых, были в поле. Даже всегда шумной и неутомной детворы нигде не было. Те, что постарше, собирают хлопок, остальные — в школе. Лишь, пугая надвигающимся ненастьем, каркают вороны, да весело чирикают никогда не унывающие воробьи.

Объяснение тишине и безлюдью одно — началась уборочная, и вся жизнь переселилась на поля: с шумом и гомоном, шутками и смехом, радостями и заботами. Лишь некоторые старики не перешагнули порогов своих жилищ в эту напряжённую страдную пору. Да и го сказать: и у них есть свои стариковские дела. Молодые в поле, а всё домашнее хозяйство, внучата — на их плечах и руках.

Тётушка Хаджия смела со двора опавшие листья, собрала их в кучу. Потом разожгла огонь в очаге, чтобы согреть воды. Предстояла небольшая стирка.

С тех пор, как в дом вошла невесткой Мухаббат, работы у тётушки, слава богу, поубавилось. Ничем, кроме приготовления обеда да ужина, она теперь не занималась. «Вы своё отработали, отдыхайте», — сказала Мухаббат.

Но с началом страды забот у невестки прибавилось, и ей просто некогда стало присматривать за хозяйством. С утра пораньше она уходит, поздно вечером, когда стемнеет, возвращается.

Тётушка Хаджия занята во дворе своими делами, а Рустам Шакиров, как всегда за последнее время, — в своей комнате. Он, облокотившись на подушку, полулежит на курпаче. Подпёр рукой голову, задумался. Нет, не задумался, потому что думает он теперь беспрестанно. Помимо собственного желания в голове роятся самые неожиданные мысли. Того и гляди, заведут невесть куда, заставив забыть действительность. Есть, правда, в таких раздумьях, хоть и нелёгких порою, и своя хорошая сторона. Пусть на какие-то мгновения, но отвлекаешься от собственной слепоты, и тебя на время покидают кошмары,

нелепые и потому особенно страшные. Покажется вдруг, что ты снова здоров и счастлив деятельной полнотой жизни. В такие минуты Рустаму всегда вспоминались слова, которые он с отчаянием повторял в госпитале в те первые, самые страшные дни слепоты: «Жить — это учиться, работать, любить и быть любимым...» Он любит и... любим, конечно, любим! Только любовью Мухаббат он и силен сегодня. Но это лишь для него. Любовь — великое благо и счастье, но — не единственное. Он должен быть снова в строю, снова приносить людям пользу и радость. Как до войны...

Мысли тут же перенесли его в родную, ещё довоенную школу, в круг своих бывших учеников.

«Рустам-ака!» — радостно кричат ребяташки и сбегаются к нему. Он ласково гладит их головёнки и тоже весел и горд тем, что нужен этим маленьким любознательным людям. Теребя концы своих алых галстуков, они засыпают учителя бесконечными вопросами, и он отвечает, хочет ответить на все эти «зачем?» и «почему?».

Потом непременно припоминаются первые годы их счастья с Мухаббат, годы юношеских восторгов и клятв в верности. В такие минуты сердце его переполняется тёплым светом и безмерной радостью.

Свидании на берегу Анхора... Мухаббат всегда опаздывала на них. Но не намеренно, не для того, чтобы «помучить Рустама, заставить его поволноваться», как советовали ей подружки, особенно озорная Каромат. Девушка никак не могла преодолеть смущения, робости. И появлялась каждый раз какая-то испуганная, застенчиво улыбающаяся. Эта улыбка её особенно красила, чудесно преображала. Мухаббат будто расцветала, нежная и трепетная. Да, всё в любимой было мило и прекрасно. Даже капельки пота на разгорячённом то ли от быстрой ходьбы, то ли от скрытого душевного жара лице казались Рустаму редкостными жемчужинами.

А ещё он вспоминал это лицо бледным. А на нём огромные чёрные, исполненные тревоги за него и страха перед неожиданной разлукой глаза Мухаббат под густыми, поседевшими от дорожной пыли ресницами. Не жемчужины нота блестели в тот день па лице любимой, а слёзы. Рустам уходил на фронт.

Тут всё обычно мешалось и всплывало в памяти обрывками, всплесками, вихрем звуков и движений. Первый поцелуй, который Мухаббат открыто, ни от кого не таясь, подарила ему прямо на платформе многолюдного вокзала за несколько минут до отправления эшелона. Звуки духового оркестра, исполняющего «Катюшу» Разорванные прощальными криками рты провожающих. Всё учащающийся перестук вагонных колёс. И снова Мухаббат. Она стояла на платформе одинокая, бессильно опустив руки.

Мог ли подумать тогда Рустам, что это надолго, очень надолго, что он многие годы не сможет любоваться мягкими чертами её чуть тронутого солнцем лица, тонкими, будто крылья ласточки, бровями вразлёт, не заглянет в тёмные, манящие глубины её любящих глаз!

Любящих! Любящих?..

По-разному повторял Рустам это слово за фронтовые свои годы.

Любовь Мухаббат, боясь расплескать её, он вёз в сердце навстречу огню и смертям под мерный перестук колёс военного эшелона. Любовь эта согревала его в холодных землянках и обледенелых окопах. Любовь Мухаббат помотала ему выстоять, не сломиться в самые тяжкие минуты смертельно опасных

фронтовых будней.

Любит!

Потом злые, наполненные клеветой письма и жгучая тоска безысходности. Строки гневного письма оскорблённой в лучших своих чувствах Мухаббат... Каждое слово его раскалённой иглой безжалостно вонзалось в самое сердце. «... Вы не пугайтесь, слабодушный человек. Я буду жить. Любовь — великое счастье. Даже если она без взаимности...»

Любит ли?..

Потом всё выяснилось, спасибо доброму однорукому богатырю, почтальону Ильяссу. Они, Рустам и Мухаббат, снова оказались жертвами козней Максима-Всё-не-Так.

Любит!

И тут новый и самый страшный, беспощадный в своей несправимости, как он тогда думал, удар. Тяжёлое ранение, слепота. В госпитале, когда, кусая губы, чтобы не закричать от нестерпимой боли, он полз к окну, чтобы выбраться из него, уйти из жизни, навсегда, бесследно раствориться, Рустам, казалось, твёрдо знал: калеку Мухаббат любить больше не сможет. Может быть, и сумеет заставить себя, из жалости. Только жертв он не хотел.

Но Мухаббат осталась верна своей любви. Когда Рустам вернулся в родной кишлак искалеченный, сленгом, она стала ещё нежнее и внимательнее. Эх-хе!.. И с тех пор уже немало воды утекло. Любовь их породила новый росток, дала начало новой жизни, которая ещё больше скрепила их союз, навеки сплотила его неразрывными узами родительского долга.

Адхамджон!.. «Неужели мне никогда не суждено увидеть сыновнего лица, с отцовской нежностью и любовью заглянуть в родные глаза? Какой он? Мама говорит, что похож на меня в детстве. Только разве запомнишь, каким ты был в детстве! Даже немногие из сохранившихся фотографий, потёртые и выцветшие, забылись сейчас».

Тоской и болью снова захлестнуло сердце. С новой силой всколыхнулся в душе страстный протест, ожесточённое неприятие его нынешнего положения. Рустам не мог и не хотел смириться с тем, что ослеп, а потому лишён окрыляющей возможности бороться, идти со своими сверстниками, со всеми людьми в самую гущу напряжённой трудовой жизни. Он не мог смириться со своим тяжким пленом в четырёх стенах дома. На фронте он многое пережил и сумел вынести. Но такая жизнь для Рустама была невыносима. Да и во имя чего выносить? Для того, чтобы в родном доме быть лишённым возможности сделать лишний шаг, боясь натолкнуться на бесчисленные преграды и препятствия? Для того, чтобы набивать всё новые и новые синяки да шишки, стучаясь лбом о стены в комнате, о дверные косяки, о деревья во дворе? Чтобы беспрестанно наступать на всевозможные ножи и ложки, пиалы и чашки, ненароком забытые на полу или супе, и давить их, дробить в жалящие осколки?!

Одно печальное, горестное событие, хоть и давно случилось оно, никак не забывалось.

... Ненадолго до тоя тётушка Хаджия хлопотала у очага над пловом. Вернувшейся с работы Свете она поручила: «Пока плов поспеет, приготовь, доченька, салат из помидоров с лучком и перцем». Света сходила на огород и нарвала там свежих помидоров, луку и огурцов. Придела у арычка, тщательно вымыла овощи. Потом пристроилась на супе и начала готовить салат. Чтобы салат

был поострей, решила добавить в него красного перца, но под рукой его не оказалось, и Света снова пошла на огород. А в это время во двор вышел Рустам, которому надоело сидеть одному в комнате. Осторожно переступая, он добрался до супы, поднялся на неё и, сделав шаг в сторону, где, он знал, расстелены одеяла, угодил ногой прямо в касу с салатом. Дёрнувшись испуганно, Рустам потерял равновесие, споткнулся и наступил на лежавший чуть в сторонке нож. Кровь брызнула из пораненной ноги, залив расстеленные на супе одеяла и курпачи. Вернувшаяся с огорода Света сразу поняла, что дела плохи. Выронив из рук стручки перца, она стремительно бросилась к Рустаму.

— Вай, горе мне!.. Простите меня, Рустам-ака, это я виновата! — крикнула она. — Потерпите, я сейчас...

И Света помчалась в медпункт за бинтами и йодом.

Услышав крик Светы, прибежала тётушка Хаджия. Пока Света принесла бинты и йод, она опалила кусок кошмы, приложила её к ране и перевязала ногу.

— Ой, не надо этого делать, тётушка! Так может и заражение получиться. Давайте лучше йодом смажем, — запротестовала было Света.

— Ладно, доченька, видишь, кровь уже перестала идти. А йодом вечером помажем.

Чтобы как-нибудь успокоить перепуганных женщин, Рустам то и дело бодро повторял: «Ничего, заживёт!»

Нехитрая уловка эта, кажется, удалась. Ни тётушка Хаджия, ни Света как и не догадались, как ему больно и тяжело в эти минуты. Больно не физически, а от беспомощности своей и беззащитности.

Подали плов. Послышалось традиционное: «Берите, берите, пожалуйста!» Но никто первым не решился протянуть руку к блюду. Сидели понурившись, подавленные, грустные. Хорошо ещё, что во дворе появились Евдокия Васильевна и Мухаббат. Вместе с ними пришли облегчение, душевная раскованность...

Вообще, рядом с Мухаббат, предупредительной и ласковой, Рустам отвлекался от своего увечья, чувствовал себя спокойнее и увереннее. Любовь и нежность к ней, предупредительная взаимность этих чувств вытесняли всё мрачное, тоску и уныние. Мухаббат видела это и старалась не отходить от мужа ни на шаг.

Но теперь страда, и дома приходится бывать очень недолго.

Рустам, правда, никогда не жаловался. Он терпеливо ждал Мухаббат. И этим ожиданиям наполнялся весь день, оно отвлекало его от мыслей о себе нынешнем, спасало от тоски и отчаяния. А ещё одной светлой радостью был сын, Адхамджан. Маленький несмышлёный человечек, который так доверчиво замирал под ласковыми пальцами Рустама, когда он снова и снова «разглядывал» сынишку.

... Рустам встал, вышел во двор и направился к матери, занятой стиркой.

— Мама, сколько сейчас времени?

Тётушка Хаджия сразу догадалась, почему сын интересуется временем.

— Рано ещё, сынок. Но Мухаббат вот-вот должна принести Адхамджана.

На душе у Рустама сразу стало светло и радостно, будто солнечным лучом её осветило и обогрело. Ноги сами понесли к калитке. Остановившись здесь, он выжидающе-задумчиво «загляделся» вдаль. Каждый день Рустам таким об-

разом раз по пять подходил к калитке и подолгу стоял, поджидая Мухаббат, хотя знал, что появится она только к вечеру. Он не обращал в это время внимания ни на промозглую сырость, ни на пронизывающий резкий осенний ветер.

Вот и сейчас так. Рустам давно уже стоит у калитки. Но Мухаббат всё нет, её даже не слышно, и он нехотя возвращается в дом. Чтобы не оказаться снова во власти кошмарных мыслей, берёт в руки дутар, на котором за последнее время учится играть. Решает повторить мелодию, которую начала с ним разучивать Мухаббат. Но дутар сопротивляется. В руках Мухаббат он поёт совсем по-другому — мелодично и задорно, задушевно.

Скрипнула дверь. Рустам поднял голову, спросил:

— Это вы, мама?

— Нет, я, Рустам-ака. Не скучали?

Это был голос Мухаббат.

— Ах это ты? — радостно дрогнул голос Рустама. — Устала, наверное?

— Нисколечко!..

Мухаббат старалась говорить весело, беззаботно, хотя на душе скребли кошки. Только что ей повстречался на дороге Максум-бобо и долго читал нравоучение. Пока Мухаббат шла домой, дядины слова продолжали надоедливо звучать в ушах, бередить сердце, словно холодным камнем лежали они на душе. До того тоскливо сделалось, что в тягость стали даже подруги, с которыми возвращалась с поля. При первом же удобном случае она незаметно ушла от них, чтобы уединиться.

Мухаббат хотела было пересказать весь разговор мужу, но не решилась. Рустам — она с болью замечала — и без того за последние дни нервничал больше, чем когда-либо, метался, не находя себе места. Поэтому Мухаббат, едва подойдя к двери, постаралась взять себя в руки, чтобы казаться бодрой и весёлой, заговорила, дурачась, по-детски картавя и шепелявя:

... Благодарю вас, папочка! А мы, чтобы мамуля не устала, помогали ей, сидели на ручках спокойно...

Мухаббат протянула ребёнка Рустаму. Мальчонка, раскинув руки, охотно потянулся к отцу. Рустам нежно поцеловал сынишку в щёчку, в лоб, потом крепко прижал ребёнка к груди и с глубоким вздохом уткнулся носом в его шелковистые волосы.

— Эй, отец, что это вы делаете? — с шутливым удивлением воскликнула Мухаббат.

— Нюхаю, мой цветочек нюхаю. Такого приятного аромата во всём мире больше нет...

— Вот оно что! — зарделась от удовольствия и материнской гордости Мухаббат. — Интересно, а другие дети, как по-вашему, тоже так приятно пахнут?

— Не знаю. Только кажется мне, недаром говорят: каждому своё луной кажется. Мне даже...

— А я! — сразу догадалась Мухаббат, что хотел сказать муж. — Думаете, у меня по-другому? Отнесу утром ребёнка в ясли и до самого вечера места себе не нахожу, тысячи всяких мыслей в голову лезут. Только тогда душа на место станет, когда он снова на моих руках.

— И не говори, Мухаббатхон. Я и сам не знаю, как у меня хватает терпения и сил дожидаться вечера. Едва за полдень перевалит, всё моё внимание и слух

у калитки.

— А вы, конечно, только за сынишкой скучаете?.. — не без лукавства спросила Мухаббат.

— Ты же сама отлично знаешь, за кем я скучаю. Не будь вас, куда бы мне деться в моём положении...

Рустам глубоко вздохнул.

— Смотрите, не сглазьте меня, — будто в шутку, но дрогнувшим от волнения голосом произнесла Мухаббат. — А то и зазнаться могу, Рустам-ака.

— И говорю то, что думаю и чувствую. Только ты...

— Рустам-ака, — перебила мужа Мухаббат, — вы можете ни в чём не сомневаться! Пусть на душе у вас будет всегда спокойно. Ветром только мелкий хвост сдувает. А моя любовь подобна утёсу. Пусть ветер невзгод попробует даже поколебать его! Я понимаю, вам тяжело, истомились вы в одиночестве. Но ничего, вот скоро подрастёт Адхамджан и будет вам... (Мухаббат чуть не сказала: «Будет вам поводырём», по вовремя спохватилась, прикусила язык, на ходу поправилась)... будет вам помощником в ваших делах, опорой вашей и поддержкой в жизни. Тогда вы с ним сможете ходить везде. Глядишь, и к нам на работу зайдёте. Знаете, как вам тогда легко станет... В поле бы сходили вместе...

— Твоими бы устами да мёд пить, — печально усмехнувшись, произнёс Рустам. — А по правде говоря, это в в самом деле было бы замечательно! Хоть и не увидел бы я этого поля, не насладился бы его бескрайним простором, зато вволю надышался бы свежим ветром. Уже одно это сколько бы мне сил прибавило!.. Ах, как я скучал, как тосковал по этим родным просторам па фронте, как мне не хватало их! Где бы я ни был, перед глазами стояло хлопковое поле, то в нежных переливах цветения, то в белой пене раскрывшихся коробочек. Виделся мне и наш полевой стан, и ты перед ним. Как сладко я грезил, когда меня посещали эти видения, каких только планов, не строил! И цветы часто вспоминались... Знаешь, я даже сейчас будто вижу их: белые, красные, голубые...

— Рустам-ака, вы, наверное, знаете нашего Самадабуву? — обрадовалась Мухаббат, что муж заговорил о цветах, отвлёкся, — ... Ну, того, что с верхней махалли. Он привил к белым розам красные, да ещё разных оттенков, и теперь не куст, а настоящий букет. Красиво!..

— Да, цветы — вещь хорошая... Так вот, на фронте...

Сердце Мухаббат сжалось. Такие воспоминания неизменно растравляли душу Рустаму и надолго выводили его из равновесия.

— ... Стоит мне на фронте родные поля вспомнить, тебя вспоминаю, твой облик привидится — не могу не подумать о близких до боли просторах. И сейчас так. Это, наверное, потому, что я, как узник, замурован в четырёх стенах. Но ничего, вот скоро подрастёт наш Адхамджон!..

— А может быть, вы к тому времени и прозреете. Ведь сказал же. профессор Филатов...

Мухаббат снова испуганно спохватилась, но было уже поздно. То, чего нельзя было ни в коем случае сегодня говорить, уже слетело с её языка.

В прошлом году они обращались с Рустамом к знаменитому одесскому профессору, Филатов тщательно осмотрел Рустама, прописал ему предварительный курс лечения, посоветовал, какие и как нужно принимать лекарства. Прощаясь, подбодрил: «У вас повреждён зрительный нерв. Но вы, голубчик,

ещё молоды, и потому есть надежда на его восстановление. Пройдёт два-три года, и вы, смею надеяться, сможете различать свет. После этого милости прошу снова в мою клинику!»

Но слова эти почему-то не очень обрадовали Рустама. Ему показалось, что Филатов неискренен, что он лишь утешает безнадежно больного, не в силах ему помочь. Чего только не предпринимала Мухаббат, чтобы хоть как-то подбодрить окончательно павшего духом мужа.

И вот Рустам снова сетует на судьбу, снова повесил голову. Чтобы вывести его из этого опасного состояния, как-то развеять невесёлые думы любимого и близкого ей человека, Мухаббат решила сыграть на его мужском самолюбии.

— В конце концов, Рустам-ака, — деланно сердито начала Мухаббат, — вы же солдат! Значит, стойкий и выносливый человек. Да вы и доказали уже это на фронте. И потому надо набраться терпения и ждать. А потом надо верить тому, что сказал профессор. Гоните вы от себя всякие непотребные мысли, не принимайте близко к сердцу придуманные страхи. Вы же не на улаке каком-нибудь, если уж на то пошло, увечье получили. Вы же за свободу и счастье Отчизны и родного народа сражались с ненавистным врагом, вы же за всех нас, матерей, жён и невест, стариков и детей, проливали кровь и потеряли зрение. А ведь могло быть и хуже. Вы совсем могли не вернуться с фронта, как не вернулись боевые друзья ваши Карпаков, Туманов, Седых и многие-многие другие. Или не так? А слепота ваша не вечна. Ещё раз повторяю: надо только набраться терпения и ждать. Дождаться надо своего счастливого часа. Даст бог, прозреете, тогда уж вволю насладитесь всеми красками и радостями жизни!..

Рустам порозовел от смущения, ему стало неловко перед женой за свою слабость.

— Да я, признаться, надеюсь в душе. И что мне, собственно, надо? Есть у меня ты, есть мама, Адхамджон... Это даже много, если рассудить. Столько счастья одному человеку!..

— Вот это уже другой разговор! — улыбнулась Мухаббат.

По, помолчав немного, Рустам осторожно положил ладонь на плечо жене и снова спросил:

— Мухаббатхон, душа моя, как ты думаешь, сбудутся слова профессора?

— Сбудутся, обязательно сбудутся! — поспешила заверить мужа Мухаббат в том, во что и сама сейчас верить боялась.

Ведь профессора в Ташкенте не было. Давно. Он снова переехал в Одессу. Только об этом никто, кроме Светы и Фазыла, не знал. Особенно тщательно скрывался отъезд Филатова от Рустама. Стоило ему об этом услышать и он совсем бы упал духом. Как бы там ни было, надеялся на профессора Рустам крепко. «Свет моим глазам может вернуть только этот человек. Многих лет жизни ему и крепкого здоровья. И на моё счастье тоже», — думал часто, взывал неизвестно к кому Рустам. И вот после всего этого разве повернётся у Мухаббат язык сообщить мужу об отъезде Филатова, разве так она жестока, чтобы лишить его последнего проблеска надежды? Нет, она никогда не скажет недобрых, жестоких по отношению к родному человеку слов. Лучше собственный язык проглотить!

— Свожу вас к профессору, Рустам-ака... Только сейчас не время. Вот закончим уборку... Глядишь, к тому времени ваши глаза и сами но себе окрепнут.

— Ладно, Мухаббатхон, потерплю...

Мухаббат отвезла бы Рустама к профессору хоть сейчас. Только как быть с Адхамджоном? Надолго ребёнка оставить, нельзя. И с собой не возмёшь — очень трудно будет. С таким младенцем, да ещё на зиму глядя, отправляться в далёкий и незнакомый путь? Да его и загубить так недолго. Сам же Рустам потом ей этого никогда не простит.

С мыслями этими Мухаббат забрала сынишку из рук Рустама и распеленала его. Почувствовав неожиданную свободу, Адхамджон тут же поймал себя за ногу и сунул большой палец в рот. Мухаббат рассмеялась.

— Что он делает? — спросил Рустам.

— Нет, вы только гляньте, проголодался, бедненький, и ногу сосёт!

Вошла тётушка Хаджия.

— Невестушка, ты когда же это пришла? А я и не заметила, — воскликнула она и собралась было расстелить принесённый дастархан,

— И сама, мама..., — Мухаббат взяла из рук свекрови дастархан и расстелила его на хантахте, небольшом столике на низких ножках. Потом на скорую руку снова спеленала Адхамджона, передала его Рустаму и вышла вслед за старушкой.

Вскоре она вернулась, и по комнате разнёсся дразняще вкусный аромат наваристой шурпы. Аромат этот всегда мучил Рустама, будил в нём что-то похожее на угрызения совести. Он знал, что в это нелёгкое послевоенное время в доме постоянно ощущались серьёзные недостатки, но ни разу ещё не ел чего-нибудь невкусного, пресного, без мяса. Догадывался, что мама и Мухаббат едят далеко не то. Даже пытался было протестовать, но тётушка Хаджия тихо, зато твёрдо сказала: «Ты, сынок, ешь, что на дастархане. Не бойся, мы с голоду не умираем... А хоть бы и умереть мне, я всё равно последний лакомый кусочек тебе бы положила». «И я тоже, — почему-то шёпотом поддержала свекровь Мухаббат. — Ваше здоровье, Рустам-ака, нам дороже и нужнее, чем всякие разносолы. И давайте не будем больше возвращаться к этому разговору... Мне будет только больно...» Возвращаться к разговору не возвращались, но каждую ложку Рустам нёс ко рту как тяжёлый камень. Мучила мысль, что увечьем своим он как бы присвоил себе право на незаслуженные преимущества, на обидную исключительность.

Тётушка Хаджия всё это замечала. Поэтому во время ужина решила отвлечь сына, с деланным интересом спросила у Мухаббат:

— Что-то, доченька, Каромат давно не видно. Как у неё там дела?

— Пока мы с нею идём одинаково, — сразу раскусила наивную хитрость свекрови Мухаббат. — Но стоит мне зазеваться, и она тут же может обогнать.

— Да, Каромат боевая выросла, дай ей бог всего хорошего. Что на словах, что на деле.

— Мама, сватью не встречали? — озабоченно спросила Мухаббат. — Что-то её сегодня в поле не было видно...

— Приходила недавно. Тёте Дусе что-то нездоровится, не решилась оставить её одну... Да, чуть не, забыла! Нам письмо пришло! Санобар затем и приходила, чтобы принести его. Оно как-то к ним попало. А ну-ка глянь, доченька, что за письмо такое.

Тётушка Хаджия достала из кармана конверт и протянула его Мухаббат.

Быстро пробежав глазами небольшой листок, Мухаббат повернулась к Ру-

стаму:

— Вас в собес вызывают, Рустам-ака. Если завтра подойдёте до полудня к полевому стану, какая-нибудь попутная машина вас подбросит.

Сразу же после ужина тётушка Хаджия ушла в свою комнату. Рустам облокотился на подушку и спросил у жены:

— Фазыла не видела? Что-то давненько он не появляется.

— На клеверном поле возится, работы у него невпроворот. Перепахивает поле. «Пойдёмте, — говорю, — проведаете у нас. Без горячего небось сидите, всё всухомятку». Не согласился. «Катаюсь, — отвечает, — Мухаббатхон, как сыр в масле. Разве в такую горячую пору тракториста оставят голодным?»

— Да, в работу он умеет уходить целиком. И на фронте ни секунды не мог сидеть без дела. Настоящий мужчина. А невеста его Катя! Если бы не она, Мухаббатхон, я бы там навеки и остался, где наша машина на мину налетела. Сама вся израненная, а меня не оставила, на себе, считай, волокла, от верной гибели спасла... Да что же это я!.. Ты всё это уже десятки раз слышала...

— Что-то от Кати никаких вестей нет, — обеспокоенно заметила Мухаббат.

— Я тоже удивляюсь. Дай бог, чтобы она, на счастье Фазылу, была жива-здора. Бедняга с самыми добрыми намерениями начинал дело, дом закладывал.

— Одно лишь письмо сразу после окончания войны написала, кажется?

— Да, помню.

Рустам хотел сказать, что и в мирное время может случиться самое непредвиденное, но сказал о другом:

— Надо потерпеть, где-нибудь должна объявиться.

Мухаббат начала пеленать засыпающего Адхамджона,

Потом уложила сынишку в кровать и повернулась к Рустаму:

— Почитаем?

— Умница ты моя! Я только сам тебя об атом собрался попросить.

Мухаббат взяла с полки книгу, раскрыла на вчерашней накладке и начала читать.

ГДЕ ТЫ, КАТЯ?

С фронта Рустам, Фазыл и Катя вернулись вместе. И все в кишлаке ждали, что после весёлого и шумного тоя у Рустама с Мухаббат загремят карнаи и сурнаи на свадьбе Фадыла и Кати.

Но... случилось непредвиденное.

Оказывается, Катя приехала не насовсем. Просто госпитальное начальство исхлопотало ей отпуск для того, чтобы она могла проводить домой Рустама и Фазыла. Сами бы они добирались долго и трудно. Конечно, ни Фазылу, ни Рустаму Катя об этом ничего не сказала.

Но вот истекло время отпуска, и однажды Катя предстала перед Фазылом в военной форме: в ладно пригнанной гимнастёрке, сапогах, пилотке.

— Вах-вах! — рассмеялся Фазыл. — Ты будто снова на фронт собралась.

— Да, Федя, — тихо, чуть ли не шёпотом проговорила Катя.

И такая печаль, такая боль стояли в её глазах, что Фазыл сразу понял — это правда!

— Как же так?! — растерянно спросил он, чувствуя, как холодеет сердце и оглушительным звоном наполняется голова.

— Меня только на время отпустили. Вас...

Катя хотела сказать: «Проводить», но сразу поняла, что может ранить этим любимого человека, напомнив ему о его увечьи.

— С вами погостить...

— Это неправда! — крикнул Фазыл. — Ты сама... сама хочешь уехать от меня... от калеки!..

— Федя, опомнись! — но сдержавшись, тоже крикнула Катя, и в крике этом послышались рыдания.

И только теперь до Фазыла окончательно дошло: это правда! Страшная, неотвратимая.

— Ты же солдат, Федя, — продолжала между тем Катя, — и знаешь, что такое долг, приказ наконец...

— Да, да... — как-то отчуждённо повторял Фазыл, борясь с нахлынувшими тоской и отчаянием. — Да, да... Ну, что ж, давай собираться...

— Мне ничего не надо, Федя. Я уже собралась.

Рустам принял неожиданную весть внешне спокойно.

Только лицо его окаменело, и он долго, тяжело молчал. Потом попросил охрипшим, чужим голосом:

— Позовите маму и Мухаббат.

— Мухаббат в поле, — ответила вошедшая тётушка Хаджия.

— Всё равно позовите! — голос Рустама стал резким, почти злым.

— Что случилось, сынок? — встревожилась тётушка Хаджия.

— Катя уезжает... На фронт!

— Вай, умереть мне! — всплеснула руками старушка и опрометью бросилась из комнаты.

Вскоре все собрались за прощальным дастарханом. Говорили мало. Тётушка Хаджия изредка всхлипывала, вытирая глаза кончиком рукава. Катя сидела, тесно прижавшись к Фазылу, тихая и печальная, а он нежно гладил её белокурые волосы, и такая тоска стояла в его глазах, что Мухаббат не выдержала. Она встала и со словами: «Пойду, свеженького чайку заварю», — чуть ли не

выбежала из комнаты.

— Ну всё! — глухо, по решительно, будто скомандовав, сказал Рустам. — Мама, там у нас где-то есть бутылка водки. Надо по русскому обычаю — посошок...

... Фазыл проводил Катю до Ташкента и вернулся только поздно вечером. Внешне он старался казаться бодрым, но справиться с душевной болью было, видно, нелегко. Всего за один только день Фазыл почернел и осунулся лицом. Он странно озирался вокруг, никого и ничего не видя.

С дороги Катя прислала короткую записку:

«Еду хорошо. Обязательно вернусь. Жди меня и люби. С боевым приветом. Крепко целую, Катя».

И после этого надолго замолчала.

Как-то тётушка Хаджия встретила па улице Фазыла и подозвала его к себе.

— Фазылджан, — ласково начала старушка, и Рустам и Мухаббат, да и я, мы просим тебя: живи у нас. Детям моим будешь братом, а мне — вторым сыном.

Фазыла покорила эта поистине материнская забота. Да и сам он чувствовал себя сиротливо, ютясь по случайным, чужим углам. Поэтому отказать этой доброй, сердечной женщине он не решился. К тому же кто-то обязательно должен находиться рядом с другом. «Мы, я и Мухаббат, должны стать ему надёжной опорой в жизни, не дать упасть духом», — подумал Фазыл, принимая окончательное решение.

Правда, тревожила одна мысль. В этом же доме жила Света. На чужие рты сита не накинешь. Это уже доказали однажды сплетни, которые распространились с недоброй руки Мирабида вскоре после приезда Светы в кишлак. А вдруг и сейчас пойдут разговоры, что из-за неё Фазыл переехал жить к Рустаму! Девушка совсем уже взрослая и хорошенькая, как куколка... Худо бы не получилось. Стоит только одному слову вылететь из чьего-нибудь дурного или злобного рта, расплодятся эти слова в несметное число! И вдруг эти разговоры дойдут до Кати!..

Но и это благополучно уладилось. Тётушка Санобар затосковала одна в доме без Мухаббат и пригласила жить к себе Евдокию Васильевну со Светой. Те охотно согласились. Да и в доме у Рустама становилось тесновато.

Мухаббат свела Фазыла с механиком тракторной бригады МТС. И с тех пор Фазыл — тракторист.

...Иногда у Рустама собираются парни — Сабирджан, Эрбута, несколько школьных учителей. Играют на дутаре, поют, рассказывают забавные истории о лукавом мудреце Афанди. Одним словом, все стараются хоть как-то отвлечь Рустама от мрачных мыслей. Просветлеет он немного лицом, тронет сурово сомкнутые губы чуть приметная улыбка, — друзьям больше ничего не надо. Ведь все они фронтовики и знают истинную цену страданиям. Среди них нет никого, кто не носил бы на теле следов ран, этих жестоких отметин давно отгремевших боёв. Больше всех, кроме Рустама, пострадал Фазыл.

Левой ноги у него нет по щиколотку. Правда, он так свыкся с протезом, что даже сам иногда забывает о своём увечье.

В кишлаке Фазыл прижился сразу. Хотя специально делать этого не старался. Просто некогда было — весь отдался любимому трактору. Только отремонтирует, подтянет, смажет машину, заведёт её, — и сразу в поле. Работал упорно, с каким-то остервенением, до изнеможения. Хоть так старался он заглу-

шить неутраченную свою тоску о Кате, подавить тревожные мысли о её судьбе.

Этим трудолюбием и упорством своим прославился он вскоре не только в кишлаке. Председатель колхоза теперь только о том и думал, как бы такого золотого парня не упустить ненароком из рук. «Без роду же он, без племени, решит уйти — ничего его здесь не удержит! — обеспокоенно размышлял раис. — Сегодня здесь, завтра там, а послезавтра и самому богу неведомо будет, куда его занесёт, этого Фазыла...»

Ничего утешительного и обнадеживающего так и не придумав, председатель вызвал Фазыла к себе.

— Трудолюбивый ты, оказывается, сынок. Очень ты мне понравился. Дамка я тебе один из пустующих домов. Ремонт там требуется не особенно большой. Обзаведёшься собственной крышей над головой, и выбирай любую из колхозных девчат, какая только по душе придётся. Всем миром женим тебя. Таковую свадьбу закатым — небу жарко станет.

Фазыл благодарно улыбнулся в ответ. Почтительно приложив руку к груди, сказал:

— Рахмат, от всей души спасибо, глубоко тронут вашим вниманием и заботой. Только не нужен мне дом, в Паркенте у меня есть своё жильё.

— Ты что, никак уезжать собрался? — забеспокоился председатель.

— Нет, не для того я приехал сюда, чтобы уезжать. Здесь буду корни пускать.

— А если так, то почему бы тебе, сынок, не взять дом? Оформим, как положено, на твоё имя. Твой собственный будет.

— Мне нужно жить поближе к Рустаму Шакирову. Если вы и вправду беспокоитесь о моём жильё, то дайте мне участок неподалёку от его дома, — попросил Фазыл.

— Считай, что договорились. В ближайшее время мы рассмотрим этот вопрос на правления и примем нужное решение. Заодно разрешим тебе срубить для постройки дома несколько подходящих деревьев. Мастерами поможем.

Председатель снова было заговорил о женитьбе, но Фазыл решительно, даже резко прервал его:

— Нет, нет, это уже предоставьте мне самому решать...

Потом испугался, что грубостью отвечает на заботу, добавил уклончиво:

— ... Вот дом построю, а там видно будет...

Фазыл знал, что в кишлаке было немало девушек, которые с радостью согласились бы пойти за него замуж.

Да и можно ли пожелать лучшего мужа, чем Фазыл Юнусов, уважаемый всеми за своё замечательное трудолюбие, доброту и покладистость нрава, человечность и рассудительность, одинаково приветливое, доброжелательное отношение и к старому и к малому.

Но за последнее время он становился с каждым днём всё замкнутее и печальнее. От Кати по-прежнему не было вестей. Правда, порою ему удавалось забыться, Фазыл как бы отвлекался от неизбывной душевной боли и сразу преображался. Он мог тогда и с девушками посидеть, беззаботно поболтать с ними. Фазыл то витиеватые комплименты им делал, то смешил весёлыми историями, и сам заразительно хохотал со своими собеседницами. Но продолжалось это недолго. Неожиданно он мрачнел и поспешно вставал с места. На

просьбы девушек побыть с ними ещё немного он отвечал с мягкой и будто извиняющейся улыбкой, но решительно: «Нет, извините, пожалуйста, мой «чёрный лев» меня заждался», — и, не оборачиваясь, уходил к своему трактору. «Странный какой-то! — искренне удивлялись вокруг. — Обычно девушки от парней бегают, а тут всё наоборот!» А Каромат как-то задумчиво произнесла: «Да, по-настоящему работать надо поучиться у хозяина «чёрного льва». — И добавила, вздохнув: — И любить тоже...»

... В разгаре были напряжённые весенние работы. Трудиться приходилось, не разгибая спины, от темна до темпа. До зелёных кругов в глазах на махавших кетменём, Мухаббат решила отдохнуть. Тут же к ней подошла Каромат. Прилегла рядом на молодую травку.

— Устала, Соловейчик?

— Это ещё надо посмотреть, кто из нас больше устал, — рассмеялась в ответ Мухаббат. — Только подошла, и с ног свалилась.

— Если бы рядом со мною был, как у тебя, любимый, я бы, — девушка повела рукой в сторону трактора Фазыла, — работала так же, как он на своём «чёрном льве».

— Ну уж он-то как раз не от большого счастья...

— Да... — смутилась Каромат. — Сболтнула, не подумав.

— И тебе нечего убиваться. Многие из тех, на кого похорошки пришли, живыми вдруг оказываются. Некоторые, сама знаешь, и к нам в кишлак вернулись. Может быть, и твой Касымджан...

— И что ты мне как несмышлёному ребёнку зубы заговариваешь?! Эх... — Каромат, опершись на руку, вскочила с места.

— Ты не сердись. Разве я неправду говорю? Сама не видишь, как возвращаются те, кого уже и ждать перестали?..

— Вижу! — почти крикнула Каромат, и в голосе её послышались слёзы. — Только ко мне никто не вернётся. Чёрное письмо сам командир Касымджана написал...

— Ну и что же... А вообще, — Мухаббат привстала на локте, — криком и слезами горю не поможешь. По себе знаю. Вон познакомилась бы с хозяином «чёрного льва». Глядишь, и невестками стали бы...

— Молчи! — понизив голос до свистящего шёпота, проговорила Каромат. — Замолчи! Теперь ты болтаешь, что на ум взбредёт? Про Катю забыла?! Да как ты смеешь?..

Мухаббат сказала это в шутку, чтобы как-то отвлечь подругу, разрядить обстановку. Поэтому реакция Каромат даже испугала её поначалу. Потом Мухаббат стало неловко за свои слова.

— Не надо, Каромат, не обижайся, — стала она успокаивать подругу. — Ну, пошутила я, глупо пошутила. Да и Фазыл-ака — настоящий мужчина, из тех, кто один раз любит. Ни о ком, кроме Кати, он и думать не станет, днём и ночью только о ней и мечтает. Извёлся весь.

Да, непрерывные мысли о Кате не позволяют Фазылу так остро чувствовать и переживать своё одиночество. Она всегда перед его глазами.

Вот и сейчас, несмотря на то, что время близится к полуночи, Фазыл продолжает трудиться. Он вспахивает старое клеверное поле. Трактор рокочет уже несколько часов подряд, а Фазыл даже не думает сделать остановку, немного передохнуть. Руки на баранке руля, а мысли там, где сейчас Катя...

Только где она, где?!

Вскоре после войны он получил от Кати письмо. Она писала: «Федя, поздравляю тебя с нашей победой! Война закончилась на третий день после того, как наша часть вступила на территорию Чехословакии. В тот день у нас был большой праздник. Бойцы, офицеры обнимались друг с другом, целовались. Если бы ты видел всё это, ты бы так же ликовал, как и мы! Сразу забылись все четыре года мучений и смертельных опасностей. Федя, уже близок тот час, когда мы с тобой наконец свидимся! А пока крепко прижимаю тебя к своей истосковавшейся груди и горячо целую. Твоя Катя».

Получив это письмо, Фазыл места себе не находил от радости. Сразу же ускорил строительство дома, начал приводить в порядок двор. В одной из комнат срочно настелил пол, старательно оштукатурил стены и потолок. Потом побелил известью, вставил и выкрасил масляной краской окна и двери. «Скоро Катя приедет», — торопил себя Фазыл, и работа кипела у него в руках.

Захлопотал было и по приготовлению к свадьбе. Съездил в районный центр на базар, походил по магазинам и купил всё, что невеста должна надеть на свадебный той. Одним разом приготовил также всю домашнюю утварь. Купил к свадьбе бычка и пустил его пока на выкорм в стадо.

Однако после этого письма никаких больше вестей от Кати не было. А прошло уже пять месяцев. Почему же вдруг так надолго замолчала она? Всё ли с нею благополучно?.. Фазыл даже вздрогнул от одной лишь мысли, что с Катей могло что-то случиться.

Так кончалось каждый раз, когда он задумывался о любимой. Даже не заметил, как руль трактора выскользнул из рук. Спohватившись, он еле направил снова в борозду потерявшую управление машину.

ЕЩЁ ОДИН УДАР В СЕРДЦЕ

После летнего зноя особенно живительной казалась осенняя прохлада. Но в ноябре её сменили резкие холода с пронизывающими ветрами. Хотя солнце и поднималось высоко, и щедро слало на землю свои лучи, но они не в силах были справиться со студёным ветром, который начинал дуть с самого утра. Будто борясь с солнцем, ветер то усиливался, то слабел. Когда он крепчал, то срывал с деревьев пожелтевшие, отливающие тусклым золотом листья и целыми охапками разбрасывал их по улицам, дворам и крышам. Огромные ворохи увядающей листвы больше, чем у других, завалили двор Фазыла.

Да, двор без хозяйки приходит в запустение. Даже вовремя прибраться, подмести его некому. Каждый день, проходя через двор на работу, Фазыл старается не замечать, в каком он состоянии. Нет, он очень любит наводить чистоту и порядок. Однако за последнее время душа к такой работе никак не лежит, да и руки, попросту говоря, не доходят. До окончания хлопкоуборочной кампании надо обязательно успеть поднять зябь на полях, с которых убрали картошку, помидоры и другие овощи. А не то осеннюю работу придётся доделывать весной, когда дел и так будет невпроворот.

До начала страды Мухаббат, Света и Каромат часто навещали сюда. Особенно заботливой была Света. Обращаясь то к Каромат, то к Мухаббат, она настойчиво звала: «Пойдёмте, подружки, пока мы не очень заняты, заглянем к Фазылу-ака. На худой конец польём да подметём ему двор».

После того, как Света узнала о горе Фазыла, о том, что бесследно исчезла Катя, в душе у неё родилось к этому парню какое-то новое, тёплое чувство. Оно походило на чувство хорошего друга, сестры.

С начала уборочной у девушек совсем не оставалось времени навеститься к Фазылу. Работа на полях кипела напряжённая. В звене Мухаббат никто меньше ста килограммов хлопка за день не собирал. Стоило кому-нибудь не выполнить норму, как имя его в тот же день «красовалось» на специальной доске, установленной на полевом стане. Засмеют потом такого «героя».

...Только за полночь выполнил Фазыл намеченный самому себе объём работы. Заглушив трактор, он направился домой. И лишь тогда ощутил, до чего устал. Не успел прилечь на кровать, как тут же глубоко уснул.

Вдруг послышался чей-то голос: «Фазыл-ака, ой, Фазыл-ака!» Он вздрогнул и проснулся. Оказывается, уже давно рассвело. Фазыл потянулся, собираясь ещё немного поблаженствовать в постели, решив, что голос ему просто-напросто приснился. Но в дверь постучали, и Фазыла снова кто-то позвал. Он вскочил с постели, побежал к выходу. За дверью стояла Света.

— Заходи, сестрёнка, заходи... Как у тебя дела, как здоровье, как чувствует себя Евдокия Васильевна?

— У меня-то всё в порядке. Дай, думаю, у вас дома хоть какой-нибудь порядок наведу. С каких уже пор не было возможности заскочить. Кажется, я по-беспокоила? — Света шагнула в комнату и вопросительно глянула на Фазыла.

— Да нет, что ты, Сапурахон, это я, наверное, тебе беспокойство доставляю.

Как только Света появилась в кишлаке, её стали почему-то звать Сапурой. Наверное, потому, что старикам показалось трудно запомнить непривычное для слуха русское имя. И вот колхозники, которые чуть ли не каждый дет, бывали в медпункте, всё чаще и чаще стали называть её Сапурахон. Так имя и

закрепилось.

— К слову сказать, я вчера вечером Мухаббат видела. Оказывается, Рустам-ака в собес вызывают. Он просил, чтобы вы зашли и побрили его.

— Иду, сейчас умоюсь и пойду. А может быть, мы сначала чайку выпьем? А то я совсем уж по-холостяцки гостей стал встречать...

— Нет, нет, я уже завтракала, — поспешно отказалась Света.

Фазыл зашёл в другую комнату и переоделся. Вчера он так, в рабочей одежде, и уснул. Потом достал из ящика шкафа всё необходимое для бритья и ушёл к Рустаму.

Оставшись одна, Света подмела двор, сгребла листья в яму для картошки и подожгла. Потом собрала валявшиеся в углу двора кукурузные початки, очистила их и ссыпала зерно в мешок. Закончив работу во дворе, вошла в дом. Старательно подмела здесь пол. Перемыла и натёрла грязную посуду. Заправила как следует кровать и накрыла её покрывалом.

Окончательно управившись с уборкой, Света ещё раз внимательно огляделась вокруг: не забыла ли чего? Взгляд её упал на висевшую в простенке между двумя окнами фотографию. Она уже видела её много раз. И в Нальчике Катя показывала Свете этот фотоснимок. На нём Катя была очень красиво одета. Волосы тщательно расчёсаны и заброшены за спину. В меру использованные пудра и другая косметика, родинка, посаженная тушью над верхней губкой, как тогда было модно, делали Катю ещё милее и привлекательнее. Глаза её светятся счастьем. Нежная улыбка чуть тронула губы. Свете даже показалось на мгновение, что перед ней не фотография, а сама Катя. Света ещё ближе подошла к портрету, и сердце стиснула острая боль. Предчувствие чего-то ужасного, непоправимого тревожным холодком заползло о душу. «Дорогая Катюша! Что же с тобой случилось? Почему ни слуху о тебе, ни весточки? А Фазыл с таким нетерпением ждёт тебя. Писем от тебя всё нет и нет, но он гонит от себя недобрые предчувствия и мысли. Четыре года ждать исполнения заветной мечты, единственной в жизни цели, четыре года ждать любимую и потерять её уже после окончания войны... Как это тяжело! Но почему потерять?» Света испугалась этих мыслей своих, отвела глаза от фотографии и быстро вышла из комнаты.

... Когда вошёл Фазыл, Рустам был дома один. Мухаббат, едва забрезжил рассвет, ушла в поле. А тётушка Хаджия с восходом солнца спеленала Адхамджона и понесла его в ясли. В доме надолго воцарилась тишина.

Рустам лежал навзничь на курпаче и, подложив ладони под голову, думал. За последнее время он заметно исхудал, под бледной кожей резко обозначились скулы. Прибавилось морщин. Он перестал обращать внимание на свой внешний вид. На нём помятая сетчатая рубаха, поверх которой ватная безрукавка. Брюки тоже ватные. Несмотря на то, что в комнате топится печь, одежды этой Рустам не снимает. Он стал очень чувствительным даже к малейшему сквозняку.

Услышав шаги, Рустам повернулся на бок.

— Кто это?

— Человек, которому надо в собес, до сих пор лежит и поплёвывает в потолок? — начал Фазыл полушутливо.

— А, это ты... От кого это ты узнал, что мне надо в собес? — удивился Рустам.

— Мухаббат через Сапуру передала. И ещё сказала, что мне надлежит побрить вас, уважаемый.

— Вот оно что! А я как раз над этим и ломал голову, не знал, к какому из замечательных мастеров обратиться. Ты-то за последние дни совсем пропал...

Фазыл поставил посреди комнаты стул и так же полушутя скомандовал:

— Сержант Шакиров, на огневую позицию!

— Есть! — с готовностью принял шутку Рустам,

Фазыл помог другу подняться и осторожно усадил его на стул. Затем обмотал вокруг шеи Рустама полотенце, взбил мыло и начал намыливать ему щеки и бороду. Направив бритву и уже приготовившись брить, спросил вдруг:

— Слышал, Хайдарали уволили из чайханщиков? Пусть, дескать, хлопок собирает. Правда, девчата говорят, его по-другому в поле не вытащишь, только как пропустив бечёвку через нос.

Намыленные губы Рустама растянулись в улыбке.

Чайханщиком Хайдарали стал недавно. До этого он попросту бездельничал, время от времени нанимаясь на какую-нибудь частную работу, и пьянствовал.

Но тут Абдурасул-ака, который так тогда обрадовался, что Рустам узнал его по голосу и тут же бросился готовить плов для свадебного тоя, решил уйти из чайханы.

— Хватит, набегался, — заявил он, — годы уже не те. Пусть теперь молодой моё место займёт, тот, кому по силам с вёдрами да самоварами возиться. А я по-стариковски буду сидеть за чайничком кок-чая и вести мудрые беседы.

При этом Абдурасул-ака чуть приметно улыбнулся в усы.

— Ну, а кого же на ваше место?

— А хотя бы Хайдарали. Всё равно парень без дела болтается.

Чайхана содрогнулась от общего хохота.

— Ну и кандидатура!

— Шутник же ты, Абдурасул-ака.

— Умора!

— А что? — не сдавался старый чайханщик. — Забуддыга, это верно. Только, глядишь, на людях и сам другим человеком станет. Кто чаще всего в чайхане бывает? Старики, почтенные аксакалы. Перед ними-то стыдно будет, наверное, безобразничать. Может быть, мы так ого и перевоспитаем.

И Хайдарали стал чайханщиком. Правда, с «перевоспитанием» его ничего не вышло. Почтенных аксакалов он особенно не стеснялся. Продолжал пить иногда прямо в чайхане. К обязанностям своим относился спустя рукава, что очень возмущало посетителей.

Абдурасул-ака несколько раз журил своего «ставленника», даже попытался строго отчитать его.

— Постыдился бы старших, эй, йигит, — рассерженно ворчал он. — Ты же меня позоришь, чайхану, которая была всегда образцовой.

— Э, один раз живём! — беззаботно отмахивался Хайдарали.

— Вот потому и живи по-человечески, коли один раз, — не унимался старик.

— А как по-человечески?

Абдурасул-ака только сокрушённо крякал и надолго умолкал.

Терпение у всех лопнуло после очередной грязной выходки Хайдарали. Он

заморочил голову кишлачной девушке Азизе и её родителям, а сам взял да и привёз невесту из города.

— Пусть убирается из чайханы, — решительно потребовали все. — И надо сказать раису, чтобы принудительно заставил работать его в поле. А не захочет, пусть и из кишлака выметается!

Фазыл уже заканчивал свои «парикмахерские дела», когда пришла тётушка Хаджия. Она с ходу начала отчитывать Фазыла:

— И чего это ты появляться у нас перестал, хотела бы я знать? На голодный желудок сутки напролёт работаешь, слыхала... Так и заболеть недолго, не смотри, что такой здоровяк. Или, может быть, хочешь сказать, что стесняешься?..

— Нет, тётушка, работы и в самом деле очень много. Мне вот и перед Рустамом неудобно.

— Ну ладно, ладно, сынок, — смягчилась тётушка Хаджия. — Ты уж не забывай нас, заходи хоть изредка. Тепло человеческое человеку и передаётся. А ну, присаживайтесь к столу, сейчас чай поспеет.

Тётушка Хаджия расстелила дастархан. Поставила посредине сливки, которые утром через Свету передало Санобар. Заварив в большом чайнике чай, присела и сама к краешку дастархана. Мужчины хорошо поели свежих лепёшек, макая их в душистые сливки, выпили по две-три пиалы чаю и встали с места. Тётушка Хаджия достала из сундука пальто и костюм, которые Рустам носил ещё до войны, когда работал учителем, и, не обращая внимания на его протесты, заставила сына надеть их. Затем, надев на голову каракулевую шапку-ушанку, Рустам взял друга под руку, и они пошли со двора.

Едва вышли на улицу, ведущую в сторону полевого стана, Фазыл обратил внимание на разговаривавших неподалёку Максума-бобо и Мирабида. Заметив Фазыла с Рустамом, они тут же прервали беседу. Один направился в центр кишлака, а другой заспешил к полемому стану.

Фазыл проворчал недовольно:

— Кажется, мы помешали задушевной беседе этих крыс.

— О ком ты говоришь? — ничего не поняв, переспросил Рустам.

— Я о Мирабиде говорю, этой хромой двуногой крысе. В конце улицы они с Максумом-бобо о чём-то так задушевно и мило беседовали. А завидев нас, быстренько закруглились и разбежались в разные стороны. Ты, наверное, ничего не слышал, а я эти тайны Мирабида и Максума-бобо очень даже хорошо знаю. Как только услышит Максум-всё-не-так, что к Мирабиду в магазин хорошие товары поступили, у него будто черви в одном месте заводятся. Не раз приходилось мне видеть, как он пробирался из магазина домой безлюдными местами. И всё ночью. Я же теперь часто домой поздно возвращаюсь.

— Видел и молчал? — желчно спросил Рустам.

— А что я могу сделать? Во-первых, я в этом кишлаке человек новый. А во-вторых, нельзя забывать и о вашей дорогой Мухаббат. В конце концов Максум-бобо ей дядя!

— Если ты этого испугался, то глубоко заблуждаешься, — Рустам уже даже не пытался скрыть своё раздражение, переходящее в настоящий гнев.

Фазыл смутился:

— Заблуждаюсь так заблуждаюсь, только не опасаться за Мухаббат у меня никакой возможности нет...

— Я прямо в восторге от вас, друг мой! — уже не на шутку рассердился Рустам. — Кажется, от вашей фронтовой храбрости и следа не осталось. Ты на меня не обижайся, но на фронте мы прежде всего за правду, за справедливость воевали. А теперь ты по другим законам жить хочешь? Мол, «себя знаю, а до других мне дела нет»? Говоришь о каких-то тёмных тайнах этих крыс, а сам, но сути дела, их сторону держишь! Это, кажется, называется стоять на страже интересов тунеядцев и паразитов...

— ... Я был бойцом до тех пор, пока на мне была солдатская шинель, выходит? Ты эти мысли навсегда и в головы выбрось, — немного успокоившись, продолжал Рустам. — Ты и сейчас солдат, не забывай об этом! Вот таи! Наш долг — я не боюсь громких слов — давать решительный отпор всякой встречающейся на нашем пути нечисти, а не умыть при её виде руки, не делать вид, что нас это не касается!..

— Ну ладно, ладно, успокойся... Теперь никому спуска не дам!

— Ты шуточками не отделяйся, я совершенно серьёзно говорю.

— И я, между прочим, не шучу. Вот уж никогда бы не подумал, что ты меня можешь в трусости обвинить.

Размолвка между друзьями на этом была исчерпана. Они приближались к полевому стану. Здесь стоял обычный для страдной поры неумолчный шум и гомон: кто-то кого-то звал, стараясь перекричать других, откуда-то доносилась девичья песня, скрипели, разворачиваясь, гружённые канарами арбы. Потом раздались звонкие удары в подвешенный на столбе кусок рельса.

— Как раз к утреннему чаю поспели, — сказал Фазыл.

Сборщики потянулись к полевому стану. Кто с полным фартуком, а кто и с целым мешком хлопка на плечах. Рустам стоял в стороне, не в силах ничего разобрать в этой невообразимой, оглушающей мешанине голосов и всевозможных звуков.

Мухаббат подошла к Рустаму и осторожно взяла его под локоть.

— Пошли. Пока машина подойдёт, посидим на полевом стане.

Вскоре здесь собрались почти все работавшие в поле. Начали готовиться к завтраку. Самовар, окутываясь паром, давно уже кипел вовсю. Молодёжь подавала старикам чай. Бригадир Джамалитдин-ака зябко кутался в короткий полушубок, левая рука у него была на перевязи.

Хоть и позже других, но Джамалитдин-ака добился отправки на фронт.

С боями дошёл почти до самого Берлина. Целым и невредимым. Даже крохотным осколочком не зацепило. А в одном из особенно жарких боёв перед самой победой ранило в руку. Пуля сильно раздробила кость. В гипсе она срослась, но болит до сих пор. Особенно в непогоду. А в эти дни ещё и новая болячка прицепилась: бригадира беспрерывно лихорадит. Осенний пронизывающий ветер проникает и через полушубок. От холода руку, укутанную в пуховый платок, колет, словно иголками. Но больше, чем больная рука и эта прилипчивая лихорадка, тревожит Джамалитдина-ака затянувшееся молчание сына, Касымджана. Война давно кончилась, а он и сам не возвращается и вестей о себе никаких не подаёт. Хоть бы пару строчек черкнул. «А если?.. Нет, нет, — стал гнать от себя непрошенные и пугающие мысли бригадир. — Каромат жалко. Она, правда, виду не подаёт, шутит, хохочет, а заглянешь в глаза — мороз по коже, такая в них тоска... Эх, Касымджан, Касымджан, задан ты старику задачу, сынок!»

Джамалитдин-ака вздохнул и снова погладил руку, чтобы подумали, если кто и услышал этот тяжкий вздох, что его снова мучает перебитая кость.

По возвращении с фронта он никак поначалу не хотел снова возглавлять бригаду. Даже на партийном собрании попытался было заупрямиться, начал упорно отнекиваться. Пусть, дескать, рука заживёт, а там видно будет. Мухаббат же в то время была в отпуске, она ждала ребёнка. И бригаду временно поручили возглавить Хаитбаю-ата. Слабосильный старик старался вовсю, но годы, видимо, дело своё делали, и с работой престарелый бригадир явно не справлялся. А Сабир и Эрбута — шофёры. В колхозе не было больше людей, которые смогли бы справиться с двумя почти полностью развалившимися, но очень нужными машинами. И правление колхоза слова обратилось с настоятельной просьбой к Джамалитдину-ака. На этот раз категорически отказаться он не решился.

И надо сказать: правление в своей настойчивости не ошиблось. Работа в бригаде сразу была организована на славу, к осени здесь вырастили богатый урожай. Накануне Октябрьских праздников бригада выполнила план и завоевала переходящее Красное знамя колхоза. Вот он, трепещет сейчас кумачовым пламенем на свежем ветру, этот трудовой стяг.

Заметив подошедших друзей, Джамалитдин-ака поздоровался с ними, а потом обратился к Фазылу:

— Ты бы, товарищ, почаще приводил сюда Рустамджана. Здесь, на людях, он не так бы скучал, не томился дома одиночеством.

— Да я и сам уж не раз думал, — почему-то смутился Фазыл, беря протянутую ему пиалу чаю и передавая её в руки Рустама. — Только со временем, сами знаете...

После чая Джамалитдин-ака куда-то увёл с собою Фазыла. Вернулись они скоро. В руках у Фазыла было два больших арбуза. Один из них передали сидевшем в сторонке и оживлённо разговаривавшим женщинам, а другой разрезали для мужчин.

— Прошу вас, — гостеприимным жестом повёл в сторону ярко-красных сочных ломтей Джамалитдин-ака. — Холодные, правда, как лёд. Мы недавно пробовали — аж зубы ломит, но очень сладкие...

Старики, первыми было протянувшие к арбузу руки, вдруг смущённо отдёргнули их и обратились к Рустаму:

— А ну, Рустамджан, сынок, отведай-ка арбуза.

Рустам протянул руку наугад туда, где, ему показалось, должен был лежать нарезанный арбуз, но задел рукой чайник и опрокинул его. Он растерялся, замер. Краска стыда за свою беспомощность густо залила ему лицо. Хаитбай-ата начал добродушно успокаивать гостя:

— Ладно, сынок, ладно, не расстраивайся. Всё это пустяки.

Сидевший особняком, как чужая курица, Максум-бобо злобно проворчал про себя: «Чтоб тебе испытать ещё более тяжкие дни!..» Он был очень зол на Рустама.

Вообще Максум-всё-не-так был натурой сложной и противоречивой. Где-то в глубине души его гнездились добрые человеческие качества, но их заглушала зависть ко всему и всем, порождённая ею злоба.

Он любил свою племянницу Мухаббат искренне, по-настоящему. Так же искренне он считал своим долгом заменить ей умершего отца, сделать всё, что-

бы она была обеспечена, а значит, счастлива. Потому так старательно и пытался он заставить Мухаббат отказаться от этого «учителишки» и выйти замуж за Мирабида. Уж он-то в жизни устраиваться всегда умел, как бы круто эта жизнь ни поворачивала.

Но потом, когда Максум-бобо повстречал при въезде в кишлак вернувшегося с фронта Рустама, слепого, беспомощного, когда увидел сияющие от счастья и нежности глаза Мухаббат, сердце его оттаяло. И когда он покаянно говорил Рустаму: «... Мне стыдно. Плохо прожил я жизнь, кособоко. Но ведь покаяние, даже на смертном одре — благое дело. Прости меня... Если можешь. Ваша любовь раздавила меня, как муравья, уничтожила... Уничтожила прежнего Максума, прозванного «Всё-не-так». Этого брюзги и интригана больше не существует на свете», — слова эти тоже звучали искренне, от души.

Но потом натура, и добрая и злобная одновременно, снова взяла своё. Ему стало казаться, что Мухаббат страдает в таком замужестве, и причиной этому страданию — Рустам. Только он, слепой, беспомощный, ни на что не способный, за которого вышли замуж лишь из жалости, из человеческого сострадания к увечью. Но почему же должна страдать и Мухаббат?

Как-то встретив племянницу в безлюдном месте, он заговорил с нею сбивчиво, недобро: «Дочь моя, знаю, тяжело тебе сейчас... Прекрасное лицо твоё увяло от лишений и скорби... Не под силу, видать, тебе навязанная злою судьбой обуза. Муж называется!.. Не он за тобой, как это положено, ухаживает, а ты за ним, словно за маленьким ребёнком, ходишь. Нельзя же в конце концов так мучать себя! А трое-четверо ребятишек обсядут — это дело нехитрое! — что тогда будешь делать, надолго тебя с ними хватит?! Не послушала меня раньше, вот теперь и расхлёбываешь. Чуть ли не за врага меня тогда посчитала. И жуёшь перец, коротаешь горькие дни...»

Мухаббат тогда ответила ему: «Если, дорогой дядя, и треснет голова, то под шапкой, если и переломится рука, то в рукаве... Плохо ли, хорошо ли, трудно или нет, а вместе нам век вековать!» И столько нежности, а вместе с тем твёрдости и достоинства было в её словах, что Максум-бобо только безнадежно махнул рукой и, рассерженный, зашагал прочь.

...Наконец арбуз был доеден, все встали. Мухаббат заспешила к своему звену. На полевом стане остались только Максум-бобо, Рустам и Фазыл. Вообще-то Максуму-бобо тоже надо было уходить. Но ему именно сейчас захотелось поговорить с Рустамом, попытаться — опять же из любви к Мухаббат — склонить его на одно прибыльное дельце. Потому он так терпеливо дожидался, пока все колхозники разойдутся с полевого стана.

И вот он, приблизившись к Рустаму, заговорил:

— Сынок, я тебе давно собираюсь кое-что сказать. Настоящий мужчина всегда должен уметь добыть лишний рубль-другой, чтобы как следует вести хозяйство, содержать дом и семью. Но ты, к сожалению, работать не можешь. Так уж твоей судьбою аллах распорядился. Даже приобретённые тобой когда-то знания не кормят тебя больше. Или я, сынок, неправду говорю? Ну в какой, например, школе ты смог бы сейчас преподавать?

— Хорошо, пусть будет так. А что вы посоветуете делать? — не совсем понимая, куда клонит старик, спросил нетерпеливо Фазыл.

Он видел, что безжалостные и холодные, как камни, слова эти растрavляют и без того кровоточащую душевную рану друга.

— Я бы посоветовал подыскать хорошее, прибыльное дело, которое могло бы обеспечить на всю жизнь прочный достаток.

— И что бы это могло быть за хорошее дело? — спросил снова озадаченный таким поворотом беседы Фазыл.

Рустам же на протяжении всего разговора молчал, горестно поникнув головой. Что он может сделать? Разве он по своей воле только то и делает, что хлеб ест да одежду изнашивает? Знает он и то, что Мухаббат, обременённая грудным ребёнком, продолжает работать. То и дело она говорит бодрым голосом: «Вот сколько я заработала за десятидневку», — и вкладывает в руки Рустама не им заработанные деньги. Возвращаясь с работы, то арбуз, то дыню домой прихватит. Взвалив на себя всю самую тяжёлую работу, по-мужски ведёт домашнее хозяйство.

— Ты муж моей племянницы, сынок, — продолжал между тем Максум-бобо. — И худого и тебе не пожелаю. Если согласишься, я могу обучить тебя своему старому ремеслу. Ты ещё молод, память у тебя цепкая, мозги хорошо работают. Если проявишь должное усердие, коран можешь одолеть за год. И тогда дома, где будут проходить свадьбы, поминки, всякие там другие обряды, все окажутся твоими. И сам всегда сыт будешь, и деньги немалые заимеешь. Вот посмотришь, кем ты станешь совсем скоро — почтеннейшим муллой Рустамом, человеком уважаемым и авторитетным, а главное — богатым.

Фазыл побледнел от гнева. На щеках, выдавая сдерживаемую ярость, заиграли крутые желваки.

Рустам же сидел униженный, раздавленный, оглушённый этой незаслуженной и потому особенно острой обидой. Фазыл ещё никогда не видел друга в таком состоянии.

— Чтоб моль вам бороду объела, дорогой дядюшка, если вы и вправду такое посоветовать решили...

Рустама хватило лишь на эти возмущённые слова.

Он встал и, пошатываясь, словно пьяный, направился в сторону дороги.

Но вдруг круто повернулся и сделал несколько решительных шагов в ту сторону, откуда только что слышался вкрадчивый голос Максума-бобо. Лицо Рустама были сурово и гневно.

— Послушайте, дядя, — глухим, дрожащим голосом начал он.

— Да, да, сынок, я слушаю, — пролопотал Максум-бобо, поражённый происшедшей с Рустамом переменой.

— ... Я много повидал на фронте фашистов. И знаете, что было написано у них на пряжках ремней? «С нами бог!» А они жгли города и сёла. Истязали стариков, женщин и детей. «С нами бог!» Они меня калекой на всю жизнь сделали, глаз лишили. Я даже не могу увидеть вас сейчас, чтобы плюнуть в ваше подлое лицо. «С нами бог!» Так этому богу вы призываете меня служить?!. Меня, коммуниста, солдата!

— Что ты, что ты, сынок?! — испуганно замахал руками старик. — Я же добра тебе хотел. По-родственному...

— Добра?!

Рустам замахнулся палкой, но Фазыл перехватил ого руку.

Жёлтое лицо Максума-бобо перекопилось в страхе, жёлтая борода его затряслась. В неподдельном ужасе отпрянув, он повернулся и по-козлиному, вприпрыжку, побежал, не оглядываясь.

ЗАПАДНЯ

Максум-бобо с доброжелательной, приветливой улыбкой встретил гостей и, как положено, проводил их в большую комнату — мехманхану. Жена его хотела было отчитать их всех, столь бесцеремонно ввалившихся в дом, но лишь глянула на беззаботно ухмыляющегося Хайдарали, на его тоненькие, словно мышьиные хвостики, усы, как прыснула и сама. Прикрыв кокетливо лицо модным платком, она бросила гостям полувежливое: «Заходите, пожалуйста», — и выскользнула в переднюю.

Максум-бобо расстелил вокруг хантахты ещё несколько одеял и пригласил гостей садиться.

— Соскучились мы по хозяйкиному плову. Вот мясо и сало, совсем свежее, только барана зарезали, — сказал Мирабид и протянул Максуму-бобо большой свёрток.

— Не успеете опомниться, как плов будет готов. Вы же знаете мою хозяйку, — ухмыльнулся самодовольно Максум-бобо, нашаривая ногами галоши.

Хайдарали между тем достал из-за пазухи две бутылки водки и поставил их на столик. Потом наклонился к Мирабиду.

— А она ничего, — вполголоса сказал он, кивая в сторону передней. — Со всем как молоденькая...

Мирабид засмеялся:

— Замолчи! Если Максум-бобо услышит, может сильно обидеться.

Это была вторая жена Максума-бобо. Молодо выглядела она потому, что не рожала. Поэтому при встрече с нею и чесались языки у таких циников, как Хайдарали.

Максум-бобо вошёл в комнату с дастарханом в руках, увидел на столе бутылки и снова начал надевать галоши:

— Ах, вот оно что! Значит, закуска требуется. У меня реповый суп есть, сейчас пойду разогрею.

Мирабид глянул на потолок:

— Не беспокойтесь, вон теми аппетитными плодами и закусим.

— Нет, нет. Какое там беспокойство! Я мигом подогрею суп...

Хайдарали стал с интересом разглядывать комнату. На потолке ровными рядами были нарисованы гранаты, айва, гроздья винограда, груши. В нишах поменьше расставлена фарфоровая посуда, а в тех, что побольше, стойками уложены одеяла. Они, правда, прикрыты покрывалом, но край его будто нечаянно откинут, чтобы гостям было видно, что одеяла дорогие и красивые — из шёлка, плюша, бекасама. На иолу толстый кашгарский ковёр. В углу мешки с зерном...

Вошёл Максум-бобо с тремя касами на подносе.

— Репа вещь хорошая. Впитавшая осенним иней, она становится лекарством от тысячи самых различных болезней. Да и приготовлена эта репка на славу. Вот, горяченькая...

Хайдарали взял со стола бутылку, открыл её и налил водки в три пиалы.

— Мне не наливайте, я не пью, — запротестовал было Максум-бобо.

— Это с нами-то? С нами, значит, не хотите выпить? — сразу обиделся Мирабид.

— Ладно, коли обиды пошли. Только я уж лучше благородного винца вы-

пью. У меня где-то мусаллас есть, — сдался Максум-бобо.

— Вот как? Ну, да ладно, — махнул рукой Мирабид, и Хайдарали поспешно разлил водку в две пиалы, — А вообще-то ещё никто мне в этом деле не отказывал.

Максум-бобо промолчал. Быстро глянув в сторону передней, он достал из ниши внушительную посудину с мусалласом и налил себе в пиалу вина.

— Ну! — подмигнул Хайдарали, поднимая свою пиалу. — Дай бог, чтобы плов хозяйке удался на славу!

Максум-бобо выпил, вытер усы и заверил:

— Удастся, хозяйка не подведёт,

— Ты ещё не пробовал плова, приготовленного хозяйшкой, — обернулся Мирабид к Хайдарали. — Если я тебе скажу, что никогда в жизни не ел такого вкусного, можешь мне верить.

— Не хочешь ли ты сказать, что она даже лучше меня готовит, — несколько обиженно уставился на Мирабида Хайдарали...

— Слов нет, ты настоящий мастер, только в хозяйкином есть какой-то особый вкус,

Максум-бобо с нескрываемым удовольствием слушал, как Мирабид хвалил его жену, но всё же забеспокоился, как бы она именно сегодня не подвела его, и потому встал, чтобы выйти во двор и попросить жену как следует постараться.

— Ну, нет, вы сначала осушите свою пиалу, а потом идите, куда вам надо, — потянул Максума-бобо за полу Мирабид, а Хайдарали между тем до краёв наполнил пиалу.

— Хорошо, хорошо, — покорно опустил на корточки Максум-бобо. — Однако крепкое винцо... бай, бай, бай... Того и гляди опьянеешь...

— Ничего, не опьянеете, Максум-бобо, только получше закусывайте, — со знанием дела посоветовал Хайдарали.

— На этом свете всё возможно, брат мой. Грех будет, если это проклятое вино меня свалит... Мне ведь скоро на молитву идти.

— А молитву можете и дома прочитать, — поддержал друга Мирабид. — Берите. Отводить душу, так отводить. Посвятим этот день отдыху и удовольствиям...

— А что, может быть, так и сделать, а? Ну, ладно, пусть простит меня сегодня аллах...

Снова послышался мелодичный звон, выпили одну за другой по две пиалы.

— Да, вы правы оказались, репой очень хорошо водку закусывать. А мы и не знали, — шамкал Хайдарали с набитым ртом. — Вы с Мирабидом поговорите. Пусть он расскажет, из-за чего в своём магазине слёзы лил.

— Слёзы? Не будь, дорогой, неблагодарным, не гневи бога. Удача, кажется, тебе пока не изменяла, — сказал Мирабиду Максум-бобо.

— Да, пока тысячу раз слава аллаху! Только боюсь, как бы не пришлось мне в этом мире сожалеть о многом, так и оставшемся неосуществлённым, — вздохнул Мирабид.

— Спаси, господь, и помилуй! На что тебе ещё жаловаться? — изумлённо уставился на него Максум-бобо.

— Всё тот же старый недуг, — снова вмешался в разговор Хайдарали. — Вон недавно Рустам на машине в город уехал. А после работы Мухаббат зашла в

магазин. Купила конфет, печенья. Когда она вышла, Мирабид протягивает мне бутылку водки. «Открывай, — говорит, — выпьем». Вылили. Он осушил залпом два стакана подряд и ушёл куда-то в глубь магазина. Пошёл я следом за ним, а Мирабид сидит и плачет. Да, всё тот же старый недуг. Как только увидит её, так начинает с ума сходить. Вы что-то должны придумать, Максум-бобо, иначе и предположить трудно, что из всего этого может получиться.

— Помогите встретиться с ней — на два платя парчи дам, Максум-бобо, — заговорил, не поднимая головы, Мирабид.

— И один ковёр впридачу, — добавил Хайдарали.

Затем он, видимо, для того, чтобы оставить Мирабида и Максума-бобо наедине, встал и вышел из комнаты. Зашёл на кухню, достал из очага щипцами уголёк побольше и бросил на него несколько крупинок анаши. Загодя сделанной бумажной трубочкой стал вдыхать поднимавшийся с уголька дурманящий дым.

Жена Максума-бобо, ошеломлённая, растерянная, смущённая, прижалась в уголке, не зная, что делать.

Хайдарали, покурив анаши, бросил уголёк обратно в очаг, потянулся и оглядел женщину с головы до ног откровенно оценивающим взглядом.

— Что это вы так уставились? — рассердилась она.

— Эти румяные щёчки, эти необыкновенные глаза...

Хайдарали одним прыжком оказался рядом с женщиной и хотел было обнять её, но здесь ему ответили такую пощёчину, что возбуждение после выкуренной анаши в один миг улетучилось.

— А вы подлец, оказывается, — дрожащим от брезгливости и негодования голосом произнесла женщина.

Хайдарали, потирая лицо, чтобы, не дай бог, не осталось следов от довольно-таки увесистой пощёчины, снова вошёл в комнату. Здесь висела гнетущая тишина. И Максум-бобо и Мирабид сидели, безмолвно уставившись в землю.

— Ну и как, договорились? Твержу же я вам, он и ковёр даст в придачу. А может быть, вы наличными желаете?..

— Пять тысяч рублей даю, — вставил Мирабид.

— Так ты же женат! — укоризненно качнул головой Максум-бобо.

Мирабид, действительно, женился недавно на Гульчехре, дочери Тешабая-ата. Той закатил пышный, роскошный, шумный. Знай, мол, наших.

— Я её выгоню... Разведусь с ней.

— Вот как?

— Человек без любви, что колодец без воды. Ну так как?

— Я вам не сводник, — давая понять, что разговор на эту тему закончен, решительно встал с места Максум-бобо. — Оставьте себе и парчу, и ковры, и деньги ваши. Мне своего пока хватает.

— Знаем, — иронично заметил Хайдарали. — У вас и золотишко водится. Вы богач. Только думалось нам, что вы согласитесь сделать доброе дело.

— Я вам не сводник, — ещё раз повторил Максум-бобо, наливаясь гневом.

— Да, оскандалились мы, — прошептал Мирабид, нагнувшись к Хайдарали. — Я же говорил тебе, ничего путного из этой затеи не выйдет. А ты заладил: клюнет жадный старик, не устоит перед соблазном.

Увидев, что у мужа неожиданно испортилось настроение — он даже побледнел и осунулся — жена спросила с удивлением:

— Что с вами случилось? Вам нездоровится?

— Да вот, заставили выпить. Говорил им, не идёт мне, так нет же, не отста-
ли, пока не выпил, — ответил уклончиво Максум-бобо.

Жена принесла с террасы одеяло, постелила в уголке кухни.

— Идите, прилягте немного. Сейчас я уже плов буду заправлять.

Максум бобо лёг и с облегчением вытянулся на постели. Он что-то провор-
чал. Жена не обратила внимания, решив, что это спьяну, и продолжала во-
зиться у казана. Потом она налила в пиалу чаю и подошла к Максуму-бобо:

— Вот, выпейте горяченького, сразу полегчает...

Максум-бобо приподнялся на локте, выпил чай и снова лёг, но долго не
пролежав, проворно вскочил с места и напрямик направился в большую ком-
нату. Подошёл к нише и сунул руку под одно из парчовых одеял. Достал отту-
да внушительную пачку денег и поспешно сунул её в карман.

Проследив за тем, что делает Максум-бобо, Хайдарали рассмеялся:

— Гляди, Мирабид, мы прямо в сокровищницу попали и не знали этого.

— Не деньги нам нужны, Максум-бобо, а жизнь для души, — снова попы-
тался вернуться к прерванному разговору Хайдарали.

— Нет, ничего у вас не выйдет. На такое дело я не пойду. Есть бог, есть ка-
кие-то человеческие правила и законы, стыд и совесть наконец...

— Вы это племяннице своей расскажите. У неё-то, между прочим, этого са-
мого стыда как раз и не осталось, — медленно и отдельно проговорил Хайда-
рали, в упор глядя Максуму-бобо прямо в глаза. — Да, она своё удовольствие
получает, а на стыд ей наплевать.

— О чём это ты? — в волнении спросил Максум-бобо.

— Не прикидывайтесь простачком, — раздражённо проворчал Хайдарали и
наклонился к Максуму-бобо, уперев руки в колени. — Знаете, о чём. Знаете и
помалкиваете. Стыд и совесть, видишь ли...

Максум-бобо начал терять терпение:

— Так о чём же я всё-таки знаю? И перед кем и о чём молчу?

— О Мухаббат молчите. Об этом толстяке молчите. Знаем, как он слепому
помогает. Удовольствие своё справляет. Замечательный помощничек!..

— О каком это вы толстяке болтаете? Неужели о Фазыле?!

— Говорил же я, что вы всё знаете... То-то он, сын блудницы, жениться не
торопится. Видно, хорошо в помощничках ходить, — почти уже кричал Хайда-
рали, всё больше и больше раскаляясь.

— Да брось ты чепуху молоть... Никогда в такое не поверю! Он же Рустаму
друг... С тех пор, как он появился у нас в кишлаке, никто о нём слова дурного
не сказал!

— Вот, оказывается, вы какой. И видите, да глаза отводите, и слышите —
уши затыкаете. И у ладно, пусть они продолжают наслаждаться, не будем за-
вистниками, — заговорил молчавший на протяжении всей этой странной бе-
седы Мирабид.

— А видел это кто-нибудь? — не сдавался Максум-бобо.

— Я видел. Да, я. Однажды, обходя но своим делам поля, я вышел на берег
арыка, а они лежат под трактором. Правда, слышали шаги и тут же вскочи-
ли как ошпаренные. Мухаббатхон глаз от земли не поднимает, а Фазылу хоть
бы что. Стоит себе ухмыляется. Я подмигнул ему и пошёл своей дорогой. Мне-
то что...

У Максума-бобо будто всё оборвалось внутри. Он снял висевшую на гвозде чалму и проворно намотал её поверх тубетейки.

— Куда это вы, Максум-бобо?

— Надо сходить помолиться.

— А нам как же, ждать вас или но ждать?

— Это уж вы сами решайте...

Оба друга засобирались вслед за Максумом-бобо. Даже не дождались, когда поспеет плов.

НЕ СДАВАЙТЕСЬ, ТОВАРИЩИ!

Заведующий райсобесом очень тепло встретил Рустама. В помещении было многолюдно и шумно. Все стулья вдоль стен оказались занятыми. Шакирова усадили на единственный свободный стул у самой двери. Уже сидя, он начал здороваться с друзьями и знакомыми. Собравшиеся здесь, как и он, были незрячими. С ними Рустам встречался каждый раз, когда приезжал по делам в собес. У всех на лицах застыли какие-то неестественные, полувиноватые улыбки. Люди они в большинстве своём малоразговорчивые, невесёлые.

Рустам услышал незнакомый голос женщины, доносившийся оттуда, где сидел обычно заведующий. «Девушка, должно быть, лет двадцати», — решил он. А голос продолжал звенеть чисто и мелодично, как звонок. Она говорила, не умолкая, шутила и задорно смеялась на весь зал. «Здоровая, наверное, вот и радуется, — с лёгкой неприязнью подумал Рустам. — Конечно, здоровая.

Что ей?! всю красоту белого света каждый день видит, всеми цветами жизни наслаждается и сама живёт как цветок, беззаботно и весело. Всё вокруг принадлежит ей, она может пойти и поехать, куда только захочет. Не то что мы. Коротаем дни в одиночестве, готовые от тоски голову о стену размозжить. Она небось ни разу не наступала босой ногой на нож, не опрокидывала, потянувшись за ломтём арбуза, чайник с чаем при всём честном народе и не проклинала после этого несчастную свою судьбу. Да, она здорова и потому может весело и беззаботно хохотать. Смейся, сестрёнка, смейся, не каждому это дано!..»

Невесёлые эти мысли Рустама прервал заведующий:

— Дорогие товарищи! Мы пригласили вас вот почему. К нам приехал представитель Республиканского общества слепых — товарищ Долгова. Она расскажет о деятельности Общества и работе его лечебниц, предприятий и других учреждений. Пожалуйста, Зоя Кузьминична.

Долгова достала из портфеля бумаги, ещё что-то и выложила всё на стол.

— Товарищи, — начала она, — для начала я хотела бы записать ваши имена и фамилии.

Постукивая ручкой, будто курица зёрна клюёт, Зоя Кузьминична стала составлять список присутствующих, интересовалась их возрастом, местом работы и жительства. По подсчёту Рустама, она за короткий срок опросила таким образом тринадцать человек. Теперь у него не осталось и тени сомнения, что она абсолютно здорова и зряча.

Между тем Зоя Кузьминична спрятала готовый список в портфель и заговорила:

— Товарищи! Меня вы, конечно, не видите. Но и я такой же, как и вы, слепой, человек. Одним словом, люди мы одной судьбы. Однако я чувствую, все

вы сидите в подавленном настроении, терзаетесь душевными муками от сознания своей неполноценности, беспомощности. Такое ваше состояние объяснить, конечно, нетрудно, оно до некоторой степени естественно. А всё дело в том, что вы, во-первых, изолировали себя от коллектива, от общественно-полезного труда и мааетесь в одиночестве в четырёх стенах своих домов и квартир. А хуже чем такое одиночество, в мире ничего не бывает. Даже получаемое от государства пособие вам не в радость. Вам кажется, что вместе с увечьем вы навсегда утратили интерес к жизни. А вот я, я чувствую себя по-настоящему счастливой. Потому что я всегда на людях, в коллективе. Потому что я тружусь и наслаждаюсь этим трудом. И вы можете стать такими же, и вам доступно счастье полноценной жизни. В этом отношении наше Общество слепых может многое для вас сделать: дать работу, помочь приобрести специальность. Кроме того, специально для слепых есть азбука системы Брайля. Освоить её не так уж и трудно. А это откроет перед вами двери того высшего учебного заведения, которое вы пожелаете избрать. Даже задачи по высшей математике можно решать с помощью созданного для незрячих прибора. Чтобы далеко не ходить за примерами, расскажу хотя бы о себе.

Я училась на Украине, на первом курсе сельскохозяйственного института. Когда началась война, было принято решение эвакуировать институт в глубь страны. Но на станции вражеские самолёты разбомбили наш эшелон. Свист и грохот, крики и плач, вой и скрежет... Когда я пришла в себя, вокруг было темно. После госпиталя совсем растерялась. Попыталась разыскать родных: папу, маму, братишек. Куда только не летели написанные по моей просьбе письма! Но ответы или вовсе не приходили, или приходили неутешительные: «Ничего неизвестно. Принимаем меры к розыску...» Что делать? Куда деть себя? А в госпитале, оказывается, лежал вместе со мной один парень из Ташкента. После тяжёлого ранения ему ампутировали ногу. Как он узнал обо мне, о моём состоянии, ума не приложу! Но только слышу как-то: костыль поскрипывает. И всё ближе, ближе. У скамейки в госпитальном дворе, где я просиживала дни напролёт в горестном отчаянии, скрип затих. «Вас как зовут?» — слышу участливый голос. «Зоя», — отвечаю. «А меня Самад. Самад Ташматов». Разговорились. В его голосе было столько тепла и участия, что я сразу прониклась к нему доверием, будто родной брат со мною разговаривает. Рассказала обо всём, что случилось со мной, и от слёз, конечно, не удержалась. Самад успокаивает: «Надо держаться, Зоя! Нельзя сдаваться. Жизнь не любит слабых». И неожиданно предложил: «Поедем со мной! Про Ташкент слышала? Ташкент — город хлебный, а?.. Но дело, сестрёнка, не только в хлебе. Народ там добрый, отзывчивый. А это уже хлеб подороже, потому что он для души. Оттуда и семью твою разыскивать будем...» Так я оказалась в Узбекистане. Самад предложил жить у них, я мама его — отец тоже был на фронте — так искренне, душевно уговаривала... Но я отказалась. Не хотелось в такое тяжёлое время людям лишней обузой быть. Самад сначала обиделся, даже рассердился, но потом, кажется, понял меня. «Значит, хочешь сама по жизни шагать? Ну, что ж, сестрёнка, выходит, я в тебе с самого начала не ошибся. А помочь я должен до конца...» И с тем ушёл куда-то. Вернулся к полудню и заявил: «Собирайся!..» — «Куда?» — спрашиваю. «Там узнаешь...» Самад привёл меня в правление Общества слепых. Встретили меня там с распростёртыми объятиями. Помогли окончательно прийти в себя, встать на ноги. Прежде всего я начала работать.

По системе Брайля научилась читать и писать. Потом поступила в Среднеазиатский государственный университет. Окончив в этом году САГУ, я снова вернулась па своё, ставшее мне родным, предприятие. И пот теперь я специалист с высшим образованием. Между прочим, Самад тоже окончил институт. Работает инженером на Ташсельмаше. Мы часто с ним встречаемся. Я бываю у них дома. Будто вторую семью нашла. Своих-то я так и не разыскала... Вот так и шагаю по жизни. А ведь после того, как ослепла, не раз приходила в голову мысль: «Ну, теперь всему конец! Как знойный суховец иссушает цветущие деревья, нежные молодые побеги, так, думалось мне, злой судьбой выжжены в душе лучшие мои и самые светлые мечты и чаяния, моя вера в счастливую жизнь и стремление к прекрасным целям. Теперь ты будешь в жизни как бесполезный камень, Зоя». Дорогие товарищи, кто хочет так же, как и я, испытать подлинное счастье созидательного труда, кто хочет снова почувствовать себя полноценным человеком, кто хочет жить по-человечески интересно и содержательно, пусть, не раздумывая, обращается в областное правление Общества слепых. Не поддавайтесь пораженческому настроению, не сдавайтесь, товарищи!..

Когда Зоя Кузьминична кончила говорить, все вдруг почувствовали себя ожившими, будто очнувшись от долгого и кошмарного сна. Каждый вдруг о чём-то оживлённо заговорил с соседом. Сидевший рядом с Рустамом Шакировым парень встал и заговорил, обращаясь ко всем.

— Зоя Кузьминична рассказала нам всю правду о себе. Но это и обо всех нас правда. Всё так и есть. В самом доле, каждый, в чьей душе осталась хоть искорка человеческой гордости и человеческого достоинства, не может не согласиться с её словами. Возьмём хотя бы меня. Научившись за год по системе Брайля читать и писать, я поступил в музыкальную школу. Через два года закончу её. И в любой школе, в которой пожелаю, смогу преподавать музыку. На вопрос: «Кто ты в жизни?» — я смогу с гордостью ответить: «Я работаю учителем. Я учу детей прекрасному!» Да и в материальном отношении жизнь моя, конечно, заметно улучшится. Это же всё равно, что после удушья вынужденной бездеятельности вздохнуть полной грудью, расправив, в труде и творчестве крылья! Вот рядом со мной сидит Рустам Шакиров. Раньше он был учителем. И сейчас, стоит ему только по-настоящему захотеть, и он сможет снова с радостью и, я думаю, с чувством огромного удовлетворения вернуться к прежней своей любимой профессии. Таким же образом, без всякого сомнения, и все присутствующие здесь товарищи сумеют найти своё место в большой жизни.

Поднялся и Рустам.

— А нет ли возможности, — поинтересовался он, — организовать учёбу по этой системе на местах? Для меня лично трудновато посещать городские организации Общества. Живу я далеко, сам ходить по улицам, а тем более ездить куда-нибудь, не могу.

— Ничего, мы вас сами отвезём. А при Обществе есть общежитие, временно можно пожить и там. Ведь в Обществе нашем учат не только грамоте, дают профессию, но и обучают навыкам и правилам самостоятельного хождения по улицам. Постепенно вы всё это усвоите, и тогда улица не будет страшить вас, вы сможете свободно по ней передвигаться.

— Всё это, конечно, очень хорошо. Только...

— Что «только», товарищ Шакиров? — спросила Зоя Кузьминична.

— Семья у меня...

— Ах, вот оно что! А я — то думаю, красивый, стройный парень, уже и о знакомстве начала помышлять. Вот здесь-то дела мои швах!

Сидевшие дружно расхохотались.

— Так вы же и сами не видите... Откуда вы взяли, что он стройный да красивый? — с трудом сдерживая смех, проговорил заведующий собесом.

— Вы не думайте, что мы совсем ничего не видим. Если уж и не видят, то только глаза. Зато мы сердцем, душой умеем видеть. Наша способность видеть перешла в пальцы и сердца. — Зоя Кузьминична, повернувшись к Рустаму, продолжала: — В этом нет ничего страшного, что вы далеко живёте. Найдём выход и из этого положения, том более, что безвыходных положений не бывает. У меня есть ваш адрес. Для начала направим к вам учителя, будете учиться дома.

— Спасибо, Зоя Кузьминична! — растроганно сказал Рустам.

Собрание кончилось. Парень, что учился в музыкальной школе, взял было Шакирова под руку и направился с ним к выходу, но тут послышался голос Зои Кузьминичны:

— Товарищ Шакиров, подойдите ко мне поближе.

Рустам направился туда, откуда ему послышался голос, и остановился.

— Вы, оказывается, живёте в колхозе «Коммунизм»? — спросила Зоя Кузьминична.

— Да. А что? — поинтересовался Рустам.

— Там есть наше подсобное хозяйство.

— Тогда поедемте вместе со мной.

— Нет, как-нибудь потом я сама подъеду.

— Ну что ж, воля ваша...

Попрощавшись со всеми, Рустам вышел на улицу. Его там уже ждал Эрбута.

Происшедшее на полевом стане всё ещё продолжало терзать душу. Пока добирались до собеса, Эрбута из сил выбился, чтобы хоть как-то рассеять мрачное настроение Рустама, рассказал ему всё, какие знал, анекдоты и присказки. Только безрезультатно — сам рассказывал, сам и смеялся. Рустам даже не улыбнулся.

На обратном пути Эрбута снова было принялся развлекать друга. Но и на этот раз у него ничего не выходило. И тут он на что-то решился. Эрбута остановил машину у столовой, где когда-то обедали Мухаббат и Мирабид.

— А ну, дружище, слезайте, — весело пригласил он. — Надо о желудках своих побеспокоиться. Даже руль держать нет больше мочи. И утром «заправка» получилась неважнецкая...

И он повёл Рустама в столовую.

На самом деле Эрбута несколько не был голоден. В чайхане, что возле хлопункта, он совсем недавно съел четыре свежих, ещё горячих самсы с большими кусочками курдючного сала внутри и запил их двумя чайниками чаю. Но он шёл с Рустамом в столовую, надеясь растормошить его по-другому. На минуту оставив Рустама одного, Эрбута вернулся к столу с лагманом и стаканом водки.

— Вот, я лагману принёс. И выпить немножко. Всего несколько глотков. Давай, как говорят, по маленькой за дружбу.

— Тебе же нельзя, ты за рулём... Не натворим ли мы дел?

— Ну, если мне нельзя, то вам-то можно. Выпьете вы, это всё равно, что и я выпил. А ну, подняли!

Рустам, поколебавшись, одним духом опустошил стакан, со стуком поставил его на стол и принялся за лагман. Тут ему вспомнилось, как Зоя Кузьминична сказала: «Красивый вы, оказывается, парень...», — и невольно улыбнулся. «Ну вот, отошёл наконец, повеселел», — облегчённо вздохнул Эрбута.

— Молодец, Рустам-ака! Я уже истомился в ожидании, когда вы хотя бы улыбнётесь. Чёрт побери, даже женихом, сидя за свадебным пологом, я не испытывал таких мук.

Теперь уже Рустам засмеялся. Ему вспомнился приключившийся с Эрбутой за свадебным пологом случай.

Перед тем, как жениху удалиться за этот самый полог, его остановили друзья. «Ты должен, — предупредили они, — до тонкостей соблюдать все требования обряда. В первую очередь постарайся наступить своей будущей жене на ногу. Если же она опередит тебя в этом, несдобровать тебе, женишок. Ты видел, наверное, мужей, над которыми жёны взяли верх? Вот эти-то жёны и ухитрились за свадебным пологом первыми наступить на ногу женихам. Понял?» Однако, как Эрбута ни старался, соблюсти обряд ему никак не удалось. Проворная невеста сама, уловив подходящий момент, больно наступила жениху на ногу. Окончательно выведенный из себя коварством невесты, Эрбута что есть силы ущипнул её за бок. «Вай! — пронзительно взвизгнула невеста. — Мой бок!» После этого, надувшись, друг на друга, они до самого утра сердито промолчали, отвернувшись один от другого, Эрбута потому, что невеста перехитрила его и первой наступила ему на ногу, а невеста оттого, что жених так больно ущипнул её за бок.

В столовой Рустам заметно повеселел: то ли от анекдотов Эрбуты, то ли от воспоминаний о его злоключениях за свадебным пологом, то ли от выпитого стакана водки. Одним словом, он почувствовал себя легко и свободно.

КЛЕВЕТА

Зашло солнце. Стало быстро темнеть.

Мухаббат возвращалась с поля вместе с девушками из своей бригады. Её Адхамджон на руках у Каромат. Каромат раньше всех сдала собранный хлопок и уже успела сбегать за ребёнком в ясли, завернула его в одеяльце и принесла сюда. И вот, не отдавая сынишку Мухаббат, несёт Адхамджона сама.

— Ну, отдай же наконец, — просительно обращается к подруге Мухаббат и протягивает руки.

— Что это в тебе так ревность разыгралась? — подзадоривает её Каромат. — Думаешь, тебе одной бог такое счастье дал, а меня обойдёт?

И она со смехом убегает в сторону.

Жизнерадостная энергия эта передавалась всей бригаде. И как-то забывалась, рассеивалась чугунная тяжесть дневной усталости.

А Каромат проделывала это чуть ли не каждый день. Очень уж любила она Адхамджона. Подобно самой Мухаббат, просто изводится, когда нот с ней мальчонки. Стоит Мухаббат направиться в садик, чтобы покормить грудью сына, с нею обязательно идёт и Каромат. Когда Адхамджон насытится, она тут же берёт ребёнка на руки и долго играет с ним, то и дело целуя в нос, в глаза, в уши. До того зацелует, что Адхамджон зайдётся в плаче. Лишь тогда, да и то неохотно, она возвращает сынишку матери. Однажды, когда доведя таким образом ребёнка до слёз, она протянула его Мухаббат, у той нечаянно вырвалось:

— Шутки у тебя какие-то глупые!

— Как только у вас ребёнок появился, так сразу и шутки наши глупыми стали, — обиделась Каромат и, не подняв глаз на подругу, ушла.

Несколько дней после этого не разговаривали. Но в отсутствие Мухаббат Каромат продолжала тайком бегать в садик, чтобы глянуть на Адхамджона, приласкать его. Мухаббат понимала, что незаслуженно обидела подругу, и шла на всяческие хитрости и уловки, чтобы загладить свою вину. И своего добились. Каромат снова не спускала с рук Адхамджона и, конечно, снова доводила его до слёз своими безудержными ласками.

... Дойдя до перекрёстка, Каромат поцеловала мальчонку в щёчку. Потом ущипнула его за кончик носа, снова поцеловала, снова ущипнула. И так, пока ребёнок не расплакался.

— Да что же это ты так мучаешь мальчишку?! — а на этот раз не выдержала Мухаббат.

— Ты пожелала, и райхоп расцвёл в твоём саду, но никому другому красотой его не насладиться, — неожиданно стихами заговорила Каромат. — Хоть стори я от любви, а всё-таки он не мой. Чуть помучаешь его любя, тут же упрёки на тебя градом сыплются. Был бы мой, я бы уж всласть наслушалась, как он плачет.

Каромат передала мальчишку Мухаббат и бросилась догонять ушедших вперёд подруг.

Адхамджон плакал недолго. Оказавшись на руках у матери, он всхлипнул ещё несколько раз и успокоился.

Едва придя домой, Мухаббат почувствовала, что у Рустама плохое настроение. Сразу расспрашивать мужа о причинах она не решилась. Молча поужи-

нали, попили чаю. Тётушка Хаджия ушла к себе в комнату. Мухаббат убрала со стола, уложила сынишку спать и только тогда присела рядом с мужем. Начала издалека:

— Ну, что там говорили в собесе?

— Да ничего... Всё нормально, — нехотя ответил Рустам...

Мухаббат встала, подошла к печке и сияла с неё човгун — металлический кувшин, в котором кипятят воду для чая. Разгребла в печке золу, подбросила туда несколько кусков угля, и снова поставила кувшин на место. Вернувшись к мужу, спросила напрямик:

— Чем вы расстроены? Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Говорить не стоит...

Рустаму не хотелось рассказывать о несуразной болтовне Максума-бобо. Какая нужда и жене причинять душевную боль? И так она смертельно устаёт каждый день. Вместо того, чтобы дать ей отдохнуть, он ещё станет травить ей сердце собственной болью!

Однако Мухаббат была настойчива:

— Нет, не говорите, я же чувствую, что случилось что-то. Иначе вы не были бы в таком подавленном настроении!

— Странные ты вещи говоришь, Мухаббат! Когда это я смеялся и резвился, словно младенец беспечный? В моём положении...

— В таком случае, Рустам-ака, вы и меня за ребёнка не считайте. Кому же вы ещё расскажете о горестях своих, если не мне?

— Хотел его палкой стукнуть как следует, да побоялся, как бы сослепу в кого другого не угодить, — пересилив себя, заговорил Рустам.

— Кого?

Рустам взволнованно и сбивчиво рассказал о случившемся на полевом стане, о цинизме Максума-бобо, предложившего ему «переквалифицироваться» в имама или суфия. Даже великодушно брался обучить его «своей науке». При этих словах у Рустама слёзы подступили к горлу. Закусив до боли губу, он бессиленно положил голову па плечо Мухаббат.

Рассказ этот о жестокой беззастенчивости Максума-бобо привёл Мухаббат в ярость. Разве он забыл, как Рустам, в бытность свою учителем, читал антирелигиозные лекции, проводил разъяснительные беседы о происхождении ислама, о вреде уразы для здоровья людей и другие? И он надеялся, что теперь Рустам, вопреки своим убеждениям, согласится коротать дни в позорной роли слуги божьего?!

— Он на нас злобу затаил, — сказала Мухаббат. — А вы не очень расстраивайтесь. Я ему сама преподам правила приличия, если он забыл их.

* * *

Максум-бобо прибежал с полевого стана домой ещё мрачнее обычного. Его душила злоба, лихорадило: в жар бросало, то бил озноб.

— Ну, погоди, учительишка безглазый, — в ярости шипел он. — Я тебе покажу, как палкой замахиваться!..

— Что с вами? — встревоженно спросила жена.

— Да пошла ты!.. — грязно выругался Максум-бобо, но тут же прикусил язык.

Не пристало ему перед молитвой осквернять рот бранным словом. Вон и коран лежит, святая книга... А он... Тьфу!..

— Прости, аллах! — прошептал Максум-бобо и стал думать, как бы побольнее отомстить Рустаму.

И вдруг радостно подскочил. Ведь Мирабид с Хайдарали, сами того не подозревая, дали ему в руки кончик нити, которая приведёт его к вожделенной цели.

Максум-бобо еле дождался рассвета. Свершив первое, утреннее моление не в мечети, как всегда, а дома, он заторопился на улицу и чуть ли не побежал от ворот.

Мухаббат в этот день проснулась даже раньше обычного. Она успела сама вскипятить воду для чая, заварила два чайника, и вот они вместе с Рустамом и матерью сели завтракать. Потом она подхватила ещё сонного Адхамджона на руки и заторопилась с ним в ясли. На углу улицы она встретила Максума-бобо. Вежливо поздоровалась с ним, хотя гнев и обида душили её. Но всё же не выдержала.

— Дорогой дядюшка, — заговорила Мухаббат дрожащим голосом, — духом умершего отца моего заклинаю вас, не вмешивайтесь в нашу жизнь! Я искренне считаю себя счастливой и никогда не пожалею, что вышла за Рустама замуж. Я знаю: вам этот брак никогда не был по душе. Не любите вы и Рустама. Но поймите — он мой муж, мы навеки связали свои судьбы. Легко ли нам, трудно ли, это наше дело. Не обращаемся же мы к вам за помощью! Оставьте же, наконец, нас в покое...

— В чём же это я провинился? В том, что подсказал твоему ненаглядному, как надо жить по-человечески? — зло закричал Максум-бобо. — До каких пор ты будешь ишачить на своего мужа? Если он мужчина, так пусть и берёт на себя мужские заботы о семье, о её благополучии!

— И для этого он имамом должен стать? Суфием? Или кем ещё там, не знаю... Нет, ваш зять не из тех людей, за кого вы принимаете его! Он лучше с голоду околет, чем согласится спекулировать на божьей благодать, лицемерно прикрываться именем пророка, в которых не верил и не верит! Вы бьёте в самое незащищённое и больное место. Но учтите, поношения и оскорбления моего мужа — это поношения и оскорбления меня! Если вы, прикидываясь другом, собираетесь вершить свои чёрные вражьи дела, я не посмотрю на то, что вы мой дядя. В последний раз говорю по-хорошему: в жизнь пашу носа не суйте, — твёрдо произнесла Мухаббат и хотела было повернуться и уйти, но Максум-бобо остановил её:

— Не торопись, разговор ость!

Мухаббат обернулась.

— Что ещё за разговор?

— Да разговоров-то вообще много... Послушай меня, бесстыжая! Этот толстошей, до каких пор он будет пропадать у вас?

Мухаббат невольно вздрогнула от этого вопроса, почуяв в словах дяди недобрый смысл.

— О каком это толстошеем вы говорите, дядя?

— Ты дуручкой не прикидывайся. Я о трактористе говорю. Что он потерял у вас?

— Он — друг Рустама.

— Друг!.. Знаем мы этих друзей!

— Нельзя ли попонятнее говорить?

— А понятнее вот что: пусть в вашем доме и ноги его больше не будет! Если не хочешь оказаться запятнанной, обесчещенной, никогда больше не пускай его к себе в дом.

— Это почему же? Вы что-нибудь дурное слышали?

— Да, слышал! Удивляюсь, что ты не слышала. Весь колхоз только о вас и говорит!..

— О ком о нас? И что говорит? — изумлённо спросила Мухаббат.

— Что ещё могут говорить... Слышал я, что вы у трактора свидания устраиваете. Ну, коли о тебе вести речь, то пёс с тобой. Но какое ты имеешь право, бесстыжая, порочить моё доброе имя?!

— Вы что это, дядя, серьёзно?.. — Мухаббат вздрогнула, словно от удара, всё тело её начало биться мелкой дрожью, краска жгучего стыда залила лицо, огнём запылали уши. Чтобы не выронить сынишку, она посильнее прижала его к груди и безвольно опустилась на землю, прислонилась к забору.

— А ну-ка, присаживайтесь, дядюшка, и выкладывайте. Кто это такие слухи распространяет?

Невольно подчинившись требовательному голосу племянницы, Максум-бобо послушно опустился на корточки. Мухаббат была смертельно бледна и вся дрожала. Но вот ей удалось немного унять волнение, и она заговорила:

— Если вы мне действительно дядя, вы должны, обязаны защитить от подлой клеветы моё доброе имя. Не знаю, сможете вы или нет по-мужски наказать клеветника, но я, учтите, этого дела так не оставлю!

— Ты ещё молода, тебе повеселиться, порезвиться хочется, — пропустив мимо ушей слова племянницы, заговорил Максум-бобо. — Знаю, тяжело тебе служить посохом увечному мужу, коротать цветущую жизнь на работе да в четырёх стенах дома. Да, недаром говорят, отряхивай подол, пока честь не запятнана... Вон Мирабид сохнет по тебе ещё с поры твоего девичества! Пока у тебя один ребёнок, плюнь ты на всё и выходи за него...

— Тьфу! — не выдержала Мухаббат и, как ужаленная, вскочила с места, глянула в упор сверху на Максума-бобо. — Я колхозников соберу! Если вы на этом собрании не докажете, что я развратница, я сама палкой Рустама расшибу вам голову...

Больше Мухаббат выдержать не могла. Она резко отвернулась от Максума-бобо и побежала, вся в слезах, прижимая к себе Адхамджона.

На работу в этот день Мухаббат не пошла, вернулась домой.

Тётушка Хаджия только было подмела двор и направилась в дом. Увидев Мухаббат, она решила, что невестка что-нибудь забыла, уходя на работу. Но увидев, что Мухаббат плачет, она кое-как попала ногой в галошу, другую схватила в руку и бросилась на веранду.

— Горе моё! — встревоженно вскрикнула она. — Что с тобой? Почему ты плачешь?

Готовая и сама вот-вот заплакать, она бережно взяла Мухаббат под руку и проводила её к стоявшему на веранде просторному помосту.

Прильнув к свекрови, Мухаббат безудержно разрыдалась. На встревоженные вопросы тётушки Хаджии она только и могла выговорить: «Дядя... мой дядя...»

Тётушка Хаджия из этих невнятных восклицаний сделала заключение, что с Максумом-бобо произошло что-то серьёзное.

— Что случилось с Максумом? — встревоженно спросила она. — Умер, что ли?

— Нет, — сумела наконец спокойно заговорить Мухаббат. — Его смерть меня бы не так расстроила.

— Вот оно что! А чем же тогда расстроил тебя этот негодник?

— У меня язык не поворачивается сказать... Он говорит, что я изменяю мужу с Фазылом. Брось, говорит, слепого мужа и выходи замуж за Мирабида, — всхлипывая, рассказывала Мухаббат.

— Бессовестный, перекупщик проклятый! Пусть свою франтиху крутобёдную отдаст этому Мирабиду. Пусть не считает, что все такие же бабы, как он сам, сдохнуть бы этому негоднику... — Свекровь, видать, вспомнила давние разговоры, которые шли в кишлаке о Максуме-бобо, когда тот ещё учился в медресе.

Слушая эти проклятия, Мухаббат, несмотря на своё состояние, едва удержалась, чтобы не рассмеяться. Плакать она постепенно перестала. Да и сама тётушка Хаджия, видно, устала от своего сердитого ворчания. Она проговорила, забирая у невестки внука:

— Ты весь этот разговор, ни слова не утаивая, мужу своему перескажи. А мальчонку я сама в ясли отнесу... Не дай мне бог встретить этого старого грешника, я всю поганую бороду ему выдеру!..

Рустам молча выслушал взволнованный рассказ жены. Душу полоснула режущая боль обиды и отчаяния. Больше они не проронили ни слова. Лишь изредка слышались подавленные, полные страдания и тоски, вздохи Рустама.

— Доченька, ненаглядная моя. Не принимай ты всё так близко к сердцу. Знаешь же своего дядю, он же со свихнутыми мозгами человек, — заговорила, пытаясь как — то успокоить, утешить Мухаббат, вернувшись из яслей тётушка Хаджия. — Он не может простить тебе, что ты тогда ослушалась его и вышла замуж за Рустама! Родственные, видишь ли, чувства разыграли!..

Она умолкла, задумавшись.

— А может быть, сам Фазыл случайно что-нибудь неуместное сболтнул неосторожно?

— Нет, мама, не может быть этого.

— А если так, то и считай, что сказанное за глаза — навоз в хлеву. И не обращай ты на всякие глупые сплетни внимания. Единственная у меня сейчас забота — как бы эти недобрые разговоры до Фазыла не дошли.

Слова матери заставили наконец заговорить и Рустама.

— Мама, Фазыл, мне кажется, давно уже знает всё. Думаете, если дядя Максум решил с Мухаббат заговорить об этом, то перед Фазылом молчать будет?

— Ты прав, сынок. Он ведь ни стыда ни совести не ведаёт. Надо как-то обезвредить эту сплетню.

— Но как? — вздохнул Рустам.

— Сейчас же идите с Мухаббат и найдите Фазыла. Объясните ему всё. Пусть не вздумает обижаться.

Рустам тут же начал одеваться.

— Мама, — вдруг снова в тревоге заговорил он, — а если Максум-бобо будет продолжать распространять эту сплетню? И надо же придумать такое, да ещё на свою родную племянницу!

— По-моему, поклёп этот не сам Максум выдумал. Кто-то научил его, под-

бил на эту недостойную выходку.

Мне кажется, это их работа, смутьянов этих, Мирабида и Хайдарали. Вот попомните моё слово.

Рустам и Мухаббат пошли на старое клеверное поле, где в последнее время работал Фазыл, но там его не нашли. Трактор стоял посреди поля, а самого Фазыла не было.

Где же он?

Как и предполагала тётушка Хаджия, Максум-бобо после разговора с Мухаббат сразу отправился в дальнюю колхозную бригаду разыскивать Фазыла Юнусова. Едва унидев парня, он набросился на него:

— Ты что, приبلудный, развращать мою племянницу в кишлак приехал? Женись, коли жеребьячья натура твоя не терпит!

Фазыл опешил от неожиданности. Его начало трясти от стыда и ярости. Он еле удерживался от того, чтобы не броситься со своими пудовыми кулаками на этого нетощего чёрт знает какую чепуху старика. Но вдруг оставил посреди поля изумлённого Максума-бобо и богом, забыв даже о протезе, причинявшем нестерпимую боль, помчался в кишлак.

Дома Фазыл собрал весь свой скромный скарб. Два мешка стояли набитыми и завязанными, рядом с ними — несколько узлов. Фазыл сел за непокрытый стол и принялся писать письмо Рустаму. Он был настолько взволнован, что даже не заметил, как вошла и присела рядышком Света.

— Вы что, на другую квартиру переезжаете? — спросила она удивлённо.

Фазыл вздрогнул от неожиданности, забормотал растерянно:

— Заходите, Сапурахон, добро пожаловать! Пришли вы как раз кстати. Заберёте с собой вот этот чайник, пиалушки, касы. Всё равно я в дороге побью их...

— Как это побьёте?.. В какой дороге? И куда вы вообще собрались.

— В Паркент, в свой кишлак возвращаюсь. Передайте, пожалуйста, вот это письмо Рустаму.

— Значит, бежим, свою шкуру спасаем! А другие пусть сами расхлёбывают эту грязную клевету? Вам да них и дела нет, выходит? — с нескрываемым возмущением заговорила Света.

— И до вас дошли эти разговоры?! — воскликнул изумлённый Фазыл.

— Дошли! Дошли! Все уже слышали эту грязную сплетню: а я, и тётушка Хаджия, и Рустам-ака... Все, все!

— И Рустам?

— Да, Максум-бобо сперна Мухаббат отчитал, а та в слезах побежала домой и обо всём рассказала Рустаму.

— А где сейчас Рустам?

— Дома. Они с Мухаббат пытались разыскать вас и... Ну вот он и послал меня, чтобы я разыскала вас и обязательно привела к нему.

— Нет, Сапурахон, не пойду я. Как я в лицо ему после всего этого смотреть стану? А в письме обо всём подробно написано. Очень прошу вас, передайте ему это письмо.

— А я, признаться, и не знала, что вы такой трус. Удивляюсь, как это вы с такой заячьей душой воевать умудрялись. Вместо того, чтобы как следует наказать, перед всем народом разоблачить клеветника, вы своим позорным бегством хотите подтвердить поклёп?

— Нет уж, клевета клеветой и останется. Рано или поздно люди и без меня узнают правду.

— Вот и Рустам-ака так же говорит. Только он и не предполагает, что это должно произойти без вас.

— Неужели? — обрадованно и в то же время озадаченно вскрикнул Фазыл.

— Конечно!..

— Тогда пойдёмте!

Фазыл, даже не закрыв наружную дверь на замок, заспешил к дому тётушки Хаджии.

Отправив Свету разыскать и привести к нему Фазыла, Рустам погрузился в горестные размышления. «И почему это нет никаких вестей от Кати? Будь она здесь, разве повернулся бы у кого язык сказать такое про Фазыла?!. Этот нечестивец Максум-бобо так зло и несправедливо причинил душевную боль столь честному и чистому человеку, как Фазыл...»

Раздались чьи-то шаги.

— Мухаббат, это ты? — спросил он, повернувшись к двери.

— Нет, сынок, ещё рано. Я зашла спросить, что приготовить на обед, — отозвалась тётушка Хаджия.

— Я вот о чём думаю, мама. Трудно будет всё это перенести Фазылу.

— О чём ты говоришь, сынок! Конечно, и Фазыл-джану, и Мухаббатхон, голубке нашей, нелегко придётся. Чтоб у тебя кровь пошла ртом твоим поганым, проклятый Максум!.. Всех, провалиться бы тебе, очернил, всем душевные раны нанёс... А рот и они идут! — встрепенулась тётушка Хаджия, увидев появившихся во дворе Свету с Фазылом. — Так и не сказал ты мне, что на обед приготовить.

— Фазыл пришёл? — обрадовался Рустам.

— Да, он.

— Ну если так, то приготовьте нам плов...

На этих словах Рустам осёкся и добавил как-то виновато:

— Если, конечно, у нас хоть немного рису есть...

— Найду, сынок, найду, как для такого случая не найти.

Фазыл шагнул через порог, нагнув голову. Тётушка Хаджия успокоительно и подбадривающе погладила его по плечу.

— Заходи, сынок, ждёт он тебя, не дожждётся. И не особенно переживай.

— Я уж и так чуть грех на душу не взял. Вижу, совсем совесть потерял человек — врежу, думаю, по лбу заводной ручкой и пикнуть не успеет, как богу своему душу поганую отдаст...

— Нет, нет, сынок, не позволяй себе такого, не дай себя нечистому попутать.

Фазыл порывисто бросился к Рустаму, крепко обнял его. Рустам тоже успокаивающе похлопал друга по плечу, как бы говоря: «Не переживай, не рви себе душу. Кто может поверить этим бредням!»

— Эх, дружище, ты вот успокаиваешь, подбадриваешь меня, — сдавленным голосом заговорил Фазыл. — А как я теперь Мухаббат в лицо глядеть буду?

— Ничего, — ответил Рустам. — Я ей верю точно так же, как и тебе.

В комнате появились тётушка Хаджия со Светой.

— Послушай, сынок, что Света говорит! — взволнованно заговорила тётушка Хаджия.

— Что? — насторожился Рустам.

— Фазыл-ака собрал и увязая все свои вещи, — начала Света. — Решил в свой кишлак возвращаться. Вот, даже письмо вам написал...

Света шагнула к Рустаму и вложила ему в руки письмо.

— Это правда. Я действительно собрался уехать, — признался Фазыл. — Не теперь, конечно, никуда я отсюда не уеду!

— И не вздумай! Что тогда люди скажут? «Значит, не сплетни всё это, а сущая правда, если Фазыл убежал!» Нам тогда и глаз от земли было бы не поднять. Со стыда сгорели бы.

— Никуда он не уедет, — твёрдо сказал Рустам. — А ну-ка, готовьте живее на стол!

— Сейчас, сынок, всё уже готово, — обрадованно отозвалась тётушка Хаджия. Потом, повернувшись к Свете: — Пойдём, Сапурахон, помоги мне.

— Недаром говорят: сохрани тебя господь от несправедливого навета, как от неизбежной болезни, — проговорил Фазыл и сел.

— Да-а, — протянул, соглашаясь с другом, Рустам.

... Мухаббат не могла успокоиться до самого вечера.

Выщипывая из каждой очередной коробочки дольки хлопка, она думала: «Одарил бы ты всех на свете этой своей нежной, непорочной белизной», — и надолго замирала, уставившись на пушистый, белоснежный комочек. Налюбовавшись горсткой шелковисто мягкого хлопка, нехотя бросала его в фартук. Всё тело ломило, будто побитое. И не от усталости, конечно. А на душе такая боль, что Мухаббат до крови закусывает губу, чтобы не закричать на всё поле. В конце концов она не выдерживает. Забросив на край карты фартук, быстрым шагом идёт, почти бежит в ту сторону, где работает Максум-бобо.

Догадавшись о намерениях подруги, наперерез ей бросилась Каромат:

— Послушай меня, сумасшедшая женщина! Прежде чем делать что-нибудь, нормальные люди трижды подумают. Ты что, хочешь пойти и подраться со своим дядей? И что ты этим добьёшься? Дашь людям повод называть себя хулиганкой, ветреной и я ещё не знаю какой?..

— А что же мне остаётся делать, подруженька? — уронив голову на плечо Каромат, всхлипнула Мухаббат.

— Напиши заявление Халмурадову. Пусть разберётся, где чёрное, а где белое, — рассудительно посоветовала Каромат. — Давай вместе к нему ходим.

Секретарь парткома сидел в кабинете один. Склонившись к столу, он что-то писал. Увидев входящих Каромат и Мухаббат, Халмурадов отодвинул полуписанный листок бумаги.

— Заходите, пожалуйста. Ну, как у вас дела?

— Вот по делам-то мы к вам и пришли, — грустно отвечала Мухаббат.

— Что это глаза у тебя красные? Плакала?

— Нет... — едва смогла ответить Мухаббат и тут же безудержно разрыдалась.

Халмурадов в недоумении соскочил с места и подбежал к Мухаббат.

— Что, наконец, случилось?

Горе, которое обрушилось на Мухаббат, перехватило ей горло. Она не могла говорить. Даже дышать стало трудно. Язык одеревенел, не подчиняясь. Поняв, что в таком состоянии Мухаббат даже слова не вымолвить, Каромат сама подробно, обстоятельно рассказала обо всём парторгу.

Халмурадов тут же написал что-то на листке бумаги, сложил его вчетверо и позвал сторожа:

— Вот эту записку сейчас же отнеси Максуму-бобо. И скажи ему заодно, чтобы сегодня же к шести часам был у меня!

Потом, повернувшись к Мухаббат:

— Не расстраивайся, сестрёнка. Мы сумеем подрезать крылья всяким любителям сеять смуту и вносить разлад между добрыми людьми.

Мухаббат благодарно глянула на Халмурадова.

С замиранием сердца подходил в назначенное время к правлению Максум-бобо. О чём и какой был разговор в кабинете парторга, неизвестно, только вышел оттуда старик притихший и растерянный. Постояв в какой-то странной задумчивости на крыльце, он неуверенной, шаркающей походкой направился напрямиком в мечеть.

...Тётушка Хаджия, едва увидев появившуюся в дверях невестку, вскочила с места.

— Ненаглядная моя, пришла наконец! А я всё ждала тебя, не разогревала обеда. Как замечательно, что и Каромат с тобой. Давненько она у нас не бывала.

— Не скучаете, Рустам-ака? И вам, Фазыл-ака, мы очень рады, — через силу улыбнувшись, сказала приветливо Мухаббат, едва войдя в комнату.

— Пришла, наконец! Очень уж ты скучать нас заставила, — тоже наигранно весело встретил жену Рустам.

— Ассалом алейкум! — раздался неожиданно знакомый рокочущий бас. — Приятного вам всем аппетита...

— Ильяс-палван! — обрадованно вскрикнул и вскочил с места Рустам, чуть не опрокинув столик. — Проходи, проходи, дорогой... Вот кстати!

И протянул Ильясу-палвану обе руки. Тот так тиснул ладонь Рустама, что он даже присел и поморщился от боли.

— Нельзя ли потише, медведь! Ты же мне кости переломаешь...

Все рассмеялись.

Ильяс-палван по-прежнему разносил письма в кишлаке. Но теперь он шагал по улицам бодро, смело и весело смотрел людям в глаза. Да и в каждом дворе ждали его без тревожного, тоскливого замирания сердца. Чёрные письма давно уже не приходили, а шли совсем другие, Того приглашают на свадьбу, другой получает радостную весть от сына или дочери, поступивших в институт или техникум, третьему идут письма с какой-нибудь далёкой стройки: поздравьте, мол, дорогие родители, награждён орденом, четвёртому... Одним словом, другие, совсем другие пошли письма. Потому и оттаял душою Ильяс-палван, потому и ходит по кишлаку весёлый, могучая грудь колесом.

— Да ты садись, сынок, садись, — захлопотала тётушка Хаджия.

— Ну где там плов, готов? — спросил Рустам, а потом, повернувшись к Ильясу-палвану: — Может быть, по маленькой, а? Сейчас организуем.

— Ну нет! — решительно отрезал тот. — Вы же знаете, я давно уже капли в рот не беру. С тех пор, как чёрные письма перестали приходиться. А вот плова с удовольствием отведаю.

Ильяс-палван подсел поближе к дастархану.

— Йе?! — изумилась Мухаббат. — Вы же смотреть на него, на этот плов не

могли.

— Когда это было...

Да, ужасы войны стирались в памяти, и Ильяс-палван всё реже вспоминал того убитого немца, каска у которого походила на казан для плова. Душевные раны затягивались. Нормальная жизнь брала своё.

ЗОЯ В КИШЛАКЕ

Погода портилась. Холодный пронизывающий ветер хлестал в лицо. Особо мёрзли руки. Недавно ещё величаво плывшие по небу облака пустились вдруг вперегонки, закружились в суматошной пляске, сплетаясь в набухающие ненастьем тяжёлые тучи. Солнце совсем скрылось за этими тучами. Но золотистыми копьями своих лучей оно всё же изредка пронзало их, а там, где тучи были пореже, прорывало синеющее оконце. Но в тучи не зевали. Они перестраивались в хитром манёвре и снова смыкали свои мрачные ряды.

Женщины вконец измучились. Но, не обращая внимания на промозглую сырость и пронизывающий ветер, они упорно продолжали продвигаться вперёд. Одна из них — Зоя Кузьминична Долгова, а другая — её секретарь Мария. В колхоз «Коммунизм» они вышли из райцентра ещё утром. Мария было заколебалась, проговорила с опаской: «Погодить бы нам немного. Того и гляди, дождь пойдёт. Да и дорога незнакомая. Намаемся мы, кажется, досыта...» Но Долгова её не послушала. Очень уж неотложными были дела в колхозе.

Уже пять дней прошло с того времени, как они вышли из дому. Успели побывать во многих кишлаках. Посещали дома, в которых жили незрячие, интересовались условиями их жизни и быта. Долгова каждого агитировала вступить в Общество слепых, рассказывала о нравах и обязанностях его членов. Во многих сердцах сумела она зажечь искры надежды. «И мы сможем овладеть нужной специальностью, — радовались те, кого ещё совсем недавно душило отчаяние. — И мы снова станем полноценными членами трудового коллектива, общества!»

Срок командировки истёк... Сегодня они должны вернуться к себе на предприятие. Вся работа, как и намечалось, была сделана. Оставалось только выполнить поручение директора, и тогда всё будет в порядке.

На землях колхоза «Коммунизм» было подсобное хозяйство предприятия слепых. И надо было добиться, чтобы весь собранный здесь урожай вовремя доставить, и главное без потерь на предприятие. И чем быстрее, тем лучше. Овощи были бы очень хорошей прибавкой к питанию незрячих рабочих. А тут надо было ждать, пока распогодится. Если глядеть на эту самую погоду, то не только через день, но и через несколько дней не будешь дома. И поручение директора останется невыполненным. Поэтому Зоя и пренебрегла предостережением Марии.

Ветер свирепел с самого утра, становясь всё студенее и резче. Набирая силу, дул он прямо в лицо, будто не пускал вперёд. Женщины закутались платками по самые глаза, подняли воротники пальто. Спотыкаясь, они упорно, шаг за шагом одолевали убегающую к далёкому горизонту дорогу. Дорога эта, когда-то мощёная камнем и даже засыпанная гравием, по не утрамбованная, могла вымотать кого угодно. Шофёры, жалея свои и без того разбитые в ту послевоенную пору машины, по ней не ездили совсем, предпочитая делать хоть и внушительный, но более удобный и безопасный крюк.

Самый испытанный способ избавиться от дорожных мук — отдаться размышлениям. Вот и Зоя стала вспоминать родную Украину, село, в котором родилась и выросла. И там была точно такая же камнем вымощенная дорога. Она вела к школе. Сколько раз прошла по ней Зоя! Мысленно она и сейчас была на этой дороге далёкого детства. На мгновение даже показалось: вот она пройдет по шоссе ещё немного и встретит отца с матерью, братишек, крепко прижмёт их к груди и будет долго, горячо целовать. Но нет, не бывать этому. Злая доля выпала ей в жизни. Через какие только испытания и муки не провела её судьба-мачеха! Никогда не попадёт больше Зоя в родное село. А если и доведётся побывать, то какая в этом радость? Ведь никого из родных и близких давно в селе нет. Вообще в жизни нет.

Прошло всё это печальной чередой в памяти и померкло. Зоя глубоко вздохнула.

— А вот мы и до своего шалаша добрались, — сообщила Мария.

И только тогда Зоя будто очнулась.

Между тем, ни в самом шалаше, ни рядом с ним не было ни души. Мария внимательно оглядела всё вокруг. Слева от шалаша вовсю кипела в казане шурпа. На ветку тутовника была подвешена авоська с двумя бутылками. Однако самого хозяина нигде не было видно. Впрочем, он оказался здесь. Суетился у большой кучи капусты, сложенной вдалеке от шалаша. Чуть ближе, в такие же аккуратные кучи были сложены свёкла и тыква. Похоже, что весь урожай был собран вовремя. Мария, оставив Зою Кузьминичну у шалаша, направилась к видневшемуся вдалеке человеку.

Зоя присела на копну сена. Нащупала в ворохе засохшую, но размоченную дождём травинку, прикусила её, пахучую, зубами и снова задумалась.

В этих местах она была только один раз с Ганиевым. Тогда Зоя обошла все поля. Ганиев, вырвав две морковки и ополаскивая их в арыке, сказал: «Морковки у нас немного — всего тридцать соток, зато картошки один гектар, и три гектара риса». Сейчас Зоя думала об этом: «Земли всё-таки немало было, а урожай с неё где? Только и получили, что две арбы шалы — неочищенного риса!»

Мысли эти прервали голоса. Разговаривая, к шалашу подходили Мария и здешний бригадир Бакиров. Приблизившись к Зое, Бакиров начал учтиво спрашивать о здоровье, житье-бытье, а потом предложил:

— Добро пожаловать в наши хоромы, дорогая гостьи! Как говорится, прошу к нашему шалашу. Не побрезгуйте нашим хлебом-солью, разделите с нами нашу скудную трапезу!..

— И что же мы будем делить?

— Да так себе, скромненькая шурпа, — сказал он и повернулся к Марии: — Видели, что там в казане булькает?

— И в казане видела, что булькает, и на ветке тутовника тоже!

Бакиров с деланным смущением улыбнулся:

— Да будет вам! Сыро, холодно, вот и запасся, чтобы от простуды спастись... Ну что же мы стоим на вотру? Прошу вас, прошу, проходите в шалаш...

— Спасибо. Мы здесь с вами немного поговорим. Где ваши люди? — уже раздражаясь, спросила Зоя Кузьминична.

— Погода начала портиться, я и отпустил их с утра. У каждого ведь дома дела есть, зима, как говорится, на носу.

— Урожай уже весь убрали?

— Да, управились. Только сложить в одно место осталось.

— Рис тоже полностью обмолотили?

— Да.

— Почему же тогда не отправляете?

— Рис мы до последнего зёрнышка давно уже отправили. Только под картошку и капусту никак машин не найду.

— Вы хотите сказать, что отправили весь собранный рис?

— До единого зёрнышка!

— Неужели с трёх гектаров вы и двух тонн не собрали?

— Земледелие, Зоя Кузьминична, всё равно что азартная игра. Выпадет выигрышная карта, повезёт вам — будете сыты и довольны. А не повезёт, ваша карта будет всё время, как ни старайтесь, бита. А потом... Возьмём хотя бы этот колхоз. Ведь он ни за что на свете не даст вам хорошей, плодородной земли. Что я имел? Землю, на которой ничего никогда, ещё со времён праотца нашего Адама, не сеялось. Да и воды всё время не хватало. К тому же земля каменистая. Колхоз, скажу я вам прямо, давно не знал, как от неё избавиться. Потому ведь, что от общего количества земли план по хлопку и не знаю по чему ещё там зависит. А мы так возликовали! Землю, видите ли, нам дали... Как же! Отрежут они от своего ломтя лакомый кусок!.. Держи карман шире...

Зоя Кузьминична чувствовала, даже понимала, что Бакиров юлит, изворачивается, надеясь, что горожанке не вникнуть во все эти чисто сельские, земледельческие дела. Но в то же время она уже три-четыре раза слышала о действительно острой нехватке воды. Директор предприятия слепых Ганиев специально ездил по этому поводу в колхоз и разговаривал с председателем Ахмаджаном-ака. Вода на участке после этого разговора появилась. Мало её, правда, было, но была постоянно.

«Кто его знает, может, так оно и есть, — размышляла Зоя Кузьминична. — Говорят, рис без воды совсем расти не может. Наверное, старались лучше картошку, капусту, другие овощи поливать, вот для риса и не хватило воды...»

— Ещё раз постарайтесь раздобыть машину, — давая понять, что разговор окончен, довольно сухо и решительно сказала Зоя Кузьминична. — А то и собранное у вас помёрзнет. Зима уже, как вы сами только что сказали, на носу. Весь труд прахом может пойти, и люди — вы знаете, какие люди! — останутся без овощей. Скажите, вас тогда совесть не будет мучить... если она есть у вас?

— Совесть, совесть! Да что я, изверг какой-нибудь?!. Только не найти её никак, машины этой проклятой, Зоя Кузьминична! Нет их, машин. А то разве я стал бы медлить? Давно бы уже весь урожай отправил. Самому колхозу транспорта не хватает. А с тех пор, как хлопок возить начали, даже заикаться о машинах нет смысла.

— Значит, по-вашему, нет никакого выхода?

— Был бы... Ну так заходите же, Зоя Кузьминична! Как говорят у нас в народе, сначала угощение, а разговор потом. Да и нельзя всё так близко к сердцу принимать, из-за всего расстраиваться. Нет на свете невыполнимых дел.

— Нет уж, спасибо, товарищ Бакиров! Вы тут сами угощайтесь. А мы пойдём.

— Что же это вы говорите?! Куда же это вы пойдёте от готового обеда? Не принято у нас так, не принято.

— А у нас не принято о людях забывать, которым вот эти овощи намного нужнее, чем нам сейчас ваша шурпа, — резко отрезала Зоя Кузьминична. — Пойдём, Мария. Дорога дальняя, как бы не припоздниться. Нам ещё в правлении колхоза надо побывать, с председателем встретиться.

Бакиров, от Марии это не ускользнуло, сразу забеспокоился, настроение у него заметно испортилось. Только что бодро сыпавший шутками-прибаутками, он как-то подавленно замолк. Чтобы скрыть своё состояние, он сделал вид, что окончательно замёрз, и начал растирать ладонями лицо. Потом снова предложил, и в голосе его прозвучали заискивающие нотки:

— Ну, скажите, разве в такой холод плохо поехать на дорогу горяченького?..

— Спасибо, ешьте на здоровье сами.

Мария и Зоя Кузьминична направились вдоль межи к дороге. Пронизывающий ветер поутих, немного потеплело. Однако тучи снова густели, окрашиваясь в пепельный цвет и наливаясь новой непогодой.

Зоя Кузьминична расстегнула пальто, сняла платок и понесла его в руках. Мария последовала её примеру. Потом заговорила о том, что давно уже её тревожило:

— Зоя Кузьминична, здесь что-то нечисто...

— Например? — насторожённо отозвалась Зоя Кузьминична.

— Кто его знает?.. И вообще, может быть, я заблуждаюсь. Когда вы сказали, что должны встретиться с председателем колхоза, Бакиров как-то сразу весь сменился с лица.

— Вот оно что! Интересно... Он же не имеет к председателю никакого отношения.

— Нет, здесь что-то не так, — упрямо продолжала Мария. — Да и устроился он в своём шалаше далеко не скромно.

— Кстати, а что это ты увидела на дереве? И мне ничего не сказала.

— Да бутылки, чтоб ему пропасть, с закусками в сетке там висели!

Зоя Кузьминична рассерженно поджала губы, скомкала в руке снятый с головы платок.

— Хм...

Вскоре, пройдя мимо разваливающихся, осыпающихся дувалов, приземистых домиков с размытыми дождями карнизами, они подошли к сельской школе. Чуть поодаль от неё был клуб, а дальше — правление колхоза.

Когда Зоя Кузьминична с Марией вошли в правление, здесь сидели Ахмаджан-ака, Халмурадов, Мухаббат и ещё несколько колхозников. Как раз шло обсуждение порядка организации и проведения вечера отдыха, посвящённого выполнению колхозом плана сдачи государству собранного урожая. Все вопросы были уже в основном решены, и потому председатель, едва вошли гости, сразу отпустил совещающихся. В комнате остались Ахмаджан-ака, Халмурадов, Зоя Кузьминична и Мария.

Мухаббат тоже было вышла на улицу, но тут ей почему-то захотелось снова вернуться в правление. Рустам рассказывал, что в собесе встретил одну русскую женщину из города. «Не она ли это пришла? Зачем интересно?» — заинтересовалась Мухаббат.

— Слушаю вас, товарищ Долгова, — сказал Ахмаджан-ака. — У вас ко мне какое-нибудь дело?

— Да, и очень важное. Мы побывали в нашем подсобном хозяйстве. А ди-

ректор наш — вы же знаете Ганиева? — когда мы сюда отправлялись, попросил повидать и вас.

— Ну что ж, спасибо, спасибо! Как там сам Газим-бек поживает, всё у него в порядке?

— Как вам сказать... На предприятии у нас дела не особенно важно идут.

— В чём дело?

— То одного, то другого не хватает. Одно достанешь, другого, хоть расшибись, не найдёшь.

— И чего же вам, например, сейчас не хватает? — поинтересовался молчавший до этого Халмурадов.

— Чего, спрашиваете? С такими муками вырастили мы урожай, собрали его, а он так на поле и лежит. Хотели побыстрее на предприятие перевезти, так машин вот... Да что там машины, простой арбы с ишаком не можем найти.

Ахмаджан-ака мельком глянул на Халмурадова. Взгляды их встретились. Потом Ахмаджан-ака снова повернулся к Зое Кузьминичне и спросил:

— Если я не ошибаюсь, на ваше подсобное хозяйство совсем недавно приходило несколько машин?

— Не знаю, только, по словам бригадира, ни одной машины нигде достать невозможно.

— То, что трудно с машинами, — правда. Только сам — то он где-то их находит. Да не простые, а студебеккеры. Где, спрашивается, он их достаёт?

Председательские слова эти были не пустыми. Утром, когда они разговаривали у правления с Халмурадовым, мимо проехали два студебеккера. В кабине одного из них сидел Бакиров. Машины притормозили, Бакиров вышел и даже поздоровался с председателем колхоза и партторгом. «К обеду я шурпу варю, приезжайте», — пригласил он. Потом снова забрался в кабину и уехал. Ахмаджан-ака успел заметить, что одна из машин была загружена мешками, видимо, с рисом, а другая — картофелем. Уже тогда они с Халмурадовым заподозрили неладное.

— Как бы этот пройдоха, — с тревогой проговорил партторг, — не нагрел руки за счёт слепых.

— Да брось ты! — запротестовал было председатель.

— Если бы он в город направлялся, то ехать ему следовало бы по дальней шоссейной дороге. Сдаётся мне, домой он потихоньку часть урожая отвозит.

— Сегодня Бакиров привозил вам две машины зерна и овощей? — снова обратился к Зое Кузьминичне Ахмаджан-ака.

— Нет.

Председатель и партторг озадаченно замолчали. Снова бегло переглянулись. Ахмаджан-ака вздохнул:

— Кажется, наши опасения оправдываются.

— Выходит, нет забора — лучше улицу видать, — невесело улыбнулся Халмурадов.

Потом, повернувшись к Зое Кузьминичне:

— Вы и сами во многом виноваты. Разве можно оставлять такого мошенника без присмотра?

— А кто же знал, что он мошенник? Послушать ого, так во всём колхоз виноват: и землю плохую выделил, и воды не давал...

— А вы думаете, он вам прямо скажет: воруя, мол, я, люди добрые... Ну, ладно. Так что же вы намерены теперь делать? — поинтересовался Ахмаджан-ака.

— Не знаю. Вот вернусь в город, там и решим с Газимбеком Расуловичем, как быть. Может быть, ему удастся где-нибудь машину достать.

— Ну что ж, желаю удачи. Мы бы и сами вам от всей души помогли, но в колхозе всего две разбитых машины и те круглые сутки заняты. На ходу, как говорится, и ремонтируем их. Так что не обессудьте. А мы поставим обо всём в известность участкового милиционера. Поможем распутать этот подозрительный клубок.

— Вы у нашего директора, кажется, верёвки просили? — вспомнила вдруг Зоя Кузьминична.

— Да, просил.

— Можете приехать и забрать.

— Ой, спасибо! Завтра же пошлю людей.

И тут вмешалась в разговор всё время молчавшая Мухаббат:

— А сегодня никак нельзя, Ахмаджан-ака?

— А к чему такая спешка?

— Очень уж верёвки нужны. Тем, кто хлопок возит, без них как без рук. С утра арбакеша на чём свет ругаются. Канары нечем увязывать. Еле удаётся отправить их.

— Ну, если так... Соловейчик, доченька, узнай, пожалуйста, как там с машиной Сабирова? Он за жмыхом ездил. Если вернулся, то надо его отправить за верёвками.

— Хорошо, раис-ака.

Мухаббат с готовностью вскочила с места, сделала несколько шагов к двери и остановилась.

— Что, у тебя ко мне есть ещё что-нибудь? — спросил председатель.

— Я вот что подумала, раис-ака. Если уж мы решили отправлять в город машину, то не стоит, наверное, гонять её туда порожняком. Какая-никакая, а помощь. Хоть одну машину их овощами можно было бы загрузить. Как вы считаете?

— Умница! Вижу, по-настоящему любишь ты людей и переживаешь за них. Мне даже стыдно, что самому в голову эта мысль не пришла. Ну что ж, действуй!

Мухаббат обрадованно выбежала из кабинета.

— Вы что, знакомы с этой женщиной, товарищ Долгова? — спросил Халмуратов.

— Нет, впервые встретила.

— У нас живёт один парень. Он с фронта без глаз вернулся. Шакиров его фамилия. Так это его жена. Звеньевая наша.

— Шакиров, говорите? Я знаю его. Недавно в беседе встречались.

Тут снова вошла Мухаббат. Вместе с Сабиром. Она протянула председателю на подпись документы для получения верёвки. Подписав их, Ахмаджан-ака обратился к шофёру:

— Соловейчик сказала тебе, что надо делать?

Сабирджан ответил, пряча документы в карман:

— Сказала. Всё будет сделано, Ахмаджан-ака.

Попрощавшись с председателем и парторгом и поблагодарив их за помощь, Зоя Кузьминична вышла. Прежде чем сесть в кабину, она крепко обняла Мухаббат и растроганно проговорила:

— Вы нам оказали очень большую услугу, Мухаббатхон! Передавайте привет вашему мужу. И не позволяйте ему вешать носа. Вы, но всему видать, женщина сильная.

— Что это вы спешите прощаться? Ещё рано. Я ведь тоже с вами поеду. Помогу вам погрузиться,

— Ну, это уж слишком! — запротестовала было Зоя Кузьминична, но Мухаббат уже была в кузове.

Пепельного цвета тучи на небо всё густели и темнели. Первые капли дождя брызнули в лица новых подруг.

ПРЕОДОЛЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

Во дворе предприятия многолюдно. Хотя рабочее время давно истекло, но никто не расходился. Спешили убрать из-под дождя кенаф, уложить его под навес. Часть рабочих натягивала огромное полотно брезента на уложенные во дворе мотки готовой верёвки.

Прошла неделя с того дня, когда Газимбек договорился с одной из Сырдарьинских торговых организаций о поставке ей этой верёвки. Но там почему-то мешкали. А сегодня пошёл дождь. Столько дней трудиться — и впустую?.. Ведь размокнет кенафная верёвка, и не верёвка уже это, а мочало. Хоть в баню с ним иди. Так чья-то нерасторопность привела к непредвиденной, лишней работе, и это особенно злило Газимбека. Люди и без того устали, а тут ещё требуется от них дополнительная, а главное — необязательная, если бы не головотяпство сырдарьинцев, нагрузка, лишняя трата сил и времени.

К тому же, заberi сырдарьинцы вовремя продукцию, предприятие вышло бы из весьма затруднительного положения и с финансовой стороны.

Не давала покоя и другая забота. Общество слепых приобрело шесть полуавтоматов по скручиванию верёвки. Председатель правления распорядился все их передать его предприятию. То ли он сделал это умышленно, чтобы пристыдить Газимбека, часто жаловавшегося на финансовые затруднения, — «вот, мол, тебе на бедность твою, если уж ты так нуждаешься!» — то ли и вправду решил, как заявил при последней их встрече, вывести предприятие в передовые. На последнем заседании президиума Газимбек возбуждённо и даже довольно резко говорил о том, что предприятие испытывает острый недостаток в сырье, а без него впору останавливать производство. Члены президиума знали, что директор не преувеличивает, не сгущает, как это часто делают «дальновидные» хозяйственники, краски, но помочь ничем не могли. Некоторые, правда, пытались утешить расплывчатыми обещаниями: потерпи, дескать, глядишь, и образуются у тебя дела, пойдут потихоньку-полегоньку. А теперь ещё эти полуавтоматы навязали.

— Я вам советую без лишних слов забирать и увозить станки, — как бы исключая возможность возражений, сухо отрезал председатель правления Пиримкулов.

Пришлось полуавтоматы забрать. В сущности, Газимбек протестовал не против самих станков. Его только удивляло и раздражало, как это начальство не понимает, что новейшее оборудование будет попросту простаивать. Из-за

нехватки сырья рабочим и вручную почти нечего делать. А это ведь отражается прежде всего на зарплате, а значит, и на благополучии и без того обиженных судьбою людей. Тех же запасов, что хранятся на складе, хватит — это в лучшем случае — на один месяц. Если же пустить в ход эти злополучные полуавтоматы, то они «съедят» и без того скудные запасы сырья за каких-нибудь пять дней! А в оставшиеся двадцать пять дней что делать?! Ждать у моря погоды?

Находили такие минуты, когда хотелось махнуть на всё рукой и написать заявление об уходе с предприятия. По Газимбек каждый раз заставлял себя преодолевать эти приступы слабости и растерянности. Он понимал, что попросту не имеет на них права. За время войны, естественно, число слепых увеличилось, но ни одного нового предприятия для них открыто не было. Да что там предприятие! Невозможно было — сил и средств не хватало — даже один захудалый цех организовать. А те предприятия, что работали, испытывали постоянную нужду не только в сырье. Трудно было с производственными помещениями, с жильём для рабочих, питанием их, досаждали другие недостатки. И всё-таки слепым людям надо было давать работу. Это был не только кусок хлеба, это была борьба за их души, наполненные смятением и отчаянием, за то, чтобы они снова нашли себя в жизни, вернулись в неё, поверили, что они не лишние среди людей, больше того — что они полезны, нужны людям, обществу, Родине. Конечно, это была трудная борьба. Но когда борьба бывает лёгкой?

Но на этот раз тревога и растерянность Газимбека не покидали его дольше обычного. Они тем больше росла и обострялись, чем больше думал он о нехватке сырья и о тех неисчислимых трудностях, связанных с доставкой его на предприятие на колхозов и совхозов. «Ну, ладно, — решил он для себя наконец — пока не буду использовать станки. В конце концов не вечно же мы будем сидеть без кенафа. Придёт когда-нибудь и на нашу улицу праздник! Глядишь, как говорили на президиуме, сырьё и действительно появится. Вот тогда и пустим на всю их полуавтоматическую мощь зги треклятые станки!..»

Мысли эти немного успокоили Газимбека, и он послал людей, чтобы перевезли полуавтоматы на склад предприятия. Однако дальше дела пошли совсем не так, как он предполагал. На следующий же день приехал сам Пиримкулов с двумя мастерами и приказал немедленно приступить к установке станков на места. Газимбеку он заявил:

— Нужно как можно скорее приступить к их эксплуатации. На следующий год и план у нас внушительный, и обязательства мы взяли на себя немалые. Одним словом, всё это почти в четыре раза превышает то, что мы производим сегодня...

— В четыре?! — в изумлении перебил Пиримкудова Газимбек. — Да это же...

— Да, в четыре, — досадливо поморщился, что его перебили, председатель правления. — И потому без техники, одним ручным трудом такой объём работы выполнить невозможно и немислимо.

Случилось это на следующий день после того, как Зоя Кузьминична отправилась в район. И вот с тех пор уже четыре дня подряд на предприятии всё перевёрнуто вверх дном: убирают старое оборудование и устанавливают на его место полуавтоматы. Монтёры соорудили в одном из уголков цеха большой

щит и теперь тянут к нему всякую там их наружную и внутреннюю, одним словом, леший знает, какую проводку. На сегодняшней день закончен монтаж двух станков.

Газимбек сам опробовал их. Кенаф в дозах, строго отмеряемых ограничителем, так быстро втягивало в станок, а с другой стороны так стремительно вылетала нужной толщины верёвка, что с непривычки оторопь брала. Слов пет, полуавтоматы — вещь! Но сырьё... Где взять сырьё, чтобы насытить эти прожорливые станки?!

А тут ещё, как назло, начала портиться погода, пошёл дождь. Газимбек немедленно вызвал начальников цехов Рустамова и Санирова и приказал им организовать переноску лежавшего во дворе кенафа в помещение или хотя бы под навес. Вскоре он и сам, разыскав где-то хлопчатобумажную куртку с обтрёпанными полами, поспешил на помощь работающим. Трудился он напряжённо, без всяких передышек, не успевал даже вытирать пот, крупными каплями катившийся со лба.

Вдруг от ворот послышался звук автомобильного мотора, а потом частые, требовательные сигналы.

«Что это ещё за машина? — удивился Газимбек. — Откуда и зачем она могла прибыть сюда? Может быть, сырдарьинцы? Да, наверное, они, за верёвками приехали. Раскачались наконец!»

Но тут кто-то громко спросил:

— А где Газимбек Расулович?

Узнав по голосу своего заместителя, Зою Кузьминичну, Ганиев прервал работу и пошёл к воротам. Навстречу ему медленно двигалась грузовая машина. В кузове стояла побледневшая от холода Мария. Едва машина остановилась, она тут же начала передавать подошедшим рабочим кочаны капусты.

— Мария, а ну слезай! — видя, в каком состоянии женщина, приказал Газимбек. — Тут мы уж и сами управимся.

Мария не стала противиться. Она промёрзла за долгую дорогу, как говорится, до костей, и потому, проворно соскочив с машины, чуть ли не побежала греться в одно из подсобных помещений. А Зоя Кузьминична взяла под руку Ганиева и направилась с ним в кабинет. Надо ли говорить, что Газимбек в эти минуты был больше обычного доволен своим и без того расторопным и исполнительным заместителем. Как вовремя и кстати привезла Зоя Кузьминична эту капусту! С лица его не сходила улыбка нескрываемого удовлетворения.

— Председатель колхоза помог, — говорила между тем на ходу Зоя Кузьминична. — Человек он действительно замечательный. Чуткий и добрый, отзывчивый. Кстати, шофёр его приехал с документами. Вы им верёвку обещали...

— Обещал, обещал. И немедленно надо отпустить. Машина им в такую пору небось позарез нужна.

— Да, с транспортом в колхозе плохо.

Зоя Кузьминична подошла к печке и приложила к ней озябшие руки.

— Весь урожай собрали? — поинтересовался Газимбек.

— Собрать то собрали, но... Впрочем, об этом потом. Шофёр согласился сделать ещё одну ходку. На собственный, так сказать, страх и риск, даже без ведома председателя. «Потом, — говорит» — как-нибудь оправдаюсь. Поломка, мол, в дороге произошла...» Поэтому надо действительно поскорее отпустить ему верёвку, чтобы он мог пораньше управиться. Помощь помощью, но и па-

рия особенно подводить нам не след. В колхозе, повторяю, с машинами очень и очень туго.

— Сейчас же распоряжусь.

Газимбек вышел. Зоя Кузьминична ещё несколько минут погрелась у печки, отошла от неё, нащупала стул и села па него. Или оттого, что она целый день, совершенно по отдыхая, ходила, хлопотала, или оттого, что отсырела под дождём одежда, да и сама промёрзла насквозь только ломило каждую косточку и глаза слипались от нахлынувшей в тепле дрёмы.

Скрипнула открываемая дверь. Зоя Кузьминична вздрогнула от этого звука. В кабинет вошла Мария. Она положила на стол несколько варёных картофеля и краюшку хлеба. Запах горячей картошки защекотал ноздри Зое Кузьминичне. Сразу сильно захотелось есть. И тут она вспомнила, что с самого утра крошки во рту не было.

Дверь снова скрипнула, и в кабинет, по-прежнему улыбаясь, вошёл Газимбек. Не садясь, он, заложив руки за спину, стал возбуждённо вышагивать из одного угла кабинета в другой.

— Зоя Кузьминична, ну как там наше подсобное хозяйство?

— Вот об этом как раз я и хотела поговорить с вами, Газимбек Расулович. На мой взгляд, мы доверили хозяйство нечистому на руку человеку.

— Что-нибудь подозрительное заметили?

— Пока ничего определённого сказать не могу. Сам Бакиров изворачивается, как уж. Во всяком случае очень похоже, что там он проворачивает нештучные махинации. Иначе чем объяснить, что с такой большой площади мы получили такое мизерное количество картошки и риса? Это попросту, на мой взгляд, мошенничество. Да и председатель колхоза с партторгом в том же самом подозревают нашего работничка. Они даже обещали сообщить о своих подозрениях участковому милиционеру, чтобы официально проверить их.

— Есть ли на свете что-нибудь более низкое и подлое? — чуть ли не закричал, задыхаясь от возмущения, Газимбек. — Позариться на хлеб насущный слепых?!. Но в этом мы и сами виноваты...

— Об этом мне и парторг колхоза товарищ Халмурадов сказал.

— И он совершенно прав. Надо бы нам раньше думать и примечать. А теперь хоть тысячу раз проверь, проходимец этот, я думаю и даже уверен, сумел спрятать концы в воду. Ни в чём теперь обвинить его у нас не будет возможности.

— Тогда надо сиять его с работы! — решительно махнула рукой Зоя Кузьминична.

— И этого сейчас делать не стоит. Вот вывезем с поля весь урожай, тогда и будем решать, как нам быть.

— Кстати, там же в колхозе я познакомилась с молодой женщиной по имени Мухаббат. Она, оказывается, жена вернувшегося с фронта слепым Шакирова. Когда грузили капусту, очень уж она, спасибо ей, помогла нам. Мы даже немножко посекретничали с ней. И вам из этого разговора небезынтересно будет кое-что узнать. Мухаббат, между прочим, всё спрашивала о нашем предприятии: как мы здесь работаем, что выпускаем, какие для рабочих созданы условия? Я ей обо всём рассказала. «А где вы камыш берёте?» — спросила она, когда узнала, что мы и циновки выпускаем. Я ответила, что издалека приходится возить, с берегов самого Чирчика. «А ведь у нас, — говорит тогда

Мухаббат, — есть очень обширные заросли замечательного камыша. Просто стеной стоит. Разве нельзя вам у нас его косить?» Когда мы уже возвращались гружёные, она попросила остановить машину у правления, сбегала к председателю и добилась для нас разрешения косить этот камыш. Я прямо не знала, как благодарить её за такую бесценную, а главное, совершенно бескорыстную помощь. Ведь нас с Марией она в первый раз увидела.

— В самом деле? — радостно заблестели глаза у Газимбека. — Так это ж просто замечательно.

— Вот и я говорю...

— И возить намного ближе, — продолжал Газимбек. — Ну, Зоя Кузьминична, огромное вам спасибо, очень большое и доброе дело вы для нас сделали.

— А я разве не «мы»? — не без лукавства спросила Зоя Кузьминична.

— Да я не об этом. Просто на радостях не так выразился. Теперь уж доведите пожалуйста, сами до конца и вывозку урожая. Я тут с этими полуавтоматами так замотался, что хоть падай.

— Хорошо, Газимбек Расулович, — сказала Зоя Кузьминична и вышла из кабинета.

Газимбек устало склонился над столом и стал перебирать в памяти выполненные с утра дела. Эти самоотчеты давно уже вошли у него в привычку.

Вошла жена его Нюся. Она пододвинула стул поближе к столу и села.

— Как дела, несчастный директор? — в голосе её звучала смешанная с горечью ирония.

— Что это ещё за «несчастный»? — немного обиженно отозвался Газимбек.

— А разве не так? Ты только глянь на себя, глянь, на кого ты похож! В какой-то заношенной, истрёпанной куртке!.. Небритый. Неужели у тебя столько работы, что за собой последить некогда?

— Представь себе, столько. И меня удивляет, что ты об этом спрашиваешь, будто сама не знаешь и не видишь.

Газимбек устало потёр ладонями лицо. Борода отросла до неприличия. Он до того завозился с этими злосчастными полуавтоматами, что и в самом деле не стал обращать на себя никакого внимания. Да и разве это удивительно? О бритье ли будешь думать, когда четвёртый день не работает канатный цех? Рабочие попросту слоняются по двору без дела. А что с них возьмёшь, если сырья нет и неизвестно, когда оно будет.

— Действительно, за делами как-то и не вспомнить, Нюся, что побриться надо, — смущённо стал оправдываться перед женою, снова потирая колючие щёки, Газимбек.

— И исхудал — смотреть страшно. Одна кожа да кости. Уходил бы ты с этой работы, а? Что за удовольствие тянуть на одном своём горбу целое предприятие, да ещё такое? И на другом месте без куска хлеба не останешься.

Газимбек даже покраснел, будто жена сумела прочесть недавние его мысли. И оттого он резче и грубее, чем хотел бы, оборвал Нюсю:

— Что это ты мелешь? Да в своём ли ты уме?! Я никогда только для одного себя не работал и работать не буду. И потом, не я один «тяну на горбу», как ты говоришь, предприятие. Другие, взять хотя бы Зою Кузьминичну, не меньше моего переживают. И заматываются тоже. Ты бы видела, какой она сегодня из колхоза приехала. Чуть в сосульку не превратилась. И не жаловалась, пред-

ставь. А то, что ты предлагаешь, на фронте дезертирством называлось. Да и сейчас по-другому не назовёшь.

— Ну, ладно, ладно, — успокоительно погладила по руке мужа Нюся. — Не для себя ты работаешь. Тогда для кого?

— Для всех! Для общества, если хочешь, для народа, для Родины, для общего блага! Понятно? Наконец, а может быть в первую очередь, для блага этих вот обездоленных злою судьбою, оставшихся без глаз людей!

— Всё это я понимаю. Только так ли работают для общества, до того ли во имя общего блага доводить себя надо, что дёрни за нос — свалишься?..

— Значит, до того. Это борьба, — вспомнил свои же мысли Газимбек, — а борьба не бывает лёгкой. Когда все идут в атаку, в безопасном месте отсиживаются только трусы и подлецы. Предатели! Ты за такого меня считаешь?

— Теперь я уже тебя спрошу, — задрожал голос у Нюси. — Ты что, с ума спятил? Да как ты можешь подумать такое! Просто мне по-женски жаль тебя. И потом мне кажется: всё равно ты предприятие это в передовые не вытянешь.

— С чего это ты взяла?

— А с того, что всяких недостатков и нехваток слишком уж много накопилось. На каждом шагу преграда. А главная из них, ты же сам знаешь, — нет сырья. Как говорят, разболтанная арба и паршивая лошадь... Вот так-то! И не вижу, ещё раз повторяю, что бы ты там мне ни говорил, никакого смысла толочь воду в ступе, попусту тратить силы.

— Что это ты сегодня так взъелась на меня, Нюся? Не волнуйся, никакой чёрт меня не возьмёт. Лучше бы ты по-другому заботу обо мне проявила.

— Это как же ещё «по-другому»?

— Подбодрила бы, например, воодушевила. «Не сдавайся, дескать, крепись. Работа у тебя наладится...» Вот как надо бы мужу настроение поднимать! Тогда и сил прибавиться, и энергии, и вообще всё закипит вокруг, гореть в руках будет. А ты... Да что там говорить!

Нюся промолчала в ответ. От острой жалости к этому бесконечно дорогому и близкому ей человеку и стыда за собственную — теперь она хорошо понимала — бестактность болью зашло сердце. Вспомнился один давний, но похожий случай.

Произошло это в самом начале войны. Газимбек уже получил повестку. Было поздно, но они с Нюсей решили побродить по городу, чтобы Газимбек мог попрощаться о родными местами. Кто знал тогда, может быть, и навсегда? Долго ходили вокруг Комсомольского озера. Несмотря на позднее время, уговорили сторожа, и он позволил им покататься на лодке. Влюблённые не спускала друг с друга глаз. Во взглядах этих была и беспредельная нежность, и тревога, и боль, словно им никогда больше не суждено было свидеться. Нюся сидела и лодке молчаливая, подавленная, кусан губы, чтобы сдержать душившие её слёзы.

Вот тут-то она и набралась смелости, чтобы высказать Газимбеку давно уже не дававшую ей покоя мысль.

— Газимбек, дорогой мой! А не лучше ли было бы тебе пойти работать на один из военных заводов? Бронь получишь, на фронт не придётся идти. И был бы ты всё время здесь, рядом со мной...

С замиранием сердца ждала она ответа.

— На завод пойдёшь ты, чтобы заменить меня. А моё место сегодня на

фронте! У нас, мужчин, сегодня иной долг — изгнать ненавистного врага со священной нашей земли! — сердито ответил Газимбек.

И вот снова, сама того не желая, она причинила мужу боль. И теперь не знала, что ещё сказать, как поступить, чтобы разрядить гнетущую обстановку. В её устремлённых на Газимбека глазах читалось многое: и сознание вины, и раскаяние, и сострадание, и что-то ещё трудно уловимое и выразимое. Теперь уже Газимбеку стало жаль жену.

— Ничего, бывает, — успокоительно погладил он её по плечу и встал.

... Утром, хоть и через силу, хоть и внутренне противясь самому себе — привык, как и все рабочие, ходить в простой спецовке — Газимбек надел считавшийся у них выходным костюм, недавно только купленный плащ и вышел во двор. Увидев мужа принаряженным, Нюся просияла лицом.

— Что, подействовало? — задорно спросила она. — Теперь ты и на директора стал похож... Погоди, погоди, а куда это ты собрался?

— В министерство. Есть одно срочное дело. Что тебе привезти из города?

— Лезвий для безопасной бритвы,

Газимбек рассмеялся. Нюся тоже улыбнулась, довольная своей шуткой и хорошим настроением мужа.

Вчера вечером, после её замечания, он собрался побриться, но дома не оказалось ни одного лезвия. Не было их и у соседей. Сабиров, правда, с трудом разыскал одно, многократно уже использованное, и Газимбек, проклиная всё на свете, непрерывно чертыхаясь от боли, с грехом пополам побрился. Вот потому, вспомнив вчерашнее приключение с бритвём, и рассмеялся он шутке Нюси.

Газимбеку нужно было как можно скорее закончить свои дела в министерстве и вернуться на предприятие. Завтра выходной день, и он хотел попытаться заполучить у соседних организаций несколько машин. Если повезёт, и соседи не откажут, надо будет организовать воскресник. Он соберёт всех зрячих рабочих и выедет с ними в камышовые заросли колхоза «Коммунизм». За день они, наверное, смогут накосить столько камыша, что его хватит для цеха по производству циновок на две-три педели.

Вчера вечером Газимбек вместе с председателем завкома Халматовым, начальниками цехов Рустамовым и Сабировым всё это подробно обговорил. Однако в пароде не зря молвится: решённое дома на улице не годится. Поэтому и торопился Газимбек пораньше попасть в город. Он слышал, что министерство выделило правлению Общества слепых две автомашины. А вдруг хотя бы одну из них удастся заполучить на предприятие? Упускать такую редкую возможность нельзя было ни в коем случае. Надо во что бы то ни стало встретиться с Пиримкуловым и любыми средствами добиться машины. Спешить следовало потому, что не он один остро нуждался в автотранспорте. Опередят какие-нибудь ловкачи, тогда кусай собственный локоть.

Пиримкулова в правлении не оказалось. С заместителем же его ничего решить не удалось. Тот решительно отрезал:

— Этот вопрос может решить только сам председатель.

А «сам председатель», как на грех, в Самарканд уехал. Что делать? Пришлось Газимбеку возвращаться несолоно хлебавши. К счастью, соседи оказались сговорчивыми — или поняли, в каком поистине критическом положении предприятие? — и на воскресенье две машины дали.

С самого утра в выходной день рабочие начали собираться во дворе предприятия. Кроме отобранных начальниками цехов совершенно здоровых людей к машинам пришли и те, кто хоть мало-мальски видел. Газимбека это очень обрадовало и тронуло. «С такими людьми, — подумал он, — не то что камыша накосить, горы свернуть можно».

В машину загрузили обрывки верёвок из отходов, казаны, всякие там чашки-ложки, переносной очаг — мангал, запас продуктов на день.

Едва машины остановились у небольшой рощицы, участники воскресника быстро разгрузили их и сразу, без всякой подготовки, прямо-таки штурмом пошли на камышовые заросли. Камыш здесь был не особенно толстым, но рос он густо, поэтому за день накосить можно было много.

О том, что представители предприятия слепых приехали в колхоз заготавливать камыш, председатель колхоза Ахмаджан-ака узнал у Тешабая-ата.

— А не пособить ли им? — как бы размышляя вслух, произнёс председатель.

Аксакал, несмотря на преклонные годы, с лёту уловил суть председательского намёка и, собрав за короткое время таких же стариков, как сам, — остальные колхозники были в поле, заканчивалась уборочная, — отправился с ними к камышовым зарослям.

Если уж пойдёт работа, то на всю, как говорится, катушку. Даже водители обеих автомашин, и те не выдержали. Засучив рукава, они стали увязывать скошенный камыш в снопы и грузить их на машины.

До самого обеда никто и не вспомнил об отдыхе. Все были веселы, возбуждены, хоть и устали изрядно. Работа спорилась, а поэтому воодушевляла. Над камышовыми зарослями то взлетала задорная песня, то слышалась весёлая шутка, сопровождаемая взрывами хохота, то начинали состязаться в мастерстве острословы.

Не успели оглянуться, как камыша было скошено — глазом не окинешь. Водители уже сделали по одной ходке в город.

Камыша к концу дня заготовили столько, что его должно было хватить не на две-три недели, как рассчитывал Газимбек, а на целых два месяца. Вот тебе и даровое, можно сказать, сырьё. Теперь можно подумать и о расширении цеха по производству циновок. А будет циновка — покупатели найдутся! Значит, и деньги появятся. А они нужны сейчас, ох, как нужны!..

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

День угас. Подул первый вечерний ветерок. Халмурадов вошёл к себе в кабинет. Хорошо прочистил фитиль лампы, снял с него вчерашний нагар, прикрутил, поднёс зажжённую спичку. Подождав, пока нагреется стекло, вывернул фитиль. В кабинете сразу стало светло и уютно.

Халмурадов сел за стол, рассеянно пробежал глазами лежавшие поверх стекла бумаги и отодвинул их в сторону. Он очень устал сегодня. С самого утра в поле. Несколько часов, повязав свободный фартук, даже курак собирал. Потом помог полностью погрузить собранный курак на машины и арбы и только после этого разрешил колхозникам разойтись по домам. Ушёл и сам.

Парторг не случайно так беспокоился о том, чтобы как можно скорее собрать и отправить на хирман ещё оставшийся на полях курак. Поджимали сроки, надо было поднимать зябь.

На вечере, организованном в связи с выполнением плана хлопкозаготовок, Халмурадов и председатель колхоза публично поделили шефство над бригадами, и теперь всё свободное от других неотложных дел время пропадали на полях.

С того памятного вечера не так уж и много времени прошло, но председатель с парторгом успели сделать немало.

Ахмаджан-ака, как и Халмурадов, тоже появлялся в правлении только поздно вечером, уставший, измотанный. Шефство шефством, а в правлении ждала уйма самых важных и срочных дел. Урожай с полей убран далеко не полностью. С таким трудом, в таких заботах и тревогах выращено оно, это «белое золото», что убрать его нужно было буквально до последней коробочки, до последнего волоконецка. Только тогда можно будет пускать на поля трактора с плугами. Понимают это и сами колхозники, потому и не уходят с полей с рассвета и до заката.

На картах, полностью очищенных от курака, уже трудолюбиво гудят трактора. Халмурадов побывал у трактористов. Побеседовал с ними. Заодно проверил качество вспашки. Когда дошёл до Фазыла Юнусова, на душе сделалось как-то беспокойно. Парень, сразу было видно, совсем пал духом. Смелость, веселье, задор, которые совсем ещё недавно отличали его, погасли, словно огонь догоревшего костра, и подёрнулись серым пеплом угрюмого равнодушия ко всему, отчуждённости, замкнутости. Всегда уверенно возглавлявший соревнования, поражавший всех своим трудолюбием и неутомимостью, он сейчас работал через силу, еле-еле справляясь с дневной нормой. Правда, работал по-прежнему добросовестно, качество пахоты у него было отличным, но выработка...

— Вы правы, — потупился Юнусов, когда Халмурадов, хоть и в осторожных выражениях, но сказал ему об этом. — Я и сам порою удивляюсь всему происходящему. С первыми лучами солнца выхожу на работу, затемно возвращаюсь, а результаты — стыд один. Хоть расшибись, ничего не клеится, всё из рук валится. Да и «расшибиться», признаюсь, пег никакого желания... Полное равнодушие ко всему. Нехорошо получается, понимаю я. Хотел было к себе в Паркент вернуться, да не решился. «Вот, — скажут, — сбежал! Значит, нет дыма без огня. Прав, значит, был Максум-бобо». Каково было бы тогда Рустаму с Мухаббат?

— Никуда ты не уедешь! — твёрдо заявил Халмурадов. — Да и не отпустим мы тебя.

Когда к нему пришли Мухаббат и Каромат, парторг обещал им: «Я в этих делах сам лично разберусь». Ну в где же исполнение этого обещания? Что он предпринял по этому поводу и каких добился результатов? Недаром говорят, что клевета человека заживо хоронит. Вон до какого состояния довели сплетни да наветы такого жизнерадостного и сильного парня!

И Мухаббат вся извелась. Смотреть на неё больно. Лицо осунулось, почернело, глаза ввалились, взгляд тусклый, затравленный. А какая и она весёлая была, как умела шутить с подругами и первая заразительно смеялась на меткое, остроумное словцо! Где теперь этот смех, где жизнерадостность у обоих? Мухаббат обозлённая ходит, колючая. Пытались было утешить её, потом только жалеть пришлось. Такого доброхоты наслушались!..

«В том, что они пали духом, так охладели ко всему, — горько размышлял Халмурадов, — есть и моя вина. Ох, какая большая вина! Не надо забывать мудрости народной: куй железо, пока горячо. Значит, клевету и самих клеветников давно уже надо было принародно разоблачить. А я...»

И в самом деле, к позорному делу этому Халмурадов отнёсся не то что равнодушно, но без должной серьёзности, принципиальности. Правда, после заявления Мухаббат он дважды вызывал к себе в правление Максума-бобо.

Вместе с председателем колхоза они, как говорится, взяли его в оборот, отчитали, пристыдили как следует. Тот клялся и божился, что никогда больше не позволит себе такого. Да разве можно до конца верить людям, подобным Максуму-бобо? Тем более, что он так и не сказал, несмотря на самые настойчивые расспросы, от кого услышал весь этот вздор о неверности Мухаббат. «Да, слышал, от колхозников слышал, все так говорят», — твердил Максум-бобо одно и то же. А больше ни слова. Будто рот ему ключом замкнули.

Мысли о Фазыле и Мухаббат не давали Халмурадову покоя. Он очень сожалел, что не передал это дело в суд. В конце концов решил; «Надо что-то немедленно предпринимать. А то, не ровен час, из маленьких пока искорок может вспыхнуть опасное пламя».

Вот и сегодня Мухаббат, увидев издалека Халмурадова, поспешно свернула в сторону. Парторг заметил это. «Всё ещё обижается. А то ведь никогда не проходила мимо, не было такого, чтобы не поздоровалась, не перекинулась парой-другой слов...»

На самом же деле Мухаббат избегала Халмурадова не потому, что обижалась на него. Так же старалась она реже попадаться на глаза и бригадиру, Джамалитдину-ака. Клевета родного дяди так подействовала на Мухаббат, что она, будто оглушённая, работала с каждым днём всё хуже и хуже. Оттого и стыдно было ей смотреть в глаза парторгу и бригадиру. А уж как Мухаббат старается, прямо из сил выбивается! Но всё впустую. Каромат давно уже обогнала в работе подругу. А ведь с начала уборочной не только в звене, в бригаде не было колхозницы, которая даже подумать осмелилась бы о трудовом соперничестве с Мухаббат. На доске почёта, что установлена на полевом стане, давно уже не видно её фамилии. Там теперь красуются фамилии Каромат, Кумри, Азизы.

Джамалитдин-ака с первых же дней всё видел и понимал. Как-то подозвал он к себе Мухаббат и по-отечески пожурил её: «Ты, доченька, перед собой

должна ответ держать за свои поступки. Сама для себя будь судьёю и совестью. А па длинные людские языки, на болтовню всякую и сплетни грязные не обращай внимания».

Мухаббат благодарно глянула тогда на бригадира. Она понимала всю глубину и справедливость его слов, попыталась даже последовать ого отеческому совету, но нечего путного из этого не вышло. Стоило ей только вспомнить о том, что наплёл про неё зловредный дядюшка, тут же руки опускались, на душу накатывала тоска и равнодушие ко всему. Она впадала в какое-то странное, пугающее оцепенение. Разве в таком состоянии можно было даже думать о выполнении нормы?..

Халмурадов долго стоял, провожая погрустневшим взглядом удаляющуюся Мухаббат. Потом направился в сторону полевого стана. Привязав копя к тополу неподалёку от хирмаиа, начал помогать арбакешам грузить курак. Закончив, взял Джамалитдина-ака под здоровую руку.

— Пойдём, поговорить надо.

— Да, надо, — согласился Джамалитдин-ака.

Они вошли под навес, бригадир присел на брошенный поперёк циновки халат и сразу заговорил, взволнованно, сбивчиво:

— Вы обратили внимание на состояние Мухаббат? Она же так долго не выдержит. Поговорить с нею надо, успокоить добрым словом. А не то изведёт она себя вконец. Боюсь, добром вся эта история не кончится.

— Для этого я и приехал сюда. Максум-бобо никак не хочет признаться, от кого исходит вся эта галиматъя.

— Не скажет он. Если я не ошибаюсь, то здесь замешан, а может быть, и зачинщик не кто иной, как Мирабид. А Мирабида Максум-бобо ни за что не выдаст. Побойтся. На мой взгляд, надо этот разговор с народом провести. Только так мы раз и навсегда сможем снять грязные подозрения с Мухаббат и Юнусова. И Максума-бобо на этот разговор с колхозниками надо обязательно заставить прийти.

— А если и на собрании ничего не получится?

— Получится. Заставим его сказать правду. В крайнем случае и припугнуть этого болтуна не грех... Дескать, в суд дело передадим, если не сознаёшься, от кого исходит сплетня.

— Согласен. Вы вечером соберите стариков в чайхане. А я постараюсь привести туда Максума-бобо.

Как и договорились, к вечеру Джамалитдин-ака собрал стариков в чайхане. Здесь же были и заранее предупреждённые друзья Фазыла. Сабир и Эрбута, прихватив с собою Рустама, пришли в чайхану раньше всех. Девушки из звена Мухаббат, не расходясь после работы по домам, тоже направились к чайхане. Они подошли было к заполненному народом помещению, но у самого входа засмутились вдруг и, подталкивая одна другую, вполголоса препираясь: «Ты входи первая! Нет, ты сначала!» — стояли на месте. Каромат наконец не выдержала. Она смело шагнула через порог. Девушки, поколебавшись ещё немного, потянулись за ней. Поздоровались с сидевшими в чайхане мужчинами и несмело сели на стоявший в уголке топчан.

Каромат зло скосила взгляд на невозмутимо попивающего чан хромого Мирабида. Тот лишь самодовольно ухмыльнулся. Видно было, что он совсем недавно плотно где-то поел и изрядно выпил. Замаслившиеся глаза его щури-

лись в хмельном блаженстве.

На другом топчане, у окна, сидел Максум-бобо. Он походил на промёрзшего до костей человека: весь съёжился, под самый подбородок закутавшись в просторный ватный халат.

В это время с четырьмя чайниками в руках появилась Света и стала угощать стариков чаем.

Едва только аксакалы стали собираться. Света закрыла медпункт и поспешила в чайхану.

Вскоре она и перед девушками поставила несколько чайников свежезаваренного чаю.

— Спасибо, дяденька самоварщик! — пошутила Каромат.

— Почему вы не привели с собой Мухаббат? — пропустив шутку мимо ушей, озабоченно спросила Света.

— Отнесёт ребёнка домой и придёт.

— И нам, пожалуйста, один чайничек свеженького! — потребовал Мирабид.

Света даже не глянула в его сторону.

— Сапурахон, принеси-ка мне чаю, доченька, — ласково попросил Тешабай-ата.

— Сейчас, дедушка, — тут же отозвалась Света.

Она подбежала к старику и забрала стоявший перед ним опорожнённый чайник. Через некоторое время вернулась и поставила на поднос уже заново заваренный чай.

Джамалитдин-ака расположился рядом с Халмурадовым. Раненая рука его покоилась в толстой и плотной рукавице. Осторожно примостив её на колено, он тихонько поглаживал руку. Она так разболелась, что даже чаю выпить не было сил, да и желания тоже. Все сочувственно смотрели на бригадира, понимая, какие муки он испытывает сейчас.

На топчане, где сидели девушки, послышались возбуждённые голоса. В дверях чайханы показалась Мухаббат. Девушки стали шумно звать её к себе. Не удержалась, чтобы не прийти на это собрание, и тётушка Хаджия. Она молча прошла поближе к Халмурадову с Джамалитдином-ака и села там на предупредительно освобождённое кем-то из колхозников место.

Позже всех появился Фазыл. Едва шагнув через порог и оглядевшись, он напрямиком направился к Рустаму.

— Совсем редким гостем становишься ты, дружище! — с упрёком в голосе заговорил Рустам, узнав по походке Фазыла.

— Работы много, — стал смущённо оправдываться Фазыл, беря протянутую ему Сабиром пиалу с чаем.

Оказывается, Халмурадов Фазыла только и ждал. Как только Юнусов появился, он дал председателю знак начинать собрание.

Тут вошёл Хайдарали и присел рядом с Мирабидом. Они сразу о чём-то заговорили.

— Общее собрание членов колхоза «Коммунизм» разрешите считать открытым, — начал Ахмаджан-ака. — Слово для ознакомления присутствующих с рассматриваемым сегодня вопросом предоставляется секретарю парткома товарищу Халмурадову.

Халмурадов начал хрипловатым, сдавленным от подступившего вдруг вол-

нения голосом:

— Товарищи!.. Мы собрались сегодня потому, что среди колхозников распространились вздорные и грязные слухи. Наша обязанность, долг наш — оградить честь, доброе имя людей, оказавшихся жертвами невообразимой клеветы. И не только оградить, но докопаться до нечистого источника этих бредней, стоивших и стоящих нам покоя и здоровья. Около недели тому назад наш односельчанин Максум-бобо нанёс всеми уважаемым людям — звеньевой Мухаббат и трактористу Фазылу Юнусову тяжкое оскорбление. Будто они поддерживают друг с другом тайную, преступную интимную связь. Я несколько раз пытался по-хорошему побеседовать с Максумом-бобо, узнать у него, кто затеял эту недобрую возню вокруг честных и чистых людей, но ничего не добился, так же, как и председатель колхоза. И вот мы, посоветовавшись, решили — пусть Максум-бобо перед всем народом держит ответ за свою или, не знаю, чью там, но им распространённую клевету. Мухаббат с Фазылом тоже требуют, и, скажу вам, справедливо: «Если мы в чём-либо виноваты, пусть эта вина наша будет принародно доказана!» Бог поэтому мы и пригласили сегодня всех в чайхану. Встаньте, Максум-бобо, и говорите...

Сидевший, скрестив ноги, Максум-бобо шевельнулся было, но не встал. Оценивающим взглядом, в котором нетрудно было различить страх, оглядел собравшихся. Не найдя ни в чьём ответном взгляде сочувствия, потупился, продолжая сидеть.

— Ну, что же вы? Вставайте и говорите!

— Максум-бобо, не отнимайте у людей время. Все с работы, устали, всех дома дела ждут, так что не тяните, — рассердился Ахмаджан-ака.

— Да что это ты мнёшься?! Говори, где и что ты видел? Если видел, то докажи, чтобы люди могли поверить этому чудовищному обвинению! — не сдержавшись, перешёл на крик Джамалитдин-ака.

— Ничего я не знаю и ничего не видел, — чуть слышно отозвался наконец Максум-бобо.

— А что бы вы могли видеть?.. Только напрасно вы сейчас думаете, что, назвав чёрное белым да своим «не знаю, не видел», сможете отделаться. Говорите по-человечески, честно и откровенно!

Чайхана загудела от возмущённых голосов. Люди начали вспоминать подробности сплетни, открыто кляли Максума-бобо. Осмелели и девушки. Из их возбуждённых выкриков можно было понять, что они целиком и полностью оправдывали Мухаббат и Фазыла, были глубоко уверены, что те ни в чём не виноваты.

Максум-бобо молчал.

Не выдержав этого затянувшегося молчания, уже вскочил с места, даже о больной руке позабыв, Джамалитдин-ака:

— Товарищи! Чего мы ждём от этого бессовестного человека? Хоть до самого утра просидим, путного слова мы от него не дождёмся. Да и что, собственно, он сказать может? Все мы — члены этого колхоза. С утра до ночи мы вместе, друг у друга на глазах. Слышим каждое слово, видим каждый шаг. Есть ли в колхозе человек, который не знал бы Соловейчика? Так вот скажите после этого, товарищи, кто хоть в чем-нибудь даже близком к этой несусветной чуши может её обвинить, заподозрить её в недобром, предосудительном? У кого повернётся язык сказать, будто она способна на предательство? На измену. Се-

мье, домашнему очагу, мужу, так горячо и нежно любимому мужу своему Рустама Шакирову? Нет, не способна Мухаббат на такое низкое, на такое подлое дело!.. А если взять тракториста Фазыла Юнусова, то едва я увидел его в первый раз, как бесповоротно решил, и сейчас стою на этом: хороший, душевный, но и твёрдый, волевой человек, а главное — кристально чистый. Настоящий мужчина! И я, думаю, как и все вы, нисколько в нём не ошибся. Полтора года прошло с того дня, как он появился в нашем колхозе, и никто за это время не видел и не слышал, чтобы он сделал хоть какой-нибудь предосудительный шаг, даже в пустяке каком-нибудь покривил душой, пошёл против собственной совести. Наоборот, все мы только и говорим о его замечательном трудолюбии, о его самоотверженном, прямо-таки доблестном труде. Нет, не из тех людей Фазыл Юнусов, которые предают друзей, пакостят за их спиной! И не просто друзей, а фронтового друга, того, с кем на смерть шёл. А уж я — то знаю, что такое фронтовая дружба! Или я, по-вашему, неправильно говорю?

— Правильно, правильно! Фазыл — настоящий парень! — поддержал бригадира Хаитбай-ата.

Встала Мухаббат.

— Товарищ Халмурадов, — обратилась она к секретарю парткома. — Можно мне сказать?

— Говори, Соловейчик, говори!

Мухаббат отделилась от группы подбадривавших её девушек, подошла к мужу, взяла из его рук палку и, глядя па сидевшего у деревянной колонны Максума-бобо, заговорила:

— Дядя, если вы сейчас, при людях, не докажете мою вину, я вот этой палкой Рустама размозжу вам голову!.. И не посмотрю, что вы брат моего отца, прахом его же и клянусь! Предупреждала я вас об этом раньше или не предупреждала?..

— Да... — Максум-бобо еле выдавил из себя это короткое слово и на всякий случай подвинулся поближе к выходу.

— Вы дали мне публичную пощёчину своей подлой клеветой!

— Да, — повторил хрипло Максум-бобо.

Халмурадов поспешно встал, чуть ли не подбежал к Мухаббат и забрал у неё палку.

— Держи себя в руках, Мухаббат, — заботливо посоветовал он.

— Держать себя в руках?! Думаете, легко это? Пусть докажут, если я хоть в чем-нибудь виновата. Встаньте, дядя, и повторите перед всем народом то, что говорили мне тогда!

Будто и в самом деле собираясь встать, Максум-бобо шевельнулся, даже попытался было опереться рукой о топчан, но снова сел и поднял глаза на Мухаббат. Лучше бы она в них не глядела! Не по себе стало, передёрнуло от этих глаз: испуганных и злобных, просящих и выжидающих. В коротком взгляде на племянницу словно настезь, до самого дна распахнулась вся душа Максума-бобо. И Мухаббат поняла, увидела: ничего в ней, в душе этой, не изменилось.

— Чего же вы молчите? — Мухаббат сделала к старику ещё шаг.

— Не смей на меня кричать, девчонка! — перешёл вдруг на визг Максум-бобо. — На кого кричишь?! Вот она, нынешняя молодёжь! Слова ей не скажи... А кто тебе скажет, кто, если не я? Думаешь, посторонним, вот этим всем, что со-

брались сюда, как в цирк... — он повёл жёлтой трясущейся рукой по чайхане, — думаешь, им до тебя дело есть? Как же!.. Нет, вы только гляньте, правоверные, какие времена настали! — всё более распалаясь от всеобщего молчания, кричал Максум-бобо. — К ней с отеческими наставлениями, её как родную дочь от опрометчивого шага предостеречь хотят, а она... Про какую — то «пощёчину» плетёт. Может быть, и ты мне, старику, хочешь пощёчиной ответить? Так ударь! Ударь, если рука поднимется на того, кто тебе родного отца заменил. Вот и будем квиты: мне на старости лет позор, а тебе — как там у вас на собраниях говорят?.. — моральное удовлетворение. Эх, ты!..

Мухаббат в растерянности отступила.

В чайхане стало ещё тише, до того тихо, что слышно было, как хрипло дышал Максум-бобо да несколько раз злорадно хихикнул Мирабид.

И тут раздался твёрдый и решительный голос тётушки Хаджии:

— Бей, голубка моя, бей! Да её одну, а две затрецины влепи ему, паскуднику! Вон как заговорил! Ждите от него покаяния...

Мухаббат и в самом деле занесла было руку для удара, но в это время слышался предостерегающий возглас Рустама:

— Не смей!

— Ладно уж, не бей, не пачкай рук, — согласилась с сыном и тётушка Хаджия. — Пусть его аллах разразит, сплетника козлобородого!..

— Ильяс-палван идёт! — крикнул вдруг кто-то.

Максум-бобо даже подскочил на месте и с ужасом уставился на дверь. Сразу вспомнилось давнее: «У меня хоть одна рука, но рука!» Вспомнилось, как в этой же чайхане опозорил его этот проклятый почтарь. А теперь от него и во все добра не жди. Жёлтая борода Максума-бобо мелко тряслась.

Чайхана содрогнулась от общего хохота.

Никакого Ильаса-палвана, конечно, не было, но все знали, как боялся однорукого богатыря старик. А Максум-бобо между тем продолжал испуганно озираться, вытирая своим неизменным зелёным платком выступившие уже не на жёлтом, а на посеревшем лице крупные капли пота.

— Ну, так как же, кого с кем и где вы видели?

Максум-бобо собрался было подняться, но только встал на колени и замер, будто поджидая кого-то. Не дождавшись, проговорил сдавленно и хрипло:

— Хайдарали, выкладывай, где и что ты видел! Не мне же одному отдуваться.

— Максум-бобо совсем, видать, с ума спятил. Никого мы и нигде не видели! — крикнул вдруг Мирабид.

— Ах, «мы»?! — поймал Мирабида на слове Джамалитдин-ака. — Вы, значит... — И уже обращаясь ко всем собравшимся: — Ну что, не говорил я? Сплетня эта исходит от Хайдарали с Мирабидом. Это они в кишлаке постоянно воду мутят, в душах людских ковыряются.

— Джамалитдин прав, — поддержал бригадира Тешабай-ата. — Вся грязь, все наветы от них.

Джамалитдин-ака между тем продолжал:

— Товарищ председатель, товарищ парторг, у меня есть предложение выгнать всех троих из колхоза!

— Правильно, правильно! — горячо поддержали бригадира все собравшиеся. — И не только из колхоза, но и из кишлака. Гнать их отсюда в три шеи,

чтобы и духу их поганого здесь не было!

Но тут с неожиданной даже для себя смелостью вскочила с места Каромат.

— Я тоже хочу сказать несколько слов, если разрешите. Похоже, нельзя мне сегодня молчать.

То ли оттого, что все сразу повернулись в её сторону, то ли оттого, что перед таким скоплением народа она выступала впервые в жизни, но Каромат сразу почувствовала в ногах, во всём теле какую-то предательскую дрожь и слабость. Даже дыхание перехватило. Гулко стучало в висках, щёки пылали жаром.

— Говори, доченька, говори, — поддержал девушку

Хаитбай-ата. — Не волнуйся, не торопись, мы все тебя внимательно слушаем.

Халматов глянул на Каромат и сразу понял, в каком она состоянии. Поэтому тоже подбодрил:

— Говори, Каромат, не стесняйся. Все сидящие здесь — свои люди.

Каромат справилась с волнением, взяла себя в руки. Голос её, едва она заговорила, выровнялся и окреп.

— Я, товарищи, не могу присоединиться к мнению, высказанному Джама-литдином-ака. Ну, выгоним мы их из колхоза и даже из кишлака... А дальше что? Куда им деваться? А потом они ведь и те места, куда мы их выгоним, или куда они сами отправятся, тоже испоганят. И нам же за них стыдно будет. Нет уж, давайте не будем их прогонять, никому забот и хлопот прибавлять не будем. Самое лучшее, на мой взгляд, всех троих отдать под суд! Они не только клеветники, за ними ещё кое-какие грешки водятся. Например, все трое — сторонники феодально-байского отношения к женщине. Хайдарали женился на девушке, которая закончила медицинский техникум и получила диплом фельдшера. Но ни одного дня она не работала по специальности, потому что муж ей, видите ли, этого не разрешил. Бедняжка поблекла вся, как сорванный цветок вянет. Для этого наше государство её учило?! А дочь Тешабая-ата — Гульчехра?..

При этих словах Тешабай-ата горестно вздохнул:

— ... Как она в колхозе работала? Завидно было! А сейчас словно птица в клетке. Мирабид её в прислугу, в домашнюю рабыню превратил. Тешабай-ата это видит и знает, но всё ждёт, когда «совесть» в зяте заговорит. Заговорит она у него, как же, когда он понятия не имеет, что такое совесть! Ждите!

— Ты меня, активистка, не трожь! — с хмельной злостью заорал Мирабид. — Моя жена, что хочу, то с нею и делаю.

— Слышали? Вот это и называется феодально-байским отношением к женщине. «Моя жена!.. Что хочу с ней, то и делаю!» — передразнила она Мирабид. — Нет уж, не те времена! На такого «собственника», как ты, управу сейчас найти нетрудно. Нет, вы слышали?! — никак не могла успокоиться Каромат. — А мы ещё надеемся, что у таких низких людей совесть заговорит. Боюсь, совсем напрасно надеемся.

— Каромат права, — первым поддержал девушку не кто иной, как Джама-литдин-ака. — Я, признаться, об этом и но подумал. Да, кажется, другого выхода, кроме как в суд на них подать, у нас нет.

Джамалитдин-ака, Ахмаджан-ака, Халмурадов и ещё несколько человек отошли в угол чайханы, где не было народу, чтобы посоветоваться, какое же в

сложившейся обстановке принять решение. Наконец пришли к единому мнению. Халмурадов обратился к собравшимся:

— Товарищи, нам кажется, мы должны принять сегодня такое решение: считать членов колхоза Мухаббат Шакирову и Фазыла Юнусова жертвами грязной и злобной клеветы. По согласованию с районным комитетом потребительской кооперации Мирабида Мирхамидова от обязанностей заведующего магазином освободить. На его место мы сами подберём человека.

В чайхане раздались дружные аплодисменты.

— А дело по обвинению всех троих в злостной клевете передать в суд.

— Ура! — раздались ликующие голоса девушек.

Все, как один, сидевшие в чайхане, невольно улыбнулись.

Долго ещё не расходились колхозники, долго ещё продолжались в чайхане горячие споры. Но решением собрания были довольны все без исключения. Кроме, конечно, Максума-бобо да Мирабида с Хайдарали.

ВИДЯЩИЕ ПАЛЬЦЫ

Третий день стояла неустойчивая погода, Клубились тяжёлые свинцовые тучи. Наконец они разразились снегом. До утра весь кишлак и окрестные поля оказались под толстым снежным покровом. Снег пушистыми шапками осел на деревьях, будто ослепительно белым одеялом покрыл дома, улицы, дворы. Колхозники вынужденно покинули поля. Наконец можно было заняться дома бесчисленными хозяйственными делами.

Мухаббат спеленала сынишку, положила его рядом с мужем и с головой окунулась в довольно-таки запущенную за последнее время домашнюю работу. Тётушка Хаджия без невестки как могла старалась, но видно, силы уже не те, и расторопности с годами, далеко уже не малыыми, поубавилось.

Рустам, как всегда, сидел в комнате один. Но теперь у него было занятие, которое избавляло от тоски вынужденного одиночества. Вместе с преподавателем общества слепых Шамурадом Кучкаровым он начал изучать азбуку Брайля.

Учитель приходил один раз в недолго на два часа. Всё остальное время Рустам занимался сам. Упорно, прямо-таки до самоистязания. Бесконечно колет он иглой плотную бумагу, чтобы из выпуклых точек сложились буквы. Складываются они неохотно, сопротивляясь. Но и это ещё не всё. Потом эти буквы, а из них — слова надо будет научиться «читать» пальцами. А как прочтёшь слово, когда даже отдельную букву никак не отличишь от другой. Точки, они точки и есть. Но Рустам снова и снова прикасается чуткими пальцами к колким выпуклостям, упорно добивается секрета их сочетаний.

Вот этим теперь и занят он все дни напролёт. И чем больше работает, тем больше появляется желания работать. Это состояние постоянной занятости, движения к чёткой определённой цели воодушевляло. Лицо Рустама всё чаще стало светлеть.

Усилия, упорство не пропали даром. С начала занятий прошло не так уж и много времени, а Рустам освоил почти половину букваря. Может быть, и потому ещё, что буквы-точки здесь были попроще, располагались реже, чем во второй половине книги, и пальцам было легче их различать, выделять на ощупь. Несколько раз он пытался даже читать последние страницы букваря, но там пальцы наталкивались на сплошные точки. Выделить из них буквы,

сложить в слова было ещё трудно.

Однажды он так вот снова и снова пробежал пальцами густую россыпь точек, задавшись целью во что бы то ни стало преодолеть их молчаливое сопротивление. И вдруг ему показалось, что под пальцами начала обозначаться буква «Л». Рустам осторожно провёл пальцами по соседним точкам. Следующей, кажется, шла буква «Е». Да, это буква «Е»! А вот третья буква никак не хотела даваться Рустаму. Беспреданно проводил он до предела напряжёнными нетерпеливым вниманием пальцами по скоплению колких точек, но они никак не слагались в букву. Рустам даже поднял к потолку лицо, будто там собирался «разглядеть» упрямую букву. А пальцы между тем нервно и чутко продолжали скользить по точкам. А не буква ли это «Н»?.. Рустам ещё раз провёл по точкам пальцами. Да, она... Что же получается? «Лён...» «Ленин»? Кажется, так. Но ещё раз надо проверить, какая буква рядом. Рустам прикоснулся к ней пальцами. Две точки. Но по расположению они противоположны букве «Е». Значит, по алфавиту слепых это должна быть буква «И». Мант и последнюю букву не представляло большого труда. В общем-то она была уже известна. Но Рустам всё-таки, для большей убедительности и проверки самого себя, ещё раз внимательно провёл пальцами по точкам. Снова буква «И».

«Ленин», — вслух прочитал Рустам и тут же радостно, ликуяще закричал на весь дом:

— Мухаббат!.. Мухаббатхон!!

Мухаббат испуганно влетела в комнату. Она перешагнула порог и остановилась, схватившись руками за горло: от бега и волнения ей не хватало воздуха. «Не случилось ли какого-нибудь несчастья?» — подумала она, тревожно обводя глазами комнату. Нет, кажется, всё в порядке... Муж сидит, и, как всегда за последнее время, перед ним раскрыта книга. Впрочем, на этот раз не как всегда. Рустам возбуждён, на лице его радостная и торжествующая улыбка, как у человека, преодолевшего крутой и трудный подъём на желанную высоту. Да и кричал он, теперь, отойдя немного, поняла Мухаббат, радостно, а не тревожно... И мальчонку унесла свекровь, значит, и с сынишкой ничего не случилось...

— Что с вами, папочка, вы, кажется, звали меня? — спросила Мухаббат.

— Иди-ка сюда, иди скорее! Посмотри, чему я научился!

Мухаббат подошла поближе к мужу и взглянула на страницу книги, на которой лежала рука Рустама. Но что там поймёшь, в этих точках!..

Куда смотреть-то? — не выдержала она наконец.

— Этого увидеть невозможно, родная. Я имею в виду — тебе. А если и увидишь, то всё равно ничего не поймёшь. Вот здесь написано «Ленин». Я сам, понимаешь, сам только что это прочёл!

Рустам говорил с такой гордостью, с таким воодушевлением, что состояние его невольно передалось и Мухаббат. С тех пор, как Рустам вернулся с фронта, он ещё ни разу не был в таком приподнятом настроении. Мухаббат, увидев радость на всегда угрюмом и суровом лице мужа, обрадовалась ещё больше, чем он сам.

Она положила руку на плечо мужу и тихо проговорила:

— Вот и конец вашей скуке, тоске и унынию. Теперь книги будут вашими верными и отзывчивыми друзьями. Я как увидела вас радостного, смеющегося, знаете, прямо у самой на душе светло стало и так легко, будто гора с плеч

свалилась. Помните, когда я вас провожала на фронт, вы сказали: «Только не надо плакать... Ну, ну же... улыбнитесь. Я хочу запомнить вас весёлой, улыбающейся... Не надо... Вот я вернусь, и мы поженимся». И вот вы теперь дома, всё у нас тихо да мирно, а теперь и радостно. И у меня такая радость, такое счастье, ликование на душе, что слов не хватает передать вам моё состояние. Мне кажется, что я теперь способна горы свернуть!

— И я очень рад, что всё так хорошо, просто здорово устроилось... Всегда бы так было!..

— Будет! По крайней мере мне никогда не хотелось бы больше видеть ваших слёз. Помните — это случилось однажды. Я тогда несколько дней ходила сама не своя, словно меня в воду опустили...

Управившись со стиркой, Мухаббат снова вошла в комнату. Села рядом с Рустамом и стала наблюдать за тем, как он пишет своей «ручкой» — иглой. Присутствие, а главное заинтересованное — он чувствовал это — внимание жены воодушевляло. Рустам с ещё большим рвением отдался новому для себя и пока не совсем привычному занятию.

Прошло ещё несколько месяцев, и Рустам уже довольно свободно читал не только букварь. Теперь он всё чаще просил Кучкарова приносить ему книги, что тот, разумеется, с удовольствием делал. Он не только радовался за Рустам, его учительскому самолюбию льстило то, что он за не такой уж и долгий срок помог своему ученику овладеть хотя бы необходимыми основами новой для него грамоты. А дальше тот уже и сам справится. Воли и упорства у него не отнимать. А перед Рустамом, буквально «проглатывавшим» книгу за книгой, всё шире и ярче, нагляднее и необозримее открывался мир большой человеческой жизни, от которой он так долго был совершенно отделён своей слепотой.

Вскоре и писать Рустам стал довольно бегло, и подолгу теперь просиживал над тетрадями.

— Что это вы всё пишете? — спросила как-то Мухаббат.

Рустам ответил не сразу, чтобы не оборвалась и не пропала мысль, которую он спешил перенести на бумагу. Потом распрямылся и повернулся к Мухаббат.

— Сказать, что я пишу? — начал он почему-то таинственным голосом.

— Ну-ка, ну-ка, интересно же!

— Дело вот в чём, Мухаббатхон. Как только я начал сносно читать и писать по системе Брайля, меня не покидает одна заманчивая мысль. Задался я нелёгкой, сам понимаю, целью написать книгу о Великой Отечественной войне. Передать в ней упорство и самоотверженность, беззаветную храбрость и горячую любовь к Отчизне, народу, партии наших бойцов и командиров, лицом к лицу встретившихся в смертельной схватке с ненавистным врагом. О рабочих и колхозниках, поддерживавших своим доблестным трудом в тылу сражающуюся армию, своих отцов с мужей, братьев и сыновей, о тех, кто внёс и свой огромный, неоценимый вклад в великую Победу над чёрными силами фашизма. О таких, как ты, и о тебе. О твоей любви и верности, об умении свято и неприкосновенно хранить эти драгоценные чувства, несмотря ни на что. Как ты на это смотришь?

От последних слов мужа Мухаббат невольно покраснела, в глазах её заблестели слёзы благодарности и нежности, совсем девичьего смущения и любви.

— Что я могу сказать, — едва вымолвила она. — Вот...

Мухаббат порывисто обняла мужа и крепко поцеловала его в лоб, а потом в закрытые глаза. Рустам тоже обнял жену и растроганно прижал к груди.

— Доченька, дядя твой пришёл, — крикнула из соседней комнаты тётушка Хаджия.

Мухаббат вздрогнула от неожиданности и поспешно вскочила с места. Взяла из ниши одеяло и постелила его в почётном углу. Так принято в каждом узбекском гостеприимном доме, кто бы в него ни пожаловал.

— Зачем это он пришёл?

— Наверное, помириться хочет? — высказал предположение Рустам.

Максум-бобо на некоторое время задержался на террасе, стряхивая с одежды снег. Потом снял с головы обмотанную чалмой бархатную тубетейку и вошёл в комнату. С Рустамом он поздоровался за руку, а Мухаббат только кивнул, после чего прошёл и сел на приготовленную для него курпачу. Последовала короткая традиционная молитва, благословляющая дом и его хозяев. Проведя в заключение молитвы жёлтыми ладонями по жёлтому лицу, Максум-бобо начал расспрашивать Рустама о житье-бытье и здоровье. Видно было, что он никак не может перейти к главному, ради чего, собственно, и пришёл в этот дом.

Мухаббат решила было, что после такого собрания они с дядей никогда больше не будут встречаться. Во всяком случае она никак не ожидала, что он сам заявится к ней в дом.

Да, так оно поначалу и было. Максум-бобо при встречах делал вид, что не узнаёт племянницу, и отрешённо смотрел мимо или даже демонстративно отворачивался. И вот сам переступил порог так ненавистного ему за последнее время дома. С чего бы это?..

Между тем Максум-бобо сидел на почётном месте с деланной невозмутимостью и даже важностью, как в былые времена, будто и в самом деле ничего не произошло.

Мухаббат не выдержала и вышла из комнаты. Максум-бобо пододвинул к себе лежавшую па столике толстую книгу и, внимательно разглядывая её, спросил у Рустама:

— Что это за книга?

Рустам хотел было ответить резкостью и даже грубостью, сказать этому злому и бессовестному старику, причинившему ему столько боли, что-нибудь колкое, обидное. Максум-бобо вполне всего этого заслуживал. Но он сам пришёл в дом. Значит, был не только родственником, но и гостем. А в каком это узбекском доме обижают гостей, даже нежеланных? Почитай, говорят в пароде, гостя больше отца и матери.

И Рустам ответил глухо, с трудом сдерживая неприязнь:

— Это всё наша, «безглазых учительшек», наука...»

— Смотри-ка, что за чудеса! — искренне изумился, постаравшись пропустить мимо ушей довольно прозрачный намёк Рустама на его чёрствость и бессердечие, Максум-бобо и начал перелистывать действительно необычную для него книгу со сплошными точками вместо букв. — А я ведь совсем недавно видел на базаре точно такую же большую и толстую книгу. У гадальщика.

— На вашем базаре всё можно увидеть, — как не сдерживался Рустам, по голос его прозвучал резко, особенно на слове «вашем». — И я немало диковинного повидал на базарах, когда ещё мог видеть. Только эта книга вашему гадаль-

щипу не по зубам. Знаю я их. Развернут перед собой книгу потолще, чтобы простак пошпире рот разевали от удивления, и начинают поджидать того, кто глупое других окажется, поверит, будто по ней и в самом деле можно предсказать человеческую судьбу. А уж тому, кто клюнет на их уловку, начинают болтать всё, что на ум набредёт. Вот и всё их гадание!..

Максум-бобо почувствовал, в каком сейчас настроении Рустам, понял — одно неосторожное слово — и тот снова взорвётся в неудержимом гневе, как тогда, на полевом стане. Поэтому, стараясь придать голосу как можно больше теплоты и ласковости, он попросил примиряюще:

— Да ну их к лешему, этих гадальщиков. Думаешь, я сам верю в их бредни? Ты лучше почитай, сынок, свою книгу. Интересно, что в ней написано?

Рустам немного отошёл. Всякий интерес к занятию, которое так сейчас увлекало его и радовало, отзывался в душе признательностью и благодарностью.

— Ладно, почитаю. Хотя, признаться, я ещё не очень силён в этом деле. Только учусь.

— Ничего, читай как умеешь.

— Вот здесь, кажется, стихотворение было... Да, вот оно!

— Ну-ка, ну-ка, — поторапливал Максум-бобо, даже наклонился к книге, будто хотел разглядеть, что там написано. — Может быть, что-нибудь из Навои?..

Рустам начал читать:

Ты народа доблестного свет —

Хлопок.

Ты узбекского народа гордость —

Хлопок!

— Йе-йе! И в таких книгах, оказывается, пишут про хлопок?

— Да, пишут. Всё, что можно писать в книгах для зрячих людей, пишут и в этих книгах.

— А для чего пишут? Зачем всё это нужно потерявшим зрение людям? Что они, хлопок будут собирать?

Рустам побледнел и зло захлопнул книгу. Старик своим наивным, а может быть, и со злым умыслом заданным вопросом всколыхнул с самого дна души то, что и самого Рустама мучило давно и беспрестанно. Ну, научился он писать и читать. Ну, познает по книгам мир, который не может увидеть собственными глазами. Но ведь он не имеет возможности жить в этом мире, среди населяющих его людей полноценной человеческой жизнью. Он не может трудиться так, например, как Сабир и Эрбута, другие колхозники, да и не только колхозники. Он сейчас только потребитель, иждивенец, нахлебник. Всё то полезное и важное, что он получает из книг, он же нигде и никогда не сумеет применить в жизни!

И Максум-бобо, конечно, сразу догадался, что ненароком причинил человеку боль, разбередил старую, незаживающую рану. Такие вещи старик понимать умел. Понимал он и то, что следовало извиниться перед Рустамом, объяснить что всё получилось нечаянно... А нечаянно ли?.. Нет, Максум-бобо не забыл собрания в чайхане. Никогда не забудет! Но что-то сказать всё-таки надо. Что?.. Нет, не успел.

Открылась дверь, и вошла Мухаббат с шумно кипящим самоваром в руках. Поставив его на пол, она расстелила дастархан, проворно заварила чай. Потом снова вышла и вернулась с большим блюдом дымящегося плова. За ней показала тётушка Хаджия, неся в фарфоровой тарелке мелко нарезанную редьку. Сдержанным, но гостеприимным жестом она пригласила гостя к дастархану. Максум-бобо вынул из ножен свой нож и припаялся нарезать мясо. Положив в рот кусочек редьки, Рустам сказал озабоченно:

— Мама, что-то Фазыл задерживается...

Тётушка Хаджия сразу поняла, чем озабочен сын, и успокоила его:

— Отложила, отложила, не беспокойся. Придёт, я ему свеженького подам.

Вскоре плов был съеден. Медленно, наслаждаясь, пили чай. Потом Максум-бобо прочёл над дастарханом благодарственную молитву. Мухаббат начала убирать со стола.

Тётушка Хаджия налила в пиалу чаю и, протягивая её Максуму-бобо, сказала:

— Вот о чём я думаю, сват. Чем это мы бога так обрадовали, что он удостоил нас вашим милостивым посещением?

Максум-бобо смешался было, но сумел быстро взять себя в руки.

— Не совсем я тебя, Хаджия, понимаю. Разве я к посторонним людям пришёл? Да и для посторонних гостей — радость в дом. Или для меня уже и двери этого дома закрыты?.. Тогда прямо так и скажите. Ноги моей больше здесь не будет!..

— Для тех, кто идёт к нам с добрыми намерениями и открытым сердцем, двери нашего дома всегда открыты, — ответил за тётушку Хаджию Рустам.

— Дай тебе аллах здоровья и счастья, сын мой, — молитвенно провёл ладонями по лицу Максум-бобо. — Но знал и, что ты такой добросердечный и рассудительный. А теперь я за всё спокоен. Знаю, поймёшь народную мудрость: «Кто старое помянет, тому...»

И осёкся испуганно. «Тьфу! Будь оно неладно! — выругался он про себя. — С таким зятком и поговорить по-человечески нельзя. Над каждым словом но десять раз думай!..»

Рустам сделал вид, что не расслышал последних слов старика.

Максум бобо облегчённо вздохнул и сказал, поднимаясь:

— Я буду от всей души молиться за вас аллаху. Живите в мире и согласии и дай вам бог дожить вместо до старости, дети мои.

Старик стал прощаться с Рустамом, Мухаббат и тётушка Хаджией. Та было стала подниматься, но Максум — бобо проворчал недовольно:

— Провожать меня не надо!..

И шагнул через порог.

Когда за ним закрылась дверь, все почувствовали, будто гора с плеч свалилась.

* * *

... В том, что к Мирабиду в магазин нагрянула ревизия, а Хайдарали сняли с чайханщиков, оба они, не колеблясь, обвинили только Максума-бобо и решили во что бы то ни стало отомстить ему. По-своему. В крайнем случае сделать так, чтобы и старику вместе с ними досталось как следует. Но Максума-бобо несколько дней нигде не было видно. Как сквозь землю провалился.

И вот однажды под вечер Хайдарали с Мирабидом наконец увидели, как он

пошёл к дому племянницы. Теперь-то они своей цели добьются. Надо только дождаться, когда он будет возвращаться обратно.

Максум-бобо совсем было уже подошёл к своему дому, когда дорогу ему преградили Мирабид с Хайдарали.

— Нам нужно кое-что со склада перенести к вам! — возбуждённо зашептал на ухо старику Мирабид.

От него сильно разило спиртным.

— Нет, нет, аллах с вами!.. — испуганно запротестовал Максум-бобо.

— Что значит «нет»?!. Мы же в добрые дни были настоящими друзьями. Надеюсь, и в несчастье ими останемся.

Мирабид старался говорить мягко, доверительно, но в тоне его не-нет да и проскальзывала угроза.

Максум-бобо невольно поплёлся за ними.

Магазин был закрыт. Они обошли его и приблизились к складу.

Мирабид зажёл свечу. У порога Максум-бобо увидел открытую бутылку водки.

— Заходите, Максум-бобо, вот сюда проходите, — загудел ему на ухо Хайдарали.

Максум-бобо собрался было уже перешагнуть порог склада, но рухнул на пол. Это, по знаку Мирабида, дал ему крепкого пинка Хайдарали.

Максум-бобо закричал, позвал на помощь:

— Убивают!..

Живший неподалёку от склада шофёр Сабирджан, услышав этот пронзительный и молящий крик, бросился в ту сторону. Но пока он добежал до склада, Мирабид и Хайдарали успели измолотить старика до потери сознания. Увидев окровавленного, лежавшего неподвижно Максума-бобо, Сабир, не раздумывая, бросился назад, собрал ещё несколько человек и вместе с ними снова прибежал к магазину. Максум-бобо по-прежнему, не подавая никаких признаков жизни, лежал в луже крови.

— Да вот, споткнулся в темноте и растянулся, да ещё нос себе до крови расквасил, — спокойно, как ни в чём не бывало, объяснил собравшимся Мирабид.

На что Хайдарали с Мирабидом надеялись, неизвестно, но они даже не попытались скрыться.

Сабир сбегал к тётушке Санобар и привёл с собой Свету. Увидев, что произошло, она тут же бросилась в медпункт и вскоре вернулась с небольшим чемоданчиком. По дороге она встретила невесть откуда взявшегося Фазыла.

— Пойдёмте со мной, Фазыл-ака, — попросила на бегу Света. — Пойдёмте скорее!..

Фазыл, прихрамывая, поспешил за Светой.

Девушка оказала Максуму-бобо первую помощь.

— Машина нужна, — сказала она, распрямляясь. — Его надо немедленно отправить в район.

К счастью, машина Сабира стояла возле его дома. Уложив беспмятного Максума-бобо в кузов, Света увезла его в районную больницу.

Мухаббат о случившемся узнала только наутро, идя на работу. Сразу же вернулась домой.

— Что случилось? — встревожился Рустам.

Тётушки Хаджи дома не было, она понесла внука в детсад.

— Хайдарали с Мирабидом дядю избили. Кажется, очень тяжело... — едва сумела выговорить запыхавшаяся от бега Мухаббат.

— Да-а... — с раздумчивой озабоченностью протянул Рустам. — И где он сейчас?

— Вчера ночью Света его в районную больницу отвезла.

— Надо немедленно поехать проведать!

— Я и сама так подумала. Только вот с вами решила посоветоваться...

— Какие ещё могут быть советы! — с неожиданным раздражением оборвал жену Рустам. — Поезжай немедленно.

Мухаббат торопливо засобиралась.

Дежурный врач сначала наотрез отказался пускать Мухаббат в палату.

— Старик очень плох. Сломано два ребра. Сотрясение мозга. Боюсь, и ещё что-нибудь, посерьёзнее, — сказал он. — Нечеловечески били, прямо зверски... Может и не выжить.

Мухаббат побледнела. Прошептала поболевшими непослушными губами:

— Я племянница его, доктор. Отца у меня давно нет. Так он нам всё равно, что отец родной...

В эту страшную минуту забылись все обиды, бесследно истаяла вся боль, которую так долго и упорно причинял им с Рустамом и тётушкой Хаджией несчастный Максум-бобо.

— Ну, всего на немножечко, доктор, хоть на несколько минуток! — взмолилась Мухаббат.

— Ну, хорошо, идите, — сдался врач, видя в каком женщина состоянии. — Только на две-три минуты. И никаких разговоров, а тем более слёз!

Вся внутренне сжавшись, с окаменевшим лицом вошла Мухаббат в палату.

Максум-бобо лежал на койке неподвижно, закрыв глаза. От йода, от снежной белизны бинтов, резко оттенявших цвет осунувшегося, в сплошных кровоподтёках лица, оно казалось желтее обычного.

Видимо, услышал шаги, Максум-бобо медленно открыл глаза. Они были мутными и слезились.

— Кто это? — раздался хриплый, чуть слышный шёпот.

— Это я... — так же шёпотом ответила с порога Мухаббат.

Она не в силах была сделать больше ли шагу.

— Подойди поближе, — уже чуть громче позвал Максум-бобо.

Мухаббат невероятным усилием воли преодолела скованность и сделала несколько шагов.

— Видишь... как они меня... подлецы...

— Не надо, дядя, вам сейчас нельзя разговаривать...

— Нет, только сейчас... я и должен говорить... Потом... поздно будет... Потом уж... я... не поговорю...

Мухаббат до крови прикусила губу, чтобы не расплакаться. Нет, нельзя! Доктор ведь предупреждал...

— И ты, доченька... и Рустам... и Хаджия, — продолжал, задыхаясь, Максум-бобо, — простите меня... старого грешника... В последний раз простите... Да... теперь уж... в последний раз...

Он умолк.

Мухаббат испуганно наклонилась к койке. Нет, Максум-бобо дышал. Тяжело, прерывисто, захлёбываясь, но дышал.

Наконец он снова открыл глаза.

— Ты ещё здесь? — встревоженно спросил он.

— Здесь, здесь! — прошептала Мухаббат. — Только вы не разговаривайте больше. Доктор сказал, что хуже может стать...

— Хуже мне уже не будет, Мухаббатхон, — слабо улыбнулся Максум-бобо. — Некуда хуже... Так вот... Простите, говорю, в последний раз. Азраил уже ждёт меня. Помнишь... когда Рустам вернулся с фронта... и я... просил у него прощения за непотребные дела свои?.. Я сказал ему тогда: «... Покаяние, даже на смертном одре — благое дело»... Вот это... благое дело... я сейчас и делаю... На смертном одре... Живите мирно и дружно... Паршивец Максум-бобо... никогда больше не будет омрачать вашего счастья. Потому что его... самого не будет. Аллах справедливо наказал нечестивца за чёрную злобу в душе и зависть...

Жалость к старику разрывала сердце Мухаббат. Она так и не присела. Стоя слушала его прерывистый шепот.

— ... Помню, я и другое говорил тогда Рустаму: «Не ты — я слеп. Столько лет... блуждал во тьме... Воистину, если аллах хочет наказать человека, он отнимает у него разум... А без разума человек слеп». Да... воистину!..

— Не надо больше об этом, дядя! — чуть ли не простонала Мухаббат.

— Да... не надо, — согласился Максум-бобо. — Тогда о другом... Послушай... Там, в нише справа... под седьмым одеялом сверху... — деньги... Много денег... Возьми их...

— Что вы говорите?! — не удержавшись, испуганно вскрикнула Мухаббат, задохнувшись, теперь уже от стыда и возмущения.

— Не кричи, — снова нашёл в себе силы улыбнуться Максум-бобо. — Сама же сказала, что доктор запретил тебе волновать меня. Вот услышит твой крик, придёт и выгонит. Так и не договорим... А договорить надо!

Голос его неожиданно окреп:

— ... Вам с Рустамом эти деньги нужнее... Знаю, как вы на его пенсию... да на твои трудодни живёте... А эта вертихвостка... Видишь, ты с утра прибежала, как только... услышала о беде моей... А её до сих пор нет... Она всё равно деньги по ветру пустит... Так и скажи ей... а если заявится, я ей сам скажу: «Максум-бобо на смертном одре велел...» А желание... воля умирающего... священны! Слышишь, священны!

— Нет, нет! — глаза Мухаббат расширились от ужаса, она невольно попятилась к двери палаты.

— Забери! — крикнул вдруг пронзительно Максум-бобо и, захлебнувшись собственным криком, умолк.

В палату вбежал перепуганный дежурный врач.

— Ну, говорил же я вам! — чуть ли не плачущим от возмущения голосом стал отчитывать он Мухаббат. — Предупреждал же!.. По-человечески просил наконец... Вы что, его убить приехали?!

Схватившись руками за горло, Мухаббат выбежала из палаты.

Она не помнила, как доехала — или дошла? — до кишлака, что говорила дома.

На следующий день из района сообщили, что накануне вечером Максум-бобо умер.

Мухаббат обессиленно припала к плечу Рустама и дала волю слезам. Рыдала она долго и безутешно.

НЕДОБРАЯ ВЕСТЬ

— Так детский сад, оказывается, не предусмотрен? Голос Кунпаш-апы, сидевшей в первом ряду, рядом с Мухаббат, заставил председателя умолкнуть на полуслово. В зале началось оживление, потом вспыхнул смех. Кто-то, смеясь, выкрикнул:

— Голодной курице только просо и снится!

Заведующую детским садом Кунпаш-апу смех этот, особенно чей-то озорной выкрик, не на шутку разозлил. Она проворно вскочила и, повернувшись лицом к залу, гневно выкрикнула:

— Чему вы смеётесь? Или сейчас мода такая — смеяться над старшими? Мы ухаживаем за коровами, холим и нежим их, потому что надеемся больше молока получить. Потому и не жалеем денег на коровники там всякие. А на детей наших мы, выходит, денег жалеем? Позаботиться о них у нас возможностей нет? Конечно, они молока не дают. Они только требуют его...

По залу снова прокатился смех.

— ... И не только молока, — продолжала, всё больше и больше возбуждаясь, Кунпаш-апа, — но и крыши над головой, тепла, уюта. Я не очень грамотная, но прочитала где-то, что дети — цветы нашей жизни, наше будущее. Выходит, так — прямо скажу, никого не побоюсь! — наплевательски относимся мы к своему будущему? Так цветы бережём и лелеем?!

Возбуждение Кунпаш-апы передалось и залу. Он загудел шумным разноголосьем. Халмурадов постучал карандашом о край пиалы, призывая колхозников к порядку, однако безуспешно.

Заведующие садами и яслями из других кишлаков горячо поддержали выступавшую, стали выкрикивать с места всё, что наболело, накопилось у них на душе. Ахмаджан-ака за этим гомоном не мог слова вставить. Вдруг одна из заведующих без всякого приглашения я очереди, потому что председатель ещё не закончил своего выступления, тоже вскочила и сердито заговорила:

— Кунпаш-апа очень правильные слова здесь сказала. Нет у нас в колхозе никакой заботы о детях! Вы только посмотрите, Ахмаджан-ака, и вы, товарищ Халмурадов, в каком состоянии садики на полевых станах!.. Стоит только дождику брызнуть, и детишки всё равно, что под открытым небом.

Зал снова зашумел. Особенно нервничали женщины. Послышались выкрики:

— Правильно!.. Совершенно верно!.. Это не садики, а укрытие от ветра, да и то не сильного... Почему соседи наши сады и ясли строят — залюбуешься? Дворцы!.. А у нас что, не могут! Или средств не хватает? Пора с этим безобразием кончать!..

— Поэтому мы и хотим сказать, дорогой товарищ председатель, — выждав, когда поутихнет шум, продолжала сердитая заведующая, — если у колхоза на всё сразу силёнок не хватает, то надо годик-другой повременить со строительством клуба. Жили мы сколько лет со старым и ещё столько же проживём. Матери очень недовольны такой заботой об их детях. А к их требованиям надо прислушиваться. На женщинах, считай, колхоз всю войну выстоял, да и сейчас, если уж прямо говорить, стоит!

Она оглядела ряды, будто ища сочувствия, и только сейчас, видимо, поняла, что выступает-то — да ещё так горячо, резко! — перед сотнями человек. Нико-

гда бы в жизни не подумала, что осмелится на такое. Заведующая смутилась, покраснела, неловко смахнула со лба выступившие от волнения и напряжения капельки пота и села.

Устроившийся у самых дверей Джамалитдин-ака встал и внушительно, как всегда, заговорил:

— Женщины дело говорят, председатель. Подумать надо хорошенько над их словами. А в самом деле, не перебросить ли нам бригаду со строительства клуба на детский сад? Дело говорят женщины, дело...

Ахмаджан-ака задумался. Казалось, он никак не может осмелиться принять окончательное решение.

К трибуне подошёл Халмурадов.

— Подумаем, — начал он с твёрдого обещания. — Согласно нашим намёткам, работы по перестройке детского сада па мечены на следующий год. Если же собрание даст своё согласие, мы можем из неделимого фонда колхоза выделить средства на перестройку уже в этом году. А приостанавливать строительство клуба никак нельзя. Да, детский сад нужен нашим детям. Но клуб необходим молодёжи, на которой, как и па женщинах во время войны, сегодня, если уж говорить без обиняков, держится судьба нашего колхоза! Не моего, не председателя, а нашего с вами общего, коллективного хозяйства. Об этом тоже надо думать.

Зал затих, поуспокоился. Похоже, слова парторга если и не убедили всех, то задуматься действительно заставили. По крайней мере женщины перестали шуметь, выкрики с мест прекратились.

Слово снова взял председатель:

— Перед нами стоит сегодня ещё одна очень важная и неотложная задача. Это — строительство плотины. И не только перед нами, а перед всеми колхозами района. Если мы в кратчайшие сроки не решим её, летом придётся туго. Вы все не хуже меня знаете, как мучает нас постоянная нехватка воды. А после того, как будут освоены дополнительные посевные площади на месте камышовых зарослей, воды потребуется ещё больше, чем сегодня. Так что строительство плотины — это завтрашний светлый день нашего колхоза, это расширение производства, это увеличение достатка в каждой семье, в каждом доме! Думаю, что все вы это отлично понимаете. И вот я обращаюсь к вам, коли мы вопрос с детсадом решили, — что делать? Мы колхозники, труженики земли, а это значит — и зимой и летом, и весной и осенью дел у нас невпроворот. И на ферме людей сейчас требуется больше, чем летом. Большая часть скота, бывшего на летних выпасах, пригнана сейчас в кишлак. Опять же новая забота — надо обязательно вывезти на поля навёз. Ещё более необходимо своевременно и надёжно укрыть от непогоды полученные от государства удобрения. Для всего этого нужны люди, транспорт, время.

Долго совещались участники собрания. Много было жарких споров. Наконец приняли такое решение: на строительство плотины направить в основном молодёжь. А более лёгкую повседневную работу возложить на стариков и женщин.

В зале было до того накурено, что Мухаббат стала задыхаться. Как только собрание кончилось, она постаралась раньше всех выскочить на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Даже платок, несмотря на холодный ветер, не повязала.

Неподалёку от медпункта ей повстречалась Света.

— Мухаббат, это ты? — окликнула она подругу, боясь ошибиться в темноте. — Чего это у вас сегодня так собрание затянулось?

— Сумасшедшая! Кто же в такую погоду раздетой ходит? — воскликнула Мухаббат, увидев, что на Свете нет ни пальто, ни даже платка.

— А сама почему без платка? — незлобиво огрызнулась Света. — И даже пальто не застёгнуто... А ещё замечания делает!

— Да накурили в зале... Вот я и проветриваюсь, — пошутила Мухаббат.

— Зайди ко мне, поговорить надо.

— Нет, Света, лучше запирай свой медпункт и пойдём к нам. Я уже очень давно из дому, и душа не на месте — как там мои? Адхамджон, наверное, слезами изошёл...

— Да зайди же ты на несколько минут! Сказано же, поговорить надо. Дело очень важное. Я потому и не пошла к вам домой, а постаралась перехватить тебя здесь.

Мухаббат зашла в медпункт, сняла пальто и повесила на вешалку у двери. Потом пододвинула поближе к столу табуретку и села.

— Ну, говори, я слушаю, — глянула она на Свету.

— Кажется, отец мой приезжает... — в голосе Светы звучали и радость, и сомнение, и ещё что-то трудноуловимое, похожее на растерянность, даже смятение. — Письмо я получила.

Чтобы спрятать свои глаза от Мухаббат, она пододвинула к себе лежавший на столе толстый медицинский справочник и сделала вид, что внимательно читает его.

Мухаббат удивила эта нехитрая Светина уловка, не скрывавшая, а, наоборот, слишком даже явно выдававшая её волнение. «И чего это она нервничает? — терялась в догадках Мухаббат. — Если отец приезжает, то этому скорее радоваться надо, а радости особой па лице у Светы что-то не видно. Тревога какая-то, подавленность... Рассеянная, издёрганная... Разве можно не радоваться приезду отца? Нет-нет, такого ни за что не может быть! Это просто немыслимо, противоестественно. Она же очень любит его! Когда перестали вдруг приходить письма с фронта, Света фотографию отца из рук не выпускала и непрерывно плакала. Сколько раз я заставляла её над этой фотографией и уговаривала не изводить себя. Порою она даже пугала меня. Вдруг начинала разговаривать с отцом вслух... И вот теперь, узнав, что он приезжает, места себе не находит, и глаза от меня почему-то прячет... А может быть, Света в чём-то считает себя виноватой перед отцом? Но в чём?.. Чушь какая-то!»

— Скажи, сейчас же скажи! — решительно потребовала Мухаббат. — Что тебя беспокоит? Возвращение отца? Выходит, ты не радуешься ему?.. Или что-нибудь другое?

— А по-твоему, я должна взобраться на крышу, прыгать, бить в ладоши и кричать: «Мой отец едет, мой отец едет!» Так, что ли?..

— Ты не увиливай от ответа! Что-то ты от меня скрываешь. Значит, с приездом отца какая-то тайна твоя может раскрыться?

От такого довольно неожиданного заключения Мухаббат Света только усмехнулась невесело и тут же не удержалась от горестного вздоха. Потом, положив подруге руку на плечо, тихо сказала:

— Дорогая моя! Ты угадала. Действительно, есть у меня одна тайна. Только

отец мой здесь ни при чём. Я сейчас расскажу тебе о ней. Потому и не пошла к вам домой, а тебя дожидалась. Тайна эта в общем-то прямо меня не касается... Ну... не только меня... да и тебя, всех нас. Скажи, если, например, Фазылу-ака придёт письмо, в котором будет написано, что Катя при смерти, кто, скажи мне, кто возьмётся вручить ему такое страшное письмо?

— Что это ты говоришь? — вздрогнула испуганно Мухаббат.

— Да. Я получила два письма. Одно от папы, а другое — из Одесского госпиталя, от Кати. Читала я первое письмо и чуть не плясала от радости, а только начала читать второе — в глазах почернело.

— Где это письмо? Дай его мне! — упёршись локтями в стол, потребовала Мухаббат...

— Вот оно. Только не подумай, что я конверт открывала. Это открытка. Кто-то за неё написал, потому что почерк на Катин не похож.

Света достала открытку из ящика стола и протянула её Мухаббат.

Мухаббат начала читать:

«Федя, любимый мой! Рушатся все мечты и планы, которыми мы с тобой жили всё последнее время. Рушатся помимо воли нашей и наших желаний. Я нахожусь при смерти. Была и есть у меня одна-единственная мечта — хоть раз увидеть тебя до того, как навсегда закроются глаза. Но и этого, видать, не дано мне несчастной моей судьбой. Любимый мой, Федя, мама вернулась в Нальчик. Но что ей там делать одной? Ни родных, ни кола ни двора. Во имя нашей, я всегда верила и верю, настоящей и глубокой любви есть у меня к тебе перед смертью одна и последняя просьба. В тот дом, который ты строил в ожидании нашего с тобой счастья, заведи в него маму. Тебе и твоей будущей молодой жене она сумеет стать доброй и заботливой матерью. Дай мне слово, Федя, даже если я умру, пока дойдёт до тебя это письмо, дай мне слово, что исполнишь мою просьбу!..»

— Письмо же написано Фазылджану-ака! А как оно попало к тебе?

— Ильяс-палван оставил. Передашь, говорит, когда увидишь. А я, говорит, не могу, отвык чёрные письма носить.

Долго беззвучно и безутешно плакали подружки. Потом Света погладила Мухаббат по голове и сказала:

— Ну, хватит, слезами сейчас и в самом деле горю не поможешь. Давай лучше думать, как из этого положения выходить.

— А как из него выйдешь? — вздохнула Мухаббат. — Не понесёшь же и в самом деле эту открытку Фазылу!..

— Нет-нет, этого нельзя делать ни в коем случае! — испуганно вскочила Света.

— Вот и я говорю, но делать-то всё-таки надо что-нибудь?..

— Это и рвёт душу... Может быть, взять и рассказать Фазылу-ака всю правду? Куда теперь от неё денешься? Человек он сильный, мужественный. А там, глядишь, ещё и успеет доехать вовремя до Одессы и застать Катю в живых. Если же мы сейчас скроем всё от него, он же потом нам никогда этого не простит. Да и самих совесть совсем замучает. И потом... Вдруг появление любимого прибавит ей сил и Катя победит смерть?!

— Сейчас Фазыл в МТС. А там, знаешь, сколько работы?

— Мы эмтээсовскому начальству открытку покажем. Неужели у них сердца каменные и они не разрешат съездить человеку попрощаться с умирающей

невестой?

— А что, Сапура, если мы сделаем так? — пришла в голову Мухаббат спасительная мысль. — Что, если мы сначала покажем письмо Халмурадову? Уж он-то после этого наверняка добьётся для Фазыла разрешения на отъезд. А заодно я обо всём расскажу Рустаму. Заранее знаю — тяжело, ох, как тяжело ему будет выслушать эту чёрную весть, но что поделаешь... В крайнем случае можно сказать, что Рустаму очень нужно съездить в Одессу к профессору Филатову, а Фазыл, дескать, его сопровождать будет. И самому Фазылу поначалу то же самое скажем. А уж когда доедут до Одессы, там ему Рустам всё и откроет.

— Умница ты моя, Мухаббатхон! — порывисто и благодарно обняла подругу Света.

Халмурадов молча прочитал открытку и задумался. Сейчас в МТС самая горячая пора. Ремонт тракторов. Если каждый механизатор не переберёт свою машину буквально до последнего винтика и болтика, то с началом посевной, а тем более хлопкоуборочной кампании, он всё на свете проклянёт. Не говоря уже о возможных убытках для МТС, а значит, и для колхоза. Тем более, что запасных частей постоянно не хватает. И в то же время эта открытка...

— Что же делать, здесь решается вопрос о жизни и смерти. Так что хочешь не хочешь, можешь не можешь, а разрешения на отъезд мы добиться обязаны, — твёрдо сказал парторг.

— Спасибо, товарищ Халмурадов, — поблагодарили его женщины, облегчённо, насколько можно было говорить об облегчении в сложившихся обстоятельствах, вздохнули.

— От Фазыла это письмо пока надо сохранить в тайне, — предупредила Мухаббат. — Смотрите, не проговоритесь ненароком.

— А зачем вам эти тайны, секреты, всё равно ведь он обо всём рано или поздно узнает.

— Когда надо, узнает. А пока незачем травить ему душу. Я хочу сделать так, будто Фазыл Рустама в Одессу к профессору Филатову сопровождает. Рустаму и действительно давно уже надо показаться в тамошней глазной клинике. А уж приедут на место, там Фазыл открытку и прочтёт. Всё-таки меньше страданий. Да и Катю, если посчастливится, сможет в живых застать.

— Всё понял. Ну что ж, идея неплохая.

ВСТРЕЧА

Самолёт подлетал к Одессе. Был уже поздний вечер, и город встречал гостей бескрайней россыпью мерцающих огней.

Фазыл прильнул к иллюминатору и любовался величественной картиной ночного города, картиной, которую на земле никогда не увидишь. Но едва самолёт, вздрогнув, коснулся колёсами бетонного покрытия аэродрома, он повернулся к Рустаму.

— Всё-таки я восхищаюсь лётчиками, — проговорил он. — Настоящие мастера своего дела и бесстрашные ребята. Я уж думал, что мы заблудимся в этом океане огней.

— Они не заблудятся. — Рустам начал отстёгивать привязные ремни. — Ты что, не помнишь, как на фронте бывало? Ночь, темень, хоть глаза выколи, в метре уже человека не видать, а наши самолёты на бомбёжку летят. И бомбят так...

Между тем подали трап, и Рустам, держась за руку Фазыла, осторожно нащупывая ногами ступеньки, спустился на землю.

Зима в Одессе по сравнению с ташкентской оказалась намного холоднее. Под ногами похрустывал нерастаявший снег. Ветра не было, но мороз покалывал чувствительно. А стоило налететь хоть малейшему ветерку, как щёки и особенно нос сразу деревенели. Друзья изрядно продрогли, несмотря на то, что были плотно одеты. Рустам опустил клапаны своей каракулевой ушанки и поднял меховой воротник пальто.

— Это мне напоминает нальчикские морозы, — сказал он Фазылу. — Помнишь тот день, когда выпал первый снег? Ну и морозец тогда ударил! Я до того промёрз, что говорить не мог, губы не шевелились. А ты шёл себе спокойно в строю и ухом, как говорят, не вёл. Будто ни снега вокруг не было, ни пронизывающего ветра... Я тогда разозлился на тебя. Вот, думаю, чурбан бесчувственный, никакой мороз его не берёт.

Фазыл улыбнулся мечтательно.

— Эх, Нальчик, Нальчик!.. Как мне хочется ещё раз побывать в этом городе! Я бы ничего больше не желал, только глянуть на те улицы, по которым мы ходили с Катей, побродить по ним молча одному! Где сейчас тётя Фрося? Уж она бы меня поняла!..

— А я, значит, не пойму! — слегка обиделся Рустам.

— Да я не о том, — смутился Фазыл. — Может быть, она что-нибудь знает о Кате.

Рустам физически ощутил во внутреннем кармане пиджака страшную открытку. Она жгла ему грудь. Хотелось сейчас же рассказать обо всём Фазылу, вытащить и отдать ему открытку, но Рустам сдержался. Рано. Пока рано...

Они вошли в зал ожидания.

Фазыл усадил друга в одно из свободных кресел и сам расположился рядом.

— Нет, тётю Фросю мне очень хотелось бы увидеть, — не унимался Фазыл. — Уж я бы излил ей душу, уж я бы выплакал на её груди всю боль, что накопилась во мао за всё это время...

— Так уж и плакал бы! — усмехнулся Рустам, а сердце защемило от острой жалости к другу.

— Так не стоит, значит, плакать? — шутливо, но с приметной грустинкой

спросил Фазыл.

— Может быть, друг мой, и стоит. Только не представляю я, как несчастная женщина, сама не перестающая тревожиться за собственную дочь, найдёт ещё силы утешать этакое здоровенного мужчину?

Рустаму показалось, что он незаметно, но удачно перевёл разговор на то главное, ради чего они прилетели сюда. И теперь уже не было никакого смысла утаивать письмо от Фазыла. Теперь момент, чтобы открыть ему всё, был, кажется, самый подходящий, «Только чем всё это может кончиться? — мучительно размышлял Рустам. — Не потеряет ли окончательно себя этот сильный и мужественный человек, живущий любовью и надеждой на будущее счастье с любимой? Не раздавит ли его это внезапное и страшное в своей неотвратимости известие? Как он поведёт себя, когда узнает, что навсегда лишается Кати?..» Положим, Рустам скажет: «Катя здесь, в госпитале», и покажет другу открытку...»

Рустам думал долго. Наконец он решил побывать сначала у профессора Филатова, проконсультироваться с ним, узнать, что ожидает его самого, а потом уже рассказать Фазылу о Кате и её письме. Если профессор вдруг — ох, как боялся Рустам этого «вдруг!» — заявит, что состояние безнадежное и зрение никогда не вернётся, то что тогда...

— А не перекусить ли нам с дороги? — предложил Фазыл, выбрасывая в урну окурки махорочной самокрутки. — А то живот подвело, будто неделю ничего не ел.

— Возражений нет, — охотно согласился Рустам, обрадовавшись возможности ещё на какое-то время оттянуть необходимость принимать окончательное решение.

Фазыл достал из чемодана сдобные лепёшки со шкварками и холодное варёное мясо. Закрыв крышку чемодана, он расстелил на ней газету.

В зале ожидания, помимо пассажиров, улетающих очередными рейсами, было много и тех, кто прилетели ночью и теперь вынуждены дожидаться здесь рассвета.

— Ты посиди, а я схожу чай заварю, — сказал Фазыл и, взяв жестяной чайник, ушёл за кипятком.

В небе послышался гул нового самолёта, идущего на посадку. Потом он исчез, будто поглощённый бетоном аэродрома. Через некоторое время в зал, шумно переговариваясь, вошла группа пассажиров.

Вскоре вернулся и Фазыл. Завтракали молча: каждый думал о своём. Потом убрали остатки еды и посуду в чемодан. Фазыл встал:

— Схожу машину поищу. Уговорю кого-нибудь довести нас до клиники. Вон уж светать начало. Там и подождём. Если тебя положить надо будет, всё улажу, узнаю, сколько тебя здесь продержат, и — в обратный путь. А потом ты сообщишь, и я за тобой приеду,

Помолчав, добавил, словно извиняясь:

— Душа не на месте. Кто там за меня трактор отремонтирует? Ведь посевная вот-вот начнётся...

Рустам понял: больше тянуть нельзя, открытку надо отдать сейчас же. Он полез во внутренний карман пиджака.

— Да есть у меня деньги, — взял его за руку Фазыл.

— Нам сначала в госпиталь надо...

— В какой ещё госпиталь?

Рустам достал открытку.

— На, читай, — глухо проговорил он. — Там всё написано.

Фазыл начал читать и побледнел. Бросило в жар. Крупные капли пота выступили на побелевшем лбу. Задрожали руки, начала странно подёргиваться голова, и всё тело билось в какой-то мучительной, неостановимой лихорадке.

То, что в течение долгих месяцев было лишь тревожным предчувствием, предположением, отравлявшим каждую минуту жизни Фазыла, превратилось вдруг в самую страшную правду. Окрылённое бережно хранимой радостью от предстоящей встречи с любимой, воодушевлённое стремлением сделать всё для совместного счастья сердце Фазыла готово было разорваться от обрушившейся на него нежданной и беспощадной боли, от неизбежного отчаяния. Глухая пелена горя застлала глаза. Исчезло, низринулось в чёрное небытие всё: и этот зал, наполненный неумолчным гулом человеческих голосов, и сама люди, листающие, сидя в креслах, газеты и журналы, даже Рустам. Все, все!

Может быть, за всё время после ранения Рустам впервые не пожалел о том, что не видит. Впрочем, он знал, в каком сейчас состоянии друг, чувствовал это по тяжёлому, прерывистому дыханию Фазыла, будто тому не хватало воздуха.

И вдруг Фазыл заговорил:

— Ты об этом знал ещё в кишлаке!.. Знал и ничего не сказал. Почему? Пожалели меня?! Или испугались? И как ты мог спокойно сидеть со мной рядом, разговаривать, хлеб есть, когда у тебя на груди была эта страшная открытка?! Едем немедленно в госпиталь!

— Мы же первый раз в этом городе, — как можно спокойнее ответил Рустам. — Городской транспорт в такую рань не ходит, если он вообще сейчас есть...

Как ни странно, но тон этот подействовал на Фазыла если и не успокаивающе, то как-то мобилизующе, что ли. «В самом деле, что это я раскис? — подумал он. — Мало на фронте смертей видел?.. Но это же Катя! Да... Катя... Но не забывай, что рядом с тобой человек, который без тебя шагу сделать не может. И он на тебя надеется. И, между прочим, заботился о тебе же, когда прямо там, в кишлаке, не отдал открытку. Старался сократить твои страдания...»

— Тогда ты посиди здесь, Рустамджан, а я пойду какую-нибудь машину раздобуду.

СМЕРТЬ КАТИ

Война оставила в городе глубокие следы. Целых зданий почти не было. Где они совсем снесены снарядами и бомбами, где зияют огромными сквозными пробоинами, где обвалились стены. Хорошо ещё, что зима это обезображенное войною лицо города заботливо прикрыла белоснежным покрывалом.

Даже деревья покалечены. Одни переломлены пополам, другим осколки, пули и снаряды срезали ветви. Покорёженные, изуродованные, они напоминали жестоко израненных в сражениях солдат.

Правда, улицы были уже расчищены от завалов и начинали заново отстраиваться. Воронки от бомб и снарядов засыпали землёй и заравнивали, покрывая сверху асфальтом или мостя булыжником. Восстановительные работы в городе были в самом разгаре, Куда ни глянь — трудятся мощные машины, сотрясая землю своим напряженным гулом, деловито кланяются невесть кому своими ажурными стрелами подъёмные краны, громко, чтобы перекрычать шум сплошной стройки, перекликаются строители. По улицам снуют бесконечные вереницы машин, гружённых камнем, гравием, песком, бетоном.

— Везде сейчас так, — вздохнул пожилой водитель трёхтонки, перехватив взгляд Фазыла.

Да, вся страна строилась, восстанавливала разрушенное войной хозяйство. Каждый советский человек был занят этим тяжким, но благородным, поистине великим делом залечивания ран и созидании.

Слева по улице показались большие зелёные ворота.

— Вот и приехали, — притормозил свой ЗИС шофёр, а когда Фазыл полез было в карман за деньгами, бросил коротко, но решительно: — Ты это, браток, оставь. Негоже фронтовикам фронтовика обижать. — И крепко пожал поочередно руки, сначала Фазылу, потом Рустаму, добавил с улыбкой: — Удачи вам!..

— Спасибо... — заставил себя улыбнуться Фазыл.

Трёхтонка развернулась и укатила.

Едва они вошли во двор госпиталя, как встретили молодую женщину в белом халате.

— Сестрица, — обратился к ней Фазыл, — можно вас на минуточку? Вы здесь работаете?

— Да.

— Тогда скажите, будьте добры, где палата для раненых фронтовиков?

— Я сама в этой палате работаю. А что?

— Вы Катю знаете?

— Да... А вы кто будете?

— Ну, это долго объяснять. Из Ташкента мы о другом...

— Из Ташкента?! Тогда я Аню позову...

— Какую Аню и зачем? — ничего не понял Фазыл.

Но медсестра уже убежала, бросив на ходу:

— Вы подождите немного, я сейчас.

И она скрылась за массивной дверью подъезда.

Ждать и в самом деле пришлось недолго. Не успела, казалось, дверь закрыться, как снова распахнулась. В таком же белом халате вышла другая медсестра и направилась прямо к Фазылу с Рустамом.

— Я — Аня, — коротко представилась она. — А вы... вы — Федя? Юнусов?..

— Откуда вы меня знаете?! — теперь уже удивлённо и встревоженно воскликнул Фазыл, даже не заметив сразу, что глаза у Ани покраснели и припухли.

— Пойдёмте, я провожу вас к главврачу, — тихим охрипшим голосом произнесла она. — Хотя... нет, не сразу. Сначала зайдём в ординаторскую.

— Странные вы все какие-то! — вырвалось у Фазыла. — Нам надо к Кате... Немедленно! Не для того мы из самого Ташкента летели, чтобы...

— Это надо, — так же негромко, но твёрдо сказала Аня.

В комнате, которую Аня назвала ординаторской, стояло несколько простых письменных столов, большой застеклённый шкаф с какими-то папками и две низких кушетки, обтянутые коричневым дерматином. На одной из них понуро сидела старушка в поношенном чёрном пальто, стоптанных валенках и приспущенном на плече сером вязаном платке. Она подняла голову и внимательно оглядела вошедших, потом вопросительно глянула на Аню: «Кто это?..» Аня подошла к ней, наклонилась и что-то шепнула. Старушка резко выпрямилась на кушетке, потом медленно встала, не спуская глаз с Фазыла. Она даже хотела сказать что-то, но как-то испуганно прикрыла рот маленькой сухой ладошкой.

— Вы узнаете, Федя, эту женщину? — подошла к Фазылу Аня.

Фазыл долго смотрел на старушку, мучительно припоминая, где бы он мог её видеть, — а в том, что видел, не сомневался, едва глянул, — но так и не вспомнил.

— Не узнаёт. Да и как узнать. Разве узнаешь человека, который больше двух лет хоронился в диких горах от смерти-погибели! Я тётя Фрося, Феденька!

Фазыл вздрогнул от неожиданности и, невольно выпустив локоть Рустама, шагнул к старушке.

— ... Да и я бы сама никогда Федю не узнала. Возмужал он, в плечах раздался, загорел, — успокоительно сказала тётя Фрося.

Фазыл смотрел па тётю Фросю, не отрывая глаз. Они постепенно наполнялись слезами.

— Что с Катей, она жи... здорова, где она сейчас? — чуть слышно спросил он наконец.

— Катя здесь, сейчас мы её увидим, — с какой-то излишней даже уверенностью и бодростью ответила старушка. — Правда, Аня?..

Аня сделала вид, что не расслышала обращённого к ней вопроса, а чтобы это выглядело естественнее, стала озабоченно перебирать папки в шкафу. Потом спохватилась, будто забыв что-то, и вышла из комнаты. Прайда, ненадолго. Открывая дверь, она услышала, как тётя Фрося сказала:

— Что же ты меня, Феденька, с товарищем своим не познакомишь...

Фазыл смущённо оглянулся на Рустама. Тот стоял посреди комнаты, напряжённо вслушиваясь в происходящее, так и не опустив полусогнутую в локте руку. На лице его застыла полувиноватая улыбка.

— Да вы его знаете, тётя Фрося, это Рустам...

— Батюшки! — изумлённо всплеснула руками старушка. — Только прости меня, не признала я тебя сразу, сынок.

— Да, меня теперь трудно признать, — печально согласился Рустам.

Тётя Фрося хотела было спросить, что у Рустама с глазами, но удержалась.

«Известное дело — война, — подумала она горестно. — А я ещё к нему со своими расспросами полезу. Небожь, парню и без того несладко...»

Теперь узнала Рустама Шакирова и Аня.

Он такой же, как и тогда в партизанском отряде, крепкий, здоровый. Только вот это странное, отсутствующее выражение лица и полувиноватая улыбка говорили о его слепоте. Выглядит он бодро, хоть и устал, наверное, о дороге, да и сейчас перенервничал. А так, поправился, загорел.

Да, теперь Аня окончательно его узнала.

Взволнованная этой ещё одной неожиданной встречей и желая хоть на какое-то время оттянуть окончательное объяснение с тётёй Фросей и Фазылом у главврача, она подошла к Рустаму, взяла его под руку и с деланной обидой в голосе проговорила:

— Товарищ Шакиров, почему это вы боевых друзей перестали узнавать?

— А кого я должен узнать? — удивлённо спросил Рустам.

— Аню. Помните, вы ещё к нам с заданием в партизанский отряд приходили? К Петру Максимовичу...

— Что вы? Ведь именно тогда я и потерял навсегда глаза. Разве такое забывается, тем более в моём положении?..

— Я это хорошо знаю и ваше нынешнее положение не хуже понимаю. То, что вы лишились глаз, сначала поняла Катя, а потом и я узнала. Дед Григорий, что травами вас лечил, сказал мне.

— Он и мне сказал: «Отгляделся, парень. Нечем теперь глядеть», — голое Рустама прозвучал глухо, сдавленно.

Аня замолчала, терзаясь тем, что нечаянно причинила человеку боль. Потом, успокоившись немного, повторила вопрос:

— Так вы вспомнили Аню из отряда Петра Максимовича? Это я и есть!..

— Вспомнил, Аня, вспомнил, маленькая и храбрая ты партизанская разведчица!

Аня грустно улыбнулась.

— Когда же мы к Кате пойдём, Аннушка? — напомнила тётя Фрося.

— Да, да, надо идти, — поддержал старушку Фазыл. — Потом у нас ещё будет время поговорить.

«Едва ли вам будет до разговоров», — вздохнув, подумала про себя Аня, но делать нечего, тянуть больше нельзя было.

Затем она проводила всех в кабинет главного врача, что-то сказала ему на ухо и поспешно вышла, чуть ли не выбежала в коридор. Услышав от Ани, кто они и откуда прибыли, пожилой врач с бедой бородкой клинышком усадил тётю Фросю рядом с собою на стул. А Фазылу с Рустамом жестом предложил располагаться на диване. Затем он снял очки и стал медленно протирать их. Протерев, так же медленно надел. Тусклые, видимо, от усталости, да и от возраста, глаза его в обрамлении редких и светлых ресниц изучающе смотрели через очки на тётю Фросю. Видно было, что он не особенно торопился начинать разговор о Кате.

Да и к чему торопиться? Что утешительного может сказать он этой женщине и этому бледному как стена парню? Конечно же, с самыми светлыми, а если не светлыми, то всё-таки с надеждами, ехали они сюда из далёкого Нальчика и ещё более далёкого Ташкента. А он возьмёт сейчас и одним-двумя жестокими словами страшной правды разобьёт их и так изболевшиеся в беспре-

станных тревогах сердца. А других слов у него не было. Потому и молчал. И без того, что он должен сказан сейчас, жизнь, видать, хотя бы ату пожилую женщину, потрепала больше, чем достаточно. Об этом красноречиво свидетельствуют следы перенесённых страданий, горя и лишений — обтянутые иссохшей, выцветшей кожей скулы, бескровные губы, потухший взгляд, неровная — он сразу приметил это, едва женщина перешагнула порог кабинета, — шаркающая походка. Ей, наверняка, не так уж и много лет, но золотистые некогда волосы густо посеребрила седина.

Человеку по природе его свойственно спешить к людям прежде всего с добрыми вестями. Он находит истинное, ничем не заменимое удовлетворение в том, что доставляет радость другим. С доброй, радостной, светлой вестью он преодолевает порою, не зная усталости и уныния, страха и отчаяния, невыносимые преграды и расстояния. И в награду за это ему достаточно лишь благодарного взгляда, счастливой улыбки.

И так же, как человек с большой охотой и готовностью доставляет людям радость, с такой же неохотой и собственной сердечной болью сообщает он им дурные, печальные, чёрные вести.

Старому врачу не надо было преодолевать никаких расстояний. Вот они, здесь, рядом, те, которые ждут от него доброй вести. Но нет у него для них этой доброй вести. А горе причинять?.. Хотя он и много повидал его и сам пережил на своём веку, но сердце не очерствело, не смогло оно привыкнуть к людским страданиям. Вот сейчас надо сказать тётке Фросе: «Опоздала ты, женщина, твоя дочь Катя уже умерла». Но разве повернётся язык выговорить эти страшные слова? Потому и молчит так долго главный врач. Молчит, понимая, что больше молчать нельзя, что тогда молчание будет красноречивее и понятнее самых непонятных и так нежелательных этим людям слов. Понимал и... ничего не мог с собою поделать.

Он снова и снова снимал очки и тщательно протирает и без того чистые стёкла белоснежным носовым платком. Наконец решился. Осторожно выдвинул ящик стола и достал оттуда небольшой узелок. Молча положил его на стол. Надел очки, развязал узелок. В нём были фотография, орден Боевого Красного Знамени, несколько медалей.

Тётя Фрося и Фазыл сразу всё поняли. Только до Рустама, не видевшего, что делает врач, сначала ничего не дошло. Лишь по жуткой тишине, установившейся в кабинете, он начал догадываться, что произошло непоправимое.

Фазыл будто окаменел. Взгляд его остекленевших глаз остановился. Он теперь даже не дрожал, как там, в аэропорту.

Зато в голос заплакала, запричитала тётя Фрося:

— Ох, Катенька, доченька, кровиночка моя!.. И на кого же ты меня покинула?..

И тогда Рустам всё понял. Он повёл неуверенно рукой, нащупал ладонь Фазыла и пожал её. Ладонь была безжизненно вялой и холодной.

Тётя Фрося перестала причитать, но слёзы беспрерывно текли из её глаз, катились по ввалившимся, увядшим до шафрановой желтизны щекам, по сухим от внутреннего жара губам, падали на пальто, на вздрагивающие руки, в которых она комкала носовой платок, не в силах поднести его к глазам.

Фазылу стало трудно дышать. Он как-то странно всхлипывал.

И тут тётя Фрося уронила голову на грудь, медленно стала клониться на бок

и упала со стула на пол.

До Фазыла с трудом доходило всё происходящее вокруг, но он сразу понял, что тётя Фрося потеряла сознание, и бросился ей на помощь. Подхватив старушку на руки, осторожно уложил её на диван.

Будто почувствовав, что она очень нужна сейчас, в кабинет вбежала бледная, заплаканная Аня. Она тут же дала тётя Фросе понюхать ватку, смоченную в нашатырном спирте, потом снова выбежала и вернулась со шприцом, сделала старушке укол, приложила к лицу маску от кислородной подушки. Тётя Фрося стала медленно приходить в сознание. Оглядела помутневшим, ничего не понимающим взглядом кабинет и снова обессиленно закрыла глаза. Через минуту она открыла их и уже осмысленно огляделась вокруг. Увидела стоявшего рядом Фазыла, тут же опёрлась ему на руку и села на диване.

— Ты-то как, Федя, сыночек?..

Фазыл молчал.

— Вот видишь, какое у нас с тобой горе случилось, — тихо и печально проговорила тётя Фрося. — И не успели мы, не успели даже своими руками светлые глазоньки её закрыть, последнее слово её услышать...

Фазыл продолжал молчать, лишь дышал тяжело и прерывисто. Рустам не выпускал из своей руки его ладонь. Она снова начала дрожать.

Главврач завязал в узелок орден, медали и подошёл к тётя Фросе.

— Возьмите это и бережно храните. Ваша дочь была настоящим солдатом. Родина будет вечно гордиться такими дочерьми и так жн вечно чтить их светлую память!..

Тётя Фрося бережно приняла узелок и прижала его к груди.

— Катя!.. Катенька!!.. — простонала она.

И столько было в этом стоне тоски и отчаяния, что Аня рухнула на диван рядом с тётей Фросей и плечи её затряслись в беззвучных рыданиях.

«Да, несчастье многолико, — горько размышлял Рустам. — Мне думалось, что я самый несчастный человек на земле... Но у меня хоть и глаз нет, зато есть большая и светлая любовь. Верность любимой в любых невзгодах. И... может быть... надежда на выздоровление, прозрение... Маленькая, слабая, но надёжна. А какими надеждами жить сейчас этой бедной старушке? Что светлого и радостного ждёт её впереди? Фазыл, конечно, её не оставит... Да, теперь на Фазыла одна только и надежда!»

Между тем врач с фотографией в руке подошёл к Фазылу.

— А это вам. Катя передала её Ане и попросила: «Если каким-нибудь чудом он приедет сюда или ты его где-нибудь встретишь, передай прямо в руки, а не приедет, и не встретишь, вышли туда, где он будет жить».

Фазыл и сейчас помнит историю появления этой фотографии.

Неожиданно ему дали увольнительную в город. В то время это считалось непоозволительной роскошью. Фазыл чуть ли не бегом побежал к дому тётя Фроси. Катя, на счастье, была дома.

— Пойдём, погуляем по парку, — едва переступив порог, предложил он. — У меня, есть несколько свободных часов.

— Ой, правда? — радостно всплеснула руками Катя. — И сфотографируемся, ладно? Страх, как люблю фотографироваться!

— Согласен, — коротко ответил Фазыл.

— Ну тогда, Федя, ты иди и подожди меня у фотографии. А я тут... немножко

причепурюсь. Я недолго, совсем недолго, — заверила Катя, заметив на лице Фазыла огорчение, и не удержалась, чтобы кокетливо не повести большими голубыми глазами.

Фазыл не понял, что значит «причепурюсь», но спрашивать не стал и ушёл.

Катю он увидел ещё издали, и ахнул от изумления. «Да такой девушки не только в Нальчике, на всём Северном Кавказе не найти! Да что там Северный Кавказ! Во всём мире только одна такая создана...»

Такой Катя ему теперь всегда и вспоминалась. На ней лёгкое шёлковое платье, светло-русые косы закинута за спину. На ногах белые туфли с высокими каблуками. На нежном запястье сверкают золотые часики. Лицо открытое, сияющее, взгляд больших голубых глаз весёлый и задорный.

Несмотря на то, что они находились в самом центре многолюдного города, Фазылу неудержимо захотелось тут же нежно и страстно прижать Катю к груди, крепко поцеловать её. Но он лишь осторожно взял любимую под руку. Они вошли в фотосалон.

— Когда со мною рядом такой орёл, ястребы, разлетайтесь! — никого не стесняясь, с шутливым вызовом громко сказала Катя, и сама же первая весело рассмеялась.

Так и запечатлел их фотограф: Фазыла с напряжённо застывшим от смущения лицом и взглядом, полным немого очарования, и Катю, задорно улыбающуюся, лёгкую, воздушную и стремительную, словно ласточка.

Фазылу вдруг показалось, что глаза Кати на фотографии ожили, губы дрогнули в улыбке. Он испуганно отвёл взгляд от снимка и поспешно спрятал его в карман.

— Ну, что ж, просьбу Кати мы выполнили. Фотографию вручили именно так, как больше всего желала покойная, — голос главврача неожиданно снова стал озабоченным и деловитым.

Нередко так, намеренно уходя в дела, в придуманные заботы, люди спасаются от душевного смятения. Повернувшись к Ане, которая перестала наконец плакать в заботливо хлопотала возле тёти Фроси, он спросил:

— Кажется, одна из комнат рядом с аптекой свободна? Проводите туда гостей, пусть отдохнут. Сегодня у них было от чего устать. Да, тяжёлый, драматически тяжёлый день.

Он снял и снова начал протирать очки.

— Что вы?! — встрепелась Аня, — Они ко мне пойдут.

— К вам?.. Столько человек в одну комнату? Я, милочка, ценю вашу отзывчивость и благородство... Только... Впрочем, поступайте, как считаете нужным. Хочу только ещё раз, на всякий случай напомнить, — комната рядом с аптекой свободна.

Фазыл помог тёте Фросе подняться с дивана. Попрощавшись с главврачом, они вышли из кабинета. Аня взяла под руку Рустама.

По улицам им пришлось идти недолго. Неподалёку от госпиталя стояло четырёхэтажное здание, угол которого был снесён снарядом. В нём и жила, оказывается, Аня.

В комнате было тепло. Особой мебели здесь не было, но стол, несколько стульев и кровать, аккуратно застеленная стареньким выцветшим покрывалом, придавали комнате ничем не заменимый домашний уют. В одном углу стояла этажерка с книгами, в другом висело зеркало в деревянной с потрес-

кавшейся краской раме. На стене — фотография: Аня рядом с каким-то майором. Вот и всё, видно, богатство, которым располагала Аня. И всё-таки комната не выглядела пустой, бедной. На всём лежала печать заботливой и искусной женской руки, вкуса хозяйки и желания сделать своё жилище как можно привлекательнее и уютнее.

Едва войдя в комнату, Фазыл поспешил усадить ослабевшую от потрясения тётю Фросю на стул. Но тут к нему подбежала Аня и горячо зашептала:

— Что ты делаешь, Федя? Её надо немедленно уложить в постель.

Она повесила на вешалку пальто Рустама, усадила его на один из стульев и спешно разобрала постель.

Тётя Фрося легла и закрыла глаза. А Аня побежала на кухню. Фазыл тоже сел и начал, сам того не желая, молча разглядывать нехитрое убранство комнаты. Снова, как и в кабинете главного врача, воцарилась гнетущая тишина. Каждый был занят своими невесёлыми мыслями.

Вошла с большим чайником в руках Аня. Тётя Фрося, опершись на локоть, выпила налитого ей чаю с сахаром и попросила:

— Аня, доченька, а теперь расскажи нам, когда и где вы похоронили нашу Катю.

— Может быть, не сейчас, тётя Фрося...

— Расскажи, расскажи. Теперь уже всё одно — ничего не поправишь, а сердцу материнскому каждое слово о дочери дорого.

— Вчера, тётя Фрося, после обеда. Госпитальный двор еле вместил всех, кто хотел проводить её в последний путь. Даже Пётр Максимович с каким-то генералом специально прилетели. Весь госпиталь: раненые, которые могли ходить, врачи, медсёстры; нянечки — все проводили Катю на кладбище. Я ехала на машине у Катиного изголовья. Когда гроб с её телом установили над могилой, Пётр Максимович сказал такую прочувствованную речь, что редко, кто не заплакал. Даже солдаты, прошедшие все ужасы войны, насмотревшиеся на сотни и сотни смертей, терявшие не раз родных и близких, боевых друзей своих, и те не могли сдержать слёз.

Аня замолчала, торопливо и сама отхлебнула чаю, боясь снова заплакать. Потом, справившись с собой, продолжала:

— ... Глянула я вокруг — кто носовым платком, а кто и по-мужски, кулаком, вытирает глаза. В конце не выдержал и сам Пётр Максимович. Голос его охрип, а потом он и вовсе не смог говорить. Отвернулся в сторону — а куда отвернёшься, когда вокруг народ? — и только плечи вздрагивали...

— Товарищ Шакиров, — повернулась Аня к Рустаму. — А вы помните майора... Нет, тогда ещё капитана Солдатова? Кстати, он теперь мой муж...

Аня снова умолкла, посчитав, что последняя фраза может прозвучать сейчас несвоевременным и неуместным хвастовством.

— Помню, помню! — оживился Рустам. — Такой подтянутый был, всегда выбритый, аккуратный. И к воинской дисциплине прямо-таки равнодушный.

— Он и сейчас такой, — голос Ани потеплел. — Так вот, он тоже выступал на похоронах. И о вас вспомнил. «Замечательного, — сказал, — мужества и стойкости, необыкновенных душевных сил человек. Катя, которая вынесла его на себе с того страшного минного поля, не раз, даже перед самой смертью, восхищалась его поистине железной выдержкой и чувством солдатского дол-

га».

— Спасибо, — тихо проговорил Рустам, и непонятно было, к кому он обращал сейчас это своё прочувствованное «спасибо». — А заодно поздравляю... А где же сейчас Солдатов, где Пётр Максимович? Его-то мне особенно хотелось бы повидать. Передать привет от дочери, Евдокии Васильевны, рассказать, как они живут у нас... Да и вообще поговорить. Нам-то есть что вспомнить, о чём порассказать друг другу!

— Витя ещё в штабе, наверное, — ответила Аня. — Но вот-вот должен прийти. Человек же он, сами только что сказали, аккуратный. А Пётр Максимович вчера, сразу после траурного митинга и похорон, улетел в Ташкент. Кажется, собирается забрать тётю Дусю со Светой и вернуться с ними в Нальчик.

— Ах, какая жалость! Как неудачно разминулись наши пути, — глубоко и искренне огорчился Рустам. — Уедут они все в Нальчик, и когда ещё доведётся свидеться, если вообще доведётся. А как же Пётр Максимович узнал о смерти Кати? Он же в Москве, кажется, служит...

— Витя ему позвонил. Они после войны связи друг с другом не теряли.

— Да... — задумчиво протянул Рустам. — Значит, Солдатов — ваш муж. Вот как жизнь порою поворачивается...

— Да... — в тон ему продолжила Аня. — Такой мужественный, умный и красивый человек взял да женился на такой дурнушке, как я.

— Я не об этом, — смутился Рустам. — Да и какая вы, Аня, дурнушка. Я же помню — красавица! А уж о мужестве вашем, о выдержке и самоотверженности и говорить не приходится. Знаю, как вы выполняли боевые задания в самом логове врага, притворившись сумасшедшей. Ведь это нечеловеческое самообладание надо иметь, поистине железный характер. Солдатский. Советский. Нет, Виктор не ошибся в выборе подруги жизни.

— Спасибо, Рустам, — теперь уже Аня проговорила растроганно.

Фазыл и тётя Фрося участия в разговоре не принимали. Старушка неподвижно лежала на кровати, закрыв глаза. То ли дрёма её, измученную и разбитую, сморила наконец, то ли она снова впала в забытие. Фазыл сидел у стола, уставившись в одну точку, а пальцы беспрестанно и нервно теребили края старенькой скатерти. Но вот он тряхнул головой, будто отгоняя тягостное оцепенение, и повернулся к Ане.

— Скажите, вы всё время были рядом с Катей? — спросил он.

— В партизанском отряде несколько месяцев. А потом, когда она узнала от Рустама Шакирова, что вы живы, она решила добираться до своей части. Что из этого вышло, вы знаете...

Аня бросила мимолётный взгляд на Рустама. Тот сидел с постоянным теперь для него отсутствующим выражением лица. Но видно было, что слушал он внимательно.

— ... Дальше я её след надолго потеряла. И вот, когда наш отряд присоединился к регулярным частям, и Пётр Максимович уже командовал полком, в части появилась Катя. Оказывается, — это она сама рассказывала — после госпиталя её отпустили с вами и Рустамом на побывку в Ташкент. А потом это роковое ранение.

— А где, когда и как она была ранена?

При этом вопросе веки у тёти Фроси чуть приметно дрогнули. Не открывая глаз, старушка как-то вся напряглась и почти перестала дышать, слушая этот

печальный рассказ о дочери.

— В день победы у нас в части был большой праздник. Мы с Катей, бойцами и командирами весело распевали все советские песни, какие знали, танцевали. «Пусть день Победы будет и днём нашей свадьбы!» — договорились мы с Виктором, ещё когда воевали в партизанском отряде. Потом оказалось, что в этот день в нашем полку состоялось ещё две свадьбы. Проходили они весело и торжественно, под звуки полкового оркестра. Ночь напролёт звенели песни, слышались шутки и смех. Все выпили понемножку, но, конечно же, были возбуждены не только от вина. Победа!.. Долгожданная и дорого, кровью и смертями оплаченная Победа. Под утро мы большой группой отправились на берег речки. Ну совсем как русская речушка, несмотря на то, что в Чехословакии, Неширокая, тихая, вся в зелени. А по правому берегу — роща, одетая в нежную майскую зелень. Мужчины решили искупаться, а мы с Катей только умылись. Группа уже возвращалась в часть, когда из-за одного из придорожных домов раздались выстрелы. Несколько бойцов сразу бросилось к дому, сдёргивая на бегу с плеч автоматы. Остальные стали оказывать помощь раненым. Витю ранило тогда в бедро, меня — в левую руку, а вот Катю — в голову. Нас с Виктором в тот же день самолётом отправили на родину. В этом одесском госпитале и поместили. Катю же сразу не решились. Она была в очень тяжёлом состоянии. Потом, примерно через месяц, и её, как я уже говорила, переправили в Одессу. Состояние её не улучшалось. Она часто теряла сознание, звала маму, Федю... Однажды захожу я к ней в палату, а Катя лежит с открытыми глазами. Глаза голубые-голубые, ясные и чистые. «Ну, — думаю, — слава богу, кажется, всё самое страшное позади!» А Катя подвывает меня и говорит: «Надо написать письма Феде и маме...» — Конечно, — отвечаю, — надо... Они ж, поди, извелись там все. Сколько времени от тебя ни строчки!» Катя стала диктовать. Но только продиктовала она первые строчки, у меня сердце оборвалось. «Катя, — так и хотелось крикнуть мне, — Что это ты диктуешь?!» Глянула, а глаза у неё сухие, горят, потемнели. «Пиши!» — потребовала она. Я пишу, а буквы прыгают, никак их сквозь слёзы не разгляжу. Кончив диктовать, Катя устало закрыла глаза. Потом снова потеряла сознание и, не приходя в себя, умерла...

И опять все долго и тягостно молчали. Рустам понимал, что надо как-то разрядить эту гнетущую обстановку. Но как?

— Аня, а сколько сейчас времени? — пришло наконец спасительное решение.

— Чуть больше одиннадцати.

— Тогда сделаем так. Пусть тётя Фрося здесь отдыхает. А мы с Фазылом сходим в глазную клинику. Мне надо сегодня же встретиться с профессором Филатовым.

«Надо увести, хотя бы на время увести отсюда Фазыла, — торопился Рустам, беря палку и вставая. — Вдвоём женщинам будет легче. Ещё раз поплачут, изойдёт боль слезами, и полегчает...»

— А кто это тебе сказал, что я устала, сынок? — слегка даже обиделась тётя Фрося, с видимым трудом поднимаясь с кровати. — Пусть, Аннушка, Рустам с Федей идут. Дело у них важное. А ты проводи меня, хоть на могилку Катину гляну.

— Нет, нет, мама!.. — тут же решительно запротестовал Фазыл. — Сами вы кладбище не найдёте. Да и с Аней сейчас не надо ходить. Мы все вместе схо-

дим. Вот только из клиники возвратимся с Рустамом.

— А может быть, по-другому сделаем? — предложила Аня. — Виктор обычно обедает дома. У него есть машина. Пообедаем и поедем на машине на кладбище. Побудем там, а потом можно съездить и в глазную клинику. Как ты считаешь, Рустам?

Рустам заколебался, не зная, как быть. Но потом первоначальное решение показалось ему всё же наиболее своевременным и правильным. Он повторил тихо, но настойчиво:

— Мы с Фазылом ходим в клинику. Это действительно очень важно, да и времени у друга моего в обрез... Кто меня, когда он уедет, будет водить по незнакомому городу?

— Рустам! — укоризненно воскликнула Аня. — Неужели ты среди чужих людей?! Как тебе не стыдно?..

— Прости, Аня!.. Я понимаю... Но ты ведь работаешь. А не то... — смущённо и растерянно забормотал Рустам. — Только сходить нам надо обязательно сейчас.

— Ну, сходите, — сдалась наконец Аня. — Только постарайтесь к обеду не опоздать. Погодите, погодите, а Фазыл-то как разберётся в незнакомом городе, куда идти? Может, мне вас проводить?

— Нет, вы с мамой оставайтесь, — встревожился Фазыл. — Мало ли чего... Ослабла она очень. А мы не заблудимся. Язык, кажется, говорят у русских, до Киева доведёт, а уж до клиники — тем более.

— Значит, так, — всё же начала объяснять Аня. — Дойдёте до госпиталя, туда вы теперь дорогу знаете, свернёте влево...

— Да ладно, ладно, — не удержавшись, слабо улыбнулся Фазыл. — В городе же люди есть, покажут, подскажут.

— Ну так смотрите, к обеду не опаздывайте, — напомнила напоследок Аня, направляясь на кухню.

Ни в какую клинику, конечно, они не пошли, Рустам предложил попросту побродить по городу. Фазыл сразу всё понял и благодарно сжал другу локоть.

Когда они вернулись, Солдатов был уже дома. Он быстро встал навстречу Рустаму, крепко обнял его, потом подал руку Фазылу.

— Ну вот и свиделись, товарищ Шакиров...

Аня умоляюще-испуганно глянула на мужа. Солдатов догадался о своей оплошности и осёкся. Тревожно посмотрел на Рустама. Все неловко молчали.

— Ничего, ничего, — успокоил Солдатов Рустам. — Не расстраивайтесь. Я уже стал привыкать... Люди же не виноваты, что словам можно придать разный смысл. Ну, как вы? Аня говорит — майор уже. Поздравляю!

Разговор не клеился. Вспоминать о войне, о партизанском отряде, о задании, с которым приходил в лес со своими друзьями Шакиров, он не решился. Это вольно или невольно снова бы привело к горестным воспоминаниям.

— А вчера здесь Пётр Максимович был, — нашёлся наконец Солдатов. — О вас вспоминал. Да он к вам в Ташкент и улетел. Семью забирать. Снова получил назначение на партийную работу в Нальчик.

— Я уже знаю, — ответил Рустам. — И очень сожалею, что не удалось с ним встретиться.

— Ну, как вы сейчас живёте? — осторожно поинтересовался Солдатов.

Рустам при этом вопросе заметно воодушевился.

— Сейчас лучше. Намного лучше, чем сразу после возвращения с фронта. Азбуку Брайля освоил. Даже решил книгу о войне написать. Обязательно в ней и о вас страницы будут, немало страниц. И о Петре Максимовиче.

— Ну, о Петре Максимовиче, безусловно, стоит. А обо мне-то зачем? — шутливо запротестовал Солдатов.

Он был рад, что гнетущая обстановка, вызванная его невольной обмолвкой, наконец разрядилась.

— ... Сейчас собираюсь профессору Филатову показаться, — продолжал между тем Рустам. — Когда-то, ещё в Ташкенте, он крепко меня обнадёжил. Если обещания его сбудутся хотя бы наполовину — большего счастья мне не нужно.

— А вы разве сейчас не от профессора? — удивлённо спросила Аня.

— От него, только не застали в клинике.

Аня недоверчиво глянула на Фазыла, но ничего не сказала.

— Ну, а теперь за стол, — пригласила она всех.

После обеда Аня сказала мужу о их планах на сегодня, но Солдатов решительно запротестовал:

— Никаких разговоров на эту тему. Сегодня, я имею в виду. Вы посмотрите, на кого вы похожи! Вы что, совсем доконать себя хотите?

— Сынок, — начала было тётя Фрося, всхлипнув,

— Понимаю, всё понимаю. И потому так решительно против. И железо не всё выдерживает, а нервы — не железо... Пощадите хоть себя, если мы Катю уберечь не сумели...

В конце концов все согласились с Солдатовым и отложили поездку на кладбище на завтра в такое же время.

И после ужина хозяева и гости долго не вставали из-за стола. Проговорили далеко за полночь. Потом спохватились: все устали, особенно тётя Фрося, спать пора.

Тётю Фросю уложили на кровать, а все остальные легли на полу.

— Прямо, как в партизанском отряде! — пошутила Аня.

Через несколько минут все спали. Напряжение долгого дня всё же сказалось.

ПЁТР МАКСИМОВИЧ В КИШЛАКЕ

В доме тётушки Санобар начался настоящий переполох. Евдокия Васильевна не выходит на работу с того дня, как получила письмо о том, что приезжает муж. Заведующий фермой, учитывая особой важности причину, разрешил ей это... И вот они со Светой с утра до ночи не знают ни минуты покоя. С теми разве что перерывами для Светы, когда она бегала в медпункт, чтобы принять самых неотложных больных. Натопили пожарче печку, побелили изнутри комнату, тщательно вымыли и без того чистые окна и двери, прибрались.

Вся тоска по мужу, что скопилась в душе Евдокии Васильевны за годы войны, за долгие годы вынужденной разлуки и связанных с нею тревог, обернулась от одного только письма в безбрежную и неудержимую радость. Совсем как в годы беззаботной и безмятежной молодости, с губ её не сходила улыбка. Она часто и без всякой видимой причины смеялась, начинала вдруг напевать, казалось, давно забытые песни. То и дело поторапливала дочь:

— Пошевеливайся, пошевеливайся, Светик! Дел у нас с тобой — только начать и кончить! А времени, сами по знаем, сколько...

Свете тоже хотелось радоваться вместе с матерью. Только радости почему-то не получалось. Она и корила себя и стыдила: «Отец едет, долгожданный, любимый, а ты ходишь туча-тучей. Бессовестная!..» Но сердцу было тревожно, беспокойно, будто предчувствовало оно какую-то беду. Можно было даже подумать, что со вчерашнего дня беззаботность и даже шаловливость Светы полностью передались Евдокии Васильевне, а все мамины заботы и печали свалились на её, Светины, девичьи плечи. Спросит у неё что-нибудь мать, она ей машинально ответит, а не спросит — Света целыми часами рта не раскрывает. Правда, на работе это настроение никак не отражается. А мысли её в это время далеко, там, где Катя борется со смертью, там, где теперь все уже, конечно, знающий Фазыл. «Бедный, как ему, должно быть, тяжело!» — вздыхает Света.

Евдокия Васильевна давно заметила, что дочь в подавленном, мрачном настроении. Знает она и причину этого тягостного состояния. «Да... — горестно размышляет женщина, — тяжёлый для доченьки удар. Подругами они были близкими, с самого раннего детства. Вместе играли, росли, потом вместе в школу пошли. Очень друг в дружке привыкли, привязались. Прямо как сёстры родные. И вот Катя... Ах ты, горе-то какое! До смеха ли сейчас Свете, до радостей ли, хоть и отец едет!..»

Но вот наконец вся домашняя работа была закончена, каждая вещь вымыта и протёрта, да не один раз! Всё аккуратно расставлено по местам. Уставшая от хлопот Евдокия Васильевна с наслаждением вытянулась на кровати. Света прикрутила фитиль лампы и присела к матери па краешек постели.

— Мама, — спросила она, — а папа, наверное, не собирается здесь долго задерживаться?

— Не знаю, Света. Вот приедет наш папа, тогда всё и выяснится.

— Нет, мама, это, по-моему, и сейчас ясно. Он же написал в письме: «Назначен на работу в областной комитет партии». А если так, то здесь он долго пробыть не сможет.

— Если на работу назначен, ещё лучше. Вернёмся прямо в свой родной город.

— Вы-то уедете. А я разве смогу даже подумать об этом, пока не узнаю, что с Катей?

Евдокия Васильевна лежала на кровати навзничь, подложив ладони под голову. Но слова Светы не на шутку встревожили её, и она тут же повернулась на бок.

— По письмам узнаешь, — попыталась было отговорить дочь.

С улицы донеслись протяжные автомобильные гудки. Потом у самой двери послышались шаги, затем и голом Сабира:

— Где вы там? Поехали!..

Света поспешно вскочила:

— Как поехали? Куда?

— В правление телеграмма пришла. Ваш отец сегодняшним поездом приезжает. Откуда, не знаю, но приезжает. Вот меня и послал к вам срочно парторг.

— Мама, слышала? Собирайся поскорее!..

Евдокия Васильевна поспешно встала и побежала на кухню, где с утра, помогая им, хлопотала Санобар-апа.

— Мы на вокзал поехали, Санобар, — сказала она. — Ты уж извини нас, но придётся тебе здесь самой как-нибудь за всем необходимым присмотреть.

— Какие извинения, Дусяхон! Поезжай. Пока вы вернётесь, всё будет, как на свадьбу, готово. Едва заслышу машину, так сразу и рис засыплю. А всё остальное давно готово.

Снова послышались частые, нетерпеливые гудки. Света первой выбежала на улицу, Евдокия Васильевна поспешила за нею, на ходу повязывая платок.

В машине уже сидел только что подошедший из правления Халмурадов. Он развернул телеграмму, которую держал в руках, ещё раз заглянул в неё.

— До прихода поезда осталось чуть меньше двух часов, — предупредил он, — Не опоздать бы. Поехали поскорее.

Едва они въехали на привокзальную площадь, как объявили о прибытии поезда. Все поспешили на перрон. Немного времени спустя показался скорый «Москва — Ташкент». Пятый вагон, о котором говорилось в телеграмме, остановился прямо напротив встречавших.

— Вот он, вот он, мой папа! — закричала Света, первая увидевшая Петра Максимовича.

Тот махал им рукой из окна вагона.

Света бросилась в вагон. Не обращая внимания на недовольное ворчание пассажиров, которым она мешала в проходе, Света с визгом бросилась отцу на шею и начала покрывать его лицо бесчисленными поцелуями.

— Вы бы, товарищи, прошли в своё купе, — раздражённо посоветовал кто-то. — Там и целовались бы, не загораживали бы людям прохода!..

— Сейчас, сейчас... — извиняющимся голосом проговорил Пётр Максимович, смахивая кулаком набежавшие слёзы.

В вагон еле протиснулись и Халмурадов с Евдокией Васильевной. Все вместе они действительно прошли в первое же освободившееся уже купе. Подождав, пока пройдут самые волнующие минуты встречи так долго не видевшихся и истосковавшихся друг по другу родных людей, Халмурадов шагнул к Петру Максимовичу и раскрыл объятия.

— Давай встретимся по-нашему, по-узбекски, — сказал он, крепко обнимая гостя.

— Ох, спина! — приглушённо охнул Пётр Максимович. — Если так встречаются по-узбекски, то половина узбеков должны быть горбатыми.

— Ничего, — улыбнулся Халмурадов. — Объятыя добрых друзей и горбатого распрямят.

Между тем все пассажиры уже покинули вагон. Стих возбуждённый гомон, прекратилась сутолока. А в купе всё говорили и говорили. Казалось, вопросам, порою самым неожиданным, не будет конца. А то вдруг замолкали и молчали подолгу, лишь изредка поглядывая друг на друга, заплаканные и счастливые.

Наконец не выдержал проводник. Заглянув в купе, он сдержанно проворчал:

— Мне тут прибираться надо, товарищи, и вагон закрывать. Разговаривать и в зале ожидания можно.

— Да, да... — спохватился Пётр Максимович.

Они вышли и направились в купе, в котором ехал Рагозин. Пётр Максимович нагнулся было к загодя снятым с полки чемоданам, но Халмурадов опередил его, и все они гуськом пошли к выходу.

Дожидавшийся внизу на перроне Сабир подхватил из рук Халмурадова тяжёлые чемоданы и понёс их к машине.

Опять первой спрыгнула с подножки Света.

— Пап! — тут же повернулась она к вагонной двери. — Давай руку.

Пётр Максимович был очень взволнован встречей. В движениях его появилась совсем не свойственная ему суетливость: он то поднесёт к лицу и долго наслаждается ароматом подаренного ему огромного букета невесть где раздобытых цветов, то вдруг начнёт торопливо шарить в карманах, искать платок, чтобы вытереть всё набегающие и набегающие слёзы радости и счастья.

Как только машина въехала в кишлак, грянула весёлая музыка. Послышались ритмичные удары дойры — узбекского бубна, торжественно протрубил карнай, повёл щемяще нежную мелодию сурнай. Этого не ожидали даже Евдокия Васильевна со Светой. Ведь время-то было уже такое позднее!

Петра Максимовича встречал чуть ли не весь колхоз.

На площади у школы, освещённой неровным, колышущимся светом множества факелов, выстроились в линейку пионеры. Вокруг четырёхугольной деревянной трибуны шумели сотни и сотни человеческих голосов.

С машины соскочили сначала Халмурадов, а за ним Пётр Максимович, из кабины вышли Евдокия Васильевна со Светой. На площади раздались аплодисменты, слышались приветственные возгласы:

— Хуш келибсиз! Добро пожаловать, дорогой гость!

Как только Пётр Максимович, Халмурадов, Евдокия Васильевна и Света направились по знаку Ахмаджана-ака к трибуне, снова вспыхнули аплодисменты, заиграла музыка.

Председатель колхоза взял за руку совсем уже онемевшего от радостного изумления и смущения Рагозина, притянул к себе и тоже крепко обнял.

— Добро пожаловать, дорогой наш гость! — с чувством проговорил он.

Потом Ахмаджан-ака глянул с трибуны вниз и крикнул:

— Джамалитдин!

— Я здесь, — отозвался стоявший за спиной председателя, плотно укутанный в тёплый ватный халат Джамалитдин-ака.

На дворе давно уже стояла весна, но проклятая рука никак не унималась. А

от неё и какая-то непонятная лихорадка била и била, да так, что порою зуб на зуб не попадал. Вот и старался бригадир одеться потеплее.

— Надевай! — распорядился Ахмаджан-ака.

Петра Максимовича тут же заставили снять пальто и надели на него красивый бекасамовый халат, перепоясали шёлковым поясным платком-белбагом. Шапку тоже пришлось снять и заменить её на расшитую тюбетейку. В соответствии с требованиями традиционного гостеприимства, нарядив гостя в национальный костюм, Джамалитдин-ака тоже обнял Петра Максимовича. Площадь снова разразилась дружными аплодисментами, взлетела к небу ликующая песня сурная, ей внушительно, прерывистыми рокочущими вздохами вторил карнай под ритмичную дробь дойры.

Света глянула на отца, всплеснула руками и расхохоталась.

— Ну, будет, будет! — дёрнула за руку дочь Евдокия Васильевна, сама с трудом сдерживаясь, чтобы тоже не рассмеяться. Уж слишком необычно выглядел Пётр Максимович в этом непривычном для него да и никогда не виданном одеянии.

Председатель поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

— Дорогие товарищи! В гости к нам приехал Пётр Максимович Рагозин — герой войны, возглавлявший в тылу врага грозный партизанский отряд. Фашисты этого отряда как огня боялись. Потом Пётр Максимович участвовал в окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков и в изгнании их со священных пределов нашей Советской Отчизны. Только недавно вернулся он из-за границы на Родину. Так скажем же ещё раз нашему дорогому гостю: «Добро пожаловать! Хуш келибсиз! Мы от всей души рады вашему приезду!..»

— Добро пожаловать! Хуш келибсиз! — многоголосым эхом тут же разнеслось по площади.

Школьники замерли в торжественном пионерском салюте.

После этого Джамалитдин-ака взял протянутый ему тётушкой Санобар дастархан и вручил его Петру Максимовичу. Бесперывно улыбающийся от переполнивших его радостных чувств, от смущения и благодарности к этим незнакомым людям, устроившим ему такую торжественную и душевную встречу, он принял дастархан и глубоко поклонился собравшимся. Отломил от лепёшки кусочек и положил в рот.

Школьники запели партизанскую песню:

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот...*

Песня стихла. Колхозники начали расходиться с площади. А те, что были на трибуне, во главе с Ахмаджаном-ака направились к дому тётушки Санобар. По дороге к ним присоединилась Мухаббат. Она крепко обняла Свету и зашептала ей на ухо:

— Поздравляю тебя, подруженька, от всей души поздравляю. Замечательный у тебя отец!

В комнате Евдокии Васильевны собрались мужчины, а там, где жила тётка Санобар, — женщины.

Пётр Максимович в недоумении глянул на Халмурадова. Тот сразу понял

причину этого недоумения и с улыбкой пояснил:

— Традиция, дорогой Пётр Максимович, традиция... Может быть, и не совсем правильная, и устаревшая, не прочно укоренившаяся. Успокойтесь, никого это не обидит. Да и посади сейчас женщин вместе с нами — они же окаменеют от смущения — так уж с пелёнок воспитаны — кусок, как говорят, им в горло не полезет. Да, традиция — вещь цепкая, хотя против многих из них, самых вредных, мы настойчиво и решительно боремся. А уж эту безобидную сейчас прямо разрушить нет, думаю, никакой надобности, да смысла. Только вечер испортим.

Пётр Васильевич лишь пожал плечами в ответ, будто говоря: «Традиция так традиция. Просто странно с непривычки».

Началось весёлое и шумное застолье.

Правда, традиция всё же была отчасти «нарушена».

Света, как вошла с отцом в дом, так больше от него не отходила ни на шаг. Она нежно положила ему руку на плечо и с любовью вглядывалась в родное, покрытое сетью морщин лицо, в поредевшие, густо присыпанные сединой волосы.

Пётр Максимович кого-то всё время искал взглядом.

— Света, — не выдержал он наконец, — почему это Рустама Шакирова не видно?

— Они с Фазылом в Одессу уехали. Рустам хочет показать свои глаза профессору Филатову.

— Гм-м... Да... хорошо, — замялся в нерешительности Пётр Максимович. — А Фазыл знает, что в Одессе... Катя?

— Как, папочка, и ты об этом знаешь? — изумлённо и тревожно воскликнула Света.

Она ведь думала, что отец приехал в кишлак прямо из Москвы.

— ... Да, знаю... Я же сейчас из Одессы еду... Вернее, из Одессы я вылетел самолётом в Москву, уладил дела с переездом в Нальчик и потом уже направился к вам...

— И Катю там видел?

— Да...

Пётр Максимович замолк на полуслове, в глазах его мелькнула никак не соответствующая обстановке грусть. Молчал он долго, потом глубоко вздохнул и сказал:

— Так, видимо, суждено было, доченька. Похоронили мы Катю...

Света испуганно отшатнулась. Чтобы не разрыдаться при гостях, весёлых, ничего не подозревающих, она выбежала во двор.

— Катя, невеста вашего односельчанина, Фазыла Юнусова, была подруга Светы, — пояснил в ответ на недоумевающие взгляды мужчин. — Вместе росли... В общем... умерла Катя...

— Бедный Фазыл, — только и смог выговорить Халмурадов.

А Света была оглушена, раздавлена этим известием.

Она шла по двору, пошатываясь, натыкаясь на какие-то предметы, обо что-то спотыкаясь.

— Что с тобой? — испугалась Мухаббат.

Она только что вышла из комнаты, в которой сидели женщины. Расставляла там на дастарханах вазочки со сладостями, потом ляганы с пловом, разли-

вала чай.

Не в силах вымолвить ни слова, она взяла подругу за руку и повела в садик, а там бросилась Мухаббат на грудь и дала волю слезам. Та, ничего не понимая, стала успокаивать бьющуюся чуть ли не в истерике Свету, мягко поглаживая её по голове.

— Да что с тобой? — всё встревоженнее спрашивала она. — Что, наконец, случилось, почему ты плачешь?

— Катя... Катя умерла!..

— Что? Что ты говоришь?! Кто тебе об этом сказал? — Мухаббат почувствовала, как в сердце заползает колючий холодок. В горле остановился жгуче горький, тугой ком.

Света не переставала плакать, ело выговаривая сквозь душившие её рыдания:

— Папа... Они Катю уже и похоронили...

Сама вытирая безостановочно текущие слёзы, она, тем не менее, находила в себе силы утешать подругу:

— Не надо, Света, не убивайся так. Да и негоже нам праздничный вечер превращать в траурный. Давай лучше соберись с силами, постарайся взять себя в руки, вытри слёзы и вернёмся в дом. Там без нашей помощи Евдокия Васильевна и Санобар-апа не обойдутся...

Свету, как могла, Мухаббат наконец успокоила. Однако у самой на душе кошки скребли. Даже на следующий день, на работе, с утра и до самого вечера безысходной болью было наполнено сердце, к горлу снова и снова подкатывал тугой ком горя и жалости. С беспокойством думала она о Свете, но не было ни одной свободной минуты, чтобы сбегать и разузнать, как у них там. Даже домой Мухаббат сумела вырваться только один раз и то на несколько минут, чтобы глянуть на сынишку. Последние дни он вёл себя беспокойно, беспрестанно плакал. Приболел, видимо. Даже в садик его пока не носили.

Но больше, чем за Свету, душа у Мухаббат болела за Фазыла. «Бедный! И что он сейчас делает, каково ему там, рядом с могилой любимого человека?»

В это время подъехала арба с минеральными удобрениями. Надо было немедленно разгрузить. Работа на время отвлекла Мухаббат от печальных мыслей. А там подошли женщины, которые разбрасывали по полю навоз. Заговорили о своих заботах, и опять Мухаббат не то что забыла о случившемся, а перестала о нём думать, уйдя с головой в привычные и неотложные дела.

Здесь же, в поле, был и Джамалитдин-ака. Раненая рука у него стала понемногу заживать. Его меньше беспокоили мучительные боли, но работать этой рукой он всё ещё не мог. Поэтому, наверное, и стоял он, как всегда за последнее время, прислонившись к столбу, подпиравшему навес полевого стана, внимательно следя за работой колхозников. Нет, он даже не следил, а любовался. Ему нравилось, когда люди работали с охотой, с шутками и песнями. Только сегодня почему-то песен не слышно. И на Мухаббат лица нет. Ах, да!.. Это вчерашнее горестное известие Петра Максимовича... Эх, доченька! Много же на тебя за такое короткое время неприятностей и горя свалилось.

Арбу разгрузили, и колхозники стали расходиться по домам. Мухаббат, отряхнув платье от насыпавшегося на него удобрения, пошла рядом с бригадиром. Они уже доходили до первой из кишлачных улиц, когда Джамалитдин-ака заговорил:

— Касымджан, оказывается, жив!

— Что?! — радостно вскрикнула Мухаббат.

— Да, жив. Письмо пришло...

— Нет, это правда? — переспросила Мухаббат. — Когда вы получили письмо?

Глаза её блестели возбуждённо и радостно. Но хоть и сильно взволновало известие женщину, она не могла не подивиться выдержке этого человека. Носить в кармане такое драгоценное письмо и молчать, а заговорив, быть таким спокойным. Впрочем, Джамалитдина-ака эти черты отличали всегда. Один раз он только сорвался, перешёл на крик. Там, в чайхане, когда разбирали клевету Максума-бобо, Мирабида и Хайдарали.

— Сегодня получил, — так же спокойно ответил между тем Джамалитдин-ака.

Нет, не так уж и спокойно. Мухаббат наконец заметила, что взгляд бригадира, всегда угрюмый и сосредоточенный, посветлел, потеплел, а голое чуть приметно вздрагивал.

— ... Сегодня, — повторил он. — Сразу в один день два письма пришло. Одно мне, а другое — Каромат. Своё я прочитал и даже, признаюсь, прослезился на радостях... Хотя слишком чувствительным никогда не был. Да простится, наверное, мне, старику... Ты-то поймёшь меня. Сама испытала, как теряют и находят ушедших на войну близких людей. Так вот, своё я прочёл, а то, другое, что Каромат адресовано, спрятал.

— А почему не съездили и не отдали Каромат? — ещё больше удивилась Мухаббат.

Каромат в это время с большой группой молодёжи работала на строительстве плотины.

— Да мне, отцу, отвозить, а тем более ей самой с руки вручать, Мухаббатхон, вроде не совсем и удобно. Девчонка же, застесняется...

— Да вы что! Она за такую счастливую весть но знаю какое суюнчи преподнесёт! Расцелует при всём народе...

— Только этого мне старику и не хватало! — рассмеялся Джамалитдин-ака.

— Тогда давайте я передам, коли вы уж девичьих поцелуев бояться стали, — пошутила Мухаббат.

— Вот об этом-то я как раз и хотел тебя попросить. Съезди, доченька, обрадуй свою подружку.

— С удовольствием. Превеликим. Только когда же я попаду к ней, Джамалитдин-ака?

— Сабирджан сегодня вечером погрузит на свою машину продукты для рабочих и завтра с утра выезжает на стройку. Поезжай и ты с ним, вместе и вернётесь, — сказал Джамалитдин-ака, достал из кармана письмо и передал его Мухаббат. — А я тут пока сам за твоим звеном присмотрю.

— А что за ним присматривать, — обиженно отозвалась Мухаббат. — Не детский сад...

— Ну, ну... — успокоил он женщину. — Не горячись. Я в том смысле, что им может что-нибудь неожиданно понадобится...

Когда Мухаббат пришла к Свете, уже был поздний вечер и в комнатах давно засветили лампы. И сегодня здесь стояло праздничное оживление. Чувствовалось, правда, и влияние вчерашней недоброй вести, но радость и сча-

стве, переполнявшие сердца так долго но видевшихся людей, брали, конечно, своё. Приходили и уходили близкие и далёкие знакомые, поздравляли Петра Максимовича со счастливым возвращением к семье, желали всем им здоровья и долгих лет жизни.

А знакомых было много. Если Евдокию Васильевну знали и любили за её чуткость и отзывчивость к людям только в том кишлаке, где она жила, то Света была знакома жителям всех относящихся к колхозу «Коммунизм» кишлаков. Да и не только к этому колхозу. Скольким больным она облегчила страдания, помогла встать после болезни на ноги!

Но вот и последние гости разошлись. Мухаббат со Светой перемыли посуду, целой горой скопившуюся у плиты, заварили два чайника чаю и вошли в комнату к Евдокии Васильевне. Здесь сидели и вроде мирно беседовали Пётр Максимович, сама Евдокия Васильевна, тётушка Хаджия с внучонком на руках (мальчишке стало лучше, и она решилась вынести его на улицу) и Санобар-апа. Но что-то с приходом Светы и Мухаббат изменилось. Они поняли это, едва переступили порог. То ли беседа стариков подошла к концу, иссякла, то ли разговаривавшие умолкли чуть ли не на полуслове, чтобы Света с Мухаббат не услышали чего-то, не их ушам предназначавшегося. Оживлённее, чем это нужно было, стали хвалить их за то, что они догадались принести свеженького чайку.

Свете показалось, что разговор шёл о Кате, Рустаме и Фазыле. Но ведь это могло только показаться! Могла и ослышаться. Да и мало ли по какому поводу можно называть эти имена!..

Она поставила чайники на стол и вышла из комнаты. А Мухаббат присела между двумя матерями, своей и Светы, и стала разливать по пиалам чай. Потом налила в себе, сделала несколько глотков и спросила Петра Максимовича:

— Дядя Петя, вы, наверное, про войну рассказывали?

— Да, вспомнил один случай, — бросив мимолётный взгляд на женщин, с готовностью и даже видимым облегчением ответил Пётр Максимович и протянул Мухаббат опорожнённую пиалу. — Была у нас в отряде женщина...

Но тут воспоминания неудержимой лавиной нахлынули на Рагозина, и он начал рассказывать, всё более увлекаясь своим рассказом, как бы заново переживая давно минувшее.

— ... Звали её Мария Долгова...

— Как?! — вскрикнула Мухаббат и покраснела от того, что так бестактно перебила старшего.

— Мария Долгова. А что?

— Ничего, ничего, — извиняющимся голосом проговорила Мухаббат. — Простите меня, я так невежливо вас перебила...

— Ничего, ничего... Так вот, Долгова, значит. Не припомню сейчас, видел Рустам эту женщину, когда появился у нас в отряде, или не видел. Но я вспоминаю её очень часто. Да и видел за последнее время нередко. Она сейчас в Москве живёт, где я некоторое время служил... Настрадалась она от немцев так, что словами передать нельзя. Но до отряда нашего всё-таки сумела добраться...

А уж потом ни одна боевая операция без неё не проходила. Мария была, на удивление даже нам, прошедшим все огни и воды мужчинам, бесстрашной женщиной. В партизанской войне некоторые, часто наиболее тонкие, а пото-

му и рискованные операции приходилось поручать женщинам. Первыми среди них были Мария и Светина и Катина подруга Аня. Они выполняли у нас роль связных, добывая попутно чрезвычайной важности сведения о враге. Но это потом. А вот сам приход Марии... Вбегает ко мне в блиндаж мой ординарец Коля Березкин и докладывает: «Товарищ командир! Важные сведения!» И протягивает листок бумаги. Развернул, читаю: «В деревне Михайловна 23 июля в два часа дня будут повешены арестованные гитлеровцами жители деревни, оказывавшие помощь партизанам...» Деревня эта была от нас не очень далеко. Если идти ускоренным шагом, то за один день до неё добраться мы смогли бы. Успеть-то мы, конечно, успели бы. А дальше что? А вдруг засада, или просто так, за здорово живёшь, на фрицев напорешься? Спасать людей, конечно, необходимо было. Но уж коли предпринимать серьёзную операцию, то следовало бы сначала хотя бы ознакомиться с окрестностями деревни и с ней самой, определить, с какой стороны удобнее и надёжнее предпринимать атаку. А для этого надо знать всё более или менее скрытые подступы к ней. Вызвал я несколько партизан, хорошо знающих Михайловку. Объяснил всё и спрашиваю: «Ваши соображения?» Они подумали немного и говорят: «С западной стороны к деревне примыкает небольшой лес, а с севера тянется глубокий и длинный овраг». Что ж, думаю, лес и овраг — позиции для нападения на Михайловку очень удобные. Скрытность, внезапность удара обеспечивает. Но и немцы ведь не дураки. Они тоже знают, что из леса да оврага только партизан и жди. Небось насажали там засад — шагу не шагнёшь, чтобы пулю не схлопотать, а то и целую очередь. Единственно правильный выход, который мог бы обеспечить успех трудной операции: проникнуть ночью в деревню и установить связь с теми её жителями, которые могли помочь партизанам. На том и порешили. Разделили отряд на две группы. Одну из них возглавил наш замполит, капитан Солдатов. Другую повёл я сам. В полночь добрались до Михайловки. Остановились в леску, предварительно выслав туда разведчиков. Засада, похоже, в лесу не было. Он хоть и небольшим был, но деревья росли густо, укрыться можно было надёжно. Отправил я двух надёжных партизан в деревню. Вернулись они нескоро, но возбуждённые, довольные. Нашли, оказывается, в Михайловке нужных людей и узнали от них много интересного и ценного для нас. По их словам, накануне целая машина автоматчиков тщательно прочесала лес и обшарила овраг. Ничего подозрительного не обнаружив, немцы расположились в местной комендатуре. Я тут же послал ординарца за Солдатовым. Выяснилось, что и его разведчики вернулись из деревни точно с такими же сведениями. Посоветовавшись, решили не тянуть время, не дожидаться, когда начнётся казнь, а немедленно напасть на комендатуру. Договорились с Солдатовым и о последовательности действий. Он тут же ушёл к своей группе. Как только мы скрытно подошли к комендатуре, в первую очередь перерезали телефонные провода. Был у нас отчаянно храбрый украинский паренёк Левченко. Подкрался он бесшумно, по-кошачьи к часовому, тот и пикнуть не успел, как между лопатками у него торчал финский нож. Мы тут же стремительно ворвались во двор. Часовые, что находились и внутри помещения, обнаружили нас и подняли тревогу. От их крика автоматчики сразу проснулись и бросились к оружию. Маленький двор превратился в настоящее поле боя. Мало что соображающие спросонья немцы валились замертво под сокрушительными ударами прикладов, от партизанских финок и кинжалов.

Стрелять мы договорились только в крайнем случае, когда другого выхода не будет, чтобы не привлекать к операции чьё-нибудь лишнее и крайне нежелательное внимание. Да, закипел рукопашный бой... Это был страшный, жестокий, невообразимо стремительный и горячий бой. Дрались прикладами, штыками, ножами, сапёрными лопатками, просто кулаками. Слышу, завязался бой и в соседнем дворе. Но сразу с выстрелами и довольно-таки частыми. Выстрелы эти и свист пуль слышались над всей деревней. «По-видимому, Солдатов почему-то задержался с атакой, — подумал я про себя. — Как бы плохо это для пего, да и для нас всех, не кончилось». Но стрельба в соседнем дворе продолжалась недолго. Когда Левченко вывел из внутренних комнат толстого, как откормленный кабан, коменданта, там, где дралась группа Солдатова, наступила тишина. Мы освободили всех арестованных и вместе с ними поспешили обратно в лес. Среди приговорённых к смерти была и Мария Долгова. Фашисты так избили, так истерзали её, что она еле передвигала ноги. Партизаны, даже не дожидаясь моей команды, подхватили на руки обессиленную женщину и понесли. К рассвету мы были уже довольно далеко от Михайловки. Чтобы не дать обнаружить себя немецкой «раме», которая с первыми лучами солнца настойчиво закружила над окрестностями деревни, усиленно разыскивая, все партизаны это понимали, нас, — пришлось идти только под прикрытием леса и по оврагам. Да, в тот раз нам пришлось особенно нелегко. Только через сутки почти непрерывного марша добрались мы до своей базы. Мария до того была измучена и обессилена, что около недели не могла подняться. Всё тело в кровоподтёках, ссадинах и рваных ранах. Оглядев новую пациентку, партизанский врач нервно забарабанил пальцами по столу. Это всегда было у него признаком сильного волнения. Марию предстояло лечить долго и серьёзно...

Не сводя потемневших глаз с рассказчика, Мухаббат протянула ему пиалу свежего чаю. Пётр Максимович взял, благодарно кивнув. Отхлебнув несколько глотков, помолчал, будто не решаясь продолжать начатый рассказ. По правде говоря, продолжать и не хотелось. Слишком свежи ещё были в памяти эти трагические события, и слишком ещё больно ранили они сердце. Но женщины в молчаливом напряжении ждали, и Пётр Максимович, глубоко вздохнув, снова заговорил:

— ... Наш Ясновский партизанский отряд, да и не только наш, одним словом, все партизаны округа довольно часто получали очень оперативную и ценную информацию о наличии и численности гитлеровских войск в местных гарнизонах, о их вооружении. Но информация эта была анонимной. На первых порах не покидала тревога: не дезинформация ли, не сам ли враг раскрывает нам свои «военные тайны». Но разведчики уточнили: и раз, и другой, и третий всё соответствует действительности. «Кто же он, — мучила нас мысль, — этот наш добровольный помощник?» Только после операции по освобождению приговорённых к повешению выяснилось, что это была Мария... Записки свои она передавала через деда Григория, предварительно взяв с него чуть ли не клятву — не говорить ни в коем случае партизанам, кто передаёт сведения. «У меня с фрицами свои счёты, — сказала она деду Григорию, — так что имя моё партизанам ни к чему...» А уж дед Григорий, коли пообещал что, — камень!.. Однажды Мария прибежала в лесную сторожку с запиской о том, что в деревню прибыл какойто важный немецкий полковник и

пробудет в ней всего одни сутки. Сообщила, и где он расположился. Армейская разведка давно уже просила «языка» посолідней, и счастливый случай этот упускать никак полым было. В тот же день, а вернее уже глубокой ночью, мы внезапно ворвались в деревню, сграбастали в одном белье очумевшего спросонок и перепою и ничего не понимающего полковника я скрылись в лесу... Но Марию, оказывается, когда она возвращалась из лесной сторожки, видели солдаты из комендатуры. На следующий день её забрали. Допрос был долгим и жесточайшим. Но, несмотря ни на какие пытки, Мария ни слова не сказала о том, куда и зачем ходила, с кем и для чего встречалась. Тогда её стали мучить вместе с обоими детьми. Немецкий офицер, взбешённый упорным молчанием арестованной, обрушил на неё страшные удары проволочной плётки. Испуганные дети бросились к матери, обливающейся кровью, чтобы защитить её от озверевшего палача. Они повисли на руках у немца, чтобы он не смог снова поднять свою ужасную проволочную плётку. Офицер отбросил их ударами сапога и крикнул Марии: «Если не заговоришь, я пристрелю обоих твоих щенят!» Мария молчала, а проволочная плётка продолжала свистеть, разрывая в клочья платье и кожу на спине. Вдруг немецкий офицер схватил младшего сынишку Марии, приставил к его головке пистолет и снова закричал: «Говори! Иначе сейчас же застрелю его! И второго тоже... Говори!»

Пётр Максимович снова вздохнул и замолчал.

— А дальше, дальше что было?.. Неужели этот зверь детей пострелял?!

— Да, — не поднимая головы, кивнул Пётр Максимович.

— Ой, горюшко! Ах, звери кровожадные! Чтоб ваши могилы свиньи разрыли... — всхлипнула тётушка Хаджия.

Этого испугался и громко заплакал сидевший у неё на руках Адхамджон.

Рустам мало и неохотно рассказывал о войне, поэтому только сейчас до старушки стало доходить во всей полноте, какое это, оказывается, было страшное бедствие, война и какие муки, надругательства пришлось вынести от озверевших фашистов советским людям. И не только солдатам, партизанам, но и старикам, женщинам, детям. Подумав, что такое могло бы случиться с её внуком, старушка похолодела от ужаса,

— А что же потом было? — повторила вопрос Евдокия Васильевна.

— Марию, как я уже сказал, приговорили вместе с другими жителями деревни к повешению. Но и тут она каким-то чудом сумела передать деду Григорию ту, последнюю свою записку... Ну, а что дальше было, вы уже слышали.

— Значит, эта женщина не умерла? — с какой-то непонятной для сидевших в комнате настойчивостью спросила Мухаббат.

— Нет, не умерла, — ответил Пётр Максимович, — Она живёт сейчас в Москве. За день до отъезда сюда я специально выбрал время и навестил Марию. Ведь меня на работу в Нальчик назначили, и кто знает, когда ещё скрестятся наши жизненные пути-дороги.

— А кроме тех двух несчастных малюток, у неё были ещё дети? — продолжала упорно и всё более возбуждаясь допытываться Мухаббат.

— По её словам, у неё ещё была дочь, которая к началу войны училась в каком-то, запямятовал, институте. То ли в народнохозяйственном, то ли в сельскохозяйственном... Не помню, одним словом. И она, и муж Марии пропали во время войны без вести.

— Долгова, говорите? — в задумчивости переспросила Мухаббат. — А как

звали её дочь?

— Вот этого совсем не знаю. Не спросил. Просто не решился. Человек потерял всех родных, а я ещё расспросами буду ему душу травить... А в чём, собственно, дело? Что-то тебя всё это, я вижу, очень заинтересовало. Ты даже в лице изменилась.

— Понимаете, Пётр Максимович. В городе есть предприятие слепых. Так заместителем директора там девушка по фамилии Долгова. Все её зовут Зоя Кузьминична, — по-прежнему взволнованно заговорила Мухаббат.

— Вот оно что! — тоже заволновался Пётр Максимович. — А ведь может...

— Погодите, погодите! — подняла руку Евдокия Васильевна. — Не горячитесь. Дело слишком серьёзное, чтобы горячку пороть. Давайте начнём вот с чего. Ты думаешь, доченька, — повернулась она к Мухаббат, — среди русских мало женщин по имени Мария, Зоя и о фамилией Долгова? Петя, — начала уже и она волноваться, — а адреса её ты не знаешь?

— На память не знаю, — огорчённо ответил Пётр Максимович. — А в записной книжке где-то есть. Но я её со всеми бумагами уже багажом в Нальчик отправил.

— Какая досада! — вздохнула Евдокия Васильевна. — А то могли бы письмо написать, а то и телеграмму послать, сообщите, мол, Мария... Как её по отчеству?

— Да что я её в партизанском отряде по отчеству называл? Мария и Мария... Или товарищ Долгова. Война же! — занервничал, сознавая, что ничем сейчас не может помочь в безусловно важном деле Пётр Максимович.

— Ну, проще могли бы написать: сообщите, мол, срочно, Мария, как звали по имени-отчеству вашу дочь, сколько ей лет, в каком институте она училась и где вы всей семьёй жила до войны? А потом эту Зою Кузьминичну о том же расспросить. Сразу бы всё и прояснилось...

— Сейчас ничего не помню, — сокрушённо развёл руками Пётр Максимович. — Вот приедем в Нальчик, оттуда сразу и напишем.

Света согласилась во всём с матерью, да и с отцом,

— Да, схожих имён и фамилий у нас много. Вот о Фазылом-ака лежал в госпитале мужчина тоже по фамилии Долгов... Как это его звали? Як... Як... Ну, он ещё шофёром работает, в райцентре!

— Яков, что ли? — спросила Евдокия Васильевна,

— Нет... Вспомнила!.. Вспомнила! — обрадованно закричала Света. — Его зовут Кузьма Яковлевич!

— Кузьма Яковлевич? — изумилась Мухаббат. — Так ведь и я его знаю!..

— Конечно, знаешь. Он не раз бывал у нас, — подтвердила Света.

— Кузьма Яковлевич Долгов... Зоя Кузьминична Долгова... Что-то слишком много совпадений, — уже насторожился Пётр Максимович. — Не мешало бы их хорошенько проверить, уточнить. Давайте, мы с Дусей и Светой напишем из Нальчика Марии, а вы здесь выясните как-нибудь у Кузьмы Яковлевича всё, что нас интересует... Только действовать надо, как вы сами понимаете, с чрезвычайной осторожностью. Если мы начнём расспросы в лоб или, не дай, как говорят, бог, возьмём, да и сразу сведём Зою Кузьминичну с этим шофёром, а во время встречи ничего не подтвердится... Не надо, думаю, объяснять, чем всё это может кончиться... Так и убить человека недолго... Особенно Кузьму Яковлевича. Потерять надежду, снова обрести её и снова потерять... Он

ведь не молодой уже, наверное?

— Да, в годах, — подтвердила Света.

— Вот видите. И вся война за плечами. А это, как вы сами только слышали, далеко не курорт. Нервы, я уверен, у него изношены до предела... Не взять бы нам грех на душу, хоть и из самых благородных побуждений. Сами же себе потом вовек не простим. Значит, будем действовать так, как договорились?

— Хорошо, — согласилась Мухаббат.

И тут Пётр Максимович снова вспомнил о Рустаме.

— Чёрт возьми! — стукнул он кулаком по колену. — Быть в Одессе, рядом с боевым товарищем, и не повидать его! Надо же свалиться на меня такому невезению!.. Теперь придётся уезжать, так и не встретившись с Рустамом.

— А к чему так торопиться? — заметила тётушка Санобар. — Поживите у нас, отдохните как следует. Скоро клубника поспеет. Знаете, какая у нас клубника! Язык проглотишь, задохнёшься от аромата! А там, глядишь, и Рустамджан вернётся. А на лечение профессор оставит, Фазыл вернётся. Он всё и расскажет подробно. Получится, будто и в самом деле свиделись. Фазыла же всего на несколько дней отпустили. Горячая сейчас нора — посевная на носу.

— Не знаю, как и быть. Только больше, чем на неделю, я задерживаться здесь никак не могу. Кстати, Дуся, вам со Светой надо завтра же заняться увольнением с работы и оформлением всех необходимых для отъезда документов.

Евдокия Васильевна молча кивнула головой. А Света не сказала в ответ ни «да», ни «нет». Слов нет, она очень соскучилась по Нальчику, городу, где родилась и выросла, но и из кишлака ей так не хотелось уезжать! Когда шла война, Света в разговорах с матерью часто вспоминала их дом в Нальчике и неизменно повторяла! «Вот кончится война, и мы уедем туда, да, мама?..» Война кончилась. Но сразу уехать они не смогли. Причины были разные. А главная — ждали Петра Максимовича или хотя бы вестей от него или о нём. Света рассуждала, гоня от себя тревогу: «Нам туда обязательно с папой нужно ехать. А вдруг наш дом разрушен? Где мы тогда жить будем? И кто нам поможет устроиться?»

Но вот и отец вернулся. Сидит рядом, торопит с отъездом. А Света на него, на отъезд этот, никак не может решиться.

«Ну, хорошо, поеду я туда, — мучительно, будто оправдывая себя в чём-то, размышляет она. — И что мне там делать? Ни одной из подруг, с которыми я росла и училась, в городе, конечно, давно нет. Всех разбросала по белу свету война. А уж оставшихся немцы, надо полагать, не пощадили! Да и здешние места, колхоз стали для меня всё равно что родными. Особенно люди, новые подруги. Одна Мухаббат чего стоит!.. А потом...»

Что «потом», Света даже в мыслях, для самой себя продолжать не решилась и... неожиданно покраснела. Евдокия Васильевна, внимательно следившая за дочерью, конечно, заметила происшедшую с ней перемену, но истолковала её по-своему.

— Уж не простыла ли ты, Светик? Хоть и в кабине мы на вокзал и обратно ехали, а дуло из всех щелей. Вон как щёки у тебя пылают, — приложила ко лбу дочери руку Евдокия Васильевна.

Но жара, что её удивило, не было. А Света сидела, не поднимая глаз, и молчала.

Увольняться с работы так и не пошла.

К полудню, покончив с оформлением всех необходимых документов и получив окончательный расчёт, Евдокия Васильевна поспешила в медпункт. Здесь без Петра Максимовича с дочерью можно было поговорить напрямик, откровенно.

Но разговора не получилось и в медпункте.

— Не могу я уехать отсюда!.. — опустив глаза, сказала Света.

— Но почему? — начала выходить из себя Евдокия Васильевна. — Ты же сама говорила, что уедешь, как только узнаешь, что с Катей. Теперь-то ты узнала...

— Дело не в одной Кате, — перебила мать Света.

— А в ком ещё?..

Света ничего не ответила и снова покраснела.

Теперь Евдокия Васильевна поняла, что это не от простуды. И она решила оставить дочь в покое. Хотя бы на время. Они с Петром Максимовичем уедут в Нальчик, а Света пусть остаётся. Если у неё что-то серьёзное, — а Евдокия Васильевна догадывалась, что это именно так, — то её в Нальчике ничем не удержишь, А если блажь — образумится и сама приедет.

* * *

Мухаббат встала в этот день раньше обычного и сразу, по давно заведённой привычке, стала прибираться и подметать во дворе. Потом вскипятила чай и позавтракала вместе со свекровью. Приготовила поесть Адхамджону и стала одеваться.

— Доченька, возвращайся сегодня пораньше, — попросила тётушка Хаджия, — а то внук изведёт меня снова. На руках уже, видишь ли, ему сидеть не хочется. На пол просится. А на полу-то только ползать и горазд.

Мухаббат улыбнулась и потрепала сынишку по пухленьким щёчкам.

— Хорошо, мамочка, я постараюсь нигде не задерживаться, — ответила Мухаббат и выбежала из дому, чтобы не опоздать на работу. И только пробегая мимо склада, где стояла уже загруженная машина Сабира, вспомнила о вчерашнем поручении Джамалитдина-ака.

— А я уже чуть без вас не уехал, — проворчал Сабир. — Мне сегодня ещё в район надо съездить, поэтому обернуться я должен побыстрее.

Мухаббат заскочила в кабину, мотор тут же взревел, и грузовик тронулся с места, набирая скорость. Стремительно уходила под колёса серая лента дороги. Вот-вот должна показаться строящаяся плотина. Мухаббат почему-то начала волноваться.

Машина подъехала к наполненному ровным гулом котловану и свернула влево. Здесь былолюдно и шумно. Работа кипела вовсю. Одни выносили землю из котлована и высыпали её наверху. А на дне его, в клубах жёлтой пыли, ритмично взлетали кетмени, поблёскивая на солнце отполированной сталью. Поражённый, как и Мухаббат, столь невиданным размахом напряжённого, похожего на битву труда, Сабирджан стоял, не шелохнувшись, даже забыв заглушить мотор.

— Мухаббат, ты узнаёшь вон того парня, который поднимается по откосу? — спросил вдруг Сабир, показывая на человека, который тяжело ступал вверх, согнувшись под большим ящиком с землёй.

— Нет, а кто это?

— Да ведь это Камбар. Он, как и Рустам...

Сабир осёкся, испуганно глянул на Мухаббат.

— Йе, а он почему здесь? — удивлённо спросила она, делая вид, что не слышала последних слов Сабира и не видит его состояния после них.

— Затосковал, значит, дома в одиночестве. А однажды заявил: «И я поеду на строительство плотины!» Сколько ни отговаривали, настоял на своём.

Мухаббат вздохнула. «Эх, злая судьба!» — подумала она, и сложное чувство охватило её. Была в этом чувстве и жалость к этому слепому человеку и собственным опытом приобретённое понимание его состояния в одиночестве и стремления к полноценной жизни среди людей и для людей, и гордость за его душевные силы, красивое человеческое упорство.

Год тому назад Мухаббат ходила вместе с Рустамом в соседний кишлак поглядеться с Камбаром. Вернулась она оттуда расстроенная, подавленная. Жена Камбара в тот же день, когда он слепым вернулся с фронта, собрала свои пожитки и ушла из дому. Эта невиданная и неслыханная человеческая низость и подлость, душевная жестокость несколько дней подряд больно терзала сердце Мухаббат. Оно разрывалось от сострадания к этому слепому человеку, от презрения и ненависти к подлой вертихвостке, предавшей беспомощного человека. Рустам тоже долго ходил мрачный и какой-то растерянный. Нет, его не пугала мысль, что и его может постигнуть та же участь. Верность и преданность свою Мухаббат доказала давно и нерушимо. Но... как та... могла?

«А Камбар — молодчина, не сдался, — с удовлетворением и радостью думала Мухаббат, стоя на кромке огромного котлована. — Нашёл себе достойное место в жизни. И теперь вон как упорно отстаивает своё человеческое достоинство и право на полноценную жизнь. Хотя работа и для здорового человека — тяжелей не придумаешь. А ведь и Рустам рвётся к любой работе, ведь и его также жестоко тяготит собственная беспомощность, — вспомнила она о муже и сразу почувствовала, как сильно соскучилась по нему. — Как у него там? Хоть бы всё благополучно обошлось! Смерть Кати, наверное, сильно его расстроила... Да и как не расстроить! Она же его ка fronte от верной смерти спасла. Да и Фазыл. Бедный Фазыл...»

Мухаббат медленно пошла от котлована.

Метрах в пятистах от него были расположены землянки прибывших на строительство колхозников. Близилось время обеденного перерыва, и рядом с землянками вовсю кипели огромные котлы. Вокруг них озабоченно ходили повара. Продукты, привезённые на машине, бирджан с помощью Мухаббат перенёс под навес у этой «кухни». Подошёл пожилой повар, похлопал по курдюку одного из привезённых баранов, удовлетворённо сказал:

— Теперь порядок! А то у нас с мясом за последние дни стало туговато.

И отправился к кипящим котлам. Вскоре он снова подошёл и поставил перед Сабиром и Мухаббат чайник хорошо заваренного зелёного чая. Но успели они его допить, как к землянкам группами стали собираться строители. Последними пришли колхозники из «Коммунизма». Ещё издали увидев Мухаббат, Каромат прибавила шагу, а потом, не выдержав, побежала.

— Подруженька моя! — обрадованно крикнула она и бросилась обнимать Мухаббат.

Между тем подросли другие женщины и девушки. Посыпались расспросы о кишлаке, о родных и близких. Мужчины степенно здоровались с Мухаббат

за руку и уходили к своим землянкам.

— Ну, как там, Мухаббат, в нашем кишлаке дела?

— Говорят, Светин отец приехал?

— Сама-то ты как? Рустам пишет?

— А зачем ты приехала? — поинтересовался кто-то. — С нами вместе хочешь работать?

— Или заскучала без нас?

Это уже спросила Каромат. Устала, аж посерела вся, а всё шутить пытается.

— Да, вместе с вами плотину хочу строить.

— Замечательно! А почему же без сына? Соскучилась я по нему, курносенькому.

— А он без тебя не очень. Плакать меньше приходится, но удержалась хоть и от шутливого, но укола Мухаббат.

— ... Ты бы работала, — не обращая внимания на слова подруги, продолжала она, — а я бы с ним нянчилась, потом бы ты с ним занималась, а я работала.

Одна из сидевших в кружке женщин в тон ей продолжала:

— А плакать начал бы, грудью покормила...

Каромат засмуцалась, покраснела так, что слёзы на глазах навернулись.

Женщины засмеялись. А неугомонная молодуха продолжала:

— Чем чужим детям завидовать да в няньки к другим напрашиваться, взяла бы, да и сама замуж вышла. Не успеешь оглянуться, как и у тебя точно такой же на руках запищит.

— Нет больше того парня, за которого бы я замуж пошла, — голос Каромат прозвучал глухо и печально.

— Как это нет? Что, на свете парней мало? Выбирай любого! — не унималась молодуха.

— А если ни к одному из них душа не лежит, будь он самый распрекрасный, тогда что прикажешь делать?

— Ты ошибаешься, Каромат, — вмешалась наконец в разговор долго молчавшая Мухаббат. — Грешно хоронить парня, если он жив-здоров.

— Жив-здоров, говоришь? Тебе что, во сне это приснилось? И чего это вы сегодня взялись разыгрывать меня?.. — начала не на шутку сердиться Каромат.

— Если выйдешь сейчас в круг и станцуешь, тогда скажу, — поддразнивая подругу, улыбнулась Мухаббат.

— Сначала скажи, а потом станцую, — Каромат была заинтригована. — Знаешь, как в народе говорят: не увидев воду, сапог не снимай. Пока не скажешь, танцевать не буду!

— А мне-то что! Не хочешь, не танцуй, — притворилась равнодушной Мухаббат.

— Станцуй, чего заупрямилась! — стали подзадоривать Каромат женщины. — Боишься, случится что-нибудь?

— Соловейчик ведь куда упрямей меня, — заметила одна из них. — Не сделаешь, что просит, будет молчать, хоть ты тресни от любопытства.

— Уговорили, — сказала Каромат и вскинула, готовясь к танцу, руки, прищёлкнула несколько раз пальцами, притопнула ногой и повернулась к Мухаббат.

— Ну что, довольна теперь? Говори, что у тебя за добрая весть! Наверное,

корова наша отелилась? Ты мне это хотела сказать, да? — пыталась шутить, действительно сторая от любопытства, Каромат.

Женщины расхохотались, Мухаббат тоже весело и беззаботно смеялась вместе со всеми. Потом посерьёзнула.

— Коро-ова отелилась! — насмешливо протянула она. — И это ты называешь доброй вестью? И из-за этого я потащила бы в такую даль, чтобы смотреть, как ты ломаешься? От Касымджана тебе, дурочке, я письмо привезла. Вот какая добрая весть!

Мухаббат достала из кармана конверт и протянула его побледневшей и растерянной Каромат.

— На, возьми, да не выламывайся больше, когда просят по-человечески...

Каромат выхватила из рук подруги письмо и быстро пробежала глазами адрес. Потом порывисто обняла Мухаббат и стала осыпать её лицо поцелуями.

— Сначала письмо прочти, сумасшедшая! — увёртывалась, смеясь Мухаббат.

Обеденный перерыв кончился, женщинам пора было на работу. Но они медлили. Всё-таки интересно, что там в письме. Ведь Касымджана давно уже считали погибшим. Переминаясь с ноги на ногу, они вполголоса переговаривались. Строили самые невероятные догадки и предположения.

Однако Каромат, как-то бочком-бочком, отделилась от женщин и ушла за накат землянки. Присев там на порожний ящик, осторожно вскрыла конверт. Расправила вчетверо сложенный лист бумаги и начала читать:

«Кароматхон, родная моя! Ты, надеюсь, здорова и всё у тебя благополучно? Дома всё в порядке? Вот и я, преодолев тысячу трудностей и лишений, вернулся на Родину! Приеду — а это будет скоро, — подробнее обо всём расскажу. Обо всём, что мне пришлось пережить — перевидеть. Слава богу, все мои чёрные дни остались позади. Только мучает мысль. Ты всё ещё ждёшь меня? Или... Кароматхон, почему-то моё бедное сердце живёт только добрыми предчувствиями и радостными ожиданиями. Несмотря ни на что, мне казалось и кажется, что ты меня ждёшь. Если бы я в этом хоть самую малость сомневался, я бы, конечно, написал сначала Мухаббат. У неё бы попытался всё о тебе разузнать. Нет, я так не сделал. Потому что верил и верю, всегда буду верить в тебя так же, как в самого себя. Жду твоего письма с нетерпением. Касымджан».

Едва Каромат прочитала первые строчки, волны нежности и тоски по любимому захлестнули её, как вышедшая из берегов река. Она застыла в каком-то сладостном оцепенении, снова и снова перечитывая долгожданную весточку. И Мухаббат, и все стоявшие у землянки женщины молча следили за Каромат, сочувствуя ей, завидуя и радуясь за подругу.

Очнувшись наконец, Каромат подняла голову, протяжно вздохнула и радостно крикнула подругам:

— Жив!.. Жив Касымджан!..

— Ну, значит, недолго теперь чужих детей нянчить, — кольнула напоследок весёлая молодуха, и все гуськом потянулись на работу.

НА КЛАДБИЩЕ

Если Виктор Солдатов кому-нибудь что обещал, он не мог успокоиться до тех пор, пока не выполнит обещанного. Привычку эту он воспитал в себе с детства. В зрелые же годы, особенно с момента поступления в военное училище, она приобрела у него силу незыблемого закона. Поэтому он и не разбрасывался особенно обещаниями, давал слово только тогда, когда твёрдо знал, что в состоянии его сдержать. Так было с самого начала заведено и в семье, с женой. В большом и малом. Он и Аню никогда не связывал требованиями необдуманных обещаний. Это, помимо любви, утвердило между ними нерушимое взаимное доверие.

Сегодня, когда собирались утром на работу, Аня спросила:

— Витя, так ты постарайся пораньше на обед приехать? А потом — как вчера договорились...

— Пока ничего сказать не могу. Сама понимаешь, служба. Вот приеду на место, там всё и прояснится, — ответил Солдатов, сел в машину и уехал, успев крикнуть, приоткрыв дверцу: — А ты мне часика через три позвони.

Пока Аня шла до госпиталя, она помнила о просьбе мужа. Но там, занявшись десятками навалившихся на неё дел, срочных, неотложных, совсем забыла о том, что надо позвонить в штаб. Спыхватилась лишь тогда, когда её позвали к телефону. Конечно же, звонил Виктор.

— Аня, — раздался в трубке ровный, как всегда, голос Солдатова. — Обедать я смогу дома. Так что поедем на кладбище на машине.

Только эти слова Аня и услышала. Виктор вообще не любил долгих разговоров ни по какому случаю. Вот и сейчас он сразу повесил трубку.

Аня вышла из госпиталя. Надо приготовить к приезду мужа чего-нибудь горячего. По пути домой ей встретились тётя Фрося с Рустамом и Фазылом. Пошли вместе. Они, оказывается, не удержались и уже побывали на кладбище. Но пробыли там совсем недолго. Тёте Фросе, едва она завидела свежий холмик земли, чуть припорошенный снегом, снова стало плохо, и друзья поспешили увести её от могилы.

Аня хотела было пожурить Фазыла, но не решилась. Нельзя было не понять их состояния. Находиться рядом с могилой родного и близкого человека и ждать...

Обед давно уже приготовлен и стынет на кухне, а Солдатова всё нет и нет. Вот уже прошло больше часа, минул обеденный перерыв. Что же могло случиться? Почему он, никогда не изменявший данному слову, не сдержал его сегодня? Долго ждать, мучаясь догадками и сомнениями, Аня не смогла.

— Я сейчас, всего на несколько минут, — предупредила она гостей и нулей помчалась в госпиталь. Вошла в кабинет главврача, где был телефон, набрала нужный номер. На другом конце провода послышались длинные гудки, но трубки там никто не поднимал. Она перезвонила, потом ещё раз и ещё. Никто так и не ответил.

В сердцах бросив трубку на рычаг, Аня расстроенная вернулась домой. Пройдя на кухню, разлила в тарелки борщ и, пригласив гостей садиться, стала собирать на стол. Поставив перед каждым тарелку, Аня вернулась на кухню и вскоре вышла с бутылкой водки в руке и четырьмя рюмками — в другой.

Фазыл помог тёте Фросе подняться с кровати и заботливо усадил её к столу.

Аня налила в рюмки водку поставила их рядом с тарелками.

— Давайте, по русскому обычаю, помянем нашу Катю, — тихо сказала она, поднимая свою рюмку.

Как положено в таких случаях, не чокались.

Фазыл одним глотком опрокинул водку, а тётя Фрося только пригубила. Рустам же к своей рюмке даже не притронулся. Он осторожно, чтобы не расплескать, отодвинул её в сторону и сказал извиняющимся голосом:

— Аня, я понимаю, что в таких случаях не выпить нельзя, но разреши мне пока не пить.

— А в чём дело? — удивилась Аня.

— Причина есть. Серьёзная. Я хочу сегодня попасть к профессору Филатову. Неудобно получится, если от меня будет водкой пахнуть.

— Так вы же у него уже были! — снова, не удержавшись, воскликнула Аня.

На этот раз и Рустам и Фазыл долго молчали, смущённые и растерянные.

— Были, — залепетал, повторяясь, Фазыл, — только профессора не оказалось... Приболел, сказали нам. А сегодня, обещали, будет.

Аня, как и в прошлый раз, настаивать не стала, догадавшись об истинной причине вчерашнего поспешного ухода друзей. Да, Рустам — молодец, правильно придумал.

— Ну, что ж, и то правильно, — повторила она, сама того не замечая, свои мысли вслух, потом спохватилась и с готовностью поддержала Рустама. — Да, профессор — человек интеллигентный...

Она забрала полные, тётя Фросину и Рустама, рюмки и направилась с ними на кухню.

— Оставь, Аня, — тихо попросил Фазыл.

Аня осторожно поставила рюмки на стол.

— ... Очень мне сегодня выпить хочется. Простите меня все. — Фазыл говорил, не поднимая глаз от стола. — Никогда в жизни так не хотелось.

— Ну и выпей на здоровье, — понимающе и ласково сказала Аня, пододвигая Фазылу обе рюмки.

Понять его состояние и в самом деле было нетрудно.

Фазыл опрокинул рюмки одну за другой, взял в рот ложку борща и больше есть не стал. Зато пожурил тётю Фросю.

— Мама, остынет же у вас всё. Почему вы не кушаете? Так совсем можно ослабнуть.

— Я кушаю, сынок, кушаю, — безучастно отозвалась тётя Фрося, лишь помешивая ложкой в тарелке.

— А сам ты почему не ешь? — спросила Аня, видя, что тарелка Фазыла стоит, как стояла, полная, нетронутая. — Может быть, действительно, всё остыло, так я свежего налью? А может, и водки ещё налить?

— Нет, хватит, Аня, спасибо...

— Судя по твоему виду, — вздохнула Аня, — никак не должно хватить.

— Так-то оно так... Только, если правду говорить, стесняюсь я. А то бы напился сегодня, чего никогда со мною в жизни не бывало. Может быть, хоть в водке удалось бы на время утопить своё горе.

— Ну, напиваться, может быть, и не стоит, сынок, — сказала тётя Фрося, — а коли ещё выпить хочется, то пей. Кого здесь стесняться. Все свои. Разве мы не понимаем?.. И такого ведь у тебя в жизни никогда не бывало.

Аня снова наполнила рюмку и вместе с бутылкой поставила её перед Фазылом.

... Виктор Солдатов вернулся домой поздно вечером.

— Были неожиданные и неотложные дела, — коротко объяснил он в ответ на тревожно-вопросительный взгляд жены.

И Аня ни о чём больше не стала спрашивать. Значит, дела и в самом деле были неотложными. Такая уж у Виктора работа.

Сели ужинать, Аня разложила по тарелкам жареную картошку, нарезала хлеба. Потом снова сходила на кухню и вернулась к столу с большой тарелкой квашеной капусты.

Несколько минут ели молча. Первым нарушил это молчание Виктор.

— Тётя Фрося, Фазыл, вы на меня не в обиде? Обещал, дескать... Но так уж получилось, не смог я днём приехать.

— Какие обиды! Будто мы не понимаем... Служба, она и есть...

— Ну и хорошо, — вздохнул облегчённо Солдатов. — Тогда завтра, с утра пораньше, и поедем.

— Спасибо, сынок, — поблагодарила тётя Фрося.

— Только... — начал было Фазыл, но умолк.

— Что «только»? — повернулся к нему Виктор.

— Видите ли, другу моему надо к профессору Филатову...

— Тогда, может, и я смогу быть вам полезен? Давайте так и договоримся: завтра после поминок я вас сразу же отвезу и представлю профессору.

— Нет, Виктор Фомич, — мягко возразил Фазыл. — Сначала отвезём Рустама в клинику, а потом уже поедем на кладбище...

— А какая разница, куда раньше, куда позже? — ничего не понял Солдатов.

— Рустаму не надо ездить на кладбище. Там даже каменное сердце не выдержит. А у него глазные нервы повреждены. Ведь Рустам сюда за светом, за зрением приехал. Не потерять бы ему последнюю надежду на излечение.

Рустама и тронула забота друга, и причинял новую боль. «Вот она, моя доля! — горько подумал он. — Даже последний дружеский, солдатский долг перед соратницей, перед человеком, который спас мне жизнь, исполнить нельзя». Он начал было возражать, пытался доказать, что всё это напрасные страхи, заверял, что постарается держать себя в руках и не очень давать волю нервам, но... Все соглашались с Фазылом и мягко, но настойчиво отговаривали Рустама от поездки на кладбище. Наконец скрепя сердце он сдался.

— И не вздумай обижаться, — предупредила Аня. —

Мы тебе лишь добра желаем. А чувства твои отлично понимаем. Знаем, Катя тебе по-особенному дорога...

На следующий день рано утром Солдатов усадил всех в машину, и вскоре они уже были у глазной клиники.

Когда Виктор взял Рустама под руку и повёл к кабинету профессора, того охватило такое волнение, что его мог заметить всякий, даже самый ненаблюдательный человек. Ноги стали ватными и плохо слушались, спина будто одеревенела, по пей забегали колкие холодные мурашки. Сердце билось неровно и гулко, не хватало воздуха. Вот сейчас, через минуту-другую, он встретится о самим Филатовым! Профессор осмотрит израненные глаза, помолчит, собираясь с мыслями, и несколькими словами решит его судьбу. Окончательно и бесповоротно...

Мысли эти не давали Рустаму покоя с того дня, как они оказались с Фазылом в Одессе, но сегодня, особенно сейчас, в тиши больничного коридора, когда до встречи с профессором остались считанные мгновения, от них кружилась голова и дурманящим холодом сковало сердце.

Солдатов, конечно, заметил, в каком состоянии Рустам, и с нарочитой грубоватостью сказал:

— Что с тобой, Шакиров? Ты же солдат, разведчик!.. Или уже самодемобилизовался? Напрасно и... непростительно. Извини меня, но я сантиментов пи по какому, даже самому серьёзному поводу не люблю. Немедленно возьми себя в руки!

— Я и сам удивляюсь! Ехал — радовался, а сейчас... — смущённо отозвался Рустам. — Знаете, товарищ майор, если уж говорить начистоту, то боюсь я, прямо — таки по-заячьи трушу!

Солдатов невесело усмехнулся.

— И всё равно — нервы в кулак!

Слова эти прозвучали как команда.

— Есть нервы в кулак! — бодро ответил Рустам и даже вытянулся по стойке смирно.

Солдатов провёл Рустама в кабинет Филатова и представил его:

— Мой ташкентский друг, бывший находчивый и бесстрашный разведчик. Во время выполнения важной боевой операции был тяжело ранен и потерял зрение. Надежда теперь только на вас.

— Ну, я тоже, батенька, не господь бог, — добродушно проворчал Филатов. — А посмотреть, конечно, посмотрю. И помогу, насколько, разумеется, это в моих силах... Да-с... Ну так садитесь, бесстрашный разведчик.

Едва начав осмотр, профессор выпрямился и некоторое время стоял молча, будто припоминая что-то.

— Погодите, погодите... — заговорил он наконец. — Вы, кажется, уже приходили ко мне, когда я жил в Ташкенте?

— Да, профессор, — подтвердил Рустам. — Вы сказали тогда: подживут, дескать, нервы, тогда можно и операцию делать.

Профессор томительно долго и тщательно исследовал глаза Рустама.

— Очень хорошо! — сказал он наконец удовлетворённо. — Глазные нервы и в самом деле достаточно окрепли. Попробуем, как обещал, оперировать.

— Так можно нам надеяться, товарищ профессор? — быстро спросил Солдатов.

Волнение Рустама передалось и ему.

— Считаю, что можно! — твёрдо ответил Филатов. — Только...

Он помолчал, будто принимая какое-то важное и ответственное решение.

— ... Только должен, обязан вас сию же минуту предупредить. Если и удастся спасти, то только один глаз. Другого практически нет. Он при ранении вытек. А я, повторяю, не господь бог.

Услышав эти слова профессора, Рустам обрадовался. Будет видеть! Но... одним глазом. Только одним! Всё-таки, значит, полукалека. Он вздохнул.

— Вы чем-то недовольны? — проворчал Филатов. — А если бы и это, половинное исцеление было невозможным? Вы подумали, разведчик? По крайней мере без палки будете ходить, людей видеть. Или этого, на ваш взгляд, — Филатов сделал на последних словах ударение, будто давая ещё раз понять, что

Рустам видеть будет, — недостаточно?

— Нет, нет, что вы, профессор?! — сбивчиво забормотал Рустам. — Просто... Я на большее надеялся. Человеку ведь всегда большего хочется, даже когда он знает, что это невозможно и недостижимо. Конечно же, и на этом преогромнейшее спасибо! Я свет, свет увижу, живую жизнь, маму, любимую жену, дорогого сынишку, Я, наконец, работать смогу, пользу людям приносить.

— Ну то-то, — смягчился, даже улыбнулся скупой, но доброй улыбкой Филатов. — Придётся вам сегодня же лечь в нашу клинику. Надолго операцию откладывать нет смысла, да и нельзя. Будем вас срочно готовить. Я распоряжусь...

— Я вот ещё о чём хотел спросить, профессор, — снова заметно волнуясь, начал Рустам.

— О чём?

— Видите ли, до войны я работал учителем... Смогу я после операции вернуться в школу?..

— Ну, батенька! — в каком-то полушутливом изумлении развёл руками Филатов. — Вам сразу всё подавай... Первые два-три года, даже если операция пройдёт благополучно, об этом и думать не смейте... Иначе можете непоправимо навредить себе. Ну, а потом... В общем, поживёте — увидите...

— Спасибо! — не сказал, а выдохнул Рустам.

— Не люблю преждевременных благодарностей. Благодарят за сделанное, а я пока ничего для вас не сделал.

И Филатов вышел из кабинета.

Прошло около получаса. Заполнив историю болезни на Рустама, медсестра принесла больничную одежду и предложила переодеться. Солдатов, проводив Рустама до самой двери палаты, попрощался и ушёл, сказав напоследок:

— Ну, держи хвост пистолетом! Мы с Аней будем тебя навещать. Раз Филатов пообещал, он своё слово сдержит.

... Фазыл и тётя Фрося каждый день, едва проснувшись, наскоро завтракали и отправлялись либо к Рустаму, либо па кладбище. Когда Солдатов привёз в тот день тётю Фросю на кладбище, старушка, будто подкошенная, повалилась на могилу дочери. Она широко раскинула руки, словно обнимая этот скованный морозом холмик, и заплакала, снова, как и в госпитале в первый день, запричитала.

Теперь тётя Фрося стала ходить на кладбище каждый день. Печально останавливалась она у припорошенного сыпким снегом холмика и надолго замирала в молчании. Только слёзы катились я катились по её ещё больше исхудавшему и выцветшему до бескровной бледности лицу, и даже не было сил вытереть их.

Пришли они сюда с Фазылом и в день отъезда. Когда ещё судьба приведёт их в этот город? Когда доведётся побывать у дорогой могилы? Ведь тётя Фрося не в Нальчик возвращалась, а уезжала в далёкий для неё, неведомый Узбекистан, к Фазылу,

— Тётя Фрося... Мама, — заговорил он как-то, когда они шли с кладбища. — Там, в открытке... Катя просила...

— Знаю, Федя, знаю, — мягко перебила его тётя Фрося. — Она и мне о том же писала. Только зачем я тебе?.. Старая, больная...

— Зачем же вы так, мама?! — Фазыл даже остановился, укоризненно гля-

нул на старушку. — Катину просьбу я выполню. Любая её просьба была для меня священной, а эта — в особенности. Я заберу вас в свой дом. Вы будете мне матерью, а я — вашим любящим и заботливым сыном. Увидите, как хорошо мы заживём вместе! Ладно, мамочка? Скажите «да», согласитесь, мамочка! — говорил он и гладил, гладил иссохшую, морщинистую руку тёти Фроси.

Старушка молчала. Многие всколыхнула в душе эта просьба, многое заставила заново пережить, о многом передумать.

В самом начале войны ушёл на фронт сын. И не вернулся. Даже похоронки на него не пришло... А ведь в канун войны Коля собирался жениться. После победы тётя Фрося вернулась в Нальчик и здесь узнала, что её будущая невестка вышла замуж. Замужество это больно отозвалось в душе. Оно как бы лишило мать последней надежды на возвращение сына. Не оказалось на месте и их дома. Только поросший бурьяном холмик земли увидела тётя Фрося на месте. Прахом пошло всё. Всё пошло прахом!..

Да, испытания и лишения, которые выпали на долю тёти Фроси в годы войны, многие, пожалуй, испытали. Вскоре после того, как Катя ушла на фронт, город захватили гитлеровцы. Большинство жителей подалось в горы. Тёте Фросе в то время было уже за пятьдесят, но она не роптала на то, что постелью ей служил порою голый камень, а подушкой — пучок сухой травы. Не роптала она и тогда, когда вышло всё продовольствие и пришлось есть дикие ягоды и всё, что было мало-мальски съедобным. Всё вытерпела, всё вынесла тётя Фрося. Потому что как и все, с кем она скрывалась в горах, верила: «После тёмной ночи обязательно наступит светлый день. После суровой и беспощадной зимы неизменно приходит мягкая и тёплая, в нежном цветении весна. Не вечны и эти тяжкие, беспросветные времена, близка победа над ненавистным врагом. И снова начнётся тогда мирная и счастливая жизнь».

Да, эта глубокая и светлая вера была той единственной поддержкой и опорой, которая помогла выстоять людям в горах. А тётя Фрося жила к тому же ещё одной надеждой: «Вернутся с фронта целы и невредимы, а если и искалеченные, зато живые, муж, Коля с Катей, и заживут они ладно да весело, будто войны, чёрной напасти этой, никогда и в помине не бывало».

Но не суждено было сбыться надеждам тёти Фроси. Сначала пришла похоронка на мужа. И месяца не провоявал Сергей. А потом без вести пропал сын. А теперь вот дочь ушла навсегда...

— Скажите «да», мама! — снова донёсся до неё ласковый, умоляющий голос Фазыла, будто он не рядом стоял, а где-то недостижимо и неразличимо далеко.

— Да, — чуть слышно прошептала старушка, вся ещё во власти нежданно нахлынувших горьких воспоминаний. Потом порывисто припала к плечу этого сильного и заботливого парня, крепко сжала нежно гладившую её руку и повторила благодарно, горячо: — Да, сынок, да!..

И вот они торопливо шагают к глазной клинике; надо попрощаться с Рустамом — до отлёта осталось два с половиной часа. В клинике пробыли недолго. Когда собрались уходить, Рустам проводил тётю Фросю и Фазыла до дверей палаты. Ещё раз обнялись на прощание. От сознания того, что он теперь остаётся совсем один в этом большом незнакомом городе, сердце Рустама больно сжалось. Он долго ещё стоял у порога, прислушиваясь к удаляющимся шагам. А в ушах продолжали звучать слова прощальной сцены.

— Ну, дружище, держись! — крепко пожал Рустаму руку Фазыл. — И надей-

ся. Без надежды, говорят, только шайтан живёт. А домашних я успокою и обрадую. Если понадобится, черкни, я приеду за тобой.

— Дай тебе бог счастья, сынок! — по-матерински тепло и ласково погладила Рустама по голове тётя Фрося. — Я с Федей еду в вага кишлак. Там и свидимся. Обязательно свидимся. Ну, до свидания. Дай-ка, я тебя поцелую...

СВЕТИНО СЧАСТЬЕ

Тётя Фрося вслед за Фазылом вошла в дом. Увидев, что горит печь, в комнатах аккуратно прибрано, полы вымыты, спросила:

— Сынок, а кто с тобой живёт?

— Никто, мама, я сам живу.

— Ну-ну! Только безлюдный дом разве таким бывает? Ты же вон сколько в Одессе пробыл. Или ангелы небесные, по-твоему, печь затопили?

— Да, вы правы. И в самом деле есть ангелы, которые не оставляют меня своими добрыми заботами, поддерживают в моём холостяцком жильё хоть мало-мальски нормальный человеческий порядок. Самому же круглый год некогда по-настоящему заняться домашними делами. Они, наверное, эти ангелы, и печку к нашему приезду догадались затопить. Только не небесные они, а вполне земные, и завтра же я вас познакомлю с ними.

— И кто же они?

— Сейчас пока ничего сказать не могу. И сам не знаю, кто из них заботливее и догадливее других оказался.

— Дай им господь счастья, кто бы они ни были, — благодарно проговорила тётя Фрося.

Печку растопили и в квартире прибрали, как и догадывался Фазыл, Мухаббат со Светой. Фазыл, едва добравшись до Одессы, отправил Свете телеграмму на адрес медпункта. Ещё одну телеграмму он прислал после того, как Рустама положили в клинику.

На обратном пути получилась заминка. Тётя Фрося никак не соглашалась лететь на самолёте, ссылаясь на больное сердце.

— Пока из Нальчика до Одессы летела, — пожаловалась она, — думала — умру.

Пришлось срочно сдавать авиабилеты и покупать билеты на поезд. На это ушло два дня. Во время пересадки в Москве Фазыл снова отправил Свете телеграмму. Вот тогда-то, выяснив, когда прибудет в Ташкент поезд, Света с Мухаббатом и сделали в доме Фазыла генеральную уборку. Почти два дня подряд беспрерывно топили печь, чтобы холодные комнаты как следует прогрелись.

Тётя Фрося сняла валенки, Фазыл помог ей размотать пуховый платок, раздеться.

По правде говоря, он не ожидал, что дом встретит его таким теплом и уютом, создать который способны только женские руки. Поэтому, подъезжая к кишлаку, Фазыл озабоченно думал: «Пока растоплю печку, нагрею промёрзшие комнаты, надо будет попросить, чтобы тётя Фрося переждала у тётушки Хаджи». Но едва переступил порог, понял, что никого и ни о чём просить не придётся. Всё уже сделано и без его просьб.

А всё-таки, кто этот «ангел», который так кстати проявил заботу о его холостяцком жильё? «Сапура с отцом и матерью, наверное, уже уехали? — размышлял Фазыл. — Да, должны были уехать. Аня ещё говорила? «У Петра Мак-

симовича совсем времени в обрез. В Ташкенте он сможет прожить самое большее одну неделю». Значит, всё это дело рук Мухаббат. Спасибо ей большое. Добрая и чуткая она женщина.

Фазыл проводил тётю Фросю на почётное место, усадил на одеяла. Старушка покорно села, но тут же огляделась, будто отыскивая что-то.

— Вам что-нибудь надо, мама? — предупредительно наклонился к ней Фазыл.

— А у тебя что... стульев разве нет? — удивлённо спросила тётя Фрося.

Фазыл улыбнулся.

— Есть, конечно, есть. Только у нас все так больше сидят. Удобнее...

— Ну, не сказала бы, — не знаю, куда деть ноги, — ворочалась тётя Фрося.

Фазыл подошёл к нише, взял оттуда две подушки, положил их рядом со старушкой и посоветовал:

— Вы их под бок и обопритесь. А ноги вытяните, как желаете.

Тётя Фрося последовала совету и облегчённо вздохнула:

— Вот теперь — другое дело. А на стуле всё-таки лучше.

— Ничего, привыкнете. А не сможете привыкнуть, мы вам не то что стул — кресло бархатное купим.

— Ну-ну, богач какой выискался, — добродушно проворчала тётя Фрося.

— Нет богаче человека, нашедшего мать! — совершенно серьёзно и даже торжественно произнёс Фавыл.

За дверью слышались торопливые шаги. Тут же она шумно распахнулась и в комнату почти вбежали Мухаббат со Светой. Мухаббат положила на пол принесённый дастархан и протянула Фазылу руку. А Света, едва увидев тётю Фросю, бросилась к ней. Глаза у старушки сразу затуманились и повлажнели. А Света не заплакала. Последними мучительными усилиями она держала себя в руках, хотя ей тоже хотелось дать волю накопившимся слезам, зарыдать так же, как и тётя Фрося, горько, безутешно, с причитаниями. Она начала успокаивать старушку, чтобы отвлечь от тягостных воспоминаний, забросала тётю Фросю вопросами:

— Где вы встретили Фазыла? Или вы ехали прямо к нам? Когда выехали из Нальчика? Теперь вы будете здесь жить? С нами?

Тётя Фрося перестала плакать, вытерла платком глаза.

— Да, доченька, собираюсь здесь горький свой век доживать. В Одессе, видишь, и сына себе нашла.. И полюбила его сразу как родного. Добрый он, душевный. В глаза его, которые нашу родную Катю видели, никак наглядеться не могу! Да, бедная твоя тётя Фрося осталась теперь без дочери, нет больше на свете твоей подружки...

Старушка закрыла лицо ладонями и снова заплакала. Света приобняла её за плечи и стала вытирать мокрое от слёз лицо, то и дело целуя его.

— Ну, хватит! — решительно заявила Мухаббат. — Дай и мне поздороваться с дорогой гостьей, познакомиться с ней.

Света подошла к стоявшему возле окна Фазылу.

— Ну как, благополучно съездили? — спросила она, протягивая ему руку, и тут же, то ли от почти кощунственной — она в испуге сразу поняла это — неуместности вопроса, то ли от чего другого, но Света покраснела до корней волос и опрометью выскочила на улицу.

Поздоровавшись, Мухаббат немного поговорила с тётей Фросей и, сдержи-

вая нарастающую тревогу, повернулась к Фазылу:

— Значит, ваш друг в Одессе остался, Фазыл-ака?..

— Да, Мухаббат, только ты ни о чём не беспокойся. Мы положили Рустамджана в клинику Филатова. Там ему будет хорошо. Аня с Виктором его навещать будут...

— А кто они?

— На фронте, в партизанском отряде встречались, когда Рустам...

— А, вспомнила! — перебила Фазыла Мухаббат; ей не хотелось сейчас возвращаться к тяжёлому прошлому. — Рустам рассказывал...

— Профессор обещал...

— Что?! Что обещал профессор?.. — снова не выдержала она и перебила Фазыла. — Будет Рустам видеть?

— Будет... — он хотел было рассказать обо всём подробнее, но не решился.

Кто знает, как там в клинике всё обернётся? Да и Рустам обещал сам написать домой. Вот пусть он в этом письме сам всё и расскажет. И о радостном, и о печальном.

Безмерно обрадованная Мухаббат тут же побежала успокоить и тоже обрадовать свекровь. Тётушка Хаджия прямо извелась, ещё больше поседела с того дня, как Рустам с Фазылом улетели в Одессу.

А Света принесла в човгуме воды и поставила его на раскалённую печку. Затем присела рядом с тётей Фросей.

— Доченька, и папа твой здесь? — поинтересовалась старушка.

— Да... был здесь. Они с мамой совсем недавно уехали.

— А ты как же? — удивилась тётя Фрося.

Света ничего не ответила.

— Ну что ж, доченька, видать, сердце так велит. А сердца своего слушаться надо, вот что я тебе скажу. Уж поверь мне, старухе. Век прожила. Если прикипело оно, сердце, к местам этим, к людям, то ничего не поделаешь.

— Значит, это ты присматривала за моим беспризорным домом, Сапура, — спросил обрадованно и благодарно Фазыл. — И печку, наверное, ты затопила?

Света не успела ответить. Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату вошли тётушка Хаджия с внуком на руках, за нею Санобар-апа и Мухаббат.

— А ну, разворачивайте дастархан, — крикнула она с порога. — Я же вам завтрак принесла. Проголодались, поди, с дороги?

Гостье снова пришлось отвечать на традиционные расспросы о житье-бытье, о здоровье. А Света и Мухаббат в соседней комнате принялись готовить стол. Хотели было по-своему, по-узбекски расстелить дастархан прямо на полу, но Фазыл настоял, чтобы накрыли стол.

— Смотри-ка, — не удержалась Мухаббат от шутки, — неделю в Одессе побыл, а уже от курпачи отвык.

Фазыл лишь молча улыбнулся. Сабир и Эрбута, пришедшие первыми из мужчин, принялись помогать Мухаббат со Светой.

День пролетел незаметно. Засветили лампы.

Фазыл сидел с Сабиром и Эрбутой, другими мужчинами в дальней комнате и рассказывал им, как профессор Филатов осмотрел Рустама и обещал ему вернуть зрение. О себе, о том, что ему пришлось пережить в Одессе, рассказывать не стал. Растравлять незатянувшуюся рану было просто-напросто боязно. Друзья тоже понимали это, И потому никаких вопросов, могущих больно задеть

их товарища, не задавали.

А со Светой творилось что-то непонятное, странное. Она старательно, даже упорно стала избегать Фазыла. Стоило ему войти в комнату, как она тут же выходила. Появится Фазыл во дворе, Света стремглав бросается в дом. А если выйти почему-либо нельзя, девушка делает вид, что занята неотложным делом, и даже глаз на Фазыла не поднимает. На вопросы его отвечает коротко, односложно.

Когда Света несла из кладовки уголь, чтобы подбросить в остывающую печь, Фазыл преградил ей путь на пороге.

— Не скучаешь, Сапурахон, без мамы? Не трудно тебе одной, без родителей?

— А почему мне должно быть трудно? — не поднимая на Фазыла глаз, ответила Света. — Не маленькая...

Ей, правда, хотелось тут же, без утайки рассказать Фазылу, как изболелось у неё сердце по отцу с матерью, но она сдержалась.

Фазыла удивляла происшедшая в девушке перемена. Он постарался выведать причины её исподволь, начал, как и прежде, шутить со Светой, хотя ему было совсем не до шуток, сыпать остротами и прибаутками. Но девушка тона этого не приняла. Понимала она, какой ценою даются сейчас Фазылу шутки. Но и на серьёзные расспросы тоже никак не откликнулась.

Озадаченный и сбитый с толку Фазыл направился к Мухаббат, которая заваривала чай в другом конца двора.

— Что происходит о Сапурой? Странная она какая— то... Может быть, ей нездоровится? — озабоченно и даже тревожно спросил он.

— С чего это ты взял? Здорова она...

— Почему же тогда даже поговорить по-человечески не желает? Или за что-нибудь обиделась на меня?

— За что ей на тебя обижаться? Да и разве пришла бы она к тебе в дом, если бы обижалась?

— Не знаю... Только странно всё это. Непонятное что-то с ней происходит.

— Совершенно всё понятно, Фазыл, — отозвалась Мухаббат. — Нелегко ей сейчас быть весёлой и беззаботной. Всё-таки она рассталась с дорогими и близкими ей людьми. Пока привыкнет к своему новому положению, должно пройти какое-то время.

— А может быть, есть и другие причины? — допытывался Фазыл, почувствовав, что Мухаббат чего-то недоговаривает.

— Не знаю, — уклончиво ответила она.

* * *

Наступил март. Кишлак снова зазеленел. Даже вроде многолюднее стал, оживлённее. Деревья, всю зиму подрагивавшие голыми ветвями, снова оделись в роскошные весенние наряды. Зацвели персики, потом урюк, яблони. Нежные переливы их буйного цветения благоухающими волнами перекатывались под малейшими дуновениями ветерка. Нежная зелень одела и берега арыков, в которых всё быстрее и говорливее бежала вешняя вода, отражая деревья и пушистые белоснежные облака, похожие на вознёсшиеся вдруг в безбрежную синь неба цветущие кишлачные сады. Нежным перламутром убегающих к горизонту полей трудно было налюбоваться. И всё-таки чудом красоты были буйно цветущие сады. Цвели и старые ветвистые деревья, и совсем

ещё юные деревца, трогательные в своей доверчивой беззащитности и в стремлении походить на старших, в извечном стремлении природы к красоте и плодородию. Здесь, в этих садах, зарождалось неповторимое, волнующее очарование весны, чтобы на ласковых и стремительных крыльях ветерка разлететься потом по всей земле, заставляя сладостно и трепетно биться растревоженные сердца. И вестники весны, шумные птичьи стаи, тоже сначала опускались передохнуть в садах, а потом уже разлетались по всему кишлаку, если оставались на лето здесь, или летели дальше, если путь их ещё не окончился.

Света идёт по самому краю улицы, любуется хрустально чистыми арычными струями, изумрудом раскинувшихся за арыком полей, влюблёнными глазами смотрит на окутанные бело-розовыми облачками цветения деревья, на бесчисленные стаи птиц, оглашающих окрестности ликующим щебетанием. Она во власти неиспытанного доселе очарования, которое исходит от просыпающейся природы, будто видит всё это впервые в жизни. Идёт и не может наглядеться на переливы нежных красок. «Неужели все прошлые вёсны не были такими же зелёными, цветущими, прекрасными?» — сама себе задаёт девушка вопрос, не подозревая, что это в её юном сердце расцвела весна. Это весна природы, усиленная весной молодости, надежд и предчувствия будущего счастья, заставляет смотреть на мир другими глазами и видеть его особенно прекрасным и очаровательным. Это весна первой любви будоражит и волнует молодую кровь.

... В своё время не только Фазыл, но и тётя Фрося заметили необъяснимые странности в поведении Светы. Она ходила какая-то от всего отрешённая, замкнутая, по-прежнему упорно избегала Фазыла, даже в доме его перестала появляться.

— Федя, сынок, — не выдержала наконец тётя Фрося. — Может быть, ты чем-нибудь обидел Свету? Пошутил неосторожно?

— Да нет, мама. Ничего особенного не припомню. Ну, а шутки... Кто знает? Только стоит ли на шутки обижаться?..

— Ума не приложу, что с девчонкой происходит...

Ещё раз поговорили с Мухаббат. Но та почему-то сразу смутилась, что-то невнятно ответила и поспешила уйти, сославшись на неотложные дела. Тётю Фросю это ещё больше встревожило и насторожило. «Нет, здесь что-то не так, — размышляла старушка. — Чует моё сердце, не так...» И она решила сама напрямик поговорить с девушкой.

В медпункте Света была одна. Она сидела за столом, заполняла какие-то бланки. Услышав скрип открываемой двери, подняла голову и тут же вскочила.

— Тётя Фрося? Здравствуйте... У вас что-нибудь заболело?

— В мои годы, доченька, всё болит. Только от старости пока не лечат. А пришла я к тебе не с болячками своими, будь им лихо, а по делу. — Тётя Фрося пристально глянула Свете прямо в глаза и многозначительно добавила. — По важному!

— По какому?.. — чуть слышно прошептала Света, побледнела, потом мучительно покраснела и испуганно глянула на нежданную гостью.

— ... По важному, — повторила старушка, пододвинула поближе к столу табуретку и села.

Света сесть не решилась. Так и стояла, скованная напряжением и ожиданием. Она знала, что тётя Фрося пожаловала в медпункт неспроста, и даже догадывалась, почти догадывалась — зачем...

— Ты почему это носа к нам не кажешь? — без всякой дипломатии, грубовато-ласково начала тётя Фрося.

Чем же это мы тебя с Федей, цыганку черноокою, обидели? Чем, грешные, прогневили?

Света потупилась. Краска снова залила ей лицо, огнём запыльхали уши.

Испуганная тётя Фрося поднялась, сделала было несколько неуверенных шагов к Свете, но вдруг та сама выбежала из-за стола, обняла старушку, уронила ей голову на плечо и разрыдалась.

— Гадкая я... гадкая... Предательница, — глухо вскрикивала сквозь слёзы Света. — Простите меня... Гадкая я...

— Да что ты, что ты, господь с тобой? — не на шутку разволновалась тётя Фрося. — Что случилось то? А ну, перестань реветь и расскажи толком. Не пугай меня старую, а то, не ровен час, и вправду медпункт твой мне понадобится...

— Я... Я люблю его! — продолжая плакать, еле выговорила Света. — Люблю и ничего не смогу с собой поделатъ. Потому и с родителями не уехала... А я не должна его любить... Не имею права!

— Да кого, касатка ты моя? — облегчённо вздохнула было тётя Фрося, но вдруг неожиданная догадка обожгла её всю, — Неужто Фёдю?!

Света молчала, только всхлипывала часто, никак не могла прийти в себя, успокоиться.

— Ну, не томи же ты мою старую душу! — притворно рассердилась тётя Фрося. — Его?

— Да, — снова всхлипнув, прошептала Света.

— Ну и хорошо... Ну и славно, — погладила она девушку по голове. — Плакать-то зачем? И людей к чему сторониться?..

— Он же Катю любит! — выпрямилась Света,

На влажном от слёз лице её большие чёрные глаза горели сухим, почти лихорадочным блеском.

— А я... Я не имею права,

— В любви, доченька, прав не бывает, — грустно заметила тётя Фрося. — И правил... А Катю не вернёшь, хоть высохни и стори от любви. — Она вздохнула. — Да, не вернёшь..., И жизнь не остановишь. Не век же Фазылу бобылём ходить. Я и сама ему этого не позволю. Сегодня же с ним поговорю.

— Нет, нет! — испугалась Света. — Прошу вас, не надо!

— Это уж позволь мне знать, что надо, а чего не надо, — постаралась как можно строже ответить тётя

Фрося. — А ты вон лучше валерьянки своей выпей. Глазищи-то горят — гляди, насквозь прожгут. Цыганка и есть! Нет, ну что ты скажешь! — всплеснула старушка руками. — Так мучиться — и молчать! Да хоть бы мне, дурочка, шепнула...

Не поднимая глаз, Света выбежала во двор.

Вечером за ужином тётя Фрося места себе не находила, не зная, с чего и как начать этот щепетильный разговор.

— Вам нездоровится, мама? — заметив её состояние, забеспокоился Фа-

зыл. — И кушаете вы плохо...

— Катю вспомнила.

Фазыл тоже оставил ложку, встал из-за стола и зашагал по комнате из угла в угол.

— А я о ней ни на минуту не забываю, — заговорил он. — Ни на работе, ни даже во сне. А как войду в комнату, гляну на эту фотографию, — Фазыл повернулся к стене, долго молча глядел на портрет, — такая тоска сожмёт сердце — дышать нечем...

— Я верю, сынок, знаю. Только Катеньку нашу ничем уже не вернёшь, ни тоской, ни слезами. А о жизни своей дальнейшей подумать надо...

— Какая там жизнь! — безнадёжно махнул рукой Фазыл, но вдруг остановился. В словах тёти Фроси он уловил какой-то скрытый смысл. — А к чему вы это, мама, о жизни-то дальнейшей?..

— Да к тому, что жить надо, Федя. Молодость не вечна, а в старости к жизни этой никакого и вкусу не остаётся. Одна серость да безнадёжность...

— Ну, мне до старости ещё далековато, — грустно улыбнулся Фазыл.

— Свету я сегодня видела, — как бы между прочим сообщила тётя Фрося.

— Ну и как она? Почему не заходит?

— Да видишь ли, Федя, — сама не зная почему, тянула старушка. — Причина у неё есть. Очень даже важная причина...

— Что ещё за причина? Обиделась?..

— Как тебе сказать? Обидеться не обиделась... Только... Любит она тебя, Феденька! — решила наконец тётя Фрося.

— Что?! — Фазыл остановился как вкопанный.

— Да, любит... А из-за Кати признаться не может. «Не имею, говорит, права, предательница я, говорит, гадкая».

Фазыл молчал. Слова тёти Фроси его потрясли. Так вот в чём причина перемен в Светином поведении! Так вот почему она так упорно избегала его за последнее время.

— Я так считаю, — продолжала между тем старушка. — Света — девушка славная. Умница, душевная и заботливая...

— Нет, нет! — почти закричал Фазыл. — Это невозможно...

Он невольно, с каким-то испугом глянул на фотографию Кати.

Тётя Фрося перехватила этот взгляд, и сердце её наполнилось теплотой и благодарностью к этому страдающему человеку. Признаться, она со щемящим замиранием в душе ждала его ответа. И если бы он легко согласился или протестовал бы лишь для виду, что она, конечно, сразу бы заметила, ей было бы очень больно, а главное — обидно за дочь, так нежно и беззаветно любившую Фазыла. Но это испуганно-страстное «нет!» с самого дна души подняло волну материнского участия к сыну. Да, сейчас она почувствовала, что он для неё именно сын, почувствовала как никогда отчётливо и остро. А значит, и заботиться она должна, обязана о нём по — матерински.

— Я тебя понимаю, сынок. И спасибо тебе за верность Кате, от всей души спасибо! Но Кати-то уже нет... И никогда не будет. А потом, ты сам мне показывал её последнее письмо. Что там было написано? Вспомни...

— Не надо, мама.

— Не хочешь... Или не можешь? Так я сама тебе напомним. Я на память знаю каждую букву этой страшной открытки. Катя писала: «Во имя нашей

настоящей и глубокой любви есть у меня к тебе перед смертью одна просьба. В тот дом, который ты строил в ожидании нашего с тобой счастья, заведи в него маму. Тебе и твоей будущей молодой жене она сумеет стать доброй и заботливой матерью. Дай мне слово, Федя, что ты это сделаешь, и я умру спокойно!» Вспомнил?.. Это же воля умирающей. Я теперь с тобой живу... Спасибо! Значит, одну Катину просьбу ты выполнил. А другую?..

— Но нельзя же так... Мама, опомнитесь, что вы говорите?!.

— А я и не тороплю, Феденька, не тороплю. Мне ли торопить! Только не хочу я, чтобы ты молодость свою сгубил в одиночестве. Да и не зимой о свадьбе думать. Вот наступит весна, закончите посевную...

— Не знаю, ничего я не знаю! — простонал Фазыл и, больше обычного прихрамывая, чуть ли не выбежал из комнаты.

А тётя Фрося засобиравалась к Мухаббат и тётушке Хаджие. Женщины и обрадовались, и удивились её приходу, да ещё такому позднему. Старушка почти не покидала своего двора и дома, всё хлопотала по хозяйству, чтобы Фазыл почувствовал наконец дома настоящее тепло и уют, её материнскую заботу.

— Поговорить нам надо, — сказала она, принимая поданную ей Мухаббат пиалу с чаем. — Федю я женить надумала...

— Вай! — охнула тётушка Хаджия. — Да быть мне прахом у твоих ног. Только...

— Знаю, — перебила тётя Фрося. — Всё знаю. Потому и пришла к вам посоветоваться.

Мухаббат как-то сразу поняла, на ком собирается тётя Фрося женить Фазыла, и от благодарности к этой сердечной и мужественной, самоотверженной женщине на глазах у неё навернулись слёзы. Но тётушка Хаджия продолжала недоумевать.

— На ком же это? — допытывалась она.

— На Свете, — выдохнула тётя Фрося. — Любит она его, давно любит. Сама мне призналась... А Федя ни в какую! Конечно, и его понять можно... Только невесту схоронил... Вот потому и приплелась я к вам. Ты, Мухаббат, вы, тётушка Хаджия, поговорите вы с Федей, объясните ему, что негоже молодую жизнь губить. Она-то, вся жизнь, вон какая короткая, а молодость — и вовсе молния.

— Да... — печально согласилась с гостьей тётушка Хаджия. — Жаль, Рустама нет. Мужской разговор короче и надёжнее. Ну, да ладно, и сами небось не оплошаем.

— Только вы уж не особенно торопите его, — попросила тётя Фрося. — Парню и в самом деле надо отойти душой. А пройдёт время... Время-то оно лучший лекарь.

— Всё, всё понимаю, — заверила тётушка Хаджия. — Мухаббат, доченька, сбегай-ка, приведи Фазыла.

— Хорошо, мамочка!

Фазыл поздно вышел из дому тётушки Хаджии. Шагал он по ночным улицам кишлака медленно, низко наклонив голову, будто боясь оступиться в темноте. Его одолевали самые разноречивые мысли, сложные чувства. С одной стороны, Катю, действительно, но вернёшь... А в другой, — эта скоропалительная свадьба — Света права — и в самом деле будет похожа на предательство. Света, конечно, — девушка замечательная, лучшей жены и друга трудно сыскать... Да и сама Катя писала в последней открытке... Ну, эта открытка ещё не

зацепка. Её диктовал умирающий человек, любящий и добрый. А перед сознанием неизбежного конца к людям часто приходит самоотверженность, особенно к людям душевным и отзывчивым... А может быть, Света самой судьбой ему послана в трудную минуту жизни?..

... Шли дни, недели. Не без помощи тёти Фроси и тётушки Хаджи, да и Мухаббат, Фазыл как-то свыкся о мыслью о том, что Света его будущая жена, а потом ему и вовсе стало казаться это давно решённым и даже желанным. Да, тётя Фрося, прожившая долгую и нелёгкую жизнь, знала исцеляющую, животворную силу времени. Заметив происшедшую в парне перемену, женщины, не откладывая, как говорится, дела в долгий ящик, поспешили заручиться обоюдным согласием молодых и тут же начали готовиться к свадьбе. В назначенное время тётя Фрося и тётушка Хаджия, прихватив в узелках положенное в таких случаях угощение, направились к дому тётушки Санобар,

Молодых сосватали.

Едва состоялась помолвка, Мухаббат стала называть Свету не иначе как «невестушка». Была, конечно, в этом обращении и доля шутки. Но больше — искренней радости за подругу и благодарности к ней за то, что она сумела отогреть своей любовью ожесточившееся от беспощадных ударов судьбы сердце Фазыла.

Свету поначалу слово это очень смущало. Только назовёт её Мухаббат «невестушкой», она сразу засмущается, покраснеет до корней волос и говорит застенчиво и просительно «Разве у меня имени нет? Называй меня, пожалуйста, по имени!» Потом стала постепенно привыкать.

Странно, но теперь Света старалась попадаться на глаза Фазылу ещё реже. Иногда захочется ей повидать тётю Фросю, поговорить с нею, дойдёт Света до дома, но, едва обнаружив, что Фазыл там, немедленно поворачивает обратно.

Но однажды она невзначай нарушила это своё правило. Забежала к тётю Фросе, чтобы угостить её свежими яблоками, и в дверях дома столкнулась с Фазылом. Хорошо ещё, что тётя Фрося в это время оказалась рядом. Она поспешно вручила удивлённой старушке узелок с яблоками и заспешила назад. Тётя Фрося окликнула было Свету, но та даже не оглянулась, лишь ускорила шаг.

Фазыл за это на Свету не обижался. «В конце концов она же девушка», — со спокойной снисходительностью старшего думал он.

Как-то, направляясь на работу, он снова встретил Свету. Протянул ей руку. Девушка, потупив глаза, несмело подала ему и свою ладошку. Фазыл с чувством пожал её, хотел подольше задержать в своей ладони, но Света испуганно выдернула руку и убежала.

Правда, со временем она всё меньше и меньше стала сторониться своего жениха, чаще разговаривала с ним, смеялась в ответ на его шутки и даже пыталась шутить сама.

Любовь. К Свете она пришла впервые, и потому переживала она её особенно глубоко и остро. Стоило ей лишь подумать о Фазыле, как в сердце рождалось неизведанное доселе чувство волнения и нежности, какой-то сладостной тоски ожидания счастья. В такие минуты Света расцветала. Она и сама замечала это, и ей становилось ещё более сладостно и тревожно. А в глазах начинало светиться такое безбрежное и сияющее счастье, что люди не могли в них смотреть, чтобы не вспугнуть трепетного очарования первой в жизни любви.

Сегодня Свете надо было побывать в районном центре. Она надела своё лучшее небесно-голубого цвета шерстяное платье, купленные ещё осенью вместе с Мухаббат чёрные лакированные туфли на высоком каблуке, повязала яркий крепдешиновый платок, накинула жакет.

Приняв с утра несколько больных и заполнив необходимые бланки отчёта по медпункту за месяц, Света вышла на дорогу, надеясь уехать на попутной машине. По улице прямо к ней размахисто шагал Ильяс-палван.

— Сапурахон, — ещё издали зарокотал его бас. — Ты как на свадьбу вырядилась. Ну, ну, не красней... Лучше выручи меня, передай вот это письмо Мухаббат. Чует моё сердце, суюнчи, подарок за радостную весть получишь. Письмо-то из Одессы! Выручи, сестрёнка, а то сегодня почты — до полуночи бегать.

И, не дожидаясь согласия Светы, он вручил ей голубоватый конверт и решительно зашагал дальше.

Письмо было от Рустама. С каким беспокойством и нетерпением ждали его в доме тётушки Хаджии! Да и не только там: ждали вестей и надеялись, что они обязательно будут добрыми, и тётушка Санобар, и тётя Фрося, и Фазыл, и сама Света. Они ни на минуту не сомневались в благополучном исходе операции — «Ведь сам профессор Филатов обещал!» — но больница есть больница, а операция остаётся операцией, тем более такая сложная. Всякое может случиться. Однако всем хотелось надеяться на лучшее. Особенно страстно мечтала о прозрении сына, заражая всех истовой верой в его возможность, тётушка Хаджия. А Мухаббат! Истосковавшимся и любящим сердцем, всеми своими чувствами и помыслами она невольно, с самого дня отъезда Рустама, была постоянно там, в далёкой Одессе, где ждал решающего в его жизни события самый любимый и дорогой для неё человек. Стоило ей только подумать о муже, и Мухаббат видела его таким же, как перед уходом на фронт: сильным, красивым, видящим, счастливым.

Света долго вертела в руках конверт, как бы стараясь угадать, что он несёт Мухаббат и тётушке Хаджие, всем им: радость или горе? Снова пробежала глазами адрес и решительно зашагала к центру кишлака. «Думай не думай, а письмо Мухаббат отдать надо. И чем быстрее, тем лучше... Легче знать правду, даже самую горькую, чем томиться в мучительном неведении». Уже подходя к дому тётушки Хаджии, Света вдруг изменила решение и побежала в поле, чтобы прямо там вручить письмо Мухаббат, подождать, пока она успокоится, присесть рядом и выслушать в сбивчивом от волнения чтении долгожданную весть. «А поездка в район никуда от меня не убежит, — будто оправдывалась она сама перед собой. — До вечера ещё успею там побывать».

... С приходом весны поля снова ожили, наполнились шумом и гулом, человеческими голосами. Работа закипела сразу на всех картах. Разноцветные платья женщин и девушек весёлой радугой переливались в золотистых лучах нежаркого солнца, делая картину весеннего цветения природы ещё ярче и красочнее. Далеко были видны поблёскивающие на солнце кетмени.

Света направилась напрямиком на полевой стан, Мухаббат была там. Едва глянув на обратный адрес на конверте, она поняла, что письмо от мужа. Торопливо надорвав конверт, начала читать. Письмо было написано на русском языке. Значит, писал его под диктовку Рустама кто-нибудь из больных или медсестёр. Радость сменилась тревогой, буквы перед глазами стали прыгать и расплываться. Она положила письмо на циновку, подошла к арыку, ополосну-

ла ледяной водой разгорячённое лицо, сделала несколько глотков прямо из сложенных ковшиком ладоней. Стало немного легче. Она вернулась под навес, села на циновку и развернула вчетверо сложенные листки.

«Во первых строках моего письма — привет и наилучшие пожелания нашим мамам, другу моему Фазыл-джану, сестричке Свете... А теперь, Мухаббат, родная, Соловейчик мой, здравствуй!»

Мухаббат почувствовала, как горячая краска заливает ей лицо. «И такие слова он диктовал посторонним людям! Вся палата, наверное, слушала...»

«... Привет и дорогому моему сыночку Адхамджону! Одновременно я хочу сообщить вам радостную весть: те мечты и чаяния, которыми жила долгие месяцы и годы вся наша семья, мои друзья и товарищи и, конечно, я сам, начинают счастливо сбываться. Профессор вручил мне в руки волшебные ключи надежды! Я приехал сюда в поисках и ожидании света и, кажется, найду его. Пока — и одно это я уже считаю огромным счастьем! — я могу сосчитать пальцы на руках, которые держит перед моим лицом профессор...»

— Рустам видит! Он стал видеть!!! — закричала радостно Мухаббат и бросилась обнимать Свету, не удерживая и даже не вытирая счастливых слёз.

— Ты дальше, дальше читай, — попросила Света, когда Мухаббат немного успокоилась.

Мухаббат перевернула листок, молча пробежала глазами несколько строчек и побледнела.

— Что там? — испугалась Света.

«Правда, я должен вас и огорчить немного, — начала глухим голосом читать Мухаббат. — Видеть я смогу только одним глазом. Другой непоправимо пострадал при ранении. Признаюсь, я сначала расстроился. Но подумал: «А если бы я совсем не смог видеть, разве это лучше было бы?» Нет, всё-таки мне очень повезло. Профессор шутит: «Вставим, говорит, искусственный глаз, и таким йигитом будете, впору сразу и свадьбу играть». — «Я женат, профессор, — отвечаю я ему. — И очень люблю свою жену». — «Ну и что? — продолжает шутить профессор. — У вас по корану разрешается четырёх жён иметь. Сам где-то читал...» В общем, Мухаббатхон, настроение у меня, как видишь, бодрое, так что и вы не унывайте. Дни у нас теперь настали по-настоящему счастливые и радостные. Я скоро вернусь и сам — понимаешь, сам — увижу вас всех, крепко обниму и расцелую.

До скорого свидания, жизнь моя.

Рустам».

— Перепугала же ты меня, — облегчённо вздохнула Света. — Я подумала, совсем что-нибудь страшное случилось. Рустам прав: и это счастье. Большое счастье. Так что радоваться надо, а не распускать нюни.

— Я понимаю, — как-то нерешительно улыбнулась Мухаббат и встала. — Побегу, маму обрадую.

— Беги, беги! И мне хочется пойти сейчас с тобой, но в район надо...

Мухаббат зажала в кулаке письмо и действительно бегом бросилась домой.

Света постояла, посмотрела вслед стремительно удаляющейся подруге и отправилась не в район, а на шум мотора работавшего где-то неподалёку «универсала». Там Фазыл вспахивал очередную карту.

Увидев Свету, он тут же остановил трактор, соскочил на землю и, прихра-

мывая, побежал ей навстречу.

— Сапурахон! Каким это добрым ветром?.. — начал он было в своей обычной полушутливой манере, но Света перебила его:

— А ну, отгадайте, почему я пришла сюда? — загадочно спросила она.

— Знаю, по мне соскучилась...

— Вы только поглядите, что этот человек говорит! Со стыда сгореть можно... Ну, так что — не отгадали, сдаётесь?

— Сдаюсь, Сапурахон, сдаюсь!

— Суюнчи с вас! Мы получили от Рустама письмо. Он пишет, что уже видит!

— Правда?!. Ой, спасибо, Света! Ты и сама не знаешь, как обрадовала меня.

— Ну, где уж мне знать, — вроде с обидой сказала Света.

— Не надо, не надо, не обижайся... Нет, это правда, что он стал видеть?

— Да. Уже может сосчитать пальцы на руках профессора.

— Сапурахон, дорогая моя, дай я тебя расцелую за твою действительно бесценно добрую весть. Это и будет моим суюнчи.

Фазыл крепко взял девушку за плечи и привлёк к себе.

— Ой, что вы делаете? У вас же весь комбинезон в мазуте! — вскрикнула Света, упираясь руками в его грудь.

Фазыл смутился. На плечах убегающей от него Светы действительно отпечатались его вымазанные в мазуте пятерни.

— Сапурахон, подожди! — бросился догонять он девушку. — У тебя на плечах...

Света сняла жакет, увидела пятна. Она покраснела и глянула на Фазыла полными слёз глазами.

— Что вы наделали? — прошептала она.

— Ничего, — стал успокаивать Свету Фазыл, — Бензином отмоем. Извини меня, Сапурахон, я не хотел так.

Фазыл говорил смущённо и нежно, спрятав руки за спину, словно набедокуривший школьник.

— Ладно, не расстраивайтесь, — стала теперь Света его успокаивать. — Переоденусь, вот и все дела.

Она свернула жакет, сунула его под мышку и зашагала назад в кишлак. Свежий ветерок шаловливо играл её красивым платьем, которое то вздувалось куполом, то облегало фигуру Светы, подчёркивая её стройность и изящество. Фазыл долго смотрел ей вслед, и на губах его блуждала счастливая улыбка.

Сдав в райздраве отчёт, Света уже собралась было домой, когда её встретил кассир.

— Вот кстати, — обрадовался он. Поздоровавшись, сообщил: — Я сегодня как раз зарплату выдаю.

«Действительно кстати», — подумала Света, подходя к райунивермагу. Она уже давно собиралась сделать Фазылу хороший подарок, стала даже понемногу откладывать деньги. А сегодня ещё и зарплата.

В магазине Света подозвала стоявшую за прилавком молодую женщину.

— Что у вас есть интересного для мужчин?

— Интересного? — продавщица на минуту задумалась. — Костюмы мы недавно получили... Думаю, вам понравится.

— Покажите, пожалуйста.

Женщина сняла с вешалки и положила на прилавок действительно красивый шерстяной костюм. Коричневый, в полоску. Но именно цвет Свете не очень понравился, Фазыл смуглый, костюм тёмный... Это же сплошное уныние, тоска коричневая!

— А другого нет?

— Нет... Впрочем, погодите.

Продавщица скрылась за небольшой дверью у вешалки и через несколько минут вернулась с двумя костюмами: тёмно-синим и серовато-стального цвета.

— Только они подороже. Коверкотовые, — предупредила она Свету.

Серый костюм девушке сразу понравился. Она даже мысленно представила в нём Фазыла: строгий, оттеняющий бронзовую смуглость лица костюм, белоснежная рубашка, чёрные модельные туфли... Красивый, мужественный. Света даже улыбнулась мягко, зачарованно.

Продавщица приняла эту улыбку за извинение.

— Конечно, до нашим-то послевоенным временам дороговато, — будто оправдывала она эту милостивую, похожую на цыганку девушку,

— Нет, нет! — спохватилась Света. — Я беру. Заверните, пожалуйста... Вот этот, серый.

Домой решила идти пешком. Ждать попутного транспорта было почти бесполезно. Однако не успела она отойти от районного центра и километра, как за спиной послышались настойчивые автомобильные гудки. Света, не оглядываясь, сошла на обочину. Но гудки продолжались, они стали ещё настойчивее. «Чего это разгуделся? — раздражённо подумала она о шофёре. — Пьяный, что ли?» Света обернулась и увидела в кабине грузовика улыбающегося Эрбуту.

— Машина уже совсем охрипла, — открывая дверцу, пошутил он, — а вы и не оглянетесь. Садитесь, Сапурахон, с ветерком прокачу.

Эрбута забрал у Светы сумки и свёртки, подождал, пока она устроится на сиденье, и сложил все вещи ей на колени, затем сам сел в кабину, и машина тронулась.

Света попросила остановить грузовик у дома тётушки Хаджи. Уже выходя из кабины, протянула Эрбуте сумку с полученными в центральной аптеке медикаментами:

— Эрбута, дорогой, отвези это, если не трудно, к Санобар-апе. И скажи, пусть не волнуется, я буду у Мухаббат.

— Какие могут быть трудности, когда об этом просит невеста лучшего моего друга!

— Без шуток ты никак не можешь! — невольно покраснела Света.

Машина уехала. А Света со свёртком направилась прямо к Фазылу. Тёти Фроси дома не было. А сам Фазыл полулежал на курпаче и читал газету. Услышав скрип открываемой двери, поднял голову.

— Света?! — в глаза к его засветилась радость. — Заходи, заходи, пожалуйста, — пригласил он, поспешно вставая.

Но на девушку снова нашла прежняя скованность. Она стояла у порога со свёртком в руках, смущённая и растерянная, готовая даже повернуться и убежать.

— Да что с тобой, Сапурахон? Или ты на меня обиделась? — Фазыл подошёл

к ней поближе и осторожно взял за руку. — Проходи, садись.

Света сделала несколько нерешительных шагов в глубь комнаты и остановилась. Потом, не поджигая глав, протянула Фазылу свёрток.

— Я вам подарок привезла, — сказала она тихо. — Только не знаю, понравится ли?..

— Подарок? — удивлённо переспросил Фазыл и стал разворачивать свёрток.

Од сразу увидел, что костюм дорогой, и досадливо, даже сердито нахмурил брови, потом смутился и покраснел.

— Ну зачем ты это сделала? Богачка какая! — Фазыл погладил нежную шёлковую подкладку и неожиданно признался: — А честно говоря, никогда и жизни таких костюмов не носил.

— Если не носили, значит, теперь будете носить, — обрадованно и чуть горделиво сказала Света.

— Ты меня прямо в краску вогнала, Сапурахон. Ведь я, чурбан неотёсанный, должен был это первым сделать. И не догадался, недотёпа. Ладно, лучше поздно, чем никогда. Что тебе подарить? Только давай без всяких отговорок, честно... Чего бы тебе хотелось?

— Мне ничего не надо.

— Так и знал. Ну, тогда и я твой подарок не возьму.

— Возьмёте! Попробуйте только не взять!..

— Ах, вот как?.. — Фазыл своими сильными руками крепко, но бережно обнял Свету.

Девушка приглушённо вскрикнула от неожиданности, невольно рванулась из его рук. Подумав, что допустил несвоевременную и неуместную вольность, которая испугала и обидела Свету, Фазыл поспешно убрал с её плеч руки. Она отбежала к окну и остановилась там, стыдливо опустив голову и тяжело дыша. Вошла тётя Фрося.

— Ты здесь, доченька? — обрадовалась она. — Вот хорошо, милая, вот славно, умница моя! Наконец ты перестала избегать нас, горемычных.

Она подошла к Свете и ласково, по-матерински погладило её по голове.

— Ой, что это у тебя лицо так горит? — встревоженно спросила старушка. — Уж не заболела ли? — Она положила ладонь Свете на лоб. — И голова горячая... Давно это у тебя?

— Да нет, я здорова, тётя Фрося, — Света бросила короткий взгляд на Фазыла и покраснела.

— Мама, гляньте-ка вот на это, — Фазыл показал на лежавший рядом с ним костюм. — Света подарила.

— Ах, умница ты моя, ах, голубушка моя ненаглядная, — снова заохала, даже прослезилась тётя Фрося.

Она развернула костюм.

— Какой замечательный!.. И дорогой, наверное, одно разорение... Но ничего, не в деньгах счастье, а в любви и заботе друг о друге. Хороший костюм... Я такого в жизни не видала.

Тётя Фрося аккуратно сложила костюм и передала Фазылу.

— А теперь давайте ужинать. Давно пора. Времени-то вон сколько!..

После ужина Света заварила чай. Тётя Фрося выпила несколько пиалушек и встала. Света тоже собралась уходить. Старушка подтолкнула Фазыла в пле-

чо.

— А ну, сынок, вставай и проводи Свету. Живёт она далеко, да и негоже девушке одной ночью ходить.

— Да, да... Я обязательно провожу! — вскочил Фазыл и бросился одеваться.

— А может быть, ночевать у нас останешься, Светик?

Света покраснела и потупилась.

— Ну, ладно, ладно, — понимающе улыбнулась тётя Фрося. — Идите...

ЗАГАДКА

В яблонево́м саду и вокруг него кипела напряжённая жизнь. Колхозники готовили поля к севу. Но людей здесь было сейчас меньше, чем всегда. Большинство трудилось на месте бывших камышовых зарослей, где колхоз осваивал новые земли. Докосили оставшийся от прошлогоднего воскресника камыш и сложили у дороги. Предприятию слепых он ещё пригодится. Фазыл Юнусов и другие трактористы приступили к планировке уже вспаханной земли, к формированию чеков под посев риса.

Старики из бригады Тешабая-ата сажали фруктовые деревья. В западной части будущего сада намечено было также развести виноградник. Ещё вчера туда завезли черенки.

А неподалёку от подсобного хозяйства предприятия слепых расчищали место под будущий посёлок. Здесь уже поработали строители. Ещё в марте они заложили фундаменты десяти домов, на нескольких даже подняли до уровня окон стены.

Ахмаджан-ака и Халмурадов ещё раз уточнили список тех, кто подал заявление о переселении сюда. Первыми в списке стояли Сабир, Эрбута, Фазыл и Каромат. Она особенно докучала председателю и парторгу просьбами и даже требованиями об ускорении строительства. Очень уж хотелось девушке, чтобы к приезду Касымджана, а значит, и к их свадьбе, у них был свой домик. И ещё, чтобы рядом жили близкие друзья и подруги.

— Тогда ты весь кишлак сюда переселяй, — пошутила Мухаббат. — У тебя же в каждом дворе если не друг, то брат, если не подруга, то сестра...

— А что тут плохого? — совершенно серьёзно сказала Каромат. — Люблю я людей, и они мне тем же платят... Только... Знаешь, Мухаббат, записывайся и ты в список!

— Это ещё зачем? — удивилась Мухаббат. — Что, мне жить негде?

— Индивидуалистка ты! — вспылила порывистая и всегда безоглядно решительная в своих действиях Каромат. — А я, по-твоему, бездомная, да? А Фазыл-ака? Он ведь только недавно отстроил дом, а всё-таки записался. Потому что здесь большие дела разворачиваются, настоящая жизнь начинается.

— Чего это ты обзыватьсся начала? — обиделась Мухаббат. — Я и сама всё не хуже тебя понимаю. Только без Рустама ни в какие списки записываться не стану. Вот приедет он, тогда и решим вместе.

Каромат поддержали Кумри и Азиза:

— Записывайся, чего ты раздумываешь! Вернётся Рустам, только похвалит тебя.

Каромат чуть ли не за руку повела Мухаббат к строящемуся посёлку.

— Вот этот дом будет мой. А в этом будешь жить ты, — как ни в чём небывало занялась она распределением «жилплощади». — С этой стороны поселят-

ся Сапура с Фазылом. Ну как, нравится?

Каромат говорила так, словно перед нею стояли готовые дома, а не прямоугольники фундаментов с едва наметившимися стенами. И Мухаббат заколебалась. «А почему и в самом деле не согласиться? — размышляла она. — Жить рядом с лучшими друзьями и подругами — это же замечательно! Да и Рустаму наверняка поправится. К тому же трудно ему будет в кишлаке без Фазыла. Очень уж они сдружились, привыкли друг к другу...»

— Ладно, уговорила, — улыбнулась Мухаббат.

— Ух, и зацелую же я теперь твоего Адхамджона!

— Я тебе зацелую! Возьму вот и на самом краю посёлка дом выберу, подальше от твоей сумасшедшей любви.

— Заце-е-лу-ю! — сделала дурашливо-страшные глаза Каромат. — Уж он от меня никуда не денется, даже на самом раскрайнем краю посёлка.

Женщины рассмеялись.

— Не бойся, Мухаббат, — успокоила Азиза. — Пока дома построят, мы и на свадьбе Каромат с Касымджаном погулять успеем. А там уж ей будет кого целовать и без твоего Адхамджона...

— Только этой надеждой и живу! — поддержала шутку Мухаббат.

... Каромат возглавляла на целине звено девушек. А Мухаббат две недели назад снова предложили стать бригадиром. На вновь осваиваемые земли было выделено колхозом много рабочей силы, лошадей, бричек, самых различных сельскохозяйственных орудий, инвентаря. Вот правление и решило, что с таким большим хозяйством сможет управиться только человек опытный и авторитетный. Выбор, конечно, сразу пал на Джамалитдина-ака. Тем более, что на новом месте работы оказалось больше, чем предполагали вначале, и на подмогу целинникам направили ещё одно звено девушек из бригады Мухаббат.

Правление не ошиблось. Джамалитдин-ака и в новой должности чувствовал себя как рыба в воде. Работа в его бригаде прямо кипела, шла ритмично и слаженно. Зато сильно поредевшая бригада Мухаббат еле-еле вытягивала дневные нормы. Мухаббат долго крепилась. Сама трудилась, не разгибая спины, от зари до зари. Глядя на неё, и члены бригады, как говорится, из кожи лезли, но результаты не радовали ни бригадира, ни, тем более, правление колхоза. И вот в один из дней, распределив как обычно работу между колхозниками, Мухаббат прямиком направилась в правление.

— Или передавайте бригаду кому хотите, — чуть ли не плача, потребовала она, — или немедленно верните звено девушек!

Председатель попытался было разъяснить Мухаббат, что на целине пока очень много работы, там дорога каждая пара рабочих рук, и поэтому звено девушек необходимо задержать с возвращением ещё хотя бы денька на три-четыре. Но глянул на женщину, осунувшуюся, похудевшую, с обветренным лицом и загрубевшими от почти непрерывной работы руками, замолчал в нерешительности, буквально на полуслове.

В это время и вошёл в кабинет Джамалитдин-ака»

— Извините, но я нечаянно подслушал ваш разговор, — начал он, едва поздоровавшись. — Мухаббат права, надо, чтобы люди из бригад работали на новых землях по очереди. Тогда не будет такой перегрузки, как у них сейчас, — Джамалитдин-ака кивнул на Мухаббат. — И производительность труда повы-

сится. — Подумай, председатель. Я, между прочим, из-за этого сюда и приехал. Давай не будем обижать нашего Соловейчика... Сам видишь, бригада её плетётся в самом хвосте графика. А ведь работают как! Небу жарко. Только силёнок не хватает. А тут уж ничего не попишешь, выше себя, как говорят, не прыгнешь.

— Да ведь и в других бригадах положение не намного лучше, — вздохнул председатель.

— Знаю, — собрался уходить Джамалитдин-ака. — Поэтому официально заявляю: не может колхоз выделить людей из других бригад, целинники со своей задачей сами справятся.

Мухаббат благодарно, а председатель удивлённо глянули на него.

— Ну смотри, бригадир, — с шутливой угрозой произнёс Ахмаджан-ака. — Я ведь тебя и на слове могу поймать. Благородство и мужество твоё ценю, но план начнёшь заваливать — на себя пеняй. Людей не дам. Ни одного человека.

— Ладно, ладно, не пугай, — добродушно проворчал Джамалитдин-ака. — Пуганые...

Мухаббат тоже направилась к двери, но председатель окликнул её у самого порога:

— Погоди, есть ещё один разговор.

Мухаббат вернулась к столу.

— Ты знаешь слепого парня из соседнего колхоза по имени Камбар?

— Да, знаю. Мы с Рустамом даже как-то в гости к нему ездили. А в чём дело?

— Да в том, что покою от него нет. На целине, говорит, скоро не скоро, но работы закончатся, а дальше что делать? Я, говорит, без работы сидеть не могу и не хочу. Требуется, чтобы мы направили его на предприятие слепых. И из сельсовета уже приходили к нам с такой же просьбой. Видать, и там успел побывать, неутомимая душа. Вот вчера только председатель сельсовета говорит мне: «На твоих землях расположено подсобное хозяйство слепых. Значит, ты должен быть знаком и с руководством их предприятия. Помоги устроить туда Камбара». Может быть, ты, Соловейчик, знаешь, к кому там можно обратиться по этому делу?

— Знаю, Ахмаджан-ака. Да и вы знаете. Помните, осенью к нам приезжала Зоя Кузьминична?

— Помню, помню, — оживился председатель. — Впрочем, я же и директора неплохо знаю. Вот голова! — он стукнул себя кулаком по лбу. — За тысячу дел всё перепуталось...

— К директору тоже можно обратиться, — согласилась Мухаббат. — Но кадрами у них в основном Зоя Кузьминична занимается.

— Тогда помоги мне, пожалуйста, доченька, — попросил Ахмаджан-ака. — А то опять закручусь и забуду. Как пить дать, забуду!

— Хорошо, постараюсь, — ответила Мухаббат. — А звено мне сегодня можно забирать?

— Ну и характер же у тебя! — даже крякнул в сердцах председатель.

Прямо из правления Мухаббат отправилась к бывшим камышовым зарослям. Пройдя через только недавно заложенный яблоневый сад, она сняла с головы платок и стала размахивать им, чтобы привлечь внимание девушек.

— Пойдёмте, командир зовёт, — узнав Мухаббат, побежала к дороге Каро-

мат.

Звено шумной стайкой потянулось за нею.

— Ну, гвардейцы целины, как дела? — Мухаббат традиционно, по-узбекски обнимала подруг, похлопывая каждую по плечу. — Воюем?

— Воюем! — хором ответили девушки.

— А домой не пора ли?

— Хотелось бы, — призналась Каромат. — Но мы же как солдаты: без приказа ни шагу.

— Тогда, звено, слушай мой приказ: «Шаго-о-ом марш на свои поля!» — скрыв за напускной серьёзностью улыбку, совсем по-армейски скомандовала Мухаббат.

— Нет, правда?! — недоверчиво зашумели девушки.

— Разговорчики в строю! — прикрикнула Мухаббат. — Приказ два раза не повторяют, тем более, что он от самого главнокомандующего, товарища Ахмаджана-ака исходит...

— Ур-ра!..

— Что же это вы, солдаты, так легко и радостно с передовой уходите? — с лёгкой усмешкой спросила Мухаббат.

— Приказ начальника — закон для подчинённого, — округлив глаза и став по стойке смирно, отчеканила Каромат. — А потом, товарищ командир, разве у нас на полях не передовая? Зачем же вы тогда за подмогой пожаловали?

Звеньевую поддержали Азиза и Кумри:

— Не одной тебе всё как на ладони видать. Вон кожа одна, да кости...

— Да, трудновато нам, — вздохнув, призналась Мухаббат. — Потому председатель и разрешил вернуть ваше звено в кишлак. Да и Джамалитдин-ака очень помог.

Отправились прямо на поля бригады, оставив Каромат улаживать все необходимые формальности.

Около пятнадцати гектаров земли за каналом уже были полностью подготовлены к севу. Вчера Фазыл ещё раз вспахал эту карту и пробороновал её. Теперь можно было пускать сеялки.

С возвращением в бригаду звена Каромат работать стало легче и как-то веселее. Мухаббат успокоилась и приободрилась: в график теперь они войдут уверенно.

Об этом у них и шёл с Каромат разговор, когда возвращались под вечер домой.

— Глянь-ка, кто это так поздно на поле идёт? — опросила вдруг Каромат, показывая на приближающуюся к ним фигуру женщины. — Постой, уж не жена ли это хромого Мирабида?

Мухаббат всмотрелась повнимательнее и действительно узнала Гульчехру.

Одета она была сейчас не так, как всегда, не в шелка и атласы. Очень скромной расцветки ситцевое платье? поверх которого вытертая и выцветшая бархатная безрукавка, на голове пожелтевший марлевый платок. И на ногах хотя и не рваные, но старые галоши.

Когда они поравнялись, Мухаббат спросила удивлённо:

— Куда это ты, Гульчехра, на ночь глядя?

— К тебе... — неожиданно всхлипнула та. — Поговорить надо. Если можно, отойдём в сторонку...

— Ну что ж, пошли, — Мухаббат взяла Гульчехру под руку. — Сама-то ты как, здорова? Что-то неважно выглядишь. Ну, что у тебя за дело, говори.

— Совсем плохи у меня дела! — уже не сдерживаясь, расплакалась Гульчехра. — После того как посадили мужа, мне с ребёнком в доме свекрови житья не стало. И она и свёкор поедом едят... Говорят, и сама ты принесла в наш дом несчастье, и ребёнок весь в тебя, от него одних только несчастий и жди... Пришлось вернуться к своим родителям. Никаких сил нет переносить всё это.

— Ну, а дальше что собираешься делать?

— Сама не знаю. Голова кругом идёт. После суда он заявил: «Теперь обо мне можешь забыть. Вернусь, всё равно жить с тобой не буду!»

— Прямо так и оказал, подлец?! — разозлилась Мухаббат. — А ты, наверное, переживаешь, слёзы по этому негодяю льёшь?

— Тяжело мне очень, — плача, продолжала Гульчехра, не расслышав или сделав вид, что не расслышала вопроса. — Кому я нужна с ребёнком?.. Где мне теперь голову приклонить? Можно бы и дома жить, если бы...

— Что «если бы»? — насторожилась Мухаббат.

— Если бы мать неродной не была... — Гульчехру уже душили рыдания. — Думаешь, мне сладко с мачехой?.. Иди, говорит, туда, откуда пришла. Не накликай, говорит, людской молвы на наши седые головы. А отец... Он понимает всё, страдает... но молчит... Меня жалеет, а её боится. Уйду из дому. Совсем к посторонним людям уйду...

— Ты что это, ненормальная, мелешь? — искренне возмутилась Мухаббат. — Такая молодая, здоровая, и в прислуги идти? На чужих харчах жить? Вон в поле сколько работы, а людей не хватает. Иди хоть ко мне в бригаду. Все тебя примут с радостью. И с жильём что-нибудь придумаем. А сынишку в детсад устроим.

— Я и сама уже думала об этом, — сказала, вытирая слёзы, Гульчехра. — Только у меня есть ещё одно запутанное дело.

— Что это ещё за дело?

— Свекровь не отдаёт мне вещи. Говорит: на свадьбу истратились, так с паршивой овцы хоть шерсти клок... — Гульчехра снова всхлипнула.

— Ненормальные вы все какие-то! — рассмеялась Мухаббат. — Да пропади они пропадом все эти вещи. Были бы руки да желание: не такие зарабатываешь. Свои по крайней мере будут, не ворованные...

— Там не только во... ворованные. Там и мои есть... Приданое...

— И на свои плюнь! — решительно махнула рукой Мухаббат. — Не мелочись. Забудь про всё и начиная жить сначала. Не старуха небось и не уродина какая. Ещё и счастье своё сыщешь, без всякого приданого.

— Спасибо, Соловейчик! — благодарно прошептала Гульчехра.

— Ну, то-то!..

* * *

Все последние дни Мухаббат ходила радостная, окрылённая, счастливая. Снова пришло письмо из Одессы. И какое письмо! Написанное рукой самого Рустамджана!

Ильяс-палван, не удержавшись, принёс его прямо в поле. Едва завидев вышагивающую вдоль карты богатырскую фигуру, Мухаббат сразу поняла, что ищут её, и прямо через поле бросилась навстречу Ильяс-палвану. А тот, благодушно улыбаясь во весь рой, уже доставал письмо из сумки. Запыхавшаяся

Мухаббат почти вырвала у него из рук конверт, глянула на адрес, почему-то закрыла глаза, снова открыла и закричала на всё поле:

— От Рустама письмо! Он сам, сам, своей рукой написал! Значит, видит... Видит!!

— Вот тебе и Соловейчик! Прямо оглушила, — радостно-удивлённо пророкотал бас удаляющегося Ильяса.

Мухаббат поднесла конверт к губам и стала покрывать его поцелуями. Потом, даже не распечатав письмо, стремительно побежала к кишлаку.

— Мамочка! — закричала она ещё от калитки. — Вы только гляньте, Рустам сам, собственной рукой написал письмо! Сейчас только Ильяс-ака мне в поле его принёс...

И Мухаббат протянула конверт свекрови.

Тётушка Хаджия была неграмотной и потому не могла, конечно, определить, чьей рукой написан адрес на конверте. Но она бережно приняла его из рук Мухаббат и поднесла к глазам, вмиг наполнившимся светлыми слезами радости и счастья.

— Читай, читай, детка! — нетерпеливо попросила старушка, снова передавая письмо Мухаббат. — Что он пишет нам, ненаглядный наш?

Мухаббат дрожащими руками надорвала конверт, вытащила и развернула шелестящие листки. Они были исписаны крупными, ещё неуверенными, но такими знакомыми по фронтовым треугольникам буквами.

«Мамочка, дорогая моя Мухаббат, — начала она читать. — К нашему общему счастью, я снова стал видеть. Теперь я могу узнать знакомого человека метров за десять! Правда, профессор сказал мне: «Писать письма, читать книги и газеты вам пока нельзя». Но я не выдержал, и вот...»

Женщины обнялись и тихо, легко заплакали.

В тот же день тётушка Хаджия и Мухаббат собрали чуть ли не весь кишлак и устроили щедрое угощение. А тех, кого не уместил гостеприимный двор, пригласил к себе Фазыл. До рассвета звенели в обоих домах весёлые песни, разносился дразнящий аромат праздничного плова.

С того дня и ходит Мухаббат в таком состоянии, будто для неё непрерывно цветёт весна, лицо постоянно освещено улыбкой, ей всё время хочется петь.

Вот и сейчас, склонившись на полевом стане над какими-то бумажками, она напевает вполголоса:

*Ты обещал вчера прийти и не пришёл.
Я до рассвета глаз от горя не сомкнула.*

— Здравствуй, Соловейчик! — раздался голос Светы. — Всё поёшь?

— Какими судьбами? — удивилась Мухаббат.

— Вот обхожу полевые станы. Большинство из них, оказывается, не отремонтировано. В окнах выбиты стёкла. Двери покосились, некоторые даже не закрываются. Штукатурка осыпается. Стены грязные, засижены мухами, — сердито выговаривала она Мухаббат, будто та была во всём виновата. — Походила я, посмотрела, и совсем настроение испортилось. Ещё вот на ясли ваши гляну — и прямо к председателю.

— Что-то не похоже, Сапура, чтобы настроение у тебя было совсем уж плохим, — не без лукавства возразила Мухаббат. — Глаза, глаза-то так и светятся.

Мухаббат знала, что по пути сюда Света не могла не завернуть к Фазылу.

— Нет, Мухаббат, правда, я очень и очень расстроена.

— Ну, если очень расстроена, то надо немедленно разыскать Фазыла. Самая лучшая «скорая помощь»...

— Ты по своему опыту это знаешь? — Света сделала вид, что обиделась, и покраснела.

В помещении было душно, и она расстегнула жакет.

— Ой, у тебя, кажется, обновка?.. Золотая?! — воскликнула Мухаббат, увидев приколотую к платью подружки брошь. — Когда купила?

— Нет, это Фазыл-ака подарил, — Света смущённо опустила глаза. — Вчера я в район ездила. И у него, оказывается, там дела были. Вот мы случайно и встретились...

Мухаббат лишь молча улыбнулась.

— Ну, что ты смеёшься, — заметила улыбку Света. — Конечно, случайно!

— Ну, верю, верю, — успокоила её Мухаббат. — Мир, как говорят, тесен...

— Побродили мы по городу, попили лимонаду. В кино ходили. А потом Фазыл-ака чуть ли не силой затащил меня в ювелирный магазин. Я сразу поняла — зачем. Стала всячески отговаривать его, но он и слушать не стал. Купил эту брошку и сам приколот к платью. А из магазина мы к Долгову зашли. Ну, тому самому, что шофёром работает, в МТС. Приятный такой, добрый человек. И печальный... Глаза глубокие и грустные. Выпили они понемногу с Фазылом, и дядя Кузьма стал о себе рассказывать. Знаешь, какую он тяжёлую жизнь прожил... Когда началась война, был в Керчи, отдыхал там. Прямо из дома отдыха — на фронт. Во время войны потерял жену, детей. Так до сегодняшнего дня и не знает, живы они или нет...

Мухаббат сразу вспомнила приезд в кишлак Петра Максимовича Рагозина, его рассказ о партизанском отряде, о необыкновенной драматичной судьбе Марии с такой же фамилией, и о своём обещании и самой себе, и Петру Максимовичу распутать до конца эту загадку. Но так до сих пор и не собралась. Ей стало стыдно. А заодно в душе начинало вскипать раздражение, даже зло. на себя и на Свету. Рассказывает спокойно, будто забыла о том вечере в доме тётушки Санобар!

— Всё-таки эгоисты мы! — с болью и горечью воскликнула Мухаббат. — Посветило нам чуть ярче солнце, улыбнулось счастье и мы на седьмом небе. И никого уже на земле не видим, ничьи заботы нас не тревожат, ничья боли не волнуют...

— Ты о чём это? — не поняла сначала Света, и вдруг и её лицо полыхнуло жарким пламенем стыда. — И правда!.. Забыла же я, дура бессердечная, совсем забыла!..

— Ну, с то бой-то всё ясно. Где тебе сейчас о чем-нибудь помнить! А вот как я могла так долго не вспоминать об этом? Ведь дело о судьбе человеческой идёт!

— У тебя тоже забот за последнее время хоть отбавляй, — попыталась было оправдать подругу, а заодно, может быть, и сама не подозревая, себя.

— Обе мы хороши! — жёстко отрезала Мухаббат.

— Что же теперь делать?

— То, что мы Петру Максимовичу обещали. Выяснить. Но, как он предупреждал, осторожно. В мире и в самом деле немало одинаковых имён и фамилий. Только душу человеку разбередим, на старые раны соли насыпем.

— Надо Фазылу обо всем рассказать, — предложила Света.

— Давно бы пора, — буркнула Мухаббат. — Без Фазыла у нас ничего не получится. Он с Кузьмой Яковлевичем поговорит поосторожнее, а я попробую Зою Кузьминичну порасспрашивать как-нибудь незаметно.

Вышли на прилежавший прямо к полевому стану хирман. Света сразу забыла о состоявшемся только что разговоре, обвела засветившимися от восхищения глазами поля. Слишком уж счастлива была она всё это время, чтобы долго оставаться во власти печальных мыслей и дурного настроения.

— Как здесь красиво! Прямо глаз не оторвёшь. Здесь каждую весну такая прелесть?

Мухаббат очень хорошо понимала состояние подруги и потому больше не сердилась на неё. Жизнь, она потому и жизнь, что не может не брать своё.

— Нет, — многозначительно и лукаво прищурила она глаза. — По-моему, в этом году в первый раз такое с весной приключилось...

Света вспыхнула, обняла Мухаббат и глубоко вздохнула. Потом зашептала:

— Ты права! Во мне сейчас столько радости и счастья, что хватило бы на целый мир. Будто каждое дерево, каждый лист на нём, каждая травинка поправляют меня... Ну, а теперь твой детский сад посмотрим.

Света выпрямилась, провела ладонями по лицу, будто стирая с него краску недавнего смущения и неуёмного счастья.

Детсад совсем недавно отремонтировали силами бригады, трудились в коротких перерывах между основной работой. Стены здесь были заново оштукатурены и побелены, двери и окна покрашены, выбитые стёкла вставлены. Даже железные кровати перекрасили, и они сверкали, как новенькие.

В одной из комнат — младшая группа: грудные дети и те, что ещё не ходят сами. Если здесь и не слышно треска и писка игрушек, зато больше чем достаточно голосистых «певцов». Стоит только одному подать голос, как тут же к нему дружно присоединяются все в комнате. Молоденькая воспитательница, не привыкшая ещё к подобным концертам, бегаёт от кровати к кровати, испуганная и растерянная. В одной из кроваток, огороженной сеткой, — Адхамджон. В маленькой ручонке его накрепко зажата погремушка. Чёрные глазёнки его поблёскивают озорно и улыбочиво. Света подбежала к кровати, схватила Адхамджона, начала тискать его и целовать.

— У, Рустамчик маленький! Не плачешь?.. И правильно делаешь. Нечего с этих крикунов пример брать. Ещё наплачешься — вот только тётя Каромат придёт.

Мухаббат улыбнулась.

— А у тебя здесь хорошо, — положив мальчонку на место, обернулась к ней Света. — Любовь к детям, забота о них видна. Не то что в других бригадах. Не мешало бы этим здоровякам-мужчинам, которые нос задирают от своего бригадирства, прийти и поучиться у тебя, как за детьми надо ухаживать.

— Всею своё время, Сапурахон. Наверное, у них возможностей не было или ещё чего-нибудь, — сказала Мухаббат добродушно-примирительно.

В комнату незаметно вошла тётушка Кунпаш.

— Это уж ты, Мухаббатхон, напрасно! — с неожиданной горячностью заговорила она. — Что, разве у вас в бригаде делать было нечего, когда ремонтировали детсад? А вы же и норму успевали выполнить и здесь поработать. Ни сил, ни времени не жалели. Скажите уж лучше напрямик: мужчины на дет-

ские сады сквозь пальцы смотрят. Они, наверное, думают, что родится ребёнок, на четвереньках поползал, покувыркался и — вырос, как в сказке! И знать они не знают — а лучше сказать, делают вид, что не знают! — сколько материнского труда вложишь, сколько недоспанных ночей пройдёт, пока поднимешь этого кроху на ноги. Поэтому стоит только заикнуться перед мужчинами, что детский сад или ясли надо отремонтировать, они сразу начинают на свою занятость ссылаться, своей работой в поле козырять.

Мухаббат засмеялась.

— Вот вы, оказывается, какая! Чем это мужчины так вам насолили?

— А как на них не злиться? Если был бы настоящим человеком мой муж — чтоб ему могилу свиньи разрыли! — может быть, я бы вовремя показала доктору своего Сакиджана, и он не ослеп бы.

Мухаббат стало неловко и за свой неуместный вопрос, разбередивший изболевшуюся душу этой женщины, и особенно за смех. Одновременно ей до слёз стало жаль тётушку Кунпаш. Да и как не пожалеть! Единственный сын — и ослеп...

Мухаббат присела на стул у кровати Адхамджона. Увидев наконец мать, он проворно ухватился ручонками за сетку, поднялся в кровати и потянулся к Мухаббат, растянув пухлые губы в радостной улыбке. Она взяла сынишку на руки, прижала к груди и стала целовать в тёплое темечко, в макушку, а мысли почему-то снова вернулись к загадке Долговых. А если и вправду Зоя Кузьминична найдёт отца с матерью! Какое бы это было счастье для всей семьи! Затянется ещё одна кровоточащая рана от жестокой войны. С чего же начать? Ах, как плохо, что нет рядом Рустама...

В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

Мухаббат проснулась с первыми лучами солнца. Наскоро выпила чаю, попросила свекровь отнести сына, когда он проснётся, в детсад, и заспешила в поле. С тех пор, как она стала бригадиром, забот заметно прибавилось. Рабочей силы не хватало, машин и механизмов и того меньше. Да разве перечислишь всё, чего не хватает, что мало, а чего и вовсе нет? Всё это очень мучило поначалу Мухаббат. Жила она в эти дни по поговорке: к болезни да ещё чирей. Об отдыхе даже думать не приходилось.

Правда с возвращением звена Каромат положение немного облегчилось. Да и сама Мухаббат стала привыкать к хлопотной роли бригадира, этой задёрганной белки в колесе. Да и посевы хлопчатника радовали. Зазеленели они дружно, враз. Поля изумрудным, переливающимся под золотистыми лучами солнца ковром раскинулись во все стороны, насколько глаз хватал. Мухаббат каждый день по нескольку раз обходила карты, вглядываясь чуть ли не в каждый кустик, особенно если ей покажется, что он слабее или менее зелёный, чем другие. А едва выдастся свободная минута, спешит к старшим, более опытным хлопкоробам, буквально изводит их бесконечными расспросами о «секретах» ухода за растениями, сроках и нормах полива и других премудростях агротехники. Или просто стоит, наблюдая за их работой, стараясь запомнить чуть ли не каждое движение. И всё равно не обходится без ошибок и промахов, а значит, и без волнения, бессонных ночей, без изнуряющего напряжения. Время летит, будто с цепи сорвалось. Суток не хватает. Только польёт, внесёт удобрения, а уже затянута сроки окучки. Справились с окучкой,

глядишь, другое поджигает.

Мухаббат шла вдоль карты, тревожно поглядывая на небо. Золотистые лучи медленно выкатывающегося из-за Тянь-Шанского хребта солнца вдруг стали меркнуть, а потом и вовсе исчезли. Над вершинами гор нависло несколько тёмно-серых туч.

«Ах, как некстати этот дождь!» — с тревогой и лёгким чувством досады подумала Мухаббат.

И в самом деле — посеvy уже в досталь политы, внесены удобрения, растения развиваются дружно, равномерно. Поэтому от неурочного дождя не то что пользы никакой не будет, но и вреда жди. Прольётся он, затем прикроет солнце, и покроются поля коркой, прибавится непредвиденных забот.

— Мухаббат, эй, Мухаббат! — позвал кто-то с полевого стана,

Мухаббат быстро зашагала на голос. Был он незнакомым. Только подойдя к полевому стану, узнала в кричавшем сторожа сельсовета.

— Что случилось? — не без тревоги спросила Мухаббат, выходя на обочину карты.

— Председатель велел, чтобы ты сейчас же шла домой и собиралась в дорогу.

— В какую ещё дорогу? — не поняла она. — Тут и так на части разрываешься...

— Ну, это уже не моё дело, — развёл руками сторож. — Мне приказали, я передал. Правда, слышал мельком, будто ты должна слепых в город отвезти...

Ах, вот оно что! Да, председатель недавно просил подействовать в устройстве на работу Камфара, и она согласилась поговорить об этом с Зоей Кузьминичной. Но за сотней неотложных дел так в не выкроила времени. Ну, да ничего. Приедут в город, там на месте сразу обо всём и договорятся. А заодно, может быть, и в «загадке Долговых» удаётся что-нибудь прояснить.

Мухаббат отправила сторожа в правление, пообещав скоро прийти, и отправилась в звено Каромат.

— Меня срочно посылают в город, — объяснила она женщинам, — Каромат остаётся за меня. К вечеру постараюсь вернуться...

— Бригада, слушай мою команду — озорно крикнула Каромат. — Отметим вынужденное отсутствие нашего доблестного бригадира ударным, стахановским трудом!

— Тебе бы только дурачиться, — незлобиво проворчала Мухаббат и быстро зашагала к дому.

Проходя мимо полевого стана, Мухаббат увидела, что сторож ещё не ушёл.

— Поторапливайся, хорошая, тебя уже ждут, — напомнил он. — Слепых нужно сегодня же в сиротский приют устроить...

Это только из книжек знакомое «сиротский приют» неприятно резануло слух, обидой за Камбара отозвалось в сердце. «Сиротский приют!» Видел бы ты, старый, как «сирота» этот на строительстве плотины работал!

— Я же сказала, что сейчас приду! — в голосе Мухаббат прозвучало раздражение. — Сколько можно твердить об одном и том же?

Ей вспомнилось вдруг, с каким воодушевлением и гордостью говорила ей в последнюю их встречу в правлении Зоя Кузьминична:

«У нас лишившихся зрения инвалиды трудятся наравне со здоровыми людьми. Они, как и все советские люди, приносят своим трудом пользу Роди-

не...»

— А я что? Я ничего... — невозмутимо продолжал сторож. — Мне приказали, я передал...

— Скажите, что через полчаса буду у правления, — бросила Мухаббат уже на ходу.

— Скажу, как не сказать...

Дома Мухаббат вошла в свою комнату и стала торопливо переодеваться. И тут о улицы послышался сигнал машины. Объяснив на бегу свекрови, что её по неотложному делу срочно посылают в город, она «заспешила к калитке».

В кузове грузовика сидело двое. В одном Мухаббат сразу узнала Камбара. А кто второй? Совсем ещё юный, от силы лет пятнадцати, он примостился у кабины, втянув стриженую голову в худенькие плечи. Лицо у мальчика неподвижно. Отсутствующее выражение его и какая-то полувиноватая улыбка подсказали Мухаббат, что он слепой.

Мухаббат встала на колесо и уже собралась было запрыгнуть в кузов, но шофёр попросил!

— Садитесь, пожалуйста, в кабину.

— Нет-нет! — запротестовала она. — Пусть в кабине едет Камбар-ака.

— Я дороги в город не знаю, — пояснил шофёр.

В колхозе он работал недавно, и это была действительно первая его поездка в город.

Мухаббат нехотя соскочила на землю и села в кабину. Когда машина тронулась и побежала, набирая скорость, она спросила у шофёра:

— Кто этот паренёк?

— Несчастный, вот он кто...

— Это я и сама вижу, — резче чем она ожидала, оборвала шофёра Мухаббат.

В словах его послышался чуть ли не тоже «сиротский приют».

Шофёр удивлённо глянул на женщину и безразлично добавил:

— Его, кажется, Сакиджан зовут. Говорят, сводный брат какого-то Мирабида.

— Мирабид?! Так, значит, это сын нашей тётушки Кунпаш?

Мухаббат слышала, что после того, как мальчик ослеп, отец его бросил семью. Узнав об этом, Камбар решил забрать его с собою.

— Да, — подтвердил шофёр. — Мать его только что ушла. Плачет, бедная. Да и как не плакать, когда сына в сиротский приют забирают...

— Да что вы все заладили: «сиротский приют, сиротский приют»! — уже взорвалась в гневе Мухаббат. — Недавно вон сельсоветский сторож, а теперь вы!..

— А что же там, если не сиротский приют? — искренне изумился шофёр. — Если одевают-обувают, кормят-поят, значит, сиротский приют. Вы-то сами видели то место. Куда мы везём этих несчастных?

— То место, куда мы их везём, — Мухаббат кивнула на кузов, — предприятие. Понимаете, промышленное предприятие, а не сиротский приют. Там люди работают, как и мы с вами...

— Что же они, слепые, делать-то могут? — озадачили шофёра слова этой неизвестно чем рассерженной женщины.

— А вот приедем — сами увидите... «Сиротский приют»! И выкопают же такие слова!

До самого города Мухаббат больше не проронила ни слова. «Ведь так, наверное, и о Рустаме думают, — вспомнила она о муже. — Говорить не говорят, а думают... Только того «сердобольные» не знают, как страстно жаждут Рустам и ему подобные труда, любого, пусть даже самого тяжёлого, но полезного».

В лобовое стекло кабины застучали крупные капли дождя. Потом хлынул настоящий ливень.

— Чтоб ты пропал! — в сердцах прошептала Мухаббат. — Ну и достанется же Каромат с женщинами...

— Что? — повернулся шофёр. — Вы что-то сказали?..

И тут Мухаббат обожгла мысль о тех двоих, в кузове.

— Остановите машину! — крикнула она и на ходу открыла дверцу. — Немедленно остановите!

— Да что случилось? — испугался шофёр, нажимая на тормозную педаль.

— У вас брезент есть? — взволнованно спросила Мухаббат.

— Брезент?.. Ах ты, чёрт! — понял он наконец, в чём дело. — Конечно, есть...

Через несколько секунд оба они уже были в кузове. Камбар сидел неподвижно, заботливо прикрыв голову и плечи парнишки полрой своего пиджака. Вода сбегала с тубетейки, струилась по лицу, но он не вытирал её и даже глаза не закрывал. Казалось, Камбар всматривается в затянутую густой сеткой дождя даль, словно хочет увидеть там что-то светлое и желанное.

— Камбар-ака, извините, — сдавленным голосом проговорила Мухаббат. — Мы сейчас... Нет, вы лучше с Сакиджаном в кабину садитесь...

Камбар ничего не ответил. Лишь отрицательно покачал головой.

Тогда они вместе с шофёром быстро развернули уже намокший и ставший жёстким, как фанера, брезент, осторожно накрыли им мужчину и мальчика.

— Может, и правда, в кабину сядете? — повторила Мухаббат, но Камбар и на этот раз не отозвался. Он лишь потянул за край брезента, заботливо прикрывая им поплотнее мальчика.

Мухаббат, молчаливая и подавленная, сидела в кабине, смахивая с лица капли влаги. И было непонятно, дождь это или женщина беззвучно плачет.

Из этого тягостного состояния её вывела небольшая трогательная сценка, которая предстала глазам, едва машина въехала в ворота предприятия.

У порот стояла девушка. На ней было новенькое крепдешинное платье, изящные лаковые туфли, а на голове — вышитая тубетейка, из-под которой змеились, ниспадая ниже пояса, две туго заплетённые косы. К груди она прижимала букет роз. Они как-то по-особому нежно оттеняли миловидное девичье личико. Мухаббат переводила глаза то на лицо девушки, то на цветы, любуясь завидной свежестью молодости и цветения.

Но вот девушка, по-прежнему прижимая к груди благоухающий букет, обошла сложенный посередине двора камыш и направилась к асфальтированной дорожке. Осторожно нащупала её ногами и тут же ускорила шаг.

Шофёр, так же как и Мухаббат, не отрывавший от девушки глаз, только теперь понял, что она — слепая.

А навстречу ей шёл парень.

— Кажется, цветик мой цветы несёт? — ласково проговорил он, беря девушку за руку чуть выше локтя.

— Да, я действительно принесла цветы. Тебе...

— Спасибо. Только самый прекрасный для меня цветок — это ты!

От этих пылких и нежных слов парня девушка негромко рассмеялась, уткнув лицо в букет.

— Вот вам и «сиротский приют»! — не удержалась, чтобы не уколоть шофёра, Мухаббат.

— Ну, ладно, — смутился он. — Откуда я знал? Люди говорят, и я повторял...

В это время во двор вышел Газимбек. Увидев машину, торопливым шагом направился к ней.

— Здравствуйте! — он пожал руку Мухаббат, потом шофёру. — Вы к нам? Чем могу служить?

Он посмотрел на неловко вылезавшего из кузова Камбара, па то, как он почти на руках опустил на землю Сакиджана, и начал догадываться, с чем приехали нежданные гости. Ну что ж, люди ему всегда нужны. Только мальчишка... Совсем, видать, ещё ребёнок.

— Мы из колхоза «Коммунизм».

— Очень, очень рад. Значит, шефы наши. А как там поживает Ахмаджан-ака, товарищ Халмурадов? Да... В колхозе вашем есть ещё семья Шакировых. Рустам и его жена Мухаббат. Вы знакомы с ними? — оживился Газимбек.

Мухаббат рассмеялась:

— Знакома, Газимбек Расулович, со всеми хорошо знакома!

Не выдержал Камбар.

— Товарищ директор, да ведь с нами сама Мухаббат и разговаривает, — с улыбкой сказал он.

Газимбек смутился. С Мухаббат он действительно не встречался, хотя знал о ней со слов Зои Кузьминичны,

— Да что же мы стоим! — забеспокоился Ганиев. Пойдёмте ко мне,

И он направился в свой кабинет. Едва сели, вошла девушка-секретарь с двумя чайниками свежесваренного чаю и небольшой тарелочкой с кишмишом и колотым сахаром.

— Кстати, Мухаббатхон, — переливая чай, заговорил Газимбек. — Я слышал, что Рустам Шакиров снова стал видеть. Это правда?

— Да. Недавно он сам и письмо написал. Своей рукой.

— Я от всей души рад за Рустама и за вас.

— Спасибо, — поблагодарила Мухаббат и взяла протянутую ей Газимбеком пиалу с чаем,

— Что-то Зои Кузьминичны не видно?

— В Самарканд уехала.

Ах, как жаль!

— А что? Очень нужна была?

— Да, было одно дело, — уклончиво ответила Мухаббат.

— Наше предприятие заключило о самаркандскими коллегами договор о соревновании, — как бы извиняясь, пояснил Газимбек. — Вот Зоя Кузьминична со взаимопроверочной бригадой и поехала туда.

Мухаббат молча прихлёбывала чай. Решение таинственной «загадки Долговых» откладывалось. А может быть... И пока она успела принять хоть мало-мальски определённое решение, с языка неожиданно сорвалось:

— А сколько Зое Кузьминичне лет?

— Лет? — удивился Газимбек. — А зачем, простите, это вам нужно?

— Да я вот несколько раз с нею встречалась и никак не могла определить возраст. То она покажется совсем молодой, то чуть ли не пожилой женщиной, — с трудом нашлась Мухаббат.

— Пережить с её — и не такой покажешься, — вздохнул Газимбек. — Замечательный человек. И почему на хороших людей жизнь больше невзгод в несчастий обрушивает?.. А лет ей? Совсем она ещё молодая, только двадцать шестой год пошёл.

Подмывало Мухаббат сразу и о родителях Зои Кузьминичны расспросить, но она сдержалась. Не будешь же брать с Ганиева слово, чтобы ни о чём своему заместителю не рассказывал, а не возьмёшь, — обязательно но интересуется: что это, мол, Мухаббат Шакирова возрастом твоим да родителями вдруг заинтересовалась?.. Нет, нет, так можно всё испортить, раньше времени человека покоя лишить.

— Вы бываете в тех краях, где наше подсобное хозяйство, — заговорил о другом Газимбек, и Мухаббат облегчённо вздохнула, — Как там наша новая бригада? Вы же знаете, наверное, что мы Бакирова уволили. Судить, наверное, его будут. Спасибо, Ахмаджан-ака с Халмурадовым помогли вывести мошенника на чистую воду.

— Да, слышала. Сколько верёвочке не виться... А новый бригадир за дело вроде с душой взялся, — ответила Мухаббат. — Председатель наш специально наведывался туда и сказал после возвращения: «На добросовестного, правильного человека похож новый бригадир». Да, чуть не забыла! Колхозники вам на целый год камыша накосили. Мы там новые земли освоить решили. Так что можете забирать в любое время.

— Спасибо, но пусть пока полежит, если, конечно, он вам не мешает. Сами видели, весь двор у нас камышом завален. Переработаем часть, тогда и за вашим приедем.

— Ну, а теперь я...

— Понял, сразу понял, — положил ладонь на руку Мухаббат Газимбек. — Люди нам сейчас очень нужны. Только вот братишка, наверное, молод ещё для работы? Мы его сначала в ремесленное училище направим. Не возражаете?

— Очень правильное решение, — поддержал Газимбека молчавший до этого Камбар.

Потом повернулся к парнишке, приобнял его за плечи:

— Хочешь учиться, Сакиджан?

Тот молча кивнул головой.

Газимбек вызвал секретаршу и попросил её тут же оформить Камбара на работу, показать ему место в общежитии и познакомить с начальником картонного цеха.

— Заодно и Сакиджан сегодня там переночует, — распорядился он. — А завтра сам сведу его в училище. Оно совсем рядом с нами. Рабочим человеком станешь, — ободряюще похлопал он мальчика по плечу. — Мастером!..

Сакиджан лишь застенчиво улыбнулся.

Мухаббат засобиралась домой. Она подошла к Камбару, взяла его руку и крепко пожала.

— Ну, желаю вам удачи, Камбар-ака! Вернётся Рустам, мы обязательно приедем к вам.

— Буду ждать, — улыбнулся он.

Мухаббат шагнула к Сакиджану. Тот, будто почувствовав её приближение, встал. Она крепко обняла мальчика и поцеловала его в лоб, спросила:

— Что маме передать?

— Не знаю, — растерялся паренёк. — Привет передайте.

— И ещё, — добавил Газимбек, — чтобы ни о чём ни беспокоилась. Сын её в хорошую, рабочую семью попал. А впрочем, она ведь и сама приедет, всё увидит собственными глазами.

Секретарша куда-то увела Камбара с Сакиджаном.

Вышли во двор. Мухаббат было направилась сразу к машине, но Газимбек её остановил:

— Если вы не очень торопитесь, я бы вам предприятие показал.

— Да как вам сказать?.. — остановилась она в нерешительности. — Вечерет уже... А впрочем...

Мухаббат вспомнила, как Рустам несколько раз интересовался работой предприятия и жизнью его рабочих. Даже просил жену специально съездить и посмотреть. Мухаббат догадывалась, что это неспроста. А теперь вот представился удачный случай.

Будто угадав её мысли, Газимбек спросил:

— Скажите, муж ваш по возвращении из Одессы не собирается к нам на работу поступать?

— Не знаю. Но мне кажется, что он об этом давно думает...

— Надо, надо. Одиночество таким людям — мука. А здесь коллектив, работа, сознание своей полноценности, нужности.

В первом же помещении уши заложило от шума, грохота, скрежета всевозможных станков и машин. Здесь делали картонные коробки. Мухаббат останавливалась возле каждого станка, подолгу наблюдала за действиями рабочих. Каждое их движение было уверенным и точны даже изящным. На лицах людей читалось одухотворённое напряжение, и улыбки были не теми вымученными, полувиноватыми, к которым она привыкла, а горделивыми, задорными.

Мухаббат не удержалась, взяла в руки готовую коробку и стала тщательно, даже придирчиво её исследовать, втайне надеясь обнаружить хоть какой-нибудь, хоть самый пустячный брак, мелочную недоделку. Но ничего найти не смогла.

А рабочие продолжали трудиться в каком-то особом, отлаженном и весёлом ритме.

«Да, Рустаму здесь будет хорошо, — подумала она. — Ведь он теперь видит, значит, и работу ему дадут посложнее и поинтереснее... А главное, Ганиев прав, — люди, коллектив».

— Ну как, понравилось? — поинтересовался Газимбек.

— Очень... Я даже не ожидала, — честно призналась Мухаббат.

Вот и расскажите обо всём Рустаму Шакировичу.

— Обязательно расскажу, — заверила она. — Мы даже приедем сюда специально, пусть сам посмотрит. Ну, а теперь мне совсем пора, — заторопилась Мухаббат.

— Жаль, — вздохнул Газимбек, протягивая ей руку.

Ему нравилось знакомить новых людей с предприятием, наблюдать при

этом за выражением их лиц, когда недоумение, удивление сменяются вдруг восхищением. Да, здесь люди, ещё недавно ожесточённые и отчаявшиеся, возвращались в большую жизнь, возрождались духовно и физически. И в этом есть и его, Газимбека, заслуга.

— Да, жаль, — повторил он. — Ну, ничего. В следующий раз вместе с Рустамом Шакировичем всё досмотрите.

— До свидания, — ещё раз протянула Ганиеву руку Мухаббат и направилась к машине.

Снова начала портиться погода. Накрапывал мелкий и не по времени холодный, колючий дождь.

Мухаббат села в кабину, машина тронулась.

— Ну, как вам «сиротский приют»? — глянула она в улыбкой на шофёра.

— Не надо, Мухаббатхон! — попросил тот. — Недаром говорят: лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Больше ничего подобного никогда от меня не услышите.

— То-то...

Вдруг по кабине что-то дробно и жёстко застучало.

— Град! — испуганно крикнула Мухаббат. — Посевы! Гоните быстрее машину.

Шофёр с готовностью нажал на газ. Машина захлебнулась, натужно взвыла и рванулась с бешеной скоростью. А град продолжал оглушительно барабанить в крышу и лобовое стекло.

— Какое несчастье!.. Ах, какое несчастье! — повторяла то и дело Мухаббат.

ПРОЗРЕНИЕ

Стихийное бедствие обрушило на головы колхозников неисчислимы заботы и тревоги. Прошедший вчера ливень и град уничтожили во многих бригадах всходы, стоившие людям таких трудов и хлопот. Обстановка в колхозе непредвиденно осложнилась. В четырёх бригадах надо было заново сеять выбитый градом хлопчатник. Да и на других участках требовалось на больших площадях восстанавливать пострадавшие посевы.

Ахмаджан-ака, Тешабай-ата и Хаитбай-ата вместе с бригадирами обошли все пострадавшие от града участки. В тот же день состоялось совместное собрание коммунистов и колхозного актива. Люди входили в кабинет председателя молча, даже не здороваясь, угрюмые, злые, словно собиравшиеся не совет единомышленников, болеющих за одно общее дело, а случайная встреча людей, смертельно из-за чего-то рассорившихся. Впрочем, все понимали, что сейчас не до вежливости и прочих сантиментов. Им, прирождённым земледельцам, хлопкоробам, больно было смотреть друг другу в глаза от сознания, что столько труда непоправимо, безвозвратно пошло прахом.

Председатель колхоза коротко ознакомил собравшихся со сложившейся обстановкой, сообщил, сколько и в каких бригадах повреждено посевов, сколько для их восстановления потребуется времени, рабочей силы и средств.

— Время и средства в наших руках, — говорил негромко Ахмаджан-ака. — Но где людей взять?.. Я считаю, что мы не должны останавливаться даже перед крайними мерами, перед мобилизацией на борьбу с последствиями стихии целинников.

Джамалитдин-ака нахмурился, беспокойно заёрзал на месте. Председатель

заметил это и заговорил громче, жёстче:

— Да, Джамалитдину сейчас трудно. Он уже начал сеять рис, и работу эту надо завершить как можно скорей. Но делать нечего, придётся нам и его бригаду уменьшить на половину, перебросить людей на пострадавшие участки, чтобы успеть в самые кратчайшие сроки пересеять хлопчатник.

Председательское решение это вызвало в бригадире раздражение и упрямство, в общем то ему обычно не свойственные. Ему захотелось встать и решительно заявить: «Никаких людей я вам не дам!» Даже поднял было сердитый взгляд на Ахмаджана-ака, но неожиданно встретился с другим, со взглядом Мухаббат. Она была бледная, глаза потухли и ввалились. Дажамалятдин-ака пристыженно прикусил язык, кляня себя за опрометчивость и бессердечие.

Вот уже два дня, как Мухаббат не знает покоя ни днём ни ночью. С первыми лучами солнца вся бригада уже в поле. Женщины спешат пересеять огромные проплешины, чтобы хоть как-то восстановить карты. Мухаббат буквально на части разрывается. То мчится к трактору, чтобы убедиться, ровные ли после него остаются рядки, то к сеялкам, чтобы проверить качество семян и правильность работы машин. С наступлением же темноты, когда колхозника расходятся по домам, она направляется в правление колхоза. Надо ещё получить со склада семена на следующий день и отвезти их в поле. А потом Каромат провести.

Каромат все эти дни тяжело болеет. Сначала она держалась на ногах, крепилась, но вот уже несколько дней болезнь накрепко уложила её в постель. Света почти не отходит от неё, лишь изредка наведываясь в медпункт. Другим больным она тоже нужна. Однако сколько Мухаббат со Светой ни стараются, каких только лекарств ни применяют, состояние Каромат с каждым ином всё хуже и хуже. Сегодня под вечер снова резко подскочила температура. Когда пришли подруги, Каромат бредила. Она звала то Мухаббат, то Азизу и Кумри, о чём-то их просила, то начинала расспрашивать о Касымджапе.

... Вот уже несколько недель, как Касымджан вернулся в кишлак, но Каромат всё ещё не может поверить окончательно в своё счастье. Даже сейчас, в бреду, она говорит о женихе как об отсутствующем, сердится на кого-то за то, что от неё прячут письма любимого. Да, о женихе. Касымджан с Каромат уже побывали в загсе, даже день свадьбы назначили, и Джамалигдин-ака, несмотря на свою занятость, находил время хлопотать по её приготовлению. Но этот неожиданный град спутал и опрокинул все планы. А тут ещё Каромат заболела...

Мухаббат прошла в изголовье Каромат и присела рядом со Светой. Положив руку на пылающий лоб подруги, спросила:

— Какая у неё температура?

— Тридцать девять. И продолжает подниматься, — тихо ответила Света.

— Что же нам делать?

— Надо в район везти, другого выхода нет. Недавно появилось новое лекарство. Пенициллин называется. Надо во что бы то ни стало достать его и поделаться ей уколы.

В это время Каромат снова начала бредить. Вдруг она закричала:

— Касымджан-ака, эй, Касымджан-ака, перекрывайте арык, арык перекрывайте! Давайте камыш, побыстрее!..

Мухаббат в недоумении повернулась к Касымджану:

— О каком это арыке она говорит? Мы же в тот день ни одну из карт не поливали...

— За полевым станом, оказывается, не было перекрыто ответвление от головного арыка. После ливня вода сверху хлынула в него и начала затоплять карты. Каромат бросилась туда, но сразу поняла, что сделать ничего не удастся. Тогда она сама кинулась в промоину, чтобы собственным телом прекратить путь воде. Я опоздал всего на каких-нибудь несколько минут. Быстро нагнал веток, связок камыша, перекрыл ими устье арыка и начал забрасывать зыбкую плотину землёй. С трудом, правда, но остановить воду удалось. Потом направили поток в близлежащий сай.

Касымджан замолчал, вздохнул тяжело, потом тихо добавил:

— Вот и получила воспаление лёгких.

Мухаббат встала и вышла. Света права — Каромат надо немедленно отправить в больницу. Она пошла на колхозный двор, запрягла закреплённую за её бригадой арбу и вернулась к дому Джамалитдина-ака. Здесь она постелила на арбу вынесенные матерью Каромат одеяла, положила в изголовье несколько подушек. Потом вместе со Светой они вынесли из комнаты бесчувственную Каромат и осторожно уложили на одеяла, одним из них прикрыв и укутав больную. Касымджан взял уздечку лошади и вспрыгнул в седло. Света устроилась рядом с подругой.

Арба тронулась. Во дворе остались только мать Каромат и Мухаббат. Старушка долго смотрела вслед арбе и тихо плакала, вытирая слёзы кончиком платка.

— Не надо, тётушка, плакать, — стала утешать её Мухаббат, сама еле сдерживая слёзы. — Вот увидите, всё будет хорошо. Мы скоро и на свадьбе вашей дочери погуляем.

— Дай бог, дай бог, — всхлипнула старушка и, понурившись, пошла со двора домой.

А Мухаббат снова заторопилась в поле, откуда доносился ровный гул работающего трактора. Она придирчиво проверила, как через сошники падают в землю семена, Фазыл остановил трактор и соскочил на землю.

— Ну как, хорошо? — не без гордости спросил он.

— Хорошо-то хорошо, только не очень ли редко? — озабоченно спросила Мухаббат.

— Редко? Да нет... Можно, конечно, и гуще, только потом всё равно прорезивать придётся, а семена перерасходуем. А они сейчас, сама знаешь, — на вес золота.

— Да, ты прав...

Мухаббат направилась к работавшим неподалёку колхозникам из своей бригады. Откуда-то послышалась песня. Судя по голосам, пели молодые. Мухаббат ускорила шаг. Перепрыгнув через завур, небольшой арык, разделяющий карты, она зашагала прямо через хлопковое поле.

Звуки песни слышались всё ближе и ближе. Звонче и мелодичнее всех раздавался голосок Гульчехры. «Оттаяла, сердечная, оттаяла», — удовлетворённо, с теплотой подумала Мухаббат.

На душе, растревоженной болезнью Каромат и недавними её проходами в больницу, стало немного спокойнее и светлее. Радовало и то, что людей в поле прибавилось. Значит, успеют вовремя пересеять побитый градом хлопчатник.

Только всё же многовато людей, даже с пополнением из бригады Джамалитдина-ака. Откуда они взялись?

— Что-то народу много, — ничего не понимая, обратилась она к Гульчехре. — Кто это вон там? Новые какие — то, я их ни разу в поле не видела.

— Не узнаете, Мухаббатхон? — рассмеялась Гульчехра. — Это же старушки наши! Все как одна пришли помогать. И ваша мама, и тётушка Хаджия тоже здесь. Они тайком от всех нас сговорились и заявили прямо на поле.

— Вай, здоровья им и многих лет жизни! И тётя Фрося вышла?

— Да. А вон ту, совеем древнюю старуху видите? Это моя бабушка, Бувисара. И ей дома не сидится. Поругали бы вы её, Мухаббатхон. Какая с неё работа! А надорваться в два счёта может...

— Не беспокойся, Гульчехра, — успокоила её Мухаббат. — Работа с душою никогда не в тягость. Нет, ты только посмотри на наших старушек! — всплеснула она руками. — Удивили они меня, очень удивили я обрадовали.

— Что ни говори, а помощь от них заметная, — согласилась Гульчехра. — Без них бы уйма времени на прополку и прореживание ушла.

— А свекрови твоей, кажется, не видно?

— Не надо, Мухаббатхон, не называйте её больше моей свекровью! — протестующе заявила Гульчехра.

Азиза распрямилась, вдохнула всей грудью, бросила в фартук вырванные с корнями растения и сказала:

— Мухаббат, мы тут без тебя самостоятельность проявили. Не заругаешь?

— Смотря какую самостоятельность! — насторожилась Мухаббат.

— Смотрим мы, звено наше без звеньевой осталось. Пока вернётся Каромат, не ходить же нам без начальства. Разбалуемся ещё, разленимся. Вот мы и решили: пусть Гульчехра пока будет звеньевой.

Гульчехра зарделась, улыбнулась смущённо и счастливо.

— Молодцы! От всей души говорю вам — я довольна, — искренне обрадовалась чуткости и догадливости женщин Мухаббат. — Ну, что ж, сестрёнка, оправдывай доверие коллектива! И смотри, если звено начнёт хуже работать, от Каромат спуска не жди. Она у нас насчёт этого очень строгая.

— Буду стараться, — благодарно прошептала Гульчехра.

Мухаббат направилась к старушкам. Работа здесь была в самом разгаре. Ровными рядами убегали вдаль тщательно прополотые и прореженные грядки, особенно зелёные на заботливо взрыхлённой земле.

— Хорманг! Не уставать вам, — весело крикнула Мухаббат.

— Дай и тебе бог здоровья! — хором отозвались старушки.

— Ну как там Каромат? — обеспокоенно спросила тётушка Хаджия.

— Света с Касымджаном в район её повезли. Вот освобожусь немного, и сама съезжу, проведу.

— Поезжай, поезжай, — поддержала её тётушка Санобар. — А за хлопок не беспокойся. Раз такие мастера вышли — держись! Правда, тётушка Бувисара?

— Что, недоглядела? — всполошилась та, не расслышав. — Я сейчас, сейчас поправлю. — И она стала подслеповато оглядывать уже обработанный рядок.

Старушки добродушно рассмеялись.

Да, забот и в самом деле поубавилось. Вот-вот должны взойти и вновь посеянные Фазылом семена. Мухаббат облегчённо вздохнула и окончательно успокоилась. Теперь можно и в районный центр съездить. Завтра же.

Но с утра помешали домашние дела, и до больницы Мухаббат добралась поздно. На чёрном небе уже замигали первые звёзды. Касымджан сидел у двери палаты и дремал. Почти двое последних суток он не сомкнул глаз. Услышав шаги, он поднял голову и открыл глаза. Потом встал и молча накинул на плечи Мухаббат свой халат.

Каромат и Света одновременно повернули головы на скрин открываемой двери. Лицо Каромат, осунувшееся и истаявшее, было восковым, лишь щёки полыхали ярким румянцем, да чёрные глаза были темнее и суше обычного.

— Спасибо, что пришла, — слабо улыбнулась она и, не дожидаясь распросов Мухаббат, добавила. — Мне уже лучше...

Потом спросила с тревогой:

— Сама-то ты как? Вон как исхудала и побледнела! С посевами управились?

— Тебе нельзя пока много говорить, — предупредила Света и, уже обращаясь к Мухаббат: — В самый кризис мы привезли её сюда. Тяжёлая была, страх. Почти сутки врачи ни на шаг от неё не отходили. Но теперь, к счастью, самое опасное позади. А пока она очень слабая.

В это время снова скрипнула дверь.

— Касымджан? — не то спросила, не то позвала Каромат.

— А кроме Касымджана, значит, никто не нужен? Мы, значит, жучки-козявки бесполезные?..

На пороге стоял улыбающийся Фазыл, прямо в измазанном рабочем комбинезоне и с двумя огромными букетами в руках. Каждая чёрточка его добродушного лица излучал свет радости и счастья.

Фазыл вручил один букет Свете, другой протянул Каромат, а потом, повернувшись к Мухаббат, сказал:

— Поздравляю!

Она сразу поняла, с чем её поздравляют.

— Рустам приехал?!

— Да, часа полтора назад. Я только проводил его до дому и сразу помчался сюда. Ну, пойдём, машина ждёт... Он уже видит!

Даже не попрощавшись с подругами, Мухаббат выбежала из палаты. Но, видимо, опомнившись, вернулась, подбежала к койке, упала на колени и стала покрывать лицо Каромат, её руки, всё ещё державшие букет, бесчисленными поцелуями.

— Ну, иди, подруженька, иди! — стала провожать её Каромат, а в глазах заплясали всегдашние озорные чёртики. — Оставь пыл для Рустама, а то все свои поцелуи расцелуешь. Ну, а не хватит — от меня его поцелуй.

Мухаббат вскочила, порывисто обняла Свету и снова выбежала из палаты.

Фазыл уже ждал её у машины. Несмотря на ночную темень, ехали быстро. Вскоре впереди замерцали тусклые огни кишлака.

У самого двора, даже не дожидаясь, пока машина полностью остановится, Мухаббат открыла дверцу и выпрыгнула из кабины. Задыхаясь, оглушённая бешеными ударами собственного сердца, бежала она через двор. Не заметила, как миновала веранду, прихожую и оказалась в большой, ярко освещённой несколькими лампами комнате.

Рустам стоял, наклонившись над кроваткой спящего Адхамджана. Даже по свободному изгибу спины, уверенно развёрнутым плечом, Мухаббат сразу увидела, как изменялся, преобразился он. А когда Рустам повернулся к ней,

она застыла, прижав кулаки к груди, не в силах сделать к мужу ни шага.

— Почему же вы не сообщили о приезде? — чуть слышно спросила она, чувствуя, что не об этом хотела и надо было спросить.

Рустам! Совсем, совсем такой, как прежде. Она вдруг вспомнила его на вокзале, перед отправкой на фронт. Стриженные, как и сейчас, под машинку волосы, чёрные, блестящие, с сизым отливом — а теперь вот посеребрённые всё более заметной сединой! — лицо как у курортника — бронзовый загар; глаза тёмно-карие, умные, родные, любимые глаза. Мухаббат даже не заметила, что один из них — искусственный, с такой тщательностью подобрали его чьи-то добрые руки, нет — добрая душа, большое человеческое сердце.

— Рустамджан! — крикнула, освобождаясь от оцепенения Мухаббат, бросилась мужу на грудь и разрыдалась.

Счастливо улыбаясь, Рустам нежно гладил её по голове, по вздрагивающим плечам, шептал нежно и ласково:

— Ну, не надо, Соловейчик, ну, не плачь... Видишь, я жив-здоров. Снова у нас будет всё по-прежнему.

Фазыл нерешительно переминался с ноги на ногу, глухо покашливал в кулак, не зная, как быть. И смотреть вроде на эту сцену неудобно, и выйти никак не мог решиться.

А тётушка Хаджия суетливо бегала по комнатам, что— то перекладывала с места на место, что-то поправляла и оглаживала. Руки у неё тряслись, старушка не находила себе места.

Не удержалась, подошла к детям, припала головою к сыновнему плечу, осторожно погладила по спине невестку.

— Поплачь, поплачь, доченька! От счастья тоже плачут, — шептала она и сама смахивала с ресниц светлые слёзы радости. — А ты, сынок, и вправду, неправильно поступил, — старалась говорить она построже, но улыбка смывала строгость, распрямляла старательно сводимые брови. — Встретить-то тебя по-человечески не смогли.

— А я специально. Нежданная радость — двойная радость. А потом — человек ведь я теперь самостоятельный.

— Да! — совсем по-детски всхлипнула Мухаббат. — Так и разрыв сердца получить недолго...

Осторожно переступая, чтобы не скрипнул протез, Фазыл незаметно выскользнул из комнаты.

СВАДЬБА

Рустам разговаривал с тётёй Фросей, наблюдая за тем, как Адхамджан играет с надувным резиновым шариком. Тётушка Хаджия хлопотала во дворе. Радости её не было предела. Подбросив в самовар щепок, она снова вошла в дом. Вообще старушка старалась всё время держаться поближе к сыну. Она часто прижимала его к груди, гладила по голове, беспрестанно целовала то в лоб, то в глаза, нежно шептала:

— Сыночек мой родной, жизнь моя! Быть мне жертвой твоих снова видящих глаз!

Потом брала в руки внука и сажала на колени к Рустаму.

— Ну, как, вырос он? — с любовью и гордостью в который уже раз спрашивала тётушка Хаджия. — Смотри, сынок, какой он большой и хорошенький, ягодка моя!

Рустам жадно ласкал сынишку. На душе у него было тепло и светло.

— И глазки у него точно такие же, как у тебя! — продолжала тётушка Хаджия, не зная, чем ещё обрадовать сына, как ещё сделать ему приятное.

И тут надувной шарик выскользнул из руки Адхамджона. Мальчик дотянулся за ним, соскальзывая с колен отца, а потом неожиданно встал на подгибающиеся ножки и сделал несколько неуверенных шагов вслед за улетающей игрушкой.

— Вы только гляньте, внучек пошёл! — в радостном изумлении всплеснула руками тётушка Хаджия.

— Жизнь берёт своё! Поднимаемся на ноги! — ликующе воскликнул и Рустам, и в восклицании этом нетрудно было уловить безбрежную радость собственного возвращения в жизнь, большую и маняще прекрасную, каким был для сынишки этот радостно переливающийся шарик, плавно подпрыгивающий на ковре.

Добрая весть крылата. Несмотря на то, что Рустам приехал поздно вечером, дом уже спозаранку наполнился людьми. Поздравить земляка со счастливым исцелением пришли соседи, друзья и знакомые. Тётушка Санобар в комнатах и на террасе не успевала стелить для прибывающих гостей всё новые курпачи и одеяла. А тётушка Хаджия не отходила от самовара.

И на следующий день в доме былолюдно и шумно. Пришли даже старики из дальней садоводческой бригады. А Ахмаджан-ака и Халмурадов смогли навестить Рустама только поздно вечером.

Света — Каромат всё-таки отослала её в кишлак, твёрдо заявив, что и Касымджан за нею не хуже любой медсестры присмотрит — принесла шурпу. Поставив на хан-тахту, быстро глянула на Фазыла и едва приметным движением головы показала на дверь. Фазыл попытался было встать, но охнул и снова сел. За последние дни он очень много ходил, и протезом сильно натёрло ногу. Света сразу всё поняла и, шепнув Фазылу, чтобы он не двигался, вышла во двор. Навстречу ей шли Эрбута и Сабир — джан.

— Не заставляйте, пожалуйста, Фазыла работать, — попросила Света, — у него очень разболелась нога.

— Да разве мы заставляем? Только ведь его не удержишь.

В комнате между тем назревал серьёзный разговор.

— Значит, так, братишка Рустам, — сказал, задумчиво домешивая ложкой в

касе, Ахмаджан-ака, — вернулся ты к нам в полном, как говорится, здравии и боевом настроении. Теперь мы вправе от тебя и помощи попросить.

— Какой помощи? С удовольствием, если это в моих силах.

— В твоих в твоих, — заверил председатель. — На друга своего, Фазыла Юнусова, повлиять нужно.

— В чём же это я провинился? — воскликнул в недоумении Фазыл.

— ... А то иду я как-то по полю, — сделав вид, что не расслышал вопроса, продолжал Ахмаджан-ака — друг твой, как всегда, на своём «чёрном льве». Делаю знак: заглуши, дескать, мотор и иди сюда. Подходит. «Из какого же ты, — говорю я ему, — роду-племени! Стоит только нормальному парню о женитьбе намекнуть, он минуты дома не усидит. А у тебя и невеста рядом, а о свадьбе, по всему виду, ты и не помышляешь. Может быть, материальные затруднения испытываешь? Так приходи в правление, мы тебе приличный аванс выдадим. Только свадьбу больше не вздумай откладывать!» А этот умник говорит мне в ответ... Признаться, ответ мне понравился... Да, очень понравился мне ответ! Одним словом, умный парень, вот что я должен вам сказать.

— Об этом весь колхоз знает, — рассмеялся Рустам. — Только, что вам Фазыл всё-таки сказал?

— А свадьбу, говорит, я сыграю только после благополучного возвращения Рустамджана. Ладно, думаю, пусть дождётся своего лучшего друга, а уж тогда он у нас не выкрутится. Теперь ты, всем нам на радость вернулся здоровым. И колхозники от этой напасти небесной, будь она проклята, оправились. Не грех бы сейчас и свадьбу закатить. Да не одну, если потребуется. Были бы желающие.

— Ахмаджан прав, — поддержал председателя Джамалитдин-ака. — Нечего раздумывать. Пока расчётливый решается, рискующий — в выигрыше. А тут и риска никакого. Или есть? — повернувшись к Фазылу, с едва приметной лукавинкой улыбнулся бригадир.

— Вам бы всё шуточки. А свадьба же сама по себе не играет. Наверное, чего-нибудь не хватает, раз Фазыл никак решиться по может, — рассудительно заметил Тешабай-ата.

— Мы знаем, чего для свадьбы не хватает! — заговорщически подмигнул гостям и громко рассмеялся председатель.

— Всё можно подготовить за один день, — заверил собравшихся Сабир, который слушал весь разговор, стоя в дверях. — Завтра же можно и начинать.

— Кстати, молодые уже и в ЗАГСе побывали, — будто угадывая мысли председателя, сказал Халмурадов. Сабир дело говорит. Нечего тянуть. И вот что, свадьбу будем играть по-новому: и мужчины и женщины вместе. Всё-таки учитывать надо: невеста — не узбечка, хоть и совсем она нам своею стала. Да и пора от старых обычаев и традиций постепенно избавляться. Сама жизнь этого требует. Новая жизнь...

— Правильно! — сразу поддержал парторга Рустам, — Давно пора.

Фазыл в разговоре участия не принимал, вынесенному без него решению не противился. Впрочем, организаторы свадьбы и не думали спрашивать его согласия. Сколько ещё обсуждать давно решённое? После того, как шурпа была съедена и убрали посуду, Ахмаджан-ака позвал парней, в течение всего вечера помогавших во дворе. Тут же распределил между ними обязанности на завтра: кому привести в порядок двор, кому сколотить из досок столы и ска-

мейки, кому выкопать в земле очаги, собрать по дворам посуду. Мухаббат вместе с девушками должна была прибрать и украсить дом и двор.

Парню, который стал заведовать магазином после Мирабида, поручили взять на время машину Сабирджана, съездить на ней в город и купить там свежих фруктов, хорошего вина и лимонаду.

А уж забота о рисе, мясе, муке и прочих необходимых для свадьбы вещах ложилась на самого Фазыла. Забота не особенно хлопотная, потому что ещё в марте Фазыя получил на трудодни пшеницу и шалу, и тогда же отложил всё зерно на свадьбу.

Председатель колхоза обратился к Хаитбаю-ата:

— Вы с Тешабаетом отвезёте на мельницу пшеницу, а на рисорушку — шалу.

Только после этого гости начали расходиться по домам.

— А Петра Максимовича и Евдокию Васильевну не забыли на свадьбу пригласить? — спохватился уже на пороге Халмурадов.

— Эрбута часа два назад отправил телеграмму. Только неожиданно как-то всё получилось. Не знаю, успеют ли? — неуверенно произнёс Рустам.

— М-да! — сокрушённо махнул рукой Ахмаджан-ака.

— Вот до чего нерешительность доводит... Ну, ничего, будем надеяться, что успеют.

С раннего утра и до самого вечера во дворе у Фазыла было шумно и хлопотно, Недаром говорят, что у людей золотые руки. За короткое время двор неузнаваемо преобразился, принял нарядный, по-настоящему праздничный вид. Его тщательно выровняли и обильно полили. Из длинных досок были сколочены аккуратные столы и скамейки. У выходящих на улицу ворот сидели и беседовали в ожидании гостей старики.

Хаитбай-ата и Тешабай-ата успели съездить на мельницу и рисорушку. Муку они передали женщинам на лепёшки, а рис вручили ошпазам — мастерам по приготовлению плова. Между тем Абдурасул-ака с добровольными помощниками успели зарезать приведённого из стада бычка и уже заканчивали его свежевать. А Сабир с Эрбутой, не теряя времени, сели на лошадей и поехали по кишлаку созывать людей на свадьбу.

Рустам тоже сидел среди стариков, хотя ему хотелось бы сейчас самому бегать и хлопотать на свадьбе друга. Но делать этого пока нельзя. Он ещё не может передвигаться свободно, уверенно. Долгая слепота оставила свой след. Тело, руки и ноги, несмотря на то, что он видит сейчас, ещё не освободились от скованности, печально привычного напряжения. Даже с палкой Рустам не решался пока расставаться.

Мухаббат приготовила к встрече невесты специальную комнату и показала её свекрови. Тётушка Хаджия осталась довольна: комната была прибрана по всем правилам и традиционным обычаям.

— Молодец, доченька, душа у тебя красивая и добрая. Вижу — любишь ты Свету и Фазыла.

Обрадованная похвалой Мухаббат побежала к дому. Однако побыть рядом со Светой ей пришлось недолго. Только помогла ей одеться и снова заспешила во двор. Надо было ещё красиво накрыть установленные здесь столы. Вместе с девушками из своей бригады она начала аккуратно раскладывать по столам только что испечённые, ещё исходящие жиром лепёшки, тарелки с фруктами,

бутылки с вином и лимонадом, ложки и даже раздобытые к этому торжественному случаю вилки. Потом занялись столом молодых. Накрыли его ярко-красным бархатом, по обоим концам поставили вазы с цветами.

К вечеру двор стал быстро заполняться гостями. Они уже не уместались за приготовленными столами. Тогда Халмурадов поручил молодёжи собрать из соседних домов паласы и расстелить их сначала во дворе, а потом — когда и здесь стало тесно — прямо на улице.

Хоть и решил парторг играть свадьбу по-новому, но чувство неуверенности и беспокойства его никак не покидало. Как бы не испортить праздник. Всё-таки традиции на то и традиции, что, переходя из поколения в поколение, уже воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, устоявшееся, до мелочей привычное. А привычка, недаром говорят, — вторая натура. Так вот, не поспешил ли он выступить против этой человеческой природы, против того, что было воспитано в ней веками?..

Но страхи оказались напрасными. Только поначалу гости чувствовали себя несколько скованно. Но потом довольно быстро освоились, особенно — как ни странно! — женщины.

— А что! — раздался чей-то задорный голос. — На собраниях для нас равноправие с мужчинами, вместе самые серьёзные и важные вопросы решаем. А на свадьбе нельзя? Не выйдет!.. Если на то пошло, свадьба самый важный из всех важных вопросов, и одним мужчинам его доверять опасно...

Раздался смех, который окончательно разрядил обстановку.

Сидевшие всё время со Светой девушки, едва зашло солнце, вывели её во двор, к праздничному столу. Ахмаджан-ака усадил жениха и невесту на почётные места. Рядом со Светой сели Мухаббат, несколько девушек и тётя Фрося. А к Фазылу подсели Рустам, Эрбута и Сабир.

Молодые, как и водится, оказавшись в центре всеобщего внимания, чувствовали себя скованно, глаз па гостей не поднимали, краснели от каждого слова и тем более шуток, не всегда безобидных.

В это время вступил в свои права возглавляемый Азизой кружок художественной самодеятельности. Под чарующие звуки музыки зазвучал чистый и звонкий голосок Гульчехры. Стоя рядом с музыкантами, она вдохновенно исполняла песню «Поздравление со свадьбой». Песня задевала в душах самые чуткие, самые сокровенные струны. Она волновала, будила счастливые воспоминания, рождала светлые надежды. Слова и мелодия её, словно живительные струи весеннего ливня, смывали с сердец всю усталость, все заботы тяжёлых будкой, мрачные мысли и недобрые предчувствия. Понимая это, Гульчехра пела ещё самозабвеннее, словно жаворонок, упивающийся красотой мира, купающийся в золотистых лучах щедрого солнца.

— Вырвалась птичка из клетки, — шепнул Сабир-джан всецело поглощённому звуками песни Рустаму. — Видишь, как ликует...

— Что? — будто очнувшись от волшебного очарования, спросил Рустам.

— Да я про Гульчехру говорю... Расцвела вся после недавней домашней каторги. Вырвалась птичка из клетки.

— А что, они разошлись? — удивился Рустам.

— В колхозе у нас много интересных перемен, дружище. Ведь Мирабида и Хайдарали посадили. Если правду говорят люди, в день суда он и отказался от Гульчехры. Сейчас она снова у отца живёт, а работает в бригаде Мухаббат.

— Ну и хорошо, что так получилось, — удовлетворённо заметил Рустам. — А то она у этого изверга и в самом деле словно невольница жила.

— Об этом я и говорю. А голос-то, голос какой! Страшно подумать, что до сих пор он жил не для песен, а лишь для слёз и причитаний.

За столом поднялся со стаканом в руках Халмурадов.

— Товарищи!..

Он откашлялся, помолчал некоторое время.

... Вот и рождается у нас новая счастливая семья. Трудно, очень трудно шли к своему счастью молодые. И причиной тому — война, будь она навеки проклята! Но теперь над нашими головами — чистое небо, страна залечивает раны. Начали рубцеваться они и в наших душах. Пусть же в них теперь будет всегда безоблачно и радостно. Любви и мира вам, дорогие мои, и много-много детей. Яслями обеспечим. Правда, тётушка Кунпаш?

— Суцая правда! — со смехом подхватила женщина. — Если будут стараться — целую комнату выделю и персональную воспитательницу. А не будет получаться на первых порах, могу и советом помочь.

Грохнул неистовый хохот, Света мучительно, до слёз покраснела и ещё ниже опустила голову. Фазыл натянуто улыбался, тоже отчаянно борясь со смущением. Руки его нервно теребили края скатерти.

Смех постепенно утих, на все лады зазвенели стаканы, рюмки, пиалушки.

— Горько-о-о!! — неожиданно грохнул от калитки бас Ильяса-палвана, да так, что, казалось, посуда на столах звякнула. — Получайте, голуби, телеграмму и мои личные поздравления.

Он протянул Свете букет роз, а перед Фазылом поставил невиданную в кишлаке бутылку коньяку.

— Штрафную ему! — крикнул Рустам.

— Вы, товарищ Шакиров, меня с кем-то путаете, наверное? — напустив на себя официально-важный вид, проговорил Ильяс. — Спросите, кто из сидящих здесь скажет, что я хоть каплю в рот беру. Нехорошо, товарищ Шакиров, нехорошо подрывать авторитет старых друзей!..

Снова послышался смех.

Между тем Халмурадов развернул телеграмму. Во дворе сразу наступила тишина.

«Дорогие дети, — начал читать парторг. — Всей души поздравляем тчк будьте счастливы тчк...»

Потом не выдержал, прервал чтение и сказал с деланным возмущением:

— «Тчк», «тчк»! Язык сломаешь. Я буду без всяких «тчк» читать... «Папа командировке. Приедем попозже. Сообщаю радостную новость. Зое двадцать шесть лет. Училась Украине сельскохозяйственном институте. Отец Кузьма Яковлевич. Подробности письмом или при встрече. Целую мама...»

— Ур-ра! — крикнули одновременно Мухаббат со Светой и стали обнимать друг дружку.

В кишлаке многие знали о трагической судьбе Долговых, и потому весь двор сразу загудел в радостном возбуждении. Хоть и начали заживать нанесённые войной душевные раны, но память о ней всё же была пока свежа. И потому каждый из колхозников от всего сердца радовался за Зою Кузьминичну, Кузьму Яковлевича, Марию Долгову. На какое-то время даже забыли, что собрались-то они сюда всё-таки на свадьбу. Первым напомнил об этом всё тот

же Ильяс-палван.

— Хотя и доволен я, — зарокотал его бас, — что мои вести так радуют всех вас, только не люблю, когда порядка на свадьбе нет, когда команды не выполняются... — И вдруг так грохнул: — Горька-а-а!!! — что посуда на этот раз и в самом деле звякнула.

Халмурадов улыбнулся, передавая Свете телеграмму:

— Ильяс прав. Во всём должен быть порядок. Так что...

А Света взяла листок, ещё раз пробежала его глазами, прижала к груди и заплакала.

— Ну, ну, только без слёз! — протестующе загудел Ильяс-палван. — Я давно уже отвык, чтобы меня срезами встречали. А не хочешь целоваться, не целуйся.

Гости снова рассмеялись.

— Да нет, это я так, — вспыхнув, улыбнулась Света и вытерла платочком глаза.

— И так не надо. Сегодня песни должны звучать, смех...

Азиза восприняла это как приказ, и тут же девичий хор по её знаку повёл задорную, свадебную...

Лишь под утро затихло во дворе праздничное веселье.

МЕЧТЫ

Мухаббат рано ушла па работу. Сегодня она решила оставить Адхамджана дома. Специально. Надо, чтобы Рустам на первых норах, пока не спадёт с него прежнее оцепенение, не очень томился в одиночестве.

После того, как двор Фазыла совсем опустел, Рустам пришёл домой и сразу прилёг на кровать. В дороге он порядком устал, и усталость эта сейчас давала себя знать. К тому же последние две-три ночи он спал очень беспокойно. Его мучил страх, что нынешнее его состояние непрочное, недолговечное, что свет снова может померкнуть для него и навалится жуткая, без конца и края, темень. Леденящая. Безысходная.

Вот и сегодня Рустам проснулся с первыми лучами солнца. Долго лежал с закрытыми глазами, не решаясь разомкнуть веки. А вдруг?!. Но тёплые лучи ласково коснулись сначала вытянутых вдоль одеяла рук, щекоча, побежали по ним, вот тепло их ощутили губы, всё лицо, темнота даже сквозь сомкнутые веки окрасилась нежным золотом. Рустам открыл глаза и сразу зажмурился. Стёкла в окне будто плавилась от весёлого утреннего солнца. В комнате было светло и тихо. Рустам рассмеялся, быстро встал и, напевая что-то, вышел во двор. Здесь он с наслаждением умылся студёной арычной водой и долго вытирал руки и лицо большим мохнатым полотенцем,

После завтрака Рустам с сынишкой на руках долго ходил по двору. Останавливался возле переливающейся всеми цветами радуги клумбы, с наслаждением разглядывал каждый цветок, вдыхая особенно волнующий аромат райхона. Хотел было сорвать один, но рука не поднялась на такую красоту. Потом пошёл вдоль проложенной через двор асфальтовой дорожки, которая тоже была обсажена с обеих сторон цветами. Адхамджану они, видимо, показались красивее тех, что росли на клумбе, и он стал проситься на землю. Но Рустам постарался отвлечь ребёнка от цветов. Только допусти до них мальчонку — он враз наведёт здесь «порядок». Он пошёл с сынишкой в сад. Деревья уже отцве-

тали. Земля была густо усыпана увядающими лепестками: молочно-белыми, чуть розоватыми... Меж редких ещё листьев виднелась первая завязь. Рустам жадно вдыхал чуть пряный аромат, не мог налюбоваться этой чарующей красотой, будто видел всё впервые. Да и не так ли оно было на самом деле? С радостным изумлением узнавания рассматривал он тёмно-зелёные грядки ранних помидоров, огурцов, тонкие стрелки лука. Но тут Адхамджан закапризничал, стал тереть кулачками глаза. «Не выпался, наверное? Вчера поздно уложили», — подумал Рустам и только тут спохватился, что уже несколько часов подряд ходят он с сынишкой на руках. Их даже вышла разыскивать тётушка Хаджия. Она забрала внука, хотела было покормить его, но глаза у мальчишки совсем слипались. Едва старушка уложила его в кроватку, как Адхамджан тут же заснул.

Рустам достал из ниши, где стопками были уложены книга, букварь Брайля, принадлежности для письма и присел к хантахте. Вскоре хрустко зашелетели толстые и плотные листы, дробно застучала ручка-игла.

Даже в Одессе, лёжа в клинике, Рустам не прекращал занятий. Врачи сначала хотели запретить ему это, но больной сразу впал в мрачное настроение, стал беспокойным и раздражительным, потерял сон. Особенно, когда услышал, что в клинику, к таким же, как и он, потерявшим зрение, ходит специальный преподаватель.

— Я хочу, я должен учиться, — твердил он на каждом обходе, — Вы не имеете права запретить мне это!

Врачи уступили, и вскоре он получил необходимые книги и письменные принадлежности.

Задания преподавателя Рустам выполнял со всей аккуратностью и усердием, на какие только был способен. Но особенно он любил читать, нащупывать чуткими пальцами сочетания точек, узнавать в них буквы, складывать их в слова. С каждым днём это давалось всё легче и легче. После двух месяцев непрерывного и напряжённого труда Рустам мог уже довольно свободно читать с последних страниц букваря целые предложения. Хорошо освоил он и процесс письма-выкалывания. Занятия его никогда, чего с самого начала опасались врачи, не утомляли, потому что он находил в них непередаваемое наслаждение, окрыляющую радость возвращения в большой мир познания. Сбывались, становились реальностью давние его слова, звучавшие в госпитальном кошмаре терзающего мрака как заклинание: «Жить — это учиться, работать...» Пока он только учится. Но только — пока!

Вот и сегодня Рустам не изменил своей привычке, ставшей каждодневной потребностью. Пробежав пальцами по названию книги, он убрал руку и поднёс обложку к глазам, чтобы разглядеть те точки, которые обозначали так знакомые на ощупь буквы. Но тут же вспомнил предупреждение профессора о том, что ему нельзя пока перенапрягать ещё неокрепшее зрение, и быстро положил книгу на столик. Об этом же говорил и первый его учитель Шамурад Кучкаров. «Система Брайля, — предупреждал он, — разработана для того, чтобы читать и писать не обычным способом, не глазами, а пальцами. Только пальцами. Читать эти буквы так, как читают обыкновенное письмо, даже если зрение не совсем утеряно, категорически запрещается. Потому что для глаз вредно непрерывное напряжение, когда на гладкой и светлой поверхности бумаги надо разглядывать едва приметные выпуклости, похожие друг на друг

сочетания точек. Можно, конечно, понять человека, начинающего после лечения немного видеть. На радостях он отказывается от ставшего для него привычным способа писать и читать. Однако при этом рискует снова, и может быть навсегда, остаться слепым. Очень рискует...»

«Нет, риск в моём положении — мальчишество, непозволительная роскошь», — внушал себе Рустам, когда его снова подмывало увидеть то, что «видели» пальцы.

Лучше потренироваться в письме. Иначе задуманная книга так и останется в голове отрывочными мыслями, разрозненными сценками и образами, которые, если хотя бы начерно не перенести их на бумагу, тускнеют, теряют свежесть и жизненность. Рустам писал долго, до тех пор, пока у него не заломило от усталости руку и не начало сводить судорогой пальцы. Но за три-четыре часа почти непрерывного труда он смог заполнить буквами-точками лишь две страницы.

Мало! Но ничего, раньше и того меньше удавалось. Следует больше тренироваться. В клинике Рустам полностью спланировал в уме свою будущую книгу, даже предварительно её «написал». Теперь надо поскорее закрепить в заветных точках, воплотить в слова, которые жгли сердце, просились к людям.

Работа Рустама преображала. Лицо его, будто повторяя отсвет лежащих на бумагу картин и событий, то светлело, то застывало в суровом напряжении, то искажалось мучительной болью, то снова расцветало в счастливой улыбке.

До обеда он написал ещё несколько страниц и, отложив их в сторону, сам себе разрешил немного отдохнуть. Только он встал от столика, как в комнате появилась Мухаббат, прибежавшая с поля проведать их с сынишкой.

— Эх-хе, да тут работа прямо-таки кипит! — удивлённая и искренне обрадованная, воскликнула она. — А я — то думала, что мой муж изнывает в одиночестве от скуки.

Мухаббат подошла к столику, наклонилась и потрогала руками испещрённые точками листы бумаги.

— Нет, теперь мне скучать некогда, — не без гордости сказал Рустам, потом вздохнул и добавил: — Только, честно признаюсь, страшновато мне... Я ведь в жизни даже маленького рассказа не написал. Да что там рассказа, — простой газетной заметки... Как бы труд не пропал даром. Очень уж он дорог мне.

— Надо писать, Рустам-ака. Новое всегда пугает. Да и не только новое... Мы с вами, каждый по-своему, прошли и пережили войну, долгую, страшную. Что помогло нам выстоять? Вера! Большая и светлая. Вам — в справедливость и вечную нерушимость дела, которое вы защищали, вера в скреплённое кровью и страданиями фронтовое братство, в неминуемый крах фашистского зверя, в светлое солнце победы. Мне — вера в то, что и мы в тылу делаем всё, что от нас зависит, чтобы поскорее взойшло это живительное солнце, вера в вас, в любовь нашу и будущее счастье. И вы, и я верили в большое, настоящее... А разве нынешняя ваша работа — не большое, не настоящее дело? Это же будет пусть и скромным, но памятником всем стоявшим насмерть и выстоявшим в жестоком пламени войны. Памятник и тем, кто вернулся к мирному труду под шелест победных знамён, и тем, кто прекрасными жизнями своими заплатил за свободу и счастье родного народа, любимой Отчизны...

— Как ты хорошо говоришь, Мухаббат! — искренно восхитился Рустам. —

Именно эти мысли и чувства я и хотел бы выразить в своей книге. Каждое слово твоё вливает в меня по живительной капле сил и уверенности.

— Ну и замечательно! Только, Рустам, и непрерывно писать не годится. Надо и с собой немного считаться, об отдыхе думать. Для пользы того же дела... Приходите к нам в поле, побеседуйте с людьми, посмотрите, как зеленеет хлопок, свежим воздухом подышите. Это ещё больше прибавит вам сил и бодрости.

— Да я, Мухаббатхон, и сам давно собираюсь побродить по родным полям, посмотреть, какими они стали.

— За чем же дело? Прямо сейчас и пойдём, — предложила Мухаббат, вставая с места.

Рустам собрал тетради, письменные принадлежности, сложил всё в нишу и вышел вслед за Мухаббат. Когда они свернули на тропинку, ведущую к полям бригады, Рустам остановился. Невдалеке послышался рокот работающего трактора.

— Не Фазыл ли это? — опросил Рустам.

— Кому же ещё быть, как не вашему неутомному другу? С первыми лучами солнца оседлал своего «чёрного льва». Сама утром видела: чуть ли не бегом в поле бежал, будто на свидание к возлюбленной...

Рустам улыбнулся. В голосе жены даже нотки раздражения стали проскальзывать.

— А ты-то чего злишься? — спросил он Мухаббат.

— Как чего? Двух недель со свадьбы не прошло. Самое счастливое времячко, а он и спать у своего трактора готов! Молодой-то жене каково?..

— Ах ты, женский адвокат! — расхохотался Рустам. — Но бойся, они и сами как-нибудь вопрос этот уладят.

Шагая по меже, Рустам вышел на берег большого арыка. Трактор работал на противоположном его берегу. Рустам стоял, не зная, как перебраться через арык.

— Куда это ты, дружище, путь держишь? — удивлённо спросил Фазыл.

— Не уставать тебе! — традиционным приветствием откликнулся Рустам. — Решил прогуляться. А вот тебя я не понимаю. Вместо того, чтобы наслаждаться положением молодого мужа, ты с утра пораньше уже в поле,

— Да вы что, сговорились со своей Мухаббат? Только вчера она меня такой же моралью изводила.

— А что, не права она? По обычаю тебе бы надо съездить на базар, купить молодой жене подарков. И вообще уделять ей больше внимания. Чтоб с праздника семейная жизнь началась. Будней-то вам и без нынешних хватит.

— Всё это уже для нас пройденный этап, — улыбнулся Фазыл. — Да и Света не сидит дома. «В медпункте, — говорит, никого нет, а больные будут приходить. Им помощь надо оказывать, а я на правах новобрачной дома буду отсиживаться? Нет, не пойдут такие традиции и обычаи!» Оно и правда...

— Ты что, оправдываешься передо мной? Работай на здоровье, если уж так хочется. А вечером приходите к нам со Светой и тётёй Фросей. Мама обижаться стала. Совсем, говорит, забыли нас.

— А сейчас ты куда? — поинтересовался Фазыл.

— Поброжу по полям. К Мухаббат зайду.

— Я провожу тебя, — предложил Фазыл.

— Нет уж, я сам. Надо отвыкнуть от поводырей.

Рустам прошёл совсем немного, когда ветерок донёс до него голоса Мухаббат и Гульчехры. Они на большой карте за полевым станом окучивали хлопчатник. Рустам ускорил шаг, направляясь на голоса. Далеко видеть он ещё не мог. Чем ближе подходил Рустам к работающим, тем отчётливее слышал хрусткие звуки врезающихся в землю кетменей. Потом постепенно, как из тумана, стали Вырисовываться фигуры женщин.

— Здравствуйте, Рустам-ака! Здравствуйте!.. — послышалось со всех сторон.

— Здравствуйте! Я, кажется, слышу голос Азизы?.. Погодите, погодите: узнаю или нет? Ты?.. — Рустам остановил взгляд на молодой смуглой женщине с улыбчивыми глазами под надвинутым на самые брови цветастым, но изрядно выгоревшим платком.

— Я, Рустам-ака, — улыбнулась довольная Азиза. — Не забыли, значит! Спасибо... Крепкого здоровья вам и долгих, долгих лет жизни.

Мухаббат расцвела от счастья.

Рустам так же тепло и приветливо поздоровался с остальными женщинами. Потом взял у Гульчехры кетмень и взрыхлил землю под несколькими кустиками. Там, где хлопчатник рос слишком густо, Рустам слегка прополос рядки. Движения его были неуверенными и неточными. Несколько кустиков легли на землю, срезанные острым стальным лезвием. Но женщины сделали вид, что ничего не заметили.

— Может быть, погуляем? — осторожно предложила Мухаббат.

— Боишься, что я вас без урожая оставлю? — грустно улыбнулся Рустам.

— Да что вы? — смутилась она. — Просто я вам что-то показать хочу.

Обогнув рисовое поле, они вышли к строящемуся посёлку. Рустам уже знал о его существовании ещё в Одессе, из писем Мухаббат, Фазыла и Светы.

Вот показались первые, почти готовые, уже оштукатуренные и покрытые дома. В них даже окна и двери были установлены, только полы ещё настелить не успели. Мухаббат остановилась возле одного из этих аккуратных домиков, сказала:

— Ну как, нравится?

— В десять раз лучше, чем самый хороший дом в нашем кишлаке!

— Значит, я по ошиблась! — обрадовалась Мухаббат. — А то я всё боялась, что вы сердиться будете...

— За что? — не понял Рустам.

— Когда вы ещё в клинике лежали, я выбрала для нас вот этот домик. Фазыл, Света в Каромат так уговаривали... В одном, дескать, месте все будем жить, соседями будем.

— Ну и хорошо сделала, за что же ругать тебя! То, что понравилось тебе, обязательно должно нравиться и мне. А ну-ка, зайдём, посмотрим, какой он изнутри.

Будущий дом их с просторным двором, большими светлыми комнатами пришёлся Рустаму по душе. Мухаббат, довольная, что угодила мужу, решила показать ему и другие дома, что ровной чередой выстроились по обе стороны длинной улицы.

Когда они уже вечером вернулись домой, Рустам чувствовал себя совершенно разбитым от усталости. Только было собрался вытянуться на одеялах и

как следует отдохнуть, пришёл Фазыл.

— Планы меняются, — заявил он прямо о порога. — По тем самым обычаям, которые вы с Мухаббат так защищаете, сегодня, оказывается, положено отве-
дать ужина, приготовленного руками молодой хозяйки.

— Положено, так положено, — стал подниматься Рустам. — Сейчас придём.

Фазыл ушёл. Мухаббат покормила сынишку и уложила его в кровать. Ру-
стам с удовольствием наблюдал, как, посапывая, засыпает Адхамджан. Посте-
лив и свекрови Мухаббат подошла к мужу.

— Не устали?

Она видела, что Рустам осунулся и побледнел.

— Да нет. Разве от красоты устанешь?.. А если и притомился немного, так
это с непривычки.

— Знаете, Рустам-ака, у меня, кажется, не осталось ни одного неисполнен-
ного желания... Была одна-единственная мечта — чтобы вы снова стали ви-
деть. И она сбылась! Теперь мы па вершине счастья. Вернулись наши светлые
дни...

— Меня это иногда даже пугает, — признался Рустам. — Всё кажется, что
ненадолго. А как истосковалась душа по настоящей жизни, по работе! И до ка-
ких пор я буду слоняться по полям?

— До тех пор, пока книгу не закончите. Это сейчас поважнее любой работы.
Это — долг ваш. И вы не имеете права его не выполнить.

Но и на улице, по пути к дому Фазыла Рустам думал о том же, что за послед-
ние месяцы не давало ему покоя.

— Обращусь за помощью в Общество слепых, — заявил он. — Думаю, там
найдут для меня подходящую работу,

— А легко будет каждый день ездить в город?

— Ничего. Автобус ходит регулярно. Только и пройти мне пешком, что от
нашего дома до чайханы.

Действительно, из кишлака стал ходить с недавнего времени небольшой
рейсовый автобус. Но Мухаббат продолжала стоять па своём:

— Я боюсь вас отпускать одного. В городе улицы шумные, опасные. Одних
машин сколько!.. На каждом шагу жди беды. И глазом моргнуть не успеете...

— Нет, родная, всё это не то, — Рустам ласково приобнял жену за плечи. —
Мне надо быть на людях, в коллективе. Только тогда я окончательно отойду
душой и сердцем. Полноценным человеком себя почувствую.

Мухаббат не стала больше возражать.

У Фазыла со Светой засиделись допоздна. Холостяцкий дом преобразился.
Он сверкал чистотой, дышал каким— то особенным, только руками доброй и
любящей женщины создаваемым уютом.

Поужинали, старательно нахваливая молодую хозяйку. Потом долго разго-
варивали за душистым кок-чаем. Рустам снова повеселел. Казалось, он забыл
о недавнем разговоре

Однако рано утром он попросил зеркало, достал из ниши бритвенный при-
бор и начал взбивать в стаканчике мыло.

— Куда это вы собрались? — удивилась Мухаббат.

— В город. В общество слепых...

Мухаббат промолчала. Она понимала, что никакие слова сейчас не помо-
гут. В душе-то и она соглашалась о Рустамом, только пугалась той неизвест-

ной жизни, к которой так упорно рвался муж. Не слишком ли рано? Достаточно ли он окреп?

СПАСИБО ВАМ, ДРУЗЬЯ МОИ!

Из города Рустам вернулся радостный, окрылённый. Мечта сбылась — он будет работать. Начнётся наконец нестоящая жизнь. Ои окончательно избавится от безвыходного сидения дома, в тягостном одиночестве. А если добавить, что теперь Рустам каждый день, всегда, когда захочет, видит самых дорогих и близких ему людей маму, Мухаббат, Адхамджана, видит цветы и солнце, деревья и небо, весь мир, — то каждый поймёт почему этот совсем ещё недавно угрюмый о замкнутый человек беспрестанно улыбается и что-то напевает.

— Что с вами? — поражено застыла на пороге вернувшаяся с работы Мухаббат.

— С тебя суюнчи! — стремительно шагнул ей навстречу Рустам. — Самый жаркий и нежный поцелуй!

— Вай, стореть мне со стыда! — покраснела Мухаббат и опустила глаза. — Вы поглядите, что с этим человеком делается? Да что случилось-то?..

— Меня приняли на предприятие. Я теперь полноценный человек. Рабочий!

В голосе Рустама прозвучало столько счастья и гордости, что Мухаббат тут же забыла свои недавние страхи и сомнения, и от всей души порадовалась за мужа. Она крепко обняла Рустама и, чего никогда не делала, поцеловала его прямо в губы.

— Ох, держи меня! — шутливо воскликнул он. — Вот это суюнчи!.. Прямо голова закружилась.

— Тоже мне рабочий! — с тёплой иронией прошептала Мухаббат, прижавшись головой к груди Рустами — Горы собирается воротить, а от одного поцелуя с ног валится...

— Родная моя, Соловейчик мой черноокий!

Правда, весь разговор, состоявшийся сегодня в городе, Рустам жене не передал.

Зоя Кузьминична, едва он переступил порог её маленького кабинетика, живо поднялась навстречу.

— Шакиров? — на всякий случай уточнила она. — Я не ожидала, что вы так быстро приедете. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда, кажется...

Она попыталась нащупать рукой стул, но Рустам уже пододвинул его и сел.

— Да, — грустно улыбнулась Зоя Кузьминична. — Я я забыла, что вам больше помощники не нужны.

Она тряхнула головой, как бы отгоняя минутную слабость, и лицо её снова приняло жизнерадостное и энергичное выражение.

— Ну как, не устали в дороге?

— Да нет.

— Это хорошо. С бодрым человеком и разговор получится.

Она снова села за стол, стала задумчиво перебирать большие плотные листы бумаги, испещрённые знакомыми точками. Рустама поразило её лицо. Таких красивых женщин он мало видел в жизни. Нежные, чёткого рисунка и в то же время по-детски чуть припухлые губы, ямочка на нежного румянца ще-

ках, высокий чистый лоб, над которым чуть приметными волнами лежали густые каштановые волосы, сбегавшие за плечи двумя длинными тяжёлыми косами. Но твёрдый подбородок и прямой нос с едва приметной горбинкой выдавали сильный, волевой характер, кроющийся за этой женственно мягкой внешностью. И только постоянное напряжение на лице, выражение настороженности, будто Зоя Кузьминична постоянно к чему-то прислушивалась и не могла расслышать, а оттого виновато улыбалась, свидетельствовали о её слепоте. Глаз, скрытых за изящными чёрными очками, не было видно.

— Рассматриваете? — догадалась она. — Ну и как? Стодилась бы я вам в невесты, будь сердце ваше свободно?

Рустам смущённо молчал, и Зоя Кузьминична звонко расхохоталась. Рустам вспомнил их первую встречу в собесе, вспомнил, как подумалось, когда впервые услышал её бодрый и хрустально чистый голос: «Девушка, должно быть, лет двадцати». В общем-то ошибся он не очень. Телеграмма Евдокии Васильевны подтвердила это. Да, телеграмма! Сказать о ней Зое Кузьминичне? Нет, не стоит, видимо... Пока не стоит. Он же ещё не знает всего и наверняка. А как бы было замечательно осчастливить сейчас эту милую девушку! Но нет, нельзя. Сначала надо всё до конца выяснить...

— Ну, а теперь перейдём к делу, — уже серьёзно сказала Зоя Кузьминична.

В это время в кабинет вошёл Газимбек Ганнов. Поздоровавшись с Рустамом за руку, присел к столу.

— Недавно у нас побывала ваша жена, — продолжала между тем Долгова. — Газимбек Расулович рассказывал, что Мухаббат как-то по-особенному присматривалась к производству, к рабочим... Не по вашему ли поручению?

— Нет, специально об этом я её не просил, — ответил Рустам. — Но разговоры о том, что я хотел бы начать серьёзную трудовую жизнь, у нас были. Неоднократно.

— Это хорошо, — задумчиво проговорил Газимбек. — Только одного желания мало... У нас, я вам прямо скажу, пока далеко не мёд.

Ганиеву вдруг вспомнились все треволнения, которые пришлось ему пережить за последнее время. Нехватка сырья, жулики на подсобном хозяйстве, подло обворовывавшие слепых, история с полуавтоматами. Даже случай с лезвиями почему-то вспомнился. Но Газимбек тут же в душе выругал себя: «Какие, дьяволу, лезвия?! И полезет же такая чертовщина в голову, когда, можно сказать» судьба человеческая решается!..»

— ... Да, не мёд, — Ганиев даже пристукнул по столу невесть как оказавшимся у него в руках карандашом.

Рустам заметил, как резко переменялась при этих словах Зоя Кузьминична. Губы её нервно дрогнули, но тут же сомкнулись в жёсткую складку. Румянец на лице медленно истаял, оно побледнело и будто окаменело. Даже симпатичные ямочки на щеках пропали.

Заметил перемену и Газимбек. Он начал нервничать.

— Вы поймите меня правильно. Я не против поступления Рустама Шакировича на наше предприятие. Рабочие нам всегда нужны. Тем более такие, грамотные... — Ганиев помолчал, будто подбирая лестные для Рустама определения, но ничего, видно, не придумав, снова пристукнул карандашом по столу. — ... Только я хотел бы сразу предупредить...

— Газимбек Расулович, — послышалось напряжение и в голосе Зои Кузьми-

ничны. — Похоже вы...

— Извините, товарищ Долгова, — сухогато перебил её Рустам. — Ваш директор по-своему, может быть, и прав... Но он об одном забыл. Я не люблю громких слов, но сейчас без них, кажется, но обойтись. Я — солдат, товарищ

Ганиев, я — коммунист! Вам, фронтовику, наверное, не надо разъяснять, что это значит. Что же это вы меня пугать вздумали? И чем — трудностями! Да знаете ли вы, что самая страшная трудность — одиночество и беспомощность, сознание того, что ты лишний среди людей?.. Эх!..

— Вы меня не так поняли, — встал Ганиев. — Если бы вы нам не были нужны, мы не посылали бы за вами. И вообще, у нас принято с каждым вновь поступающим на предприятие проводить такие беседы. Чтобы потом недоразумений не было. Посулили, дескать, золотые горы...

— Я в такой беседе не нуждаюсь, — уже резко оборвал директора Рустам. — Скажите, когда вы поднимались в атаку, на шквал смертоносного свинца, вас тоже пугали опасностями и трудностями?

— Ну, знаете ли, — развёл руками Газимбек. — Сравнили!..

— В такие минуты, — не слушая его, продолжал Рустам, — были только слова: «За Родину! За партию!» И я сейчас поднимаюсь в атаку. Может быть, самую для меня в жизни важную. Что же вы меня паутиной какой-то опутываете, подножку норовите подставить? Я буду работать на вашем предприятии, даже если вы этого не захотите!

— Да откуда вы взяли, что я не хочу? — уже закричал Газимбек. — Паутина! Подножка!.. Надо же придумать такое!..

— Молодец, Рустам! — засмеялась Зоя Кузьминична, — Дайте, голубчик, я расцелую вас!

Лицо её снова ожило, щёки порозовели, обозначились в улыбке так красивые её ямочки.

— А вас, Газимбек Расулович, я сегодня прямо не узнаю, — повернулась она к директору, и в голосе её прозвучал укор.

— Ну, ладно, ладно, — примирительно проворчал тот. — Честно говори, я и сам не понимаю, как меня на эту душещипательную беседу занесло. Бес попутал, так, кажется, в старину говорили?

Он шагнул к Рустаму.

— Ну, рабочий класс, давай руку. Чувствую, пополнение у меня — гвардейское. Завтра же всё окончательно и оформим...

Теперь всё это позади. Душа его свободна от пут. Он больше не будет проводить дома бесконечные дни одиночества, утешаясь лишь грёзами о будущей работе. Он теперь будет на самом деле работать. Он — рабочий. В рабочем строю теперь есть и его законное место.

На следующий день Рустам приехал на предприятие задолго до начала работы. Но во дворе его уже ждали Хасанов, с которым он познакомился вчера, и Зоя Кузьминична. Они провели Рустама в цех. к его новому рабочему месту за станком, на котором ткали циновку. Осмотревшись вокруг, он остался доволен: по обеим сторонам от станка работали Хасанов и подвижный, улыбочивый русский паренёк Саша.

Рустам, конечно, не знал, что это не простое совпадение. После того, как он уехал вчера домой, Зои Кузьминична, подумав, решила пригласить к себе Хасанова и Сашу. Она сообщила им, что в цехе с завтрашнего дня будет работать

новичок — Рустам Шакиров, фронтовик. Попросила взять над ним на первых порах товарищеское шефство, помочь освоиться со станком, втянуться в непривычную работу.

Правда, сразу возникло небольшое затруднение. На участке, где работали Хасанов и Саша, свободного станка не было. А просить кого-либо из рабочих уступить свой было рискованно. Такие просьбы всегда воспринимались с открытым недовольством. Рабочие в цехе уже привыкли к определённым местам, до тонкостей изучили свои станки, знали все их возможности и «капризы», понимали, как говорится, с полуоборота. А это сказывалось и на работоспособности рабочих, и на их настроении, а значит, и на производительности труда, его качестве. Стоило рабочему пересесть за другой станок, и сразу всё менялось: работа не шла, падало настроение. А портилась настройка у одного, это отражалось на соседях, потом начинало лихорадить весь цех. Поэтому рабочие неохотно уходили со своих привычных, «насиженных» мест, а в большинстве случаев против таких переходов категорически возражали.

— О чём задумались? — увидев, что Саша и Хасанов в растерянности стоят посреди цеха, подошёл к ним молчаливый и замкнутый Борис Серпухов.

— Да вот, новенький в цехе. Зоя Кузьминична попросила понаблюдать за ним поначалу, помочь освоиться, а рядом с нашими станками нет ни одного свободного.

— Он, что ли? — кивнул Серпухов в сторону терпеливо ожидавшего Рустама.

— Да...

— Пусть за мой станок садится, — неожиданно предложил рабочий, помолчал и добавил ворчливо: — Помочь!.. Могла бы Зоя Кузьминична и меня попросить. Не хуже других работаю...

— Да понимаешь... — смутился Саша. — Так уж получилось... Неожиданно. Ты не обижайся.

— Ну, нечего время терять, — неожиданно мягко улыбнулся Борис. — Рабочий день не резиновый. Устраивайте своего новичка. А станок заикается — кликнете. Я его как свои пять пальцев изучил.

— Спасибо! — с чувством пожал товарищу руку Хасанов.

Поступок Серпухова и удивил и обрадовал всех рабочих цеха. Такое здесь случалось не часто.

Саша и Хасанов не отходили от Рустама ни на шаг. Они внимательно наблюдали за первыми его, ещё робкими движениями, показывали, как лучше пропускать шпульку между нитями основы, какие движения лучше и удобнее выполнять ногами, чтобы свободнее были руки, молниеносно устраняли допущенные новичком огрехи. Потом спешили к своим станкам. Помощь помощью, а на них тоже лежит план.

Рустам проработал без отдыха до самого обеда. Устал до зелёных кругов в глазах, хотя сделал значительно меньше других. Всё тело покрылось неприятной липкой испариной, руки и ноги, каждую косточку ломало так, то хоть кричать хотелось. «Шефы» уже несколько раз предупреждали своего подопечного, что так изводить себя с самого начала нельзя. На первых порах, пока придёт сноровка, выработается автоматизм в движениях, надо чаще отдыхать. Однако Рустам ни за что не хотел останавливать станок, чтобы размять затёкшие ноги и спину, дать отдохнуть рукам.

В первую половину дня в цех раза два, будто случайно, заходила Зоя Кузьминична. И каждый раз задерживалась на участке, где работал Рустам, о чём-то вполголоса говорила с Хасановым и Сашей. Рустама трогала эта забота и в то же время несколько сковывала. И без того неуверенные его движения становились совсем замедленными, вялыми, беспорядочными.

— Шефы ваши жалуются, — наклонилась к Рустаму Зоя Кузьминична. — Говорят, не отдыхаете совсем. Так нельзя. И вам вредно... И на качестве работы отражается.

В это время со двора слышались резкие металлические звуки. Наступил обеденный перерыв. Часть рабочих ушла обедать домой, остальные направились в столовую.

Рустам, выйдя вместе с Сашей из цеха, с наслаждением умылся под одним из жестяных умывальников, до хруста в костях потянулся.

— Ну, как начало? — с улыбкой спросил подошедший Хасанов. — Небось каждая жилочка трясётся...

— Есть такое, — прижался Рустам.

— Это с непривычки, пройдёт, — подбодрил товарища Саша.

— А знаете что, пойдёмте ко мне, — предложил Хасанов. — Жена сейчас в отпуске, поэтому готовит настоящие, а не на скорую руку, домашние обеды. А к столовой ещё успеете привыкнуть.

— Как-нибудь в следующий раз, — не решился Рустам принять приглашение. — Спасибо... Да и рабочую жизнь хочется и с рабочей с головой начать.

— Напрасно, борща бы отведали отменного. Хотя и без мяса, но пальчики оближешь.

— Нет, нет, спасибо, — уже решительно запротестовал Рустам.

Он понимал, что приглашение идёт от всего сердца, но знал и другое — с питанием у рабочих не густо. Так что на традиционное гостеприимство надо делать самим временем порождённую поправку.

После обеда они зашли к Саше. Его жена Муаттар заварила чаю и сама присела к столу.

— Рустам... Можно, я буду вас... тебя... ну, просто, по имени называть? — спросил смущённо Саша.

— А почему бы и нет?

— Рустам, ты, кажется, учился до войны?

— Да, в педагогическом институте. На факультете языка и литературы. Заочно, правда. А теперь вот переучиваюсь. Только трудновато даётся мне это.

— Премудрости эти — не из самых страшных. Лиха беда — начало. И потом, система Брайля лишь вспомогательное средство для таких, как ты. Ведь основные знания, фундамент уже есть. Его только укрепить надо да стены нарастить...

— Я и сам об этом подумываю, — признался Рустам, — Есть мечта всё-таки закончить институт и в школу вернуться. Ведь я уже работал учителем... до войны, привык к ребятишкам. Только...

— Правильная мечта, — горячо поддержал товарища

Саша, — И без всяких «только!». Значит, решено? В институт будем поступать вместе,

— Как решено? — растерялся от неожиданной категоричности Саши Рустам. — Прямо вот так, сразу?..

— А чего раздумывать! Я в этом году кончаю десятый класс вечерней школы. Вот и получается, что нам вместо надо начинать грызть гранит науки.

Муаттар с улыбкой слушала разговор. Её забавляла растерянность Рустама. А Саша, он всегда так: родилась идея — должна делом стать. Муаттар была уверена: учиться теперь Рустаму в институте, даже если это и пугает его. Саша не из тех, кто отступает, особенно если заявил о чем-нибудь во всеуслышанье.

Вошла Зоя Кузьминична. У неё было какое-то дело и Муаттар. Рустам сразу оживился, но как-то нервно. Стал беспокойно ёрзать на стуле.

— Что с вами, Рустам? — удивилась Долгова.

Что с ним? Да то, что вчера Света получила письмо от Петра Максимовича, в котором ещё раз сообщалось, что Зоя Кузьминична училась перед самым началом войны на первом курсе сельскохозяйственного института. Мать её звали Мария Сергеевна, а отца — Кузьма Яковлевич. Было у неё ещё двое младших братьев, которые погибли от рук гитлеровского палача во время допроса Марии. Рагозин просил осторожно уточнить всё это, а в заключение письма предупредил, что они с Евдокией Васильевной и Марией — он, оказывается, уговорил её переехать из Москвы в Нальчик — на днях выезжают в кишлак. Уточнить! Но как это сделаешь, да ещё осторожно?

— Так что с вами случилось? — переспросила Зоя Кузьминична.

— Сколько вам лет? — даже для него самого неожиданно сорвалось с языка Рустама.

— Женщинам такие вопросы задавать не принято, — грустно улыбнулась она. — Или я уже на такую безобразную старуху стала похожа, что и возраст определить трудно?

— Что вы!.. Вы такая красивая...

— Это уже начинает походить на объяснение в любви, — рассмеялась Зоя Кузьминична. — В условиях современного промышленного производства.

Саша, не удержавшись, прыснул.

— Зоя Кузьминична, расскажите, пожалуйста, о себе, о своей жизни.

— О! А жених-то, оказывается, человек обстоятельный. Может быть, мне и анкету заполнить?

«Хоть и смешно, но это было бы очень даже кстати сейчас», — подумал Рустам, а вслух сказал:

— Да нет, анкету не надо. Но просто у меня привычка, потребность такая: лучше знать своих друзей.

— Похвальная потребность. Только давайте сразу договоримся: на меня её не распространяйте, — голос у Зои Кузьминичны дрогнул. — Оставим мою жизнь в покое... Тем более, что через несколько минут заканчивается перерыв.

И она вышла из комнаты.

«Вот и уточнил! — растерянно думал Рустам, шагая за Сашей в цех. — Нет, не гожусь я в дипломаты».

— А чего это ты вдруг биографией Зои Кузьминичны заинтересовался? — не выдержал молчавший до этого Саша.

— Да надо... Понимаешь, позарез надо!

— И что же тебя интересует? Может быть, я помогу. Мы с Зоей Кузьминичной уже давно знакомы.

— Только о нашем разговоре не должен никто знать.

— Не должен, значит, не будет.

— Скажи, Саша, какая у неё до войны была семья?

— Семья? Да ты что! Она же ещё совсем девчонкой была. Ей и сейчас-то чуть больше двадцати пяти...

— Я не о такой семье. Ну, отец с матерью, братья, сёстры.

— Всех война раскидала, — вздохнул Саша. — Они в деревне жили, а Зоя Кузьминична в городе, в сельскохозяйственном институте училась. Так до сих пор ничего и не узнала об отце с матерью и братишках. Переживает очень, хоть и виду не подаёт. А ты сейчас вопросами своими и разбередил старые раны.

— А сколько у неё братьев было? — остановился Рустам.

— Двое... Да что, в самом деле, с тобой?

— Ничего. Скоро сам всё узнаешь. Только о разговоре нашем, ещё раз прошу, никому ни слова.

Саша лишь досадливо пожал плечами.

После обеда Рустам решил последовать советам друзей, стал работать с небольшими перерывами на отдых.

Дома он несколько раз принимался рассказывать Мухаббат, как прошёл рабочий день, какие на предприятии замечательные люди, и какая у него, Рустама, получилась цинковка. Загляденье!

— Так уж и загляденье? — улыбнулась Мухаббат.

— Ну, не так чтобы так, но и не очень чтобы очень, — повторил Рустам по-русски слыша иную от кого-то шутку.

— Ничего, — уже серьёзно проговорила Мухаббат. — Скажу и я по-русски: первый блин всегда комом.

В комнату вбежала запыхавшаяся Света. В руках у неё была телеграмма.

— Едут! — крикнула она с порога. — Все едут...

Вскоре пришли и Фазыл с тётёй Фросей и Санобар-ака. Долго совещались, как лучше устроить встречу Зои Кузьминичны с родными.

— Ты ей самой ничего пока не говори, — посоветовала тётушка Хаджия. — Не приведи аллах, ошибка выйдет. Лучше пусть родители сначала глянут на неё издалека, незаметно. Ты там какой-нибудь знак дашь. Если это их дочь, тогда всё и открой, а нет — пусть хоть одним старикам больно будет. Мы, старики, привыкли к болям, нам легче их переносить.

Гости должны были приехать на следующий день. Рустам всю ночь проворочался без сна, строя мысленно десятки планов встречи. Не переставал он думать об этом на работе. В результате цинковка получалась ещё хуже вчерашней.

— Н-да, — только и произнёс начальник цеха, лишь глянув на «продукцию», изготовленную новичком.

Рядом как раз проходила Зоя Кузьминична.

— Рустам, да что с вами со вчерашнего дня происходит? — уже не на шутку встревожилась она. — Может быть, заболели?

— Здоров я, — потупился Рустам. — Вполне здоров...

— Так в чём же дело?

— Пока я ничего не могу сказать.

— Что значит «пока»? Вы уже второй день меня загадками изводите. Вчера заставляли биографию рассказывать, а сегодня вообще сплошная таинствен-

ность. Подтянитесь, товарищ Шакиров! — шутливо прикрикнула она на Рустама.

— Есть, подтянуться, товарищ заместитель директора! — обрадовался он возможности скрыть за шуткой своё состояние.

Рабочий день заканчивался, а никого из кишлака на было. Рустам стал ещё больше нервничать. Саша догадывался, что должно произойти что-то очень важное, и потому, пошептавшись с Хасановым, подошёл к Рустаму.

— Ты совсем не в себе. Мой тебе дружеский совет — выключай станок и...

Не успел он договорить, как в дверях цеха появился какой-то паренёк и крикнул:

— Кто здесь Рустам Шакиров?

— Я...

— Вас там у проходной спрашивают.

Рустам вскочил и чуть ли не бегом бросился из цеха.

Мухаббат, Света и Фазыл поджидали его уже во дворе. Женщины были в нарядных платьях из хапатласа, в сверкающих лаком туфлях на высоком каблуке. А Фазыл нарядился в шёлковую рубашку с короткими рукавами и белые брюки.

— А где остальные? — едва подбежав, спросил Рустам.

— Здесь, за воротами. И Кузьма Яковлевич с ними... — успокоила мужа Мухаббат. — Только Пётр Максимович прилететь не смог. Снова дела помешали. Ты бы только видел встречу Кузьмы Яковлевича и Марии Сергеевны! Едва глянули друг на друга — и в слёзы, и обниматься! А где же Зоя Кузьминична?

— Сейчас я найду её, — Рустам заспешил обратно в цех, но навстречу ему уже шёл Саша. — Саша, надо срочно разыскать Зою Кузьминичну.

— А чего её разыскивать! Она в цехе, с Хасановым разговаривает.

— Так зови её побыстрее... Нет, нет!.. Не особенно торопи... В общем, попроси пройти к проходной.

Саша, ни о чём не спрашивая, ушёл. Вскоре он вернулся с Зоей Кузьминичной.

— У меня к вам есть личный разговор, — тут же подошла к ней Мухаббат. — Отойдёмте на минуту в сторонку...

— Ну что ж, отойдём, — согласилась Зоя Кузьминична.

Едва они сделали несколько шагов, Мухаббат порывисто обняла её и горячо зашептала:

— Подруженька!.. Ой, что это я? Можно вас так называть?

— Можно, можно, — разрешила Зоя Кузьминична и с улыбкой добавила: — Вы совсем меня все с толку сбили. Рустам второй день странный какой-то. А теперь ты...

— Скоро и ты будешь, Зоя! — заговорщически пообещала Мухаббат. — Мы такую тебе радостную весть принесли, что и во сне не приснится! Мы разыскали твоих папу и маму...

— Правда?! А?.. Ты правду говоришь?

Зоя Кузьминична бросилась обнимать Мухаббат.

— Пойдёмте, они ждут вас, — сказала Света.

Однако Зоя Кузьминична никак не могла отпустить Мухаббат. Она смеялась и плакала одновременно. От радости. От потрясения и счастья.

Наконец слова Светы дошли до Зои Кузьминичны. Она отпустила Мухаббат

и вскрикнула:

— Где они?

— Здесь, здесь, за воротами ждут, — Мухаббат взяла Зою Кузьминичну под руку.

Едва они показались на пороге проходной, как мать с отцом бросились навстречу дочери. Раненная на фронте нога мешала Кузьме Яковлевичу бежать, и поэтому он, захромав, отстал от жены. Мария первой подбежала к дочери и крепко обняла её. Следом, запыхавшись, подоспел и Кузьма Яковлевич. Он остановился и, глядя на жену и дочь, беззвучно плакал, даже не вытирая слёз.

— Доченьку мою, ластыньку, лишила проклятая война глаз, — глухо выдохнул сквозь слёзы Кузьма Яковлевич.

— Не горюй, отец, не надо сегодня проклятий, — повернулась к мужу Мария. — Разве не счастье, что мы встретились, будем теперь всегда вместе!

В это время к ним подошли Хасанов с Сашей. Услышав радостную новость, они от всей души поздравили Зою Кузьминичну и её родителей. Рустам что-то шепнул на ухо Фазылу. Тот, молча кивнув в ответ, глянул на Сашу с Хасановым.

— О чём это вы шепчетесь? — не удержался Саша от вопроса.

— Всё это похоже на сказку, Саша! Хотя и самая настоящая жизнь. Да, жизнь только тогда настоящая, когда люди идут по ней дружно, одной семьёй. Спасибо вам, друзья мои! — благодарно произнёс Рустам. — Вы помогли мне вернуться к настоящей жизни!

ЭПИЛОГ

Рустама Шакирова, как и многие миллионы советских людей, опалил жестокий огонь войны. Ему суждено было принять на себя страшный удар — потерять зрение. Однако он выстоял, чтобы бороться, и боролся, чтобы победить. И победил.

... Рустам и Мухаббат встают теперь рано. Торопливо завтракают и спешат на работу. Мухаббат в поле, а Рустам в город.

Сегодня члены бригады Мухаббат приступают к уборке урожая. В честь этого и звучат с утра торжественно и ликующе карнай и сурнай. Да, этот день для хлопкоробов особенный. Это первый день осени, когда воочию видны плоды рук их, плоды долгих дней напряжения и забот, бессонных ночей и тревог и ожиданий. Пот, пролитый в неустанном труде, обернулся драгоценностями обильного урожая, бесценным «белым золотом». Только недавно, казалось, нежные зелёные ростки, проклюнув грудь земли, робко потянулись к солнцу. А потом они выбросили листочки, заветвились, зацвели, затем появились коробочки, которые, наконец, превратились в белоснежные хлопковые комочки.

Первый сентябрьский рассвет. Горизонт на востоке окрасился в яркий кумачовый цвет, от которого бежала густая ночная темень. Звёзды, украшавшие бескрайнее и бездонное небо, перестали лучиться, как остывающие угольки, и одна за другой растворялись в прозрачной синеве. Первые лучи ещё полетнему жаркого солнца осветили вершины гор, потом золотистыми волнами хлынули на горные пастбища, ниже, на хлопковые поля, расплавленным золотом сверкнули в прозрачных струях Чирчика. Вокруг тишина. Только свежий утренний ветерок, словно вздох просыпающейся природы, чуть слышно шелестит сонной и тяжеловатой от утренней росы листвой деревьев.

И жизнь моих героев по-настоящему светла и радостна.

Рустам теперь один из лучших рабочих на предприятии. Он поступил учиться на вечернее отделение педагогического института. Сегодня после работы они вместе с Сашей пойдут на первые лекции.

Да, Рустам и Мухаббат бесконечно счастливы. Это чувствуется в каждом их слове, в каждом движении и взгляде.

... Одевшись, они спешат каждый по своим делам.

Рустам уже свернул было к автобусу, когда Мухаббат протянула ему руку:

— До вечера...

Рустам крепко и нежно пожал её, поцеловал:

— До свидания, родная моя, до вечера!

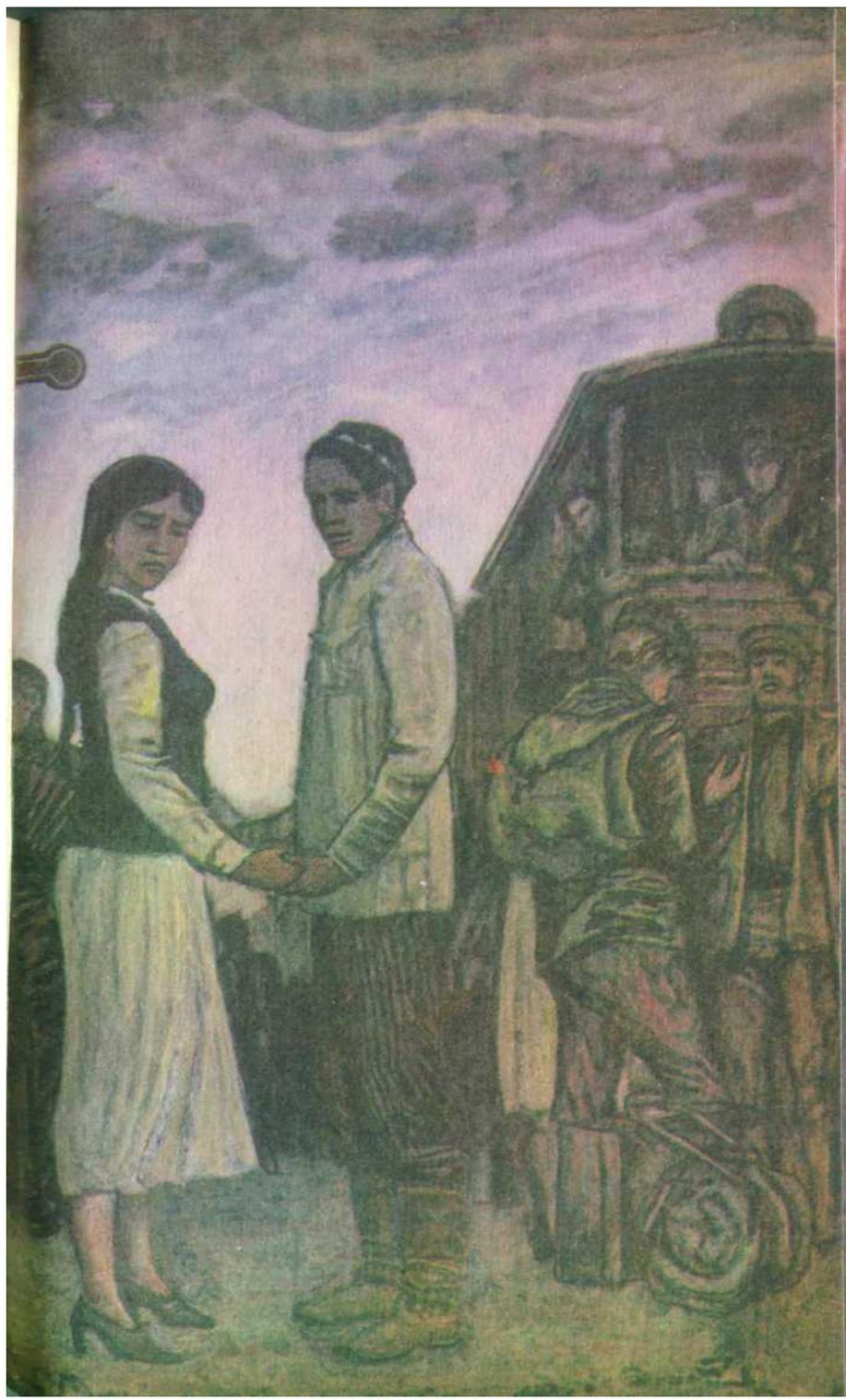
Мухаббат, поддерживая концы платка, которыми шаловливо играл утренний ветерок, быстро ушла. Но, сделав несколько шагов, обернулась и, как их сынишка, несколько раз взмахнула полусогнутой ладонью:

— До свидания...

Рустам шепчет в ответ:

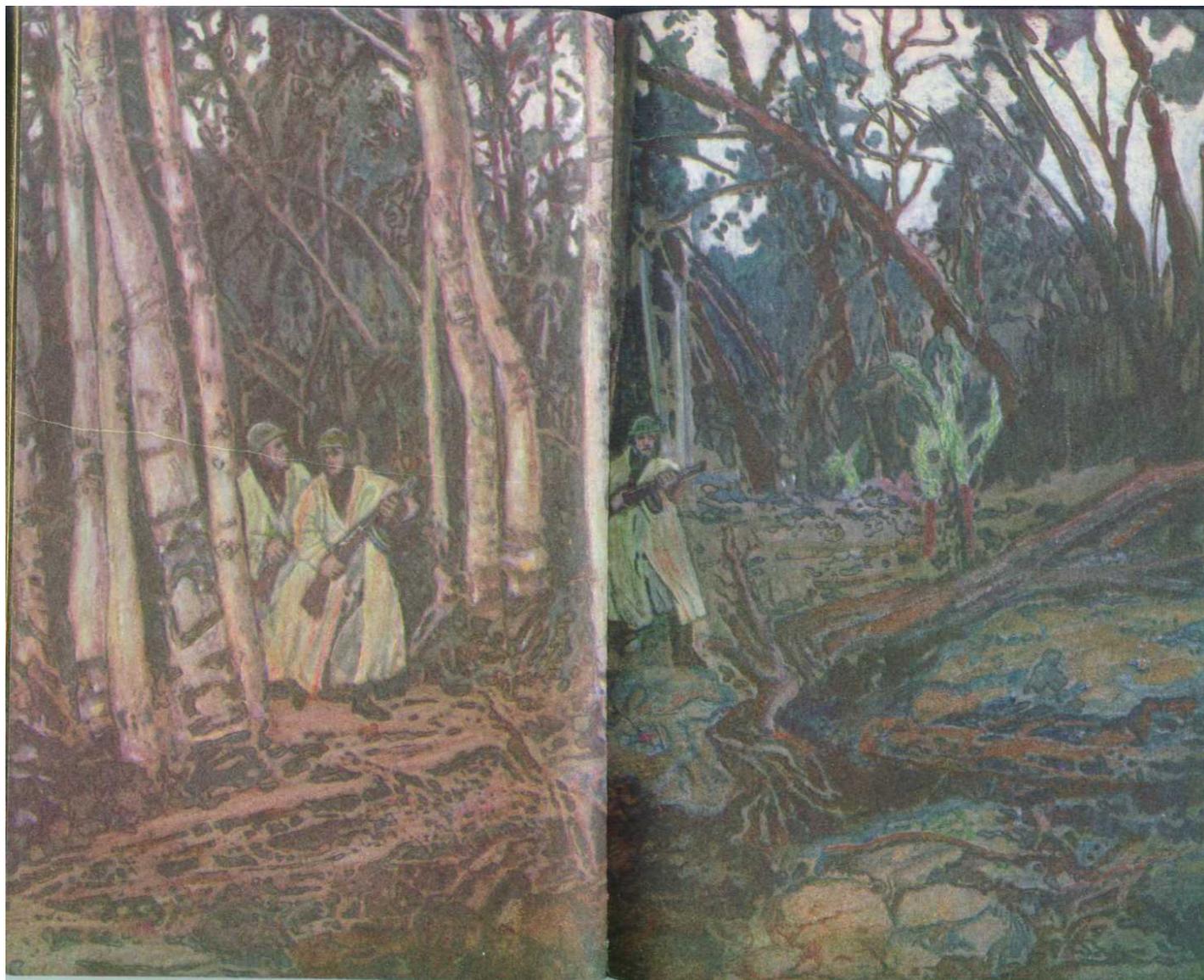
— До свидания, верная моя, до свидания, судьба и радость моя!..

Цветные вкладки-иллюстрации

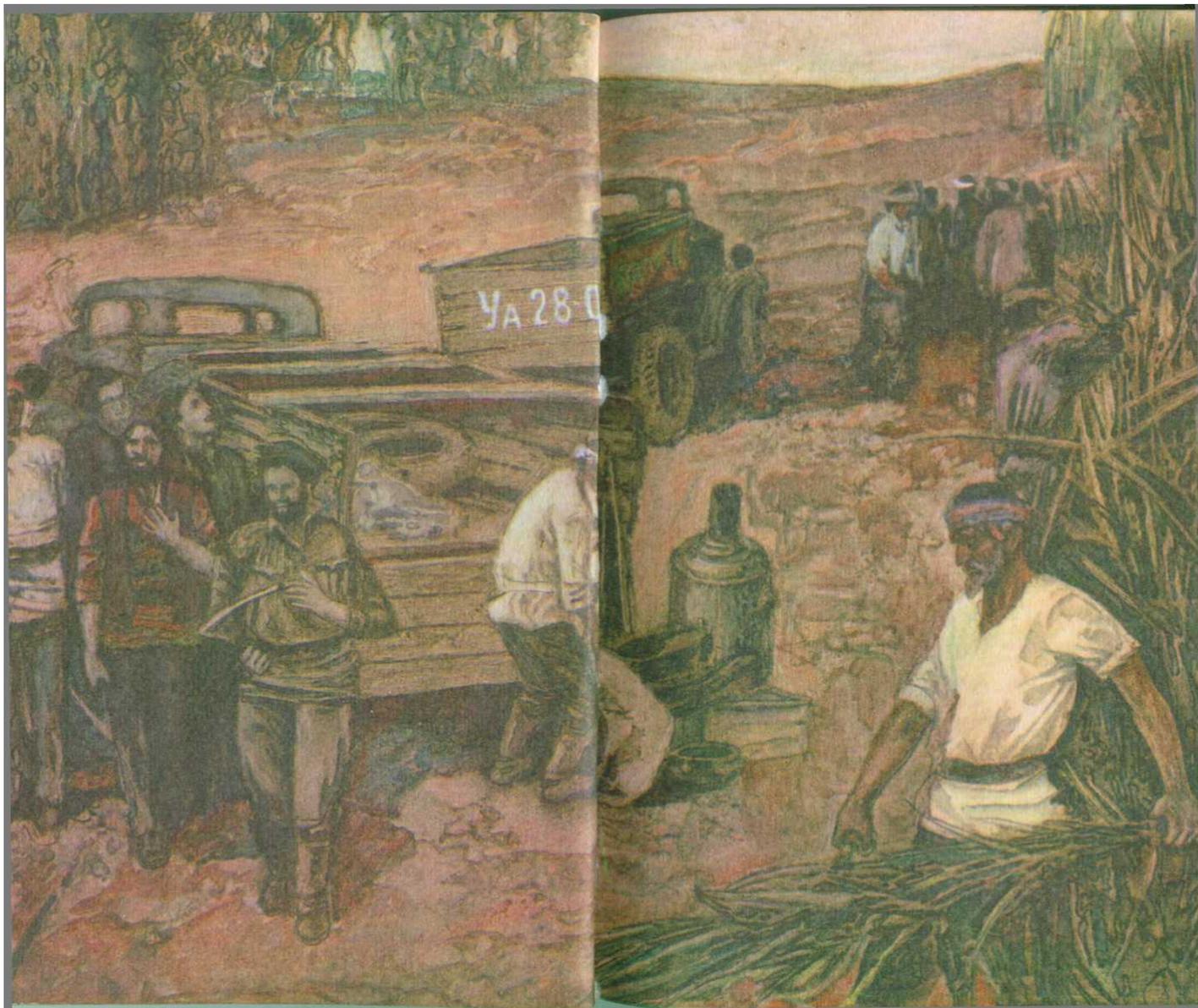

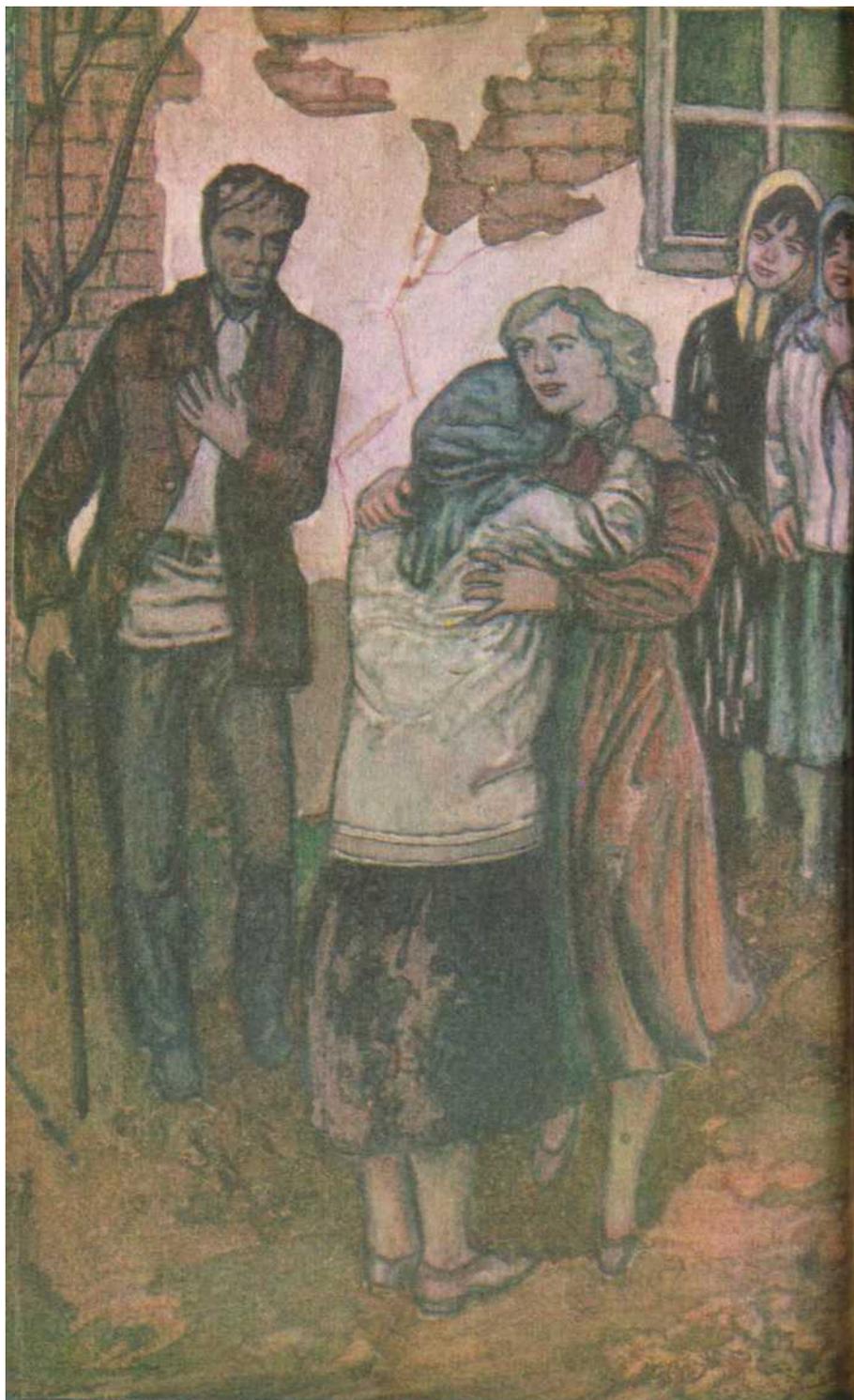

Вали Гафуров — человек трудной и удивительной судьбы. Подвиг его, участника Великой Отечественной, длится более четырех десятилетий. Будучи тяжело ранен, потеряв на фронте зрение, Вали Гафуров не сдался. Он начал писать книгу о подвиге народа, о своих фронтовых друзьях, о Рустаме Шакирове, прототипом которого является сам автор.

Им созданы две книги «Роман, написанный иглой» и «Верная», объединенные в данном издании в диологию.

За свой литературный труд Вали Гафуров награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Примечания

1

Абу Али ибн-Сина (Авиценна) — знаменитый средневековый философ, врач, естествоиспытатель и поэт Средней Азии (род, около 980 г., умер в 1037 г.).

[^^^]